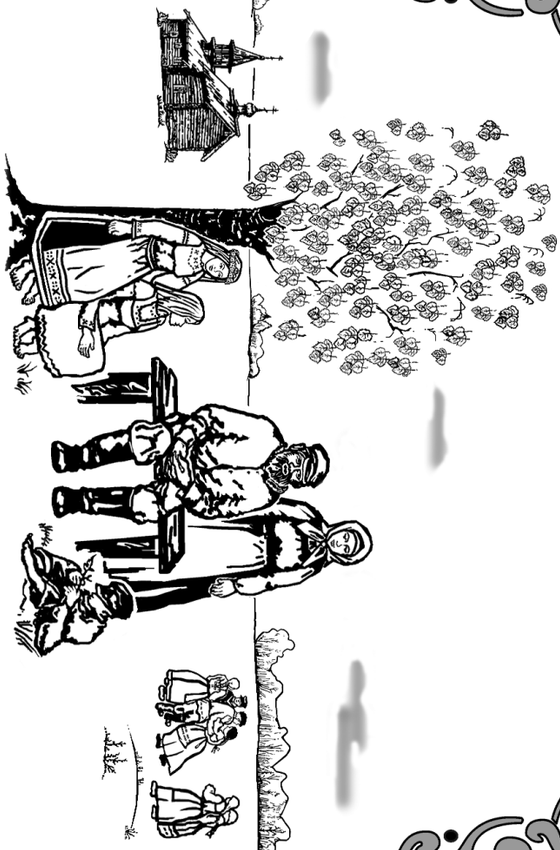
Исполнители фольклорных произведений

Исполнители фольклорных произведений

(Карелия. Кижи)

Посвящаю светлой памяти
моей мамы
Татьяны Никифоровны Родькиной

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи…
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

Н. Рубцов. Тихая моя родина
/ Прощальная песня. М., 1997. С. 73

Я родился с сердцем Магеллана
И, стихию странствий полюбив,
Кроме дива сельского барана
Я открыл немало разных див!
Но над всем, что в памяти теснится,
Есть одна магическая власть:
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
……..

Н. Рубцов. Долина детства / В. Дементьев.
Дар Севера. М., 1973. С. 249

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

ИСПОЛНИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ЗАОНЕЖЬЕ. КАРЕЛИЯ)

Издание подготовила
Т. С. Курец

Петрозаводск
2008

УДК 398(470.22)
ББК 82.3(2 Карел.)
К 93

Курец Т. С.

К 93 **Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)** / Издание подготовила Т. С. Курец. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – 372 с., ил. 60.
ISBN 978-5-9274-0286-1

Книга посвящена исполнителям устного народного творчества Заонежья, Повенецкого побережья и Выгозера. Она знакомит читателя с их автобиографиями (рассказами о жизни), психологическими портретами и творческими характеристиками, наблюдениями собирателей об отношении их к народным традициям, с выступлениями известных сказителей в С.-Петербурге, Москве и других городах, в том числе и за границей. Во вступительной статье говорится о собирании фольклора в Заонежье. В примечаниях приводятся пожанровые характеристики репертуара каждого исполнителя, сведения о собирателях и годах записи, указаны публикации текстов и их перепечатки. Работа дополнена указателем исполнителей, иллюстрирована схемой-картой и фотографиями многих исполнителей. Для подготовки издания использованы материалы научного Архива КарНЦ РАН и публикации собирателей-исследователей начиная с XIX века и до наших дней.

Книга предназначена для фольклористов, этнографов, литераторов, преподавателей, студентов, а также для широкого круга читателей, неравнодушных к народным традициям.

Kurets T. S.

K 93 **Folklore performers (Zaonezhje. Karelia)** / Edition prepared by T. S. Kurets. – Petrozavodsk: Karelian Research Center, RAS, 2008. – 372 p., illustr. 60.

The book is devoted to performers of the oral folklore of Zaonezhje, Povenets shore and Vygozero areas. It tells the reader about their life stories, personal and artistic characteristics, collectors' impressions of their attitude towards traditions, about performances by well-known narrators in St. Petersburg, Moscow and other cities, abroad, too. The preface relates the history of folklore gathering in Zaonezhje. Notes describe the genres in the repertoire of each performer, provide information about the collectors and years of recording, refer to text publications and reprints. The volume contains also the Performer index, map and photographs of many of the performers. The book was prepared using materials from the Karelian Research Centre Archives and publications of folklore collecting researchers since the 19th century to our days.

The publication is meant for specialists in folklore, ethnography, literature, for professors and students, as well as for any reader interested in folklore traditions.

Рецензенты: д.ф.н., проф. **С. М. Лойтер**, к.ф.н. **В. П. Кузнецова**

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 07-04-16004 д)

УДК 398(470.22)
ББК 82.3(2 Карел.)

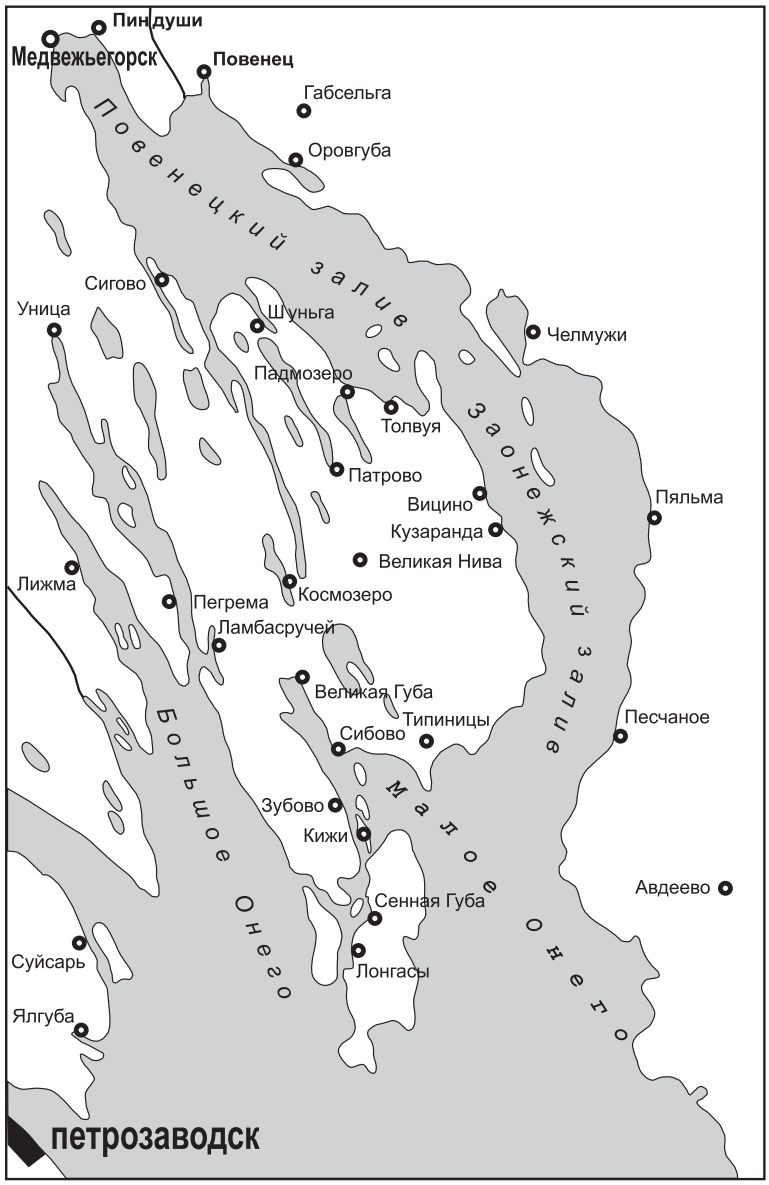
ISBN 978-5-9274-0286-1

© Т. С. Курец, состав., предисловие, вступ. статья, примеч., указатель исполнителей и т. д., 2008
© Карельский научный центр РАН, 2008
© Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 2008
© И. В. Хеглунд, обложка, редактирование фотографий, схема–карта, 2008

Храни огонь родного очага,
Но не позарься на костры чужие!
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
– Храни огонь родного очага!

Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он,
Не потянись за черноземом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!
……

Ольга Фокина. Полудница. Архангельск, 1978. С. 9

Русский Север – вот та обетованная страна, где <…> суждено было сохраниться драгоценным песням старого времени. <…> Кому же русский народ обязан сохранением <…> этих замечательных старинных песен? Кто эти счастливые хранители старинного художественного наследия? Их надо искать не в блестящих концертных залах столичных городов, не среди самых образованных артистов и поэтов, а в глухих северных деревнях, в скромных деревенских избах, среди неграмотных простых крестьян.

Б. Соколов. Сказители. М., 1924. С. 16

При шуме зимних вьюг; под сенью безопасной
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.

К. Батюшков (из его переводов А. Тибулла) / В. Дементьев. Дар Севера. М., 1973. С. 66

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Заонежье с его самобытной в прошлом материальной и духовной культурой, нашедшей отражение в храмово-бытовой архитектуре, в прикладном искусстве, в семейных обрядах и верованиях, в производственно-бытовой магии и в различных жанрах устно-поэтического творчества, известно, думаю, всем, кто интересуется традиционной народной культурой.

Предками заонежан были выходцы из средней и южной России, которые по разным причинам начиная с XIV в. переселялись в неизведанные места, подальше на север, в том числе и в Заонежье[1].

Это были мужественные и трудолюбивые, сметливые и предприимчивые люди. На новом месте им пришлось заново обустраивать свою жизнь. Несмотря на трудности и суровые климатические условия, они строили высокие двухэтажные хоромы, украшенные деревянными резными наличниками и балконами; изготовляли хозяйственный инвентарь, лодки-соймы, рыбачили и разводили скот, разрабатывали землю, воздвигая вокруг полей каменные ограды; создавали большие и крепкие семьи. На всем, что они делали, лежала печать прочности и надежности. Лучшие свои качества они передавали потомкам, а те, в свою очередь, старались достойно следовать им.

На новые земли они перенесли и свои традиции, а, слившись с местным населением края, создали уникальную культуру, где переплелись славянское и дославянское, архаика и современность. Устное народное творчество, удерживаемое памятью крестьян, расцвело здесь в полную силу.

Предлагаемая читателю работа содержит материалы об исполнителях устного народного творчества Заонежья, Повенецкого побережья и Выгозера. Известно, что богатство, самобытность и уникальность традиционной духовной культуры обусловлены, главным образом, личностью сказителя, поэтому в истории фольклористики во все времена личность носителя фольклорных традиций то в большей, то в меньшей степени интересовала исследователей. Фольклористам важна любая информация о нем, поскольку не только половозрастные, социопрофессиональные и психологические характеристики, биографические обстоятельства и образ жизни, но и ситуация исполнения и настроение сказителя в момент сказывания во многом определяют его репертуар и само существо текста – выбор мотивов, образов, его функцию и стиль.

[1] Подробнее об этом см.: Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении // Крестьянское искусство СССР. Вып. 1. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 12–13; Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 6–15; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993. С. 3–12.

В корпус работы вошли сведения о 313 исполнителях фольклора Заонежья, еще о 8-ми сказано под общими номерами с другими (см. № 12, 61, 62, 76, 113, 228, 238, 279), из них женщин – 233, мужчин – 88, в том числе детей до 16 лет – 6 (см. № 34, 53, 61, 103, 117, 208). В XVIII в. родились 7 исполнителей, в XIX – 211, в XX – 87, у 16 – год рождения не известен. Сказители расположены по алфавиту, каждый имеет порядковый номер.

Степень мастерства и опыт сказывания у них разные: есть рядовые исполнители и подлинные мастера, кого называют высоким словом «сказитель». Традиция одних нашла продолжение в учениках, у других стала семейной, у некоторых не получила своего развития, но все они достойные люди и интересные личности.

А чтобы донести до читателей как можно больше имен носителей устно-поэтического творчества, сохранить о них память, принципом включения того или иного сказителя в корпус работы была не степень его известности, а наличие хотя бы минимума информации о нем. Фольклористам общеизвестно, что творческий потенциал многих информантов, как правило, не исчерпывается зафиксированными текстами и жанрами. Общаясь в экспедициях со знатоками фольклора, знакомясь с их репертуаром и записывая тексты, собиратели проделывают титаническую работу, но их возможности, к сожалению, ограничены временем и другими обстоятельствами, и многое остается за рамками зафиксированного.

Материалы о носителях фольклора включают прежде всего их собственные рассказы о жизни, биографические справки, наблюдения собирателей о их поэтической и музыкальной одаренности, о памяти, о манере исполнения, о занятиях и быте, об отношении к народным традициям; учтены опубликованные фольклористами-исследователями психологические портреты и творческие характеристики на исполнителей, сведения о публичных выступлениях известных сказителей как в России, так и за границей и т. п.

Все эти сведения представляют интерес не только в фольклорном аспекте, они важны как исторические и социальные документы, так как несут на себе отпечаток времени, которое отражается на судьбах сказителей, а, следовательно, и на народных традициях.

Примерный расклад по исполнителям и жанрам в данной работе выглядит так: от 155 сказителей записаны былины, баллады, исторические песни и духовные стихи; от 100 – песни, романсы, частушки; от 91 – о свадебном обряде, свадебные приговоры и свадебная лирика; от 88 – причитания солдатские, похоронные, поминальные и бытовые; от 70 – сказки; от 43 – приметы, верования, о магии, о гаданиях; от 36 – этнографические и бытовые рассказы; от 36 – пословицы, поговорки, загадки; от 20 – былички; от 17 – предания; от 17 – о посиделках (бесёдах) и о бытовании жанров; от 11 – о народной медицине; от 9 – диалектные слова и топонимика; от 7 – считалки, игры.

Для разыскания материалов о носителях фольклорных традиций и их репертуаров задействована широкая источниковедческая база. В первую очередь, использованы полевые записи Научного архива Карельского научного центра

РАН[1], многочисленные публикации собирателей-исследователей, начиная с XIX в. и до наших дней, – П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, Ф. М. Истомина, А. А. Шахматова, М. Н. Сперанского, В. Ф. Миллера, Б. М. и Ю. М. Соколовых, В. И. Чичерова, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, А. М. Астаховой, А. И. Никифорова, И. В. Карнауховой, Н. П. Колпаковой, В. Г. Базанова, А. П. Разумовой, К. В. Чистова, Н. А. Криничной, С. М. Лойтер, В. С. Бахтина, С. В. Воробьевой, Т. А. Мошиной, Н. И. Шилова, Б. и В. Гущиных и многих других.

Вступительная статья знакомит с историей собирания устного народного творчества в Заонежье.

В примечаниях приводятся пожанровые характеристики репертуара сказителей, фамилии и инициалы исполнителей и собирателей, место и год записи, номера коллекций, в которых находятся тексты в Архиве КарНЦ РАН, указываются источники публикаций текстов и их перепечатки. Хранящиеся в фонотеке Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН не расшифрованные от них записи не учитывались.

По исполнителям, сведения о которых взяты из публикаций, а записанный от них в Заонежье фольклорный материал хранится в архивах других научных учреждений, нами учтены в примечаниях только опубликованные в этих изданиях тексты.

В Указателе исполнителей приведены сведения, которыми располагала составитель: указаны их фамилии, имена и отчества; если были известны, – год и место рождения, грамотность, родственные связи.

Издание дополнено фотографиями многих исполнителей.

Составитель сожалеет, что за рамками работы осталось множество исполнителей Заонежья с богатым и разнообразным репертуаром, о которых в записях Архива КарНЦ РАН отсутствуют какие бы то ни было сведения, кроме паспортных.

В то же время смею предположить, что материал о многих носителях народных традиций, вошедший и не вошедший в работу, в том числе и фольклорные тексты, можно найти дополнительно в архивах Петрозаводского Госуниверситета, Карельского Государственного Педагогического университета, Петрозаводского Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи», Карельского Государственного краеведческого музея и в научных архивах С.-Петербурга и Москвы.

В заключение выражаю сердечное спасибо всем без исключения носителям устного народного творчества. Чем быстрее происходит затухание народных традиций, тем ощутимее становится их значимость. Пусть эта работа будет скромной данью памяти и уважения этим замечательным людям, почитавшим и почитающим традиционную народную культуру. Одновременно хочу надеяться, что и молодое поколение не утратит интереса к духовным истокам предков – к народным традициям и будет проявлять уважительное отношение к тем, кто хранил и хранит эти традиции.

[1] Далее: Архив КарНЦ РАН (АКарНЦ РАН).

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем собирателям и авторам публикаций, дирекции Института языка литературы и истории КарНЦ РАН, коллективу сектора фольклора во главе с д.ф.н. Н. А. Криничной, рецензентам: д.ф.н., профессору С. М. Лойтер и к.ф.н. В. П. Кузнецовой, лаборанту-исследователю Н. С. Авдышевой, инженеру-программисту Н. Л. Шибановой, к.и.н. К. К. Логинову, к.и.н. И. Ю. Винокуровой, к.ф.н. А. В. Пунжиной, художнику И. В. Хеглунд, переводчице О. С. Кисловой, сотрудникам архива и библиотеки КарНЦ РАН, а также Л. А. и А. П. Андреевым.

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЗАОНЕЖЬЕ

Собирание фольклорно-этнографического материала в Олонецкой губернии началось с середины XIX в. Огромная заслуга в этом принадлежит С. А. Раевскому, другу М. Ю. Лермонтова, сосланному в Петрозаводск за распространение его стихотворения «Смерть поэта»[1]. По мнению литературоведа В. Г. Базанова, Раевский «был фактическим организатором и редактором первой олонецкой газеты, ему обязаны „Олонецкие губернские ведомости“ своим направлением, появлением исключительно интересного отдела – „Неофициальная часть“[2]» – «Прибавления». В 1838 году, в первый и последующие годы издания ОГВ, редакция опубликовала в «Прибавлениях» к официальной части газеты ряд статей[3], в которых обращала внимание на ценность памятников устного народного творчества, на значимость их собирания и изучения, в качестве примеров приводила тексты песен, причитаний, преданий. Обращаясь неоднократно к сельской интеллигенции – к учителям, священнослужителям и чиновникам, среди которых были любители старины, редакция призывала их сообщать в газету все, что касается истории, этнографии и статистики края: присылать описания исторических памятников, церквей, монастырей; записывать песни, сказки, побасенки, предания, имеющие историческую основу, пословицы, поговорки, присловья, изречения, загадки, поверья, суеверья, приметы, народные обычаи, свадебные и поминальные обряды, словари простонародного языка и местные изречения. Памятники устного народного творчества редакция просила записывать как можно полнее и точно так, как рассказывают, слово в слово, не обращая внимания на их содержание, а порой и кажущееся бессмыслие.

В первые два года, по признанию редакции, откликов не было. Чтобы «поддерживать издание» и возбудить у жителей губернии интерес к этой проблеме,

---

[1] Кийранен И. Петрозаводск. Изд. 2-е. Петрозаводск, 1995. С. 30; далее ОГВ.

[2] Базанов В. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 22. Далее сокращенно: Базанов, 1947.

[3] Р. О предметах и цели издания Прибавления к ОГВ / ОГВ, 1838. № 22. Прибавление № 1; Одно из воспоминаний о государе-императоре Петре Великом – «Серебряная чарка Петра Великого» / ОГВ, 1838. Прибавление № 2; Миролоев. О собирании русских народных песен, стихов, пословиц и т. п. / ОГВ, 1838. Прибавление № 11; Раевский С. О простонародной литературе / ОГВ, 1838. № 40. Прибавление № 12; № 41. Прибавление № 13; № 47. Прибавление № 19; № 50. Прибавление № 21; Р. О предметах и цели издания неофициальной части – Прибавления к ОГВ / ОГВ, 1841. № 8 – неоф. часть; О преданиях / ОГВ, 1841. № 44. Прибавление к № 41–45 (см. сноску в № 44); Редактор. Народные песни Олонецкой губернии / ОГВ, 1845. № 34 – неоф. часть; А. И. О важности народных преданий / ОГВ, 1846. № 13, 14; Редактор. Местные слова и выражения в Олонецкой губернии / ОГВ, 1846. № 39, 40, 46; 1847. № 1, 34, 68; Редактор. Народные обычаи, сказки, песни, предания, поверья, суеверья… / ОГВ, 1847. № 25 – неоф. часть; и т. д.

редакция перепечатывала из Ведомостей других губерний, из столичных газет и журналов, из путевых заметок по Олонецкой губернии разные предания, легенды, рассказы-былички и т. п.

Среди первых откликнувшихся был этнограф В. А. Дашков, сын губернатора Олонецкой губернии, создавший в 1867 г. Дашковский этнографический музей в Москве. На страницах ОГВ появились публикации о народных традициях олончан[1] из его «Описания Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях»[2]. Позже откликов стало значительно больше[3], но следует заметить, что в то время собиратели в редких случаях отмечали, в какой местности и от кого записан тот или иной материал, как правило, указывали только уезд.

Из материалов, непосредственно относящихся к Заонежью, в 1843 г. ОГВ опубликовали бытовавшее в д. Кузаранда предание-поверье об острове Иванцове, куда в Ивановскую ночь прилетали из Киева в виде сорок ведьмы для сбора необычного вида и величины трав (снадобья), которые они уносили в Киев[4]; в 1847 г. – предание о Клименецком монастыре (перепечатка из СПб. Ведомостей)[5] и в 1857 г. – былину о Соловье Будимировиче, записанную в Каргопольском уезде, в примечаниях к былине собиратель (Ф. Д.) отмечал, что «в Заонежье до сих пор можно слышать много былин: поют их старики или старые женщины»[6].

Среди первых собирателей фольклора в Олонецкой губернии был сосланный в 1849 г. в Петрозаводск петрашевец А. П. Баласогло. Хотя пребывание его в губернии было очень кратким, он, собирая статистические и этнографические данные, смог записать в Заонежье большую коллекцию. Она, по словам В. Г. Базанова, содержала «79 народных песен, много сказок, пословиц, поговорок и загадок». Однако судьба ее оказалась печальной: после смерти А. П. Баласогло, попав в руки учителя Петрозаводской гимназии Дозе, коллекция была разорвана на части и роздана гимназистам на ученические тетради[7].

В 1856 г. учителем Петрозаводской гимназии, членом Олонецкого статистического комитета К. Петровым из бумаг А. П. Б<аласогло> была напечатана в ОГВ «Старина о Василии». В этой же публикации К. Петров свидетельствовал, что первым собирателем былин в Олонецком крае был начальник Олонецких горных заводов Н. Ф. Бутенев[8]. В 1857 г. из собрания А. П. Б<аласогло> газета напечатала «Предания о панах в Олонецкой губернии»[9]. Из собранных им сказок в

---

[1] Дашков В. Свадебные обряды олончан с песнями и приплакиваниями / ОГВ, 1842. Прибавления № 1, 2, 3; Он же. Святки, песни и гадания / ОГВ, 1843. Прибавления № 3, 5, 6; Он же: Похоронные обряды олончан / ОГВ, 1844. Прибавление № 5.

[2] Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб. Тип. М-ва внутр. дел 1842. XIV. 222 с.

[3] См. об этом: Виноградов Н. Фольклор Карелии. Библиографический указатель. Петрозаводск, 1937. 45 с. Далее сокращенно: Виноградов, 1937.

[4] ОГВ, 1843. Прибавление № 24.

[5] ОГВ, 1847. Прибавление № 15, 16.

[6] ОГВ, 1857. Прибавление № 30, 31, 32.

[7] Базанов, 1947. С. 27–28, 216.

[8] ОГВ, 1856. № 13.

[9] ОГВ, 1857. № 20, 22, 23.

1897 г. С. В. Максимов опубликовал в журнале «Живая старина» три из них, записанные в Сенногубском погосте: два варианта сказки «О царе-девице» и сказку «О царе и портном»[1].

Во второй половине XIX в. выпускник Московского университета П. Н. Рыбников стал первооткрывателем в Олонецкой губернии очага былинного эпоса. Сосланный в 1859 г. в Петрозаводск он пробыл здесь до конца 1866 г. Исполняя обязанности вначале секретаря, а затем старшего чиновника особых поручений Олонецкого гражданского губернатора, требующие служебных поездок по губернии, П. Н. Рыбников хорошо изучил быт и традиции народа. Круг его интересов был обширен. Разные фольклорные жанры и этнографические материалы интересовали собирателя; очень волновала и незавидная судьба старинных рукописей и предметов. В письме к И. И. Срезневскому от 5 октября 1862 г. он писал: «Много, много можно было бы знающему человеку отыскать в Олонецкой губернии: в каждом сельском обществе <…> есть старинные рукописи. И пропадают они у крестьян, а еще вернее гибнут, когда отбираются чиновниками. Есть замечательные книги и в церквах. <…> Кроме рукописей, здесь можно отыскать много и другой старины»[2].

Несмотря на огромный круг интересов, основное внимание П. Н. Рыбников уделил эпосу. Он был уверен, что в былинах народ «отозвался на все, что́ ему было дорого, на всякое замечательное событие в области своего развития»[3]. С первых дней пребывания в Петрозаводске Рыбников начал публиковать в местной печати былины, вначале приобретенные от других лиц, а позже записанные им самим[4]. Как политссыльный он встречался с большими трудностями, а поэтому ему приходилось иногда пользоваться услугами семинаристов, волостных и сельских писарей, использовать другие источники[5], хотя бо́льшую часть произведений он записал сам. В одном из писем к П. А. Бессонову от 11 апреля 1861 г. П. Н. Рыбников с огорчением писал: «Вы в Москве полагаете, что я здесь <…> свободен и разгуливаю, где и как хочу. Между тем до последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими препятствиями». Далее он сообщает Бессонову, что в первые две поездки на Шуньгскую ярмарку зимой 1859/1860 и в январе 1861 гг. «я записал бытовые песни, заплачки, свадебные песни и духовные стихи, собрал разные рукописные материалы. В третью поездку <…> записал более осьмидесяти былин, а должен был между тем возиться в сельских, волостных правлениях, со становыми и исправниками. В четвертую поезд-

[1] Максимов С. В. Заметки по поводу издания народных сказок // Живая старина, 1897. Вып. 1, отд. 2. С. 112–123.

[2] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 3-е изд. / Под ред. Б. Н. Путилова. Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 251. Далее сокращенно: Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1; 1990. Т. 2; 1991. Т. 3.

[3] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 245: из письма к П. А. Бессонову от 2 декабря 1861 г.

[4] Подробнее см.: Разумова А. П. К переизданию «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» (О публикации былин в олонецкой периодической печати) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 131–150.

[5] См. об этом: Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 235, 236, 240, 241, 243, 244, 245, 246: из писем к П. А. Бессонову.

ку <…> записывал денно и ночно. <…> Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости». И заканчивает письмо словами: «Вновь у меня заготовлено много былин, которые записаны большей частью в Петрозаводском уезде; как перепишу – отошлю к вам»[1].

Впервые П. Н. Рыбников услышал пение былин и сделал первые записи в мае 1860 г. на острове Шуйнаволоке, в 12 км от Петрозаводска, пережидая непогоду во время своей поездки на Пудожский берег. Впечатлениями от услышанного он поделился в «Заметке собирателя»: «Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением <…> пел седатый старик с окладистою белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице». Это был Леонтий Богданов из д. Середка. Петые им варианты былин были не полными, и он не досказывал слов, но впечатление на Рыбникова произвел потрясающее. «Много я впоследствии слыхал редких былин, – читаем дальше в „Заметке“, – помню древние превосходные напевы, пели их певцы с отличным голосом, с мастерскою дикцией, а по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтья на Шуйнаволоке»[2].

Крестьяне, узнав о цели его поездки, доверительно рассказывали о народных поверьях, что позволило ему «в короткое время составить себе понятие о целой заонежской демонологии»[3]. Они уговаривали П. Н. Рыбникова поехать с ними в Кижи, а оттуда к Пудожгоре. Л. Богданов говорил ему: «Я и сам тебе былинок напою и найду тебе таких сказителей, что супротив их не будет в целом Заонежье. Повезу тебя по всем Кижам, по всем губам и по всем островам»[4], даже взял с Рыбникова слово, что кроме, как у него, он ни у кого не остановится. Обещание Л. Богданов позже сдержал. Несмотря на занятость и возраст, он «уламывал» и «доставал» собирателю сказителей, перевозил его в лодке от деревни к деревне в поисках певцов.

Уступив уговорам кижан, П. Н. Рыбников напишет: «Такой радушный, откровенный народ были эти кижане, что меня так и потянуло побывать у них в Заонежье. Само собою сложилась у меня твердая уверенность, что я найду там много интересных памятников народной поэзии, и явилась непременная решимость их разыскивать»[5]. Уверенность Рыбникова оправдалась. Более того, он признавался в «Заметке», что «был подавлен богатством собираемого материала»[6]. Позже в письме к И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 г. собиратель писал,

[1] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 238–239.

[2] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 53.

[3] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 54. Подробнее см.: Разумова И. А. Заонежские поверья в собрании П. Н. Рыбникова // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 38–55.

[4] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 55.

[5] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 54.

[6] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 48.

что «в Заонежье каждый почти крестьянин, даже женщины и дети, знают что-нибудь из былевой поэзии»[1].

В Заонежье, на Повенецком побережье и Выгозере от 18-ти сказителей П. Н. Рыбников записал 112 былин. Он встретился с прекрасными знатоками былинной поэзии, талантливыми певцами – Т. Г. Рябининым, А. Е. Чуковым (Бутылкой), К. И. Романовым, Л. Богдановым, Н. Ф. Дутиковым (Г. Федотовым), Т. Иевлевым, В. П. Шевелевым (Щеголенком), С. И. Корниловым, А. В. Сарафановым, П. Л. Калининым, В. Лазаревым, Ф. Никитиным и другими. Мастерство исполнения, любовь и знание эпической поэзии большинством сказителей потрясло собирателя. Считая, что «былины – область общего земского народного творчества, сказки – личного», Рыбников подчеркивал, что исполнение былин требует «особых представителей: чтобы стать ими, нужна любовь к делу, память, голос»[2]. То, что он обратил внимание на роль личности в фольклоре, – одна из важнейших его заслуг. Записывая былины, он заметил, что певцы одну и ту же былину исполняют не всегда одинаково, что «у каждого истинного сказителя заметно его личное влияние на склад былин: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки»[3]. Причины такого исполнения П. Н. Рыбников видел в возрасте и памяти певца, в учителях, от которых он слышал былину, в образе жизни и даже в настроении и атмосфере во время пения. Он попытался определить типы сказителей.

Интересовали П. Н. Рыбникова и сказки. Сравнивая их с былинами, он считал, что в основе сказочной поэзии лежит «обыденная, бытовая жизнь, переведенная в представление»[4]. Преуменьшая роль традиции в исполнении сказки, собиратель подчеркивал, что повсеместному ее бытованию способствует преобладание личного элемента: «Каждый, что́ делают другие, делает по-своему, сообразно со своею особенностью, настроением, хотя, разумеется, определяется в своем личном творчестве народностью, временем, местом»[5].

В собрание П. Н. Рыбникова, кроме былин, вошли описание свадебного обряда Петрозаводского и Повенецкого уездов, Остреченского и смежных с ним приходов Петрозаводского уезда, свадебные и бытовые песни, свадебные и похоронные причитания, сказки, заонежские поверья, приметы, загадки, предсказания, заговоры, статьи об особенностях олонецкого говора и сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии[6].

Зимой 1860 г. и в январе 1861 г., посещая Шуньгскую ярмарку, П. Н. Рыбников познакомился с шуньгской вопленицей и записал от нее «превосходные свадебные и похоронные заплачки». В Повенецком Заонежье она была известна под именем «правителя свадеб». По мнению собирателя, она являлась «официаль-

---

[1] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 255.

[2] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 248: из письма к О. Ф. Миллеру от 21 октября 1866 г.

[3] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 72.

[4] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 248: из письма к О. Ф. Миллеру от 21 октября 1866 г.

[5] Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3. С. 248: из письма к О. Ф. Миллеру от 21 октября 1866 г. Подробнее см.: Разумова И. А. Сказки в собрании П. Н. Рыбникова // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 81–92.

[6] См.: Рыбников, 3-е изд. 1991. Т. 3.

ным общественным лицом», блюла «чистоту бытового обряда, обычая, порядка: руководила ходом свадеб, похорон, поминок». Немного иначе смотрел он на вопленицу Петрозаводского Заонежья: «Там всякая почти женщина может выплакать свое горе в импровизации ли, под влиянием собственного настроения, или в переделках заплачек, переходящих из роду в род и известных почти каждой большухе и старухе»[1]. Тогда же в Повенецком Заонежье П. Н. Рыбников записал бытовые песни, исполняемые на беседах или вечеринках. Более того, он описал содержание бесед, обстановку, костюмы. В Шуньге им были записаны первые духовные стихи.

Духовные стихи, записанные им самим или другими лицами, Рыбников пересылал П. А. Бессонову для публикации в его сборнике «Калеки перехожие»[2]. Некоторые из стихов, например, «О Егории Храбром» и «О чуде Святителя Николая», были напечатаны им в ОГВ[3]. В местной печати Рыбников публиковал разнообразные материалы, содержащие этнографические, исторические и другие сведения, среди них: «Из путевых заметок по Петрозаводскому и Повенецкому уездам»[4], где можно прочесть об истории возникновения Даниловского и Лексинского монастырей; «Этнографические заметки о заонежанах»[5] с описанием быта, жилища, одежды, языка, народных поверий; об обычаях жителей Обонежья[6], о ярмарках на Шуньге, где он побывал дважды[7], о Тивдийских разработках[8] и т. д.

Собирание устной народной поэзии после П. Н. Рыбникова продолжил преподаватель Петрозаводской семинарии Е. В. Барсов. Он открыл общественности имя уникальной заонежской сказительницы И. А. Федосовой. Она была знатоком всех жанров, но в историю фольклористики вошла как выдающаяся поэтесса-вопленица. Ее плачи – поэмы, в них она сумела выразить всю боль и страдания человеческой души.

Впервые Е. В. Барсов встретился с И. А. Федосовой в Петрозаводске зимой 1867 г., где она жила в то время. В течение двух лет он записал от нее полный цикл плачей – свадебных, похоронных, рекрутских; свадебные и солдатские песни, пословицы и поговорки и опубликовал в книге «Причитания Северного края»[9]. Почему Барсов отдал предпочтение этому жанру, становится ясным из

---

[1] Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 49–50.

[2] Бессонов П. Калеки перехожие. Сб. стихов и исследование. М., 1861–1863. Подробнее см.: Рыбников, 3-е изд. 1989. Т. 1. С. 49; 1991. Т. 3. Извлечения из писем к П. А. Бессонову. С. 234–238, 240, 241, 244.

[3] ОГВ, 1859. № 41; 1860. № 17.

[4] ОГВ, 1866. № 6, 27, 35; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Ч. III. С. 30–53. Далее сокращенно: ПКн.

[5] ПКн на 1866 г. Ч. 2. С. 3–37.

[6] ОГВ, 1862. № 48–49; ПКн на 1864 г. Ч. II. С. 191–207.

[7] ОГВ, 1860. № 11, 22; 1864. № 69; ПКн на 1865 г. Ч. II. С. 149–168.

[8] ОГВ, 1866. № 48.

[9] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872; Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882; Ч. III. Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР) при Московском университете. М., 1885. Вып. 3–4. С. 1–256.

его письма О. Ф. Миллеру от 11 мая 1868 г., цитируемого В. Г. Базановым: «Вырос я на берегах реки Андоги (Новг. губ.) и в раннем детстве любил плакать с плакавшими на погосте. Как сейчас помню одну женщину, которая горько рыдала над могилой и внятно рассказывала свое горе – матушке сырой земле. Впечатление это глубоко укрепилось в душе моей и часто всплывало в сознании в продолжение моего образования в Нов. семинарии и П-бургской Д. Академии. Явившись на службу в Петрозаводск и познакомившись с Павлом Николаевичем (Рыбниковым. – В. Б.) и его ученым делом, я скоро собственным опытом убедился, как живуче народное творчество в Олонецком крае, и под влиянием носимого мною впечатления пришел к мысли о возможности воспроизвести внутреннюю жизнь народа ближайшей к нам эпохи, подслушать, так сказать, их думы и чувства, те симпатии и антипатии, кои вызваны в нем современной жизнью, но которые он рассказывает только лесу дремучему, колоде белодубовой да славному синему Онегушку… Заплачки исчерпывают народную жизнь во всей ее полноте»[1].

Е. В. Барсов не ограничился причитаниями, он записал от И. А. Федосовой духовные стихи, былину «О Чурилушке Пленниковиче», историческую песню «Казань-город», все они напечатаны в ОГВ[2]. В местной печати Барсов публиковал непаспортизированные тексты заплачек[3], бытовых песен[4], статью о пословицах, заговорах и загадках[5], рассказы-предания о Петре Первом и другие, в том числе записанные от И. А. Касьянова и В. П. Шевелева (Щеголенка)[6] этнографические заметки «Из обычаев Обонежского народа»[7], о праздновании масленицы[8] и другие.

В 1997 г. «Причитания Северного края…» были переизданы д.и.н. К. В. Чистовым и Б. Е. Чистовой. Издание дополнено письмом И. А. Федосовой Е. В. Барсову, текстами похоронных причитаний в записи О. Х. Агреневой-Славянской, музыковеда и жены организатора и дирижера хора русских народных песен Д. А. Агренева, и сопровождено статьей К. В. Чистова, в которой вопленица представлена во всей ее значимости. Тексты прокомментированы Б. Е. Чистовой[9]. Нарушая хронологию изложения, необходимо сказать, что записи О. Х. Агреневой-Славянской – свадебного обряда, свадебных и похоронных причитаний, свадебных, игровых, бытовых и других песен, былин, духовных стихов и т. д. – от И. А. Федосовой были произведены в их имении Кольцово Тверской

---

[1] Базанов, 1947. С. 154.

[2] ОГВ, 1867. № 11–16; 1868. № 33.

[3] ОГВ, 1867. № 10, 30; 1868. № 45.

[4] ОГВ, 1868. № 24–27.

[5] ОГВ, 1867. № 1.

[6] ПКн на 1868–1869 гг. Ч. III. С. 189–193; ОГВ, 1868. № 48, 51; 1872. № 8; Олонецкий сборник, вып. III. 1894. С. 187–197. Далее сокращенно: О. сб.; О публикации рассказов-преданий, записанных от И. А. Касьянова и В. П. Шевелева, см. примечания к № 93 и 304 нашего издания.

[7] ПКн на 1867 г. Ч. III. С. 131–136.

[8] ОГВ, 1867. № 8.

[9] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. 2-е изд. Т. I. Похоронные причитания; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания. Изд. подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Отв. ред. А. М. Астахова. СПб., 1997.

губернии в 1886–1888 гг., где вопленица по приглашению жила около двух лет[1].

Летом 1871 г. Олонецкую губернию посетил известный ученый-славист, профессор Петербургского университета А. Ф. Гильфердинг. Целью его поездки было исследование эпической традиции в крае и знакомство с ее носителями. «Мне давно хотелось побывать на нашем Севере, – признавался он в статье „Олонецкая губерния и ее народные рапсоды“, чтобы составить себе понятие о его населении <…>. В особенности манило меня в Олонецкую губернию желание послушать хоть одного из тех замечательных рапсодов, каких здесь нашел П. Н. Рыбников»[2]. Однако у него были сомнения в том, что он уже не найдет «такой богатой жатвы», как П. Н. Рыбников. К счастью, сомнения его не оправдались, и позже он писал, что «в некоторых местах этого края эпическая поэзия и теперь ключом бьет»[3].

А. Ф. Гильфердинг находил, что в Олонецкой губернии есть все условия для сохранения эпоса. Наиболее необходимым условием он называл верность крестьян старине, которая препятствовала всем нововведениям, и веру в чудесное, воспеваемое в былинах. Множество признаков убедило его в этом, когда он слушал пение былин сказителями. Ярким примером этой веры является ответ И. Т. Рябинина, сына величайшего сказителя Т. Г. Рябинина, на вопрос слушателей: правда ли то, о чем поется в былинах. «Знамо дело правда, – отвечал он. – А то какая же потреба и петь их». А когда просили не петь тот или иной эпизод или петь былину не до конца, он удивлялся: «А как я могу не петь-то. Нешто из песни слово-то выкинешь. На то она и старина, что нам старики певали, так и нам петь надо. Сам знаешь, не нами сложено, не нами и кончится. А, может, лучшие-то слова как раз к концу и скажутся»[4]. Свидетельствовал А. Ф. Гильфердинг и о повсеместном бытовании духовных стихов: «Все крестьяне и крестьянки, которые поют былины, сверх того знают и духовные стихи»[5].

Крестьяне своим трудолюбием, добродушием, откровенностью, скромностью и веселым нравом покорили А. Ф. Гильфердинга. «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал, – читаем в его статье, – он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти. Самый бедный крестьянин, у которого хлеба не достает на пропитание, и тот принимает плату за оказанное одолжение, иногда сопряженное с тяжелым трудом и потерею времени, как нечто такое, чего он не ждал и не требует. Он садится в лодку гребцом, работает весла-

---

[1] Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: голосильными, причитальными и завывальными. В трех частях: ч. 1. М., 1887; ч. II. Тверь, 1887; ч. III. Плачи и причитания по умершим и по рекрутам, стихи великопостные, былины и легенды, старинные песни и величания, сказки, загадки, пословицы и прибаутки. М., 1889.

[2] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. VII. Далее сокращенно: Гильфердинг, 1873.

[3] Гильфердинг, 1873. С. XIII.

[4] Ляцкий Е. Иван Трофимович Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение, кн. XXIII, вып. IV. М., 1894. С. 112–113. Далее сокращенно: Ляцкий, 1894; Перепеч.: Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подг. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1939. С. 16.

[5] Гильфердинг, 1873. С. XVI.

ми часов 15 кряду, не теряя до конца хорошего расположения духа и своей прирожденной шутливости»[1]. Желание оказать собирателю любую услугу и помощь было искренним, но при этом, подчеркивал он, они «никогда не впадали в тяжелый тон грубой бестактной фамильярности»[2]. Например, один из лучших певцов А. Е. Чуков из д. Горка, пользовавшийся большой известностью у заонежан, сопровождал Гильфердинга по всему Заонежью до Каргополя. Он «доставал сказителей», уходя иногда по окрестности верст за 40–50, и верившие ему крестьяне шли к собирателю петь былины. Иногда, читаем у А. Ф. Гильфердинга, им «приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тем как я записывал до полного физического утомления»[3].

Интерес к столичным людям у заонежан был огромен, но они не понимали, для чего тем нужны былины, и очень удивлялись, когда собиратель предлагал им деньги за исполнение их. Они не могли предположить, что знание былин имеет свою ценность. Ярчайшим примером такого непонимания является эпизод с запиской А. Ф. Гильфердинга, в которой он приглашал сказителя И. А. Касьянова из с. Космозеро приехать в Челмужи для записи былин. Позже в своих воспоминаниях о собирателе И. А. Касьянов напишет, что записка привела крестьян «во удивление и в большой смех, что господа собирают былины <…> господам должно быть в Петербурге делать нечего». Однако, несмотря на занятость, «желание видеть такое лицо в самых глухих и непроходимых местах понудило И. А. Касьянова отправиться в путь»[4]. А пообщавшись с А. Ф. Гильфердингом, он не только изменил свое мнение, но даже сам вложил лепту в собирательскую деятельность[5] и написал воспоминание о нем.

За два месяца пребывания в губернии А. Ф. Гильфердингу довелось встретиться в Петрозаводском и Повенецком Заонежье с 31-м сказителем, в том числе 10-ю певцами, с которыми был знаком П. Н. Рыбников, и записать от них 165 былин. Из вновь им встреченных певцов, исполнивших от 5 и более былин, следует назвать И. А. Касьянова, Ф. Захарова, И. А. Гришина, Д. В. Сурикову, А. К. Фомину, А. В. Батова, И. Еремеева, А. Тимофеева (Кумоху).

За короткое время А. Ф. Гильфердинг проделал огромную работу. Примечателен тот факт, что ему удалось записать былины с пения, т. е. в том виде, как они бытовали. Он составил интереснейшие биографические справки о каждом сказителе. Относительно доли индивидуального и коллективного в былине, собиратель писал: «Каждая былина вмещает в себя и наследство предков, и личный вклад певца; <…> участие его чрезвычайно велико, гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверения самих сказителей, что они поют

[1] Гильфердинг, 1873. С. VIII.

[2] Гильфердинг, 1873. С. VIII.

[3] Гильфердинг, 1873. С. XV.

[4] См.: № 93а нашего издания. Подробнее об этом см.: Касьянов И. А. Воспоминание крестьянина об А. Ф. Гильфердинге // Русская старина. 1872. № 12. С. 694–698.

[5] См.: № 93в нашего издания. Подробнее об этом см.: Бахтин В. С. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова) // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. II. М.; Л., 1957. С. 220–230. Далее сокращенно: Бахтин, 1957.

именно так, как переняли от стариков»[1]. Введя понятие «типических» – общих и «переходных» мест в былине, А. Ф. Гильфердинг подчеркивал, что «типические места, <…> всего более отражают на себе личность сказителя»[2]. От того, как певец выбирает и распоряжается ими, зависит, собственно, судьба текста. С учетом этих индивидуальностей, он характеризовал сказителей следующим образом: «Когда слушаешь наших рапсодов, – прежде всего дивишься тому, до какой степени все они, без исключения, верно выдерживают характеры действующих в былинах лиц. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствам: они представляют целую градацию от истинных мастеров, одаренных несомненным художественным чутьем, до безобразных пачкунов, так что собрание былин, с их слов записанных, можно сравнить с картинною галереею, в которой однообразный ряд сюжетов повторялся бы в нескольких десятках копий, начиная от прекраснейших рисунков и кончая отвратительным мараньем. Но каков бы ни был рисунок, самый изящный или карикатурный, облик каждой физиономии в этой галерее везде сохраняет свои типические черты»[3].

Огромная заслуга А. Ф. Гильфердинга и в том, что он делал все возможное, чтобы познакомить общественность с эпической поэзией и ее певцами. И с осени 1871 г. начались неоднократные поездки олонецких сказителей в столицу, по другим городам России и даже за границу. Первыми из них были Т. Г. Рябинин, И. А. Касьянов и В. П. Шевелев (Щеголенок), а в 90-е годы и позже И. Т. Рябинин, И. А. Федосова, Н. С. Богданова-Зиновьева, И. Г. и П. И. Рябинины-Андреевы и др. А. Ф. Гильфердинг уточнял со сказителями ранее записанные от них тексты, делал дополнительные записи былин, публиковал о них статьи, организовывал их выступления в Отделении этнографии Русского Географического общества, на которых присутствовали ученые, композиторы, художники, писатели и многочисленная публика. Выступления проходили в учебных заведениях, школах и частных домах и освещались в местной печати. Встречаясь со сказителями, композиторы записывали напевы, художники писали портреты, слушатели задавали многочисленные вопросы. За пение былин Т. Г. Рябинин был награжден золотой медалью, И. А. Касьянов серебряной[4].

Возможностью пообщаться с певцами и сделать записи пользовались многие. Известно, например, что в 1871 г. М. Гурьев записал от В. П. Шевелева (Щеголенка) девять былин и духовные стихи; в 1873 г. в Москве А. П. Бессонов – три былины[5]; в 1879 г. в доме Е. В. Барсова в Москве с ним познакомился Л. Н. Толстой,

---

[1] Гильфердинг, 1873. С. XXVI, XXVIII.

[2] Гильфердинг, 1873. С. XXVII.

[3] Гильфердинг, 1873. С. XXII.

[4] См.: № 93а–93г, 227б, 227ж и 304а–304б нашего издания. Подробнее о выступлениях И. А. Касьянова, Т. Г. Рябинина и В. П. Шевелева в 1871–1872 гг. см.: ОГВ, 1871. № 83, 94, 99; 1872. № 8, 24, 37, 51; Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 70–79. Далее сокращенно: Чистов, 1980; Чистов К. В. Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 52–69. Далее сокращенно: Чистов, 1982; Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 6–24.

[5] О публикации этих былин и стихов см.: примечание к № 304 нашего издания.

пригласил тем же летом сказителя в Ясную Поляну и там многое от него записал. Легенды В. П. Шевелева, рассказанные писателю, послужили основой для некоторых его рассказов[1].

Русская эпическая поэзия и олонецкие сказители интересовали не только российскую научную общественность. Т. Г. Рябинину посвятил свою монографию, вышедшую в 1942 г. в Париже, французский ученый, доктор Парижского университета Вильфрид Шеттеуи[2].

Что же способствовало впечатляющим результатам собирательской деятельности П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга? Выступая на конференции «Рябининские чтения-95», д.ф.н. Б. Н. Путилов объяснил большое количество записанных ими былин возможностью живого общения с последним поколением великих былинных сказителей, когда «само сказительство как неповторимый феномен традиционной культуры подступало к порогу кризисного состояния и постепенного упадка»[3], а Рыбников и Гильфердинг успели захватить начало этого процесса.

В 1884 г. Олонецкую губернию посетил будущий академик А. А. Шахматов. Изучая народные говоры, он побывал в Заонежье, Повенце и Кондопоге. Поездка дала ему возможность записать не только говоры, но и познакомиться с народным творчеством и его носителями. В результате им было записано более шестидесяти сказок, часть из которых вошла позже в сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки», и собрание свадебных причитаний, включающее несколько былин, опубликованное в 1948 г.[4] Из вошедших в нашу работу сказителей А. А. Шахматов встречался с А. Тимофеевым из д. Загорье, который ранее спел А. Ф. Гильфердингу две былины, и тот назвал его одним из лучших певцов. А. А. Шахматову он исполнил три былины, две из них не записанные Гильфердингом.

Летом 1886 г. в Заонежье и на Повенецком побережье побывали фольклорист Ф. М. Истомин и музыковед Г. О. Дютш. Хотя их целью было собирание народных песен и напевов, они не ограничивались только лирикой, а записывали былины, баллады, духовные стихи. Как и прежних собирателей, крестьяне встречали их с огромным интересом и радушием. В предисловии к изданию «Песни русского народа…» Ф. М. Истомин описал, в какой атмосфере происходила

---

[1] См.: № 304в нашего издания. Подробнее см.: Базанов, 1947. С. 74–77; Соколов Ю. М. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Летописи Гос. Литературного Музея. Т. XII. М., 1948. С. 201–203; Калугин В. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Север. Петрозаводск, 1978. № 8. С. 113–123.

[2] Chettèoui W. Un rapsode russe Rjabinin le père. La byline an XIX-e siècle. Paris, 1942. 256 p. Также см.: № 227ж нашего издания.

[3] Путилов Б. Н. Эпические певцы Заонежья и типология северно-русского сказительства // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 7. Далее сокращенно: Путилов, 1997.

[4] Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.) // Записки Русского Географического общества по отд. этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908. Далее сокращенно: Ончуков, 1908.; Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан, предисл. М. Азадовского. Под ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1948.

запись. Все исполнители были разодеты по-праздничному. В избе, где проходила запись, на почтительном расстоянии от собирателей, певиц и певцов плотными рядами стояли дети, подростки, мужики, бабы, старухи и старики. В сенях и на лестнице тоже стоял народ, а избу окружала толпа, но была полнейшая тишина. Если для проверки слов и напева надо было что-то повторить, охотно повторяли. Работать в одном месте приходилось иногда по шесть-семь часов подряд. В другую деревню провожали с благодарностью и добрыми пожеланиями. Однажды во время пятичасового переезда в лодке от д. Боярщина до Великогубского погоста Истомин записал от певицы «четыре весьма длинные и интересные былины»[1].

Записи и наблюдения Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша показали упадок бытования народной песни, особенно протяжных и обрядовых – игровых, хороводных, приуроченных к кругу сельских праздников. На это сетовали и пожилые крестьяне: «Не те ноне песни, говорили они, что, бывало, мы пели, или от стариков слыхали. Повертушке далеко до досельной песни! Молодые не поют, а нам старикам не пристало»[2]. По-иному складывались судьбы свадебной песни, свадебной, похоронной и рекрутской причети. В строгом соблюдении свадебного и похоронного обрядов, руководимых вопленицами, они находили твердую опору и успешно отстаивали свою неприкосновенность[3].

Отмечали собиратели бытование эпической поэзии и духовных стихов преимущественно у крестьян Заонежья и Обонежья. Многих из известных сказителей они не нашли в живых, а других застали в преклонной старости. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш встретились с неоднократно выступавшим в Петербурге, Москве, Ярославле, Рыбинске, Вильно и других городах В. П. Шевелевым (Щеголенком) и записали от него былину и несколько преданий. Они нашли его сильно одряхлевшим. Жил он в деревне Боярщина, испытывал огромную нужду. С удовольствием поделился своими впечатлениями от поездок и выступлений, а в заключение сказал: «Пожил я, повидал свету, испытал и почету, и будет; пора бы и мне теперь туда, за стариками»[4]. Племянница В. П. Шевелева из д. Оятевщина П. Г. Юхова неплохо исполнила три былины, хотя ранее А. Ф. Гильфердингу она не смогла ничего спеть. В д. Гарницы собиратели познакомились с сыном Т. Г. Рябинина – И. Т. Рябининым, «которого, – как они пишут, – нам удалось прослушать на месте, записать напевы и сверить его слова с печатными словами былин отца»[5]. В «Песнях…» собиратели опубликовали только одну его былину «Королевичи из Крякова». И. А. Касьянова из с. Космозеро они нашли полным «сил и бодрости», он жил, как они заметили, «безбедно в своем солидном доме», не забывая былин. Сказитель спел им пять былин и духовный стих. А. А. Попова из д. Маселька исполнила две баллады и духовный стих, А. Тимофеев из д. Загорье –

[1] Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. XX. Далее сокращенно: Истомин, Дютш, 1894.

[2] Истомин, Дютш, 1894. С. XV.

[3] Истомин, Дютш, 1894. С. XVII–XVIII.

[4] Истомин, Дютш, 1894. С. XX.

[5] Истомин, Дютш, 1894. С. XX.

одну былину, А. В. Батов с Выгозера – историческую песню. Встреча Ф. М. Истомина и Г. О. Дютш с И. А. Федосовой произошла случайно на пароходе, плывшем из Петрозаводска. В тех условиях они смогли записать от нее одну песню «Пивна ягода»[1]. Об экспедиции Истомина и Дютша писали в 1887 г. ОГВ[2].

Как было сказано выше, в 1886–1888 гг. И. А. Федосова около двух лет жила в тверском имении музыковеда О. Х. Агреневой-Славянской, где через двадцать лет после записей Е. В. Барсова от нее были вновь записаны причитания, песни, былины, духовные стихи, мелодии и т. д. Вопленице в ту пору было шестьдесят лет. О. Х. Агренева писала: «Эта женщина… совершенно седая и сгорбленная, но полная энергии и ума… Память у этой старухи изумительная и речь красивая и оживленная…»[3].

Необходимо отметить, что 1889–1939 гг. прошли под знаком триумфальных выступлений заонежских сказителей И. Т. Рябинина, И. А. Федосовой, Н. С. Богдановой-Зиновьевой, И. Г. и П. И. Рябининых-Андреевых, И. А. Касьянова в Петрозаводске, Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, а в 1902 г. И. Т. Рябинина – за границей – в Болгарии, Сербии, Австро-Венгрии и Чехии. Поездки Рябинина и Федосовой состоялись при непосредственном содействии и участии преподавателя Петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградова. Слушателями были царствующие особы, члены Географического и других ученых обществ, представители литературного, музыкального и театрального мира, государственные деятели и простая публика. Сказителей принимали тепло, заслуженно награждали золотыми и серебряными медалями и дарили подарки. Выступления подробно освещались в печати. Музыканты записывали мелодии. Своими впечатлениями о сказителях, об исполнительском мастерстве певцов делились А. Е. Срезневский, Л. Н. Майков, В. В. Стасов, Ф. И. Шаляпин и многие другие.

В 1893 г. во время пребывания И. Т. Рябинина в Петербурге Е. В. Ляцкий написал о сказителе очерк и воспроизвел записи его былин и духовных стихов, а Ю. И. Блок – напевы[4], и годом позже опубликовал в «Этнографическом обозрении». Существуют записи шести былин И. Т. Рябинина, хотя хорошо знавшая его преподаватель Петрозаводской женской гимназии А. М. Солнышкова свидетельствовала, что он знал 17 былин и 8 духовных стихов.[5] Выступления И. Т. Рябинина как в Петербурге и Москве, так и за границей – в Константинополе, Филлипополе, Софии, Белграде, Вене и Праге принимались слушателями восторженно. По словам Е. В. Ляцкого, он любил былины и с удовольствием их пел, но был деревенским человеком и очень тяготился городской суетой. Ни оглушительный успех, ни впечатления от увиденного, ни деньги не могли заглушить тоски по дому, семье и хозяйству. Он прервал поездку и вернулся домой,

[1] Подробнее о музыкальной судьбе песни см.: Чистов, 1980. С. 160.

[2] ОГВ, 1887. № 55.

[3] Чистов, 1980. С. 160; подробнее о записях О. Х. Агреневой-Славянской см.: здесь же. С. 160–162 и в примечаниях к № 284 нашего издания.

[4] Ляцкий, 1894.

[5] См. № 223а нашего издания.

пригласив при этом Е. В. Ляцкого приехать к нему, и обещал напеть ему былин, сколько тот захочет[1]. Воспоминания о своей поездке с И. Т. Рябининым написал и П. Т. Виноградов[2].

Такой же огромный успех сопутствовал всем выступлениям И. А. Федосовой. Известно, что вопленицу приглашали в Америку, но она по какой-то причине отказалась поехать. Детская писательница А. Н. Толиверова помимо очерка об И. А. Федосовой, записала от нее в 1895 г. в Москве причитания, свадебные песни, сказку и др. Часть записей и очерк с портретом сказительницы она опубликовала в издаваемом ею журнале «Игрушечка» № 8. В 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде И. А. Федосову слушал А. М. Горький. Он познакомился с ней и посвятил ей два очерка – «На выставке» и «Вопленица». Несколько лет по приглашению председателя песенной комиссии Российского Географического общества Т. И. Филиппова, сказительница жила в его доме в Петербурге. Со слов П. Т. Виноградова, сказанных А. М. Горькому, было известно, что «в скором времени государственный контролер Филиппов – любитель и знаток древней русской поэзии – выпустит четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных стихов, обрядовых и игровых песен Федосовой»[3]. Очевидно, смерть Т. И. Филиппова в 1899 г. помешала этому. В том же году не стало и самой вопленицы[4].

К сожалению, о поездках И. А. Касьянова мало сведений. Известно, что в 1889 и 1892 гг. он вновь пел в Русском Географическом обществе. О выступлениях сказителя восторженно писали не только газеты Петербурга, Москвы, но и Ярославля, Рыбинска, Киева, Вильны, Варшавы. Касьянов был незаурядным человеком. Те, кто имел возможность пообщаться с ним, отмечали его природный ум, юмор, достоинство и знание огромного количества былин, народных песен, преданий, сказок и др., что подтвердила обнаруженная рукопись Касьянова с записями памятников устного народного творчества. Он несколько лет выполнял обязанности сборщика средств на строительство церкви в Космозере. Возможно, поэтому его поездки и выступления совершались им по собственной инициативе, и не исключено, что пением былин и духовных стихов он добывал необходимые средства на строительство храма. Вероятность того, что ему в этом деле способствовали кто-то из ученых и другие люди, также имеет место[5].

В конце XIX и начале XX в. отмечается затишье в собирании устного народного творчества, если не считать отдельных публикаций краеведов-любителей и неизвестных авторов в ОГВ и других изданиях. Например, о суевериях и пред-

---

[1] См.: № 223, 223а нашего издания. Подробнее об И. Т. Рябинине и его выступлениях см.: Ляцкий, 1894; ОГВ, 1894. № 64; 1902. № 30, 40, 46, 49, 57, 64, 65, 68; 1905. № 98; Чистов, 1980. С. 82–95.

[2] Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка. Томск, 1906.

[3] Чистов, 1980. С. 163.

[4] См.: № 284–284е нашего издания. Подробнее об И. А. Федосовой и ее выступлениях см.: ОГВ, 1895. № 4, 5; 1896. № 2, 4; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Под ред. проф. В. И. Чичерова. Петрозаводск, 1955; Чистов, 1980. С. 110–178.

[5] См.: № 93б–93г нашего издания. Подробнее см.: Бахтин, 1957. С. 220–230; Чистов, 1980. С. 84; Чистов, 1982. С. 58–60.

рассудках в простом народе[1], предания о Челмужских курганах[2], этнографических материалов и преданий, записанных в Кижах[3], народных рассказов о кустарной переработке руды[4], о фольклорных записях Г. И. Куликовского[5] и его собственных статей о праздновании Иванова дня в с. Кузаранда[6], о детских играх в Обонежье[7], о беседных складчинах и ссыпчинах Обонежья[8], о похоронных обрядах Обонежья[9] и о помочах[10]; И. Соколовым – предания о пребывании в Толвуйском погосте Марфы Иоановны[11]; П. Певиным – предания об основании Толвуйского прихода и разных детских игр, считалок[12], о народной свадьбе в Толвуйской волости[13], о свадебном обряде с причитаниями и песнями в Горском приходе, детских и взрослых игр, заговоров, преданий и т. д.[14], о рекрутских обычаях и причети[15]; Л. Пономаревым – о кижском наречии[16]; А. Георгиевским – поверий о грозе[17], разных преданий, в том числе о Петре Первом[18], о народной демонологии[19].

В 1901 г. благодаря краеведам К. И. Дмитриеву – учителю Вохтозерского народного училища, и Н. С. Шайжину общественность узнала о выдающейся заонежской сказительнице Н. С. Богдановой-Зиновьевой из д. Зиновьево. Они первыми записали от нее былины и плачи. Обладая богатыми природными данными, уникальной памятью, музыкальным даром, мастерством вопленицы, она была большим знатоком причети, былин, духовных стихов, народных песен, сказок, заговоров. Тяжелая жизнь не убила в ней талантливую сказительницу. В то время она уже была известной в округе певуньей и вопленицей: приглашалась на праздники, свадьбы, «бабить» детей. По признанию же самой Н. С. Богдановой, она больше всего любила петь былины. Фольклорист А. М. Астахова, хорошо знавшая сказительницу, так вспоминала о ней в 1941 г.: «Прекрасная дикция, несмотря на возраст, задушевный тембр голоса, насыщенные психологические образы ее былин, умелое пользование поэтическими приемами давали слушателям большое и незабываемое художественное наслаждение. Лучшей в ее репер-

[1] ОГВ, 1885. № 73–78.
[2] ОГВ, 1890. № 48.
[3] ОГВ, 1892. № 93.
[4] ОГВ, 1896. № 16.
[5] ОГВ, 1887. № 33, 63.
[6] ОГВ, 1888. № 54.
[7] ОГВ, 1888. № 73–74.
[8] О. сб., вып. III. С. 405–411.
[9] О. сб., вып. III. С. 411–422.
[10] ОГВ, 1889. № 34.
[11] ОГВ, 1888. № 12.
[12] ОГВ, 1891. № 79–86.
[13] Живая старина, 1893. Вып. 2. С. 219–248.
[14] ОГВ, 1894. № 46–61.
[15] ОГВ, 1895. № 80–84.
[16] ОГВ, 1898. № 54–69
[17] ОГВ, 1900. № 105; 1902. № 105.
[18] ОГВ, 1899. № 39; перепеч.: Базанов, 1947. С. 145–146; Криничная Н. А. Северные предания. Беломорско-Обонежский район. Петрозаводск, 1978. № 209. С. 145–147; ОГВ, 1900. № 106.
[19] ОГВ, 1901. № 46–48; О. сб., вып. 4. 1902. С. 53–61.

туаре была особенно любимая ею самой былина о Добрыне и Алеше – вообще один из самых художественных вариантов этого сюжета»[1]. Первое ее выступление в Петрозаводске в июле 1902 г. на съезде учителей состоялось при содействии инспектора народных училищ, бывшего преподавателя словесности М. Н. Правдина. Позже она неоднократно выступала на вечерах перед петрозаводской публикой, в том числе в 1908 г. в Общественном собрании города, где присутствовали губернатор и вице-губернатор с семьями. В 1911 (1913?) г. Н. С. Богданову-Зиновьеву приглашал в Петербург руководитель хора русской народной песни Д. Агренев, где она многократно выступала перед разнообразной публикой, и особенно перед учащимися школ.

Нарушая хронологию изложения истории собирания, думаю, будет уместным сказать здесь, что в 1926–1928 гг. записи от Н. С. Богдановой одновременно делали участники двух экспедиций (о них будет сказано ниже): Московской Государственной Академии художественных наук (ГАХН) «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга», руководимой В. М. и Ю. М. Соколовыми, и экспедиции Ленинградского Государственного Института истории искусств (ГИИИ). В эти годы Н. С. Богданова вновь неоднократно выезжала по приглашению в Ленинград и Москву, выступала в Государственной Академии художественных наук, в Политехническом музее, в студенческих аудиториях и т. д. Она исполняла былины, духовные стихи, народные песни, плачи. О ней писали много в печати. Последними с ней встречались в 1931–1932 гг. в д. Зиновьево студенты Ленинградского Историко-Лингвистического института (ЛИЛИ) – М. В. Каминская, Н. Н. Тяпонкина и др. Все отмечали, что сказительница была небольшого роста, энергичная, наблюдательная, не лишена лукавства, могла подшутить над своим ближним и в любых ситуациях сохраняла чувство собственного достоинства.

Фольклорист А. М. Астахова, находя Н. С. Богданову-Зиновьеву выдающейся носительницей всех жанров, исполнявшей все артистически, и относительно причети считала, что «ее имя должно быть поставлено после имени Федосовой в ряду лучших мастеров этого жанра»[2].

В 1905 г. Русское Географическое общество предложило Н. Е. Ончукову издать сборник сказок, записанных им в Поморье и на Печоре, а также академиком А. А. Шахматовым в Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии в 1884 г., записи которого были наиболее точны в лингвистическом отношении (см. об этом выше). Н. Е. Ончуков вновь посетил Поморье и побывал в Карелии[3]. К моменту издания сборника он включил в него еще и записи писателя М. М. Пришвина, и петрозаводского учителя Д. Георгиевского, и других. Из 44-х заонежских сказок, вошедших в сборник, 24 записаны А. А. Шахматовым, 12 –

---

[1] Астахова А. М. Былины в Карело-Финской ССР // Фольклор КФССР. Сб. статей. Вып. I. Русский фольклор под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941. С. 35.

[2] См.: № 31к нашего издания. Подробнее о Н. С. Богдановой-Зиновьевой см.: № 31–31л и примечание к ним.

[3] Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы (поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС, 1905. Вып. 3–4. С. 271–289.

Н. Е. Ончуковым (10 – в Заонежье и 2 – в Повенце), 7 – М. М. Пришвиным в Морской Масельге. Недостатком же всех олонецких записей явилось отсутствие сведений об исполнителях. Наряду со сказками в сборник включены произведения, близкие к преданиям, былинам, легендам. Сборник дополнен обширной вступительной статьей, в которой составитель указал на особенности олонецких, в том числе и заонежских, сказок. Это – частое упоминание Петербурга, что свидетельствовало о тесной связи жителей со столицей; влияние на сказку былинной традиции; обратил внимание на причину широкого бытования сказки, на манеру исполнения сказок женщинами. Он пришел к выводу, что из всего услышанного сказочник запомнит только то, «что поразит его воображение или растрогает сердце и глубоко западет в душу, <…> что сказочники на Севере очень разнообразны по талантливости, уму, характеру, умению рассказывать и прочим качествам. Есть тут и беззаветные весельчаки, и хмурые люди, и люди серьезного и вдумчивого ума и серьезной философской складки»[1].

В первые десятилетия XX в. в местной печати также продолжали появляться публикации краеведов, знакомящие читателей с народной культурой. Например, П. Коренного о свадебном дне в селе Космозеро[2], о народном творчестве Заонежья[3], о заонежских свадьбах[4], о свадебном дне в деревне[5], Н. С. Шайжина – предания о заонежской заточнице, великой государыне инокине Марфе Ивановне[6], Пекарского – о заонежских причитаниях невесты перед венцом[7].

В 1916 г. вышло в свет популярное издание заонежского купца В. Д. Лысанова о заонежской свадьбе. Автор изложил материал в виде театральной постановки, отразив в ней все моменты свадебного ритуала в день свадьбы с большим набором свадебных причитаний и песен с нотными приложениями. Книга иллюстрирована фотографиями[8].

В 1918 г. учителем П. П. Коренным был издан небольшой сборник, куда вошли сказки, записанные им от матери П. Н. Коренной в с. Космозеро. В предисловии он писал: «Мне, выросшему в среде крестьянского населения Заонежья, в детстве приходилось слушать и рассказывать многие из этих сказок, и язык их мне родной и близко знакомый»[9]. Однако при публикации сказки были подвергнуты литературной обработке, а поэтому сборник не представляет научного интереса.

В январе 1921 г. по заданию Петроградского Института живого слова Заонежье посетила А. И. Смирнова с целью пригласить в Институт для прослушивания и записи былин и напевов одного из преемников рябининской традиции,

[1] Ончуков, 1908. С. XLVI, XLVIII.
[2] ОГВ, 1910. № 22.
[3] ОГВ, 1910. № 57.
[4] Олонецкое утро, 1916.
[5] ОГВ, 1916. № 28
[6] ПКн., 1913.
[7] Заонежские причитания невесты перед венцом // Олонецкая неделя, 1916. № 20.
[8] Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры, танцы в Заонежье Олонецкой губернии. Собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916.
[9] Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.

а именно, И. Т. Рябинина. Но, как выяснилось, к тому времени его уже не было в живых, и в Петроград согласился поехать его пасынок И. Г. Рябинин-Андреев, о котором в 1894 г. упоминал в своей книге Е. В. Ляцкий. И. Т. Рябинин очень любил и заботился о пасынке и Ляцкому рассказывал: «Он парень степенный, не пьет, не курит, и к тому же попривык старинки <…> и божественные (духовные) стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще»[1]. И. Г. Рябинин-Андреев оправдал ожидания отчима. По словам жены сказителя, он знал более 15 былин. В. Н. Всеволодский-Гернгросс, написавший воспоминание о работе с И. Г. Рябининым, провел с ним много времени и, очевидно, записал все его былины, но, к сожалению, сохранились записи только девяти былин. Фрагменты напевов на фонограф осуществил С. И. Бернштейн. Былины сказителя опубликованы А. М. Астаховой только в 1948 г.[2]

В 1926–1928 гг. в Заонежье работала экспедиция Фольклорной подсекции Московской Государственной Академии художественных наук (ГАХН) «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» под руководством братьев фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых. В ее состав входили: научный сотрудник ГАХН В. А. Дынник, сотрудник Центрального Музея народоведения Ю. А. Самарин, литератор-писатель Э. Г. Бородин-Саргиджан, бывший тогда студент МГУ В. И. Чичеров и др. Целью экспедиции было – проследить эволюцию эпоса. Кроме былин, исторических песен они записывали еще свадебные присказки дружек и народную драму. Другие фольклорные жанры в Олонецком крае, в том числе и сказка, отмечал Ю. М. Соколов, были в полном расцвете, но они записывали их не систематически. Собирателей тепло принимали жители. Сборник былин А. Ф. Гильфердинга, биографии сказителей, их портреты производили на них огромное впечатление. В толпе слышались возгласы «правильно», «верно», «как есть так». Очень интересовал исполнителей фонограф, откуда певцы слышали свой голос. Собиратели записывали в поле, в лодках, в избах, которые были всегда переполнены народом. С. П. Бородин-Саргиджан писал: «Не смущаясь новых людей, не теряя времени на приглядывание, узнав, что нам любы их песни, они слезали со своих печей, разгибались над плугом, выходили из лодки, и сразу же, едва пожав руки, начинали петь. И не было случая, чтобы неверно был взят тон, чтобы было забыто начало. <…> В каждой былине есть лицо, которому певцы сочувствуют, в ком они странствуют, страдают и побеждают»[3].

В Заонежье экспедиция встретилась с 30-ю сказителями и записала от них 87 былин и исторических песен, около 30 духовных стихов, несколько преданий и большое количество традиционных свадебных присказок. Из потомков тех, от кого записывали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, в д. Середка они застали здравствующим внука Т. Г. Рябинина – К. Г. Рябинина, сына Гаврилы Трофимовича.

---

[1] Ляцкий, 1894. С. 9; перепеч.: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Ст. А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948. С. 24. Далее сокращенно: Астахова, 1948.

[2] См.: № 228–228б нашего издания и примечание к ним.

[3] Бородин-Саргиджан С. П. Былинные края // Художественный фольклор. Под ред. Ю. Соколова. Вып. IV–V. М., 1929. С. 141.

Несмотря на преклонный возраст, он был бодр, много шутил, знал сказки, сочинял стихи на деревенскую тематику. Ю. М. Соколов очень тепло отозвался об этом добром, умном и работящем человеке. Собирателям он исполнил две былины, которые перенял от дяди И. Т. Рябинина. Возможно, раньше его былинный репертуар был больше, но его сын М. К. Рябинин, с которым он жил и который будучи одно время секретарем парторганизации, не позволял себе интересоваться былинами и запрещал отцу петь их. М. К. Рябинин считался в округе первоклассным свадебным дружкой. Участники экспедиции записали от него несколько сот свадебных присказок. А после встречи с собирателями у него изменилось отношение к былинному эпосу. Кроме того, благодаря статье В. С. Бахтина стало известно о встрече М. К. Рябинина в 1932 г. с писателем А. М. Горьким в Москве[1]. От дочери К. Г. Рябинина – М. К. Сарафановой удалось записать только одну былину, которую она переняла от И. Т. Рябинина. В д. Гарницы экспедиция встретилась с 23-летним внуком И. Т. Рябинина – П. В. Рябининым, он помнил только две былины и те не полностью, хотя раньше знал больше. Он очень трепетно относится к памяти о дедушке и свою комнату превратил в своеобразный музей о нем. Прекрасным преемником рябининской традиции, с которым повстречались участники экспедиции, был П. И. Рябинин-Андреев из д. Гарницы, сын И. Г. Рябинина-Андреева – пасынка И. Т. Рябинина. Былины П. И. Рябинин слышал с самого раннего детства, очень любил, когда пел их дед. Сам он тоже пел с большой любовью, и мастерство исполнения было очень высоким. Во время встречи с собирателями ему шел 21-й год. Они записали от него шесть былин, а знал он их больше. Как он рассказывал, одну из былин он перенял у деда, шесть от отца, две от Н. С. Богдановой-Зиновьевой из д. Зиновьево, с которой они в 1926–1928, 1937, 1939 гг. неоднократно выступали в Петрозаводске, Ленинграде и Москве. П. И. Рябинин знал много сказок, народных песен и т. д., но, к сожалению, большинство из них осталось незаписанным[2]. От Н. С. Богдановой-Зиновьевой участники экспедиции записали десять былин, хотя, по ее признанию, раньше она их знала значительно больше (см. о ней выше). Поэтическими наследниками Д. В. Суриковой из д. Конда были ее сыновья А. В. Суриков и Е. В. Суриков, которые не разочаровали собирателей. От А. Б. Сурикова они записали 14 былин и 5 духовных стихов, от Е. Б. Сурикова – 4 былины. Младший брат знал былины даже лучше, но его с трудом уговорили спеть. Причиной такого нежелания исполнить былины была особая почтительность к старшему брату и боязнь доставить ему неприятность. Более того, собирателей восхищала хозяйственность братьев. Все, что они делали, отличалось крепостью, прочностью и надежностью[3]. В д. Мальково собиратели встретились с дочерью В. П. Щеголенка – К. В. Разбивной. Раньше она знала значительно больше

[1] Бахтин В. С. Последний в династии сказителей? // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 64–73. Подробнее о К. Г. Рябинине, М. К. Рябинине и М. К. Сарафановой см.: № 224–224а, 225–225г и 237 нашего издания.

[2] Подробнее о П. И. Рябинине-Андрееве см.: № 229–229в нашего издания.

[3] Подробнее об А. Б. Сурикове и Е. А. Сурикове см.: № 260–260г и 261–261в нашего издания.

былин, но со временем забыла. Несмотря на забывчивость, она исполнила былину, баллады, исторические песни и духовный стих. Из вновь встреченных певцов хорошим сказителем оказался П. С. Семенов из д. Леликово; от него собиратели записали шесть былин. К сожалению, он был болен, и в том же году его не стало. От других 18 исполнителей им удалось записать от одной до трех былин, баллад или исторических песен.

Подводя итоги результатам экспедиции, Б. М. Соколов пришел к выводу, что «Былинная традиция быстрым темпом идет к полному вымиранию. Еще сохранились некоторые талантливые сказители, большая часть их непосредственные потомки, внуки и дети известных сказителей эпохи Рыбникова и Гильфердинга или их „ученики“. Многие современные сказители – глубокие старики 70–80 лет и старше. Если количество былинных сюжетов в устном употреблении осталось почти то же, то значительно увеличилось число певцов, например, в Кижской волости Гильфердингом было записано от одиннадцати человек семьдесят пять былинных текстов на тридцать два сюжета, теперь там же было записано от 30 человек 87 текстов на 31 сюжет и чрезвычайно уменьшился запас былин у каждого из сказителей. Произошло явное измельчение репертуара, сказывание былин явно потеряло значение особого мастерства»[1].

Летом 1926 г. на Шуньгском полуострове работала Комплексная экспедиция Ленинградского Государственного института истории искусств (ГИИИ) под руководством проф. К. К. Романова. Секцию литературы и словесности представляли фольклористы А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова, С. И. Бернштейн, Т. В. Попова. Одновременно с ними записывал сказки сотрудник Толстовского музея АН СССР А. И. Никифоров. В музыкальную секцию входили А. В. Финагин, Э. В. Эвальд, Э. В. Гиппиус. Экспедиция включала и другие секции. Задача сотрудников заключалась во всестороннем изучении художественного быта и судеб всех жанров устного народного творчества среди всех групп населения. За месяц с небольшим было записано 42 былины, 24 духовных стиха, около 5000 песен, более 1000 частушек, 278 загадок, 138 сказок, 63 заговора, 38 причитаний и около 3000 пословиц, поговорок, прибауток и т. п.; музыкальной секцией – 250 мелодий на слух и 112 на фонограф. Записи происходили на крылечках, в избах – при тканье, при пряже, при замешивании теста, при укачивании детей, при работе плотников на неоконченном срубе, на деревенской улице, в поле, на озере в лодках и во время деревенских танцев. Заонежье поразило собирателей величиной и солидностью крестьянских изб, их опрятностью и домовитостью, отношением к ним населения – и все это было не напоказ. В книге «У золотых родников» Н. П. Колпакова подтвердила правоту слов А. Ф. Гильфердинга, что «народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал: он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти» и дополнила

[1] Соколов Б. М. Русский фольклор, вып. I. Изд. МГУ. М., 1930. С. 28. Подробнее см.: Соколов Ю. М. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. Т. II–III. М., 1927; Летописи: Онежские былины. Подбор былин и научн. редакция текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч., словарь, статья В. И. Чичерова. М., 1948.

своими впечатлениями: «В трепет и восхищение приводит всех фонограф. <…> Очень охотно помогают нам, поют и рассказывают, что знают; часами согласны сидеть перед фонографом и очень бывают довольны, когда он „отпевает“ их песни „обратно“. <…> Что тут очень интересно и совершенно ново для нас – это местные поверья, суеверия, заговоры и всякие толки о нечистой силе. Местные жители верят, что кругом них полно невидимых существ, которые живут в издавна положенных местах, <…> так или иначе входят в общение с людьми, и на них можно воздействовать силой колдовского слова. <…> Лечатся заговорами сами, лечат детей. <…> Материал этот редкий, интересный, и находить его гораздо труднее, чем песни или загадки»[1].

Одной из многих тем исследования была судьба былины. В статье «Былина в Заонежье» А. М. Астахова писала: «Мы оказались наблюдателями последнего этапа в судьбе былины в части Заонежья, а умирание жанра <…> столь богатого художественными средствами, бывшего столь долгого времени источником художественных эмоций для русского крестьянства, хотя и представляет явление чрезвычайно грустное, но оно интересно для науки не в меньшей степени, чем зарождение и развитие жанра»[2]. Исследователь отметила, что процесс быстрого исчезновения былин заметен в тех местах, где раньше не было крупных мастеров. Назвала случаи полного вымирания традиции в семьях тех, от кого записывал А. Ф. Гильфердинг, это – у И. А. Гришина из д. Загубье, А. Тимофеева из д. Загорье и Т. Антонова из д. Типиницы. В семьях, где еще с уважением относились к старине и к старикам, хранившим в памяти былины, как у М. К. Самылина из д. Артово, П. Г. Горшкова из д. Демидово, К. Г. Рябинина из д. Середка, А. П. Мерзляковой из д. Зяхнова Губа и других, былина все равно не выходила за пределы семьи из-за отсутствия аудитории, т. е. слушателей. Например, А. Т. Тихонова из д. Вертилово и А. Ф. Трухавая из д. Липовицы пели для себя за работой, А. П. Мерзлякова рассказывала детям вместо сказки, А. М. Никонова пела былины соседкам в городе, так как в деревне былин уже не слушали. Молодежь, в чем лично убедилась А. М. Астахова, записывая былины от К. С. Кудрова из д. Сибово, проявляла полное отсутствие уважения к старине и ее носителям, называя иногда их чудаками. В результате отсутствия аудитории происходило забывание, разрушение былины, потеря былинного стиля, а что сохранялось, было скудным, укороченным и часто искаженным. Самое большое количество былин – одиннадцать – экспедиция записала в Космозерском районе, причем четыре исполнил П. Г. Горшков. Остальные, с кем они встречались, смогли спеть только по одной, реже по две былины.

Единственной, с кем повстречались участники экспедиции и кто в совершенстве владела текстами былин, песен и исполняла их на голос, была неоднократно

---

[1] Колпакова Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975. С. 18–23, 29.

[2] Астахова А. М. Былина в Заонежье // Крестьянское искусство СССР. Вып. I. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 103; подробнее см. здесь же: С. 77–103; Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1951; далее сокращенно: Астахова, 1951; а также № 17а, 50а, 55а, 128, 150, 224а, 234а, 234б, 267б, 272а и 277а нашего издания.

упоминаемая нами ранее Н. С. Богданова-Зиновьева из д. Зиновьево. А. М. Астахова считала ее классической сказительницей. Она исполнила десять былин, духовные стихи, сказки. Исключительным явлением назвала Астахова и сказительницу П. Н. Филиппову из д. Комлево, отметив твердость и лаконичность ее текстов и четкость напева. Здесь будет уместным сказать об учителе-краеведе Комлевской школы Е. В. Ржановской, записавшей от Филипповой три былины, две баллады и две исторические песни, опубликованные в 1948 г. в книге Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова «Онежские былины». Из письма Е. В. Ржановской (от 18 августа 1934 г.), хранящемся в Архиве КарНЦ РАН, известно, что примерно с 1918 г. она собирала материал по детскому и взрослому фольклору. В Архиве имеется ее коллекция (№ 183), переданная проф., д.ф.н. С. М. Лойтер, с 922-мя записанными примерно в 1930–1960 гг. пословицами, поговорками, присловьями и т. д., и коллекция (№ 67) с записями 1927–1934 гг., состоящая из 358 текстов (считалок, дразнилок, разных песенок, баек, прибауток, игр), опубликованных С. М. Лойтер в монографии «Русский детский фольклор…». Воссозданию биографии, творческого «портрета» Е. В. Ржановской, подробному описанию коллекции и текстологическому комментарию посвящена глава ее монографии. К сожалению, записей по взрослому фольклору, упоминаемых в письме Е. В. Ржановской, С. М. Лойтер найти не удалось[1].

Что касается сказки, то участница экспедиции И. В. Карнаухова в статье «Сказочники и сказка в Заонежье» писала: «Даже при кратковременном знакомстве с краем собиратель быстро убеждается, что сказка живет и бытует повсюду <…> и нет данных говорить об ее исчезновении. Может быть, она как-то изменяется, может быть, один тип сказки вытесняет другим, может быть, внутри одного типа одни черты стираются – другие выступают наружу, но это только лишнее доказательство, что она живет»[2]. За месяц работы они записали в Космозерском районе 45 номеров, в Шуньгском – 38, Великогубском – 29, Великонивском – 10 и в районах Падмозера, Типиниц, Толвуи и Кижей – 16. Преобладали сказки волшебные, сказки-новеллы, сказки-легенды, шванки. Сказочники, как правило, были пожилого возраста, и в большинстве – женщины. Их репертуар носил местный характер, репертуар сказочников-мужчин был шире и разнообразнее. Уходя на заработки в город или другие местности, они приносили новые сказки, неизвестные на их родине, появлялись книжные сюжеты и т. д. О прочности бытования сказочной традиции свидетельствовала преемственность в семьях. Репертуар П. Г. Горшкова переняли сын, младшие братья и внук. Знали сказки сын и внук великолепной исполнительницы сказок о животных упоминаемой нами ранее П. Н. Коренной. Репертуаром И. В. Митрофанова из д. Яндомозеро, исполнившего И. В. Карнауховой наибольшее количество сказок, владели

[1] Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Исследование и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 185–288. Далее сокращенно: Лойтер, 2001. См. также: Лойтер С. М. Детская повествовательная традиция // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 184–187; № 287 нашего издания и примечание к нему.

[2] Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство СССР. Вып. I. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 105; подробнее см. здесь же: С. 104–118.

младшая дочь и один из внуков и очень интересно рассказывали. В семье И. И. Касьянова сказки рассказывал он сам, дочь и сын. Оригинальностью сказок и манерой исполнения отличались 16-летняя Мария Рогозина из д. Деригузово, а также А. А. Слепая и д. Шуньга-Бор и т. д. В сборник «Сказки и предания…» И. В. Карнаухова включила 64 наиболее полноценных в художественном отношении текста[1].

В 1926 г., как было сказано выше, сказки в Заонежье, Мезени и Пинеге записывал А. И. Никифоров. Итогом его работы стало издание «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова», подготовленное после смерти собирателя В. Я. Проппом[2]. В описи сказочного материала по Заонежью, составленной Проппом, значится 196 сказок, записанных от 67 исполнителей, опубликовано 89. Изучая сказочную традицию, Никифоров использовал метод безотборочной записи материала, уделяя внимание исполнительской манере сказочника и среде, где бытовала сказка. Он пришел к выводу, что сказка общенародное явление и записывать ее надо от любого встреченного, где бы он ни был и чем бы он ни занимался, любой вариант, от людей всех возрастов, грамотных и неграмотных, от мужчин, женщин и детей, от плохих и хороших исполнителей. Только в живом общении с народом, считал он, открывается красота народной поэзии. Своими выводами он поделился в статье о заонежском сказочнике[3]. Из вошедших в нашу работу исполнителей он записывал от И. И. Касьянова и Ф. И. Лазарева из Космозера, М. В. Рогозиной из д. Деригузово, В. И. Стафеева из д. Есинская, Е. А. Ульянова из д. Потапово, П. Н. Филипповой из д. Комлево.

Относительно бытования в Заонежье в 1926 г. песни фольклорист Н. П. Колпакова писала: «Заонежье поет много и поет к тому же голосами самыми разнообразными – от восьмилетних внуков до восьмидесятилетних дедов и особенно бабок. <…> В том, что песня в Заонежьи распространена на правах живого бытового элемента, тесно связанного с повседневностью крестьянской жизни, мы могли убедиться с первых же шагов нашей работы. <…> Песня вплетена как живая нить в наиболее бесцветные стороны крестьянского быта»[4]. При этом она отмечала, что на смену обрядовой песне и праздничной приходит повседневная. Свадебная песня еще сохраняла свою функцию, а песни, связанные с древними весенними и летними праздниками, забывались безвозвратно. Наиболее распространенными были песни плясовые, протяжные и романсовые. По тематике самыми распространенными были песни любовные и семейные. Все песни не имели буквального сходства с ранее опубликованными: тексты имели тенденцию к укорочению, но, несмотря на это, еще наблюдалось преобладание старых песен, хотя бы с измененными и испорченными текстами, над песнями нового образца.

---

[1] Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. Под общ. ред. Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934.

[2] Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Изд. подгот. В. Я. Пропп. Гл. редакция А. М. Астаховой, В. Г. Базанова, Б. Н. Путилова. М.; Л., 1961.

[3] Подробнее об этом см.: Никифоров А. И. Теперішній Заонезький каскар-оповідач // Етнографічный вісник. 1930. № 9. С. 1–44.

[4] Колпакова Н. П. Песня на Шуньгском полуострове // Крестьянское искусство СССР. Вып. I. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 121; подробнее см. здесь же: С. 121–146.

Влияние города было слабым. Исторических и солдатских песен было очень мало; с исчезновением старых игр, исчезла обрядовая песня. Материалы по ценности и обилию больше всего записали в Космозере и окрестностях Шуньги, отличавшейся разнообразием песенного репертуара. Очень богата песнями была и Великая Губа с ее окрестностями.

В 1931–1932 гг. изучение духовной и материальной культуры, а также жизненного уклада деревни в Карелии продолжали участники экспедиции Фольклорной секции (комиссии) Института этнографии АН СССР, руководителем которой в 1932 г. была А. М. Астахова, входившая в состав Беломорского отряда. В Заонежском отряде работали студенты Этнографического отделения Ленинградского Историко-лингвистического института (ЛИЛИ), в том числе М. В. Каминская, Н. Н. Тяпонкина, С. А. Лорви, Н. Г. Котлярова, В. П. Галашина, Л. Л. Алексеева и др. Ими было обследовано большое количество как крупных населенных пунктов, так и мелких деревень всего полуострова и прилегающих к нему островов. Они записывали все без исключения жанры и этнографические материалы о праздниках, поверьях и магии, пище, утвари, медицине, постройках, средствах передвижения и т. д. Например, из краткого отчета М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, работавших в 1932 г. в Великой Губе, Яндомозере, Космозере, Фоймогубе, Комлево, Великой Ниве, Шуньге и прилегающих деревнях, известно, что они записали более 2000 частушек, 20 былин, 10 сказок, 15 анекдотов, 165 песен, 4 заговора, 180 записей напевов на фонограф. Составили подробные анкеты на 15 былинников и около 30 кратких – на песенников. Зарегистрировали бытовавшие в том или ином пункте песни и сказочников[1]. От ранее упоминаемых нами сказителей – М. К. Рябинина из д. Середка, П. И. Рябинина-Андреева из д. Гарницы, Е. В. Сурикова и К. Д. Андрианова из д. Конда, Н. С. Богдановой-Зиновьевой из д. Зиновьево, В. В. Амосова и М. К. Пашовой из д. Обозеро, П. Н. Коренной из Космозера, А. М. Никоновой из д. Кононовской, А. Т. Тихоновой из д. Боярщина и А. Т. Трухавой из д. Липовицы они записали былины, сказки, песни; от вновь встреченных исполнителей – все, что те смогли вспомнить и рассказать. Небольшая часть материалов, в том числе былины, несколько сказок и дневники студентов находятся в Архиве Карельского научного центра РАН[2], основные же записи хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Былины, записанные Б. М. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, опубликованы А. М. Астаховой во II томе «Былины Севера»[3].

Следующий этап в собирании устного народного творчества в Карелии связан с деятельностью созданного в 1932 г. в Петрозаводске Карельского научно-исследовательского Института культуры, переименованного позже в Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В 1937–1939 гг. сотрудниками Института К. В. Чистовым, А. Д. Соймоновым, М. М. Михайловым, А. И. Антиповой, Е. П. Родиной, Г. Н. Париловой, М. А. Ивановой,

[1] Архив Карельского научного центра РАН – Фонд I, опись I. Коллекция № 116, папка/дело 4. Л. 17, 30. Далее сокращенно: Архив. Ф. 1, оп. 1, К. – коллекция или Р. – разряд, оп. 1, дн. – дневник.

[2] Архив. Ф. 1, оп. 1, К. № 66, 68, 76; Р. VI, оп. 1, дн. № 60–94.

[3] Астахова, 1951.

Ф. С. Титковой, Г. Н. Нефедовым, Н. И. Алексеевым, К. Ф. Прохоровой, Е. А. Белованової записаны былины, баллады, сказки, песни, романсы, духовные стихи, предания, плачи и прочие жанры от П. И. Рябинина-Андреева, М. Е. Самылина, П. Г. Горшкова, К. Д. Андрианова, А. Ф. Трухавой, В. В. Амосова, Ф. И. Касьянова – сына И. И. Касьянова, П. И. Вострикова из д. Верховье, П. П. Силина из д. Ганьково.

В эти годы была «открыта» замечательная носительница сказочной и песенной традиций Е. В. Васильева из д. Леликово, репертуар которой в основном состоит из волшебных сказок. От нее записано около сорока сказок, по ее же словам, она знала более шестидесяти. Многие сказки названных здесь сказочников, а также записанные в более позднее время от других сказителей опубликованы в сборнике «Сказки Заонежья»[1].

В 1940 г. вышел в свет сборник плачей, в который вошли и причитания заонежских вопленицы – А. Ф. Касьяновой из д. Лисицыно, А. И. Мошкиной из д. Скурниной и П. З. Ражиковой из д. Клементьевской. Во вступительной статье М. М. Михайлов писал, что «в запасе всего поколения женщин современной Карелии хранится, хотя и неравномерно, какой-то поэтический канон причитаний, какие-то правила и какая-то сумма выразительных и изобразительных средств жанра причитаний, выработанных в течение веков местной школой вопленицы (комплекс вариантов постоянных поэтических формул, общих мест, стилистических оборотов, символика природы, традиционные картины смерти, разорения, бедности, сиротства)…» и т. д.[2]

Летом 1944 г. сразу после освобождения Заонежья там побывали фольклористы Института В. Г. Базанов, А. П. Разумова и А. В. Белованова. Их пребывание совпало с возвращением заонежан из лагерей, где они находились во время оккупации. В дневнике собирателя В. Г. Базанов писал: «Участники экспедиции прослушали 100 вопленицы и записали 200 плачей. <…> Записи производились в самой разнообразной обстановке: на кладбище, в поле, у „косивчата окошечка“ в крестьянской избе. Записанные нами плачи представляют собой если не самую первую редакцию, то, несомненно, один из самых точных ее вариантов. В момент безыскусного голошения, когда вопленица плачет для себя, в связи с большими переживаниями, <…> до такой степени охвачена горем, так бурно протекает сам процесс голошения, что причеть становится местами неуловимой, так как отдельные слова и предложения растворяются в бессловесной волне рыданий»[3]. Собиратели стремились к массовому обследованию этого жанра. Итогом экспедиции стало собрание «Русская народно-бытовая лирика»[4], куда вошли

[1] Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Научн. ред. А. Ф. Некрылова. Петрозаводск, 1986. Далее сокращенно: Сказки Заонежья, 1986.

[2] Русские плачи Карелии / Подг. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940. С. 44. Также см.: № 96, 166, 215 нашего издания и примечания к ним.

[3] Базанов В. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945. С. 6.

[4] Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступ. статья и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962.

114 заонежских плачей, исполненные 69-ю плакальщицами. Во вступительной статье к изданию В. Г. Базанов отмечал, что плакальщицами были обычные пожилые и средних лет женщины – не профессиональные вопленицы. Многие были знакомы с плачами И. А. Федосовой и без всяких изменений переносили в свои плачи из старых похоронных причитей поэтические образы-символы, но в основе их плачей всегда были реальные события и факты. Возвращаясь из лагерей, где они пробыли три года, и не находя своих домов или найдя полностью разрушенными, начинали вопить. В результате пережитого горя к старым мотивам прибавились новые: о разрушенном «хоромном строеньице», о разрушенном хозяйстве, о «рогатой скотинушке», о тяжелых «трех учетных долгих годушках», о погибших в лагерях и на войне «рожоных милых детушках», о жизни в оккупации, об отсутствии вестей с фронта, о «законной семеюшке». Они ходили на кладбище к могилам родственников и высказывали свои обиды, горечь и боль. Все вопленицы плакали о пережитом, поэтому трудно выделить кого-то из них. В количественном отношении по девять плачей исполнили Е. Т. Скорнякова из д. Воронинской и А. Ф. Стафейкова из д. Лисицыно, по шесть А. И. Шаторина из д. Рогатковщина и А. П. Ярицына из д. Хабаровская, по пять – Е. Ф. Санникова из д. Емичевской и Н. Е. Шамшина из д. Долгая Нива, по четыре – М. Ф. Куканова из д. Александровская и С. М. Шлыкова из д. Тамбицы и т. д.

В 1956 г. в Карелии работала фольклорная экспедиция МГУ под руководством доц. Э. В. Померанцевой. В ее составе были студенты филологического факультета МГУ и ленинградские аспиранты – музыковед Д. Грачева и лингвист О. Свешникова. Целью экспедиции было обследование мест, знаменитых былинной традицией, и выяснение изменений, происшедших в былевом эпосе. Одновременно они собирали и другие жанры фольклора; работали в трех районах – Заонежском, Сегежском и частично в Беломорском. В Заонежье ими были обследованы деревни Кижского и Сенногубского сельсоветов – Середка, Гарницы, Боярщина, Конда и другие, где когда-то жили знаменитые сказители. Обезлюдевшие деревни Заонежья произвели на них грустное впечатление, многих деревень, где записывали экспедиции братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых и А. М. Астаховой, уже не существовало. Н. И. Савушкина в отчете об экспедиции писала: «Война и оккупация подорвали жизнь края. Разрушаются огромные двухэтажные „кондовые“ дома, в них коротают свой век одинокие старухи»[1]. Относительно былинной традиции выводы были тоже неутешительными: потомки знаменитых сказителей с трудом припоминали отрывки некоторых былин, а целиком лишь отдельные тексты.

Из сказителей, от которых записывали Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. М. Астахова и другие, они нашли здравствующим Е. В. Сурикова из д. Конда. Ему было в ту пору 87 лет, но былины он помнил хорошо, хотя петь в последние годы приходилось очень редко. Несмотря на недомогание, он исполнил собирателям четыре былины и отрывки трех раньше не записанных былин. Дочь былинного сказителя П. С. Семенова – М. П. Рогозина из д. Маталово оказалась многожан-

[1] Архив. Ф. 1, оп. 1. К. № 79 / отчет Н. Савушкиной. Л. 2. Далее сокращенно: Архив / отчет Н. Савушкиной.

ровой исполнительницей. От нее экспедиция записала былины, баллады, причеты и разного рода песни. Общение с исполнителями показало, что наиболее сохранились новеллистические былины-баллады, духовные стихи, их знала почти каждая женщина. Интересный материал они собрали по сказке. Сказочниками, кроме трех мужчин, были старые женщины. Репертуар некоторых включал от 7 до 24 сказок. Интересной исполнительницей сказок о животных оказалась К. А. Сурикова – невестка Е. В. Сурикова, исполнившая лучший вариант сказки про дрозда. Сказки знал племянник Е. Б. Сурикова, сын А. Б. Сурикова, – Ф. А. Суриков, но рассказывать отказался. В небольшом количестве были записаны предания, легенды и былички.

Больше же всего экспедиция собрала песен и частушек, отметив добротность и большую сохранность песенных текстов, хотя сюжеты не отличались многообразием. Большой популярностью пользовались лирические песни – о женской доле, о тяжелой жизни на чужбине, в разлуке, в солдатчине, а также свадебные, кадрильные, ланцы и «утушные». Исполнителями их тоже были старые или совсем пожилые женщины. «Многие из них, – читаем в отчете Н. И. Савушкиной, – вспоминали песни с трудом. Однако собравшись втроем-четвером, помогая друг другу, припоминали „самые досюльные песни“, пели их на голоса, красиво и с увлечением. Часто раззадорясь, показывали и кадриль, и утушку. Почти в каждой деревне – Сычах, Оленьем острове и др. нетрудно было собрать такой небольшой хор местных „краснопевок“»[1]. Следует заметить, что многие женщины – носители песенной традиции, были и знатоками причетов, которые также записывала экспедиция. Собиратели отметили поэтичность и высокохудожественность свадебных и похоронных плачей А. Я. Завьяловой из д. Гарницы.

Большим пробелом в собирании устного народного творчества в Заонежье являются 60-е и 70-е гг. XX в. Собирательская работа возобновилась лишь в 80-е гг. Научный архив КарНЦ РАН располагает богатым материалом по всем фольклорным жанрам: сказке, песням, свадебной обрядности, приметам, верованиям, заговорам, быличкам, пословицам, поговоркам, загадкам, народной медицине, детском фольклоре и т. д., записанным в 1980–1996 гг. сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН – Т. И. Сенькиной, Н. Ф. Онегиной, В. П. Кузнецовой, К. К. Логиновым, Э. П. Кюльмясу, А. Т. Пакконен, К. Х. Раутио и другими. В экспедициях принимали участие сотрудники Петрозаводского Государственного историко-архитектурного и Этнографического музея-заповедника «Кижи» Р. Б. Калашникова и другие, студенты Петрозаводского Государственного университета и Карельского Государственного педагогического университета. Многие из выявленных в эти годы исполнителей, как и сказители конца XIX – и половины XX в., отдавая предпочтение одному из фольклорных жанров, на самом деле были и есть многожанровые носители. Записанные от них тексты свидетельствуют об их талантливости, а порой и незаурядности.

Разнообразный сказочный репертуар записан от А. И. Палтусовой из д. Ламбасручей. Это – и сказки о животных, и волшебные, и литературные. Собиратели

[1] Архив. Отчет Н. Савушкиной. Л. 9. Подробнее см.: Л. 2–12.

не раз встречались с ней и записали около 27 текстов (с повторами). Тексты отличаются сохранностью и каноничностью. Она – хранитель семейной сказочной традиции и прекрасный знаток обрядовой лирики. Собирателю Т. И. Сенькиной рассказывала: «Сказки слышала в детстве, мама и бабушка рассказывали, а потом, когда побольше стала, пряла, слышала, как другие рассказывали»[1].

«Кладезем народной мудрости» назвала собиратель Н. Ф. Онегина творчество незаурядной сказочницы, мастера волшебной сказки П. С. Мошникову из д. Палтега. От нее записано более 20 сказок, отличающихся полнотой передачи сюжета и сказочной обрядностью. Сказки слышала от разных людей, особенно много переняла, когда «ходила по чужим работам», так как росла сиротой. Очень любила петь, и песня помогала ей преодолевать трудности. Ее репертуар включает разного рода песни, баллады, частушки и богат обрядовой – свадебной лирикой.

Сказочная традиция нескольких поколений прослеживается в семье прекрасного сказочника и рассказчика Н. С. Чиркина из д. Великая Губа. От него записано 19 сказок, а в молодости знал не менее 50. Их знанию обязан своей матери, которая «горазно много знала сказок». Хорошая сказочница его жена А. Ф. Чиркина. Традицию продолжают их дочь А. Н. Бочанова и внучка А. Бочанова. Репертуар Н. С. Чиркина не исчерпывается сказками, а включает песни, былички, поверья, предания, пословицы, загадки и т. д.

От М. С. Медведевой из п. Шуньга записано 24 сказки. Большую часть текстов составляют сказки о животных и волшебные. Ее мать и бабушка знали очень много духовных стихов, молитв, сказок и всегда рассказывали их детям. М. С. Медведева была знакома и с книжной традицией. Сказки очень любила, рассказывала эмоционально, обладала богатой мимикой. В ее репертуар входят духовные стихи, песни, былички и т. д.

Безусловно, невозможно в рамках статьи сказать обо всех сказочниках, их в нашей работе около 70; здесь же представлены те, чьи репертуары и отличительная манера исполнения значительно богаче, разнообразнее и представляют наибольший интерес для фольклористов[2].

В 1980–1990 гг. В. П. Кузнецовой, К. К. Логиновым и другими был собран богатый материал по свадебной обрядности. Среди исполнительниц есть замечательные причитальщицы и великолепные певицы. Одну из них мы уже называли, это – А. И. Палтусова. От нее собиратели записали полный цикл свадебных причитаний, песен и приговоров дружки. Вместе с другими вопленицами она ходила на свадьбы петь и причитывать. Хорошо помнила причитания и великолепно исполняла свадебные и другие песни П. И. Гирина из с. Шуньга. Ее песенный репертуар очень разнообразный. Любовь к песне сопровождала всю ее жизнь. Многожанровой исполнительницей оказалась А. Н. Теребова из п. Ламбасручей – знала песни, причети, баллады, заговоры, былички. Ее причитывание

[1] Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Науч. ред. В. Я. Евсеев. Рец. Е. М. Неелов и Е. И. Маркова. С. 24.

[2] Подробнее о них см.: Сказки Заонежья, 1986; а также № 149–149б, 167, 200, 298 и 299 нашего издания и примечания к ним.

было настолько эмоциональным, что потрясло собирателей и вызвало слезы. Им удалось записать от нее много ценных сведений о свадебной обрядности. Все, что она знала, заимствовала в молодости на бесёдах от старух, от своего дедушки и золовки. Прекрасная певунья и интересная рассказчица А. А. Белова из п. Шуньга. Ее репертуар настолько обширен, что включает все виды песен от «досюльных» до частушек. Знает свадебный обряд, сказки, былички, пословицы, поговорки. Долгие годы была участницей народного хора Заонежья. Талантливой исполнительницей песен назвали собиратели В. И. Исаеву из д. Кривоноговская. Они записывали от нее два дня. Ее репертуар включает свадебные причети и песни, приговоры дружки, духовные стихи, баллады, предания, разного рода песни и т. д. Петь очень любила и была каждый раз рада встрече с собирателями. Знаток и талантливая исполнительница свадебных и других песен Т. Ф. Алешина из п. Ламбасручей. Собирателей покорил ее прекрасный низкий голос, а при групповом исполнении она всегда вела песню. Ее напарницей при исполнении всегда была И. Я. Кирьянова, знающая много песен и любившая их петь. А. И. Палтусова рассказывала собирателям, что в прежние времена в доме Кирьяновых всегда собиралась на бесёды молодежь. Репертуар Л. А. Благочинной из д. Лебещина невелик, но исполнение свадебных причитаний было потрясающим: плакала по-настоящему, закрыв лицо руками. В этой же деревне в лице Е. А. Минкиной собиратели нашли хорошую песенницу. В ее репертуаре разного рода песни, романсы. Знает духовные стихи. Собирателям сообщила некоторые сведения о свадебном обряде, исполнила причитание.

На основе собранных экспедиционных записей, других архивных источников и публикаций В. П. Кузнецова и К. К. Логинов опубликовали в 2001 г. книгу с полным этнографическим описанием русской свадьбы Заонежья конца XIX – начала XX в. В издание включены свадебные причитания, песни и приговоры дружек от 68 исполнителей, в том числе от 33-х вошедших в нашу работу. Авторами дана опись материалов по свадебному обряду Заонежья, хранящихся в Архиве КарНЦ РАН и Фонограммархиве ИЯЛИ[1].

Собиранием и систематизацией материалов по хозяйственному укладу, по семейным обрядам и верованиям и производственно-бытовой магии русских Заонежья в 1980–1992 гг. активно занимался К. К. Логинов. Используя материалы собственных исследований и широкой источниковедческой базы, итогом его работы стали две монографии[2].

Научный архив КарНЦ РАН располагает значительными записями заговоров, сделанными в районах Карелии в разные периоды, в том числе и в Заонежье. На основе этих материалов в 2000 г. Т. С. Курец издан сборник «Русские заговоры Карелии» с данными о собирании заговоров по годам и районам и с

---

[1] Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Науч. ред. К. В. Чистов. Муз. ред. Т. В. Краснопольская. Рец. Н. А. Криничная, В. П. Ершов. Петрозаводск, 2001.

[2] Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Науч. ред. Е. И. Клементьев. Рец. Л. С. Лаврентьева, В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1993; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Рец. А. К. Байбурин, И. Ю. Винокурова. СПб., 1993.

описью заговоров, записанных на территории сопредельных с Карелией областей – Мурманской, Ленинградской и Вологодской. В сборнике – 452 заговора, в том числе 37 текстов от 15 заонежских сказителей, из них 6 исполнителей включены в наше издание. Это – А. А. Галашина из д. Деригузово, П. С. Мошникова из д. Палтега, А. А. Назарьева (Назарова) из д. Великая Губа, А. Е. Потапова из д. Сенная Губа, А. Н. Теребова из п. Ламбасручей и И. Д. Фролов из д. Вырозеро[1].

История собирания фольклора в Заонежье свидетельствует, что сегодня многие жанры и народные традиции – достояние прошлого, а их носители – люди очень преклонного возраста. Здесь уместно процитировать слова из письма к.б.н. М. В. Балагуровой, племянницы упоминаемой нами выше учительницы Спасогубской школы Е. В. Ржановской, от 19/X–1989 г. к проф., д.ф.н. С. М. Лойтер, где она писала: «Благодаря ей (Ржановской. – С. Л.) приоткрывается дверь в прекрасный детский мир Заонежья, мир, ныне, к сожалению, безвозвратно ушедший. Мое поколение, по-видимому, одно из последних, кто еще воспитывался на шедеврах заонежского фольклора. Коллективизация сельского хозяйства (война и оккупация – Т. К.) изгнала из деревень Заонежья не только фольклор, но и самих крестьян. В Сенной Губе уже давно не слышно детских считалок и дразнилок, а в последние годы в деревне осталось лишь несколько местных детей <…> в школе, вновь открытой там в этом году, – всего лишь два ученика. Жизнь быстро меняется, историю не переделаешь, но мы должны ее знать»[2].

Да, историю не переделаешь. Неблагодарная задача предугадывать, какие традиции создадут новые поколения заонежан и создадут ли, главное, чтобы они не забыли традиции своих предков и имена их носителей, в этом – основа и залог духовности народа.

Однако хочется надеяться, что сбудутся слова А. Блока, приведенные критиком, прозаиком В. В. Дементьевым в очерке о поэтессе О. Фокиной в книге «Дар Севера», о том, что «Произведение *искусства* (устное народное творчество является таковым – Т. К.) оживет в следующем поколении, пройдя, как ему всегда полагается, через мертвую полосу нескольких поколений, которые откажутся его понимать»[3].

Поводом для их цитирования послужил случай в магазине грампластинок, свидетельницей и участницей которого стала О. Фокина, которая никогда не стеснялась своего деревенского происхождения. В. Дементьев пишет, что «между роков, между твистов» поэтесса нашла «уцененные» записи народных песен северного хора. «И все бы простила поэтесса, – и эту обидную „уцененность“, и равнодушие других покупателей к своему „родному“, и раздражение продавщицы, которой пришлось искать пластинки в самом дальнем углу, и гром модной музыки, – если бы не вопрос мальчика, заданный „с выражением особым“: „Вы – из деревни?..“ Чего, чего, а этого „особого“, снисходительно-иронического

[1] Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Науч. ред. Н. А. Криничная. Рец. А. В. Пигин, В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2000.

[2] Лойтер, 2001. С. 202.

[3] Дементьев В. В. Дар Севера. М., 1973. С. 234. Далее сокращенно: Дементьев, 1973.

выражения поэтесса стерпеть не могла» и ответила: «Я, конечно, из деревни, и не скрою, раз спросили, из деревни, из какой».

Песни есть о ней и книжки,
Есть о ней стихотворенья,
И зовут ее – Россия…
А откуда вы такой?[1]

Примечательные в этом смысле и слова писателя Василия Белова, сказанные им в книге «Лад»: «Вне памяти, вне традиции, истории и культуры, <…> нет личности. Память формирует духовную крепость человека».[2]

[1] Дементьев, 1973. С. 234.
[2] Белов В. И. Лад. 1979.

МАТЕРИАЛЫ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАОНЕЖЬЯ

1. АКИНФИН МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ, 1874 г.р., д. Тявзия. Во время оккупации Заонежья он находился в концлагере в Петрозаводске. Освобожденный в 1944 году из лагеря, он вернулся в родную деревню. Дом, в котором прошла вся его жизнь, был разрушен. Обхватив седую голову руками, Михаил Георгиевич сидел на завалине разрушенной «хоромины» и горько причитал: «Нет у меня да друга верного». Таким его увидели собиратели. Вечером, когда он устроился на квартиру, они навестили этого одинокого и совершенно глухого старика. «Из-под нависших бровей, – пишут собиратели, – выглядывали добрые серые глаза. На листе чистой бумаги мы писали большими печатными буквами. Михаил Георгиевич по складам читал наши записки и в ответ на них рассказывал о своей жизни. Наконец, мы решились спросить: „Дедушка, расскажи нам, откуда ты знаешь причеть“. Старик покачал головой и как-то по-детски улыбнулся. Он понял, что мы слышали его причеть у разрушенного дома. Несколько лет тому назад, когда умер его единственный сын, Михаил Георгиевич работал печником в дер. Узкие и там, на крестьянских полатях, нашел потрепанную книгу. „Подобрал я эту книгу и стал читать. Прочитал и завопил. Хозяйка спрашивает: – Что вопишь? – Да это про мою жизнь написано, вот и воплю. – С тех пор давно не плакал, а вот сегодня посмотрел на свою хоромину и не стерпел, вопить стал“. Дед повторил свою причеть. По плачу не трудно было догадаться, что в книжке, которую он когда-то читал, было напечатано „Раздумье селянина“ А. В. Кольцова. Он воспринял это „раздумье“ как плач о своей одинокой жизни. <…> Дед переосмыслил это „раздумье“ в плане личных переживаний. В его плаче образы „Раздумья селянина“ слились с отдельными поэтическими выражениями из обычной причети: „Я гляжу-смотрю, кручинная головушка“, „Нету в живности желанных милых детушек“. Это был первый случай в нашей фольклорной практике: плач был записан от семидесятилетнего старика». *(Базанов, 1945. С. 44; Базанов, Разумова, 1962. С. 564).*

2. АКИНФИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА, 1878 г.р., д. Тявзия. В 1944 году ей было 66 лет, жила одна. Во время оккупации Заонежья все хозяйство было отобрано. Один из сыновей находился в концлагере в Петрозаводске, три сына были на фронте, дочь в Челябинской области, муж умер. Среди соседей Александра Сергеевна слыла в свое время как хорошая песенница, знала свадебные и похоронные причитания. В исполненных для собирателей плачах, используя традиционные формулы, говорила «о растерянных детях, о сыне, который был

посажен за колючую проволоку лагерей». Плач исполняла на могиле мужа. *(Базанов, Разумова, 1962. С. 564; АКНЦ 75/69. Л. 109).*

3. АКСЕНОВ ВАСИЛИЙ с Леликова, 80-летний старик-крестьянин, грамотный, мастер рассказывать сказки и обладающий несколькими лубочными изданиями. На вопрос о былинах он сперва отвечал, что их все забыл, но потом вспомнил отрывок про Вольгу́ и Микулу и другие былины. <…> От кого он им научился, он не мог припомнить. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 691; см. также: Чичеров, 1982. С. 78, 147 – приводится сопоставление сюжетов былины «Иван Гостиный сын» в текстах В. Аксенова, С. Неклюдиной, А. Иванова).*

4. АЛЕШИНА ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА, 1912 г.р., уроженка п. Ламбасручей, грамотная. Росла без отца. Мать ее знала сказки и часто рассказывала их детям. Татьяна Федоровна вспоминала: «Сядем туды, кто на́ печи, а кто – прясть учила она. Маленьких, ведь, бывало, заставляли прясть. Сяду прясть, пряличка маленькая такая, а она сидит и рассказывает сказки. А то были свои смолокурни такие, не такие как теперь. Как горшки таки поставлены, только большие. С кирпичей. Теперь, ляй, железо кладывают, а то с одних кирпичей. Она пойдет к ночи туды сидеть, смо́лу жгать. Без мужика, дак наб, все приходилось. Ну и вот меня возьмет туды в товарищи. Вот сидит и рассказывает сказки». Собиратели отметили, что Татьяна Федоровна «является талантливой исполнительницей народных песен. У нее прекрасный низкий голос, она всегда ведет песню при групповом исполнении». О себе она поведала следующее: «Бывало обидят, дедко ведь у́ нас, ляй, шальной был. <…> Тоу́да <было> все сво́е, единолично жили. Рожь-то в логу. Я как стану жать, как песню по́ю. „Родиласе я в поле, как былинка, без родителей росла кругла сиротинка“, дак и свету не вижу, думаю, отрежу руки. Не помню, кто у зарода о́вес весил. Петр ли Матвеев или Павел Матвеев, говорит: „Ну, мы слышали, как ты вче́ра песню пела, наверно, вопела? “. А я говорю: „Всёго было, думала и руку отрежу“. Дедка, ляй, эдакой был кру́той. Пусть уж он все-таки нас не́ спустил по́ чужим людям шататься, вырастил. А что матери досталось! Матерь бил <…>. Нас-то не трогаў, не́ бил нас, а матерь-то бил. <Дед> это – деверь, матери деверь был». *(АКНЦ 162/23, 24; 148/1).*

Алешина Татьяна Федоровна

5. АЛЕШИНА ФЕКЛА МИХАЙЛОВНА, 1902 г.р., д. Тамбицы Типиницкого сельсовета. До войны жила в д. Линдома, которая во время оккупации Заонежья

была разрушена, и все было отобрано. В 1944 году ей было 42 года, жила с тремя дочками, работала бригадиром в колхозе. Муж и сын с самого начала войны были на фронте, известий от них не имела. Брат находился в плену. Собиратели отметили, что Фекла Михайловна «знает много сказок, любит их и с большим интересом рассказывает», знала она и плачи. В одном из плачей Фекла Михайловна рассказывает о своей маленькой племяннице, которая потеряла в годы войны своих родителей и которую она встречала, причитывая; в другом – о «трех учетных долгих годышках» неволи, т. е. о жизни в оккупации. *(АКНЦ 75/79. Л. 121; Базанов, Разумова, 1962. С. 564).*

6. Амбарова Акулина Назарьевна, 1890 г.р., д. Огаровцы Толвуйского сельсовета. В 1944 году ей было 54 года. Во время оккупации Заонежья перегоняли с места на место; как она сказала: «за три года пожила на семи подворьях». Сын был в концлагере на лесозаготовках и утонул на сплаве «за три дня до освобождения Заонежья Красной Армией», о чем она и говорит в плаче: «Утонул сердечно мое дитятко, он во этой во реке да во глубокоей, он во этих порогах да во быстрыих…». Во втором плаче вопленица говорит о своей тяжелой жизни в оккупации. *(АКНЦ 75/31. Л. 45).*

7. Амосов Василий Васильевич, крестьянин дер. Обозеро (Озерки), 65 лет. Петь былины отказывался, ссылаясь на незнание, но, по-видимому, былины все же знает, так как не мог удержаться от поправок, когда при нем пели былины. Из разговора с ним выяснилось, что любимым его былинным героем является Микула Селянинович, которого Амосов считает «своим» крестьянским богатырем и которого представляет в обстановке своей деревни. К богатырям, находящимся на службе у князя Владимира, сказитель относится с некоторой критикой, противопоставляя им Микулу Селяниновича. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 628).*

7а. Амосов Василий Васильевич, в 1932 г. – крестьянин д. Обозеро Заонежского района, земледелец и рыболов, 72 лет, неженатый, неграмотный. Бывал во многих городах – в Петрозаводске, Ленинграде, Беломорске, Кеми. На военной службе не был. Жил в 1932 г. с внучатым племянником и его семьей. Былинам, по его словам, научился от крестьянина д. Середка Кирика Гавриловича Рябинина во время рыбной ловли. Однако в зарегистрированном в 1926 г. репертуаре К. Г. Рябинина нет сюжетов былин, записанных от Амосова, кроме былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Тексты же этой былины у Амосова и Рябинина как раз не имеют никаких точек соприкосновения, кроме общей композиции былины, вообще типичной для Заонежья. Былины Амосов не пел, а сказывал словесно, тексты знал нетвердо, исполнение сопровождал комментариями. В его текстах четко проявилась тенденция к реалистическим подробностям. Кроме записанных, знал, по его словам, еще несколько былин об Илье Муромце, слышал же много былин: про Добрыню, Алешу Поповича, Чурилу, Дюка и Святогора. В 1926 г. экспедицией ГАХН от него были записаны побывальщины

«Святогор и Микула» и «Вольга и Микула» … <В 1932 г. были записаны былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Турканин собака царь калин», «Илья Муромец, сын Иванович» и «Смелый Алеша Попович»>. Еще В. В. Амосов исполнял отдельные отрывки былин «для себя», во время работы и отдыха. Вообще былины всегда любил и верил в историческую правду их содержания. *(Астахова, Т. II. С. 127).*

7б. Амосов Василий Васильевич, 80 лет, сказитель былин и сказочник. О нем ходит большая слава в окрестных деревнях. <…> Он поет некоторые былины («Илья Муромец и Сокольничек»), но большинство рассказывает как сказки, хотя целые периоды в них носят явно эпический характер. Знает Амосов их более двадцати. Но узнать темы и заголовки у него очень трудно. Необходимо отметить и трудность записи от него материала: говорит он очень быстро, очень невнятно и архаично, повторить же его заставить невозможно, так как он начинает разъяснять и развивать мысль. Сюжетной стороной он дорожит больше чем текстовой. Очень развита у него картинность восприятия и рассказа: при пояснении он, не задумываясь, рассказывает план горницы, где что висит и т. д. Близок Василий Васильевич и к советским темам. Он очень много расспрашивал про «изменников, помощников Варошилова», говоря, что они хотели отдать Россию в кабалу, как и «при татарах все было», но теперь люди еще сильнее чем были богатыри. Много он расспрашивал про летчиков, метрополитен, тоннели, подводные лодки, про газы и защиту от них. Очень заинтересовала его былина М. С. Крюковой «Сказание про полюс», которая была прочитана ему дважды. Он ссылался только на занятость, а то имел бы желание сложить былины по типу этой, новые былины. *(Чистов К. В., 1937 г. – АКНЦ 74/87).*

8. АМОСОВА ФЕКЛА СЕМЕНОВНА, Обозеро, Сенногубского сельсовета. В 1937 г. К. В. Чистов записал от нее песни и былину, которые она исполнила вместе со сказительницей М. К. Пашовой. Все песни, как она объяснила, слышала от своей матери. Кроме того, Фекла Семеновна рассказала, что в свое время хотела выучиться петь былины и ходила к известной сказительнице Н. С. Богдановой. Последняя, как она говорит, «запросила 100 рублей в месяц за учебу и еще: „Если же хочешь все былины знать, давай корову“». Очевидно, это обидело Феклу Семеновну, и она сказала собирателю: «Так и померла, никому не передала. И за это ей на том свете грех великий будет». *(Чистов К. В., 1937 г. – АКНЦ 74/83).*

9. АНАНЬГОВА СЕРАФИМА МИХАЙЛОВНА, 1918 г.р., уроженка д. Лисицыно, по другим сведениям д. Толвуи. Запись производилась в д. Кузаранда. Как сообщила Серафима Михайловна, семья родителей была большая. Учиться пришлось только три года. Надо было трудиться. Работы было много: убирали хлеб, косили горбушами сено, ходили в лес. В молодости ходили на беседы, где пели, танцевали, гадали. Там познакомилась и с будущим мужем. Он работал машинистом. Иногда приходил на беседу на лыжах. Потом вышла за него замуж, родила пятерых детей. *(АКНЦ 179/1; 179/27).*

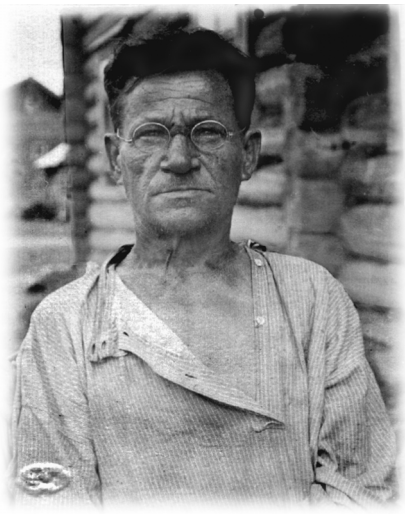
10. АНДРЕЕВА АНАСТАСИЯ ИЛЬИНИЧНА, 1903 г.р., уроженка д. Космозеро. У родителей было пятеро детей. Когда умерла мать, ей было 8 лет. В 1913 г. пошла в школу, закончила три класса средней школы. В 19 лет вышла замуж. Муж жил в Ленинграде, а в деревне у него жила мачеха, к которой он приезжал. «На сенокос мы с ним вместе ходили, – говорит Анастасия Ильинична. Вот тут на работе он меня и выглядел. Ему нравилось, что я все умею делать. Да и сосватал. <…> Он быў доброволец Красной гвардии, быў контужен в Гражданскую войну под Красной Горкой, под Кронштадтом». Затем ее муж работал в сапожной мастерской, выучился на хорошего мастера «а позже работаў в детском доме сапожным инструктором и мни книжки носиў читать». Она прожила в Ленинграде семь лет. В 1929 г. ее муж утонул, и она осталась с маленьким ребенком. Работы не было. В 1931 г. проучилась год в вечерней школе колхозной молодежи, после чего была направлена на шестимесячные курсы дошкольных работников при Гороно в Петрозаводске. Закончив курсы, организовала в 1932 г. в колхозе детский сад и проработала в нем до войны. С начала ВОВ была на оборонных работах, а после оккупации Заонежья эвакуировалась в Пудожский район, где работала председателем Семеновского колхоза. Имела пятерых детей. На 54-м году вышла по болезни на пенсию.

Анастасия Ильинична знает сказки, но сказала, что «я как работала в детском саду много годов <…> дак вси сказки с книжки. <…> Я в 1932-м году приехала с курсов, брошюры читала, а песни теперь по радио поют. А в 1932 году книжки были такие – про Бармалея, про Муху-цокотуху». От нее записано две сказки и песни. *(АКНЦ 142/326, 641).*

11. АНДРЕЕВА ИРИНА АНДРЕЕВНА, 1888 г.р., д. Ивантиевская Вырозерского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Ирине Андреевне было 56 лет. Плач записан в день получения известия о смерти ее сына – 6 сентября. С утра до позднего вечера она оплакивала свою утрату. Собиратели пишут: «Вопленица сидела у „косивчата окошечка“ с опущенной на подоконник головой. Не обращая внимания на окруживших „спорядовых соседок“, которые пришли с ней разделить горе, вопленица то и дело всхлипывала и, охрипшим от слез голосом, выводила причеть, выголашивала чувства матери, потерявшей за годы войны с немецкими захватчиками двух своих сыновей. Она горько жаловалась, что нет у „кручинной у головушки“ „крылышек гусиных“, а то слетала бы за „лесушки за темные“ и разыскала бы „детушек сердечных“. Плач о сыне она закончила уже на могиле мужа, где, обращаясь „к умершему с просьбой встать на ноги и разделить с ней тоску-кручину“, вопленица поведала о случившемся горе». *(Базанов, 1945. С. 50; АКНЦ 75/159).*

12. АНДРЕЕВА ПРАСКОВЬЯ (ПАРАСКОВЬЯ) МИХАЙЛОВНА, 1907 г.р., д. Яндомозеро Яндомозерского сельсовета. В 1944 г. ей было 37 лет, имела пятерых детей. Во время оккупации Заонежья «все было отнято и порушено», – сказала Парасковья Михайловна, – «за три года темной ноченьки не сыпали». Вопленица исполнила два бытовых плача. Два плача записано от ее свекрови **АНДРЕЕВОЙ Анастасии Игнатьевны**, 1876 г.р. *(АКНЦ 75/163, 189).*

13. АНДРИАНОВ КУЗЬМА ДМИТРИЕВИЧ, 1874 г.р., по другим сведениям 1875. Родился в семье бедного крестьянина д. Конда. До двух лет был здоровым ребенком, а потом, как он сказал, его испугали и он заболел: не говорил и не ходил до семи лет. Брат, живший в Петербурге, «выучил писать», а сосед, живший в монастыре, – ходить. У родителей был дан обет отправить его в монастырь на работу, а ему хотелось поехать в город на ученье. В 13 лет он был отвезен в город учиться басонному мастерству «на 5 лет за 50 рублей». Кузьма Дмитриевич рассказывал, что жить было очень плохо, и он с двумя товарищами сбежали от мастера и отправились пешком по домам. Он добирался месяц. После возвращения его отправили работать в Соловецкий монастырь. Там его взяли в хор. У него было желание остаться там послушником, но отец не позволил, а отправил его в Клименецкий монастырь, где он однажды ездил с одним монахом в качестве кучера, а иногда и сам надевал подрясник, собирали в деревнях подаяние. Он неоднократно уходил в монастырь и возвращался. В перерывах работал в Петрозаводске у каменщика Седова (мял глину, носил кирпичи); некоторое время работал сторожем в соборе и духовной семинарии, ходил на соймах матросом. Несмотря на слабое здоровье, он был взят на военную службу, 4 года которой отбывал в с. Грузино Новгородской губернии. Как он сам говорит, участвовал во всех войнах, несколько раз был ранен, «все здоровье на войне потеряно», был награжден 4-мя медалями. Исполнял должность дьячка полковой службы. В перерывах между войнами батрачил. Дважды был женат. С первой женой прожил 14 лет, было 5 детей, в живых остались сын и дочь. Жена болела и умерла в больнице в Петрозаводске. Он тем временем выдержал экзамен и в 1906 г. поступил псаломщиком в свою церковь, построенную в 1902 г. в честь Пятницы Параскевы. От второго брака у Кузьмы Дмитриевича было 5 детей. В 1931 г. работал школьным сторожем, а позднее, будучи инвалидом, жил и работал в доме отдыха «Пески». По собственному признанию Кузьмы Дмитриевича, он знал раньше много былин и песен, «певал в ученьи и в солдатах, но теперь забыл». Знал он сказки и любил рассказывать. А односельчане утверждали, что Андрианов знает заговоры, с помощью которых останавливает кровь, чему они неоднократно были свидетелями. Собиратели даже отметили в своих записях, что Кузьма Дмитриевич «очень развитой и мастер на все руки». *(Из дн. Тяпонкиной Н. Н. – АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 94. Л. 27, 28; Родина Е. – 122/1. Л. 1–6; также см.: Васильев Г. № 39а; Северикова М. Н. № 241 нашего издания).*

Андрианов Кузьма Дмитриевич

13а. Андрианов Кузьма Дмитриевич. Былины от К. Д. Андрианова <…> записаны в 1931 и 1932 гг. Он был в то время членом колхоза и школьным сторожем в д. Конда Сенногубского сельсовета. Было ему 57 лет. В свое время Андрианов побывал в разных городах: в Петербурге, Петрозаводске, Новгороде. Служил на действительной военной службе и участвовал в войнах, японской и первой мировой. В 1932 г. он имел средний достаток, занимался разными ремеслами: шил и чинил сапоги, портняжил, вязал сети, шил шапки и рукавицы. В обращении был приветлив, весел, любил побалагурить. Сам Кузьма Дмитриевич считал себя более сказочником, чем «старинщиком». «Я вот что скажу, – заявил он после записи у него осенью 1931 г. былин о Кострюке и о Гришке-Расстрижке: – те былины, что помнил, сказал, а другие не буду, плохо помню, а конфузиться передо всеми не хочу, потому знаю – потом с другими, досюльными, сличать будут. Вот сказки хорошо помню, их скажу непременно. Их много знаю». Тем не менее, в январе 1932 г. от него удалось записать еще былины о Добрыне и о Чуриле и отрывок былины о Дунае. Записано от него было и несколько сказок: «Лгало и подлыгало», «Догадлива старушка» и «Как из скотины люди бывают». Из своего сказочного репертуара он назвал еще «Портупея-прапорщика», «Ивана-царевича», «Старуху и лапоть», «Перевозчика». Кроме того, он знал несколько духовных стихов (про Егория и про Алексея-человека божия), ряд песен – солдатских и свадебных, а также пародии на церковные песнопения, сочиненные монахами Клименецкого и Соловецкого монастырей, где он временно работал. Знал он также и несколько заговоров. Записанные от него сказки обнаруживают явную тенденцию к реалистическому стилю и сатире. Они направлены на обличение и осмеяние чванных и глупых богачей: богатых попов, помещиков («Лгало и подлыгало»), а также на обличение мошенников полицейских и судей (сказка «Как из скотины люди бывают»). Особенно большой социальной заостренностью отмечена упомянутая сказка «Как из скотины люди бывают», социальный смысл которой раскрывается в заключительных словах старика: «Скотина скотиной и остается, хоть и судья. Был бы от нас, от человека, так не то бы, а то как от скотины, так скотина и будет». В этих сказках ярко отразилась идеология крестьянина, которому с малолетства пришлось испытать тяжелую нужду, жизнь впроголодь и колотушки в «ученье» у «хозяев». <…> Отмеченные художественные тенденции сказались и на его былинном знании. И здесь мы видим тяготение к реалистическим образам. Но былины никогда не стояли в центре его интереса и внимания. Научился он им вследствии особой обстановки своего детства. «Былины узнал я от бабушки своей, Андрияновой Степаниды Егоровны; 85 лет она жила. Последние восемь лет была слепой. А я сиднем сидел, английская болезнь была.

Андрианов Кузьма Дмитриевич

Так мы и сидели, двое калекушек (я ведь до семи лет не ходил), ну вот она мне рассказывала да пела, а я слушал да подпевал». Впоследствии, в годы «ученья», ему приходилось петь и на людях: «Потом уж, когда молодым человеком был, так запоешь, бывало, былину старинную какую, всей семьей хозяин слушать приходил. Гостей приглашали меня слушать». В годы записи Андрианов былины только помнил. Ни для других, ни для себя он уже не исполнял. Его дети, знавшие сказки и песни, былин не пели. Об Андрианове, как исполнителе былин, вообще в деревне знали мало. Этим, очевидно, и объясняется, что экспедицией ГАХН в 1926 г. от него записей произведено не было. Кроме своей бабушки, в качестве источников былинного знания он называл Домну Васильевну Сурикову <…> Татьяну Васильевну Ермолину и Дарью Филипповну Дутикову, певших былины на «беседах». Былины его отличаются краткостью, совершенно лишены характерных украшающих приемов эпического стиля и включают чисто прозаические сказочные обороты речи. Например: «Не долго молодцу пришлось в поле ратовать и не долго пришлось ему козаковать, заболела его родитель-матушка»; или «горит у ево кровь молодецкая, да играет сила богатырская, опять стал класть поклоны родителю-матушке». Несмотря на то, что Андрианов свои былины частично пел, он является типичным для современности былинщиком-рассказчиком, который лишь сохраняет при помощи дактилических окончаний стихов некоторое подобие былинного ритма, удерживая этим былину от окончательного превращения в прозаический рассказ-сказку. Особенно характерна в этом отношении былина о Добрыне Никитиче. В соответствии с этим усилены реально-бытовые и психологические моменты. В былине о Добрыне мать советует сыну жениться на «скромной девушке». Отъезд Добрыни мотивируется тем, что «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоваться со своей молодой женой». Настасья Микулична на свадебном пиру «сидит она, прикручинившись, и сидит она, пригорюнившись, вспоминает о Добрыне, о Никитиче, о своем милом, о возлюбленном». В былине о Чуриле неверная жена Ермака Васильевича обращается к мужу с укором: «Где ходил ты шлялся да путался со чужима любимима женамы?». Следует отметить, что элементы социальной сатиры, характерные для олонецкой традиции, Андриановым сохраняются, несмотря на все сокращения текста. Так, роль Владимира, интригана и насильника, в былине о Добрыне достаточно выпукла. Развязки былинного действия своеобразны: Чурилу обманутый муж «стащил его да в быстру реченьку». В былине о Добрыне бояре, решив, что Настасья Микулична должна остаться женой Добрыни, «посмеялись да разъехались». Расправа с Алешей исключена.

Самоучкой овладев грамотой, К. Д. Андрианов не только знал былины и сказки из устной традиции, но и читал их в книгах. Происхождение былин он относит ко времени киевского князя Владимира и любит порассказать об исторических основах их. «Во княжестве, во Киевском это, при князе Владимире, много былинщиков да песенников было. От киевского княжества и пошли эти самые былины все. А ведь многое, что в былинах написано, верно было. Уж так, зря, вряд ли бы врать стали. Верно, и Илья Муромец удалый был, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович. Да, вот богатыри так богатыри были!» *(Астахова, Т. II. С. 33–35).*

14. АНДРИАНОВ МАРК КУЗЬМИЧ, 1911 г.р., – сын сказителя Андрианова К. Д. из д. Конда от первой жены. Когда она умерла, сыну было 9 лет, в 1931 г., в год записи, 20. Он окончил в Петрозаводске профтехническую школу и работал преподавателем по технологии металлов в Петрозаводской ФЗШ. Дома не был восемь лет. Собиратели отметили, что «говорит по-городскому и местных слов не употребляет», сообщал их специально для записи. Много рассказывал о деревне, но ценного материала не дал. *(Из дн. Тяпонкиной Н. Н. – АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 94. Л. 9.; 66/32).*

15. АНДРИАНОВА АЛЕКСАНДРА КУЗЬМИНИЧНА, 1915 г.р., – дочь сказителя Андрианова К. Д. из д. Конда от первой жены. Когда умерла мать Шуры, ей было 5 лет, брату 9. Год они жили у дедушки, затем отец женился на другой женщине из д. Конда. О мачехе Шура сказала следующее: «Относилась ко мне когда хорошо, когда плохо. Особенно плохо стала относиться, когда стали у нее родные дети». Брат работал преподавателем в Петрозаводске, и Шура собиралась осенью поехать к нему, чтобы учиться. От нее собиратели записали свадебные и другие песни, о народной медицине, сказки и другой материал. *(Из дн. Лорви С. А. – АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 63).*

16. АНИКИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, 1916 г.р., русская, д. Ямка. Уроженка Кондопожского района. «Мама померла, – рассказывала Анастасия Александровна, – мне пять лет было. Папа помер (тогда тятенькой звали, а не папой), – 14 лет». Росла с мачехой, нянчилась с детьми, а потом, еще девчонкой, работала в пекарне в г. Кондопога. В 20 лет вышла замуж и переехала в Заонежье. Муж работал в Кондопожском районе на лесозаготовках. «Свадьба была?» – Соб. «Какая свадьба?! Приехали сюда <…> стол собрали <…> на другой день записываться ездили. Туда, на погост, где церковь, там у церкви был двухэтажный дом, сельсовет, мы там записывались; на сарай заезжали на санях <…> и все!». В 1988 г. – год записи – Анастасии Александровне было 72 года. Рассказала собирателям о календарных праздниках и обрядах, о беседах и свадебном обряде, о магии, исполнила частушки, песни. *(АКНЦ 181/95).*

17. АНТОНОВ ТИМОФЕЙ из Типиницы, крестьянин 35-ти лет, земледелец и деревенский сапожник. Его мать, умершая четыре года тому назад, была великая мастерица петь былины и знала их очень много. Антонов сохранил в памяти только две из тех, которые она певала. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 210).*

17а. В статье «Былина в Заонежье» А. М. Астахова писала: «Прежде всего, следует отметить самый резкий случай – *полное вымирание былинной традиции в семье*. <…> Такова судьба и традиции Антонова из Типиниц, в семье которого тоже не сохранилось даже памяти о нем. Воспоминание о Тимофее Антонове я услышала лишь из уст слепой 89-летней старухи – Огафьи Александровны Сидоровой, д. Типиницы-Бережная, – помнящей еще, как приезжали „с Тимофея Антоновича списывать“, как он „перепа́л“ и для „смелости две

рюмочки выпил“. „Тимофей Антонович хромой был, сапожник, певец хороший. Работает и стари́ны поет“. „А после его ста́рин не́ было и певцо́в не стало“. Сама же она сохранила лишь скудные обрывки из былины о Добрыне и Алеше, из которых ничего уже сложить не может». *(Астахова, 1927. С. 79; также см.: Чичеров, 1982. С. 109–113 – о текстах былин Т. Антонова и других сказителей Повенца и Толвуи).*

18. АНТРОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА в 1932 г. – глубокая старуха, 95 лет, из д. Кузь-Губа Деригузовского сельсовета. Пенсионерка. Помнила и могла сообщить только былину о Дюке Степановиче. В примечании к былине А. М. Астахова отметила, что «вариант интересен как запись из мест, откуда текстов данной былины до сих пор не было. Сюжет передан сокращенно. Чурилы нет. Единственный след состязания с ним – в сохранении мотива чудесных пуговок. Своеобразен момент личной поездки Владимира в Галич <…> Посрамление князя подчеркнуто его испугом перед матерью Дюка. В стиле сильны черты сказочного склада». *(Астахова, Т. II. С. 449, 743).*

19. АРХИПОВА АННА ВАСИЛЬЕВНА, 1896 г.р., д. Пустошь Толвуйского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Анне Васильевне было 48 лет. Во время оккупации Заонежья она была выселена из родного дома и жила, как она сказала, «на пяти подворьях», дом разрушили. Три сына находились на фронтах ВОВ. Очень беспокоилась за них и с нетерпением ждала их возвращения. В записанных плачах говорится о разрушенном «хоромном строеньице», о жизни в неволе в «эти три учетных долгих годышка». Запись плачей происходила в поле, где вопленица работала с другими женщинами; все присутствующие слушали. В заключение сказала: «Раньше не причитывала, так как невзгоды не знала». *(АКНЦ 75/32).*

20. БАЛАГУРИНА АКУЛИНА ЕРЕМЕЕВНА, старушка под 70 лет. Живет с сыном, нянчит внучат как от сына, так и от замужней дочери, недавно ушедшей от мужа. Ее мать – Авдотья Гавриловна Кичугина (родом из Телятниково), вышедшая в Сычи, – много знала былин. Когда Гильфердинг записывал от Трофима Григорьевича Рябинина, то и она хотела пойти, но тесть ее не пустил с по́жни – не́кем на работе заменить было. Умерла она более 30 лет назад. От матери и переняла Акулина Еремеевна былины. Слышала она и Василия Петровича Щеголенка, которого звали «ропаком», изъеденным оспой. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 513).*

21. БАРАНОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА, 1893 г.р. В 1956 г. – год записи – ей было 63 года. Собиратели – студенты МГУ записали: «Очень бодрая старушка, которая с большой охотой и даже энтузиазмом пела нам старинные песни. Когда мы стали было упрашивать ее спеть, она с негодованием ответила нам: „Чего просите-то, нешто я вам за плату петь хочу, я от души; понимаю, что надо, так и пою вам“». Исполняла песни Татьяна Павловна со своей приятельницей

Евдокией Егоровной Мотовой, с которой всегда поют вместе. Их песенный репертуар включает все разновидности песен – и свадебные, и плясовые, и любовные и т. д. *(АКНЦ 79/348а)*.

22. БАТО́В АЛЕКСЕЙ ВИССАРИОНОВИЧ с Выгозера, двадцати шести лет, земледелец, дюжий, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержал в памяти несколько былин из тех, которые певал его отец, скончавшийся года два тому назад и считавшийся лучшим знатоком былин на Выгозере. Он поет былины очень складно, верно сохраняя различие в напевах. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 903)*.

В 1886 г. в д. Габнаволок со сказителем встречались Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш и записали от него историческую песню про Чурилу. *(См. примечание № 22 нашего издания)*.

23. БЕЛКОВ ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ, 35 лет, д. Нефедово, близ Шуньги. Помимо земледелия, занимается перевозом грузов на собственном карбасе и мелкой торговлей. Раньше он имел лавку. И сейчас жизнь его и его семьи меньше всего зависит от земледелия. Старшая дочь его учится у портнихи и понемногу зарабатывает шитьем, сын ходит на плотах. Белковы резко выделяются среди остальных обитателей маленькой и бедной деревушки. В них ярко выражено тяготение к городской мелкой буржуазии. Дом Белковых – городского типа, с диваном, висячей лампой, граммофоном. Граммофон принес к ним эстрадный репертуар и цыганский романс, псевдонародную песню, которые усиленно распеваются всей семьей. Сам Петр Яковлевич – человек очень музыкальный, поет главным образом потешки, прибаутки, побасенки, часто весьма нескромного характера. Очень подвижный и веселый Белков не любит старинных протяжных песен и фантастических сказок. «Ишь, завела долготу до великого поста, – замечает он жене, начавшей рассказывать сказку, – ты бы лучше такую». И рассказал скоромный анекдот. Однако он сам тоже рассказывает сказки, только все веселые, живые и недлинные вещи. Сам он говорит, что в деревне «на людях» никогда «сказками не занимается», видимо, боясь повредить своей репутации делового и серьезного человека. Но в семье, без чужих «забавляется». И надо сказать, как рассказчик, Белков необычайно интересен. Не стесненный присутствием людей, связанных с ним деловыми и общественными интересами, не боясь уронить свое достоинство, он широко пользуется своим несомненным сценическим дарованием и доходит до больших высот сценической выразительности. Он не столько *рассказывает* сказку, сколько *изображает* ее. Повествовательный материал у него сокращен до минимума и играет роль ремарки. Весь центр тяжести ложится на диалог, который Белков подает различными голосами, изображая говорящих. При этом Белков так сильно пользуется жестом, что рассказ является простым пояснением, подписью под его изображением. Он даже движется по избе, играющей для него роль сценической площадки, и призывает на помощь вещи, «обыгрывая» их. <…> Во всех своих сказках Белков предельно развивает диалог. В сказках «Брюхатый поп» и «Поп

Пахом» он, пользуясь превосходными голосовыми данными, дает значительную часть прямой речи на подражании возгласам священника. Контраст между интонацией возгласа и его смыслом («А в рыбнике за-пек-лась му-у-у-ха!») усиливает комический эффект рассказа. Белков мотивирует мнимую беременность попа не небрежностью работницы, снесшей доктору мочу тельной коровы, и не тем, что кто-нибудь упал на попа, а непомерным его обжорством. Этот момент дает Белкову возможность развернуть великолепную игру вокруг покрытого воображаемой снедью стола. Репертуар Белкова носит довольно яркую антипоповскую направленность. Две из трех его сказок осмеивают духовенство. Целый ряд шуточных песен и прибауток знает он на эту же тему. *(Карнаухова, 1934. С. 377).*

23а. В предисловии к сборнику «Сказки и предания северного края» И. В. Карнауховой Соколов Ю. М. относит Белкова П. Я. к лицам зажиточной части деревни, «которые тяготеют к торговле, к купеческому бытовому укладу и к явно буржуазному миросозерцанию» и для сказок которых характерны настроения: «выражение довольства жизнью, сытого смеха, веселья, склонности не столько к пикантным, сколько явно к эротическим и циничным темам. <…> В сказках Белкова – прекрасного артиста-рассказчика очень сильна струя сатирического смеха. На кого обращена его сатира? На жадных попов и на глупых мужиков. <…> Высмеивая глупого попа, рассказчик-богатей вместе с тем не щадит и своих односельчан, всю массу мужиков, издеваясь над их невежеством и глупостью, как бы кичась вместе с тем своим культурным превосходством над ними». *(Соколов Ю. / Карнаухова, 1934. С. XI–XII).*

23б. Говоря о сказках и сказочниках, полемизируя с Ю. М. Соколовым, В. Г. Базанов пишет, что в отмеченных Соколовым особенностях Белкова «нет ничего торгово-буржуазного, так как бодрость, веселье и смех являются характерной особенностью лучших народных сказок и вообще вечно жизнерадостной и оптимистической народной поэзии». *(Базанов, 1981. С. 75).*

23в. В статье «Русские сказки в КФССР» Н. П. Андреев из сказочников, помещенных в сб. Карнауховой «Сказки и предания северного края» особенно отмечает П. Я. Белкова. «Сказочник, – пишет он, – передает мимикой и жестикуляцией <в сказке „Старик и соковницы“> не только действия, но и настроения (например: „Сказочник садится на лавку, подпирает подбородок рукой“; „уныло садится на лавку“; „угрожающе наступает на воображаемую бабу“ и пр.). В сказке „Брюхатый поп“, почти полностью построенной на диалоге, очень искусно пародируется „набожная“ речь попа: „Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)… Православные, живите дру-у-жно! (А к киселю молоко нужно). Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха) … Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человека) … Нет бога святе-ей! (Запрягайте лошадей)“. По-видимому, Белков – очень искусный сказочник <…>». *(Андреев, 1941. С. 100).*

24. Белова Анна Александровна, 1928 г.р., уроженка д. Фомино Деригузовского сельсовета. Родители – мать Омелина Прасковья Васильевна, отец Омелин Александр Федорович. Отца убили в финскую войну, в 1939 г., у матери осталось нас семеро, потом один мальчик помер, шестеро нас осталось. А позднее другого брата убило машиной в Уницах. Шестнадцать лет ему исполнилось, работать стал. Мы там жили, а потом в Уницах работы не стало – ни магазинов, ни сыту, ничего. Нам предложили <переехать в п. Шуньгу>. Муж уже ездил сюда на работу, на фермы работал. А я, вначале, когда еще замужем не была, работала в «Заонежской вышивке», одиннадцать лет работала. Когда родила мальчика, потом второго, рассчиталась с «Вышивки». Работала в совхозе. А когда переехали в Шуньгу, нам квартиру дали, дочку младшую, ей уже 28 лет, сдала в садик и пошла опять в «Вышивку» и проработала портнихой более 18 лет. В 55 лет вышла на пенсию. Когда начинала работу, вышивала, а потом работала портнихой. *(Зап. в 1991 г. в п. Шуньга Кузнецова В. П. – АКНЦ 191/31).*

Белова Анна Александровна

Необходимо сказать, что изделия мастериц «Хашезерской вышивки», позднее переименованную в артель «Заонежская вышивка», еще до революции 1918 г. направлялись в Калифорнию, Париж, Лондон и снискали всемирную славу. Изделия одной из них – крестьянки А. Павловой – в 1900 г. были удостоены серебряной медали на Парижской Всемирной выставке. В 1928 г. старый промысел был возрожден, и лучшие образцы вышивальщиц экспонировались на Парижскую, Нью-Йоркскую Всемирные выставки и на Всесоюзную с/х выставку. *(Фролов, 1977. С. 149).*

24а. Анна Александровна – прекрасная певунья и интересная рассказчица. В 90-е годы она была участницей народного хора Заонежья. Ее песенный репертуар обширный, в него входят все разновидности песен: от обрядовых – «досюльных» до солдатских, тюремных, романсов и множество частушек. Знает сказки, пословицы, поговорки, свадебный обряд, былички. Рассказывала собирателям, что у них в деревне была «бабка, ворожить умела». Если пропала корова, то она «бросала кресты на заре» и говорила, что «если живая, придет сама. А коли мертва, люди найдут». И корова появлялась в округе. Анна Александровна грамотная. Записи от нее производились в 1983, 1991 и 1992 гг. *(АКНЦ 179/74).*

25. Белоусов Дмитрий Васильевич, 62 лет, д. Падмозеро. В 1926 г. от него записывали сказки и небылицы И. В. Карнаухова, А. М. Астахова – отрывок былины о Чуриле. В примечаниях к четырем опубликованным текстам Карнаухова сообщила, что «сведений о сказочнике не имеется. Рассказчик он очень искусный. Все его рассказы носят ярко выраженный анекдотический характер».

Говоря о сказке «Мертвые дороги», отметила, что она «прекрасно рассказана. Множество деталей разнообразит текст». И действительно, сказка интересная, в форме диалога. А сказку «Два вора» составитель считала одной из лучших в репертуаре Белоусова. *(Карнаухова, 1934. С. 396).*

26. БЕСОВА СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, 1878 г.р., д. Юлмани В.-Нивского сельсовета. В 1944 г. – год записи – ей было 66 лет. Муж умер, когда Степаниде Ивановне было 22 года, осталось два сына. Оба находились на фронтах ВОВ. У одного из них было четверо детей. Все внуки жили с ней. Один из внуков был больной – парализован; другой, 12-ти лет, погиб – попал под машину. Дом сгорел. Степанида Ивановна исполнила похоронный плач, а семь свадебных записала собственноручно и передала собирателям. *(АКНЦ 75/13).*

27. БИКАНИНА АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬЯ) ПЕТРОВНА, 1896 г.р., грамотная. В 1956 г. – год записи – ей было 60 лет. Во время оккупации Заонежья находилась в концлагере в Петрозаводске. Один из сыновей и муж воевали на фронтах ВОВ, и оба погибли. Жила у второго сына. «Раньше, – сказала Настасья Петровна, – знала много свадебных песен», исполнить же смогла только одну, других не могла вспомнить. После исполнения колыбельной собиратели отметили, что «эту песню Настасья Петровна пела долго (записали на 6, 5 стр.), пока не укачала свою внучку». *(АКНЦ 79/413а).*

28. БЛАГОЧИННАЯ АЛЕКСАНДРА ЛУКИНИЧНА, 1907 г.р., уроженка д. Шитики. Замуж вышла в д. Рубцовщина. Записи производили в д. Лебещина в 1983 г., когда исполнительнице было 76 лет. От нее записана обрядовая свадебная лирика, о свадебном обряде и др. И хотя репертуар ее небольшой, собиратели отметили, что Александра Лукинична «очень хорошо исполнила свадебные причитания. Причитывала по-настоящему, закрыв лицо руками». *(Зап. Кузнецова В. П. – АКНЦ 164/1).*

Благочинная Александра Лукинична

29. БЛОХАНОВА АНАСТАСИЯ ФЕДОРОВНА, д. Петры. В результате настойчивых просьб собирателей – студентов МГУ и под давлением приятельницы Трегубовой Е. Л. Анастасия Федоровна довольно быстро согласилась спеть. Они вместе исполнили несколько песен и «жестоких» романсов, которые преобладают в их репертуаре, а также вспомнили часть «Морянина», которого, как пишут собиратели, они упорно называют стихом. Других былин они никогда не слышали. Из известных сказителей-заонежцев знают только о Рябининых, но и тех никогда не видали и не слыхали. *(АКНЦ 79/498а).*

30. БОГДАНОВ ЛЕОНТИЙ, крестьянин д. Середка Кижской волости. Он был первый из сказителей, встреченный П. Н. Рыбниковым. Вот как последний описывает эту встречу летом 1860 г.: «Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трех от меня сидят несколько крестьян, а поет-то седатый старик с окладистою белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице. Присоединившись на корточках у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, прерывая ее иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню: тут я разобрал, что поется былина о Садке-купце, богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов. Стал расспрашивать, не знает ли он еще чего-нибудь. Мой новый знакомец, Леонтий Богданович из деревни Середка Кижской волости, пообещал мне сказать много былин: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца, и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалого Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорок калик с каликою, про Святогора-богатыря, да знал-то он варианты неполные и как-то не досказывал слов. Потому я напечатал впоследствии только те из его былин, которые дополняли своими подробностями другие варианты или представляли совершенно новое содержание. Впрочем, на первый раз я записывал как-то неохотно, а больше слушалось. Много я впоследствии слыхал редких былин, помню древние превосходные напевы; пели их певцы с отличным голосом, с мастерскою дикциею, а по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтия на Шуйнаволоке. <…>

Хозяин <лодки> все хлопотал об угощении работников и баб. Леонтий Богданович то присоединится к гребцам и подзадоривает их спеть песенку, то перейдет ко мне и прерывающимся голосом заведет какую-нибудь старину, то примется болтать с бабами. Ему уже лет семьдесят с хвостиком, а он все еще здоровый, крепкий мужик. Соседи звали его человеком волокитным, т. е. бывалым и работящим. На веку своем он натерпелся-таки вдоволь: был он и на посылках у какого-то чиновника, ходил и на рыбные промыслы на Ладожское озеро, живал и в артельщиках в Петербурге и хаживал „со щетью“ <со щетками для льна> по деревням. Хороших дней в жизни у него было немного. „Я гол как сокол, – говорил он мне, – а семья-то у мня не малая: с сыниной семьей десять ртов, десять животов“. И теперь он пел и заигрывал с бабами, а у другого бы кошки на сердце скребли. Поехал он в Петрозаводск за мукою, и подвернулся ему на грех „хороший человек“, – и деньги на муку у него пошли „во царев кабак“. Несмотря на это, он упорно звал меня к себе в гости и взял слово, что я ни у кого, кроме него, не остановлюсь. „Ты только заверни ко мне, Павел

Николаевич, – говорил он, – так я и сам тебе былинок напою, и найду тебе таких сказителей, что супротив их не будет в целом Заонежье. Повезу тебя по всем Кижам, по всем губам и по всем островам. Хошь, медную руду покажу, где она добывается, а захочешь, так свезу на Святой наволок. Там, Павел Николаевич, растут всякие полезные травы, в старое время их и в Питер брали". <…>

К ночи мы подъехали к деревне Середке. <…> Спутники разобрали мои вещи, чтобы перенести их к Леонтию Богдановичу. Дорожную сумку, где была записная книжка, немного чаю и несколько пачек с сигаретами, взяла ветхая старушка, а я ей наказывал лучше не брать: ты, мол, уронишь. И действительно, только вступила она на мостовище, как сумка вылетела у ней из рук и пала в воду. Невольно у меня сорвалось с языка: „Говорил тебе, бабушка, не брать. Эх, унеси тя!". Старуха чуть не взвыла и стала мне выговаривать: „Ах ты, мой жадобненькой, красное солнышко! Ты зачем это выговорил? Дорожному человеку неличе кликать лембоя <черта>". Пришлось ее успокаивать, а Леонтий Богданович дорогой мне объяснил, что заклятие дорожного человека действительно великое дело, что вот ряпушка в заливе около Кижей лет двадцать пять не ловится и совсем нейдет в пролив, а заклял ее тоже дорожный человек. „Сидят это наши старики около костра, – говорил он, – и хлебают уху. И подходит к ним приезжий. Вот они местечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчевали. Сидят они и глотают „вологу" ложка за ложкой, а он смотрел-смотрел на них да и говорит: „Видно, рыбки-то у вас мало ставится, так и будет". И с той поры за ряпушкой ездим в большое Онего". <…>

В сентябре 1861 г. <…> я записал конец былины <о Дунае> от Леонтия, которому Терентий <Иевлев> натвердил эту старину в лодке, на дороге из Петрозаводска в Кижи, и который, вероятно, старался в точности передать слова соседа. Но Леонтий стар, забывчив, не договаривает речи, и все это вместе с личной его манерой отразилось в его пересказе». *(Рыбников, 3-е изд. Т. I. Л. 53, 55, 57, 63).*

30а. Богданов Леонтий, крестьянин д. Середка Кижской волости. Рыбников застал его еще «здоровым, крепким мужиком», хотя уже «лет семидесяти с хвостиком»; но до приезда Гильфердинга он не дожил. Леонтий был, по отзыву Рыбникова, неважным певцом: плохие, неполные варианты былин, забывчивость, какое-то недосказывание слов, разбитый голос – вот его недостатки, которые побудили собирателя воспользоваться не всем записанным от него материалом. Прибавим к этому, что две его былины лишены стиха и сказывались, а не пелись, что целых три принадлежат не ему одному, а связаны с участием еже другого певца. (Одну из них, о Дунае, мы отнесли к репертуару Терентия Иевлева).

В глазах Рыбникова Л. Богданов должен был иметь особое значение: от него первого услышал наш собиратель былины и воодушевился намерением записывать их, он же познакомил его с целым рядом певцов. Тем не менее, Рыбников, очевидно, мало ценил его тексты; мы не знаем даже имен его учителей. *(Грузинский / Рыбников 2-е изд. Т. I. С. 317).*

31. БОГДАНОВА АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬЯ) СТЕПАНОВНА, 1855–1861 г.р., д. Зиновьево.

Автобиография вопленицы

«Мни типерь 55-й год; когда родилась на свет, того не помню. По маминым розговорам, родилась я не дома (в д. Зиновьевой, Сенногубского прихода, Петрозаводского уезда). Семейство было у нас большое – 20 душ; жило вмисти пять братов с жонами и с дитямы. Мою маму никто в семействи не любили. Дедушко у нас был вдов и был маленько помешавши с разума и очинно злой. Потом старик глупой стал – по биседам ездить, плясать, скакать, затеял женицце. Сынова́ унимали, да унять нельзя было. Сватал, сватал, никто не́ шел, потом съехал он далеко, этуды в Песчано (Пудожский уезд), там нашлась невеста, молодая вдовка. Невеста сказала: „хоть старой, да житель справной; пойду замуж". И пошла.

Богданова Анастасия Степановна

Вдовки было 25, жениху было 60. Привез он сиби с Песчаново княгину домой; повинчались в Кижах у Спаса. И стали жить помаленьку, я тут уж подростать стала. Житье было справно у нас: было 8 коров, 5 лошадей, мелкого скота по целой хлевушке и была мельниця своя, всяки ловушки свои, поля хороши, хлеба много выростало и в лесях еще припахивали. А жили мы в деревнюшке Зиновьевой, от Конды две версты. Было тогда 2 дому и то с одного семейства, а типерь 6 роспоселились. У моей мамы дети были частыи. Миня маленьку стали заставлять дитей смотреть: в лес уйдут, дви люльки оставят качать. Робята росплачуцце и я с нима, потому – была маленька, пестуней не нанимали. Только я росла бойкая: кто в симействи куды послал – везди пошла и дело все справила, и така была белка, така смелая – перед робятами выставляюсь: выпялюсь на крышу, и в дерево, и в черемуху – на Онего смотреть, как суда едут – пароходов-то тогда не было.

У нас тата изо всих в семействи был бойкой: день роботает, ночь на ловли. Наловят, насолят всякой рыбы. И была у нас сойма своя. Дедушка у нас ездил к Вознесенью прасолить – рыбой торговать; и скота тоже возил продавать вдвоем с дядей-подростком. Последний раз поехал как-то с Покрова от Вознесенья. Погода была несносна, и бросило, и разбило сойму о костливы, каменны берега у Василистина острова; вещи и деньги потонули, и сам дед с доской одва на остров попал. На острову дед жил 9 ден голодной, потом дали нам с Петрозаводского ведом, что проезжающи соймы видили деда на острову. Мы и привезли его домой. Больше дед и не торговал. А, бывало, дедушка ездит-ездит лето, торгует-торгует, – к осени ни одной копейки не окажет. Привезет от Вознесенья гостинец всяких всего; нам не даст ни по кусочку. Нас робят выгонят на улицу, самы

будут чай пить. Другии не смеют, а я была смелая – скачу на одной ножки с робенком по выходам да прошу кусочка (чаю-то нам не давали до возраста). Дедушко выскочил, погнался за мной. Я с выхода напрямик с робенком скочила, голову о камень проломила. И таких „разов“ было без счету раз. И каждый день миня за бойкость, за провинность колотили.

Бабушка-та наша ни на роботу не идет, ни хозяйства не видет и старика дедка не залюбила. Стала она мужиков приваживать в гости, как летом вси на роботу уйдут. Стали наши грешице, дедушко то нас, то другого дядю выгонит на подворье и люльки с сеней выкинет на улицю. Придут тата с мамой с роботы – и хлеба нет. Пошлют миня просить: „Поди, Настя, проси хлеба да молока у бабки“. Я была смелая; зайду по езду и по сараю, приду в сени, подкаравулю бабку. И не родная, а дас. Так по неделям жили. Потом опять дедко возьмет. Жили-пожили да и роздилились. Роздилились на 4 семейства. С отцём дилеж-то плохой – которы негодны полишки да пожнишки дал, да по одной коровишки дал старшим, сам с младшима пошел – „живите, говорит, как знаете“.

Тут стали жить-горевать. Миня стали на роботу водить. Мни было с дисяток лет. С робятамы стали брата оставлять. Я все-таки привыкла к роботы, а как тата с мамой на роботы спать лягут – миня пошлют ягод сберать. Я гди хожу – все песни, все песни; без песен нигде; хоть выбьют меня, а все равно песни пою: и у люльки, и овин молотить, и на зароди стоять, и боронить – все пою. Котору песню где услыхала, тую зараз переняла, другого разу не надо слухать. Заставляли миня и за лошадями ходить, бойкая была верхом ездить, много раз летала с лошадей, голову разбивала.

Мама наша не очень была рукодельниця, а я сама училась у других к рукоделью и на што только раз посмотрела, либо к вязки, либо к шитью, либо к вышивки, – и то мое дело, и к пряжи, и к тканью тоже са́мо, и свое и чужое – все делала. Как розделились-то мы – тут горе за намы и пошло; лучше бы глупого дедка слухать да в семействи жить. Когда стала одна лошаденко да корова, а когда и ни одной. Потом по три года кряду, по три весны, вси лежали в горячки, во хворости, будто мы наняты были. В тыи же годы червь озим ел. Тата вези кидалсе: и плотничать, и на вывозку, и в монастарь (Климецкий) на роботу; просить-то мы не ходили, а жили очень худо. Хлеб был дорогой – 2 рубли пуд. Жили мы, роботали, а в путь житье не́ шло, жили, будто на холодну каменку воду лили.

Мой тата с горя стал выпивать и согласья с мамой не стало, да и не было, все жили – спорили да дрались по праздникам, как кошка да собака. Только я была евоная дочка любимая, слуга верная. Сполнилось мни о Рожесьви 16 лет. Тата наш поехал за рыбой, затеял торговать, да попути и на свадьбу в Л-ву; миня стал звать. Я не поехала – не было хорошей одежи – пальта. Тата уехал. Свадьба богата была. Вина всим вдоволь. Пили кружкамы с бочки сороковки, и тата выпил изрядно; постановить его было некому. Были на свадьбы права взяты, чтобы взыску у начальства с хозяина не было, если кто запьется, только чтобы про пьяниц вытоплены были байны и ригачи. Кого некому было домой взять, тых пьяниц, которых несли, которых волокли – заперли в ригачи и в байны и подпирали двери, пока не похмеляцце. А тату не заперли в байну, клали его в сани, свезли

к свату, отливали водой да мокрого по морозу и отправили на дорогу домой за волость. Тут он и замерз: его пьяного сбил под дорогу сусед.

Если бы был у миня ум, мне бы надо было ехать с татой, хоть в рибушах, поберечь бы его. Да я тогда девóчить начала, об нарядах больше думала… Потом следствие приехало, натомили тату и похоронили, сказали будто бы сердце сожгало от вина. Остались мы бедные горюши; денег не было, была только лошадка да коровушка. Брату было 14 годов, да трое маленьких. Хлеба у нас хватило до весны. Стали мы с братом в лес ездить за сеном, за дровамы, за хвоей, все роботать-кресьяновать. Где я не роботала, а по межговеньям – мясоедам по лесу протяжливыя песни пела, всяки – какая на ум придет, а в посты и божественны молитвы (Отче, Царю небесному), и стихи, и притчи, и старины крычала по лесу. Суседы говорили: „Ты бы хоть скромняе в лесях ездила: всегда ты крычишь“. А я говорю: „А когда с виселья, а когда кручину розгоняю. Не дивуйте уж мне“. Весна пришла – хлеб кончился. Тут я пошла в монастырь роботать, на хлеб денег наживать. В ту пору были Фершуковски заготовки дровяныи в Климицях. То в монастыри на полях роботаю, то на судах дрова хожу укладывать, то на биржи костры перекладываю да пилю с дядей. Тут же на неделю домой вернусь поробо́тать, об нарядах уже не думала; только бы робят по миру не пустить, на хлеб нажить да подати заплатить. Тое лето прожили до осени, рожь запахали и овес, и сено подкосили. По осени мама сдумала брата в Питер отправить, брату уже пошел 15-й год. Брат-то в Питер не охвотит, а мама своесильством отправила, „пускай, говорит, чужие люди поучат, как миня не слушает“; а брат на отъезди и сказал мамы: „Ну, моего хлеба не дожидай, как насильством отправила“. И отправили мы его в Питер с запольным суседом. Сусед набрал в кибитку 4 мальчиков и повез в Питер на место приставить. В Питери брат поступил к земляку своему в ученье на 4 года, столярному ремеслу учицце. А мы остались с мамой дома кресьяновать да робяток ростить.

Кому добро дома, тому добро и в го́стях. Возьмут миня в гости, а я за – роботницю. И я овины хожу молотить, и за сеном ездить, и на мельницю, и избу мыть, и к коровам ходить, и за водой; не роботать – миня бы и в гости не́ взяли. Ну, конечно, родня мне и помогала: и одежу поносить давали. В славы я спервa посли отца была в хорошей, женихи на миня глаза драли да зуб вострили. Инной с города (Петрозаводска) мастеровой пошел сватать, без одежи (приданаго) хотел взять, да заблудилсе, по лесу два дня ходил, не мог в нашу деревню попасть. Инной старой вдовець прикащик в монастыре замуж подманивал, да не пошла за старого. „Мни ище робят матерных надо подростить, да полей не запустить, да чтобы податей не наскопилось много к братному приезду“, – и тому отказала. Сказала еще, што не пойду за старого, а за ровню пойду, поспею замуж; хорошой не придет, а суженой бедной некуда уйдет. Тут один охвотил замуж взять, отец богатой не дал ему воли: „Дают, говорит, за тибя не в таком доми, не сероту“. Да и я сама не очинь обожала его; только пришли бы сватать – родня бы на силу спихала за богатого. Звал он миня все к винцю тихонько, крадучись, да я сказала: „Повинчаемсе мы, а отец в дом не спустит, куды мы пойдем шатацце? Бери с

Богом богатую, а для миня – выду не выду – девочей монастырь не состроицце". Я не пошла, и жених не на ком больше не женилсе.

Так и жила до 23-х годов в девушках. Ходила роботать на суда и в монастырь не для нарядов, а все на хлеб да на подать. Одежды у миня не было, да я не думала того, что́ ни не было на уми, а я все веселилась, все песни пела да шутила, на свадьбах больше; много раз „невесту в байну звала", а „так" не причитывала. И пустой славы про миня уж пошло много, женихи стали брезговать, отбегать. Тут нашелся один, приехал в монастырь с турецького походу билетной салдат; приехал по обвещанию, не очень здоровой. Как увидал миня, давай ухаживать, да хвастать пустое, будто дом у него богатой на родины. Вышла за него, приехали мы в город (Петрозаводск), у мужа нету ни дому ни лому.

У мужниного брата все поместье произведено – дом отцовской продан без братниного согласья и земля на 12 лет заложена – бумага сделана, и сто руб. казенного недоимку. Мни в городи страшно было пристать жить, потому – городского ничего не умела – ни говорить, ни городской роботы. Розговор был у миня совсим заонежско́й, все – „цёго", „чёго" да „о́ткуль при́шел" – камедь только! Стала я звать мужа в его деревню, на Половину, в Шуйскую волость. Муж не согласился идти домой на разорено подворье, и остались мы в городи. Я стала ходить по черным роботам – на жатву, на косьбу, на покос, а муж извозчичал да фонари зимамы зажигал. Дети у нас пошли, глядела за ними „придана" моя се́стра маленька. Сестру с мамой выгнал брат с дому, как с Питера приехал. Выстоял на́ слови, которого говорил, как в Питер отправляли. С той поры сестра около миня доростала, а мама все по подворьям ходит и сыновнего кусочка не видает. Да и мни-то!.. Видно, „кому как с люльки, тому так и до могилки". Какое девочье житье было, тако и замужесьво. Поплакала я в этом замужесьви. Писни-то мни на ум не́ шли. Так думала, што надо типерь век шатацце, не дому, ни лому, ни мила живота не будет. Об сиби-то зобота да и об сестры: ни дай Бог быть нагой, как я была девушкой. Муж мой трезвой смирной был, а водки любил выпивать часто и изрядно и в трахтир похаживал на билиярти играть, и в косточки, и в карты. Искать не любила ходить; „если мешает голова на плечах, дак ходи", говорит.

Я ходила по мытьям, по стиркам, думала деньги запасать, в свою деревню росселицце жить, да заболела и 3 года без ног была. Тут-то я прирозорилась, деньги посдержала. Сестра в людях стала жить, наряды справлять; я ей пособляла и замуж выдала. Дитей у миня было 7 человек. Которого подрощу до 2-х лет, которого до 3-х годов, тот и умрет. Сыновей жальче было, чим дочек. По сыновьям-то причитывала, а по дочкам не кричала. Так мы и жили 8 лет в Петрозаводском. Последний год муж был кучером у лесничего, жил по контракту 5 руб. в месяц на своем хлеби. Потом лесничий определил мужа в Сямозерско лесничесьво лесником. Надо было выучить мужу наказ лесника, а то с места долой. Муж не мог затвердить никак. Я уж затвердила и лесничему наказ за мужа прочитала. Лесничий мни „выкинул" целковой с мужного жалованья! Жили мы в Корелы 12 лет. Завели мы хозяйство и ловушки; хозяйство было порядочно: скота доходило до 8 штук. Объезчики нас притесняли, как чужестранных, а лесничей сперва за нас горой стоял. Последние 5 годов жили мы в казенной дачи, в Кивас-

озери, в Корелы. Розделали мы вновь покосы и поле. Роботали все двоима за одно жалованье, как каторжны.

Потом каким-то способом Вохтозерский учитель К. И. Д.-в[1], как был в городи, проговорился на счет моих старин с начальсвом и по письму вызвал миня петь в город перед начальсвом. Пела я в чайной перед начальсвом в три перемены, песни да старины, пела с вечера и почти до утренней зари. Добрыню и др. старины пропела до конца.

А раньше этого я пела в Корелы, в Вохтозерском училищи, как был проездом тут инспектор народных училищ М. Н. Правдин. Пела я старины да песни. Инспектор не велел мне отказываться, на случай если вызовут миня петь в город. Лесничий, как дошли до него слухи, приехал и выругал меня: „Зачим ехала без согласья петь?“ А мужу сказал: „Дурак! Зачим ты спустил жону, к калечьей должности привыкать! Так и знайте, теперь у меня вам не житье и не место! “ Зимой мы и выехали с Корелы в город».

В прошлом году Н. Богданова похоронила мужа и теперь живет в богадельне. *(ПК, 1910. С. 199–204; перепечатано: Базанов, 1945. С. 76–82).*

31а. В 1932 г., 11 января, в д. Зиновьево Н. Тяпонкина записала автобиографию Настасьи Степановны Богдановой-Зиновьевой, 73-х лет.

Богданова Анастасия Степановна

Автобиография

«Не то што жизнь рассказать, а многих людей надо поддернуть, от которых пришлось нападков терпеть.

Родилась, конечно, я случайно в д. Леликове, на ма́териной родине. Она была в гостях со мной с перьвой. Я была перьвой дочкой, и она была в гостях в родимой стороны. И там и моя была фамилея, моя мамина Мореходовы. И были мы одны объеденёны, отча не было в то время, был в Петрозавоцке на вывозках, а дедко не приехал за нами, и миня там крестили на маминой родины. Только що мамина родня Мореходова, а её фамилия заму́жья Зиновьева, и меня крестили по отчовски. Потом вывезли домой в Зиновьево и стали тут меня воспитывать. Конечно, воспитывать было чем хорошо. Моя мама пришла двенадчатой коровой, было двенадчать коров на двори. Тут сряду дедушко больне́й женился, взяў удовку молодую. И пошло. Она пришла поведения худово. Дедушко быў у нас такой, не в полном умы и очень быў злой. И ета бабушка молода ничево не хотела делать: ни в избы, ни на двори, ни за скотом поухаживать, ни хозяйсьва повести. Потом и мою маму не

[1] Кузьма Иванович Дмитриев. – Составитель.

любили, все ругали и били. Свекор биў, да и муж поколачивал. Ись ни давали. Я родилась, и не смотрели, и не те́шили, и няньки не наняли. Кричи, хоть помри. Мама уйдет на пожню, и кричи хоть всю ночь. Очеч по работам на наживах. Очеч с сыновам не мог раньше стречиче (поспорить – Н. Т.).

Был правдедко живой. Была мельнича, ловушки, ловили рыбу – много, было справно очень хозяйство, а нам не давали. В Великий пост вси разъехались. Правдедко стаў бабку молоду блины заводить печь. А я была в Рожесьви только рождённа (по старинному 23 именины бывают). Весной с пасхи пошли валить у нас, пахали в валу рожь, сеяли овес, а бабушка молодая с дедкой дома остались. Ну. Значит, она не послухала, не стала блины печь. Он пошоў её паўкой бить, а она, с одной стороны занавеска, а с другой меня оставит. Не куды пя́туху клюнуть, вся в синяках я, а рожоно всего 20 недель, не больше. Он в зарь зашоў, да все по робёнку жарит паўкой. Была я веселой девочкой, а пришли домой, совсем при́ смерти. Што скажут. Мама посмотрела груди дать, а дочка не зыхнёт. Ну очеч не смеет с оччом ругачче. И такое возростанье было худоё, ись ни давали, а было много и рыбы, и молока. Мама ко́ров доит, да потихоньку в соломы дас чашечку нам с братом. Я у мамы перьвая дитя была. Удалая, по крышам лазала, на лошади́ верьхом ездила, розбивала голову сколько раз. Хоть бьют, хоть ись ни дают, а я все пляшу да песьни пою. Ето коё как я выросла до двеначати лет.

25 душ семья была, 4 мамок дети мы были в симейсьве. Потом розделились, я осталась двиначати лет, и брат рос со мной тут, вси другие умирали. Вси на читыри семьи жить стали, и́нные хорошо, и́нные худо жить. В одном доме грехи, да драки, да поди, ой!

Ну мы тут с оччом жили по разделу, уж мни шесначать год стал. Я ходила косить с отчом, матерью. Маленька с топором в лес, огород огородить. С двиначати лет до замужья, двадчати трех лет, у миня не выходил из рук. Мни сполнилось с Рожесьви шесначать лет. Отеч поехал на богату свадьбу, там напилсэ пья́ной, да его облили водой, да посадили на лошадку, да отправили пьяново домой, да он и замерс. И остались мы с мамой, да с двоима се́страмы, да с братом.

Тут мы с мамой отправили брата в Питер в мальчики. А мы пахали, да ора́ли. Не хватит, мы на чужу роботу роботали. С нас налог не сняли, как при отче быў, так и осталсэ. Не дошло мни на покру́т роботать; на подать, на хлеб наживать надо было. Брат в мальчиках живет, нам не может помочь. Мы все-таки етто бьемсе. Десять лет я ходила в Клименеч, да на за́готовки судна нагружать, с самого перьвово дни, до конца, пока заготовки не кончились. Все ходила, очень трудно и пилить, и роботать с мужикамы на биржу. Пороботаю, приду домой на свою роботу. У нас было свои еще дви девочки.

Я все песьни пою, а в Великий пос пою стихи. Куда на роботу поеду, все с песьнямы. Как избудет час, я к бабушки. Знаю, што миня ни замуж не во́зьмут; нет ни приданово и всяких пустяков переговорили, пустословьев всяких пустили, самово плохово поведения. Сколько на миня было славы худой поне́сено на деревни. Воровкой не называли, а все говорили, что распутново поведения, ну а я, слава богу, вышла замуж че́сна, как свечка. Роботать приходилось много и на судне, и в монастыре. Как спустишься в люк то, как солнышко взойдет, а из

люка, как зайдет. В монастыре только 25 копеек в день платят и там так же. С утра до вечера все бейся, роботай, да с какимы товарищамы попадешь. Так я и билась. Ничево нет. Приду с роботы, пойду к соседу за мукой. Мама одна косить не може, я приду с роботы ей пособляю. Устану, а все песни пою. Ой, мои песьни несчасны!

Тут стали женихи сватаче. Тот жених, другой жених. А у миня замужья ни платья нет. Инной брал, отеч не́ брал. Один с войны пришел, бедной. Ну, вышла замуж, жила в городе. Муж стал водку пить. Роботать много приходилось, мне пришлось по стиркам ходить и по людям. Съехали в Корелу. Муж получал 9 р. 84 коп. жалованья. Что мы будем жить? Ну, давай, я тоже буду роботать. До нас там лесник был долго нездоровый, запущено было все. Намы вси были недовольны, зачем приехали в Корелу из города. Пришлось нам и службу лесную справлять и поляньё розробатывать. Лесничий обижал нас. Полянье розроботаем, а он отнимет. Ну лесничий! Я к левизору ходила. В кучерах мой муж жил у лесничего полгода, а он ничего не платил. У меня дети были 7 человек, вси померли маленьки от недосмотре́нья, некому было.

Потом от лесничего пришел наказ, чтобы наказ знали, правила охвоты. Мой муж не мог научичче. Ученика взяли, месяч учил, не научилсэ. Уж е заучила правила охвоты, ковда стрелять, а он не мог. Наехали стража вся, наехали вси и лесничий. Меня и спрашивают: „Ну, муж умеет ли читать правила охвоты?“. А я и говорю: „Я осмелюсь вам сказать слово“. – „Ну, што, говори“. – „У нас 40 человек стража, пусть ты читают, которы по 40 лет служат, а он один год служит“.

Ну, мужа и шарнули в са́мую лесовую деревню, гди дороги нет. А овода-то нас заели до́ смерти. Мы чистим межи, готовим, прочистил межевыи знаки. Ну, нам ни соседей, ни ково не дали, одны все чистили. Ну, жили-по́жили, потом нас в лес клали, избушку дали. Потом лесничий приехал и говорит: „Кто хочет в лес жить, пусть едет на фински права, фатеру дают и дают от казны деньги на лошадь, на корову, на домик, на лодку“. Мы рот с мужем и пооткрыли, и говорим: „Ой, барин, состройте нам фатерку в Кивас-озере!“ Приезжают, говорят, что строят фатерку. Ну, поругала нас стража, и плотники, и пильщики. И не дает им лесничий денег, все за те же 9 рублев. Как он был помещичей сын, так и насмехался над намы, как над крепостныма: с малолесва привык. Ой, мы там и горевали! Меня роботать требуют и коров, и на стражу. Землю роспахали по часочкам, покос чистили по часочкам. Спали 2 часа. И стали жить ничево. Летом рыбы наловят, да дичь было доходу. А лесники все кра́дут, все нас розоряют. Ну, ладно, все мы живем в Кивас-озере.

Ну, в одно прекрасное время, в марте, Бог носил покойника Рябинина петь в Зимний двореч в Ленинград. На ту пору лесничий не велел ни кому нам разъежжаце, и нам ни велели удаляце никуда – начальсво ждали. <Надо сказать, что в 1901–1902 гг. учитель Вохтозерского училища Кузьма Иванович Дмитриев записал от Н. С. Богдановой-Зиновьевой былины. Когда училище навестил инспектор народных училищ М. Н. Правдин – бывший преподаватель русской народной словесности, Дмитриев рассказал ему об этом, и Настасья Степановна была приглашена в училище петь былины – Составитель>. Приехало на училище начальсьво

и стали газеты читать, што Рябинин ездил х царю былины петь да ево наградили. А инспектор говорит: „Вот как Заонежье, худо выкроено, да плохо повязано, да нихто больше и нигде не может петь“. А лесника хто за щеки дергает: „У нас тоже есь былиньшичек“. – „Хто же у вас?“ – „Да лесника жена, она у нас припевала былины“. Было начальство, я их знала еще до Корелы. Правдин хенерал горочьково училища говорит: „Ой, ты-п достал эту женщину“. <…> Вижу, наехали кибитки. Учитель идет. Мама говорит: „Федя ря́бой идет“. А я говорю: „Што ты, разве можно, учителя“. Я в то время ходила детей принимать, в байны тереть. А учитель на скору руку пришел, не говорит, што былины петь, я б не поехала. Ой, зза етых былин сколько я и приняла! Муж говорит: „У нас начальсьво приедет, лесничий съес меня, што хозяйки нету. У нас кунек молодой, только вырощен. Я подвезу свою жену к вам, только к ночи ты воротись“. Тогда я молодая была, хоть некрасивая весь век была да полная. Меня там петь заставили, в училище. Я там пела весь вечер былины, сказки <рассказывала>. Водкой там угостили, хорошая только, да денег немного дали. Утром увезли домой. Лесничий приехал, к попу пристал. Тот и скажи, што Степановна пела былины. Лесничий говорит: „Што пела, у меня не место“. Дак хоть уходи вон со службы. Ой, вой, беда наша. Не дас ни плота, ни лодки. Лесничий одно: „Уежжайте, коли былины петь, нищщу дольжнось выбрала“. Мужа ругает: „Еще в солдатах был, а спустил бабу“.

Письмо и накатило – в город ехать. Губернатор вызывает: „Буде не поедет, не дадим место в Олонецкой губернии“. Ну, муж лошадь на́нял и поехал. <В июле 1902 г. Н. М. Правдин обеспечил выступление Н. С. Богдановой-Зиновьевой на съезде учителей в г. Петрозаводске – Составитель>. Пела, пела визди, в чайной, да в народном дому, ходила, ходила. Там и сказали лесничему: „В Корелы служит да былины поет. Это Петрова жена поёт. Штоль у вас не было бумаги приставить нам, што былины поет у вас“. Лесничий осерчал на меня за ето и все на нас нападал. Дали кое-как догоревать. До́жили. Ни один раз мужа и меня мужики убить желали.

Приехали в город и служили кое-где: в училище да в пожарной. А мое жалованье в Корелы за 10 лет так и пропало. Приехали, а у лесничего не внесено в казначейсво, и наша работа вся пропала. Раньше он говорил: „Живите на мужье, а тво я в казначейсво кладу“. Из-за былин спечиальнё надо было выехать. В горочькое училище поступили, потом в ремесленное. Потом он захворил, в больницу попал, а я там служила. А раньше ходила по стиркам, по мытьям, а вечером былины да песни пела. Дрова на дрове́ньках волочила с лесу. Мужики-то меня ругали.

Двадцать пять годов как муж помер, а пензию только недавно платят. Так вот меня ругают, што я напрасно пензию получаю. Так ведь я заявления не подавала, што мне за былины пензию, а за труд выхлопотала. Вот и здесь хоть 47 получаю, а надо дрова, надо обу́тку. 2-й год живу здесь, а нет обу́тки. Одежи што привезла, обутки, все и ношу, а новой не могу справить. А мне ишшо и завидуют, што пензию получаю. Мыть не могу, на коленках мою пол с горем. С казначейсва выслуженных пропало пятьсот. Ходила, хоть бы николаевских бы взяли за ¼; и молот, серьп есь, ни берут никуда, 10 тысяч бумажка пропала. Живу в Зиновьево, тут фатера и дрова.

Добавления: 1. Неграмотная, школ не было по деревням. Наймут грамотника, да он и учит. Братана учили по азбуки, а я хожу круг стола с робёнком. Дак я все на память барабаню, а его за волосья дерут. Меня от стола гонят – не тебя учат. 2. Я вышла замуж без приданово, только корова. Муж подкупил людей вином, што богато дома живут. Омманил. Попала замуж обманом. Приехали в город, у ево дома ничего. Оказываетца он десятилетний вышел из дому и скиталсэ все. Приехали в город, родня говорит: „У брата у мужнина заложена земля и дом продан". В городе у ево нет ничего, одна шенелишка стара. Ну, мужик красивой, видной. Я привезла приданую се́стру, 7-милетнюю сиротку. В городе остались. Поступил на службу. Квартиру наняли. Ходила стирать да молотить; 50 овинов пришлось вымолотить за осень. Се́стра привезена в школу ходила. Я родила робёнка. Се́стра заболела. Муж ругаетче, што се́стру взяла, а она обмирает по мне, у меня вырощена, в людях жить не может. Муж все роботал и отхожие места чистил, только водку пил. На дровешках с лесу дрова волочили, продадим, аль сами печку топим. 8 годов в городе прожили. Робёнок помер. 5-то в городе померло робят. Всего было 7. В Корелы двойни померли. Я плачу, какое горе было в девках, такое и замужем осталось. А парочка так и померла. Я мытье да стирать, да в полици, да визди, на Дривлянку косить ходила. И ходила из дому, а робёнка оставлю. Сама уйду косить в положении. А робёнок ходит, молодуха не смотрит. Раз искали, а он во двори меж коней ушол. Молодуха деньги вóзмет, а смотреть не смотрит. Один скарлатиной помер, девочка чумой. Ой, моя жизнь! Лучче б мать родила, да задавила! Се́стра выросла, выдали замуж, придáно справили. Я выдала, придано дала сестре, и все пропало – она померла через год, осталась только девочка. У брата три жоны были, от трех дети. Ево детей замуж выдала, одной барахла два воза дала. От брата я спасиба не получила, он ни канфечку, ни пряничка не принес моим детям. Вот я три свадьбы сыграла, выдала се́стру и 2-х премяннич. Не берегла деньги. Потом я стала беречь деньги на фатерку. Гюлинга <Эдвард Гюллинг – Председатель Совнаркома Карельской АССР 1923–35 гг. – Составитель> ладил оставить фатерку на Сенаторской, да денег не случилось и пошла шатацце по фатерам. И вот мне пришлось сюда в деревню. Жиличной отдел заел. За пение мне прибавили пензию и фатерку обещали да не дали, пришлось выехать. Пензию я недавно получаю. Трудно привыкать к лесу. Ничего не достать, коров в ковкоз отбирают. В городи достала бы все. Если б в лавки не достала, так по знакомым. Ни крала, ни воровала, ни колдовала, все чесным трудом. Трудно только было жить. Я ходила в городе после мужа детей принимала, байны топила. Теперь нам строго запрещено принимать детей, за ето в исправдом. Приедут: в городе рождёнка помираё, а я не иду: у начальсьва запрещоно. 3. Вот и здесь меня сколько ругают: ездила по Москвам да визди омманывать народ. А чим я омманывала? Што знаю – спою, прочитаю, аж што ни знаю, так и ни знаю. Уж и забыла много. Вышла замуж, к городу привыкла, к Корелы привыкла. Мни видь 10 раз перерод жизни был. Меня все ругают, што тебя повесят, в пе́тли будешь висеть за эты былины. А я думаю, куды миня кладут старуху? Буде пензию отнимут. Муж был пьянича, сколько раз сломал замки да деньги от миня украл. Я наживала, наживала, не пропила, не курю, слава Богу, Бог миловал, все своим, а ничего не осталось». *(АКНЦ 122/4. Л. 21–28 рукопись, л. 29–37 м/копия; также см.: Р. VI, оп. I. № 67.*

Л. 4, 12; № 73. Л. 17, 18, 21, 23; № 94. Л. 16 – краткие впечатления собирателей от встречи с Н. С. Богдановой; Чистов, 1960. С. 219 – биографическая справка).

31б. Из статьи Лосева: «Имена Рябинина, Федосовой <…> достаточно „известны“ интеллигентам не только Олонецкого края, но и всей читающей и мыслящей России. Но этими именами певцов былин далеко не исчерпывается все богатство Олонецкого края в этом отношении. Можно указать еще много имен таких певцов <…>. В этом отношении нас приятно поразила крестьянка дер. Конды, Сенногубской волости Петрозаводского уезда Настасья Степановна Зиновьева, проживающая теперь в Вохтозерском приходе. Настасья Степановна сама, конечно, и не догадалась бы о том драгоценном сокровище, которым она обладает. Открыл ей глаза на это дело Козьма Иванович Дмитриев. <…> Он выслушал весь репертуар Степановны и доложил о ней местному инспектору народных училищ М. Н. Правдину. М. Н. Правдин, как бывший преподаватель русской литературы и словесности, оценил по достоинству „вопленицу“ Степановну, одобрил её и решил, так сказать, показать её на свет Божий. Когда в г. Петрозаводск собрались на съезд все инспектора народных училищ губернии, он предложил им, не найдут ли они для себя возможным и удобным выслушать „вопленицу“ <…> проследить каждому в своем районе, не имеется ли подобных „вопленицы“ и в других местах Олонецкой губернии. Инспектора во главе с директором на это охотно согласились, отчислив из своих средств потребное количество денег как на проезд вопленицы в г. Петрозаводск, так и на содержание ее здесь. <…>

В 9 часов 9 июля в зал Петрозаводской чайной-читальни прибыл начальник губернии Н. В. Протасьев, там уже были председатель съезда В. В. Эрин, инспектора народных училищ губернии во главе с директором, учителя и учительницы народных училищ и многие другие. <…> „Вопленица“, поджав руку под щеку, а по временам перебирая руками платок, начала петь былину „Добрыня Никитич и Алеша Попович“. Однообразно, по-видимому, тянется мелодия былин Степановной; уху, привыкшему к разнообразию тонов и избалованному ласкающими страсть мелодиями, былинная мелодия покажется скучною, неприятною. Но <…> с научно-музыкальной точки зрения мелодия, исполненная Степановной, полна неподдельного, неиспорченного чувства, глубокой думы, думы исторической, а когда две первые строки соединяются в одну сложную – получается такая художественная композиция, что положительно заполняет сердце. Содержание пропетой былины, по заявлению М. Н. Правдина, наилучший вариант из известных нам вариантов этой былины. Вслед за этой былиной „Вопленица“ пропела старинную песню „Воробьевы Горы“. Мелодия песни игривее былинной, но опять-таки с оттенком грусти, с печатью глубокой исторической думы.

После выступил с речью о народной поэзии в Олонецкой губернии (чтобы дать отдохнуть „вопленице“) М. Н. Правдин. После речи снова выступила Степановна и на этот раз пропела песни: 1) О чем Машенька приуныла, 2) Играйте, гораже (свадебная песня), 3) Чего сидишь до полуночи (из турецкой войны), 4) Чесал милый кудри, 5) Во поле, поле дуб стоит (свадебная); стихи: 1) Георгий мученик, 2) На Вознесенье; и былины: 1) Чурилушко Щетленкович и

2) Сильный Дунай Иванович. Мелодии и содержание пропетых в этот раз пьес полны глубокого содержания.

Степановной 43 года; тяжелая крестьянская жизнь наложила на её лицо свою печать, тем не менее голос вопленицы и в настоящее время блестит остатками того, что называется колоратурным сопрано; регистр голоса её, можно сказать, очень коротенький, но и эти остатки голоса заставили нас предположить, что в года молодости Степановна обладала сильным и богатым колоратурным сопрано. На вопрос наш – как Степановна пела в молодости, она ответила: „я была всегда первой запевалой“». *(ОГВ. 1902. № 81; частичная перепечатка: ОГВ. 1906. № 57).*

31в. Из статьи Ц. (неизвестного автора) «Сказительница А. С. Богданова»: «4 апреля в Общественном собрании пела заонежская сказительница и вопленица Н. С. Богданова. Представил ее известный местный знаток олонецкого фольклора Н. С. Шайжин. <…> В сравнении с покойной Ариной Федосовой, которую нам пришлось слышать в Петербурге в Географическом обществе, Богданова представляет больший интерес. Федосова читала речитативом, а Богданова „берет на голос“, поет ариозно, спокойно, плавной, стародавней мелодией, приятным сопрано, и выводит напев чисто, выдержанно. Мелодии ее разнообразны, характерны, очень стильны и соответствуют содержанию песен. <…> Пропела Богданова былину про Добрыню Никитича, затем редкую по поэтической красоте причеть невесты на могиле матери; из духовных стихов „Голубиную книгу“ со свойственным эпосам гиперболами, потом превосходную балладу „У вдовушки вдовы было 9 дочерей“ и др. Как лектор Н. С. Шайжин, так и сама Богданова были награждены аплодисментами наполнившей всю залу публики, с живым интересом прослушавшей ученого и пение одной из последних хранительниц драгоценных жемчужин былого поэтического творчества русского народа. Вечер почтили своим присутствием Губернатор, Вице-Губернатор и их супруги и вся местная интеллигенция». *(ОГВ. 1908. С. 41).*

31г. Богданова Настасья Степановна (девичья фамилия – Зиновьева); собиратель Н. С. Шайжин, записывавший от нее в 1901 г., называет ее другую фамилию: Еремеева; родом из деревушки Зиновьевой, рядом с Кондой. Неграмотная. Была замужем за лесным сторожем Богдановым из д. Половины Шуйской волости (в 24 верстах от г. Петрозаводска). Год рождения приблизительно 1856; умерла в 1937 г.

Экспедиция повстречалась с Н. С. Богдановой в 1926 г. (вторично в 1928 г.) в Петрозаводске; она тогда жила в маленьком домике на небольшую пенсию, часть которой посылала своему брату, крестьянину д. Зиновьевой, Михаилу Степановичу Зиновьеву, в третий раз овдовевшему и обремененному кучей ребятишек. Былинам Настасья Степановна научилась в детстве от беззубой старушки Гавриловны – «бабушки Шапши» (прозванной так за шамканье), родом из Кижей, и от Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал А. Ф. Гильфердинг. К Шапше Настасья Степановна бегала девочкой тайком от матери слушать былины и песни. Былину о «Добрыне и Олеше» Настасья Степановна выучила 10-летней девчонкой от Максима Ржанова, портного из с. Песьяново (Песчаное)

с Пудожского берега. Есть основание предполагать, что именно эта былина подверглась наибольшей переработке в творчестве Богдановой. <…> И Шапша, и Сурикова, и Ржанов были учениками Конона Неклюдина с Зяблых Нив.

Помимо приводимых нами 10 текстов (см.: «Онежские былины»), Настасья Степановна раньше знала (теперь забыла) еще несколько былин: про исцеление Ильи, про Илью и Соловья Разбойника, о Дюке Степановиче, о Василии Буслаевиче (все былины в репертуаре кононовской школы, <…> записи от Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и других). А. М. Астахова записала от Н. С. Богдановой еще былину «Добрыня и Маринка».

Настасья Степановна привыкла выступать с исполнением былин публично. На нее в свое время (в начале XX века) обратил внимание организатор хора Славянский и вывозил ее в Петербург, где Настасье Степановне приходилось многократно выступать перед самой разнообразной публикой, особенно же много перед учащимися школ. Зимой 1926/27 гг., а затем весной 1929 г. Настасья Степановна приезжала в Москву, выступала и в студенческих аудиториях, и в Государственной Академии художественных наук, и в Институте языка и литературы (РАНИОН), а также в большом концерте в аудитории Политехнического музея (вместе со сказителем Федором Андреевичем Конашковым). Несколько раз Настасью Степановну приглашали выступать ленинградские научные учреждения. Приходилось ей выступать и на разных вечерах в родном Петрозаводске.

Последние годы своей жизни Настасья Степановна получала увеличенную пенсию от Совнаркома КАССР. Настасья Степановна обладала очень хорошей памятью, чувством ритма, музыкальностью. Раньше у нее был очень звучный и чистый голос, но ко времени записей 1926 г. голос ее ослабел и утратил былую звучность.

Настасья Степановна была человеком живым, наблюдательным, слегка ироничным; умела артистически перенимать чужие жесты и интонации, например, великолепно изображала манеру пения А. Б. Сурикова – тонким дребезжащим голосом. В разговоре с людьми Настасья Степановна всегда соблюдала большой такт и сохраняла чувство собственного достоинства. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 589).*

31д. Из статьи (путевого очерка) участника экспедиции 1926 г. С. П. Бородина-Саргиджан «Былинные края»: «В первый же день нашего приезда, в высокие пустые комнаты, где мы остановились, пришла маленькая и чинная старушка, в широкой черной шали и, в меру поцеремонившись, согласилась петь. Это была Настасья Степановна Богданова-Зиновьева, так и оставшаяся лучшей из слышанных нами сказителей, встреченных в 1926 г. Если другие и превзошли её в количестве, то все же никто не был столь музыкален, никто не передал так полно того древнего лиризма, который вложен в напевы былин.

Вошла Степановна деликатно, вежливо. Перекрестилась в пустой угол, где когда-то висели иконы, в пояс поклонилась. Кто-то в разговоре назвал ее бабушкой. Она возразила: „Да я, ведь, не бабушка, – и потом прибавила, – да уж и не пожилая женщина. А как ты думаешь, кто же я такая? А вот я кто, – певица. Рассказать, почему так? А вот почему: более десяти лет тому назад возили меня в Питер былинки петь. Ну, известное дело, один полковник в кадетский корпус повез. Огро-

мадный такой домина. А дверям там счету нет. Ну, стали меня по хоромам водить, лекстричество зажгли, шкелет показали, а я испугалась: мне, говорю, страшного не показывайте. Только это осмотрелась я, начал народ съезжаться. Разные там генералы, все со звездами, а я по колидору как пущусь бежать! Прибегаю я, а передо мною четверо дверей, и все стеклянные. Какую отворить? Смотрю, летит за мной весь в крестах. Ну, думаю, этот сурьезный, пожалуй, и по уху даст. А он ножкой шаркнул, да и спрашивает: „может ли певица выступать?". Вот потому-то я и певица. А говорила я им тогда: „не пропущайте обо мне в газетах, – приезжала, и дело с концом". Так, ведь, нет, – пропечатали! А я и своей фамилии написать не могу! А то вот случай уже при новом режиме был: приходят какие-то двое, да и спрашивают: „Здесь ли вопленица живет?" – „Что, вы, что, вы, говорю, батюшки, какие тут вопленицы, – вот за речкой, говорю, в каждом доме есть". Ноне-то свадьбы без воплей идут, да вопли-то после свадьбы получаются, ну и думала, что к ответу поведут. Как только вышли они, схватила я корочку хлебца, да в поле бежать! Так три дня в сене и просидела. (В эпоху Гражданской войны, действительно, Н. С. Богдановой предполагали предложить ряд выступлений в качестве вопленицы и сказительницы). А вот к вам без опаски пришла: вижу люди хорошие".

Когда, наконец, она запела, охватило такое чувство, будто всех нас уносит волна в широкое спокойное озеро. Пела она былину о Добрыне и Олеше, иногда останавливалась и кокетливо спрашивала: „дальше-то петь ли? ". К героям у нее чувствовалась нежность, будто пела она об уважаемых согражданах, знакомых с детства; будто вспоминала о них нераздельно со своей молодостью. А когда попадались непонятные слова ей, она предупреждала извиняющимся тоном: „так пели в старину, а как ноне понимать это надо, не знаю". Пела она легко, смотря в даль, а руки на коленях играли беленьким платочком: то завязывали узелок, то развязывали.

Не меняя напева, только повышая и понижая голос, придавала она каждому герою своеобразную манеру выражений, любимых слов. Рассказывая о людях, с которыми мы предполагали увидеться, она умела одним словом, голосом или жестом сразу же передать наиболее типичное для того или другого человека и, впоследствии, встречаясь с ними, мы едва сдерживались, чтобы не расхохотаться, – сразу же бросались в глаза подмеченные ею его особенности.

Эта бабушка, затерявшаяся в складках собственной шали, не была лишена и лукавства; была, как говорится, „себе на уме", и не прочь подшутить над своим ближним. Часть жизни ее прошла в лесах, где муж служил сторожем, и часто, пока супруг протрезвлялся, она сама исполняла обязанности сторожа. Однако, несмотря на ее тихость и ласковость, впечатления забитой женщины она не производила, – она скорее держала верх, чем покорялась.

Такой, немножко церемонной, вдруг разговорчивой, лиричной, она осталась в течение трех или четырех дней, пока мы жили в Петрозаводске. И белые ночи, просторы озер, широкие, похожие на терема избы, вошли бы в наше сознание как-то по-иному, если бы не знали мы ее песни, и в памяти до сих пор задумчивые пейзажи ее страны остались нераздельно с ее мечтательным напевом. И когда мы уплыли на каменистые Заонежские острова, мы и в новой обстановке не могли забыть ее голоса». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 142).*

31е. Из книги В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья»: «Былинам Н. С. Богданова выучилась еще в детстве у бабушки Гавриловны, прозванной за шепелявость Шапшой. Настасья Степановна к ней бегала тайком от матери слушать былины и песни. Помимо Шапши, перенявшей былины от Конона с Зяблых Нив, учителями Богдановой, по ее признанию, были Д. В. Сурикова и портной из с. Песчаного с Пудожского берега, работавший и в районе Киж–Конды, Максим Ржанов. Первые записи от Н. С. Богдановой были сделаны Н. С. Шайжиным в 1901 г. Шайжин назвал ее „кр. Н. С. Еремеевой, д. Конды, Петрозаводского у., Великогубской вол.“. Им были записаны: „Добрыня и Алеша“, „Дунай“, „Чурила и Катерина“.

В начале же XX в. на Н. С. Богданову обратил внимание организатор народного хора Славянский, который вывозил ее в Петербург, где она неоднократно выступала перед разнообразной публикой.

Запись от Н. С. Богдановой была возобновлена экспедициями, ленинградской и московской, в 1926–1928 гг. ленинградские фольклористы записывали от Настасьи Степановны былины еще раз в 1932 г.

После революции Н. С. Богданова приезжала в Москву зимой 1926/27 гг. и весной 1929 г., и тогда она выступала в студенческих аудиториях, в Государственной Академии художественных наук, участвовала в большом концерте в Политехническом музее и других местах. Неоднократно она выступала в Ленинграде. С этого же времени Н. С. Богданова стала получать персональную пенсию от Совнаркома Карельской АССР.

Н. С. Богданова обладала очень хорошей памятью, чувством ритма, музыкальностью. Раньше у нее был очень чистый и звучный голос, а со временем ее голос стал слабее, потерял свою звучность, но мастерство исполнения от этого не исчезло. Настасья Степановна не только пела, она разыгрывала свои былины, выражением голоса, интонацией, жестом подчеркивая содержание повествования. <…> В репертуаре не выходила за пределы традиционного для кононовской школы подбора былин-баллад. <…> Былины, записанные от Н. С. Богдановой в 1901 и 1926 гг., довольно близки друг другу. 25-летняя отдаленность записей не обнаруживает коренных расхождений в былевых текстах Н. С. Богдановой. Но в пределах традиции крупный талант сказительницы дал ей возможность углубить и расширить былины, создать новые, более совершенные редакции. <…> Сопоставление вариантов Богдановой с текстами других сказителей кононовской школы обнаруживает прежде всего детализацию, характерное введение подробностей, дополняющих изображаемую картину. <…> Н. С. Богданова оживляла застывшие словесные формулы, вводя подробности. <…> В пределах кононовского репертуара она углубляет и психологизирует образы, акцентирует отдельные темы, оживляя рукой мастера традиционные сюжеты». *(Чичеров, 1982. С. 90–107, 158–168 – сопоставляются сюжеты былин «Кострюк» и «Дунай» Н. С. Богдановой с вариантами других сказителей).*

31ж. Из характеристики Н. С. Богдановой как вопленицы: «С плачами Ирины Федосовой можно сопоставить только плачи Настасьи Степановны Богдановой,

хотя причитания последней не отличаются социальной заостренностью сюжета и лишены высокого гражданского пафоса. И эта заонежская вопленица получила в науке блестящую характеристику. Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов писали о ней: „Н. С. Богданова исполняет старины, поет духовные стихи, знает свадебную причеть, поет песни, умеет говорить сказки, но в ученую литературу приметно вошли, главным образом, ее произведения заупокойной лирики, хотя и не в большом числе: пять текстов <…> В ней – при некоторых несомненных несовершенствах записи – виден мастер рисовать картины природы и жизни, давать лапидарные характеристики. В повествовании, не преследующем художественных задач, она – мастер рассказа, умело бросающий то там, то здесь суждения, облеченные в форму четкого афоризма, меткие сравнения, дышащие жизнью выпуклые образы, яркое слово. Причитания Богдановой, как и причитания Федосовой, характеризуются четкой реалистичностью. Как и Федосова, она является тонким наблюдателем и наблюдения свои переносит в свои произведения <…>. Особенно богат язык Богдановой эпитетами; они вросли в причеть в чрезвычайном изобилии. <…> От Богдановой мы знаем пять причитаний. Почти все они произносятся в плавном и замедленном тоне стихов, с преобладанием тринадцати слогов в каждом. Ни одно из них не является повторением другого ни в отношении композиции, ни в отношении разработки отдельных моментов. Некоторые составные части, как и поэтические приемы-мотивы (посыл просьб и поклонов, письмо-грамотка), встречаются в разных местах ее воплей, но и эти части каждый раз даны в измененном словесном облачении и в новом порядке размещения, в новых связях“.

Н. С. Богданову сближает с Ириной Федосовой общее для них стремление к монументальной форме, к замедленному, почти былинному повествованию. И ее плачи, плавные, тринадцатислоговые, бедные рифмами, но богатые ассонансами, можно назвать своеобразными плачами-поэмами. В них постоянно варьируются и повторяются традиционные формулы и мотивы. В своих плачах Н. С. Богданова обнаруживает тяготение к развернутым описаниям, она дает максимальное развитие традиционного мотива. Четыре плача („Вопль по трехлетнем сыне“, „Плач о дочери“, „Вопль дочери об отце“, „Плач сестры по сестре“), известные нам в записях Н. С. Шайжина, представляют собой пример развернутой композиции, строго соблюдающей фактическую сторону похоронного обряда. В пятом плаче („Плач вдовы по муже, погибшем в Киваче“) традиционные мотивы и образы оттеснены на второй план. На первом плане описательные картины, картины карельской природы и трудовых процессов. Плач ясно обнаруживает влияние былинного сказительства, определившего характер объективного повествования». *(Базанов, 1947. С. 190).*

31з. Богданова Настасья Степановна, 65 лет, – известная сказительница былин и причитаний. Репертуар ее записан в довольно большом количестве Шайжиным, А. М. Астаховой и Ю. М. Соколовым. Она дважды приезжала в Ленинград и Москву, где выступала с былинным репертуаром. Настасья Степановна – сказительница полупрофессионального типа. С молодых лет она

ездит по свадьбам и праздникам, куда ее приглашают специально для сказывания. У нее выработалась классическая поза сказительницы – она поет, подперев щеку рукой и слегка покачиваясь. Репертуар ее, отвечая спросу, огромен. От нее записано больше десятка былин, около двенадцати старинных песен, много духовных стихов. Она очень любовно относится к былинам и песням, гордится своим знанием старины и цепко держится за него. Может быть здесь, помимо ее художественной натуры, играет роль и та сравнительная материальная самостоятельность, которую она получила благодаря сказыванию. Муж ее был лесником, получал очень мало, и заработок Настасьи Степановны играл в их жизни немалую роль. Однако лесничий прогнал Богданова за то, что его жена пела и сказывала на свадьбах и беседах. «Разве можно допускать, чтобы жена пела, это дело нищее», – заявил он, давая расчет. После этого Настасье Степановне пришлось особенно много сказывать, чтобы поддержать свое существование. Она приобрела большую славу. Ее возили на праздники за много верст. В 1913 (1911?) г. ее, наконец, вызвали в Петербург, причем исправник запугивал ее: «Там все люди ученые, они тебя петь заставят, а потом за решотки посадят». Даже муж, поддавшись страху, заявил: «Поезжай, если тебе голова на плечах мешает». Но она все-таки поехала. Перед приездом экспедиции ее опять пугали: «Они, как узнают, что сказываешь, сейчас два солдата приведут и стрелят». «Ну, – говорю, – пусть стрелят, однова умирать надо». Годы революции понизили спрос на искусство Богдановой, муж ее умер, и Настасья Степановна жила в большой бедности, пока на помощь ей не пришел Петрозаводский музей по инициативе ныне покойного В. И. Крылова.

За последние годы она дважды приезжала в Ленинград и Москву, <в 1927 и 1929 гг.>.

Первых собирателей <1926 г.> она встретила сурово, но, увидев, что мы искренно интересуемся, не заставила себя просить и охотно пела много часов подряд. Относилась она к этому так добросовестно, что, случайно выпустив из одной былины побочный эпизод в 25 стихов и вспомнив об этом, когда собирательница уехала, через несколько дней заставила другого члена экспедиции записать эти стихи и дать ей слово, что они будут переданы собирательнице. Привыкнув быть почетной гостьей на праздниках, Настасья Степановна держится важно и сурово. Мы называли ее «Степановна»; она рассердилась и сказала: «У меня имя-то есть, поп меня крестил, значит, имя дал. Настасья я – вот так». В быту Настасья Степановна пересыпает свою речь поговорками: «Близкая копейка – дальний рубль» (кладя пятачок за божницу), «Верно ученая, хоть и молода – неуча в попы по Вологде не ставят» (о собирательнице), «Я не в пень, не в колоду, в свою породу» (говоря о певунье-матери), «Король да князь пали в грязь» (о революции).

Сказки Настасья Степановна любит меньше былин, но относится к ним серьезно. Рассказывает сурово, ровно, но великолепно тонирует диалог. Все время боится, что ее неверно поймут, что-нибудь перепутают, для чего всегда вставляет ремарку «…это царь говорит», «это он кричит», между тем как это совсем не нужно, потому что голоса действующих лиц она подает различно. Рассказав

небольшой кусочек, Настасья Степановна спрашивает: «Записала? Хорошо записала? Ну, то-то». И, только уверившись, что все в порядке, рассказывает дальше. *(Карнаухова, 1934. С. 397).*

31и. Из биографической справки, составленной А. М. Астаховой: «Настасья Степановна Богданова – одна из выдающихся носительниц фольклора в XX в., настоящая большая артистка, с … разнообразным репертуаром. Ее богатые природные данные и … мастерство как вопленицы и исполнительницы „досюльных" песен были отмечены в печати еще в 1900-е гг. <…> Мы располагаем большим материалом записей, произведенных в разные годы с промежутками во времени. <…>

Последние годы Настасья Степановна жила на пенсию, назначенную ей правительством. Похоронив всех близких, она осталась одинокой. Но жизнь на людях выработала в ней общительность. Это была очень живая, быстрая в движении и разговоре, маленького роста старушка с живыми, молодыми глазами, пересыпающая свою речь пословицами и поговорками. Она держалась с чувством собственного достоинства, в начале знакомства даже несколько сурово. „Степановна – баба гордая", так отзывались о ней в деревне. Она была очень самолюбива и знала себе цену. Критически относилась к другим сказителям, например, к П. И. Рябинину, с которым ездила в Ленинград и Москву. Умерла Настасья Степановна в 1937 г.» *(Астахова, Т. II. С. 47; также см.: Астахова, Т. 1. С. 76. – дана развернутая характеристика Н. С. Богдановой как исполнительницы былин).*

31к. Из статьи А. М. Астаховой «Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой» (Некролог): «… Из всех видов фольклора, которыми Настасья Степановна владела, больше всего она любила былины. Она принадлежала к тому типу исполнителей, которые усваивали былины творчески, т. е. не заучивая текста дословно, а вырабатывая, на основе усвоенной сюжетной схемы и всего запаса традиционных „типических мест", свою собственную редакцию данного сюжета. Сличение более поздних с более ранними записями показывает, что в основном композиция и словесная ткань былин Богдановой определились еще в девятисотые годы. К последующим годам относится лишь творческое варьирование некоторых эпизодов и отдельных стихов в направлении большей художественной детализации образов и усиления психологических мотивов. Н. С. Богданова владела несколькими былинными напевами и исполняла былины артистически. <…> Так же замечательно исполняла Настасья Степановна и старинные русские песни и причитания. В области причети – жанра, исполнение которого, может быть, в наибольшей мере, чем других, требует творческого дара, – Н. А. Богданова проявила себя как настоящий мастер-художник. Умело, с большим художественным вкусом и тактом пользуется она богатой эпической традицией местных вопленицы, творчески дополняя и развивая ее. Как и знаменитая Ирина Федосова, она создала плачи преимущественно эпического склада, плачи-былины, полные смелых и выразительных зарисовок, богатые изобразительными средствами языка. И если в некоторых отношениях (например, при остроте социальных моментов) плачи Богда-

новой и уступают плачам Ирины Федосовой – непревзойденного народного поэта в области причети, – то, во всяком случае, ее имя должно быть поставлено после имени Федосовой в ряду лучших мастеров этого жанра.

Сказки Настасья Степановна любила меньше былин, но рассказывала их прекрасно, искусно передавая диалог и сопровождая рассказ, как и передачу былины, пояснительными репликами, говорящими о живом отношении сказительницы к своим героям и их судьбе.

В лице Настасьи Степановны Богдановой мы видим живой пример богатства народных дарований, выраставших и развивавшихся до революции вопреки самым порой неблагоприятным условиям». *(Астахова, 1941. С. 241; здесь же приводится полная библиография о Н. С. Богдановой до 1938 г.).*

31л. Из статьи-справки А. П. Разумовой «Место, где родилась, жила и умерла сказительница Н. С. Богданова. Пустошь Зиновьево»: Н. С. Богданова родилась в 1859 г.[1] в д. Зиновьево <Леликово> Петрозаводского уезда Олонецкой губернии <…> Долгие годы нужда не покидала семью. Несмотря на невзгоды, любовь к художественному слову, к песне сопутствовала Н. С. Богдановой всю жизнь. Песни были для нее радостью. <…> Репертуар ее был широк и разнообразен. Она знала былины, исторические песни, духовные стихи, причитания, песни, сказки, загадки, пословицы, поговорки. Как исполнительницу ее отличали высокие поэтические достоинства: меткий выразительный язык, очерченные образы исполняемых ею произведений. Н. С. Богданова обладала подлинной музыкальностью, умением увлекать своим мастерством слушателей. <…> Фольклорные произведения, записанные в разное время, позволили ученым более полно представить творческий облик этой одаренной сказительницы. <…> Умерла Н. С. Богданова в д. Зиновьево 9 апреля 1937 г. на 78-м году жизни. Ни один мемориальный памятник, связанный с ее именем, до наших дней не сохранился». *(Разумова, 1977. С. 147).*

32. БОРОВЛЕВА ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА, 1899 г.р., неграмотная, д. Тявзия Фоймогубского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Евдокии Федоровне было 45 лет. Два сына находились на фронте. Один из них во время оккупации Заонежья сидел в концлагере, а после освобождения ушел на фронт. В записанных от Боровлевой плачах вопленица говорит о растерянной семье, о встрече сына из лагеря и проводах в армию, а также дает материнский наказ: «Ты разбей врага проклятого, отомсти злодею супостатному, как за эти за учетны за три годышка, за меня кручинную головушку. Приезжай с победой к родной матушке». *(Базанов, 1945. С. 48).*

33. БОЧАНОВА АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА, 1933 г.р., грамотная, с. Великая Губа. В год записи – 1980-й – Антонине Николаевне было 47 лет. Ее родители – Николай Степанович и Анастасия Федоровна Чиркины – хорошие сказочники. Сказочная традиция прослеживается в семье из поколения в поколение. Бочанова

[1] Сведения о рождении Н. С. Богдановой в разных источниках противоречивы: приводятся 1855, 1858–1861 гг. – Составитель.

рассказывала, что «горазно много знала сказок» ее бабушка – Аграфена Петровна Чиркина. Она была неграмотная, но «дюжинная память» у нее была. Будучи очень доброй женщиной, бабушка устраивала посиделки, и собравшиеся рассказывали «кто что знает»; привечала нищих, которые пели былины и духовные стихи, рассказывала сказки. В такой атмосфере вырос отец Антонины Николаевны и привил уважение к народным традициям дочери. «У нас всегда были вечерины, – говорила собирателям Бочанова, – молодежь, во время войны, после войны. Папа перед сном рассказывал такие небылицы, что волосы дыбом вставали, тело покрывалось мурашками <…>. Пели песни старинные <…>. Сказками, прибаутками, страшными историями время убивали, и казалось, что мы жили очень весело и интересно. В войну мужчин совсем не было, старики и дети. Все сходились в одной хате и беседовали. Обычно у нас. Папа рассказывал, <…> а я любила пересказывать: ходила в школу за пять километров – из д. Воронинской в д. Типиницы, и все, что помнила, рассказывала. Зато мне хорошо было на устных уроках. <…> Дедушко знал много сказок». На вопрос собирателей, от кого она слышала сказку про Печеночку, Антонина Николаевна ответила, что «от дяди Мити Нефедкина из Великой Губы». Какое-то время они жили у него на квартире. Антонина Николаевна ходила в школу во второй класс, а брат был младше ее, и Нефедкин «из вечера в вечер» рассказывал эту сказку ее брату. Бочанова знакома и с книжной традицией. Она говорила собирателям, что иногда содержание народных сказок путается с книжными версиями. *(АКНЦ 142/2а, 29. 30).*

34. БОЧАНОВА АНАСТАСИЯ (АСЯ), 1971 г.р., с. Великая Губа. Ася – дочь А. Н. Бочановой, внучка А. Ф. и Н. С. Чиркиных. Как уже говорилось выше, Асина прабабушка, Аграфена Петровна Чиркина, очень чтила народные традиции: в ее доме всегда рассказывали сказки, пели духовные стихи и былины, и сама она была искусной сказочницей. Постоянно устраивались посиделки и в доме дедушки – Николая Степановича. В 1980 г. собиратели записали от Аси загадки, считалки и две сказки – «Лапоток», «Дурак и береза». Сравнивая сказку «Лапоток» со сказкой «Старушка меняет лапоток на курочку», рассказанную ее бабушкой А. Ф. Чиркиной, Н. Ф. Онегина пишет, что «у девочки <Аси> логично изложенный сюжет потерял местный колорит, утратив диалектную лексику, еще сохранившуюся у бабушки – Анастасии Федоровны. Нет также и фольклорной формулы, характерной для данного сюжета: „Шлем, шлем, бычок, полевой хвостичок, я быка по коже, бык – по дороге!“ Да и вместо бычка в сани впряжена лошадка, что ближе и

Бочанова Ася

понятней современному ребенку. Появились и не свойственные сказке мотивировки, что является довольно поздним явлением в устной традиции». *(АКНЦ 142/2а, 29, 30; Онегина, 1986. С. 28).*

35. БРОВИНА ВАРВАРА ИВАНОВНА, 1887 г.р., д. Алексеевская Вырозерского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Варваре Ивановне было 57 лет. До войны работала скотницей. «Обо мне, – рассказывала она собирателям, – писали в газете, была назначена в Москву», но тяжелая болезнь помешала поездке. После болезни работала в школе дежурной. «Я всегда была активная, на любой работе первая, всегда была премирована». Во время оккупации Заонежья укрывала на скотном дворе партизан, помогала им и снабжала, чем могла, за что поплатилась: была арестована и выселена, но партизан не выдала. «В полиции, – говорила она, – стучали по столу и кричали на нее: „Сегодня не скажешь, дак завтра скажешь“». Племянники, воевавшие на фронте, благодарили Варвару Ивановну за это. Муж ее погиб в первую мировую войну. Она постоянно посещала его могилу до войны, и, приехав после освобождения Заонежья домой, сразу пошла на кладбище и вопила на могиле мужа, рассказывала ему, «как жила да скиталася». Перед тем, как исполнить плач собирателям, сообщила: «Не памятна я стала. Надо сложить словечко к словечку, чтобы интересоваться можно было. Кабы сейчас муж помер, так все сказала бы лучше». Детей своих у нее не было. Два племянника воевали на фронте, о них она тоже говорит в плачах. *(АКНЦ 75/157).*

36. БУТОРИНА КСЕНИЯ НЕФЕДОВНА, 1858 г.р., неграмотная, д. Клементьевская Сенногубского сельсовета. В 1937 г. – год записи – Ксении Нефедовне было 79 лет, жила в няньках в д. Сельга, расположенной в 1,5 км от Клементьевской. М. М. Михайлов записал от нее былину, которую она «поняла» от отца, а отец «порато много знал». Собиратель отметил, что Буторина «смолоду на беседах пела с девушками. Сейчас не поет. Знает песни, чудесные сказки – 10 сказок, былинки – „Вербо-Золото“ и др. Умеет причитывать». *(АКНЦ 74/46).*

37. БЫТОВА КЛАВДИЯ ФЕДОРОВНА, 1905 г.р., грамотная, д. Сычи Кижского сельсовета. Уроженка здешних мест. Была сразу увезена в Ленинград. В 10 лет вернулась в Сычи, где провела всю жизнь. Кончила один класс церковно-приходской школы, дальше не захотела учиться. В 18 лет вышла замуж. У нее две дочки и сын, но живет одна. Работает в колхозе, но не на всех работах. До войны жила хорошо, а сейчас трудно. Очень заботливая и обходительная. Любит чистоту и много цветов. В 1956 г. – год записи – Клавдии Федоровне был 51 год. Она была очень живой и разговорчивой женщиной. В деревне ее считали хорошей песенницей, но старых песен она не знала. Петь сначала не хотела, но потом оказалось, что знает много частушек и других вещей. Читает книги, например: «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова. Рассказывала, что «в их деревне было раньше 10 домов, а после войны осталось 6. Все, в том числе и она, были угнаны в концлагеря, там умерло много детей и стариков, часть жителей погибла на фронте». Очень трудно пришлось и тем, кто остался в живых и возвратился после войны

в деревню. Многие дома так и остались без хозяев, их полуразвалившиеся стены и выбитые стекла производят тяжелое впечатление. За время войны погибли «и многие знатоки старинных песен». Клавдия Федоровна – участница деревенского хора. В репертуаре хора, кроме свадебных песен, много места занимают ланцы и кадрильные песни. Романсов почти не поют. Припомнили слышанный им в детстве духовный стих про Егория. *(АКНЦ 79/1, 103).*

38. БЫТОВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, д. Сычи Кижского сельсовета. В ее репертуар, как и в репертуар хора, участницей которого она является, входят любовные, кадрильные, свадебные песни. Собиратели отметили, что тут все женщины вспоминают свадьбу, как яркое событие в их жизни, но тут же говорят, что «все они были выданы замуж против воли; живо рассказывали о грустных песнях невесты, веселых приговорах дружек, нарядных костюмах, свадебных пирах, но особенным знатоком его оказалась Мария Михайловна. Она, в отличие от других женщин, которым на свадьбу приглашали специальных причитальщиц, свой причет сложила сама». Она рассказала о порядке пения свадебных песен, что песню «Как свеча горит воску ярого» невеста пела после того, как отвела волю и даже показала, «как при этом девушка не давала расплести косу, намотав волосы на руку», и только когда это удавалось сделать, ее вели к венцу. И когда невесту подводили к жениху, пелась песня «Как было у Дунюшки». И снова посетовала: «И что это за беда была, у нас всех насилу замуж выдавали». *(АКНЦ, 79/103).*

39. ВАСИЛЬЕВ ГРИГОРИЙ, д. Конда Кижской волости. П. Н. Рыбников не встречался с ним. Единственную историческую песню «О Коструке», исполненную Васильевым, записал для него крестьянин той же деревни А. И. Соколов. А. Ф. Гильфердинг не застал сказителя в живых. Подбирая параллели этой песни у Гильфердинга, А. Е. Грузинский считал, что ближе всего подходят тексты Лисицы с Выгозера (№ 193), Н. Ф. Дутикова из Конды (№ 144), а также записанные Рыбниковым варианты от «Старухи из Великой Губы» (2-е изд., Т. II. № 96), и Г. Амосова из д. Уная Губа Пудожского уезда (2-е изд., Т. II. № 157). *(Рыбников, 2-е изд., Т. I. С. 480; также см.: Чичеров, 1982. С. 93, 158–160: приводится сопоставление сюжетов былины «О Коструке» Г. Васильева с вариантами других сказителей).*

39а. Исследуя влияние особенностей внутри- и межсемейных связей на сохранение и передачу традиционных культурных навыков в крестьянской среде, С. В. Воробьева на основе данных Ревизских сказок выявила, что Григорий Васильев – родной брат Домны Васильевны Суриковой. Она пишет: «В списках крестьян данной деревни <Конды> за 1858 год значится только один Григорий Васильев – это родной брат Домны Васильевны. А. Ф. Гильфердинг не мог с ним встретиться, так как Григорий Васильев умер в 1862 г. Григорий Васильев был женат на дочери Нефеда Ефремова Андриянова (от Маланьи Нефедовны Севериковой, в девичестве Андрияновой, и ее племянника Кузьмы Дмитриевича Андриянова в начале XX века были также записаны былины). В семью Андриянова

вышла замуж сестра Николая Филиппова Дутикова». *(Воробьева, 2000. С. 57; также см.: М. Н. Северикова № 241 нашего издания).*

40. ВАСИЛЬЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ, 1874 г.р., д. Шуньга. Других сведений о сказителе нет. В 1926 г. – год записи – ему было 52 года. Запись сделана Т. В. Поповой. Комментируя текст сказки «Попов работник», И. В. Карнаухова отмечает, что эта сказка «одна из огромного запаса сказок о попах; она известна под названием „Как попадья по-немецки заговорила“. <…> В нашей сказке осмеиваются глупость и жадность попа <…> обманщица-попадья и <…> дьякон. Подобный вариант встречается только один раз в записи Ончукова [Он. 253]. <…> Любопытна у Васильева присказка. Обычно острота присказки заключается в ее невозможности, в использовании вещей не по их назначению, в необычайности поведения действующих лиц <…>. Присказка Васильева говорит об обычных правильных вещах <…> о правде говорится». *(Карнаухова, 1934. С. 381).*

40а. В предисловии к сборнику И. В. Карнауховой «Сказки и предания северного края» Ю. М. Соколов пишет: «Наиболее ядовитые, наиболее злые сказки о барах или попах обычно рассказываются сказочниками из батраков, на своих собственных плечах испытавших всяческую эксплоатацию со стороны господ и духовенства. Можно с уверенностью предполагать, что, хотя составительница сборника и не собрала сведений о сказочнике Васильеве, рассказавшем сказку „Попов работник“, сказочник принадлежит именно к разряду сказочников-батраков или же во всяком случае сказку эту перенял, мало что в ней изменив, от какого-нибудь несомненно сказочника-батрака». *(Соколов Ю. / Карнаухова, 1934. С. X).*

40б. Рецензируя сборник И. В. Карнауховой «Сказки и предания северного края», А. И. Никифоров пишет: «„Попов работник“ у Карнауховой отрезает у дьякона, пришедшего ночью к окну попадьи, ухо. Все известные варианты этой сказки (и мои северные записи в том числе) дают образ ярко эротический. Его изначальность несомненна. Между тем вариант Карнауховой затушевал остроту финала, исказил и самый сюжет. Кем это сделано, сказочником из неловкости перед собирательницей в момент записи, или это поправки уже позднего редактора? Между тем никакой оговорки или примечания к данному месту не дано». *(Никифоров, 1936. С. 413).*

41. ВАСИЛЬЕВА, 1861 г.р., д. Мигуры Сенногубского сельсовета. В 1931 г. ей было 70 лет. Собиратели заинтересовались происхождением креста, который стоял под навесом в поле среди ржи, и зашли к ней в дом. Васильева жила со своими детьми и внуками, которых было четверо. Самому маленькому было два года. Он лежал в люльке, а она его укачивала. Семья состояла из 7 человек. Васильева рассказала историю креста, о катальщиках валенок, о том, что на острове водятся волки и другое. На вопрос, есть ли в деревне колхоз, ответила: «Нет, только два хозяина записалось, да говорят, всем записаться придется». – «А не

хочется?» – «Да конечно, мы люди старые, хотя мне-то все равно, как другие». *(АКНЦ Р.VI, оп. 1. № 73. Л. 8).*

42. ВАСИЛЬЕВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) ПАВЛОВНА, 1893 г.р., д. Сычи Кижского сельсовета. В 1956 г. ей было 63 года. Собиратели – студенты МГУ записали, что «сразу после свадьбы она с мужем уехала в Ленинград, но летом приезжает к родным в Сычи». Авдотья Павловна быстро поняла, что интересует собирателей, и «без долгих уговоров начала петь». Сначала она пела веселые плясовые песни и очень сожалела, что «не может показать, как танцевали под них». Присутствовавшие при записи другие женщины – Носова Ф. Г. и Бытова М. М. молчали, пока речь «не зашла о свадебных причетах и песнях». Каждая рассказала о своей свадьбе, о тяжелой доле молодой женщины: выдавали насилу. «Выдадут да и живи, как знаешь, – рассказывала Авдотья Павловна. Вас на свете много, выбирай любую, – говорил муж, покидая жену сразу после свадьбы. С маленьким ребенком на руках отправлялась женщина отыскивать мужа, который даже не знал о рождении ребенка». Несмотря на то, что «все были выданы замуж против воли», свадьбу вспоминают как яркое событие. Очень живо рассказывали о грустных песнях невесты, веселых приговорах дружек, нарядных костюмах, свадебных пирах. Кроме свадебных, плясовых и других песен исполнили духовный стих про Егория. Авдотья Павловна сказала, что «духовые стихи пели при царе, до войны 13-го года, ходили из деревни в деревню». *(АКНЦ 79/103).*

43. ВАСИЛЬЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА, 1873 г.р., д. Карасозеро.

Биография

Васильева Екатерина Алексеевна

Родилась в 1873 г. в д. Карасозеро Заонежского района. Отец – крестьянин-бедняк, семья: отец, мать, трое детей, дед и бабушка. Тяжела у меня жизнь была. Сейчас уже не помню все. Работали на крестьянстве и ходила по чужим работам. Помню, как в школу пошла. Там училась две недели. А потом прясть надо было, и не спустил брат больше. В 16 лет вышла замуж в д. Леликово за крестьянина-бедняка и через два года уехала к мужу в Питер. Он жил на Воронинской улице, работал столяром. Екатерина Алексеевна работала на бумажно-прядильной фабрике Кожевникова. Тяжело было. Работали по 16 часов, с 5 часов утра до 9 часов вечера, получали по 40 коп. в день (10 руб. в месяц). Работала до самого последнего дня – на другой день родила ребенка. Денег не было, чтобы нанять няньку, муж получал 16 руб. в месяц, уехала в

деревню. Дома работать некому было. Екатерина Алексеевна работала по людям, с ребенком нянчилась бабушка. Посылал муж, да много ли с 16 рублей пошлешь. Пошлет около десятки, дак еще подати надо платить, да за дом еще. В деревне жила 5 лет, муж приезжал зимой. Было 6 человек детей. Потом муж умер и осталось двое детей (3-х и 1 года). Детей оставила у свекрови и уехала в Ленинград. Нанялась в столярную мастерскую, готовила на 120 человек и получала 4 рубля. Потом мне здесь тяжко показалось, ушла на другую работу. Был у меня угол – 1 кровать. Робята в деревни были. На зиму поступила к господам, жила в прислугах. Летом приезжала домой. В 1905 г. вышла замуж за другого, за рабочего-кустаря. У него была квартира в подвале. Тогда же привезли детей. Работала в прачечной и на квартиру брала стирку. Потом вместе с мужем работали корзины. Было еще 8 детей, из них осталось двое, остальные умирали до 3-х лет. В 1905 г. хотели свергнуть власть государску. Я шла за бельем, дак тут казаки стояли шашки наголо, на Малом проспекте. Потом мне рассказывал Митрей Бердяев, жили у нас на квартиры. Они были в Ленинской партии и участвовали, верно, в этых боях. Я потом ходила смотреть, пятна крови были оставши по этым улицам. После этого смешения я шла, и шел мальчик, и запел песню «Вставай, поднимайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный». Откуда-то выехал казак, я смотрела, что будет. Он побежал за мальчиком, привязал на аркане и уехал. В 17-м году все говорили, что надо царя свергнуть. Тогда лучше будет. Большую часть Бердяев и Кудрявцев рассказывали, они на зеркальном заводе работали.

В революцию активно не участвовали. В 1917 г. уехала опять в деревню с 3-мя детьми. Во время Гражданской войны работали на Медгоре, Масельгской, на прокладке железной дороги. В 1918 г. – опять в деревне, в сентябре поехали в Ленинград. В 1919 г. снова уехали в деревню и в этом же году выехали в Кондопогу и поступили на железную дорогу. Прожили десять лет, потом мужу дали пенсию и уехали в д. Новинку Кондопожского района. Купили дом и там стали жить. В 1931 г. записались в колхоз, сдали лошадь и корову. Был сын и дочка. Сын и невестка в колхозе, двое детей. Муж умер (убили в лесу) в 1937 г. Екатерина Алексеевна не работает, живет на иждивении сына (он лесоруб).

«Сказки слышала в школе, робяты читали, также и песни. А как вышла замуж, во время беседы старушки рассказывали. Я от них внимала, оны от меня внимали. Пели разные песни прежние. Пойдешь на покос, с рабочими пела». *(АКНЦ 122/9. Л. 53–63 рукопись, 64–65 м/копия. Биография записана в 1937–1939 гг.).*

43а. В 30-е годы от Е. А. Васильевой записано 39 сказок, две баллады, песни, мещанские романсы; однако собиратель А. И. Антипова писала в 1937 г., что она «знает до 60 сказок», духовные стихи «Алексей человек Божий», «Два брата Лазаря» и т. д. *(АКНЦ 86/9).*

Публикуя некоторые из сказок Васильевой, исследуя ее сказочный репертуар, Н. Ф. Онегина в статье «О сказочной традиции Заонежья» пишет, что особая заслуга Васильевой в том, что «благодаря ей мы узнали о бытовании ряда редких в севернорусской традиции сюжетов: „Мать-рысь“, „Братья-вороны“, „В подводном царстве“ и др. Отдельные мотивы наталкивают на мысль о связи русской

сказки с устным творчеством карел. В этом плане интересна сказка Васильевой „Козочка", отражающая сюжет „Чудесное бегство“». Кроме того, в творчестве Васильевой Н. Ф. Онегина отмечает заметное влияние «города и книжной культуры». Она пишет: «Несмотря на диалектную лексику, во многих местах чувствуется стилизация под книжность, при этом ее сказки не лишены традиционной сказочной формульности». *(Онегина, 1986. С. 30).*

44. ВОСТРИКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ, 1892 г.р., д. Верховье Великогубского сельсовета. В 1937 г. ему было 45 лет. Грамотный, закончил два класса сельской школы. Раньше работал в своем хозяйстве, а в год записи трудился в промартели «Кустарь» по производству кирпича. В германскую войну служил на фронте фельдфебелем. Собиратель М. М. Михайлов записал, что Павел Иванович читает районную газету, книги – редко. Больше всего читал сказок Пушкина и братьев Гримм. Сказок знает большое количество, около 50, солдатские, волшебные, перенял их: часть в окопах, часть на лесозаготовках по Карелии, где устраивались сказочные соревнования бригад. Кроме сказок знает протяжные лирические и другие песни. *(АКНЦ 74/Л.1; то же 122/13. Л. 79).*

45. ГАЛАШИНА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА, 1911/1913 г.р., уроженка д. Шабалиной Деригузовского сельсовета. Александра Андреевна выросла в семье, где любили песню. Вот как она об этом рассказывала: «Наша семья была очень музыкальная. Все пели. И отец пел очень хорошо, и мать пела хорошо, и дети все пели. Придем, бывало, на пожню (теперь луг говорят, а тогда деревенское название – пожни), сядем все в кучу, всех-всех отец соберет, и начнем петь, а в лесу-то скалы рядом, лес высокий, эхо раздается, премило слушать. И рядом была тоже певучая семья, от нашей деревни километра два, все парни пели исключительно хорошо и девки. Горин такой был, он один пел, а так все семьями. Конечно, не каждая семья такая. Но очень любили петь, в особенности летом, заслушаешься, как по этим по лугам поют. Или все девки пошли жать, тогда ведь серпами жали, пели, когда на жнитву идут, когда отдыхать сядут, всякие досюльные песни пели. И мы эту традицию так и любим. Я запомнила песни, которые отец и мать пели раньше, и я пою. <…>

Галашина Александра Андреевна

У нас были беседы, дак мы с парнями танцевали кадрели, танцы, ланцы, игры всякие. <…> В 3-х деревнях 6 балалайщиков было. Гармонист только один был. Скажешь: „Дядя Ваня, сыграй „Коханочку“. – „Дак вы мне спойте, мелодия-то как“: – „Там-да-ри-ри-та“… И все, как по нотам, он уже играет. А теперь во всей Шуньге нет парня, который бы на балалайке играл. <…> Днем с отцом ходили рубить

дров в лес. А вечером, как придешь, ой, скорее переодеваешься. У нас там в деревне такая горушка была, и вся молодежь на эту горушку: „Дядя Ваня, пойдем, поиграем“. У него три сына было и все музыканты. <…> Я вот теперь поняла: все равно, что играть, что танцевать, такое же удовольствие от этой игры получаешь, потому что ты для кого-то играешь, и кто-то тобой доволен. Ой, как весело было. И люди были какие-то дружественные друг к другу. <…> Я с учительницей ставили всякие пирамиды, даже спектакли: „Разрыв-траву“, „Пирог“ по Чехову». *(АКНЦ 160/39; 191/271).*

45а. Александра Андреевна знала не только песни и романсы. От нее записаны духовные стихи, свадебная лирика – причитания и песни, о свадебном обряде, свадебная магия, приговоры дружки, заговоры и другое.

В. А. Бахтина, анализируя исполнение А. А. Галашиной сюжетов духовных стихов «Егорий и змей», «Два Лазаря» и «Алексей человек Божий» в свете исследования вопроса о формах бытования и исполнения духовного стиха в его поздних модификациях, отмечает, что для нее «характерна манера чередования пения с прозаическим пересказом, иногда дополненным собственными комментариями», что «прозаические вставки являются актом творчества, стремлением прокомментировать, дополнить текст способом или его драматизации, или его театрализации. Прозаические вставки могут прерывать текст в одних и тех же фрагментах сюжета <…> а могут при каждом новом исполнении появляться в разных эпизодах. Для нее, как и для других северных исполнителей, характерны повторы стихов как на словесном, так и на музыкальном уровнях. Когда нет желания или времени петь, игнорирование повторов – реальное для слушателей и незаметное сокращение: содержание, смысл стиха сохраняются». *(Бахтина, 2000. С. 22, 23).*

46. ГАНЬКОВА МАРИЯ ИВАНОВНА, 1909 г.р., грамотная, д. Мироновская Толвуйского сельсовета. В 1983 г. – год записи – Марии Ивановне было 74 года. Она росла в большой семье: у ее деда было 18 человек детей, а у матери трое. Дед зарабатывал деньги и кормил семью. Он имел две свои лошади. Чтобы прокормить семью, он занимался извозом: ездил на лошади в Сороку, к морю, привозил себе рыбу, а также возил рыбу в Питер на продажу. Из Питера возвращался с товаром. Со временем дед стал слепнуть и 15 последних лет жил слепым. И как сказала Мария Ивановна, «слепой дед рассказывал байки». От нее записаны разные жанры: песни, былички, этнографические рассказы. *(АКНЦ 161/775).*

47. ГЕРАСИМОВА ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА, 1890 г.р., по другим сведениям 1913 г.р. *(АКНЦ 142/499)*, уроженка д. Есино Яндомозерского сельсовета. Замуж вышла на 19-м году в д. Палтегу В.-Нивского сельсовета. Прожили 5 лет, затем мужа взяли в солдаты, потом был плен, вернулся и работал в своей деревне. После его смерти осталось две дочери. Семь лет вдовствовала, потом вышла замуж второй раз. От второго брака две дочери. Всего детей было пять человек.

Во время оккупации Заонежья выселялась в Якорь-Лядину, работала уборщицей. Записи от Евдокии Федоровны производились дважды – в 1944 и 1980 гг. В 1944 г. собиратель А. П. Разумова отметила, что она знала вопы, духовные стихи, ста́рины («О Добрыне», «О Владимире Красном Солнышке»). В свое время Евдокия Федоровна вопила у невест. Плакать училась у матери (Исакова). «Мать была изумительной вопленицей, могла бы весь белый свет оплакать. Оплакивала всех, знала старины», – сказала Евдокия Федоровна. О себе, после исполнения плача, добавила, что «слушала всегда внимательно тех, кто хорошо плачет. Тогда и сама стала вопить слово к слову. Могла, подумав, плакать о любом человеке, не только о своем горе. Своя жизнь, обида слагает воп. Как живется, так и поется. Сейчас обида призабылась. Сердечный плач могу рассказать, когда факт вижу». *(АКНЦ 75/11, 12).* В 1980 г. от Евдокии Федоровны записаны обрядовые и другие песни, этнографические рассказы и многое другое. Жила в Великой Губе. *(АКНЦ 75/10).*

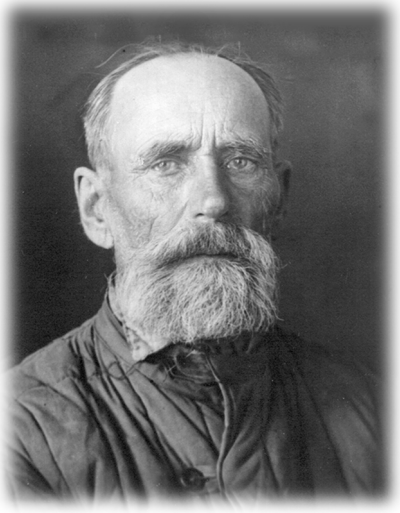
48. ГИРИНА ПРАСКОВЬЯ (ПАРАСКОВЬЯ) ИВАНОВНА, 1913/1914 г.р., уроженка д. Батовой Паяницкого сельсовета. Юность Парасковья Ивановна провела в д. Батовой, в 1937 г. вышла замуж и переехала в Шуньгу. В семье родителей было пять детей: три девочки и два брата. Мать Бутькова Анастасия Дмитриевна умерла в 1968 г., когда ей было 96 лет. По словам дочери, она рассказывала сказки, пела духовные стихи о «Егории», о «Лазаре», знала былины об «Илье Муромце», «Алексее Поповиче», «Добрыне» и многое другое. Была неграмотная, но памятливая. Знала и свекровушка, «но время такое, что многое не разрешали нам. Нельзя было». Прасковья Ивановна рассказывала, что раньше ходили нищие «спевали», а «мы недороски были, пели. А чуть побольше стали, стали ведь их запрещать. После революции нищие еще немного ходили, а потом перестали ходить. Они пели, а мать слухала». Семья Парасковьи Ивановны – она, муж, брат, сестры – все очень любили петь песни. Пели и дома, и на работе, на отдыхе. «Какая в ум падет, ту и поешь, отдохнешь и снова жать». Собиратели отметили, что когда она исполняла песни для записи, то добавляла: «Эту любил брат, эта любимая песня отца, а эту пели все вместе на сенокосе». Песенный репертуар Парасковьи Ивановны богатый. Спела она детские байки, очень своеобразные, сказала, что «их сами составляли», исполнила частушки. По просьбе собирателей рассказала две сказки и добавила: «Станешь, бывало, внукам рассказывать сказки, долго, они и уснут». Беседу закончила прибаутками и присловьем по поводу старости, ослабевшей памяти и ушедших сил: «Старость гребет не по численкам». *(АКНЦ 160/202, 203, 204; 191/149).*

Гирина Прасковья Ивановна

49. ГОРЕВА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 1912 г.р., уроженка д. Кузьмина Гора (Загубье), живет в Лебещине Толвуйского сельсовета. Было 9 детей, трое умерли. Из оставшихся шести одна дочь. Один из сыновей живет с ней. От Марии Васильевны записано две кадрильные песни, которые она исполнила с Е. А. Минкиной. Про себя в шутку сказала: «Нуньку ни глаза во́ лбу, ни зуба во́ рту, дак какие песни». *(АКНЦ 164/1).*

50. ГОРШКОВ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ родился 15 (27) августа 1875 г. в д. Демидово Яндомокосмозерского общества Великогубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии в семье крестьянина-середняка. В семье были: отец, мать, дедушка, бабушка и четверо детей. Петр Григорьевич был старшим сыном. Жили дружно. Дед и бабушка, как он пишет, очень любили его. В 1887 г. Петр Григорьевич окончил 3 класса сельской школы. Учился средне. Один из братьев был отправлен 11-летним в Питер в мальчики обучаться ремеслу, а Петра Григорьевича отец оставил дома помогать «на крестьянской работе и на рыбной ловле». Отец был строгий, не пил вина и сыну не давал, был хорошим работником, но больше «займовауся» рыбой. Петр Григорьевич «выполнял его приказы в точности». В хозяйстве было 2 лошади, 3 коровы, ловушки, продавали рыбу, но пользовались только своим трудом. Когда умерла мать, ему было 16 лет. Через четыре месяца отец женился на другой, от которой было трое детей. После женитьбы Петр Григорьевич прожил с отцом одним хозяйством восемь лет, затем разделились.

Горшков Петр Григорьевич

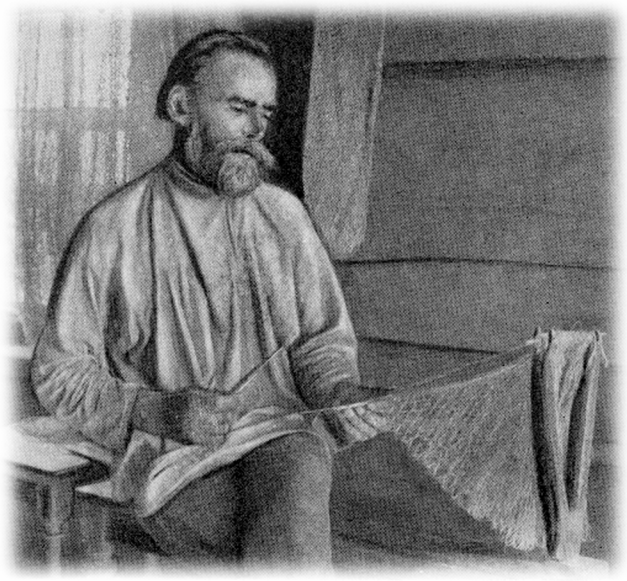
Ему досталась одна корова. Детей в то время у него было четверо: дочери – старшей 7 лет, младшей 6 месяцев. Хозяйство было в упадке и Петру Григорьевичу пришлось шесть лет батрачить у зажиточных крестьян. В начале 1915 г. устроился работать на Мурманскую железную дорогу, а в августе 1916 г. был мобилизован в царскую армию и до самой Октябрьской революции находился в запасном полку под Петербургом. В конце 1917 г. был направлен на лесозаготовки в Витебскую губернию, откуда возвратился через три с месяца, был мобилизован из армии и вернулся домой. В войне Петр Григорьевич не участвовал. Заработав на лесозаготовках денег, он справил ловушки и до конца 1929 г. ловил рыбу, сдавал ее в артель-ячейку «Рыбтройка», бригадиром которой он был, крестьянствовал, ездил на лесозаготовки. В 1930 г. вступил в колхоз. В то время семья состояла из двух дочерей, двух сыновей и его жены. Одна из дочерей <очевидно, Меркулова Анастасия Петровна> была замужем в д. Космозеро, другая жила в Петрозаводске и работала на лыжной фабрике. В 1933 г. она заболела тифом и умерла. Известно, что в Петрозаводске жила и третья дочь Горшкова – Александра Петровна

Парамонова, о которой сообщили собирателю в 1980 г. Жена Петра Григорьевича умерла в 1935 г., у него осталось два сына. В год записи биографии <год не указан> одному из сыновей было 22 года. Он закончил 3 класса сельской школы и работал на бумажной фабрике <где – не сказано>. Младшему сыну было 14 лет, учился в 5 классе. Петр Григорьевич жил с дочкой-вдовой, которая работала в колхозе.

В Великую Отечественную войну старший сын Петра Григорьевича – Михаил погиб под Москвой, второго – Василия «расстреляли белофинны за сто метров от своего дома».

От П. Г. Горшкова в 1926 г. записывали сказки и былины А. М. Астахова и И. В. Карнаухова; в 1937 г. – М. М. Михайлов; в 1938, 1939, 1944 гг. – Е. П. Родина, Г. Н. Парилова, Н. И. Алексеев и др. Собиратели отмечали, что Петр Григорьевич читал много книг (сказки Пушкина, бульварные романы, о войне 1812 г.). Любил рассказывать. Его слушали ребята, на лесозаготовках. Былину «Об Илье Муромце» сказывал, а «Женитьба князя Владимира», «О Ставре», «О Добрыне», «Об Иване», «О Ворошилове» пел. Сказки главным образом перенял от деда. Жил преимущественно в деревне. Ездил несколько раз в Петербург с кладью. *(Из биографий: АКНЦ 122/14. Л. 80–96; 74/7).*

50а. Петр Григорьевич Горшков давно известен в своем родном Космозере как исполнитель былин и сказочник. Его имя прежде всего было названо, когда участники фольклорной экспедиции 1926 г. Государственного Института истории искусств расспрашивали местных крестьян о знатоках былин и сказок. П. Г. Горшков принадлежит к той группе заонежских сказителей, которые с середины 1930-х годов стали активно работать над созданием нового советского эпоса. Им сложена былина о Ворошилове <…> и ряд сказов. П. Г. Горшков – постоянный участник съездов и конференций сказителей. Это – любознательный и грамотный человек. Кроме Петрозаводска часто бывал в Ленинграде, где проживают его родственники. Вдовый, имеет взрослых детей.

Горшков Петр Григорьевич

Первые записи былин от Петра Григорьевича произведены в 1926 г., когда ему было 50 лет. <…В статье «Былина в Заонежье» А. М. Астахова относит Горшкова к исполнителям-«рассказчикам»: «Он

достаточно хорошо владеет своими текстами, помнит все эпизоды былины и может передать ее с начала до конца, не сбиваясь. Сказывая длинную былину в несколько приемов, со значительными промежутками, Петр Григорьевич запоминает момент, на котором остановился, и легко продолжает былину. В то же время, при очень уверенной передаче, происходит полное разрушение былины. Былина не поется вся, только часть ее, а далее исполнитель отбрасывает напев, видимо, его затрудняющий, ставящий ему определенные рамки, в которые уже не вложить создаваемый им текст, переходит к размерному сказу, и вот постепенно, у нас на глазах, часто незаметно для самого сказителя, былинный ритм разлагается, появляются чисто сказочные приемы сказа, совершенно прозаические, не былинные фразовые конструкции…». *(Астахова, 1927. С. 86).* Однако он не превращает былину в сказку. При помощи четких диалектических окончаний он удерживает повествование в рамках былинного ритма. Помогает ему, видимо, в этом и определенный напев, который сохраняется в памяти сказителя…>

На стиле П. Г. Горшкова сказалось влияние лубочной сказочной литературы, которой он владеет в совершенстве. <…> Сказительство Петра Григорьевича идет от деда его, Павла Перфильевича, и от отца, Григория Павловича. По словам П. Г. Горшкова, у деда, хорошо грамотного, служившего волостным писарем, была особая библиотечка лубочных книжек – источник сказочных традиций в семье Горшковых. Весьма возможно, что от этой библиотечки следует вести и значительную часть былинного репертуара, а также некоторые специфические черты его былинного повествования. В былинах Горшкова не раз встречаются стилистические обороты, характерные для стиля лубочных изданий. Из них же переносятся и некоторые наименования: Идолище, например, заменяется «Полканищем Полкановичем», мать Сокольника оказывается из «царства Лотаринского».

В семье Петра Григорьевича, кроме него, былин никто больше не знает, в то время как сказочный его репертуар хорошо усвоен младшими братьями и одним из его сыновей, Василием[1]. Последний, еще в 1926 г., будучи десятилетним мальчиком, пользовался среди космозерских ребят славой хорошего сказочника. *(Астахова, Т. II. С. 322: также см.: Черняева, 1981. С. 19–22 – приводится сопоставление фрагментов былин на уровне строк и их внутренних компонентов).*

50б. Петр Григорьевич Горшков, 50 лет (д. Демидово, Космозерской вол.). Рыбак, грамотен, но плохо. Женат, имеет 4-х детей. Человек степенный, склонный подумать, к работе, видимо, не очень охоч. Больше всего занимается плетением сетей, в сущности – делом женским. Рассказывает Горшков спокойно, медленно, с большими паузами на концах фраз, видимо желая, чтобы лучше записали. Может быть, поэтому речь его очень однообразна и монотонна. Ни прямую речь, ни диалог он не выделяет, и общее впечатление от его речи очень скучное и утомительное. Интересен он исключительно своим необычным репертуаром. П. Г. Горшков, внук известного певца былин – Павла Перфильевича Горшкова,

[1] И. В. Карнаухова называет сына Мишей. См.: Карнаухова, 1927. С. 106.

который был хорошо грамотен, служил волостным писарем, часто ездил в город и очень любил литературу. <…> По словам внука, у Павла Перфильевича была даже библиотечка. По всей вероятности, содержание этих книг и «велось по памяти» в семье и перешло целиком к внуку. Вот почему Петр Григорьевич, почти совсем не зная народных сказок, подробно рассказывает содержание длиннейших лубочных романов, как, например, «Францель Венециан», «Гуак» и др. И, видимо, эти или подобные произведения были настолько близки семье, что и Петр Григорьевич, и младшие братья его, и неграмотный Миша, рассказывая их содержание, стараются придерживаться и книжного стиля. <…> С другой стороны, так как в семье Горшковых сильна былинная традиция и сам Горшков знает и поет много былин, то и во «Францель Венециан» и «Гуака» он вставляет былинные обороты.

Репертуар П. Г. Горшкова: «Францель Венециан», «Гуак», «Про английского лорда-милорда», «Про Марцимериса», «Про Ивана-Царевича, Лукопера-Царевича и Василья-Царевича» и др. *(Карнаухова, 1927. С. 111).*

50в. Петр Григорьевич Горшков – продолжатель семейной <сказочной> традиции. В 30-е годы о нем создалось неверное мнение, будто он совсем не знает народных сказок, что «весь репертуар семьи Горшковых книжного происхождения» *(Карнаухова, 1927. С. 120).* Но когда в 1937–1938 гг. от П. Г. Горшкова записали 26 сказок, то оказалось, что две трети из них отражают устную традицию: это сказки бытовые и волшебные. <…> Сказки Петр Григорьевич перенял в детстве от своего деда, не только знатока былин, но и превосходного сказочника. Пополнение репертуара П. Г. Горшкова шло в течение всей жизни. Многое было усвоено от брата, учившегося ремеслу в Питере, а также от односельчанина, бывалого человека «дяди Федора», который когда-то был плотником при царском дворе и любил сказывать байки о царях и попах. Слышал Горшков сказки и во время военной службы в Петрозаводске, и в артелях лесозаготовителей, и на строительстве Мурманской железной дороги, где были люди с разных концов света. Условий для обогащения репертуара было достаточно. <…> В репертуаре Горшкова много сказок-анекдотов, любил он рассказывать о царе и солдате, царе и шуте <…> т. е. то, что характеризует обычно мужской репертуар, усвоенный в основном в рабочих артелях. В среде односельчан сказочник пользовался большим уважением и успехом. Он насыщал текст деталями местного быта, тем самым актуализируя и осовременивая традиционные сюжеты, приближая их к своим слушателям. <…> Лубочные по происхождению сказки рассказывали не только опытные мастера, их можно было услышать от многих исполнителей фольклора. <…> Но в записях собирателей книжные сказки-повести редки. Заонежский репертуар довольно полно представлен лишь текстами П. Г. Горшкова. <…> Отражена в творчестве Горшкова и тема корыстолюбия, и взяточничества духовных пастырей <…> *(Онегина, 1986. С. 13–15, 19).*

50г. Воспоминания о П. Г. Горшкове:

1. Отец, Горшков Петр Григорьевич, рассказывал и былины, и сказки. Квартира была большущая. Соберется много девок, парней. Холодно. Он на печке, а мы

кругом его. Он хорошо рассказывал. Иногда по телевизору услышишь что да скажешь: «Ой, это нашего дедка песня, или нашего дедка присказок». – «Чем Горшков Петр Григорьевич занимался?» (Соб.) – «Рыбу ловил. Сестра моя в Петрозаводске живет, та много о нем расскажет, она помоложе да побойчее – Александра Петровна Парамонова. Больше всего сказки вечерами рассказывали и былины, и сказки». *(Записано от Меркуловой Анастасии Петровны, 74-х лет, в 1980 г. в д. Космозеро – АКНЦ 142/638).*

2. В один из выходных дней мы пошли на кладбище, обходя его, я натолкнулась на могилу, которая меня заинтересовала. Это была могила П. Г. Горшкова. От бабушки я слышала, что Горшков сочинял сказки. Это обыкновенная могила, каких там множество: деревянный крест, на нем фотография с годами жизни. Я запомнила только год смерти – 1949. В деревне Космозеро люди, которые помнят Горшкова, называют его сказочником. *(Списано из дневника Т. Е. Пантиной в д. Космозеро в 1984 г. – АКНЦ 160/219).*

3. Помню, когда я была маленькой, то ходила к д. Петру в гости и слушала его сказки. Обычно я с ребятами забиралась на печку, а он нам рассказывал сказки. Помню, говорил он их нараспев. В основном я слышала, он писал сказки об Илье Муромце. *(Записано от Пантиной Галины Алексеевны, 1937 г.р., уроженки Космозера, в 1984 г. – АКНЦ 160/220).*

51. ГОРШКОВА АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 1874/1877 г.р., Демидово Космозерского сельсовета. В 1944 г. – год записи – очень плохо себя чувствовала. Во время оккупации Заонежья много пережила; жила в своей деревне, но из своего дома была выселена. Сын и дочь находились в Красной Армии, но известий никаких от них не имела. Жаловалась на плохую память, причитывала сбивчиво. «Песни-то забыты, – сказала во время причитывания, – а плаксы всякой знаю». *(АКНЦ 75/103).*

52. ГРИБАНОВ ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ – в 1926 г. крестьянин-рыболов 85-ти лет, д. Грибановщина Толвуйского сельсовета. Обаятельный по внешнему виду, высокий старик, с виду богатырь, с густыми седыми волосами и добрыми глазами. Грамотный, любитель книг исторического содержания. Единственную свою былину о Добрыне выучил от Ивана Артемьевича Гришина, записанного Гильфердингом: «Когда был молодым, с Иваном Артемьевым рыбу ловил, в станку́ и научился». Рассказывал, что пел еще тогда и сын Ивана Артемьевича, Егор, солдат. Кроме былины о Добрыне, Грибанов слыхал о Дунае, об исцелении Ильи Муромца, о борьбе его с Соловьем-разбойником, но не запомнил. Былину о Добрыне начал петь уверенно, потом стал сбиваться и конец уже кратко пересказал. Ни сказок, ни духовных стихов сказать не смог. О сказках отозвался пренебрежительно: «О, эти пустяковины знал, когда молод был, о Еруслане Лазаревиче да о Бове; а вот о ста́ринах и теперь размышляю, что это правда была». *(Астахова, Т. II. С. 465; см. также: Астахова, 1927. С. 79, 89–101 – на фоне сравнения текстов «учителя» и «ученика» показана степень разрушения былин).*

53. ГРИБАНОВА АНАСТАСИЯ (НАСТЯ), 12 лет, д. Грибановщина (близ Толвуи). Внучка известного сказочника <Ф. Д. Грибанова>. Сказки она знает от деда. Рассказала две сказки на ходу, провожая из одной деревни в другую. Рассказывает по-детски просто, без затей, следя только за фабульной нитью. Но, придерживаясь, видимо, хорошей дедовской традиции, внимательно выдерживает принцип троичности. В сказке «Парень-гад» даже дословно передает трижды повторяющееся действие. *(Карнаухова, 1934. С. 395).*

54. ГРИГОРЬЕВА ЕВДОКИЯ ПАВЛОВНА, 1887 г.р., неграмотная, д. Таровицы Толвуйского сельсовета. В 1944 г. Евдокии Павловне было 57 лет. Жили вдвоем со стариком. Единственный сын находился на фронте. Знали, что он был ранен на Украине и считали его уже погибшим, так как три года не получали от него ни одной весточки. Вот о нем и сложила мать плач. Перед тем, как исполнить его, сказала собирателям, что будет говорить то, что было в жизни: «как живется, так и поется». *(АКНЦ 75/30).*

55. ГРИШИН ИВАН АРТЕМЬЕВИЧ, 75-летний старик, крестьянин из д. За́губья у Толвуи, знал в прежнее время очень много былин, по старости лет позабыл некоторые, а в других мог припомнить только начало. На вопрос, от кого он заимствовал свои былины, Гришин отвечал, что «старики певали в их месте», и он от них перенял. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 156).*

55а. В 1927 г. в статье «Былина в Заонежье» А. М. Астахова писала: «Прежде всего следует отметить самый редкий случай – *полное вымирание былинной традиции в семье.* Так, в Толвуе, в семье Гришиных два брата, 32 и 20 лет, правнуки сказителя, не только ничего из былин не знают, но даже ничего не слыхали о своем знаменитом прадеде. Мать их, старуха лет 60, сохранила о нем самые смутные воспоминания. Отец, умерший лет 10 тому назад, былин тоже уже не певал. Былинная традиция в семье Гришиных, видимо, умерла вместе с дедом, Егором Ивановичем, который, по словам соседа старика, еще пел былины. В этой семье особенно остро чувствуется отрыв от старого. Кроме старухи матери, все члены семьи люди молодые. О старом слушают с любопытством, но каким-то холодным любопытством людей посторонних, весь интерес которых не в семейных традициях, а в другом, в насущных заботах нынешнего дня, в нуждах этой молодой, сильно разросшейся семьи. Как бы символом этого разрыва с прошлым показалось мне совпадение с моим посещением семьи Гришиных торжество освящения их нового дома.

Темный, весь покосившийся, грозящий, может быть, в скором времени рухнуть, но все еще прекрасный, со старинными наличниками дом, где жил старик Иван Артемьевич, когда-то в станку́ певавший свои старины, уступал место новому, светлому, чистому, правда, пока еще безличному дому, где будет создаваться совершенно иная жизнь. <…> „В За́губье стариков-то совсем не осталось, все помёрли“, так говорили мне об этой деревне толвуяне. Лишь одна из былин Гришина сохранилась, и то в неполном виде, у старика Грибанова из соседней

деревни. В молодости он с Иваном Артемьевичем на рыбную ловлю ездил, „так там в станкý и научился“». *(Астахова, 1927. С. 79, 89–101; см. также: Чичеров, 1982. С. 110–113 – о разрушении текстов былин толвуйских и повенецких сказителей).*

56. ДЕНИСОВ АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ – в 1932 г. колхозник 60-ти лет из д. Римской Пудожгорского сельсовета Медвежьегорского района. Он знал две былины: о Микуле Селяниновиче и о Ставре Годиновиче. <…> Вторая <былина> никаких новых моментов по сравнению с другими заонежскими вариантами не заключает, в то же время вариант несет явные черты разложения. Кроме былин, от Денисова записана местная пародийная песня, им самим сложенная. *(Астахова, Т. II. С. 494).*

57. ДУТИКОВ НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ (у Рыбникова Федотов Г.)[1], крестьянин д. Конда Кижской волости Петрозаводского уезда. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников пишет: «От родственника Л. Богданова – Федотова – в 1863 г. в Петрозаводске, у себя на квартире, я записал все, что знал этот певец, т. е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился он былинам у какого-то Конона с Зяблых Нив». *(Рыбников, 2-е изд. Т. 1. С. 84).*

57а. Дутиков Николай Филиппович из Конды, крестьянин лет 50-ти, заимствовал свои былины от Конона с Зяблых Нив <…> он помнит их слабо и часто не досказывает до конца. Дутиков говорил, что он бывал в Петрозаводске у г. Рыбникова и что последний записывал его былины. Из сопоставления этого с тем, что упоминает г. Рыбников о каком-то крестьянине Федотове, ученике Конона с Зяблых Нив <…> а также из сличения текста самых былин, оказывается, что Дутиков есть тот самый сказитель, который назван в сборнике г. Рыбникова Федотовым; это последнее имя произошло от ошибки. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 731).*

57б. Федотов (Дутиков). Сказитель этот у Рыбникова называется Г. Федотовым, родственником Леонтия Богданова, учеником Конона с Зяблых Нив. По этим признакам, а также по сравнению текстов двух былин Гильфердинг установил тожество между этим «Федотовым» и Николаем Филипповичем Дутиковым <…> который пел Гильфердингу и помнил, что Рыбников записывал от него былины в Петрозаводске. <…> Таким образом, тожество устанавливается довольно прочно. Из 7 былин, записанных Рыбниковым у своего «Федотова», только две (Илья и Идолище и Садко) совпадают с Гильфердинговскими, но мы попробовали сравнить «федотовский» репертуар с записями Гильфердинга у Домны Суриковой из той же д. Конды, научившейся былинам от того же Конона с Зяблых Нив; в результате оказалось близкое сходство еще трех былин. Наконец, несомненно, к «федотовским» следует отнести былину «Птицы», помеченную Рыбниковым без имени, как записанную «от крестьянина, родственника

[1] По данным Национального Архива Республики Карелия Николай Филиппович Дутиков родился в 1797 г., умер в 1877 г. – См.: Воробьева, 2000. С. 56. (сноска № 26).

Л. Богданова»: две трети ее (стихи 10–31) мы нашли в записи Гильфердинга от Степаниды Неклюдиной, дочери того самого Конона с Зяблых Нив, причем Дутиков подсказывал ей при пении. Итак, мы печатаем при этом певце восемь былин. *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд. Т. 1. С. 347; см. также: Чичеров, 1982. С. 77–108, 144, 150, 164 – сравниваются былины Конона с Зяблых Нив с вариантами его учеников; Воробьева, 2000. С. 55–57 – о родственных и семейных контактах Конона Савинова и Н. Ф. Дутикова).*

58. ДУТИКОВА АНАСТАСИЯ, 1905 г.р., д. Конда Сенногубского сельсовета. В 1931 г. ей было 26 лет. Замужем за Дутиковым Константином, 26 лет. Имели троих детей. Муж работал столяром в Петрозаводске и считался хорошим мастером. Только что приехал из Ленинграда, где занимался на курсах повышения квалификации. Должен был ехать продолжать учебу в Деревообделочный институт, но очень боялся, что содержать семью на стипендию будет трудно. Дутикова рассказала собирателям о своей свадьбе (сватовстве), сообщила несколько верований. *(АКНЦ Р. VI, оп. 1. № 94. Л. 36).*

59. ДЬЯКОВ АЛЕКСАНДР, крестьянин дер. Потаневщины Кижской волости, лет около 50 от роду. Жил крестьянством, но последнее время ослеп, и мир определил его на перевоз, положив ему на это содержание. Дьяков слышал былины от того же Елустафьева, о котором упоминалось при прежних сказителях; он удержал в памяти только одну (Илья Муромец и Соловей-разбойник). *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 621; также см.: Чичеров, 1982. С. 52, 138 – сопоставляются варианты былины об Илье и Соловье А. Дьякова с вариантами других сказителей).*

60. ДЬЯКОВ АЛЕКСЕЙ, родился в Сенной Губе и всю жизнь прожил здесь, занимался крестьянством. В свое время, когда надумал жениться, девушку взял из другой деревни. Местный священник отказался его обвенчать. Собирателям Дьяков объяснил это тем, что «ему наговорили крестьяне всякого вздора о нем». После отказа молодые собрались ехать в Кижскую церковь. Узнав об этом, сенногубский священник обвенчал их и даже сделал это бесплатно. Венчание стоило 10 рублей. Но с тех пор, во время духовных праздников, когда поп ходил по избам, дом Дьякова он обходил стороной. Поэтому в деревне только у него не было дома икон. До 1927 г. восемь лет Дьяков состоял в коммунистической партии, а затем вышел, так как во время оккупации Заонежья «белыми», ему пришлось скрываться, а его семье очень угрожали. С 1930 г. вся его семья состояла в колхозе. Имел двух сыновей и дочку. Раньше Дьяков работал кладовщиком, а в 1931 г. служил на почте. *(АКНЦ Р. VI, оп. 1. № 90. Л. 25).*

61. ДЬЯКОНОВА МАРИЯ, 1916 г.р., и **ДЬЯКОНОВА НАДЕЖДА**, 1909 г.р. – сестры, д. Сенная Губа. В 1931 г. Марии было 15 лет, она училась в Великогубской школе. Наде – старшей сестре – 22 года, она вместе с матерью работала в колхозе. Семья состояла из пяти человек: матери, сестер и двух братьев. Отца

не стало 13 лет тому назад. Дом, в котором они жили, был очень большой и делился на горницу и избу, где находилась русская печка. Раньше это была «черная изба». Сестры рассказали, когда происходит служба в церкви, о том, что детей почти не крестят, о гаданиях; младшая исполнила песни. *(АКНЦ Р. VI, оп. 1. № 69. Л. 6).*

62. ЕГОРОВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) ДМИТРИЕВНА. В 1926 г. это была молодая замужняя женщина 23 лет, крестьянка д. Звяговщина (близ Шуньги) Заонежского района. Других сведений об исполнительнице собрать не удалось. Былины пела вместе с другой молодой замужней женщиной **Анной Ивановной Егоровой**, 26 лет. *(Астахова, Т. II. С. 457).*

63. ЕЛИСЕЕВ ИВАН, старик-раскольник, под 80 лет, с Выгозера, земледелец, занимался и рыболовством. Сохранил в памяти только одну былину «Женитьба Добрыни». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 932).*

64. ЕЛИСЕЕВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА, д. Боярщина, дочь В. П. Щеголенка, 75 лет. Вдова. Имеет двоих внуков. «Один в Питере пьянствует, ничего не помогает», другой живет с бабушкой, воспитывает племянницу 13 лет. Старушка почти совершенно глуха. Уверяет, что В. П. Щеголенок дома былин почти не пел, а все больше на стороне. Ирина Васильевна спела одну былину, которая представляет собой смесь из трех былин: Добрыни, Ивана Грозного и сына и Ставра Годиновича. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 530).*

64а. Участник фольклорной экспедиции 1926 г. в Заонежье С. П. Бородин-Саргиджан писал: «Дочери знаменитого Щеголенка, портреты которого писали Репин и Васнецов, рассказы и былины которого оказали огромное влияние на творчество Льва Толстого, дочери его – дряхлые глухие старухи, ведут жалкую, одинокую и нищую жизнь в крохотных деревянных избушках на окраине деревень. От отца у них не осталось ни щепки, кроме воспоминаний. Слава уходит вместе с человеком, ею не интересуются, как чужим добром». *(Бородин-Саргиджан, 1927. С. 147).*

64б. Из воспоминаний Егора Григорьевича Тестенникова из д. Боярщина: «Долго, очень долго Щеголенков жил. Как помер, так дети живы были. Одна дочь была выдана в богатый дом, а другая – в дом с волоковыми окнами. У одной из них, уже старухой, во время пожара обгорело лицо и грудь, так не долго после этого жила. Осталось у нее два сына – один сапожничал, Елисеев, да помер с оторванной ногой в лагере. От второй дочки сыновей не было, а две дочки – поместья их не сохранились, маленькие хатки были». *(Гущин, Гущина, 1992. С. 27).*

65. ЕЛУСТАФЬЕВ ИЛЬЯ, родился в 40-х годах XVIII века в д. Шляминской, умер в 30-х годах XIX века. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников писал о нем:

«Был он первый сказитель в целом Заонежье и во всей Олонецкой губернии, память о котором и теперь сохранилась в Кижской волости. Знал он несчетное множество былин и мог петь про разных богатырей целые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказывание. Соберется, бывало, сходка, мужики и говорят: „А ну, Илья Елустафьевич! Спой-ко нам былину“. А он наместо ответит: „Положи-тко полтину, я и спою былину“. Тут кто-нибудь из богатых выложит ему полтину, и станет Илья Елустафьевич сказывать. Занимался он <…> рыболовством и знание свое оставил, кроме Рябинина, Козьме Романову и сыну своему Иеву. От этого Иева Ильина несколько былин перешли в наследство внуку Ильи – Терентию Иевлеву».

Давая характеристику К. И. Романову, Павел Николаевич отметил, что «петь научился Романов от рыболова Федора Яковлевича и Ильи Елустафьевича: от последнего он перенял „Вольгу“, „Горе серое“, „Хотена“, „Дуная“, „Упава добра молодца“ и „Добрынюшку“. В старину, по рассказам его, соберутся, бывало, старики и бабы вязать сети, и тут сказители, а особенно Илья Елустафьевич станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи». *(Рыбников, 3-е изд. Т. 1. С. 59, 61).*

65а. А. Ф. Гильфердинг в биографической справке Т. Рябинина сообщает, что «ему случалось работать подолгу вместе с Ильей Елустафьевым, бедным стариком с Волкострова, дер. Шляминской, который, „откачнувшись“ от своего сына, ходил тоже по волостям и пропитывался тем, что „ладил“ (т. е. мастерил) и чинил всякого рода сети для рыбной ловли. Этот Илья Елустафьев, умерший тому назад лет 40, девяноста лет от роду, знал очень много былин и певал их за работой, и Рябинин многое от него „понял“. Между прочим, от него он научился былинам про Илью и Калина царя и Молодца и худую жену». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 433).*

65б. В монографии В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья» читаем: «Современниками и соперниками Елустафьева, оставившего после себя учеников, сделавшихся впоследствии также выдающимися сказителями, были Игнатий Иванович Андреев из д. Гарницы, дядя Т. Г. Рябинина, Иван Агапитович Завьялов (умер в начале XIX века), Иван Кокойкин (по Рыбникову, петербургский трактирщик Кокотин), живший до ста лет. Творчество Елустафьева, Андреева, Завьялова, Кокойкина, преломленное индивидуальностью Т. Г. Рябинина, дало устойчивую традицию для последующих поколений. <…> Особый интерес и значение в былевом эпосе Заонежья имеет школа Ильи Елустафьева. Восстановить репертуар Елустафьева полностью не представляется возможным. По сообщениям сказителей и слушателей, он пел: „Вольга и Индейское царство“, „Добрыня и змей“, „Вольга и Микула“, „Илья и Соловей“, „Илья и Калин-царь“, „Добрыня и Алеша“, „Добрыня-сват“, „Алеша и Тугарин“, „Калика-богатырь“, „Василий Буслаев“, „Хотен Блудович“, „Сорок калик со каликою“, „Молодец и худая жена“, „Горе“, „Братья Ливики“, „Сон Соломанова отца“, „Кострюк“, „Иван Грозный и сын“, „Петр 1“.

Эти 19 старин сохранили в своей памяти как елустафьевскую традицию К. И. Романов, Т. Г. Рябинин, Т. Иевлев, отчасти Л. Богданов. Собранные все вместе, их былины образуют как бы особое гнездо былинной традиции Заонежья, гнездо вариантов, сходных в своей основе, но различных в деталях. Образцом для всех этих текстов был один общий оригинал. По личному свидетельству названных сказителей, таким оригиналом был елустафьевский извод. Извод Елустафьева одни сказители воспринимали творчески, другие, как, например, Романов, были всего лишь исполнителями-передатчиками, сохранившими тексты настолько, насколько позволила память». *(Чичеров, 1982. С. 27, 29).*

66. ЄРЄМЄЄВ ИЄВ, слепой крестьянин дер. Кокориной в Мелой Губе, старообрядец. Ему 56 лет от роду, но по глубоким морщинам его лица имеет вид древнего старика, хотя обладает железными мышцами и страшною силою. Трех лет от роду у него от оспы вытекли глаза; оставшись в малолетстве сиротою, он был призрен добрыми людьми, но как скоро подрос, начал кормиться собственной работой. «Своими трудами праведными» Еремеев устроил себе с течением времени дом и хозяйство; несмотря на слепоту, постоянно ездит на рыбную ловлю, правит лодкою и всем распоряжается сам без чужой помощи и знает так хорошо места в озере, что к нему обращаются за советами, как к опытному лоцману. Еремеев слыхал былины от матери и от стариков и случайно удержал некоторые из них в памяти, но ему недосуг было заниматься этим делом. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 831).*

66а. А вот как А. Ф. Гильфердинг описывает встречу с И. Еремеевым в своей статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»: «Имея в виду, что сборник г. Рыбникова был плодом многолетнего пребывания в крае, я, располагавший только двумя месяцами, <…> хотел только удовлетворить личному любопытству знакомством с несколькими сказителями. Между тем счастливый случай скоро заставил меня из туриста превратиться в собирателя. В Петрозаводске указали мне на слепого старика-крестьянина, приехавшего туда для закупок. Он сначала неохотно сознался, что знает кое-какие „старины“, но как собирался ехать домой в ту же сторону, куда лежал путь и мне, то согласился сесть в мою лодку. Доро́гой я упросил его сказать свои старины, и старик Иев Еремеев запел превосходную былину про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Цирцеи, Маринки: „Она стала-то Добрынюшку обвертывати: /Обвернула-то Добрыню да сорокою, /Обвернула-то Добрыню-то да вороною, /Обвернула-то Добрыню да сви́ньею, /Обвернула-то Добрынюшку гнеды́м туром: /Рожки у́ тура да в золоти. /Ножки у́ тура да в се́ребри, /Шерсть на туру́ да рыжа бархату“.

Мне не приходилось читать столь полного и архаического пересказа этой былины, и впечатление, под которым я находился, усилилось еще более, когда я тут же, из разговора Иева Еремеева с другими крестьянами узнал, что он – завзятый раскольник». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. XIII).*

67. ЕРМОЛИНА МАРИЯ ИВАНОВНА, 1918 г.р., уроженка д. Великая Губа, грамотная. В 1941 г. Марии Ивановне исполнилось 23 года, жила с матерью. На фронте были дед и братья. Братья погибли, умерли сестры. С началом войны эвакуироваться не успела и пришлось многое пережить. По поручению сельсовета сопровождала за 100 км этап с эвакуированным скотом. В дороге родила, но вынуждена была продолжить путь, а новорожденного оставить на попечение больной матери. За это время ребенок умер с голоду. Когда вернулась домой, мать рассказывала: «Ну что ребенку дашь… Я крошечку хлеба найду да даю <ему в сосочку …> а ребенок ревет. Она его выкупала бедненького, он на печке и умер». Помогала партизанам. Работая на почте, эвакуировала всю документацию, телефонную и радиоаппаратуру, ликвидировала связь. За это она с больной матерью была посажена в концлагерь под Петрозаводском, где были чудовищные условия и где ей «прикладом срубили руку»…

Ермолина Мария Ивановна

В 1980 г. от Марии Ивановны записаны песни, причитания, о свадебном обряде и свадебной магии и другое. *(АКНЦ 142/527).*

68. ЖАРНИКОВА (ЖАРЕНКОВА) ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА, 1894 г.р., уроженка д. Жарниково Кижского сельсовета. Грамотная, окончила 4 класса церковно-приходской школы. Во время оккупации Заонежья находилась в концлагере в Петрозаводске. В 1956 г. студенты МГУ записали от нее песни, свадебные причитания, частушки, сказки и отметили, что «Евдокия Ивановна инициатор спевок, от нее неоднократно записывались песни собирателями из Петрозаводска и Ленинграда». Спев одну из частушек, исполнительница сказала: «В 30-м году в коллектив вошли, так все пели. Тракторов ведь сначала не видели. В других местах народ с плугами распростился, а у нас сохи были». Сообщила, что в 1910–1920 гг. «в ланцы ходили: ланцы танцевали в деревнях, как и кадриль. В кадрили 8 фигур, а в ланцах пять. Содержание песен одинаковое». *(АКНЦ 79/175, 216, 217а).*

69. ЖУРАВЛЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА, 1888 г.р., неграмотная, д. Шустиково (д. Шустиковская ?) Вырозерского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Анне Александровне было 56 лет. Во время оккупации была выселена с родных мест. Какое-то время сидела в «будке» – тюрьме за то, что ушла в поиски хлеба. Муж умер в Коми АССР. Один из сыновей погиб на войне, другой, несовершеннолетний, подорвался на мине. О жизни в «три учётных годышка»,

о «потерянной семеюшке» говорила Анна Александровна в плачах. *(АКНЦ 75/148).*

70. ЗАВЬЯЛОВ ФЕДОР КОНСТАНТИНОВИЧ, 1883 г.р., д. Гарницы. Грамотный. В свое время Федор Константинович жил в Ленинграде и работал там «по столярному делу». Участвовал в трех войнах. В первую мировую войну был четыре года в плену. Во время оккупации Заонежья сидел в концлагере. В 1956 г. – год записи – ему было 73 года. После исполнения отрывка былины объяснил собирателям – студентам МГУ, что заучил ее из книги, в которой было написано «все родословие Рябининых». Особенно часто читал эту книгу во время пребывания в концлагере в Петрозаводске, многие слушали. Дружил с П. И. Рябининым, но порицал его за пьянство. Рассказывал собирателям о «двухстолетней сосне», в окрестностях которой рыбаки ловили рыбу. Мужчины собирались, пели разные песни, былины. *(АКНЦ 79/631а).*

71. ЗАВЬЯЛОВА АННА ЯКОВЛЕВНА, 1891 г.р., д. Гарницы. Жена Ф. К. Завьялова. Анна Яковлевна хорошо помнила И. Г. Рябинина и говорила, что он «в двенадцати державах был». В 1956 г. студенты МГУ записали от нее «поэтичны и высокохудожественные» причитания, песни, сказки. Анна Яковлевна сложила похоронный плач о своем сыне, участнике Великой Отечественной войны, директоре школы в Дудниках, который умер в 1953 г. Колхозники говорили собирателям, что Завьялова хорошо вопила по сыну, «люди даже <не знали>, что она так умеет хорошо вопить. Так причитала, что все стояли плакали, кто и плакать не хотел». На вопрос, от кого научилась причитать, ответила: «От свого горя». В 1957 г. Анна Яковлевна охотно согласилась исполнить похоронные плачи по сыну и мужу В. Г. Базанову, сказав: «Будто не причитывала, – причитывала!». Собиратель отметил, что «записанные от А. Я. Завьяловой плачи, как и другие редакции 1957 г. свидетельствовали о том, что причитания в Заонежье потухали, забывались». *(АКНЦ 79/623, 625; Базанов, 1981. С. 246).*

72. ЗАРУБИНА УЛЬЯНА ПЕТРОВНА, 1880 г.р., д. Вороний Остров Типиницкого сельсовета. Одиннадцати лет осталась от матери, плакала так, что «все люди дивовались». Детей было 7 человек. Один из сыновей «померши 25 лет», два сына находились на фронте, четвертый работал на лесосплаве. Во время оккупации Заонежья все отняли и выселили в Куткостров Кажемского сельсовета – в дремучее болотистое место, где умер ее муж. «Похоронить было некому – в деревне ни лопатки, ни лошадки, ни одного мужика» – вспоминала вопленица. От Ульяны Петровны В. Г. Базанов и А. П. Разумова записали четыре плача и отметили, что в плаче при проводах сына на фронт «прекрасно выражена эмоционально-лирическая сторона: материнскую любовь и боль разлуки выплакивает нежно, любовно». *(АКНЦ 75/81; Базанов, 1945. С. 47).*

73. ЗАХАРОВ ФЕДОР, крестьянин с Выгозера, под пятьдесят лет, земледелец; выучился былинам от заезжих людей; поет «голосом» былины про Ивана

Годиновича, Батыгу и королевичей из Крякова; прочих не умеет петь, а рассказывает их словами, с сохранением, однако, стихотворного склада. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 887).*

74. ЗИНОВЬЕВ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ, 1846/1851 г.р., д. Зиновьево. Михаил Степанович – старший брат Н. С. Богдановой-Зиновьевой. В 1926 г. Ю. М. Соколов и другие записали от него духовные стихи, которые он пел, а «былин не знал». Сам он об этой встрече так рассказал в 1931 г. собирателю С. А. Лорви: «Приезжали за былинами и песнями из Москвы. Я им все прямо говорил, иначе нет в песнях того вкуса. Хоть и позорно было, но они говорили: „Говори так, как есть". Они даже меня „сняли"». В 1931 г. он был вдовцом, жил с детьми, ему исполнилось 80 лет, но он работал. Пришел с работы уставший и смог сообщить собирателю только приговор дружки, но согласился встретиться в праздник – в день Спаса, при этом сказал: «С вами я не знаю, как говорить. Вы женщины, а там ведь есть позорные слова». *(Соколов, Чичеров, 1948. С. 909; АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 53).*

75. ЗИНОВЬЕВА АННА МИХАЙЛОВНА, 1914 г.р., д. Зиновьево. Старшая дочь Михаила Степановича Зиновьева, племянница Н. С. Богдановой-Зиновьевой. В 1931 г. ей было 17 лет, она страдала пороком сердца и ревматизмом, работать не могла. Ее сестре Мане было 14 лет. Жили с отцом. Про свою жизнь поведала следующее: «Остались мы после смерти матери маленькие. Я самая старшая – 13 лет. Отец старый да больной, нас 5 человек, делай, что хошь. Ничего у нас нету. Еле-еле прокормились. Мне трудно было вести работу в доме, вот и вышла такая ху́дая и больная. Доктор не велел много работать, а велел кушать, а откель я возьму. Сегодня три часа всего жала, а устала, не могу доить и корову. Отец старый, а ему нужно и хлеб печи. Не весело мне и на вечёр не хожу; кто со мной больной да бедной будет гулять». Анна сообщила собирателю о гаданиях-приметах, о беседах и др., а потом сказала: «Я не знаю много, вот рядом живет моя бабушка, она знает много песен». *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 53).*

76. ЗИНОВЬЕВА АННА НИКОЛАЕВНА, 1881 г.р., д. Зиновьево. Анна Николаевна – жена Михаила Степановича Зиновьева, мать Анны Михайловны Зиновьевой. В 1926 г. она с помощью жены другого брата Н. С. Богдановой, **Анны Ивановны Зиновьевой**, спела Ю. М. Соколову и другим балладу «Василий и Софья». Сначала пела одна, а «затем в унисон с Анной Ивановной». Собиратели отметили, что «былин Настасьи Степановны никто из ее родственников не знал». *(Соколов, Чичеров, 1948. С. 902, 909).*

77. ЗИНОВЬЕВА НАТАЛИЯ (НАТАЛЬЯ) ТИМОФЕЕВНА, 1884/1886 г.р., родилась в д. Конда. Отец – Тимофей Андреевич, мать – Настасья Ивановна Тифантьевы. <После замужества Наталья Тимофеевна постоянно жила в д. Зиновьево>. В семье родителей было четверо детей: старший брат Яков, сестра Надежда и младший брат Федор. В 20 лет Яков простудился и умер, в тот же год парализовало отца: полтора года лежал парализованный. Наталья Тимофеевна

Зиновьева Наталия Тимофеевна

«братишка маленького тешила и отцу пить подавала». В школу ходила только 3 дня, больше не пустили. Мать с другими детьми крестьянствовала. Однажды, примерно восьми лет, Наталья Тимофеевна чуть не погибла: не смогла управиться с лошадьми (повод намотался вокруг руки), и они протащили ее с версту, всю разбив. Полгода просидела она на лавке не «„шевелима“, были ноги сломаны и кладёны в долохи». Когда поправилась, вышла замуж за Федора Тимофеевича Зиновьева из д. Зиновьево. «Замужье мое было неудацно, – вспоминала Наталья Тимофеевна. – Свекрова меня не любила и оцень обижала и била миня, и кочергой, и крюком, и всим, и сколько раз на суд водила. 15 год я со свекровой жила, дак каждый день я горькима слезамы плакала. Раза три у меня петля была налажена – повесице я сбиралась, либо потонуть. Она и к колдунам ходила, штоб меня муж бил <…> и не любил». Муж ее был неграмотным, самоучкой выучился столярному делу и был хорошим плотником. Земли не хватало, и он ходил по деревням, строил избы, бани, риги и пр. Последние годы работал плотником на каменных разработках на Оленьем острове. Хозяйство было бедняцким, и Наталья Тимофеевна говорила: «Хоть бы ребятишкам на одежку к зиме заработал в школу бегать, а то две версты туда да две версты обратно – в рваных сапожках не пустишь». Всем хозяйством – пахала, сеяла, молотила, косила, рубила дрова – и детьми занималась она. Детей было пятеро. Старший сын жил в Петрозаводске и работал на заводе. В 1931 г. ему было 18 лет. Дома с матерью находились дети 14, 13, 7 и 4 лет. Дочерям летом приходилось подрабатывать в няньках.

Хотя она и муж были неграмотные, но книжки, «которые ей читали, все слово в слово помнит, – говорила Наталья Тимофеевна, – и, вообще, и она, и муж ее люди „понятные“». Петь былины она научилась от своих родителей и главным образом от матери, а мать, в свою очередь, от одной бабушки, старой девы «Шапшы», которая очень много знала. Звали ее так потому, что она шепелявила, жила в д. Конда. У этой же бабушки училась петь былины и Н. С. Богданова-Зиновьева. Мать Натальи Тимофеевны рассказывала сказки и пела былины за работой зимними вечерами, а дети слушали. По словам исполнительницы, «она знала очень много былин, но за 25 лет, что живет в д. Зиновьево, часть из них забыла». Будучи маленькой девочкой, она помнит, как кто-то приезжал записывать Домну Сурикову. У нее было огромное желание пойти и спеть, но мать сказала: «Замойци ты, куда пойдешь». *(АКНЦ 122/22 – из автобиографии: л. 205–208 рукопись, л. 209–211 машинопись; см. также биографические заметки собирателей об исполнительнице: 66/32; Р. VI. Оп. 1. № 73. Л. 34, 37–38; Р. VI. Оп. 1. № 75. Л. 29; Р. VI. Оп. 1. № 93. Л. 11–12; Р. VI. Оп. 1. № 94. Л. 24).*

77а. В биографической справке Н. Т. Зиновьевой в книге «Былины Севера» А. М. Астахова писала: «В момент записи <1931 год> ей известны были исключительно былины-баллады, но и их исполнила не вполне твердо. <…> Кроме былин-баллад от нее записаны следующие духовные стихи: „О Святополке, Борисе и Глебе“, „Стих об Алексее человеке божием“, „Про двух братьев Лазарей“ и „Про змея лютого“ („Егорий и Елисафия“) и довольно скомканная и незаконченная сказка „Про Фефелиста сокола“ (Рукоп. хранил. Сектора фольклора ИРЛИ, колл. XXVI). Называла еще в качестве известных ей сказки про Ивана царевича и про разбойников.

Таким образом, Наталья Тимофеевна принадлежит к числу тех сказительниц, эпический репертуар которых ограничен былинами балладного жанра». *(Астахова, Т. II. С. 121).*

78. ИВАНОВ АНДРЕЙ, крестьянин Кижской волости Петрозаводского уезда. П. Н. Рыбников записал от него в 1863 г. в Петрозаводске былину «Иван гостиный сын». А. Е. Грузинский в заметке об Иванове во втором издании «Песен» Рыбникова писал: «Позволительно предположение, не есть ли этот Андрей Иванов одно лицо с крестьянином дер. Конды Соколовым <…>. Это подтверждается большой близостью его былины к тексту Степаниды Неклюдиной, дочери Конона с Зяблых Нив, который является в Конде и по соседству главным источником сказительского мастерства». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 486; также см.: Чичеров, 1982. С. 79, 147 – о варианте былины А. Иванова и С. Неклюдиной).*

78а. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников писал: «Мне иногда приходилось записывать варианты от таких крестьян, от которых трудно было и ожидать этого. Сидел я в 18 <61> году в избе у Л. Богданова и записывал слова Козьмы Иванова. Один из родственников Леонтия слушал-слушал слепого певца и вдруг заявил мне, что и он вспомнил былину о добром молодце и жене неудачливой <…> и, действительно, прекрасно пропел ее мне. <…> Другой раз, в 1863 году, давно знакомый мне крестьянин Андрей Иванов нежданно-негаданно припомнил превосходную старину о Иване Гостином сыне». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 82 – сноска № 50).*

79. ИВАНОВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ, крестьянин, около 30 лет, живет в 1,5 верстах от погоста Шуньги. Летом занимается хлебопашеством и берет мелкие подряды на доставку дров в земскую больницу, на исправление мостов и пр.; зимой занимается извозом. Человек хозяйственный, очень практичный, торговый и бывалый. Часто бывает по зимам в Поморье: берет там рыбу и возит ее в Петербург. Семья, в которой живет Иван Яковлевич, типичная семья в Шуньге: почти все члены ее не только бывали, а и подолгу живали в Петербурге. Отец Ивана Яковлевича лет 15 служил в Петербурге приказчиком по железному делу. Старший сын и теперь живет там, и к нему подолгу ездит гостить жена. Вся семья придерживается раскола, да еще самого крайнего: покровительствует скрытникам. Сказки записывались от Ивана Яковлевича не дословно. *(Ончуков, 1908. С. 479).*

80. ИВАНОВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА, д. Тамбицы Типиницкого сельсовета, 1888 г.р. В 1944 г. – год записи – ей было 56 лет. Замуж Екатерина Васильевна вышла очень рано, имела 13 детей. Одна из дочерей – «белая лебедушка» умерла в 19 лет. Единственный брат погиб в финскую войну, невестку забрали финны. Муж четыре года находился в плену. Один из сыновей погиб в партизанском отряде. В 1944 г. три сына находились на фронте. От одного из них, сказала Екатерина Васильевна, «нет ведома». Она исполнила два плача: по брату и о «растерянной семье». *(АКНЦ 75/71).*

81. ИЕВЛЕВ ТЕРЕНТИЙ, крестьянин д. Волкостров Кижской волости Петрозаводского уезда, внук знаменитого сказителя Ильи Елустафьева. Родился в октябре 1820 г. П. Н. Рыбников записывал от него в 1861 г. О сказителе в «Заметке собирателя» писал следующее: «Очень мне было интересно повидаться с Терентием Иевлевым, внуком Ильи Елустафьева, но на этот раз <летом 1860 г.> никак не удалось: человек он не очень старый, может быть, лет пятидесяти, но угрюмый и своенравный, а незнакомых просто избегает. Такая нелюдимость отчасти объясняется тем, что он живет где-то в Яндомозере или Космозере в заживках, т. е. в выселке, устроенном им самим на распаханной подсеке. Уже в сентябре 1861 года довелось мне записать от него в избе Леонтия отрывки былин о Вольге (Ч. II. № 1), Василье Буслаеве (Ч. II. № 32) и начало о Дунае (Ч. II. № 12); все эти варианты чрезвычайно любопытны, но из Вольги он знал только несколько стихов, Василий Буслаев у него как-то не ладился, а Дуная он не досказал, потому-де, что устал, и пообещал выучить концу Л. Богданова. Действительно, я записал конец этой былины от Леонтия, которому Терентий натвердил эту старину в лодке, на дороге из Петрозаводска в Кижи, и который, вероятно, старался в точности передать слова соседа. Но Леонтий стар, забывчив, не договаривает речи, и все это вместе с личной его манерой отразилось в его пересказе. Какая разница в стиле и пошибе между началом (Ч. II. № 12) – до 133 стиха и концом! Из сравнения этих первых 132 стихов (Ч. 1. № 31) оказывается, что Козьма Иванов Романов перенял Дуная от Ильи Елустафьева, так что нам сохранилась в двух пересказах былина почти в том же виде, как ее пел Елустафьев в XVIII столетии». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 63).*

В «Песнях» П. Н. Рыбникова опубликовано пять былин, записанных от Т. Иевлева. В письме к П. А. Бессонову от 17 октября <1861 г.> Рыбников писал: «С этой почтой или со следующей Вы получите небольшое собрание былин, записанных мною от Терентия Иевлева, внука первого сказителя в Олонецкой губернии Ильи Елустафьева (т. е. Евстафьева). Тут несколько былин и стихов, записанных Миролюбовым», от кого записывал последний, Павел Николаевич не уточняет. *(Рыбников, 3-е изд., Т. 3. С. 243).*

81а. Иевлев Терентий, крестьянин с Волкострова Кижской волости, лет с небольшим 50-ти, высокого роста, богатырского телосложения, с благообразным лицом, русый, с большою рыжею бородою. Внук Ильи Елустафьева, от которого Рябинин и Романов учились былинам. Сын этого Елустафьева, Иев,

отец Терентия, вовсе не перенял от своего родителя знания былин, потому что ему недосуг было, он сел на «крестьянство» и занялся им исключительно. Дед, напротив того, живя не в ладах с сыном, мало занимался крестьянством, а больше ходил по людям, работая разного рода рыболовные снасти. При этом он часто брал с собою мальчика Терентия, и внук удержал в памяти кое-что из песен, которыми старик сопровождал свою работу. Но по малолетству он мог «понять» только малую часть того, что знал дед (Елустафьев умер, когда внуку было около 10 лет), и потом, наследовав отцу в крестьянстве, он не имел времени распевать былины, и они заглохли в его памяти. Терентий считается весьма исправным домохозяином и очень уважается. Он известен был г. Рыбникову, который лично записал былины с его слов. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 577).*

81б. Иевлев Терентий <…> пел и Гильфердингу. Последний в своей заметке о Терентии исправляет неточность указания Рыбникова, будто Терентий научился былинам от своего отца Иева, <…> знание перешло от деда прямо внуку, минуя отца, рано отдавшегося земледелию. Указатель первого издания Рыбникова записывает за нашим певцом шесть былин, но одна из них (Ч. IV. № 5) представляет собой лишь несколько отрывочных поправок или вставок в текст, записанный от К. Романова, и мы поместили их в примечаниях к этому тексту. Из остальных пяти три совпадают с Гильфердинговскими записями. Сравнение обоих сборников показывает, что неудачные условия записывания <…> помешали Рыбникову получить весь репертуар певца, вследствие чего Гильфердинг мог записать от него три новых сюжета (Алеша и Тугарин, Добрыня в отъезде и Калика-богатырь). С другой стороны, Гильфердинг уже не услышал от него петых Рыбникову былин о Хотене и Кострюке и, очевидно, уже забытых. *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд. Т. 1. С. 383; также см.: Чичеров, 1982. С. 31–45, 134 – сопоставляются сюжеты вариантов былин учеников И. Елустафьева: Т. Иевлева, К. Романова, Т. Рябинина).*

82. Исаева Вера Ивановна, 1907 г.р., русская, д. Кривоногово. Отца, сообщила Исаева, в Гражданскую войну расстреляли местные кулаки, хотя он был беспартийный. Мать осталась с 8-ю детьми да «одна в животе». Пока отец был жив, жили одним хозяйством с тремя его братьями. В 1921 г. «дядевья нас отделили». 1919–1921 гг. были очень голодные, «кормились рыбой, ягодами, щипали зеленые колоски у ржи, толкли солому – этим и жили». Несмотря на трудную жизнь, мать «выучила всех детей», только Вера Ивановна осталась без образования – закончила 4 класса, дальше учиться не пришлось, «надо было помогать маме». Хотя, как сообщила ее старшая сестра, учитель по образованию, «у Веры были очень хорошие математические способности». С 1927 по 1931 г. работали в колхозе. Вера Ивановна дважды была замужем. С первым мужем прожила только два года, погиб на войне. Второй муж был заядлым рыбаком, «рыбы ловил очень много, умел это делать хорошо, ловушки знал». В 1934 г. закончил в Москве курсы «по пожарному делу» и до 1941 г. работал в Унице начальником пожарной команды на пилораме. Участвовал в Великой Отечественной войне. У Веры

Ивановны было пятеро детей. Во время оккупации Заонежья «дом разорили», она с детьми и матерью была переселена в Кондопогу.

Записи от Веры Ивановны производились в 1957 и 1983 гг. Собиратели отметили, что она «очень талантливая исполнительница песен. Мы работали с ней два дня, записали много песен, причитаний, частушек. Хорошо исполнила балладу „Братья разбойники и сестра“. У Веры Ивановны сильный и чистый голос». Сама исполнительница была довольна общением с записывающими и сказала: «Я хоть с вами напоюсь досыта».

В 1984 г. состоялась последняя встреча Веры Ивановны в г. Петрозаводске с участницей экспедиции В. П. Кузнецовой. Вновь были записаны на магнитофон некоторые песни, частушки, баллада. Была договоренность встретиться еще раз, но встреча не состоялась; в этом же году Исаева умерла. *(АКНЦ 80/96; 164/1, 47).*

Исаева Вера Ивановна

83. ИСАКОВА АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬЯ) ВАСИЛЬЕВНА, 45 лет, 1881 г.р., д. Шуньга-Бор. Сказочница случайная; печатаемые в сборнике сказки – единственные, которые она знает. Она находилась среди слушательниц Слепой и рассказала свои сказки, когда Слепая устала и прервала сказывание. Бывшие здесь женщины очень удивились, что Исакова тоже хочет «записываться». Однако рассказала она хорошо, очень живо и по-своему освещала рассказ, внося в него ряд индивидуальных черт. Так, в первой сказке «Волк – медный лоб» Исакова всячески обеляет царя (хотя почти во всех известных нам вариантах царь является отрицательным персонажем), сваливая всю вину за мытарства Ивана на думщиков и сенаторов. Царь даже оказывается таким нестяжателем, что у него «теперь кот-певун да гусли-самогуды, да нешто нашто, ему боле ничего не надо: он царство Ване с жоной и отписал». По всей вероятности, Исакова принадлежит к тому типу лиц, которые считали, что царь ни в чем не виноват, а виноваты только «думщики и сенаторы». Это заблуждение особенно было развито среди далекого от рабочего класса крестьянства, ощущавшего на себе тяжесть социального строя, но не видевшего его истинной причины. Вспомним хотя бы неоднократные хождения к царю, чтобы «открыть ему глаза». Характерна для нее и заключительная фраза второй сказки, где «зятья царя и теперь живут хорошо, если Красная армия не разорила». От Исаковой записаны четыре сказки. *(Карнаухова, 1934. С. 376).*

84. ИЮДИН МИХАИЛ ИВАНОВИЧ, 1892 г.р., д. Волкостров Кижского сельсовета. В 1956 г. – год записи – ему было 64 года; он работал в колхозной

мастерской – строил лодки. Собиратели – студенты МГУ отметили, что в 1936 г. Михаил Иванович бывал на Кавказе, в Москве. «Он много читал. Сам слагает стихи, прибаутки на колхозные темы. Обладает хорошей памятью: в пропетых песнях не запинался». От него записаны духовные стихи, песни, которые Михаил Иванович «слышал от своего дедушки, Щепина Андрея Фомича, а тот слышал их от нищих. Он часто ездил с дедом в лес, и дед всегда пел ему родные песни». Михаил Иванович был хорошо знаком с Петром Ивановичем и Михаилом Кириковичем Рябиниными. От Петра Ивановича он усвоил сказку «Конек-горбунок», которую, по его словам, Рябинин «пел протяжно, нараспев, как былину». А с Михаилом Кириковичем бывал вместе свадебными дружками, о чем зафиксировали собиратели: «Михаил Иванович раньше сам был дружкой, обряд знает хорошо, рассказывает его с богатой мимикой, часто вскакивает со стула и показывает, как надо стучать в дверь, отвечать. Слова дружки и невесты рассказывает на разные голоса. Последний раз дружкой был до войны, когда еще свадебные обряды соблюдались строго. Как и у всех дружек, обряд у Михаила Ивановича был переписан в тетрадь, но потом тетрадь потерялась, и он рассказывал обряд по памяти». *(АКНЦ 79/422, 422а, 423, 424, 429).*

85. КАДЕТОВА НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВНА, 1886 г.р., д. Рим Вырозерского сельсовета. Она – дальняя родственница Ирины Федосовой. Во время оккупации Заонежья дом в д. Демеховская, где они жили до войны, был разорен. Скитались по чужим людям и углам. Муж умер, сын находился на фронте. Последнее время жила у сестры, нянчилась с детьми. Обо всем этом она говорит в записанном от нее плаче по мужу, в том числе и о «хоромном строеньице»: «Жаль-тошнехонько хоромное строеньице („Глазоньки призапухли, ноженьки притоптались, рученьки примахались, а нонь и жить негде“) / И хрустального стеколышка». *(АКНЦ 75/147).*

86. КАЙКИНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА, 1918 г.р., родилась в Воеве (?) на Волоке, в 1935 г. вышла замуж и с тех пор живет в Сенной Губе. Грамотная. Отец Александры Николаевны был популярным дружкой. Студенты МГУ записали, что «из досюльных тем она ничего не знает». Кадрильную песню пела в хоре. Исполнила частушки. *(АКНЦ 79/15, 640).*

87. КАЛИНИН ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ. Живет в Заоне́жье, около То́лвуи, в одной из деревенек, в Па́дмозере. Павел Михайлович среднего достатка крестьянин 40–45 лет. Занимается хлебопашеством, но когда полевые работы кончатся, ездит по разным местностям своего уезда и даже дальше и строит дома – он плотник. Я познакомился с ним в лодке, на реке Телекине, я ехал по водному пути в Поморье, он в дер. Реваш-Наволок строить у одного из богатых мужиков избу. Узнав, что я очень интересуюсь сказками, он вдруг начал скороговоркой рассказывать своего «Коня». Мы приехали в Реваш-Наволок в воскресенье, Павел Михайлович не работал, и я записал у него народную комедию и, кроме того, несколько сказок и песен исключительно скабрезного содержания и одно

предание об его родном Падмозере. Рассказывает Павел Михайлович очень скоро, но очень своеобразно, и я не успевал за ним записывать дословно, так что сказки (но не Конь и песни) записаны не с точным соблюдением говора и не дословно.

По поводу «Коня» Павел Михайлович дал такое объяснение: с «этой игрой», с Конем ходят по избам с «Васильева дня» (с Нового года) «хухляки» (маскированные) и «пришáливают». Двое участвующих изображают ездока и коновала, третий, в шубе навы́ворот, коня; коня ведет «на вязú» ездок. Приходят в избу и разыгрывают комедию, вся суть которой, по-видимому, и состоит в том, чтобы очень скоро и без заминки отбарабанить реплики. Зрители покатываются со смеху, слушая остроумную комедию, и хозяин угощает артистов вином; вероятно, собирают и деньги, конечно, копейки. Павел Михайлович Калинин, бывало, сам участвовал в этих «пришáливаниях» хухляков. *(Онучков, 1908. С. 470).*

88. КАЛИНИН ПѢТР ЛУ̨КИЧ, крестьянин дер. Горка Пудожгорского погоста Повенецкого уезда 43 лет, среднего роста, с черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжий. По ремеслу он портной; мальчиком и молодым человеком он много ходил по деревням в окрестностях Шуньги и Толвуи для портняжных работ и при этом привык петь былины, которые частью слышал от стариков в тех местах, частью же перенял у своего отца; последний, по словам Калинина, знал их очень много. Впоследствии Калинин бросил портняжное дело и «стал на крестьянство»; с этого времени он реже поет былины и многие из них забыл, в молодости же он знал их столько, что и в неделю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидетельствует то, что кроме былин <…> он знает еще много духовных стихов и предлинных сказок. Калинин поет не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размер и сбиваясь с него только в тех былинах, которые он уже плохо помнит, как, например, в Святогоре (№ 1) и Садке (№ 2). Про последнюю он говорил, что слышал ее более лет 20 тому назад от древнего старика нищего где-то около Толвуи или Шуньги и тотчас ее перенял, но уже не певал ее лет 20 и потому многое в ней забыл.

Г. Рыбников приглашал Калинина к себе, но он, как рассказывал, не решился к нему ехать и постарался также уклониться от писаря, которому местный исправник поручил записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этот записал (и то сокращенно) две былины с его слов (см. сборник г. Рыбникова т. IV, № 12 и 17, где он по ошибке назван Васильем Лукиным; в «заметке» к т. III, с. XXXVI он упоминается под именем Петра Лукина). Былины, здесь <Гильфердинг, 1-е изд.> печатаемые, записаны все «с голоса», т. е. в том виде, как они поются, а не с пословесного пересказа стихов. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 5).*

88а. В заметке, посвященной П. Калинину во втором издании «Песен» Рыбникова, А. Е. Грузинский писал: «Петр Лукич Калинин <…> дал в сборник Гильфердинга 14 былин, тогда как у Рыбникова ему приписано всего две. Это объясняется тем, что Рыбникову не удалось увидеться с ним лично; <…> Рыбников

приглашал его к себе, но он не решился поехать и даже постарался уклониться от писаря, которого послал к нему исправник, чтобы записать для Рыбникова его былины; поэтому писарю удалось записать только две и то в сокращенном виде. Действительно, былина о Потыке у Рыбникова имеет 500 стихов, а у Гильфердинга – 970. Но если запись для Рыбникова и была сделана при неблагоприятных условиях, она все же не может считаться спешной или небрежной: былины были пропеты или сказаны, по меньшей мере, два раза, как это явствует из примечания к 13 стиху былины о Потыке. (Сноска к 13 стиху: „Второй раз певец пел: каменну орду"). – У Рыбникова Калинин не носит фамилии, а имя его, вскользь упомянутое в „Заметке" (2-е изд. с. XCII) и верно обозначенное, перепутано в IV томе при былинах, где <он> назван Васильем». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. II. С. 54).*

88б. Изучая былевой репертуар Толвуи – Повенца, В. И. Чичеров писал в монографии «Школы сказителей Заонежья», что он «складывался из местных и захожих редакций. Но установить на основании записей существовавшие в этих местах школы не представляется возможным. Этому мешает разносюжетность, схематичность, дефектность записанных текстов. Единственным сказителем, давшим полноценные редакции былин, был Петр Лукич Калинин из д. Горка, от которого Гильфердинг записал 14 былин (из них одну – о Добрыне – сводную). <…> При ближайшем рассмотрении калининские тексты обнаруживают близость с вариантами не толвуй-повенецких сказителей, а сказителей, отнесенных Гильфердингом к Кижам: Абрама Евтихеевича Чукова, по прозванию Бутылка, и Ивана Аникиевича Касьянова. Былины Калинина, Чукова и Касьянова образуют отдельную группу <…> Их репертуары совпадают в сюжетах <…> в их репертуарах были некоторые (иногда уникальные) былины, донесенные до нас кем-нибудь одним из представителей космозерской школы. <…> Художественное наследие космозерской школы значительно и влияние ее было настолько мощным, что она подчинила себе соседние, менее яркие проявления былевого эпического искусства. Это показательно в отношении творчества лучшего сказителя Повенца – Петра Лукича Калинина. <…> Требовательный вкус сказителя, осознанное отношение к исполняемым вещам, конечно, должны были играть при этом немаловажную роль. Судя по вариантам былин Калинина, его можно характеризовать как мастера эпического творчества, обладающего значительным художественным вкусом, отбирающего пришедшие по душе варианты былин, в ряде случаев осложняющего и поднимающего их своим искусством. Почти нетронутыми он оставлял только варианты со стройной, завершенной формой в исполнении других сказителей, от которых их приходилось слышать. <…> Творчество Калинина, Чукова, Касьянова было, можно сказать, равнозначно: в основном они были хранителями традиции, но не родоначальниками ее. Их былины часто настолько близки друг другу, что отделить их не представляется возможным». <В монографии В. И. Чичеров дает объемное сопоставление вариантов многих былин Калинина, Чукова и Касьянова>. *(Чичеров, 1982. С. 110–130, 169–184).*

89. КАЛИНИНА АЛЕКСАНДРА КИРИЛЛОВНА, 1887 г.р., неграмотная, д. Паяницы Толвуйского сельсовета. В 1944 г. – год записи – ей было 57 лет. В войну была эвакуирована в д. Шабалина. Имела 8 детей. Одна из дочерей, 18 лет, в 1942 г. во время оккупации Заонежья погибла на строительстве шоссейной дороги, другая находилась в концлагере, а после освобождения училась в ФЗО. В память о погибшей дочери Александра Кирилловна посвятила своей «белой лебедушке» плач, который она исполнила в 1944 г. А. П. Разумовой и В. Г. Базанову. «Она оказалась хорошей вопленицей» – записали собиратели. На фронтах Великой Отечественной войны у нее погибли два сына. Один из них, старший, до войны работал инженером на железной дороге, другой после окончания семилетней школы учился до призыва в армию в техникуме в Петрозаводске. Еще будучи учеником в школе, он летом сторожил колхозное гороховое поле. Когда его по неизвестной причине «отрешили от службы сторожем», он высек на одном из больших камней в поле строки: «Прощай, гороховое поле, / Провел с тобой я много дней, / И не вернусь к тебе я боле <…>». Потеряв дочь, Александра Кирилловна не теряла надежды встретить сына живым и здоровым, но в сентябре 1944 г. она получила извещение о его смерти. Собиратели пишут, как охваченная горем мать пошла в поле, «обняла серый камень, хранивший память о сыне, и протяжным воплем огласила широкую путь-дорогу, причитывала она эмоционально, взволнованно, страстно». Сын погиб, а осталась мать, для которой солдатская могила, в данном случае камень со стихами, останется всегда священным местом. Плач о сыне собиратели записали на второй день после получения извещения о гибели. В 1944 г. Александра Кирилловна жила с дочерью и сыном. *(Базанов, Разумова, 1962, С. 27; АКНЦ 75/60; см. также № 149 – М. С. Медведеву).*

90. КАРМАНОВА АННА ИВАНОВНА, 1901 г.р., русская, грамотная, п. Паяницы. В 1983 г. – год записи – Анне Ивановне было 82 года. Родом она из д. Онежены, которая состояла из 23-х домов. Семья родителей была большая – 9 душ. Мать Анны Ивановны прожила 95 лет. В 21 год Карманова вышла замуж. Муж погиб в 1941 г. У них было пятеро детей: 4 дочки и сын. Много «правнучат». «Дети у меня хорошие, работящие, разъехались». Сын жил своим домом, который сам выстроил. Анна Ивановна жила у одной из дочерей. Пережили очень трудное время – оккупацию Заонежья: очень тяжело было, работали без выходных и сна. От Анны Ивановны записаны плясовые песни, балладная и о календарных праздниках. *(АКНЦ 161/653).*

91. КАРМАНОВА ПЕЛАГЕЯ ФЕДОРОВНА, 1904 г.р., родилась в д. Онежены, русская, грамотная. В 1983 г. студенты ПГУ записали от Пелагеи Федоровны о календарных праздниках и беседах, пословицы, поговорки, прибаутки, приметы и другое, в том числе и автобиографический рассказ:

«Родилась я 6 мая 1904 г. в д. Онежены. Детство у меня хорошее было. Школа в Повозьях (?) была. Только в нее и ходила. Отец мой, Федор Фомич Карманов, 28 лет на пароходе ходил. За работу золотыми часами награжден был. Отец

умер, мне четыре года было. Мать моя была набожная, знала только славянскую азбуку. А писать от брата выучилась. Счета она не знала, но хорошо вела торговлю. Брат мой на двенадцатом году помер. Молодой был, красивый. Замуж вышла, мне только девятнадцать исполнилось. Году не жила, развод взяла. Вышла снова замуж. Муж у меня партейный был, идейный, на девять лет старше меня. Двадцать один год проработал управляющим в банке. Два сына было. Один шести лет помер. Другой с 1929 г.р., не знаю, жив ли. С мужем разошлись. Мне двадцать девять лет было. Здоровьешка бог дал. Никаких лекарств не принимаю. С малу лет читать приучена. Газеты выписываю. Мать святые книги не велела продавать. Говорила: „Пока жива, храни. Продашь, лучше не будет". А за ними люди каждый год из городу ездят, даже из Ленинграда». *(АКНЦ 161/439).*

92. КАРЦЕВА МАРИЯ (МАРФА?) ПАВЛОВНА, 1890 г.р., д. Набережье. На фронтах Великой Отечественной войны сражались 4 сына Марии Павловны, один из них погиб. Плач, который собиратели записали от нее в поле, где она с другими женщинами жала овес, посвящен сыновьям, отправленным не «в бурлакушки петрозаводские, не в наживушку да молодецкую, а на полюшко бранное», скорбит об убитом сыне, не зная, где его могилушка. *(Базанов, Разумова, 1962. С. 261, 565).*

93. КАСЬЯНОВ ИВАН АНИКИЕВИЧ, крестьянин с. Космозера, 40 лет от роду, грамотный, из старообрядцев, перешедший десять лет тому назад в единоверие. Научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова. В прежнее время знал былин весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его в единоверие, но, по словам Касьянова, заглушило былины в его памяти. При встрече с собирателем в Чолмужах, Касьянов не мог припомнить былины о Вольге, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург, по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже пел эту былину со слов Егорова. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 794).*

Касьянов Иван Аникиевич

93а. В журнале «Русская старина» (№ 12, 1872 г.) напечатано «Воспоминание крестьянина об А. Ф. Гильфердинге», предваряет это воспоминание краткая биография самого крестьянина – Ивана Аникиевича Касьянова.

«Господи благослови! Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда, Кижской волости, Яндомо-Космозерского мирского общества, деревни Космозерского погоста, крестьянин Иван Аникиев Касьянов, родился в 1825 году, декабря 4-го дня. Отец мой, Аника Устинов, мастерство имел плотника и землепашца, который скончался в 1864 году, 83-х лет; матушка моя, Мавра Назарова, скончалась в 1865 году, 80-ти лет. До 1860 года были в расколе по Даниловской секте. Я, Касьянов, воспитан в деревне и обучался в грамоты у крестьянина Егора Иванова Холопова, занимался землепашеством и частью рыбною ловлею и разныма извозамы. Женат и имею детей. Все мы исповедания единоверческого. Обратился в единоверие из раскола в 1860 году с отцом, матерью, замужнею сестрою и с тётенькой Агафьей. Был избран волостным судьею в 1865 году, а по избрании на второе трехлетие, подан мною письменный отзыв об увольнении от службы. В 1871 году, августа 7-го дня, приезжали ко мне миссионер Палеостровского монастыря Иеромонах отец Исихий, который основал единоверие, и священник отец Иоанн Богословский и прихожане разных деревень, которые объявили указ Олонецкой духовной консистории о изобрании из среды себе сборщика, и, по предложению всех прихожан, на что согласился я, Касьянов, для окончательного устройства и украшения бедной единоверческой церкви в честь Вознесения Господня, о которой было отпечатано в „Петербургской газете“, ноября 14 числа».

Иван Аникиевич был приглашен запискою приехать в Чолмужи, за 45 верст, где должен был быть А. Ф. Гильфердинг, на 18 июля 1871 г. Сказитель пишет: «Хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желание видеть такое важное лицо в самыих глухих и непроходимых местах. Это более привело во удивление и в большой смех, что господа собирают былины: говорим между собой, что „господам должно быть в Петербурге делать нечего“. Но как прошенный запиской, отправился в путь <…>. По прибытии моем в деревню Чолмужи <…> господина Александра Федоровича Гильфердинга не было, потому что он из города Повенца уехал сухим путем через монастырь Данилов, – под вечер, около 8-ми часов, через Губу увидали огонь, и поехали туда на лодках и встретили его. На другой день, то есть 19-го числа в понедельник поутру явился и размышляю так: что наши уездные господа становые пристава и разные служащие лица весьма гордые, и думал, как явлюсь я к генералу, берет страх и ужас. Затем, перекрестив глаза, и говорю: „А что Господи даст! Если чего и не знаю, да с мужика, так думается, и не взыщет“. И во-первых, увидел служителя при нем, Ефима Ивановича, который собою очень приветливый и скромный, и просит меня чаю пить. Но желая прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошего господина слуга: он всех учтиво принимает“. Потом камергинер предложил господину, что Иван Аникиевич пришел. Тогда Александр Федорович принял меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоял перед ним с дрожащим сердцем. И он, господин, видит во мне

перемену и говорит Ефиму Ивановичу: „Налей рюмочку хорошей водки“! Но от которой я отозвался, потому что никогда не пивал. Потом говорит генерал: „А пьете ли чай?“ Я говорю: „Чай я пью“. Тогда господин сказал: „Ефим, подай нам чаю“. Когда выпил я, Касьянов, стакан чаю, то поосвежился духом как будто стало и посмелее. Тогда начал я петь былину о Добрыне Никитиче, а генерал начал сам писать, так очень скоро и успешно, что едва поспеваю и голосом пропевать. Потом о Дюке Степановиче другую былину. Потом господин приказал меня хозяевам кормить и чаем поить. Потом пропел об Алексее Михайловиче Московском, об отдании города Смоленска.

На другой день мне было очень весело, потому что познакомился с господином, и, видя, что он человек очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть, господа, что чин выше, то и добрее, не как наши уездные господа; придешь, за каким-либо случится делом, то он наскачет, как зверь на рогатину, не взирая ни на какие твои справедливости“. Потом я пропел о Михайле По́тыке, сыне Ивановиче, пятую я пропел о Настасье королевичне, шестую я пропел о пахаре Никуле Силениновиче, седьмую я пропел о взятии Казани Грозным царем Иваном Васильевичем. <…> На третий уже день, то есть 20-го числа июня, освободился от всех занятий. А ветер был очень сильный, что было нельзя по Онегу ехать ни господину, ни мне. <…> Александр Федорович дал мне денег 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживе. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послал какого благотворителя!“ Но как уже к вечеру ветер подтих, то оны стали собираться в путь, готовиться к поезду на Пудожскую гору, Пудожского уезда. Тогда я пособил носиться в лодку и проводил глазамы, покуда можно было видеть.

После этого по осени приехал я в Петербург по сбору на церковь, и у меня пришло большое желание увидеть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будет здесь весьма добрый, как был в наших местах, или не припустит и на глаза. Но однако, что Бог ни даст, а попробую сходить. Показал городовой квартиру, и я постучал в колокольчик. Вдруг выбегает знакомый слуга Ефим Иванович. И я ему рассказался. Потом он взял меня к себе, потом предложил обо мне Александру Федоровичу. Тогда господин приказал мне зайти к себе в покои, где сидела у него законная супруга Варвара Францовна, и так ласково и милостиво посадил подле себя. А генеральша наливала сама нам чай и с закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливает чай простому мужику. Сижу и про себя думаю: „Это должно быть вторая Сарра; имела 300 рабынь, а сама месила тесто и кормила рабочих“. Но тут же мне сказал Александр Федорович: „Я предложу Географическому Обществу, может, мы вас попросим в собрание“. Но когда я был потребован, то, по приходе моем, вышел Александр Федорович, взял меня под руку и посадил на стул, где сидело большое собрание господ. Тогда я подумал: „Где Господь привел быть и сидеть между учеными людьми, просветителями и разъяснителями народу, и все учтиво принимать“. И тут я пропел три былины о пахаре Никуле Силениновиче и об Алексее Михайловиче, о Грозном царе Иване Васильевиче, о взятии Казани, а более – время было позднее. И после

этого был награжден деньгами, и все очень ласково приняли. А сердце мое наиболее возрадовалось тому, что нашел в ученых людях кротость и смирение, по писанному: „блаженни кротции, яко тии наследят землю“. Крестьянин Касьянов». *(Русская старина, 1872. № 12. С. 694–698).*

93б. Перейдя в единоверчество, И. А. Касьянов отправился в путешествие для сбора средств на строительство церкви в Заонежье. Осенью 1871 г. он прибыл в Петербург и, как видим по его воспоминаниям, встретился там с А. Ф. Гильфердингом, который организовал его выступление в Русском Географическом Обществе. Выступление состоялось 15 октября того же года. А на отчетном заседании Географического Общества 12 января 1872 г. И. А. Касьянову за «изустно сообщившему Отделению Этнографии несколько былин» была присуждена бронзовая медаль. *(ОГВ, 1872. № 8).*

Следует отметить, что в Петрозаводске не осталось незамеченным выступление И. А. Касьянова в Петербурге в РГО. Цитируя газету «Голос», ОГВ 30 октября 1871 г. (№ 83) в статье «Олонецкий сказитель в Петербурге» писали: «15 октября, в заседании Отделения Этнографического Императорского Русского Географического Общества, рапсод (сказитель или певец былин) Иван Аникиевич Касьянов, крестьянин Олонецкой губернии, пропел три былины, отличающиеся различными напевами – о Вольге Святославовиче или Святослаговиче, по выговору певца, о царе Алексее Михайловиче и о Михайле Потыке Ивановиче, на напев последней песни он поет все Киевские былины». *(ОГВ, 1871. № 83).*

Как установила Т. А. Мошина, позднее И. А. Касьянов еще дважды выступал в РГО – в 1889 и 1892 гг. *(Мошина, 2000. С. 237).*

Весной 1872 г. И. А. Касьянов выступал в Москве. Автор статьи «Олонецкий певец былин Касьянов в Москве» *(ОГВ, 1872. № 37)* сообщал, что «30 апреля в Императорском Московском университете был литературный вечер, посвященный науке о народном творчестве и слушанию былин, пропетых И. А. Касьяновым». Вечер для всех был «редким, невиданным праздником». Он начался с выступления Ф. И. Буслаева, где он коснулся и учителей певца, сказав, что в молодости Касьянов слушал на родине исполнение былин у Филиппа Клементьева Сизого и Трифона Иванова Злобина, а те, в свою очередь, «учились пению у знаменитого тогда певца Михайлы Слепого», а сам сказитель учился петь у Ивана Егоровича Сперова, а Сперов «перенял это искусство от дяди своего, калики перехожего». <Здесь уместно сказать, что приятельские отношения были у Касьянова с И. Т. Рябининым. Сын Касьянова вспоминал, как однажды Иван Терентьевич приезжал в Космозеро, и отец состязался с ним в былинном мастерстве>. *(Астахова, Т. II. С. 323).* После выступления Буслаева И. А. Касьянов пропел три старины: о Добрыне Никитиче, о женитьбе Ивана Грозного и об Алексее Михайловиче.

Особенно, пишет автор статьи, удачно сочеталось с пением Касьянова выступление Н. С. Тихомирова, в котором он говорил «о перемешивании мифологических представлений с книжными элементами апокрифических сказаний». Рассказав о певцах духовных стихов, Тихонравов попросил Касьянова

пропеть стих о Книге голубиной. А хорошо знавший духовную литературу сказитель после исполнения сожалел, что «при пении стиха он опустил то место, где говорится, что Книгу голубиную прежде Исаии пророка читал Иоанн Богослов».

Третьим на вечере выступал Е. А. Барсов, которого Касьянов за его знакомство с Обонежским краем называл «наш брат новгородец». Барсов указал на условия, способствовавшие сохранению былин на Севере, рассказал о генеалогии певцов Кижской волости, а И. А. Касьянов пропел «Как птицы за морем живут». Автор статьи подчеркнул, что «устроители вечера руководствовались при назначении былин, без сомнения, не новизною содержания, а только разнообразием напевов». Выступление П. А. Бессонова «за поздним временем и по обстоятельствам» было отложено. «Трудно было ожидать, – писал автор, – такого громадного стечения публики, а тем временем встретить здесь некоторых ученых, иностранцев, недавно прибывших из-за границы и пожелавших, при своем незнании русского языка, познакомиться хотя только с былевыми напевами».

30 июня 1872 г. И. А. Касьянов выступал в Петрозаводске на вечере у губернатора Олонецкой губернии Г. Г. Григорьева. Газета ОГВ (№ 51) информировала, что «Собралось довольно многочисленное общество» послушать сказителя, «недавно возвратившегося из Москвы», и что ранее сказитель, «имевший поручение по сбору пожертвований на свою приходскую церковь, уже сказывал былины» в Петербурге и Москве, и что «петербургские и московские представители науки о русском народном творчестве подарили нашему рапсоду на память свои фотографические карточки». На вечере у Григорьева были спеты былины «О Кастрюке», «О Добрыне Никитиче», «О Дюке Степановиче», «Каково птицам на мори», и «О Вольге Святославиче», по просьбе слушателей пропел старину о Петре Великом. И. А. Касьянов и сказанные им былины «возбудили живейший интерес». Кроме содержания «слушатели познакомились и с разнообразием напевов, и по окончании пения изъявили благодарность сказителю».

Примечательны в этом плане слова одного из современников сказителя И. Ф. Тюменева, которого цитирует Т. А. Мошина в статье «Сказитель из Космозера Иван Касьянов». Она пишет: «И. Ф. Тюменев был поражен достоинством, с которым вел беседу сказитель, его природным умом и юмором, обширностью знаний и в очерке „По Обонежью“, опубликованном в журнале „Нива“ в 1897 году, писал: „Иван Аникиевич обладает замечательной памятью, благодаря которой владеет почти неистощимым запасом былин, старинных песен, местных преданий, разного рода стихотворных сказок, частью нравоучительного, частью юмористического содержания“». *(Мошина, 2000. С. 233).*

93в. А. Ф. Гильфердинг пробудил у Касьянова угасший в связи с чтением церковной литературы интерес к былинам. Благодаря статье В. С. Бахтина «Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова)» известно, что сказитель выступал не только в Петербурге, Москве и Петрозаводске,

но и в других городах – Ярославле, Рыбинске, Вильне, Варшаве. Присутствовавшие и газеты восторженно отзывались о его выступлениях. Бахтин подробно описывает состав рукописи сказителя с его собственными записями, которая хранится в архиве РГО. Он сообщает, что «рукопись имеет сложный состав, и ясно, что она создавалась по частям» и «эти части сначала существовали отдельно». Тетради имеют разного цвета регистрационные штампы архива. Гильфердингу предназначались, очевидно, одни былины, а «остальные материалы были собраны Касьяновым по просьбе других ученых». «Рукопись состоит из 6 больших несшитых тетрадей, исписанных одним и тем же почерком и одними чернилами». Бахтин не сомневается, что «все записи в тетрадях сделаны лично Касьяновым». В конце многих текстов имеется подпись самого сказителя, только свою фамилию он писал «Кастьянов». Первая тетрадь содержит «экономическое описание Кижской волости, чертежи рыболовных снарядов, лингвистические и некоторые другие материалы»; вторая – «записи 10 былин и исторических песен и духовный стих о Книге голубиной; третья – духовные стихи и сказку об упрямой жене; четвертая – свадебные причитания; пятая – лечебник; шестая – заговоры». Духовные стихи и причитания записаны от других лиц, под некоторыми текстами стоят фамилии исполнителей.

В. С. Бахтин установил, что «Касьянов знал (и исполнял!) 18 былин и исторических песен», но если учитывать, пишет он, что «его былина „Добрыня и змей“ (589 строк) состоит из трех отдельных произведений („Добрыня и змей“, „Добрыня и Настасья“, „Добрыня и Алеша“), то 20 сюжетов». Однако исследователь не сомневается, что репертуар Касьянова был еще более обширным и поиски в этом направлении могут дать новые тексты. «Тексты космозерского собирателя, – отмечает автор статьи, — полны, точны и доброкачественны во всех отношениях». Объем репертуара, качество текстов, знание нескольких напевов, мастерство исполнения – все это характеризует Касьянова как незаурядного мастера. Остается непонятным, почему А. Ф. Гильфердинг не воспользовался всеми текстами Касьянова? *(Бахтин, 1957. С. 221, 222, 225, 226, 227).*

93г. В статье «Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в.» К. В. Чистов пишет, что петербургская пресса «довольно энергично откликнулась на приезд певца былин» И. А. Касьянова. Вместе с тем «заметки в газетах подчеркивали специфический характер появления Касьянова в Петербурге. За десять лет до этого перешедший из старообрядчества в единоверчество, Касьянов стал активным его пропагандистом и отправился в свое путешествие для сбора пожертвований на строительство в Заонежье единоверческой церкви. Этой же цели он подчинил и пение былин. Как он при этом действовал, мы достоверно не знаем. Может быть, это были сборы на ярмарках или базарах <…> посещения богатых покровителей единоверчества, особенно из числа купцов. Видимо, И. А. Касьянов быстро уловил интерес образованной публики к пению былин и стремился использовать его для своих целей. Он не ждал приглашения и появлялся то в одном городе, то в другом. <…>

Вместе с тем ясно, что Касьянов не был просто „каликой“. Это был человек грамотный, он занимал выборные крестьянские должности, у него были какие-то связи с учеными, и не исключено, что Гильфердинг во всем этом сыграл определенную роль». Как предполагает К. В. Чистов, его первое выступление в РГО, представление А. Ф. Гильфердингом его не только как певца былин, но и как сборщика средств на строительство церкви, получение им первых пожертвований от лиц, которые интересовались былинами, натолкнуло Касьянова на мысль, что «эти две функции могут сочетаться». И дальнейшие его выступления в ученых обществах, это – содействие и заслуга А. Ф. Гильфердинга. Добывал ли Касьянов средства иным способом, «свидетельства об этом, пишет К. В. Чистов, не разысканы». Также неизвестно, «сколько времени И. А. Касьянов пробыл в Петербурге, выступал ли он еще с пением былин публично или в частных домах, куда пошел из Петербурга, где бродил зиму. <…> Пометы Гильфердинга на записях от Касьянова располагаются между 13 октября и 24 ноября 1871 г.». Первая собственноручная запись сказителя, присланная в РГО, «датирована 20 февраля 1872 г.».

Опираясь на сведения В. С. Бахтина, приведенные в статье <см. о ней выше>, К. В. Чистов приходит к выводу, что «Касьянов, который не представлялся, видимо, Гильфердингу особенно значимым исполнителем, все-таки был, как мы знаем теперь, одним из лучших знатоков былин. При первой встрече с Гильфердингом он признался ему, что пел последние годы мало и многое забыл. Последующие годы показали, что это именно так и было. Общаясь с собирателями и слушателями в 1870–1890 гг., он значительно активизировал свои знания, а может быть, даже и пополнил их. <…> Думаю, что не ошибусь, если выскажу предположение, что мы еще далеко не все знаем о деятельности И. А. Касьянова». *(Чистов, 1982. С. 58, 59, 60).*

93д. В 1956 г. в с. Космозеро побывал В. С. Бахтин со студентами КГПИ. В статье «В Космозеро за песнями» он писал, что о Касьянове И. А. они узнали очень мало, хотя и встречались с людьми, «которые застали его еще в живых», но были в то время еще «юнцами». Иван Аникиевич, по их словам, «был скромен, тих, часто уходил в извоз, умел лечить болезни и умение это передал сыну Ивану Ивановичу». Сохранился касьяновский дом, который принадлежал лесхозу, но «никаких книг, записей и даже фотографий сказителя разыскать не удалось». В бывшей церкви был клуб. Жили участники экспедиции у внучки Ивана Аникиевича Анны Ивановны Горшковой. Дед умер до ее рождения, а «об отце рассказала много интересного». В соседнем доме жила ее сестра Наталья Ивановна Ерофеева. Еще в 1926 г. от внучек сказителя Н. П. Колпакова записала «большую коллекцию лирических песен». *(Бахтин, 1957. С. 228).* Общение с внучками в 1956 г. подтвердило, что они «знают множество старых песен». Собиратели записали от них «около тридцати текстов» и были уверены, что это «далеко не все, что хранит их память». После записей 1926 г., отметил Бахтин, «они стали лучше знать свадебный обряд и песни

этого цикла, исполняют свадебную и похоронную причеть». Не отставали от родителей и правнучки сказителя «Надежда Осипова, Шура и Аля Ефремовы». Былин и исторических песен, к сожалению, никто не знал». *(Бахтин, 1956. С. 103, 104, 109).*

93е. Двадцатью двумя годами позже, в 1978 г. Космозеро посетила Т. А. Мошина, автор выше названной статьи, и нашла село малолюдным, а многие дома покосившимися, «и никто из жителей не вспомнил имени своего знаменитого земляка-сказителя». Правда, церковь в селе «тем летом реставрировали». Кроме того, Т. А. Мошина сообщает, что «у сказителя было два сына – Иван <см. о нем № 94 нашего издания>, Петр и дочь. Петр Иванович служил в армии больничным надзирателем, а затем урядником Толвуйский волости. *(Мошина, 2000. С. 240, 241).*

1 января 1897 г. «отставному больничному надзирателю Петру Касьянову» Государь император пожаловал серебряную медаль «с надписью „За усердие“ для ношения на шее на Аннинской ленте». *(ОГВ, 1897. № 11).* В том же году П. И. Касьянову – уряднику 2 участка 2 стана Петрозаводского уезда губернским начальством была объявлена благодарность «за особенное отличие в розыскании похищенных у крестьян Великогубской волости дер. Тарасовской Алексея Алимнина денег и вещей». *(ОГВ, 1897. № 53).*

93ж. Изучая сказителей Толвуи и Повенца и космозерскую традицию былин, В. И. Чичеров пришел к выводу, что «былины Калинина, Чукова и Касьянова образуют отдельную группу в эпическом богатстве, собранном Рыбниковым и Гильфердингом. Их репертуары совпадают <во многих> сюжетах <…> в их репертуарах были некоторые (иногда уникальные) былины, донесенные до нас кем-нибудь одним из представителей космозерской школы». Сопоставив большое количество вариантов многих былин этих сказителей, он писал: «Говоря о космозерской школе, где бы ни были ее представители – на самом Космозере, в Толвуе, в Повенце, можно утверждать ее целостность. Талантливые сказители школы пели высокохудожественные тексты былин, но пели их, сохраняя традицию в ее основе, не меняя авторской властью созданные редакции. <…> Творчество Калинина, Чукова, Касьянова было, можно сказать, равнозначно: в основном они были хранителями традиции, но не родоначальниками ее. Их былины часто настолько близки друг другу, что отделить их не представляется возможным». *(Чичеров, 1982. С. 115–130, 169–184).*

94. КАСЬЯНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ – сын знаменитого сказителя былин Ивана Аникиевича Касьянова <…>. В 1926 г. Иван Иванович Касьянов – возрастом 61 г., житель д. Космозеро Заонежского района. Семейный, малограмотный. Из обширного наследства своего отца (по имеющимся записям – 13 былин) Касьянов усвоил только одну былину «О Вольге», которую уже не пел, а сказывал. Сказ перебивал репликами, показывавшими веру исполнителя

в действительность описываемых событий. Касьянов сообщил некоторые подробности о своем отце, который умер, когда сыну было 30 лет. По его словам, дома отец былин не пел. Запомнилось ему только одно выступление отца дома – состязание в былинном мастерстве с приятелем своим Иваном Трофимовичем Рябининым, приехавшим в Космозеро. Тогда Иван Иванович Касьянов и слышал некоторые былины, например, про Илью Муромца и Соловья Разбойника. Запомнил он также, что отец ездил в Петербург. Кроме былин в 1926 г. Иван Иванович Касьянов знал много сказок и как рассказчик славился в Космозере. Сказочный репертуар Касьянова, записанный А. И. Никифоровым, И. В. Карнауховой и мною (Рукоп. хранил. Отд. фольк. ИРЛИ, кол. II), – преимущественно сказки бытовые, реалистические новеллы о глупых людях, попах, плутнях шута и т. п. <…> *(Астахова, Т. II. С. 323).*

В 1927 г. в статье «Былина в Заонежье» А. М. Астахова писала: «Дети Касьянова былинами не интересуются; да и сам Иван Иванович предпочитает рассказывать сказки, репертуар которых специфичен <…> – с рядом фривольных подробностей. Один из его сыновей Александр Иван<ович>, 24 л., уже сейчас становится его преемником в области такого рода анекдота. Дочери его – одни из лучших, среди космозерских девушек, исполнительницы песен». *(Астахова, 1927. С. 80, С. 90–94, 96 – сопоставляются эпизоды былин И. А. и И. И. Касьяновых).*

94а. Касьянов Иван Иванович – сын Ивана Аникиевича Касьянова, известного былинщика, записанного Гильфердингом <…>. Касьянов – бывший лавочник. Приторговывал и после официального закрытия лавки. Раньше он был в деревне крупной денежной силой и благодаря тому пользовался большим влиянием на селе. Касьянов – тип повышенно-эротический, и его несколько особое положение среди односельчан позволяет развиваться этой черте. Шестидесяти лет от роду он женился на молоденькой женщине, с девушками позволяет себе обращаться более чем смело, привыкнув не встречать решительного отпора. Надо думать, что эти его черты развились потому, что он постоянно по торговым делам бывал в городе, в котором, видимо, усваивал отрицательные черты, городскую культуру в худшем смысле слова. Он весьма любит говорить о городском «весельи» с женщинами, которые не чета деревенским, рассказывает о публичных домах и т. д. Видимо, стремится перенести в деревню подобный специфический нрав и тон. Репертуар своего отца Касьянов растерял. Он знает только одну былину, да и ту не поет, а сказывает. Зато славится как рассказчик веселых сказок. Довольно обширный репертуар его состоит исключительно из анекдота и новеллистической сказки, полной самых фривольных подробностей. Именно этот момент рассказа он особо выпячивает, обрушивая на него центр тяжести и насквозь пронизывая его «словами». Так что сказки его для печати совершенно не пригодны. От него, правда, записаны две фантастические сказки, но рассказывал он их с явной неохотой, всячески сокращая, конспективно и скучно, так что по манере исполнения и поэтическим своим данным они представляют только исследовательский

интерес. Помещаемая в сборнике сказка («Хитрый солдат») для него отнюдь не характерна, но она единственная, приемлемая к печати. *(Карнаухова, 1934. С. 385).*

94б. В рецензии А. И. Никифорова на сборник И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» читаем: «Должен обратить внимание на любопытный случай, когда характеристика сказочника И. В. Карнауховой вызывает сомнения. И. И. Касьянова из Космозера она характеризует как тип „повышенно-эротический“ и изображает его как испорченного городом Дон-Жуана, а сказки как полные „самых фривольных подробностей“. Впечатление И. В. Карнауховой получено на основании небольшого числа вариантов. Я записал в то же время, когда в Космозере работала И. В. Карнаухова, от И. И. Касьянова 12 сказок <…> причем ни одна из них не оказалась эротической и даже не имеет ни одной фривольности. Касьянов давал мне свои сказки без выбора – то, что хотел. Сказочники эротики попадались мне в собирательской работе несколько раз, но Касьянова к ним отнести невозможно. Я привожу свои впечатления для того, чтобы отметить, что, очевидно, характеристика сказочника по части его репертуара не всегда обеспечивает правильное о сказочнике представление». *(Никифоров, 1936. С. 415).*

94в. В статье «Сказитель из Космозера Иван Касьянов» Т. А. Мошина пишет, что «больше всего нам известно об Иване Ивановиче Касьянове (1860 – после 1926 г.). Он был зажиточным крестьянином. Имел двухэтажный дом, лавку, где торговал хлебом, бакалеей, овощными товарами. Лавка приносила ему доход до 2 тыс. рублей в год. Он был попечителем Космозерского училища, принимал участие в его деятельности, жертвовал деньги на ночлежный приют, на устройство праздников, закупал продукты и инвентарь.

В декабре 1914 года за многолетнюю благотворительную деятельность Иван Иванович Касьянов был награжден серебряной медалью с надписью „За усердие“ на Станиславовой ленте.

С Иваном Ивановичем Касьяновым неоднократно встречались местные любители фольклора и приезжие ученые. От него записывал сказки, фантастические новеллы местный учитель, муж его сестры, Петр Осипович Коренной». *(Мошина, 2000. С. 240).*

95. КАСЬЯНОВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ – внук Ивана Аникиевича Касьянова, известного сказителя, от которого записывал А. Ф. Гильфердинг. Федор Иванович 1907 г.р., грамотный, из д. Гора Типиницкого сельсовета. В 1937 г. ему было 30 лет, работал чернорабочим на известковых разработках (на Оленьих островах Кижского сельсовета). М. М. Михайлов записал от него две сказки, но отметил, что Федор Иванович знает еще «Как поп нанимал работника», «О Иване дурачке», «Волшебные предметы» и много других, в том числе порнографических. Большинство сказок перенял от своей матери Прасковьи Васильевны Касьяновой, 60-ти лет, которая «знала очень много сказок», жила в д. Кузаранда.

И только некоторые из сказок усвоил на лесозаготовках. А сказку «Как мужик своей головы прокормить не мог» слышал, будучи еще школьником, от цыгана в Кузаранде. *(АКНЦ 74/57, 58).*

96. КАСЬЯНОВА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, 1885/1886 г.р., неграмотная, д. Лисицыно Кузарандского сельсовета. Муж убит деревом на лесозаготовках в 1929 г., осталось «пятеро ребятишек, старшему было 15 лет». «Плач по мужу», который она исполняла на похоронах, был записан М. М. Михайловым в 1938 г. «В детстве слушала причитания (больше свадебные) знаменитой вопленицы Ирины Андреевны Федосовой, своей соседки» *(Михайлов, 1940. С. 116).* Во время оккупации Александра Федоровна была выселена из родного дома в д. Красная Сельга (?). В 1944 г. собиратели В. Г. Базанов и А. П. Разумова записали от нее пять плачей. «По горю и плачу» поведала она при первом знакомстве, а потом рассказала и о своем горе: о гибели в 1943 г. сына Николая, 14-ти лет. «Пришли финны и сказали, чтобы сын мой отправился с подводой в наряд <в Типиницы>. Ладно, думаю, не разбужу, пусть выспится мой Коля. Потом пришли снова. Ну, делать нечего, разбудила сына и стала отправлять. Ни обутки, ни шубенки, а было холодно. Лошадь запряг и уехал. Жду, а его все нет. Потом соседи пришли и сказали, что замерз мой Коля в болоте: лошадь туда завезла. Пошла на болото, гляжу лежит, он скорчился от холода. Там и причитывать стала». В 1957 г. В. Г. Базанов вновь побывал в Заонежье, встретился с Александрой Федоровной и вновь записал плач о сыне. Многие образы и мотивы, вызванные тяжелым временем, пишет собиратель, стерлись и притупились в памяти вопленицы, и плач приобрел традиционную форму. Исполнила Александра Федоровна и плач по невестке, которая отравилась хлебом, испеченным из отравленной муки. *(АКНЦ 75/167, 168; Базанов, Разумова, 1962. С. 565).*

97. КАШИН НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, 1892 г.р., родом из Великой Губы. В 1980 г. Николаю Степановичу было 88 лет. Собиратели записали от него приговоры дружки, о свадебном обряде, этнографические рассказы, а о себе он рассказал следующее: «Сейчас я Льва Толстого перечитываю. Я всегда книги читал. Библиотека здесь всегда была. Исторических романов много было. После 20 лет со смерти царя разрешалось писать и публиковать о жизни царя. „Интимная жизнь монарха“ называлась книга. Вот я эти книги люблю читать. До революции в Великой Губе была земская начальная школа – 3 класса. В деревне почти все ходили в школу. В дальних деревнях, если не было близко школы, так не возили. А у нас здесь все грамотные были, например, моего возраста и дальше все грамотные были. На стены в школе картинки показывали, лампой освещали, пластиночки вставляли и смотрели. На этот вечер задавалось учить стихотворение. Потом показывали туманные картинки.

– Чем Вы в молодости увлекались? (Собиратель).

– С вечера думал, как бы утром не проспать до пармаков да оводóв. Отец у меня умер, мне еще семи лет не было. Мы с матерью вдвоем остались. Старший

брат в Питер был отправлен. Тогда ведь отправляли на учебу в Питер и на заработки. А мы с матерью сельским хозяйством занимались. Брат пять лет в Питере в мальчиках жил, его кормили, одевали, обували. Потом его сделали приказчиком. Уже зарплату платили. Он нам помогал, деньги посылал. У нас хозяйство плохое было. У нас одна корова только осталась с матерью, ни лошади, ничего не было. Надо было лошадь заправить, чтобы землю пахать. Купили жеребенка. За четыре года лошадь вырастили. Пахал, сеял, косил. Сеяли рожь, овес, ячмень – жито, лен растили. Мать потом сама обрабатывала лен и ткала холст.

– Что в то время сажали? (Собиратель).

– Картошку сажали, разные овощи. А внизу там у каждого была закрытая изгородь, чтобы скот мог свободно ходить. Теперь ведь все запущено, снова целина. А раньше ведь всё поля были кругом, и такая рожь росла»… *(АКНЦ 142/618, 619).*

98. КАШИНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, 1904 г.р., д. Сафроновская. В 1944 г. ей было 40 лет. Муж находился на фронте, вестей от него не получала. Сама во время оккупации Заонежья была выселена в д. Пурино. После освобождения, возвратившись в родную деревню, нашла свой дом разрушенным и разграбленным. Тогда она «пошла на кладбище и там, на могиле отца, высказала свое горе в форме традиционной причети-сетования». *(Базанов, Разумова, 1962. С. 566).*

99. КИРИЛЛОВА КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 16 лет, <1910 г.р.>, д. Деригузово. Дочь богатого крестьянина, девушка, только что кончившая школу, бывшая в городе и восхищенная им. «Что вы к нам приехали в грязь, в необразованность» – говорит она. Стиль ее сказок носит несколько «городской» характер, видимо, она сознательно вычурно строит фразу («Он знал, что они придут навестить его по поводу того, что он лошадь продал им, потому што она отбрасывает золотом и серебром, но этого не получается»). В сказку № 15 <Настасья-Пепельница> она вводит потайной фонарь, отзывающий прочитанными девушкой детективными романами Ник Картера, про которые она говорила: «Я в Повенце у подружки очень интересные книги читала „Кровавая рука“. Я их и здесь рассказывала». Интересы ее чрезвычайно ярко направлены в сторону материальных благ, что отражается и в ее сказке. Рассказывая, она, видимо, интересовалась только тем, чтобы ее записали, и спрашивала несколько раз: «А в книжку это будете печатать?». *(Карнаухова, 1934. С. 379).*

100. КИРПИЧЕНКОВА МАРИЯ ЕФИМОВНА, 1918 г.р., дочь А. М. Федькиной, д. Сенная Губа. В 1956 г. Марии Ефимовне было 38 лет, жила в Сечени (?). Студенты МГУ, записывавшие от нее, отметили, что она «помнит песни, которые пелись раньше в Сенной Губе. Обладает высоким чистым голосом и исключительно тонким слухом». *(АКНЦ 79/157).*

Кирьянова Акулина Михайловна

101. КИРЬЯНОВА АКУЛИНА МИХАЙЛОВНА, родилась 25 июня 1899 г. в д. Мягкая Сельга Космозерского сельсовета. Грамотная. Закончила 3 класса церковно-приходской школы. С 1935 г. живет в п. Ламбасручей. «Татенька» (отец) Акулины Михайловны был сапожник. «У нас как девок много, дак он все вечером сапоги шил, чтобы чего-нибудь купить, – рассказывала она. Он придет, да там читат, читат, наскажет». Кирьянова дважды выходила замуж. Первый раз в 17 лет. Жениха до сватовства никогда не видела и не хотела выходить за него. Он был родом из Питера. А в деревне Акулина Михайловна «с парнем ходила», но его в ту пору не оказалось дома, и ее выдали. После революции ей пришлось расстаться с мужем и выйти замуж во второй раз. Дома ее называют «Баба Куня», считают хозяйкой. Она следит за тем, чтобы дома были съестные припасы, растапливает печь и готовит пищу. Акулина Михайловна помнит свою свадьбу и неплохо свадебный обряд, однако причитывать не могла. Как только начинала причитывать, расстраивалась так, что не могла «воспроизводить текст». От нее записаны этнографические рассказы, былички, о подголоснице и др. *(АКНЦ 142/386; 148/1, 8)*.

102. КИРЬЯНОВА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА – дочь Акулины Михайловны Кирьяновой, 1914 г.р., родилась в Вырозере. Живет вместе с матерью в п. Ламбасручей. Между ними существует распределение обязанностей, никогда не мешают друг другу. Этот порядок установился с очень давних времен, когда в доме жила большая семья. Очень приветливые. Когда приехали собиратели, у них отдыхали внук и внучка из Петрозаводска, «тем не менее для сотрудников института нашлась отдельная комната». В 1981 г. Марии Яковлевне было 67 лет. Она охотно беседовала с собирателями, сообщила много интересных сведений о поселке, о его жителях. Знает очень много песен, исполняла их вместе со своей подругой Татьяной Федоровной Алешиной. У нее очень живая и остроумная речь. «В непринужденной беседе, – отметили собиратели, – проявляется необычное произношение и удивительное красноречие. Слова звучат удивительно: „ку́но“, „са́мовар“, и очень жаль, что носителей

Кирьянова Мария Яковлевна

этого диалекта осталось мало». Раньше у Кирьяновых всегда собиралась молодежь. Их соседка Анна Ивановна Палтусова рассказывала: «В молодости ходили на бесёды. В мою бытность все у Кирьяновых были на бесёдах, у них хозяйка хорошая <…> Мы всегда идем на бесёду, им дров несем, а детям калиток, налитушек (ржаные колобы). Им хорошо, и нам хорошо». В наше время «бесёды» прекратили свое существование, и главной помехой в работе экспедиции был телевизор, «ибо он отнимал те вечерние часы, когда домашние дела заканчивались». *(АКНЦ 148/1, 147/3).*

103. КЛИМОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – мальчик 10 лет, сын пастуха в д. Моталово. Его отец был с Пудожского берега, из села Песчаного. В 1926 г. Ю. М. Соколов, С. П. Бородин и Ю. А. Самарин записали от него былину «Князь Роман жену губил». Климов называл ее «Про отца и про матерь». Собиратели пишут, что перенял он ее, по его словам, «от старушки Ерёминой из Пестьянова. Когда Коля увидел приехавшую экспедицию и узнал, что́ она собирает, он сам подошел и предложил спеть свой „стишок досюльный“. При исполнении „Князя Романа“ Климов повторял два раза каждый стих, причем первый со слогом „да“, второй – без него». *(Соколов, Чичеров, 1948. С. 914; также см. № 260а нашего издания).*

104. КЛИМОВА МАРИЯ ИВАНОВНА, 1911 г.р., русская, малограмотная, д. Сибово. Родилась в Кижах. А в 1933 г., когда шел 22-й год, вышла замуж в д. Сибово. Деревня была большая, веселая – сказала Мария Ивановна. Сваты приехали зимой, 8 февраля. Сначала поговорили с «папашей и мамашей». Отец ответил: «Насилу выдавать – не жить» и спросил ее: «Идешь или нет?». Она согласилась, и свадьба была назначена на 18 февраля. «Глаза перекрестили, чтобы надежней было». Жених подъехал на лошадях и поехали сначала в сельсовет, потом «свадебничали» у нее дома, а затем в церковь, и только после этого привезли в дом жениха. «Свекровь расплела косы и завернула. С месяц погостила, работала только по дому, а потом записали в колхоз». В 1983 г. студенты ПГУ записали от Марии Ивановны в основном романсы, песни и частушки. *(АКНЦ 161/155).*

105. КЛИНОВА АННА МИХАЙЛОВНА, 1889 г.р., уроженка д. Мальково. «Среднего роста, худая, бледная старушка с большими темными глазами», записали собиратели – студенты МГУ. В 1956 г. ей было 67 лет, жила с сыном, бывшим морским офицером, и его детьми. «Ее гостеприимство и тот огонек, – отметили студенты, – с которым она рассказывала нам, оставили у нас хорошее впечатление». А записали они от нее песни, которые «пелись ею в молодости, когда „в кадриль ходили“». Исполненную колыбельную песню Анна Михайловна сложила сама, баюкая своих внучат. После исполнения песни (о заиньке-сироте) сказала, что «эта песня и сейчас могла бы иметь большое значение: родители часто расходятся, а детей бросают на произвол судьбы». *(АКНЦ 79/166, 173).*

106. КОВАЛЕНКО МАРИЯ ФЕДОРОВНА, 1921 г.р., родом из Сенной Губы. Грамотная. Мария Федоровна – внучка Ивана Герасимовича Рябинина. Ее мать – сестра Петра Ивановича Андреева-Рябинина. В июле 1969 г. Коваленко приезжала

в Петрозаводск из Крымской области, Белгородского района с. Земляничное, где она жила, и встречалась с сотрудниками ИЯЛИ А. П. Разумовой и Н. А. Криничной. Последняя записала от нее предания. Кроме того, в АКНЦ имеется предание «О свадебном камне» и рассказ о праздновании «Корбова дня», присланные ею в письме. *(АКНЦ 76/97, 98).*

107. КОВИНА МАРИЯ СЕМЕНОВНА, старушка лет 78. Живет в Кижском погосте у своей дочери – вдовы коммуниста. Родом Мария Семеновна из д. Воробьи. По мере сил она помогает дочери по хозяйству и присматривает за правнуком (внуком дочери). Раньше знала старины, например, «Чурилу», но позабыла. От нее, помимо «Князя и старицы», записаны варианты былин «Братья-разбойники и сестра» и песня «Плато-казак». *(Соколов, Чичеров, 1948. С. 633).*

108. КОЗИНА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 1897 (1893) г.р., родилась в д. Лобское. В 1980 г. жила в с. Великая Губа, переселилась около 30 лет назад. Когда умерла мать, осталось трое детей. Отец женился на 17-летней, ему было 40 лет. «Житье мое было!». Замуж Марию Васильевну выдали насилу. С будущим мужем не была знакома. Ей было 20 лет, ему 40. «20 раз бывал женатый». Не шла за него, плакала: «Кто бы пошел за такого», – сказала она. Отец хлестал «насвистом-насвистом» уздечкой, «обороть по-заонежски». «Синяки целый месяц стояли». А в своей деревне у нее был «кавалер». Семья отца состояла из 16 человек, держали 5 лошадей, 5 коров. После свадьбы Мария Васильевна переехала к мужу в Шуньгу: «фатерка маленькая-премаленькая, да углы были каменьямы подперты». Утром выстала – «ни чашки, ни ложки». Жили «худо». 15 лет «про́жила» с мужем, было 7 детей, осталось трое. Потом муж «захво́рил: руки, ноги и глаз отняло. Я с ним возилась 3 года, да трое детей на руках. Как зимой по́ложу на печь, так всю зиму там. День в колхозе, ночь в столовой <работала>. А летом все спать, а я жать иду». Мария Васильевна стала обращаться за помощью, писала в разные инстанции, и «мужа забрали в инвалидный дом в Клименицы. Колхоз дал помощь 300 рублей на строительство дома, ездила за тёсом, все делала сама, а в домике прожила только по́лтора года и финны разорили. Они всю деревню разорили. За о́зером наша деревня была, Кажма. А потом она пошла скитаться. Научилась вышивать: рубахи, кофты, платья. Так и горевала. У нее трое детей, 10 правнуков, 16 внуков. В Петрозаводске живет внучка, работает учительницей. Хотя жизнь была очень трудной, Мария Васильевна «любила досюльные песни петь». В 1980 и 1983 г. от нее записаны свадебные и похоронные причети, песни, байки, романсы. *(АКНЦ 142/493, 161/255).*

109. КОЙБИН СТЕПАН, на Масельге, старик лет за 60, старообрядец, самый зажиточный из крестьян на масельгском перевале. Он знает содержание многих былин, но рассказывает их словами, некоторые в прежнее время певал, теперь мог вспомнить «голосом», т. е. нараспев только одну про грозного царя Ивана Васильевича. Койбин рассказывал, что в их местности был большой знаток былин, крестьянин Андриан Киприн, но он умер уже много лет назад, и никто его былин не перенял. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 141).*

110. КОЛЕНОВА АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА, 1916 г.р., родилась в д. Олёховщина Шуньгского сельсовета. В Шуньге живет с 1935 г. От нее в 1983 г. собиратели записали песни и рассказы о престольных праздниках и ярмарках. Их внимание привлекла она высказыванием: «Ой, сколько я знала сказок! Бывало, уж внучки заучили, подсказывают, что дальше, так часто слышали от меня». «Сказки, – сказала Анастасия Павловна, – знала от мамы, Кругловой Марии Александровны, а она слыхала от людей». Вспомнила, что рассказывала про «Финиста ясного сокола», «Сестрицу Аленушку и братца Иванушку», «Иван-царевич и волк-людоед». Последнюю слышала от мужчин, приезжавших на ярмарку из Конды. Собиратели пишут, что сославшись на головную боль, рассказать смогла только две сказки. В АКНЦ расшифровок сказок нет. *(АКНЦ 160/183).*

111. КОНДИНА ЕВДОКИЯ ЛЕОНТЬЕВНА, 1905 г.р., уроженка д. Наволок. «Жили бедно. Спе́рва <до колхозов> единолично жили. Самы по себе работа́ли, кто был бойко́й да уда́лый. Кто не мог скотину держать, бедно жили. А мы держали ко́гда две, ко́гда три коровы. Мы без хлеба не́ жили. У нас пожинки были. По́том сюда <в Кузаранду> было выйдено замуж. Причитывали. Все плясали. А нонче ни ног, ни рук. Муж в войну погиб. Война столько людей по́ложила. Молодой в лес ходила. Гуляла, песни пела. На Иванов день к пароходам ходили. С волости много народу приходило. Бывало, музыка играет, пустырь весь народом заставится. На бе́регу много места было. А нунке того нет. Под Новый год ходили богосуженого смотреть. Ходили на бесёду слухать. Мы по́йдем, а мама накажет, чтобы глаза за́перли. Сижу под потокой (?) и слухаю. А перед этим скажу: „Суженый-ряженый, приходи нас на коже катать“. Сижу-сижу, а глаза заперты. А по ступеням кто-то ходить стал. Топает и топает. Богосуженый, верное, был. Иногда ступени не скрипели, не сто́нули. На Святки тады́ горазно чудилось. Инда двери отворишь, забудешь сказать „Господи благослови!“ и чудится. Ране чудились нечистые. Лес-то на что? И домовой есть. А но́не ничо́ не чудится. Мы сами, как черти. Ох, я и бедовая была. Ране разве так ходила. Бывало, на худой лошади не догонишь. Старость не радость, не добры дни. Так ране говорили. Я ведь нонь забываю, не толкую. Слепуха я стала. Два, али три внука. Две внучки уже мабудь замужем. Вот так и живу. Частушки нонь все забыла. Токмо плохи́ знаю. На свадьбах причитывали. Жених сидит разыгрывает, а все плясали. А нонче ни ног, ни рук». В 1986 г. студенты ПГУ записали от Евдокии Леонтьевны былички, частушки, поговорки. *(АКНЦ 179/90, 91).*

112. КОНОНОВА ДОМНА ДМИТРИЕВНА, мать богатых крестьян-торговцев Кононовых в д. Рим на Пудожской Горе, 69-летняя беззубая старуха. Она знала в молодости довольно много былин и поет их до сих пор, но только для того, чтобы «тешить» (т. е. баюкать) внучат, которых ей предоставлено нянчить. С ее слов было очень трудно записывать, потому что она, шамкая, выговаривает слишком невнятно. Она часто путает и сбивается на прозаический лад сказки. Здесь <в Онежских былинах> помещается одна ее «старинка», как образчик былины, получившей назначение колыбельной песни. В таком же роде она пела отрывки былин про Илью Муромца и Дюка Степановича. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 124).*

113. КОНЬКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, 1911 г.р., родился в д. Речка. Запись производилась в 1983 г. в Толвуе, где жили Сергей Михайлович и его жена **КОНЬКОВА Екатерина Алексеевна**, 1914 г.р., уроженка д. Никитинской (Выгозеро). Грамотные. Собиратели Н. Ф. Онегина и А. Т. Пакконен отметили, что «очень приветливая семья, отвечали на все наши вопросы, дали хороший материал». Сергей Михайлович исполнил охотно «хорошие, рифмованные и длинные» приговоры дружки, балладу «Братья разбойники и сестра», сообщил о свадебном обряде и бытовании сказок, рассказал сказку.

Екатерина Алексеевна исполнила ту же балладу, что и муж, но иначе. Говорила, что знает другие, но в день записи не смогла припомнить и обещала спеть на следующий день. *(АКНЦ 160/дн. С. 239).*

Копосова
Акулина Матвеевна

114. КОПОСОВА АКУЛИНА МАТВЕЕВНА, 1871 (1864) г.р., родилась в д. Леликово. Мать умерла, когда Акулине Матвеевне было 3 года. С этих лет она «жила в чужих людях». Мать была батрачка, батрачила всю жизнь и она: нянчила детей, летом нанималась косить, жать, молотить. Платили по 10–12 руб. за лето. Какое-то время работала в Петрозаводске. Жила очень бедно, никто не помогал. «Ни угла, ничего не было», – посетовала она собирателям. Жила в маленькой избушке, принадлежащей «одинокой старушке». На примере ее семьи видно, как жестоко относился иногда «мир» к бедным и незаконнорожденным детям. По словам одной односельчанки, «их презирали маленькие дети и взрослые, как неимеющих отца». Надо сказать, что такое отношение продолжалось и в 1931 г. На внучку Акулины Матвеевны, по словам той же односельчанки, «на гуляньи молодежь не обращает внимания. Девушки не разговаривают, а ребята не приглашают танцевать». Последние 20 лет Акулина Матвеевна работала сторожем-уборщицей в школе. «Работы, говорит, было много». В летнее время «за хлеб» нанималась на сельхозработы. В 1931 г. ей было, по одним сведениям, 60, по другим – 67 лет, уже не работала, очень болела и хлопотала о пенсии. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 78. Л. 27–29; Р. VI. Оп. 1. № 69. Л. 15; Р. VI. Оп. 1. № 93. Л. 17).*

115. КОПОСОВА ПРАСКОВЬЯ (ПАРАСКОВЬЯ), 1891 г.р., дочь А. М. Копосовой. В 1931 г. – год записи – ей было 40 лет. Имела детей, жила в д. Леликово вместе с матерью и дочерью. Как и мать в свое время, она работала в школе сторожем, а летом нанималась на поденные работы: косила, жала, молотила. В колхозе не состояла. Студенты ЛИЛИ записали от нее свадебные песни, причитание, приговор дружки и др. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 93. Л. 17; Р. VI. Оп. 1. № 78. Л. 27–29).*

116. КОРЕННАЯ ПЕЛАГЕЯ НИКИФОРОВНА, 1866 г.р., д. Космозеро. Высокая, подвижная, очень моложавая для своих лет женщина. Родом она из Фоймогубы, местности, изобилующей сказками и старинными песнями. И действительно, Пелагея Никифоровна – настоящий кладезь песен, заговоров, редких причитаний, пословиц, загадок и сказок. Живет Коренная в большом селе Космозере с двумя сыновьями, один из них учитель, очень уважаемый в селе человек, представитель деревенской интеллигенции в лучшем смысле слова, другой – крестьянин, женатый на малограмотной крестьянке. Две дочери Пелагеи Никифоровны выданы замуж в город <Петрозаводск>, и Пелагея Никифоровна частенько у них гостит. Сама Пелагея Никифоровна в поле уже не работает, а ведет домашнее хозяйство и пестует внуков. Этим последним, верно, объясняется ее репертуар, состоящий главным образом из сказок о животных (почти совсем исчезнувшим в Заонежьи) и вообще так называемых «дитячих» сказок («Глиняный парень», «Морозко» и т. д.). По всей вероятности, под влиянием сына, большого любителя и знатока местного фольклора, Пелагея Никифоровна относится к сказкам с большой любовью, ощущает себя хранительницей их и рассказывает очень охотно. Она – настоящий, незаурядный творец и мастер своего дела. Сказки ее ярки и поэтичны, а северный говор, который не вытравили из Пелагеи Никифоровны, всеми корнями связанной с деревней, ни поездки в город, ни родственные связи ее с местной интеллигенцией, делают их еще выразительней. Очень живая и веселая, постоянно занятая домашней работой и вынужденная в то же время развлекать ребенка, она рассказывает сказки, ни минуты не находясь в спокойном положении. От нее приходилось записывать при растопке ею печи, раздувании самовара, чистке рыбы, пеленании ребенка и просто неугомонной суетне, причем аудиторией ее неизменно были маленькие внуки. Рассказывает она быстро, выразительно и эмоционально. Иногда даже играет действующих лиц (прикладывает ладони к макушке, изображая поводящего ушами зайца и т. д.). Диалог ведет разными голосами: медведь говорит у нее низким басом, медленно и, запинаясь, лиса быстро тараторит сладеньким голоском, а заяц заикается. Несмотря на быстрый говор, она слегка растягивает гласные, поэтому речь ее легка, звучна и своеобразно певуча. Большая музыкальность и любовь Коренной к песне отразилась и на ее сказках. Почти все они являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами («Я гола, боса, да без пояса», «Лиса стучит веретушечкой по кадушечке – колотят бабкой, зовут бабкой»). Во многие сказки она просто вставляет песенки («Старик и волк», «Кумушка», «Петух и курица»). Сознательное отношение Коренной к рассказыванию, как к мастерству, заставляет ее тщательно сохранять сказку со всей ее обрядностью. Так, в докучных сказках она не ленится до 11 раз повторять одну и ту же фразу. (Это в то время, когда большинство сказочников сокращает сказку, не придерживаясь принципа троичности). Сказки Коренной частично были изданы ее сыном П. П. Коренным <…>, но, к сожалению, это были неточные записи и без сохранения особенностей, местного говора, так что издание это не имеет научной ценности.

Активный репертуар Коренной состоит главным образом из так называемых «робяцих» – ребячьих – сказок. Эта сказка сосредоточена преимущественно в руках пожилых женщин или девочек-подростков, т. е. нянь, людей, пестующих

детей. Главным потребителем ее являются самые маленькие ребята. В сознании сказочников ребячьи сказки резко отличаются от «настоящей» фантастической сказки. Крупные сказочники считают ее пустяком и редко снисходят до ее исполнения. Если исчерпавшему свой репертуар сказочнику напомнить о существовании «Глиняного парня» или «Колобка», обычно следует ответ: «Да то робяцьи сказки, разве и те нужны?». В состав робяцьих сказок вошла потерявшая свое былое значение сказка о животных, бесконечная сказка типа «Белого бычка» и все виды так называемых кумулятивных сказок, где первоначальная формула бесконечно повторяется, непрерывно нарастая <…> Детская сказка имеет целью позабавить, развлечь ребят. Удовольствие их усугубляется тем, что основная формула им уже известна, они повторяют ее вместе со сказочником, с восторгом ожидая нового наращения. *(Карнаухова, 1934. С. 382).*

117. КОРЕННОЙ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ, 1920 г.р., д. Космозеро, – внук Пелагеи Никифоровны Коренной, его отец – учитель Космозерской школы П. П. Коренной (см. о них № 116). В 1926 г. – год записи – Володе было 6 лет. И. В. Карнаухова записала от него две сказки: «Печеночка», «Змей и цыган» и отметила, что сказки он перенял от своей бабушки и, «несмотря на свой возраст, прекрасный рассказчик». *(Карнаухова, 1934. С. 384).*

118. КОРНИЛОВ СЕМЕН, 1819 г.р., крестьянин д. Кургеницы. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников об этом сказителе пишет так: «Петра (или Семена, не упомню хорошенько) Иванова Корнилова из дер. Кургениц я узнал в 1862 году. Этот слепой старик лет пятидесяти, живет в своей избе с родными и кормится доходами с участка, который отдает внаем: участок у него очень хороший и приносит ему порядочный доход. Пересказы петых им былин очень интересны; к сожалению, усталость с дороги заставила меня замениться грамотным родственником Корнилова, который наобещал Леонтию списать все, а прислал только три отрывка (Ч. II № 60, 61 и примечания к № 59, Ч. III – <записана от Н. Резина>) и былины о Сокольнике и Василье Игнатьевиче (Ч. II № 64, 65)». *(Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 84).*

118а. Корнилов Семен (по местному произношению Корнылов), крестьянин дер. Ку́рьяницы Кижской волости, 52-х лет, высокого роста, худой, сгорбленный, слепой. Он ослеп с 13-летнего возраста и с тех пор кормится частью работою у родственников, частью мирской помощью. Былины узнал от сторонних людей и поет их весьма складно. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 623; также см. № 190).*

118б. В заметке о Корнилове во втором издании «Песен» Рыбникова А. Е. Грузинский пишет: <…> «Таким образом, ясно, что весь репертуар Корнилова, вошедший в собрание Рыбникова, был прислан последнему в чужой записи <…> Загласность сказалась, может быть, в неполноте присланного репертуара: Гильфердинг записал от Корнилова две былины лишних (Дюка и Молодца и худую жену), но сама запись, по-видимому, была сделана довольно внимательно, ибо Микула и Настасья занимают приблизительно одинаковое число стихов в обоих

сборниках, а две остальные былины у Рыбникова значительно полнее (одна на 100 стихов, другая на 25), так что на них можно проследить процесс забывания былин у певца. Впрочем, зато стих у Гильфердинга сохранен в более чистом виде, тогда как в нашем сборнике он местами сбивается на песню, даже на куплет с рифмами (№ 80 – „Илья и Сокольник“)». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 422; также см.: Чичеров, 1982. С. 46, 136 – сопоставляются сюжеты былин «Молодец и худая жена»).*

118в. В статье «Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании музея-заповедника „Кижи“» Н. И. Шилов сообщает, что музей-заповедник «Кижи» располагает «уникальной коллекцией», состоящей примерно из «170 предметов, принадлежавших роду Корниловых, коренных заонежан» из д. Кургеницы. Среди редких изделий и украшений из «мелкого бисера 1-й трети XIX в.» и серебра, «предметов меднолитной пластики (с эмалью) XVIII–XIX вв.» имеется «рубель XIX в. (по преданию, изготовлен слепым Симеоном Корниловым, „старины“ которого слушали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг)». В коллекцию входят 145 письменных источников, «в том числе 62 рукописи XVII–XVIII вв. – нач. XX в.». Среди них есть «12 рукописей религиозно-нравоучительного и религиозно-магического содержания» – сборники заговоров, духовные молитвы и многое другое.

Касаясь родословной Корниловых, «которая уходит в прошлое до петровских времен (крайняя дата – 1713 г.)», о сказителе Семене Корнилове автор статьи пишет: «Новые материалы музея позволяют уточнить личность этого сказителя. Как известно, П. Н. Рыбников только слушал Корнилова, а записал его „старины“ для него некий „грамотный родственник“ исполнителя. Ни того ни другого П. Н. Рыбников не помнил „хорошенько“. В новом 3-томном издании „Песен, собранных П. Н. Рыбниковым“ в „Сведениях об исполнителях“ указан Корнилов Семен Иванович, родившийся в 1819 г. По нашим данным, это – Корнилов Семен (Симеон) Корнилович, который родился 3 февраля 1819 г. и умер 27 декабря 1879 г. А „грамотным родственником“, записавшим по просьбе П. Н. Рыбникова четыре его былины, возможно, был его племянник – Петр Иванович Корнилов (1847–1899)». *(Шилов, 1997. С. 310, 311).*

119. КОРОБОВА ИРИНА (ИРИНЬЯ) АНДРЕЕВНА, 1879 г.р., д. Петрово, уроженка Заонежского района. С мужем жила девять лет, после его смерти осталось три дочери. Воспитывала одна. Одна из дочерей умерла в 16 лет «от засорения кишечника» – оперировали, но спасти не смогли. На фронте в ВОВ погиб зять. В 1944 г., когда Иринье Андреевне было 65 лет, В. Г. Базанов записал от нее два традиционных похоронных плача – «по мужу» и «по дочке». Собиратель отметил, что это – «один из немногих случаев, когда в традиционную похоронную причеть не входят новые мотивы, связанные с воспоминанием о жизни в фашистской неволе». Плачи опубликованы в книге «Русская народно-бытовая лирика» (см. примечание к № 214 нашего издания), где они ошибочно отнесены к А. П. Пудиной. *(АКНЦ 75/161; Базанов, Разумова, 1962. С. 569).*

120. КОСТИНА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, 1898 г.р. В 1944 г. – 46-летняя женщина, жила с шестилетним сыном в д. Павликово (Хашезеро). Муж находился на фронте. А. В. Белованова записала от нее традиционный плач «по отцу», исполненный ею на кладбище. В плаче Елена Васильевна сетовала на тяжелую жизнь в плену, о разрушенном доме, о маленьком сыне. Во время оккупации Заонежья она была выселена из родной деревни, а дом сгорел. *(Базанов, Разумова, 1962. С. 566).*

121. КОТОВА АННА ПЕТРОВНА, 1901 г.р., неграмотная. До войны жили в Медгоре, а во время оккупации в д. Шильтя Фоймогубского сельсовета. Муж – часовой мастер. Было пятеро детей: четыре сына и дочка, которая жила с ними. Один из сыновей умер, а три находились на фронте. Три года не получала от сыновей писем. И первая весть была «радостная – сыновья живы». В 1944 г. ей было 43 г. Причитывать отказывалась, а затем, согласившись, исполнила традиционный плач «по сыновьям». После исполнения плача сказала: «Оплакивать особо не умею и ничего не знаю больше». *(АКНЦ 75/126).*

122. КОТО́ВА МАРФА ТРОФИМОВНА, крестьянка лет 50-ти, на Масельге. Научилась кое-каким былинам от стариков, поет их очень плавно. Кроме былин, она поет тем же складом и побасенку про петуха и лисицу, эту побасенку она называла «старинкой». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 144).*

123. КОТОГОНОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (или Григорий Николаевич), 1857 (1858) г.р. Грамоте учился «у дьячка две недели». Жил в д. Потаповская Яндомозерского сельсовета. Вся семья состояла в колхозе, кроме него, но во время сенокоса он всегда помогал колхозу. От него в 1926 г. записывала Н. П. Колпакова, в 1932 г. – М. Каминская и Н. Тяпонкина, а в 1937 г. – К. В. Чистов. Его репертуар состоит из песен и сказок. В свое время он жил в Кронштадте, «работал дворником: по три раза в зиму в Питер езживал» и «солдатские песни слышал на улице в Кронштадте». *(АКНЦ 74/66, 72).*

124. КОЧИНА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, 1894 г.р., д. Полежаево Вырозерского сельсовета. В 1944 г. ей было 50 лет. Собиратели В. Г. Базанов и А. П. Разумова встретили ее на колхозном поле, где она работала вместе с другими женщинами. Александра Федоровна сказала, что «знает много плачей – свадебных, похоронных. В свое время водила свадьбы, оплакивала мать». Осенью 1941 г. она с плачем проводила на фронт мужа и сына, от которых получила первое письмо только после освобождения Заонежья. Во время оккупации захватчики отобрали у нее корову, теленка, барана. Дочь сослали в кондопожские лагеря, а ее – в медвежьегорские, тринадцатилетний сын был оставлен в деревне на произвол судьбы. «Жили мы в лагерях в такой глуши, что ни одна ворона не порхнула, говорила Александра Федоровна. Тоска заберет, сядешь ночью под окно, складешь руку на щеку и плачешь. Река бежала под окном, как эта почтовая дорога, думала часто, что вот пойду и брошусь в реку. Без ветра там засохли и без солнца завяли. А потом подумаешь, а может быть, и переживу, кого-нибудь из своих увижу. Так вот и дожила».

Собиратели записали от Александры Федоровны два плача – «по мужу и сыну при проводах на фронт» и «о жизни в неволе». Прежде чем начать причеть, вопленица сказала: «Горе учило причитывать, три года путалась на чужой стороне». Причитывала она о том, как увезли «ее за лесушки темные», о своей беспредельной обиде и кручине, о тоске по сыну и «хоромном построеньице», о письме, которое она сложила в своей голове в отчаянные минуты. *(АКНЦ 75/155, 210).*

125. КРУПИНА АНАСТАСИЯ ЕВСТИГНЕЕВНА, 1889 г.р., неграмотная, из д. Кузьмина Гора Толвуйского сельсовета. Ее родной деревни не существовало: во время оккупации она была дотла разрушена. Жила Анастасия Евстигнеевна в д. Харловка (Харлово?), у нее было четверо детей и слепой муж. Сын находился в концлагерях – сначала в Петрозаводске, затем в Кондопоге. Мать переживала и плакала о нем: «работа была непосильная, да и стегали их». Сыну было 19 лет. После освобождения Заонежья он сразу пошел на фронт. При проводах в армию мать «оплакивала» его. В 1944 г. она повторила «плач при проводах сына» для собирателей – В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Кроме него она исполнила еще «плач по матери». Когда умерла мать, Анастасии Евстигнеевне было 6 лет, и «этот плач вопила, когда была девушкой». *(АКНЦ 75/25).*

126. КРЮКОВА ФЕОДОСИЯ (ФЕДОСЬЯ) МИХАЙЛОВНА, 1894 г.р. неграмотная, д. Петрово Фоймогубского сельсовета. В 1944 г. – год записи – Федосье Михайловне было 50 лет. Мать умерла давно, а в империалистическую войну 1914 г. погиб брат. «Очень его жалела», – сказала она. А. П. Разумова записала от нее традиционный плач, который она «вопила недавно на могиле у матери». В плаче Федосья Михайловна рассказывала матери о накопленных «обидушках» и «кручинушках», о потере «братца красно солнышка». *(АКНЦ 75/125).*

127. КУВАНИНА ЕФИМИЯ (ЕФИМЬЯ, ОФИМЬЯ) ИЛЬИНИЧНА, 1887 г.р., д. Онтова Паяницкого сельсовета. В 1944 г. ей было 57 лет. Когда умерла мать, осталось пятеро детей, Офимье Ильиничне было 7 лет. Отец женился на другой. Он «был хороший» и «мачеха была неплохая», – сказала она, но они жили отдельно. Офимья Ильинична воспитывалась у дедушки: «От малости во радости не бывала, да и ласкова словечка ни от кого не слыхала. Дед был шибко строг. От того вопы и накопятся, что век свой в работе. Бедно не жила, да и сладко не ела». Замуж выходила также от деда. Свекрови очень боялась, работы было много. Своих детей было шестеро. Во время оккупации Заонежья жила в своей деревне. На фронте был сын. Четыре года не получала от него известий; мать вопила по нему и в воображении находила сына уже «погибшим». Сын был дважды ранен и после четырехлетней разлуки приезжал на 4 дня на «побывку». Мать встречала его с причетью. От Офимьи Ильиничны в 1944 г. А. П. Разумова записала три плача, а в 1954 г. А. Хурмеваара – песни. *(АКНЦ 75/73).*

128. КУДРОВ КУЗЬМА СЕМЕНОВИЧ, в 1926 г. это был дряхлый старик-бобыль 83 лет из д. Сибово Великогубского сельсовета, Заонежского района, грамотный и бывалый. В течение своей жизни он неоднократно ездил по промыслу

к морю, бывал и в Петрозаводске, и Петербурге. Много читал, причем особенно любил «исторические рассказы». Это отразилось и на его репертуаре. Кроме записанной И. В. Карнауховой и мною сказки о Петре Великом и солдате <…> К. С. Кудров пробовал рассказывать нам ряд исторических анекдотов, библейское предание о Самсоне и его борьбе с филистимлянами, легенду о Плакидевоине. В разговоре упоминал про Тараса Бульбу и Степана Разина. К сожалению, рассказы его были настолько путаны и сбивчивы, что записать, кроме упомянутой сказки о Петре и двух <…> былин, ничего более не удалось.

Былинам Кузьма Семенович научился от «старых стариков с Киж». Из известных мастеров эпического творчества хорошо знал Ивана Трофимовича Рябинина. Раньше былинное знание К. С. Кудрова было более обширно, но в старости все «из памяти вышло». По его словам, главные сказители были в Кижах. Здесь же, в Великой Губе, «не было людей опытных, некому сказывать. Здесь место темное, как Литва».

Былину «Два брата, два ливика» пел с большим увлечением и темпераментом. Но в противоположность рассказыванию сказки, когда он вскакивал, иллюстрировал жестами и позой изображаемое, при исполнении былины он сидел спокойно, смотрел сосредоточенно в сторону и лишь порой делал жест правой рукой сверху вниз, как бы подчеркивая ритм напева; изредка давал комментарий. Со стороны исполнения интересен момент повторения некоторых концов стихов или даже отдельных стихов с некоторым повышением голоса, что совершенно необычно для классического исполнения былин. Также с большим увлечением и чрезвычайно живо и колоритно передавал Кудров прозой песню об Иване Грозном. Имя Малюты Скуратова он вспомнил лишь после окончания рассказа, прибавив: «Вот он, этот окаянный-то!».

В общем К. С. Кудров, несомненно, в свое время как исполнитель обладал большим артистическим дарованием, и приходится пожалеть, что застали его уже в период угасания его памяти, знания и искусства. *(Астахова, Т. II. С. 314).*

128а. Кудров Кузьма Семенович, 83 лет, д. Сибово, – дряхлый старик, нищий. Не имеет хозяйства, живет в почти разрушенной хибарке. Он типичный представитель деклассированного элемента деревни. Вследствие своего материального положения он оторвался от середняцкого крестьянского круга, но не примкнул и к деревенской бедноте. Лишенный социальных корней, старик начал пьянствовать и постепенно спивается. Односельчане относятся к нему как к шуту, однако несколько побаиваются его языка, так как в трезвом виде Кудров громит деревню, уверяя, что крестьяне уважают только богатых, что как только у него рубль заведется, так ему кланяться станут и т. д. Во всех его разговорах видно резко отрицательное отношение к крестьянскому благополучию, к преклонению перед материальными благами, которых он сам лишился. Он ненавидит за это деревню и кричит об этом. Эта же мысль подчеркивается им и в сказке, где солдат возвращается в город богачом и «…церемонию, люминацию ему строили. Пожалуйте, – говорят, – пожалуйте. Так-то, брат. Как шапку денег увидели, так и нужен стал, а как был раньше, так никому не нужен был – на крыльцо не пускали. Так и в деревне, когда с деньгами, так всем хороший, а как нету денег, так никому не нужен» – («Петр Великий и солдат»). Таким

образом, Кудров является до известной степени выразителем социального бунта, но, лишенный классовых корней, бунт этот разрешается впустую и приводит старика только к беспробудному пьянству.

Как рассказчик Кудров очень интересен. Он чрезвычайно темпераментно относится к своему рассказу и невольно увлекает слушателя. Все время он обращается к аудитории, объясняя, подчеркивая, высказывая свое мнение, причем всегда выделяет интонационно эти обращения из общего тона. Кудров не сидит спокойно во время рассказа. Он вскакивает, показывая, как было дело, стучит по столу, изображая грохот катящейся головы, делает вид, что пьет из бутылки, запрокинув голову и булькая горлом. Всячески обильно жестикулирует. В нем явно видны остатки скоморошьей исполнительской традиции. Общее впечатление от исполнения чрезвычайно живого специфического действия, не выходящего, однако, за пределы иллюстрированного жестом и движением рассказа.

К сожалению, от него удалось записать только одну сказку, «о Петре Великом и солдате» (Ан. 952), так как большей частью он бывал пьян и нес нечто мало понятное. Но запись от него былины и сказки, а главное то, что он получил за это деньги, безусловно, несколько подняла его в глазах деревни. *(Карнаухова, 1934. С. 394).*

128б. Из предисловия Ю. М. Соколова к книге И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края»: «Яркой фигурой вырисовывается заонежский сказочник Кузьма Кудров – представитель деклассированной деревенской среды, деревенского лумпен-пролетариата, пьяница-нищий, со своеобразным скепсисом относящийся к мелкобуржуазным стремлениям крестьян-собственников, бросающий им вызов за их пристрастие к деньгам и к собственности, но не находящий другого выхода своему бунту, как беспрерывное пьянство. К сожалению, от него записана всего лишь одна сказка, которая, однако, свидетельствует, что Кудров – прекрасный рассказчик, свободно и самостоятельно распоряжающийся и композицией, и языком сказки. В своеобразной манере его обращения со сказочным материалом мы видим часто сохраняемую среди нищих традицию былого профессионального исполнительства. Сказка для нищих на Севере – средство заработка и вместе с тем удобное средство для выражения своего горького житейского опыта и скептических взглядов на жизнь». *(Карнаухова, 1934. С. XI).*

128в. Полемизируя с Ю. М. Соколовым и И. В. Карнауховой относительно характеристики, данной сказочнику К. Кудрову, В. Базанов в статье «О сказках и сказочниках» пишет: «Не говоря об условности терминологии („деклассированная деревенская среда“ и т. п.), нам кажется преждевременным сам вывод о социальных и художественных достоинствах этого сказочника. От Кузьмы Кудрова И. В. Карнаухова записала одну сказку <…> В характеристике содержатся сведения о „социальности“ Кудрова <…> Стоило ли этого „дряхлого старика“, „лишенного социальных корней“, привлекать для разрешения такой важной проблемы, как социальность фольклора и мастерство сказочника. Развивая точку зрения Ю. М. Соколова, можно прийти к парадоксальному выводу, что и народная поэтесса Ирина Федосова, вышедшая, как известно, из зажиточной крестьянской семьи, и крупнейший знаток

былинного эпоса Ф. А. Конашков, поторговывавший в свое время в Пудоже, „тяготеют к явно буржуазному миросозерцанию“, а деклассированный Кузьма Кудров, от которого записана всего одна сказка, может оказаться подлинно народным сказителем. Смысл подобных вульгарно-социологических характеристик состоит в механическом сведении социального и творческого бытия сказочника к некоторым фактам его биографии, в нарочитом стремлении разглядеть в сказочной сюжетике выражение узкоклассовых настроений». *(Базанов, 1981. С. 75, 76).*

129. КУЗЬМИН МИХАИЛ, 1866 г.р. из д. Конда. Хозяйство было бедным, безлошадным, «доходов не хватало» на жизнь, и он с молодых лет работал в Клименецком монастыре – иногда посезонно, а большей частью жил там годами: пахал, сеял, молотил, косил, ходил за скотом, заготовлял дрова. Зимой платили по 12 руб., а летом по 6. Когда был мужской монастырь, было четыре работника, а когда монастырь стал женским, он «исполнял роль старшего рабочего», а работали монахини. После закрытия монастыря работал по найму у соседей; два года «держал все хозяйство» у купца Климова в Петрозаводске. В 1931 г. ему было 65 лет. Хозяйство, как он сказал, по-прежнему «маленько, еле перебивается, всего на 50 бабок ржи». Иногда по 2–3 дня работает у разных хозяев, «но скоро кончит, так как стал помогать сын» – рабочий Онежского завода в г. Петрозаводске. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 73. Л. 32; Р. VI. Оп. 1. № 93. Л. 13).*

130. КУКАНОВА МАРИЯ ФЕДОРОВНА, 1887 г.р., д. Алексеевская Вырозерского сельсовета. Грамотная. Во время оккупации Заонежья была выселена в д. Мягкая Сельга этого же района. Жили очень плохо, в одной комнате больше двадцати человек. После возвращения домой нашла дом наполовину разрушенным. В 1944 г. – год записи – ей было 57 лет. Замуж выходила не по любви, в «злодейную семеюшку», говорит Мария Федоровна в плаче. Девятнадцатилетняя дочь умерла от воспаления легких. Три сына воевали на фронтах ВОВ. Один погиб, от двух других всю войну не было вестей. В 1945 г. от одного из них получила письмо. Он писал, что был тяжело ранен – в живот, вылечился и снова направлен на фронт. Вскоре мать получила на него похоронку. Она воспитывала его сына. В письме к матери он прислал денег и просил ее больше уделять внуку внимания, купить гостинцев, попеть песен и вспомнить его. Он очень любил, когда старушки пели песни. От другого сына вестей не было. Детей у Марии Федоровны было 9 человек. А. П. Разумова и В. Г. Базанов записали от нее четыре плача: два по погибшим сыновьям, один о жизни в оккупации и плач «про свою жизнь». *(АКНЦ 75/150; 76/91).*

131. КУЛАТОВА АКУЛИНА НИКОЛАЕВНА, 1890 г.р., неграмотная, д. Харловка (Харлово) Фоймогубского сельсовета. В 1944 г. – год записи – ей было 54 г. Имела 8 детей, в живых осталось 6. Мужа репрессировали в 1937 г. и больше его не видела. Во время оккупации Заонежья «три дочери были у красных», сын сидел в концлагере. После освобождения из лагеря сразу пошел в армию. О том, что дочери живы, мать узнала только в 1944 г. А. П. Разумова записала от Акулины Николаевны бытовой плач. *(АКНЦ 75/132).*

132. КУЛАТОВА МАРИЯ ИВАНОВНА, 1885 г.р., д. Харловка (Харлово) Фоймогубского сельсовета. Во время оккупации Заонежья за связь с партизанами отсидела в концлагере вместе с младшим сыном два года и восемь месяцев. «Партизан, – рассказывала Мария Ивановна, – встретила нечаянно в лесу, когда ездила за дровами». Они просились к ней в баню. Среди партизан была Таня Ананьина, которую позднее расстреляли. Мария Ивановна отвезла им хлеба, а на второй день ее арестовали. В лагере на допросах ее очень били, сломали руку. Освободившись из лагеря 29 июня 1944 г., она вместе с другими стояла у самого Онежского озера и пристально смотрела на приближающиеся катера Онежской флотилии. Она плакала, в руках был маленький холщевый платок, который она поднимала чуть выше своей головы, а потом прикладывала к глазам. Такой ее увидели собиратели В. Г. Базанов и А. П. Разумова, было ей 59 лет. Собиратели отметили, что от М. И. Кулатовой «вместо обычного плача о своей жизни» они записали «своеобразный рассказ о встрече с партизанами», в котором «она свои чувства выражала в форме своеобразного плача о пережитом». После исполнения плача сказала: «Такую жизнь мы и проводили». Сын Н. Ф. Кулатов был призван в армию в 1942 г., воевал под Сталинградом, остался жив. Имел три правительственные награды. Мария Ивановна жила с дочерью, которая работала бригадиром в колхозе, и пятью внуками. *(АКНЦ 75/127; Базанов, 1945. С. 37).*

133. КУЛАТОВА НАТАЛИЯ (НАТАЛЬЯ) МАТВЕЕВНА, 1906 г.р. – в 1932 г. колхозница 26 лет д. Харлово Фоймогубского сельсовета Заонежского района. Замужняя. Родом из той же деревни. Приветливая, тихая женщина. Кроме <…> былины о Чуриле, от нее в 1932 г. был записан еще довольно путаный отрывок о Ставре Годиновиче (Рукоп. хранил. Сект. фольк. ИРЛИ, колл. XXVII). Н. Кулатова знала также популярную в Заонежье «Пашицу» («Братья разбойники и сестра»), ряд сказок и песен. В 1932 г. была неграмотна. Былинам научилась от старухи Степаниды Никифоровны Кононовой из д. Перхино близ Пайниц. *(Астахова, Т. II. С. 423).*

134. КУЛИКОВА ЕВДОКИЯ АНДРЕЕВНА, 1890 (1892) г.р. В 1944 г. – год записи – Евдокии Андреевне было 52 (54) года. Во время оккупации Заонежья выселялась в д. Медведева Кажемского сельсовета. После освобождения вернулась в родную деревню Хашезеро Деригузовского сельсовета, но там не нашла ни своего дома, ни «дворовой скотинушки». Жили с мужем и детьми в чужом доме. До войны, по ее словам, причитывала только на свадьбах. В годы оккупации, несмотря на запреты ходить на кладбище и причитывать, Евдокия Андреевна ходила и причитывала. В 1944 г. А. В. Белованова записала от нее «традиционные плачи по матери и по сыну», включающие мотивы, связанные с жизнью в неволе, и свадебный плач. *(АКНЦ 75/45; Базанов, 1945. С. 18).*

135. КУЛИКОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, 1902 г.р., родом из д. Пигматка Медвежьегорского района. Замуж вышла в д. Хашезеро Деригузовского сельсовета. Во время оккупации Заонежья выселялась в д. Медведева Кажемского сельсовета. До войны работала в вышивальной мастерской, в 1944 г. – в колхозе. Муж и сын находи-

лись на фронте, получала от них письма. Раньше причитывала на свадьбе и на могиле. А. В. Белованова записала от нее свадебные плачи. Во время оккупации, несмотря на запреты, причитывала на кладбище. *(АКНЦ 75/145; Базанов, 1945. С. 18).*

136. КУРОЧКИНА СТЕПАНИДА СТЕПАНОВНА, 1882 г.р., д. Зародница Типиницкого сельсовета. Неграмотная. Сын находился на фронте, известий всю войну не получала. Воспитывала трех внучат. В 1944 г. ей было 62 г. Собирателю сказала, что знает похоронные плачи: по мужу, по свекру, плач про свою жизнь. В. Г. Базанов записал от нее плач «в ожидании сына». Кроме того, узнал, что «огромной популярностью пользуются „Причитания" Федосовой», особенно «популярен плач о смерти мужа». «Начнут читать, – пояснила Степанида Степановна, – так все крещены наплачутся». *(АКНЦ 75/96).*

137. ЛАЗАРЕВ ВАСИЛИЙ, карел, крестьянин дер. Кяменицы <Каменицы> Повенецкого уезда. От него записано семь былин Рыбниковым лично, судя по обозначению, но подробностей о нем «Заметка» не дает никаких. Два раза упоминая о нем, составитель первый раз говорит: «Кореляка Василия Лазарева видел мельком»; другой раз в примечании приводит имя Лазарева в свидетельство того, что былины не безызвестны и карелам. Репертуар Лазарева не находит себе достаточно близких параллелей в Гильфердинговском сборнике, кроме одной былины о Даниле Игнатьевиче, которая довольно сходна с пересказом крестьянки Лисицы из Выгозера (Гильфердинг № 192). *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. II. С. 3).*

138. ЛАЗАРЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ, 1880 г.р., из д. Космозеро. В год записи (1926) Федору Ивановичу было 46 лет. А. И. Никифоров записал от него две сказки. Об исполнителе сообщил: «Занятие – земледелие, был в Ленинграде в войну 1914 г., неграмотный, шутник, балагур, говорит быстро, переходя иногда в скороговорку, громко стокирует речь, богат ритмом. В такт сказу раскачивается. Сказ артистический, с элементами напевности. Знает былины об Алеше, Илье, Соловье-разбойнике, о Добрыне, записана еще сказка о шуте». *(Никифоров, 1961. С. 348).*

139. ЛАНЕВА НАДЕЖДА ТИМОФЕЕВНА, 1883 г.р., родилась и большую часть жизни прожила в д. Койкинице. Последние двадцать лет жила в Сенной Губе. Надежда Тимофеевна грамотная, «окончила сельскую школу». Отца, сказала, не помнит, а мать, когда ее родила, «была уже старой». У нее три дочери, но в 1956 г. – год записи – жила одна, было ей в ту пору 73 года. Собиратели – студенты МГУ Гоголь и Ожегова записали от нее сказки и песни. Знала Надежда Тимофеевна («частично») духовный стих о Егории Храбром. *(АКНЦ 79/86).*

140. ЛИСИЦА (прозвище) **ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА**, с Зубовой близ Выгозера, бедная вдова, из раскольниц, лет под 60. Известна в околотке знанием свадебных песен, причитаний, заговоров и т. д., и этим получает пропитание. Былин знает немного, но эти поет весьма складно, но старческим, дребезжащим голосом. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 922).*

141. ЛОМТЕВ МИХАИЛ, 1879 г.р., д. Конда. Грамотный. Ломтев рассказывал собирателям, что раньше, если мальчики чем-нибудь болели, то родители «давали завет» отправить сына на год в монастырь, где за его здоровье молились, и, если он поправлялся, должен был там отработать какое-то время. Поэтому мальчики из многих семей в Заонежье бывали в Соловецком монастыре. Побывал там, но будучи уже взрослым, и Михаил Ломтев. Пришлось преодолевать ему около 200 верст: частью пешком, а частью в лодке. Монастырь поразил его богатством. В 1931 г. он занимал с семьей половину большого двухэтажного дома, но жили фактически в одной комнате. Ломтев даже посетовал, что «зря это такие большие дома принято у нас ставить, ну да со старого времени осталось, когда большими семьями жили». В свое время семья Ломтевых состояла из 25 человек, но в 30-е годы разделились и «все из-за баб, – считал он. Слушаться перестали, все перессорились. Одна в одну сторону тянет, другая в другую». Н. Г. Котлярова, С. А. Лорви, Н. Н. Тяпонкина записали от него в 1931 г. рассказы о Соловецком монастыре, о крестьянских семьях, о свадебном колдовстве и верованиях. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 73. Л. 51; Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 53).*

Ломтева
Анастасия Михайловна

142. ЛОМТЕВА АНАСТАСИЯ (НАСТЯ) МИХАЙЛОВНА – дочь М. Ломтева (см. № 141 нашего издания), 1914 г.р., д. Конда. В 1931 г. ей было 17 лет. Собирателям Н. Г. Котляровой, С. А. Лорви и Н. Н. Тяпонкиной она исполнила песни, романсы, рассказала о свадебном обряде, о местных свадьбах, о том, как молодежь проводит время. Кроме того, вместе с матерью Анастасия продемонстрировала свадебный наряд девушки, показала вышитые полотенца, поясок и другое. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 73. Л. 51–53; Р.VI. Оп. 1. № 78. Л. 146–148; Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 61).*

143. ЛУЧИНА АННА КУЗЬМИНИЧНА, 68-летняя старушка из Любосельги. Семь лет как овдовела и живет с внучатами в доме умершей дочери. Внуки работают, крестьянствуют и этим содержат себя и свою бабушку. Анна Кузьминична сперва уверяла, что ничего не знает, но потом спела «стихи» и старины. От кого научилась – не помнит. От нее записывали былины на фонограф участники ленинградской экспедиции (С. И. Бернштейн и др.) в 1926 г. О вариантах былин «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра», спетых А. К. Лучиной, см. в примечаниях <указанного ниже издания> *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 588).*

143а. Лучина Анна Кузьминична, которой в год записи (1932) было 74 г., – в прошлом батрачка, жившая в няньках, крестьянка-вдова из д. Куреницы <Кургеницы> Кижского сельсовета Заонежского района. Из 10 детей в живых осталось четверо дочерей, вышедших замуж. Это была приветливая, тихая старушка с добрыми, грустными глазами.

Как и многие другие крестьянки, большая часть жизни которых относится к дооктябрьскому периоду, А. К. Лучина неграмотная. Научившись от старух на беседах былинам и духовным стихам, она пела их иногда для себя, утешая себя в своей грустной, одинокой жизни. Кроме публикуемой здесь <Астахова, Т. II. № 13> исторической песни «Гришка-расстрижка» спела еще былины-баллады «Братья-разбойники и сестра» и «Василий и Софья», которые мы не печатаем, так как никаких новых своеобразных моментов по сравнению с публикуемыми заонежскими вариантами они не заключают. Богатырских былин, которые она называет «ста́ринами», А. К. Лучина слыхала много, но не запомнила. Знала еще «досюльные» песни, протяжные и свадебные. Все три записанные от нее в 1932 г. песни были в первый раз записаны еще в 1926 г. экспедицией братьев Соколовых <…>. *(Астахова, Т. II. С. 275).*

144. МАКАРОВА НАТАЛИЯ (НАТАЛЬЯ) ВАСИЛЬЕВНА, 1877 г.р., родом из Кузаранды. В 1944 г. – год записи – Наталье Васильевне было 67 лет. Имела двух дочерей и единственного сына, который погиб на фронте ВОВ. Одна из дочерей умерла, а другая до войны работала учительницей. Во время оккупации Заонежья дом в Кузаранде был полностью разрушен, и Н. В. Макарова жила в п. Ламбасручей, где работала ее дочь. Здесь Наталья Васильевна встретилась со своей старшей сестрой А. В. Тепловой, которой было 70 лет и которая возвращалась вместе с двумя внуками из концлагеря в родную Кузаранду. Отец детей погиб на войне, а их мать и других убило на Кузарандской пристани во время погрузки на баржу картофеля.

От Макаровой А. П. Разумова записала три плача, в которых она рассказывает о скитаниях по чужим подворьям. *(АКНЦ 75/176, 176б).*

145. МАКАРОВА ПРАСКОВЬЯ и **Пастухова Прасковья Полуектовна**, крестьянки дер. Горка в Чорге-Губе, лет под 30, поют на посиделках былины и разные духовные стихи, которым выучились от родителей. Былины, здесь записанные, пелись ими хором вместе с крестьянскою девушкою, сестрою Пастуховой. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 845).*

146. МАКЛЫШЕВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА, 1884 г.р., в 1956 г. – год записи – ей было 72 г. Жила все время в Сенной Губе. Неграмотная. У ее отца было два сына и четыре дочери. Маклышева часто болела, для слушателей уже не поет. Выглядит плохо, глуха. <…> Многое уже не помнит, может только сказать, что она знала или нет. «Разве вранье-то все упомнишь». Поет она тихо, часто прерывается передохнуть и часто не заканчивает начатое. «Устала», – объясняет она. Былин она не знала, но слыхала Рябинина И. А. (?). Помнит духовные стихи, из которых два нам спела. Раньше знала больше. Знает много сказок и рассказывает их с большой охотою, но рассказанная ею сказка оказалась малохудожественной, так как передала только сюжет сказки. Внуки ее говорят, что она помнит много сказок и прибауток. Анастасия Ивановна попыталась вспомнить свой репертуар: 1. «По улице мостовой», 2. «Не стучит, не гремит», 3. «Сени мои, сени», 4. «Во саду ли во садочке», 5. «У стола, стола дубового», 6. «Я не яблочко щипала, не наливчатое», 7. «Во саду ли во городе», 8. «Сказка про то, как родители оставили свою дочь, она разбойника убила». *(Гоголь, Ожегова – АКНЦ 79/17).*

Собиратели – студенты МГУ записали от Анастасии Ивановны песни, сказки, причитание, духовные стихи. После исполнения стиха «о Егорье» (Мучения Егория) сказала: «Старики ездили просить и пели этот стих». *(АКНЦ 79/22).*

147. МАКСИМОВА АНАСТАСИЯ, 1848 г.р., в год записи (1931) ей было 83 г. Жила с невесткой и внуками в большом новом доме в д. Моталово: бабушка внизу, а невестка вверху. Сын А. Максимовой умер десять лет тому назад. Служил в армии далеко на Севере, простудился и «хворый» приехал домой, зиму пролежал и умер от чахотки. Лет сорок тому назад Максимова с мужем десять лет жили в Ленинграде, имели там «номера» (бани). В молодости она бывала даже на Северном Кавказе. По ее словам, ездила искать своего сына, который там находился семь лет. Собиратель З. Курдова пишет, что «бабушка дала нам очень ценную книгу о местной крестьянской свадьбе со всеми песнями, причитаниями и мотивами – в ней есть фотоснимки». Один из внуков – Николай, 15 лет, работал счетоводом «на каменоломнях» на Оленьих островах, другой – «на Мурмане» мотористом, третий – в местном колхозе. Собирателям Максимова исполнила свадебные причитания. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 75. Л. 22).*

148. МАРТЫНОВА ДАРЬЯ ТИМОФЕЕВНА, 1893 г.р., неграмотная. В 1956 г. – год записи – Дарье Тимофеевне было 63 г., жила в д. Сенная Губа, работала сторожем при местной школе. В молодости, по ее словам, «она была искусной песельницей», знала очень много песен, а теперь плохо помнит. «Песни разбиваются житием», – сказала она. Несмотря на возраст и «житие», собиратели отметили, что Дарья Тимофеевна «сохранила хороший слух и голос». Записанные песни и частушки она исполняла с А. А. Павловой и С. Суриковой. Женщины рассказывали, что «в их деревне раньше были очень популярны старые песни, кадрили и т. д. В войну в концлагерях погибли многие знатоки старинного репертуара, ряд песен были забыты». Однако Л. Н. Гаврилова и В. М. Гацак отметили, что «и сейчас еще многие, в том числе и названные выше исполнительницы, хорошо знают ланцы, кадрили, свадебные песни, песни о женской доле. Поют они и частушки как старые, так и новые». *(АКНЦ 79/127; также см. № 197, 264 нашего издания).*

149. МЕДВЕДЕВА МАРИЯ СТЕПАНОВНА, 1918 г.р., родилась в д. Ионина Гора Паяницкого сельсовета, где жила до 20 лет. Мария Степановна росла в большой семье: у родителей было 8 детей. Она с малолетства выполняла все крестьянские работы и нянчила детей. Замуж вышла в д. Шабалино Деригузовского сельсовета, а затем переехали в п. Шуньга, где работала до пенсии на скотном дворе. Своих детей было 6 человек. Мать Марии Степановны – Александра Кирилловна Калинина (см. № 89 нашего издания) была неграмотной и очень набожной. Она знала много духовных стихов, молитв, знала и рассказывала детям сказки, но никто ничего этого от нее не записывал. Мать жила до глубокой старости, и дочь переняла от нее очень многое. Много духовных стихов знала и бабушка Марии Степановны.

От Марии Степановны записывали в разные годы (1982, 1983, 1986, 1992, 1997) сотрудники Института ЯЛИ и студенты многие жанры: духовные стихи, сказки –

волшебные, легендарные, о животных, кумулятивные, анекдоты, песни, романсы, былички, побывальщины, поговорки, предание, о свадебном обряде, легенды и многоемногое другое. Собиратели отмечали, что «рассказывает с большим желанием. Очень богатая мимика, жесты, интонация». С большим вниманием слушала бабушку внучка и даже помогала ей вспомнить ряд сюжетов. А когда во время сказывания вошел высокий 15-летний внук, то Марья Степановна сказала: «Бакльга до черной грядки». Собиратели поинтересовались, что это значит, и М. С. Медведева пояснила, что «бакльга» означает большой, а грядка – балка под потолком. *(АКНЦ 160/199; 191/232).*

149а. В статье «О сказочной традиции Заонежья» Н. Ф. Онегина пишет: «Слушая Марию Степановну, удивляешься ее эмоциональности, увлеченностью сказкой, умению интонационно разнообразить речь в зависимости от содержания. Повествование строится на ритмизованных формулах, всем с детства памятных. <…> Она ценит повтор, который придает повествованию определенный ритм, напевность, завороженность.

По репертуару и, в частности, по исполнению Медведева представляет иной тип сказочницы, чем Коренная. Мария Степановна грамотная, рассказывает она детям не только те сказки, что усвоила в детстве от своей бабушки, но и книжные, порою даже и стихотворные, как „Козел и семеро козлят“ или пушкинские сказки „О царе Салтане“, „О попе и работнике его Балде“ и т. п. Она же пересказала нам сказку Ш. Перро „Золушка, или хрустальная туфелька“». *(Онегина, 1986. С. 28, 29).*

149б. Рассматривая вопрос о формах бытования и исполнения духовного стиха в его поздних модификациях, анализируя духовные стихи, записанные в разные годы от разных исполнителей, В. А. Бахтина в статье «Духовные стихи в свете повторных записей» пишет, что «видимо, к стихам, обладающим неким сакральным смыслом, и стихам со сказочным сюжетом отношение было (в смысле сохранности текста) отнюдь не идентичным» и подтверждает эту мысль исполнением М. С. Медведевой стиха „Сон Богородицы“, который был записан от нее четыре раза. При каждом исполнении «она сохраняла поразительную устойчивость и обязательную для ее вариантов очень органичную контаминацию „Сна Богородицы“ с „Вознесением“». А проговоренный в первый раз, а в последующие годы исполненный «с голоса» М. С. Медведевой стих «Мучения Егория» также обнаруживает значительную «устойчивость текста независимо от того, исполнен ли он „с голоса“ или был передан стихами. Это, – говорит автор статьи, – свидетельствует о художественной полноценности рассказанного текста, о его, видимо, привычном бытовании в таком виде и в такой форме». *(Бахтина, 2000. С. 20).*

150. МЕРЗЛЯКОВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) ПЕТРОВНА, в 1926 г. – 87-летняя старушка из д. Зяхно́ва Губа, где она жила у женатого сына. Запись от нее произведена была в д. Шуньгский Бор, куда она пришла в гости к дочери. В семье Авдотья Петровна пользовалась большой любовью и уважением.

А. П. Мерзлякова слыхала, как поют былины, но сама петь не умела. Знала она только одну былину о Добрыне, которую постоянно, по ее словам, сказывала

внукам. Былины она резко отделяла от сказок: «Сказки складни́ца, а песня были́ца». К записи отнеслась очень серьезно, просила И. В. Карнаухову, которая записывала стих о Егории, перечесть запись стиха, а меня – запись былины. Прослушав, одобрила: «Вот как хорошо ты все записала, складно вышло!». И очень радовалась, когда я сказала: «Это ты, бабушка, так складно рассказываешь». *(Астахова, Т. II. С. 460).*

151. МЕРКУЛОВА МАТРЕНА ДМИТРИЕВНА, 1884 г.р., д. Демидово Космозерского сельсовета. Здоровая, бодрая женщина. Во время оккупации Заонежья жила в своем доме и работала в бане. В 1944 г. – год записи – ей было 60 лет, жила с невесткой и внучатами. А. В. Белованова записала от нее три плача. «Плачи исполнила по памяти, сама не слагает», – отметила собирательница. *(АКНЦ 75/100).*

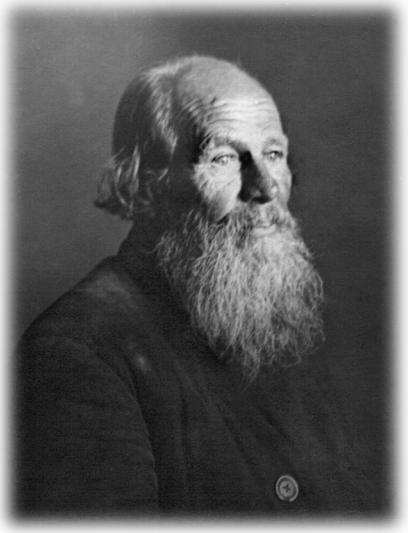
Минкина Евдокия Андреевна

152. МИНКИНА ЕВДОКИЯ АНДРЕЕВНА, 1919 г.р., родилась в д. Никонова Гора Кажемского сельсовета. В 1983 г. (год записи) Евдокии Андреевне было 64 года, жила в д. Лебещина Толвуйского сельсовета, название которой жители связывают с лебедями, останавливающимися на перелетах. «Когда садится лебединая стая, – говорили женщины, – кажется, что озеро кипит белой пеной». Репертуар Евдокии Андреевны состоит в основном из песен – кадрильных, свадебных, любовных, семейных, романсов и т. д. Некоторые из песен она исполняла с М. В. Горевой и А. Л. Благочинной. Про себя в шутку говорили: «Нуньку ни глаза во́ лбу, ни зуба во́ рту, дак какие песни!». А после исполнения песни «Пташки канарейки» сказали: «Ну, мы так склёписто спели!» – в смысле, удачно. *(АКНЦ 164/1).*

153. МИТРОФАНОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, 1866/1870 г.р., д. Яндомозеро. В статье «Сказочники и сказка в Заонежье» Т. В. Карнаухова писала в 1927 г.: «Наибольшее количество сказок дал нам И. В. Митрофанов из деревни Яндомозеро, Великогубской волости. Иван Василеьвич – 60-летний бодрый старичок, костюм, манеры и вопросы которого о городе, обличают в нем человека, близко знакомого и заинтересованного городской жизнью. Иван Васильевич 40 лет был плотником, почти всегда работал в городе: несколько лет в Петербурге, остальное время в Петрозаводске. Но от деревни не отрывался и с городскими не сходился. В городе он хорошо научился грамоте и читал беспрестанно, все больше вещи, в которых говорилось о старине. Сейчас помнит, что в Петербурге читал „Князя Серебряного“ и предлагает рассказать его „как сказку“. Рассказывая, вкратце, но довольно точно, передает роман А. Толстого. Как сказку же рассказывает, очень любимую в его семье „Тайну графа Коломбрежского“, бульварно-детективный роман, выходивший в издании газеты „Копейка“. Сказки он любит страстно и рассказывает их постоянно. Раньше

рассказывал своим детям, из которых младшая дочь, вышедшая замуж в д. Комлево, Громова, знает множество вещей из репертуара отца, и сама с охотой рассказывает. Теперь он рассказывает внукам-мальчикам, один из которых тоже славится среди своих сверстников, как рассказчик, и был записан А. И. Никифоровым. Среди своих односельчан Митрофанов известен как сказочник, и нередко, в то время как мы его записывали, весть об этом доходила до соседей, и в избе появлялись слушатели. Но так как Митрофанов во время рассказа очень строг и не любит, чтобы его перебивали или мешали ему, то слушателями являлись обычно не соседская молодежь, а степенные старики и старушки. В комнаты, где он рассказывал, никто из семьи не входил без спросу, и все всячески старались не помешать. Память у старика настолько богата, что он рассказывает наизусть сказку в стихах Алипанова „Про мельника колдуна“.., изданную в Петербурге в 1837 г. (?) и читанную им „лет 45 назад“. При сличении текстов выяснилось, что он переделал три фразы и забыл четыре стиха из почти 400.

Рассказывает он спокойно и сосредоточенно, неподвижно сидя за столом, не позволяя себе даже закурить во время рассказывания. Рассказ течет настолько плавно и медленно, что записывать за ним не составляет ни малейшего труда. Митрофанов никогда не вставляет во время рассказа никаких замечаний, если только (в редких случаях) не боится быть непонятым; например: „Вот устроили тын тридевять венцов, двадцать семь столбцов (один ряд бревен – венец по нашему) “.

Митрофанов Иван Васильевич

Его врожденная мягкость и серьезность выражаются в подборе его репертуара и в концах его сказок. Его герои всегда обиженные Иванушки-дурачки, купеческие дочки, оклеветанные кем-нибудь из родственников, Окати-Горошек, брошенный братьями, несчастный купец, презираемый другими свояками, или царевна-лягушка, над которой смеются невестки. А когда они после долгих приключений побеждают, то всегда прощают своих недоброжелателей <…>. И среди самых злодеев сказки находится более добрый человек, предотвращающий жестокости <…>.

В репертуаре Митрофанова совсем отсутствуют сказки типа фабльо и непристойные сказки.

Говорит он отрывистыми короткими фразами: „Старый стал старик. Наказал своим сыновьям: „Когда умру – похоронити и каждый по ноци у меня посидити“, и помер. Схоронили. Надо старшему брату“. Но на фоне такой отрывистой деловой речи еще ярче выступают сказочные формулы, которые Митрофанов никогда не пытается сократить, а даже, наоборот, при повторении расширяет: например, „конь бежит, земля дрожит, со рта пламень пышет“, и второй раз:

„конь бежит, земля дрожит, из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет“. Он никогда не забывает сказать: „не видали молодца сядучи, не видали и едучи“; и – „скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается“; и единственный из записанных нами сказочников с большим репертуаром, никогда не нарушает принципа троичности, такого важного в конструктивном отношении.

Город и долгое пребывание в нем, конечно, отразились в сказках Митрофанова, в целом ряде слов, фраз и понятий. Так, царь, отдавший сына черту, позвал его в „кабинет“. Незнайко расхаживает по „панели“, перед домом Ивана-Царевича „дворник улицу подметает“, и в чужих странах Ивану-Царевичу дают „заграничную диплому“ и т. д.

Митрофанов особенно интересен тем, что, несмотря на свое серьезное отношение к сказке, он не придерживается более или менее точного текста „на память“, а, твердо зная сюжет, каждый раз дает свободную импровизацию, скрепляя ее неизменными сказочными формулами. Две сказки он рассказывал нам по два раза на протяжении трех дней, и в одну из них во второй раз он ввел даже новое действующее лицо. В другой только сюжетный стержень и формулы остались неизмененными». *(Карнаухова, 1927. С. 107).*

153а. Митрофанов Иван Васильевич, 64 лет. Он очень спокойный, тихий и скромный старик. Принужденный поддерживать свое разрушающееся хозяйство, сорок лет проработал столяром-сезонником в городе. Летом приезжал домой на полевые работы. Вообще, уходы в город были связаны у Митрофанова только с желанием наладить крестьянское свое хозяйство, город совсем не оторвал его от деревни и мало повлиял на его психику. Даже там он работал в артелях своих односельчан, также связанных с деревней. Когда дети выросли, старик мог окончательно поселиться дома, укоренился в крестьянстве и город вспоминает редко.

Сказки Митрофанов рассказывает с семнадцатилетнего возраста, большую часть их выучил в артели от старших товарищей. Рассказывает он постоянно и славится как рассказчик, так что обычно собирает большую аудиторию. Но аудитория у него состоит почти исключительно из степенных мужиков и пожилых баб. Молодежь бывает редко. Это объясняется, по-видимому, тем, что Митрофанов во время рассказа очень строг и требователен к слушателям.

Митрофанов был хорошо грамотен и в молодости много читал. Репертуар его распадается на две части – книжный материал («Князь Серебряный», «Про английского Лорда-Милорда», «Тайна графа Коломбрежского»), на сказку фантастическую и (в меньшем количестве) новеллическую. У Митрофанова прекрасная память – он знает наизусть сказку в стихах Алипанова «Мельник-колдун», изданную в 1897 г. (?) и читанную Митрофановым двадцать пять лет назад. В сказке четыреста стихов, из которых (как выяснилось при сличении) он забыл четыре и переделал три. Пребывание в городе слегка отразилось на сказках Митрофанова. Так, царь зовет Ивана-Царевича к себе в кабинет, царская невеста содержит прачешную, у дворца подметает дворник, царь проезжает по Миллионной улице и т. д.

Митрофанов как рассказчик сознательно держится определенной манеры. Он подчеркнуто эпически спокоен. Сидит он совершенно неподвижно, совсем

не жестикулирует. Лицо у него спокойно, мягко, он только изредка опускает глаза или смотрит на кого-нибудь из слушателей, но не меняет выражения. Интонации у него совсем ровные, он не выделяет диалога, не повышает голоса. Вообще, его рассказ производит впечатление ритмически льющейся спокойной речи. И аудитория меньше слушает историю героя, чем ритм этой речи, который действует до известной степени гипнотизирующе, как напев колыбельной песни.

Несмотря на свое строгое отношение к сказке, Митрофанов не придерживается твердого текста, а дает каждый раз свободную импровизацию. Он вставляет иногда даже совсем новые эпизоды, вводит новых действующих лиц. Так, в сказке «Забытóй» <…> в первой редакции конек остуживает кипящее молоко, погрузив в него морду. Тут один из слушателей спросил: «А сам он как же не сварился?». На другой день Митрофанов ввел эпизод с лазоревым цветком и спросил вчерашнего недовольного: «Так складнее будет?». Так быстро откликнулся сказочник на требование аудитории. Из огромного его репертуара удалось записать девять сказок. *(Карнаухова, 1934. С. 388).*

154. МИХАЛЕВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, д. Петры. В 1931 г. семья занималась земледелием и состояла из шести человек. Два брата работали на отхожих промыслах – на заводах в г. Петрозаводске. Григорий Иванович работал, как и его отец в свое время, мельником. Мельница своя (частная), куплена в 1926 г. в д. Любосельга и перевезена в д. Петры. Заплатили 60 руб. и частично продуктами. Строил (собирал) сам Михалев. С какого завода жернова, не мог сказать. За каждый смолотый пуд ржи получал 1 кг ржи, а за каждый полученный и сданный в кооператив пуд ржи мельнику платили 1 руб. 42 коп. При хорошем ветре в день можно было смолоть 70 пудов. Мельница обслуживала деревни С. Губу, Плешки, Петры, Голиково, Клементьевскую, Лонгосы, иногда Косельгу. В сельсовете было 8 мельниц, и все работали. *(Р. VI. Оп. 1. № 63. Л. 54–60).*

155. МИХЕЕВ МИХЕЙ КИРИЛЛОВИЧ, 72 лет (1854 г.р.), с. Кижи. Он слепой, совсем дряхлый старик. Живет на покое у своего сына. В доме много детей, и раньше старик рассказывал им сказки, пел песни. Последние годы стал очень религиозен и суров. Сказки считает грехом и рассказывал нам только для того, чтобы получить деньги на табак, которого ему не дают. Поэтому и рассказывал он сурово с застывшим лицом, явно не одобряя себя и нас. В сказки старался внести морализующий момент: «Косачи и тетери – боговы», «Я нынче верю, что не человек [зло] делает, а вино проклятое» и т. п. Под конец, в назидание нам и желая, видимо, очистить свою совесть, он прочел «слово об истинной молитве» и целое нравоучение о грехе и аде, смысл которого сводился к тому, что тот, кто забавляется сказками, – обречен на вечную гибель. Им рассказаны сказки: «Упрямая баба», «Соль», присказка. *(Карнаухова, 1934. С. 395).*

156. МИШИНА КСЕНИЯ (АКСИНЬЯ) МАКАРОВНА, 1888 г.р., д. Царево Толвуйского сельсовета. Во время оккупации Заонежья была выселена в самое глухое место – Пегрему, где кругом были болота и непроходимый лес. Жили три

семьи в одной комнате. Приходилось очень много работать на тяжелой работе и терпеть издевательства, но на заработанные марки не могла выкупить даже положенной нормы продуктов (хлеба). От голода умер там ее сын, которого мать «схоронила в каменных щельях». Отец Мишиной был взят в лагерь и тоже умер там от голода. После освобождения Заонежья дом в родной деревне нашла наполовину разрушенным. От Аксиньи Макаровны А. П. Разумова записала в 1944 г. плач «о жизни в оккупации», было ей в то время 56 лет. *(АКНЦ 75/37).*

157. МОГУЧЕВА МАРИЯ (МАРЬЯ) ВАСИЛЬЕВНА – в 1926 г. крестьянка 43 лет, 1883 г.р., д. Мишкарёво (близ Шуньги) Заонежского района. Могучева – исполнительница песен и духовных стихов. От нее записаны Н. П. Колпаковой и Т. В. Поповой в 1926 г. стих о Егории (сюжет «Егорий и змея»), песни, старинные загадки (Рукоп. хранил. Секст. фольк. ИРЛИ, кол. II). Несколько песен записано было в 1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной (Рукоп. хран. Сект. фолькл. ИРЛИ, кол. XXVII, папка 2, № 2). *(Астахова, Т. II. С. 454).*

157а. Изучая влияние на былину личности носителя и других смежных жанров, в частности, песни, А. М. Астахова в статье «Былина в Заонежье» привела в пример былину или стих о Васильи и Софеи, записанный от Марии Васильевны Могучевой. Она писала: «Он отличается от других известных мне вариантов тем, что в нем исчезла вся начальная часть, в которой дается объяснение поступка Васильевой матери. Несмотря на этот пропуск, старина и в таком виде производит впечатление вполне цельного и законченного произведения, благодаря такому лейтмотивному стиху, который начинает и заканчивает собою произведение». *(Астахова, 1927. С. 102).*

158. МОЛОДИЦА из Кижской Губы. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников писал о ней: «Из Боярщины я поехал кататься на север, между Кижским островом и „Горою“ (материком), и здесь Леонтий <Богданов> завез меня к своему знакомому, „у которого-де невестка кое-что малтает“. Мы пристали к берегу и зашли в избу. И большак-свекор, и муж, его сын, предложили, по просьбе моего путеводителя, молодой женщине спеть ста́рину. Певица как будто застыдилась и сначала отнекивалась от пения, но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мне о Домне Александровне, Гришке-расстрижке и Чуриле (Ч. 1. № 46, 79. 69)». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 62).*

158а. В заметке А. Е. Грузинского во втором издании «Песен» П. Н. Рыбникова читаем: «Молодица из Кижской Губы. Так пришлось обозначить одну крестьянку, от которой Рыбников записал три былины: говоря о ней в „Заметке“, он не дает ни имени, ни точного места жительства. <…> Ко всем ее былинам нам удалось подыскать близкие параллели. Ее тексты примыкают к текстам ее соседей, Федотова (Дутикова), Домны Суриковой и Прасковьи Юховой, племянницы Щеголенка <…> Дутиков и Сурикова оба из дер. Конды, Великогубской волости, а Юхова из дер. Оятевщина по соседству с дер. Боярщины.

Итак, ее „Чурило“, несомненно, восходит к тексту Юховой (Тихонравов и Миллер): при общей большой близости только у них имя мужа Катерины – *Ерма* и *Ярма*, во всех остальных вариантах у Рыбникова и Гильфердинга стоит *Бермята* с разными его вариациями, единственно у пудожанина Антонова (Рыбниковский Потахин) встречаем *Вельму*[1].

„Гришка-Расстрижка“ почти дословно совпадает с текстами и Дутикова у Рыбникова, и Суриковой у Гильфердинга, и Юховой у Истомина (Песни русск. народа № 9).

Третий ее сюжет „Митрий Васильевич и Домна Александровна“ представляет особый интерес. Он не повторяется больше ни разу во всем сборнике Рыбникова и совсем отсутствует у Гильфердинга. Но из этого поспешно было бы заключить о его редкости на севере: записанный (в одном пересказе) г. Марковым на Белом море от его знаменитой Аграфены Крюковой[2], этот сюжет, оказывается, сильно распространен на Архангельском Поморье и особенно на Пинеге, так что в сборник г. Григорьева он вошел ни более ни менее, как в двадцати двух пересказах. Надо думать, что он встречался не раз и Рыбникову, и Гильфердингу, но они им мало дорожили за его далекость от чисто былинного, „богатырского“ ядра нашего эпоса». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 459; также см.: Чичеров, 1982. С. 82, 150 – сопоставляются сюжеты былины «Гришка-Расстрижка» в вариантах Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и Молодицы из Кижской Губы).*

159. МОРЕХОДОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, 1907 г.р. д. Леликово. Родители крестьяне, но отец жил 25 лет в Ленинграде, работал на Обуховском заводе. Мать жила в деревне, а зимой часто выезжала в Ленинград. После революции отец вернулся в Леликово и занимался сельским хозяйством. Хозяйство было середняцкое, обрабатывалось своим семейством, которое состояло из 10 человек. Жили вместе всей родней. Андрей с детства работал по крестьянству и любил это дело. Закончил Сенногубскую пятилетнюю школу. Дальше учиться не пришлось, так как началась Гражданская война и связь с городом прервалась. В 1929 г. отец умер, было ему 57 лет. Мореходов отделился от родни, принимал участие в организации колхоза, вступил в комсомол, был секретарем ячейки и активным участником общественной жизни молодежи. В 1931 г. работал в кооперации. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 62. Л. 34–36).*

Мореходов
Андрей Михайлович

[1] Антоновский репертуар, по сообщению Гильфердинга (1, 468), идет из Вытегорского уезда. – Грузинский А. Е.

[2] Беломорские былины, № 33. В указателе г. Марков дает еще ссылку на Песни Соболевского. – Грузинский А. Е.

160. МОРЕХОДОВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) ИВАНОВНА, крестьянка 60-ти лет из д. Леликово. От нее в 1931 г. студенты записали песни, мещанский романс, диалектные слова и отрывок былины. Авдотья Ивановна объяснила, что «в ее время во время поста петь песни считалось грехом и поэтому в долгие вечера, когда девушки пряли, рассказывали былины. Обычно рассказывали старухи, но и молодежь тоже перенимала и выучивала их». Мореходова называла былины «херувимскими стихами». *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 69. Л. 26).*

161. МОРОЗОВА НАДЕЖДА ИЛЬИНИЧНА – в 1932 г. крестьянка 73 лет д. Коровниково Паяницкого сельсовета Заонежского района. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина записали от Н. И. Морозовой былины «Про Чурилу», «Добрыня», балладу «У ключа, ключа, у колодца» (Казань-город), стих «Ника-воин» («Оника-воин») и несколько сказок (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVII). *(Астахова, Т. II. С. 416).*

162. МОСЕЕВ СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ из д. Тухино (около Новинок, Зяблых Нив). Д. Тухино – глухое место, в гористом лесу, на юго-западном конце острова. Мосееву под 90 лет; это древний старик, с большой седой бородой. Несмотря на свою старость и дряхлость, Мосеев и сейчас не без лукавства. По его словам, он помнит еще севастопольскую войну. Степан Андреевич бездетен. Его жена – старуха, приблизительно того же возраста, что и он сам. Мосеев поет слабым голосом, плохо выдерживает ритм и напев. Былины знает неточно и часто запинается. Сюжеты путает. Он, например, начал петь «про Ермака», затем перешел на «Добрыню», потом сказал, что споет «Про Щурилушку», а в действительности спел «Василий и Софья». Вариант «Братьев-разбойников» полный, сохраняющий эпические повторы. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 904).*

163. МОСЕЕВА АННА, из д. Тухино (около Новинок, Зяблых Нив). Крестьянка лет 45–50, приветливая женщина. Имеет много детей. «Братьев-разбойников» слышала от старушек в детстве. Утверждала, что старины и духовные стихи поются великим постом, когда нельзя петь песен. Поет Мосеева приятным высоким голосом, повторяет каждый стих два раза. При этом первый раз она вставляет слог «да» или «ко», которые опускает при повторении стиха. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 905).*

164. МОСЕЕВА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА – в год записи (1932) колхозница 28 лет д. Харлово Фоймогубского сельсовета Заонежского района. Записана от нее лишь одна былина «Чурилушка». Вариант «интересен тем, что показывает распространение повенецкой редакции к югу – на Шуньгский полуостров». *(Астахова, Т. II. С. 427, 805).*

165. МОТОВА ЕВДОКИЯ ЕГОРОВНА, 1903 г.р., д. Кургеницы. О своей жизни Евдокия Егоровна рассказывала мало и скупо, – записали собиратели – студенты МГУ Л. Астафьева, Ш. Быковская и В. Велинская в 1956 г. «Трудно, нехорошо

жила, – говорила она, поблескивая голубыми глазами, – мужа не любила, выдали насильно, что за житье было!». Рано осиротев, она жила у своих родственников, которые с утра до вечера заставляли ее работать, не пуская ни на беседы, ни на гулянья с подругами. В Корбе, где она родилась, жила недолго. Ей еще не было 19 лет, как ее выдали замуж в богатый дом в Кургеницах за человека, которого она не любила и боялась. «Взяли меня за красоту, – рассказывала она, – житье-то раньше какое было, не за мужиков выдавали, а за место». Шли годы, но счастье так и не пришло в богатый большой дом, где поселилась Евдокия Егоровна. «На себе переносила, что мужа не любила, а виду не оказывала, жила, терпела». Единственной отрадой ее оставались песни. Голос у нее был грудной, низкий, красивый; и песен она знала больше, чем ее подруги; за работой, за любимыми песнями пыталась она забыть свое горе. «Если б не песни и жить бы не стоило», – говорила она.

В войну Евдокия Егоровна овдовела, муж был убит, а ее с сыном отправили в концлагерь в Петрозаводск. Оттуда она вернулась только после полной ликвидации финской интервенции. В 1956 г. работала в колхозе. В деревне была известна, как лучший знаток старинных, свадебных и хоровых песен. Несмотря на трудную и бедную радостями жизнь, Евдокия Егоровна очень жизнерадостна и словоохотлива. Она без долгих разговоров поняла цели экспедиции и тут же согласилась помочь. Она не только пела сама, но и пригласила свою приятельницу 63-летнюю Татьяну Павловну Баранову. Евдокия Егоровна и Татьяна Павловна почти всегда поют вместе, так что репертуар их одинаков. *(АКНЦ 79/348а).*

166. МОШКИНА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, 1877/1880 г.р., грамотная, д. Скурнино Кузарандского сельсовета. Крестьянка, до войны работала на ферме. Дважды была замужем. Детей было трое. Первый муж умер «в дореволюционное время». В 1938 г. М. М. Михайлов записал от Александры Ивановны и опубликовал два плача «по мужу» (см. примечание к № 166 нашего издания) и свадебный плач. Она «руководила постановкой Заонежской свадьбы». Собиратель записал, что исполнительнице тогда был 61 год.

Во время оккупации Заонежья Александра Ивановна была эвакуирована в Масельгу Типиницкого сельсовета. Сын и внук находились на фронте. Дочь и другие внуки находились в эвакуации, и мать, ничего не зная о их судьбе, очень волновалась, так как транспорт, на котором они уезжали, был обстрелян авиацией. К счастью, они остались живы и в сентябре 1944 г. вернулись в Заонежье. Об этом, о разрушенном «хоромном строеньице» говорит она в плаче-сказе, который записала от нее в 1944 г. А. П. Разумова, указав возраст исполнительницы 64 года. Александра Ивановна работала в колхозе, муж – на сплаве. *(АКНЦ 75/177; Базанов, Разумова, 1962. С. 568).*

167. МОШНИКОВА ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА, 1908 г.р. Родилась в д. Заозерье (по другим сведениям в д. Ботвинщина). Росла сиротой под опекой бабушки и дедушки, где были еще дядя и тетя. Но бабушка вскоре умерла, и для Прасковьи Степановны начались очень трудные времена. С 4-х лет она вынуждена была

нянчить годовалого ребенка тети: качала его в люльке, плакала вместе с ним, когда он кричал, засыпала от бессилья и усталости, за что ее сильно били. С 10 лет доила коров, кормила скот, носила большими ушатами воду, заготовляла дрова, возила с поля снопы, заправляла их в овин, молотила. И так с утра до вечера. В 16 лет ее насильно выдали замуж за 27-летнего вдовца. Прожив с ним год и два месяца, ушла от него. Через год вышла замуж за другого. Через 8 лет муж умер. В молодости какое-то время пришлось работать по найму, а в основном проработала в колхозе: дояркой, телятницей, свинаркой, зав. фермой, на полевых работах, кладовщиком, а после освобождения Заонежья в 1944 г. полтора года председателем колхоза. Работала и после выхода на пенсию. Трудовой стаж за 50 лет. Прасковья Степановна воспитала восьмерых детей, один из сыновей утонул годовалым. Как она сама сказала: «Ребят вырастила, выучила, как смогла».

В репертуар Прасковьи Степановны входят сказки, разного рода песни, обрядовая лирика, часть материалов не расшифрована. Много сказок Прасковья Степановна усвоила от Екатерины Григорьевны Русаковой: «Вечером за прялкой сидим, а она рассказывает. Чаще своей семьей сидели, детей тогда немного было, четверо». *(АКНЦ 166, л. 13)*. Много сказок слышала, когда «ходила по чужим работам». Что касается песен, то Прасковья Степановна сказала: «Я всю жизнь любила петь. У нас там в деревне песенно было. Сестра отца такая песенница была, такой голос хороший». Собирателям Н. Ф. Онегиной и В. И. Калугину, которые записывали от нее в д. Палтега, где она жила в 1985 г., она говорила: «Не с песней бы жить, дак подохла бы давно, не выдержала. Вот, бывало, как еду на лошади на работу, песни пою, а потом давай плакать. Проплачу. А поди, горе все, к черту. Некогда было плакать, сидеть было некогда». *(АКНЦ 166/10).*

Н. Ф. Онегина, записавшая от Прасковьи Степановны девятнадцать сказок, пишет, что ее тексты «свидетельствуют о незаурядности таланта сказочницы. Она знает и исполняет частушки, самые разные песни, баллады, очень богат ее репертуар по обрядовой лирике. Сказочная проза перемежается с быличками, бытовая речь насыщена афоризмами, пословицами и поговорками. Творчество П. С. Мошниковой – кладезь народной мудрости». *(Онегина, 1986. С. 234).*

168. МУХИНА АННА ТРОФИМОВНА, 1884 г.р., – в 1944 г. (год записи) 60-летняя женщина из д. Мяльзино Кузарандского сельсовета. Во время оккупации Заонежья дом был до основания разрушен, жили в чужом доме вместе с дочерью, вернувшейся из лагеря. У Анны Трофимовны было пять дочек и два сына. Один из сыновей погиб на фронте, осталось двое внучат. Другой сын, отец четырех детей, воевал на фронте, был ранен, неоднократно награжден орденами и медалями. На фронте была и младшая дочь. Две дочери находились в лагерях. Старшая, находясь с четырьмя детьми в лагере в «Песках», была убита осколком от снаряда. Четверо ее детей в 1944 г. жили у Анны Трофимовны. Девятнадцатилетнюю дочь Таню (1921 г.р.) финны расстреляли в 1942 г. До войны она закончила курсы и работала счетоводом в колхозе, а затем секретарем сельсовета. Ночью ее арестовали, посадили в камеру в бывшей школе, избивали на допросах. Свидания с матерью не разрешали. «Во время одного из очередных допросов

Мухина вырвалась и хотела убежать, но уже на улице ее смертельно ранили солдаты и снова бросили в камеру. Здесь вскоре раздалось несколько выстрелов, и Таня Мухина была убита».

Когда мать вновь пришла к школе, ей сказали: «забирай тело в сарае». Мать увидела, что стреляли в живот, лицо и руку. Похоронив дочь, мать с утра до вечера плакала по дочке дома и на могиле. Собирателям А. П. Разумовой и В. Г. Базанову, которые записали от нее три плача, в том числе и плач «на могиле дочки», Анна Трофимовна сказала: «Горе стало, так и заплакала, горя не было, так и не плакала».

Летом 1957 г. В. Г. Базанов вновь побывал в д. Мяльзино и встретился с женой брата Тани – Ириной Григорьевной Мухиной, которая рассказала, что родственники часто посещают могилу, и исполнила фрагмент плача по Тане. *(АКНЦ 75/165, 166; Базанов, Разумова, 1962. С. 24, 568).*

169. МУХИНА МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА, 1887 г.р., местная уроженка, всю жизнь прожила в Мальково. Неграмотная. Собиратели – студенты МГУ записали, что «в молодости слыла хорошей певуньей», но несмотря на это, смогла припомнить только две песни. Объяснила тем, что не пела уже сорок лет. *(АКНЦ 79/181).*

170. МЫШЕВА АННА МАКСИМОВНА, 1910 г.р., родилась в д. Ивантиевская (Вырозеро). Замуж вышла в д. Клешовскую. В 1956 г. (год записи) – 73-летняя старушка жила вместе с мужем в маленькой деревне Масельгская, расположенной в полукилометре от Толвуи. Детей не было. В д. Масельгская жили шесть лет. От Анны Максимовны В. П. Кузнецова записала рассказ о свадебном обряде, свадебную лирику и другое, а также отметила, что она хорошо знает «ставное дело» – мастерица ткать на станке полотно. Одежду невесты называла «досюльные казаки». *(АКНЦ 164/1).*

171. МЫШЕВА ПРАСКОВЬЯ (ПАРАСКОВЬЯ) ИВАНОВНА, 1877 г.р. из д. Корба (Загубье) Толвуйского сельсовета. Во время войны деревню и ее дом полностью разрушили. В 1944 г. (год записи) 67-летняя Парасковья Ивановна жила в д. Харлово Фоймогубского сельсовета. Детей было шестеро. Два сына находились на фронте. Одна из дочерей двадцатипятилетней умерла до войны; другая во время оккупации Заонежья находилась в лагере. А. П. Разумова записала от Парасковьи Ивановны бытовое причитание. *(АКНЦ 75/41).*

172. НАЗАРОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, крестьянин лет 65-ти из деревни Косельга. При первом знакомстве (27 июля 1926 г.) сообщил, что слышал от своей соседки Федосьи Лукиничны Сарафановой, умершей лет 30 назад шестидесятилетней старухой, былины о Дюке Степановиче, Алеше Поповиче и Добрыне, об Илье Муромце и Соловье, о братьях разбойниках и сестре. Сказать (но не спеть – петь отказался, ссылаясь на боль в груди) он смог только былину о Дюке Степановиче, а также отрывок из «Птиц», который он слышал от умершего теперь старика с Купецкого озера (имя его забыл). Когда Назаров сказывал Дюка, немного

помогла ему припоминать его жена Аграпия Петровна. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 634).*

173. НАЗАРОВА АГРИППИНА (АГРАПИЯ) ПЕТРОВНА, 60 с лишним лет, жена Павла Васильевича Назарова из д. Косельга (см. № 172 нашего издания). Бойкая, живая старушка. По-видимому, много и хорошо знает разных песен. Не смогла удержаться от подсказывания мужу, когда тот рассказывал о Дюке, но сама стеснялась петь, как и большинство в Косельге. После долгих уговоров спела «Василий и Софья». *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 909).*

174. НАЗАРЬЕВА (НАЗАРОВА) АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, родилась в 1896 г. в Великой Губе. Закончила три класса начальной школы. Это сухощавая, даже несколько хрупкая женщина. Она кажется явно моложе своих лет, и ее глаза излучают молодой задор, веселье, насмешку. И глядя на нее, не сразу представляешь, какой трудный жизненный путь прошла Анастасия Александровна. Несмотря на большие способности, она не смогла в детстве учиться дальше начальной школы: надо было начинать трудиться. Затем – годы замужества, издевательства мужа. «После революции, – говорила Назарьева, – сразу полегчало. И дочка моя не знает того, что выпало мне». В войну А. А. Назарьева работала на оборонительных сооружениях. Она награждена медалью за поимку шпиона, сама была под ножом грабителя.

А. А. Назарьева знает и мастерски исполняет задорные частушки, исполненные тоски по лучшей доле, женские песни и плачи. От нее записан и отрывок былины о Чуриле. Откуда она его знает? От свекрови, Назарьевой (Назаровой – см. № 173) Агриппины Петровны. А. П. Назарову знал Ю. М. Соколов, записывавший былины от ее мужа П. В. Назарова. А. П. Назарова знает песни, но не решается их петь. То, что она знает былины, причем такие, каких не знает ее муж, для участников экспедиции братьев Соколовых осталось неизвестным. *(Гаврилова Л. Н., Гацак В. М., 1956 г. – АКНЦ 79/135).*

175. НЕКЛЮДИН КОНОН САВИНОВИЧ (более известный под именем Конона с Зяблых Нив). О данном сказителе очень мало сведений и записи от него не производились. Благодаря статье С. В. Воробьевой «К вопросу о семейной традиции сказительства: круг И. Андреева и К. Савинова» мы располагаем некоторыми биографическими данными о нем. Анализируя архивные документы (Метрические книги и Ревизские сказки Национального Архива Республики Карелия), автор статьи установила, что «Конан Савинов родился в 1779 году, а умер в 1847 году. В Ревизской сказке 1782 года Конан Савинов значится не по своей родовой деревне, а по деревне Конда, хотя ему в этот момент было 3 года». Автор считает, что это было вызвано экономической необходимостью: «В деревню Конда вышла замуж родная тетка Конана Федосья Митрофановна, ее муж Филимон Григорьев был женат вторым браком, и в семье кроме дочери от первого брака, значился только годовалый сын. Желание закрепить часть земельного надела в руках родственного семейства в случае смерти прямых наследников, возможно,

послужило основанием для перехода малолетнего Конана в соседнюю деревню. В 1795 году Конан вернулся в деревню Зяблые Нивы». С. В. Воробьевой удалось выявить и родственно-семейные связи К. Савинова с другими сказителями, что очень важно, пишет она, «для понимания процессов сохранения и передачи традиционных культурных навыков в крестьянской среде». *(Воробьева, 2000. С. 51, 53, 54–55; также см.: № 176б нашего издания).*

175а. В. И. Чичеров в монографии «Школы сказителей Заонежья» (глава III – Школа Конона с Зяблых Нив) писал: «В сборнике Рыбникова и Гильфердинга напечатаны былины сказителей, воспринявших искусство сказывания от Конона: молодицы из Кижской Губы (имя неизвестно), Григория Васильева, старухи из Великой Губы (имя неизвестно), Андрея Иванова (Соколова?), Степаниды Кононовны Неклюдиной (дочери Конона), Домны Васьевны Суриковой, Николая Филипповича Дутикова. Кононовская традиция дожила до наших дней и выразилась в творчестве Настасьи Степановны Богдановой-Зиновьевой, Антона Борисовича и Егора Борисовича Суриковых, Михаила Степановича и Анны Николаевны Зиновьевых, Маланьи Нефедовны Севериковой и др. Записи от современных сказителей кононовской школы делались на протяжении ряда лет; наибольшее количество их было сделано во время московской и ленинградской экспедиций 1926–1828 гг. Традиция Конона с Зяблых Нив широко вышла за пределы семейных преданий и уже в этом отношении отличается от школы Т. Г. Рябинина. Другой характер носит и репертуар школы Конона. От самого Конона не было записано ни одной былины (он умер еще до ссылки П. Н. Рыбникова в Петрозаводск). Как и елустафьевский репертуар, репертуар Конона можно приблизительно восстановить по былинам его учеников. В его репертуар входят: „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, „Илья и Калин-царь“, „Илья и Идолище“, „Добрыня – сват“, „Добрыня и Алеша“, „Королевичи из Крякова“, „Дюк“, „Садко“, „Василий Буслаев“, „Соломон и Василий Окулович“, „Чурило и Катерина“, „Митрий Васильевич и Домна Александровна“, „Молодец и королевична“, „Василий и Софья“, „Иван Грозный и сын“, „Кострюк“, „Гришка Отрепьев“».

Сопоставляя репертуар и тексты сказителей кононовской школы с репертуаром Елустафьева и Т. Г. Рябинина, В. И. Чичеров считал, что «Первое поколение кононовской школы не дало творчески одаренных сказителей, подобно Т. Г. Рябинину, перерабатывающих воспринятую традицию. Все они в большей или меньшей мере точно следовали перенятым текстам. Наиболее талантливыми были Домна Васильевна Сурикова, от которой с исполнительской (но не творческой) точностью былины были восприняты ее сыновьями – Антоном и Егором, и Николай Филиппович Дутиков (в сб. П. Н. Рыбникова – Федотов). Одной из наименее одаренных сказительниц оказалась дочь Конона – Степанида Кононовна Неклюдина. Ее варианты, тем не менее, интересны, так как имеют параллельные тексты, спетые другими сказителями».

В заключение В. И. Чичеров пишет: «Кононовская традиция в искусстве мастеров-сказителей – Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и других – и в творчестве переосмысливающих текст сказителей типа Н. С. Богдановой-Зиновьевой в своей

основе оставалась незыблемой. Сюжеты из частной семейной жизни, темы чувств и переживаний человека продолжали в ней культивироваться в продолжение ряда десятилетий. Воинская былина менее привлекала сказителей этой школы, а редкие в их репертуаре богатырские былины кажутся захожими. Индивидуальное творчество сказителей, врываясь в традицию этой школы, не разрушало, а дополняло ее.

Изводы былин Конона с Зяблых Нив, распространяясь во второй половине XIX в., не подвергались в это время (по крайней мере по известным записям) творческой переработке. В конце XIX в. развертывается деятельность плачеи и сказительницы Н. С. Богдановой. Она сочетает свое индивидуальное творчество с устойчивой кононовской традицией, и прекрасные образцы народного искусства в ее редакциях воскресают и начинают жить вновь». *(Чичеров, 1982. С. 77, 78, 108).*

176. НЕКЛЮДИНА (ПИКАЛЕВА) СТЕПАНИДА КОНОНОВНА, дочь Конона Савиновича Неклюдина с Зяблых Нив, славившегося во всем околотке сказителя, о котором слыхал и г. Рыбников (см. Т. III, с. XXVIII). Ей лет под 50, она, как незамужняя дочь, живет на отцовской оседлости, на Зяблых Нивах у Конды, Сенногубской волости. Помнит она былины плохо, но когда слышала, как пели другие, именно Аксёнов, Сурикова и Дутиков, то нередко припоминала, как певал то или другое место ее отец, и их поправляла или дополняла. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 697).*

176а. Говоря о сказителях кононовской школы, В. И. Чичеров пишет в книге «Школы сказителей Заонежья»: «Одной из наименее одаренных сказительниц оказалась дочь Конона – Степанида Кононовна Неклюдина. Ее варианты тем не менее интересны, так как имеют параллельные тексты, спетые другими сказителями». А. Ф. Гильфердинг записал от нее три былины: «Иван Гостиный сын», «Королевичи из Крякова», «Птицы и звери». В. И. Чичеров «с целью установления кононовских традиций в поименованных сюжетах» провел «сопоставление названных былин» с вариантами Н. Ф. Дутикова, А. Иванова и В. Аксёнова. *(Чичеров, 1982. С. 78–80, 144–149).*

176б. В статье «К вопросу о семейной традиции сказительства: круг И. Андреева и К. Савинова» С. В. Воробьева на основании данных Национального Архива Республики Карелия пишет, что «фамилия „Неклюдина“, скорее всего, произошла от деревенского прозвища, так как Степанида, будучи незамужней, имела двух незаконнорожденных дочерей. В записи о смерти сказительницы указана ее подлинная фамилия „Пикалева“». *(Воробьева, 2000. С. 51, сноска № 5).*

177. НЕФЁДКИНА КЛАВДИЯ ПЕТРОВНА, 1924 г.р., родилась в д. Мягкая Сельга. В 1980 г. – год записи – 56-летняя Клавдия Петровна жила в д. Великая Губа. В. П. Кузнецова, Н. Ф. Онегина и А. Т. Пакконен записали от нее сказки, о свадебном обряде, о гадании. Сказки Клавдия Петровна переняла от своей матери. «У нас, – вспоминала она, – семья большая была – десять человек. Мы

кружева плели, вышивали, а мама сказки рассказывала, чтобы мы дольше сидели». А песни, как правило, исполнялись на беседах: «С понедельника до субботы все беседы были. Там пряли, кто вязал, и все время песни пели, всякие песни». *(АКНЦ 142/633, 636, 637).*

178. НИКИТИН ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ, 1893 г.р. Родился в д. Боярщина, позднее переехал в д. Пустой Берег. Муж Анны Дмитриевны Никитиной – дочери Д. А. Серова. Принимал участие в первой мировой войне 1914 г. Студенты МГУ О. Л. Свешникова и Е. А. Ремезова записали от него в 1956 г. приговоры дружки, которые он «слышал от Михаила Кириковича Рябинина». Петр Герасимович грамотный. *(АКНЦ 79/616).*

179. НИКИТИН ФЕДОР, крестьянин родом с Выгозера, лет около 45, высокий, статный, весьма приятной наружности. В молодости занимался портняжным мастерством и в то время выучился петь множество былин, преимущественно на поморье, в Кемском уезде, где часто бывал для работы; но он не мог припомнить, от кого именно он былины заимствовал. В последнее время он многое позабыл, особенно с тех пор как поступил на службу лесным стражником, потому что служба эта не дает ему досуга распевать былины. Живет он теперь на Карельском острову, верст 50 от Выгозерского погоста, но сохранил в родном селе участок земли и крестьянское хозяйство. Никитин поет очень приятным голосом и весьма складно. Некоторые из его былин были записаны для г. Рыбникова писарем местного исправника. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 861).*

179а. В заметке А. Е. Грузинского во 2-м издании «Песен» П. Н. Рыбникова читаем: «Федор Никитин, крестьянин Выгозерского погоста, Повенецкого уезда. Три былины с его именем помещены в IV том Рыбниковского собрания и в „Заметке“ о нем нет ни слова. Гильфердинг, записавший от Никитина восемь былин (в том числе и три Рыбниковские), сообщает, очевидно, со слов самого певца, что запись для Рыбникова была сделана писарем местного исправника. Из сведений, данных у Гильфердинга, интересен факт, что Никитин получил свой былинный запас не в Прионежьи, а на Поморьи, в Кемском уезде. Сравнение Рыбниковских записей с Гильфердинговскими обнаруживает заметное уменьшение объема каждой былины за небольшой период времени (менее десяти лет): все три былины содержали в 60-х гг. до 530 стихов, а в 70-х – лишь 440. Причина дана у Гильфердинга: должность лесного стражника лишила Никитина досуга и заставила его многое позабыть. Надо заметить, что такое уменьшение (его можно нередко наблюдать, сличая оба сборника) не бывает обыкновенно простым отпадением подробностей или целых эпизодов: наряду с сжатием одних мест наблюдается, наоборот, разрастание других, но в целой былине отлив преобладает над приливом. Так, в былине Никитина об Илье и Соловье (№ 110 Рыбн. = № 171 Гильф.) рассказ о том, как конь Ильи дважды пугается свиста Соловья, занимает у Рыбникова 10 стихов, у Гильфердинга – 25, но весь эпизод

с Соловьем у последнего короче почти на 40 стихов. Изучение всякого рода изменений одной и той же былины у одного и того же певца <…> могло бы, по-видимому, дать ряд не лишенных важности выводов.

В записи № 110 обращает на себя внимание в нескольких местах вполне произвольное (может быть, случайное) разделение одного стиха на два самостоятельных (напр., 80–81, 97–98, 99–100, 224–225, 333–334, 335–356 все эти 12 стихов должны быть слиты в 6)». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. II. С. 37).*

180. НИКИТИН ФОМА ЕГОРОВИЧ, 1847 г.р., д. Космозеро. В год записи (1926) Фоме Егоровичу было 79 лет. И. В. Карнаухова сообщает, что «он – неграмотный. Лесник. Сорок лет живет в сторожке в лесу. Записаны от него сказки во время случайного прихода его в село за солью». В примечании к сказке «Разбойник-купец» добавляет: «К сожалению, нам неизвестно, к какой среде принадлежит сказочник. Одно мы можем сказать с уверенностью, что он подвергся некоторому влиянию городской культуры. Об этом ясно говорят такие слова как „циммерманова шляпа“, „особняк“, „ломанеи“ и т. д.». *(Карнаухова, 1934. С. 386, 387).*

180а. В предисловии к сборнику И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» Ю. М. Соколов относит Ф. Е. Никитина к сказочникам – выразителям «бедняцких масс деревни», для которых «при всем разнообразии индивидуальных талантов, отличиях в темпераменте» характерным для бедняка был «подход к своим героям» и тяготение к «некоторым излюбленным сказочным темам». Сказочник либо «дает простор морализующей тенденции, – в осуждении эгоистического поведения богачей <…> либо сказочник-бедняк, в прямом контрасте с реальной действительностью, удовлетворяет свою классовую мечту сказкой, наделяя сказочного героя-бедняка или несчастливца в конце концов всяческой удачей и несметными „сказочными“ богатствами». *(Карнаухова, 1934. С. X).*

181. НИКИТИНА АЛЕКСАНДРА МАТВЕЕВНА, 1890 г.р. В год записи (1956) ей было 66 лет. Неграмотная. Родилась в д. Кургеницы, где жила до замужества. Замуж вышла в д. Боярщина, а после войны переехала в Петрозаводск, приезжая каждое лето в Боярщину. Работала всю жизнь в колхозе, со дня его основания и до отъезда в город. Сказок и былин Александра Матвеевна не знает. Раньше пела на свадьбах, кадрильные песни. Собирателям – студентам МГУ «с большим трудом удалось уговорить ее продиктовать четыре песни, петь она отказалась наотрез». *(АКНЦ 79/541).*

182. НИКИТИНА АННА ДМИТРИЕВНА, 1900 г.р. Грамотная. Дочь Дмитрия Алексеевича Серова, от которого в 1926 г. записывали былины участники экспедиции братьев Соколовых. В год записи (1956) Анне Дмитриевне было 56 лет, работала в колхозе «Ленинские искры». Былин отца она не помнит, но читала их в книжке. Собиратели – студенты МГУ О. Л. Свешникова и Е. А. Ремезова записали от нее обрядовую лирику, песни, романсы. Анна Дмитриевна – жена Петра

Герасимовича Никитина (см. № 178 нашего издания) из д. Пустой Берег. *(АКНЦ 79/588 нашего издания).*

183. НИКИФОРОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ, родился в 1869 г. в д. Линдома Типиницкого сельсовета Заонежского района. Всю жизнь занимался сельским хозяйством. В армии служил пять месяцев. Бывал несколько раз в Ленинграде, в Петрозаводске, в Повенце и в других небольших уездных городах. От Николая Федоровича в 1937 г. М. С. Архипов записал сказки, песни, приговоры дружки и другое. Учился сказывать и петь он во время праздников, а также в свободное время, где собиралась компания – там и слушал. *(АКНЦ 74/127; 122/39).*

184. НИКИФОРОВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА, с. Великая Губа. Родилась в Витебске, в Заонежье живет 30 лет. Ее знают как большую любительницу народной песни и очень сердечного и простого человека. Ксения Сергеевна выросла в детском доме. Сейчас она имеет свой дом, со всеми доброжелательная и приветливая. В 1981 г. с ней жила дочка, гостила внучка. Собирателей она приняла очень радушно, сразу согласилась исполнить песни. Репертуар Ксении Сергеевны состоит из романсов, самодеятельных песен, частушек. Исполняет песни с большим чувством. «Песенная традиция Заонежья, – отметили собиратели, – ею не воспринята». *(АКНЦ 148/1).*

Никифорова
Ксения Сергеевна

185. НИКОНОВА АГРИППИНА МАТВЕЕВНА – в 1932 г. 88-летняя колхозница-вдова д. Конновской Песчаного сельсовета Пудожского района. Раньше, по ее словам, знала много былин, которым научилась от стариков: «До сего ездили старики нищии, и переняла». Слыхала былины и из книг, сама же была неграмотная. Живя последние годы по зимам в Петрозаводске с внуками, она пела былины женщинам-соседкам. В деревне же, как она говорила, уже былин не слушали. Кроме записанных от нее былин, знала еще «рассказом» – «Бой Добрыни со Змеем», «Про вдовку-пашицу», «Двенадцать дочерей и сын» («Василий и Софья») и духовные стихи: «Егорий храбрый» («Мучения Егория»), «Алексей человек божий» и «Олисафия» («Егорий и Змей»). Агриппина Матвеевна знала еще старинные песни и волшебные сказки: «Аленький цветочек», про двух братьев, «как один поймал утку-золотые крылка – свое счастье», как купец отдал сына водяному, как гуси унесли братца и др., а также сказку про Еруслана Лазаревича.

Из ее родных в 1932 г. знал сказки сын Семен Семенович. Былин никто не знал. Былины А. М. Никоновой по своей композиции представляют традиционные прионежские типы. По общему своему характеру, тону, стилю показательны

для процесса приближения образа и языка к быту и речи северного крестьянства XIX–XX вв. *(Астахова, Т. II. С. 471).*

186. НОВОЖИЛОВА АЛЕКСАНДРА АНТИПОВНА, 1891 г.р. В 1944 г. – 53-летняя женщина, жила в д. Поля Типиницкого сельсовета. В молодости недолго была в работницах в Петрограде и Петрозаводске. 19-ти лет вышла замуж. С первым мужем прожила 8 лет. После 4-х лет вдовства вышла замуж второй раз. Со вторым мужем жила 19 лет. Было одиннадцать детей, в живых осталось четверо. Муж 15 лет ходил «на отхожие промысла» в Петрозаводск. У Александры Антиповны была сестра, которая погибла от осколка снаряда. Похоронена в п. Чална. В 1944 г. А. П. Разумова записала от нее плач, в котором она сетует о растерянной семье, о своих невзгодах. *(АКНЦ 75/91).*

187. НОВОЖИЛОВА ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА, 1900 г.р., грамотная. В 1944 г. (год записи) ей было 44 года, жила в д. Поля Типиницкого сельсовета. Первый раз вышла замуж очень рано, а через год умер муж. Семь лет вдовела. 25-ти лет вышла замуж вторично. Всех детей было одиннадцать, на момент записи в живых оставалось шестеро. Муж и два сына находились в армии, на фронте. От одного из сыновей вестей не было. Второй сын, шестнадцатилетний Николай, и дочь во время оккупации Заонежья работали в лагерях, а после освобождения сын ушел добровольцем в армию. А. П. Разумова записала от Евдокии Федоровны плач «при проводах сына». *(АКНЦ 75/90а).*

188. НОСОВА ФЕОДОСИЯ (ФЕДОСЬЯ) ГРИГОРЬЕВНА, д. Сычи Кижского сельсовета. Она – знаток старинных песен. В 1956 г. Федосья Григорьевна и ее подруги А. П. Васильева, К. Ф. и М. М. Бытовы составляли хор д. Сычи. Собиратели – студенты МГУ Л. Н. Гаврилова и В. М. Гацак записали, что сначала они стеснялись, но «так было до тех пор, пока речь не зашла о свадебных причетах и песнях. Очевидно, это их любимый репертуар». Женщины вспоминали молодость, рассказывали о своей свадьбе. «Когда пели свадебный причет невесты, Федосья Григорьевна даже всплакнула, вспомнив, как ее в 16 лет отдали за нелюбимого». Многое поведали о тяжелой доле молодой женщины. «Выдадут, да и живи, как знаешь». Муж часто после свадьбы на другой день уезжал в город. «С малым ребенком на руках отправлялась женщина отыскивать мужа, который даже не знал о рождении ребенка. Такой была судьба Федосьи Григорьевны. Кажется, это наложило отпечаток на ее характер: она всегда печальна, вспоминая прошлое, часто плачет». Несмотря на то, что замуж выдавали против воли, свадьбу вспоминали, как яркое событие в жизни. Живо, интересно рассказывали о грустных песнях невесты, веселых приговорах дружки, о нарядных костюмах, свадебных пирах, которые длились иногда целую неделю.

Кроме свадебных песен, в репертуаре женщин большое место занимали «ланцы и кадрили», а романсы не пели. *(АКНЦ 79/103).*

189. НУЖДИНА ВЕРА АНДРЕЕВНА, 1905 г.р., родилась в д. Корба Толвуйского сельсовета. В год записи (1983) Вере Андреевне было 78 лет, чувствовала

себя неважно (страдала высоким давлением), но к собирателям Н. Ф. Онегиной и А. Т. Пакконен отнеслась с пониманием: «не отправила восвояси». Она рассказала две сказки, байки, пословицы, спела балладную песню на сюжет «Жена мужа сгубила», частушки. Затем послала за своей подругой Анной Александровной Ковалкиной, и вместе они исполнили «досюльные» песни, свадебный причет. Среди соседей Вера Андреевна слыла певуньей. Мария Ивановна Ганькова (см. № 46 нашего издания) вспоминала: «За́крычит, за́поет, так сажа с потолка посыплется, та́ка голосиста». *(АКНЦ 160/30; 160/дневник. Л. 245, 246–247).*

Нуждина
Вера Андреевна

190. ОЛЬХИНА ФЕОДОСИЯ (ФЕДОСЬЯ) ИВАНОВНА (рожд. Корнилова из Курьяниц), 70 лет. Племянница Семена Корниловича Корнилова, от которого записывал Гильфердинг. По ее словам, дядюшка ее был «речистый», памятливый, грамотный, знал много. Когда сын Александра II, Николай Александрович, «был проездом в Ки́жах и списывал былины, то на Ки́жский на́волок были тогда свезены Трофим Григорьевич Рябинин, Василий Петрович Шевелев (Щеголенок) и дядюшка наш Семен Корнилович Корнилов. Я была тогда маленькой, лет десяти». Федосья Ивановна живет с мужем Иваном Ивановичем Ольхиным. Детей у них никогда не было. Хозяйство вели исправно. В их доме, в другой половине, живет их племянник, женатый на дочери Антона Борисовича Сурикова из Конды. Федосья Ивановна спела два отрывка былин, перенятые ею от дяди… *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 528).*

Омелина
Марфа
Васильевна

191. ОМЕЛИНА МАРФА ВАСИЛЬЕВНА, 1882 г.р. В год записи (1980) Марфе Васильевне было 98 лет, жила в д. Верховье Великогубского сельсовета. Росла без отца. Он, сказала, «погиб на Онеге». Братьев тоже не было. Занимались крестьянским трудом: вели свое хозяйство – «сеяли да пахали, маму слушали». Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова и А. Т. Пакконен записали от нее этнографический рассказ о Шуньге, Шуньгской ярмарке, о беседах и игрищах и другое. *(АКНЦ 142/549).*

192. ОРГИНА АНАСТАСИЯ ФЕДОРОВНА, 1900 г.р., г. Петрозаводск. С А. Ф. Оргиной как исполнительницей я <А. М. Астахова> познакомилась в 1926 г., когда на пароходе «Бабель», по дороге в Петрозаводск, она спела мне былину «Князь, княгиня, старицы». Тогда же она мне сообщила, что былину усвоила от старушки Акулины Васильевны Коломаевой из д. Большой Куга-Наволок на Водлозере, бывшего Пудожского уезда, откуда родом и сама Оргина. Старушка знала много «ста́рин» и сказок. Причем былины от нее никто, по словам Оргиной, не усвоил, кроме самой Анастасии Федоровны. Умерла А. В. Коломаева в 1924 г. А. Ф. Оргиной было в 1926 г. 26 лет.

В 1932 г. с Оргиной встретились М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина в д. Деригузово, где муж ее был председателем райисполкома Заонежья. Им она передала былину о Добрыне и Алеше, записанную от той же А. В. Коломаевой. Оба текста говорят о том, что Коломаева была сказительницей с большим художественным дарованием. Кроме того, Коломаева насыщала свои былины социальным содержанием. Как своеобразная черта выделяется ее любовь к концовкам с моралью.

Что касается Оргиной, то в ее лице мы видим талантливую исполнительницу с большим поэтическим чутьем и вкусом, которая прекрасно усвоила былины и художественно их передавала. *(Астахова, Т. II. С. 432).*

193. ОРЕХОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ, 42 лет, – рыбак, д. Сибово. Он постоянно уезжает на целые недели рыбачить с артелью. Известно, что лучшее время и место для рассказывания сказок – это артельная тоня. Тоню ведут в очередь, поэтому всегда часть рыбаков бывает свободна. Единственное, что может занять досуг, – это рассказы. Тут-то и выступает на сцену сказка. Рыбная ловля, так же, как лесные промыслы, способствует обмену репертуаром и расширению его у отдельных сказочников.

Орехов славится как сказочник среди рыбаков и крестьян Сибово. Поэтому, несмотря на то, что в его семье нет взрослых дочерей, почти все малые и большие девичьи беседы происходят в избе Орехова. Хозяин привлекает к себе молодежь умением рассказывать. Хорошо грамотный, Орехов предпочитает сказки, прочитанные им в книгах: «Бову», «Еруслана», «Лорда-Милорда». «Бабьи сказки не любит, говорит: „Бабы – вереницы (путаницы), а в книгах былины, у вас в городе книги люди читают, а у нас вместо книг сказку умную если послушать, и то развитие будет“».

Орехов бывал в городе, и в сказках он с видимым удовольствием останавливается на подробностях городского быта, на словах вроде «министры», «сенаторы» и т. д. Побывав в царское время в солдатах, он с особенным сочувствием относится к своему герою-солдату, но природное добродушие сказочника заставляет отпустить царя-мучителя, только сказав ему: «да не издевайся больше над нашим братом-солдатом».

Рассказывает Орехов деловито, спокойно и всегда за работой – он или плетет сети, или строгает поплавки, или готовит наживку. *(Карнаухова, 1934. С. 393).*

194. ОСИПОВА АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА, 1913 г.р., д. Берег (рядом с Падмозером). Деревня стоит на самом берегу, живут в ней только пожилые люди. Александра Егоровна родилась в д. Гавриловская, в год записи (1983) ей исполнилось 70 лет. Александра Егоровна оказалась очень доброжелательной, разговорчивой, жила одна, собирателя В. П. Кузнецову встретила приветливо. Охотно согласилась исполнить свадебные песни, часть из них спела вместе со своей подругой Анастасией Павловной Осиповой (см. № 195 нашего издания), вспомнила небылицы, которые рассказывала внучатам, сказки, былички и другое. *(АКНЦ 164/1).*

Осипова
Александра Егоровна

Осипова
Анастасия Павловна

195. ОСИПОВА АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА, 1903 г.р., д. Берег. В год записи ей было 80 лет. Родилась Анастасия Павловна в д. Онежины Паяницкого сельсовета. Она – соседка А. Е. Осиповой (см. № 194 нашего издания). Три песни и романс они спели дуэтом. Собиратель В. П. Кузнецова отметила, что «Александра Егоровна немного фальшивит, а у Анастасии Павловны совсем старческий голос». Однако оказалось, что А. П. Осипова помнит некоторые свадебные причитания: два из них она исполнила «очень хорошо», и похоронное. К сожалению, записи последнего в архиве не обнаружено. *(АКНЦ 164/1, 309 – дневник).*

196. ОСОВА ДАРЬЯ ИВАНОВНА, 1876 г.р. В 1944 г. (год записи) Дарье Ивановне было 68 лет, жила в д. Емичевская (Загубье) Толвуйского сельсовета. Неграмотная. Было трое детей: два сына и дочь. Дочь умерла давно – двадцатипятилетней. Один из сыновей погиб на фронте в ВОВ, осталось четверо детей. Другой сын воевал на фронте. Она жила одна у знакомых на квартире. Полтора года находилась в лагере № 7 г. Петрозаводска. После освобождения из лагеря при первой же возможности вернулась в родную деревню. Из двадцати пяти домов в деревне двадцать во время оккупации были полностью разрушены. Не нашла своего дома и Дарья Ивановна. «Пришла к тому месту, где стояло хоромное строеньице, – говорила Дарья Ивановна собирателю, – села на катуче бревешечко, вспомнила, как скиталась по лагерям, вспомнила о хоромине и завопила». А. П. Разумова записала от нее два плача «при ожидании встречи с сыном» и «по растерянной семье». *(АКНЦ 75/186, 76/89).*

197. ПАВЛОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА, 1900 (1901) г.р., с. Сенная Губа. Это очень милая, приятная, энергичная женщина, записали собиратели – студенты МГУ. Родилась Анастасия Андреевна и всю жизнь прожила в Сенной Губе, очень хорошо знает данную местность. Собирателям не пришлось долго упрашивать ее спеть те песни, которые она помнила. Но сначала она отказывалась петь, ссылаясь на свои «преклонные» годы и плохой голос, и только на другой день «рискнула» спеть. Песни свои она переняла от «тутошних» жителей и знает то же самое, что поют, по ее словам, и в книжках. Анастасия Андреевна любит и знает много плясовых песен – кадрили, ланцы. Некоторые песни она вспоминала с помощью А. Н. Кайкиной, часть песен исполняла вместе с Д. Т. Мартыновой и С. Суриковой. Женщины рассказывали собирателям, что «в их деревне раньше были очень популярны старые песни». Однако в войну «в концлагерях погибли многие знатоки старинного репертуара, ряд песен был забыт». Но и сейчас, записали собиратели, «еще многие, в том числе и названные выше исполнительницы, хорошо знают ланцы, кадрили, свадебные песни, песни о женской доле. Поют они и частушки как старые, так и новые». *(АКНЦ 79/127, 545; также см. № 86, 148, 264 нашего издания).*

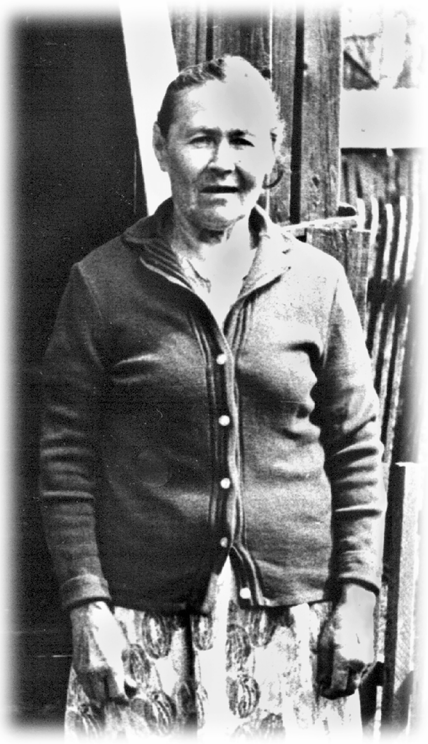
198. ПАВЛОВА ИРИНА НИКИТИЧНА, 1897 г.р., д. Батово Паяницкого сельсовета. У нее было 7 детей, в живых осталось 6. Во время оккупации одна из дочерей жила в Беломорске, другая находилась в концлагере в Петрозаводске. Сама Ирина Никитична с тремя детьми выселялась из Батово. Хозяйство все разорили, дом разрушили, муж умер. После освобождения Заонежья с причетью встречала свою дочь из лагеря. В плаче рассказала о пережитом за годы разлуки.

А. П. Разумова записала от нее в 1944 г. два плача. *(АКНЦ 75/65).*

199. ПАДОРИНА (ПОДОРИНА) ЕКАТЕРИНА, 1908 (1907) г.р. В 1944 г. она жила в д. Крохино Великонивского сельсовета, куда была эвакуирована. Собиратели встретились с ней случайно. Идя мимо кладбища, они услышали вопы. Среди деревянных крестов они увидели припавшую к могиле вопленицу, которая оплакивала свое «рожёно дитятко». Сын – Титов Миша – родился в 1940 г., а умер 28 марта 1944 г. Рядом с могилой сына находилась могила ее сестры. Падорина рассказала, что у сестры была дочь, которая погибла в партизанском отряде, а ее муж утонул еще до войны. У них остался мальчик пяти лет, которого взяла на воспитание Е. Падорина. Причитывать она училась у своей сестры. «Вот теперь и плачу о всех сразу», сказала В. Г. Базанову и А. П. Разумовой, когда те, сидя на соседней могиле, пытались записать плач. *(АКНЦ 75/17; Базанов, 1945. С. 17).*

200. ПАЛТУСОВА АННА ИВАНОВНА, 1914 г.р., родилась в п. Ламбасручей Великогубского сельсовета. Малограмотная. Русская. Родители – Марфа Михеевна и Иван Егорович Коноваловы. Мать до замужества жила в д. Ватнаволок Кондопожского района. Оттуда регулярно ездили в Заонежье, роднились. Отец Анны Ивановны рос в большой семье. Дедушка по отцу жил с семьей брата; был дважды женат, имел девятнадцать детей. Когда родилась Анна Ивановна, семья состояла из 20 человек. В доме было 4 зыбки. Бабушка нянчилась с детьми. «Тую покачае-покачае, попутно идет, всех покачает, и к печке идет, там пекет что-ни. Как они встанут, вынесет на улицу, одеяло расправит како-ни, домотканы тогда. Всех положит на одеяло. И вот в окошко поглядит, нету ни собак, ни о́вец, опять что-ни дома делает». У Анны Ивановны было две сестры и брат. Двоюродных братьев и сестер не счесть, многие жили в Ленинграде. «Как летом приедут с Ленинграда, целая свадьба. Сядут за стол – ой, стол такой длинный был длинный».

В школу Палтусова ходила один месяц по вечерам. А как сестренки-то стали учиться, она «промеж у́ма тут же научилась». Когда сыновья ушли в армию, сама писала им письма и читала от них. В родительском доме вели натуральное хозяйство. Жили бедно, но корова и лошадь были. Сажали картошку, сеяли рожь, овес, ячмень, репу. Не рыбачили, сеток не вязали. Замуж Анна Ивановна вышла в д. Янгозеро Кондопожского района. Муж погиб в финскую войну. В двадцать четыре года она осталась вдовой с четырьмя детьми. В живых осталось трое. До войны работала в колхозе, в войну эвакуировалась в Пудож. Там ничего у нас не было. С раннего утра до позднего вечера работали в совхозе. После освобождения Заонежья переехала с детьми к родителям и осталась здесь. Здесь было производство, рассказывала Анна Ивановна, лесопункт, лесохимартель, легче было жить.

Палтусова Анна Ивановна

Анна Ивановна – замечательная сказочница. В разные годы сотрудники ИЯЛИ записали от нее 23 сказки, которые она усвоила от своей мамы. Мать была неграмотной, знала очень много сказок и очень любила их рассказывать, «чтобы мы не шли бы по улицы зябнуть, ведь одежи-то не было. А нас было четверо, одны сапоги на четверых. Которой пришел, тот одевает, а тот завалится на печку». Мать говорила: «Сядьте, делайте чтони, а я сказки рассказывать буду». «Сама прядет и рассказывает нам. Мы сидим, делаем, слу́хаем. Я много сказок запомнила».

В деревне про Анну Ивановну говорили так: «Палтусова все знает!». Считают, что она умеет колдовать. Однако более подробных сведений об этом от Анны Ивановны не удалось собирателям выяснить. Очевидно, она знакома с магией, связанной с домашним скотом, так как было замечено, что к «своему хозяйству она относится с величайшей ответственностью». Палтусова хорошо знала и исполняла как свадебные, так и похоронные причитания. Организовала свадьбу племянницы, на которой причитывала. Вместе с Т. Ф. Алешиной и М. И. Кирьяновой Анна Ивановна еще в 1981 г. ходили на свадьбы и пели свадебные песни. *(АКНЦ 142/141; 147/2, 11, 17; 148/1; 162/10а).*

201. ПАНОВА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА, 1864 г.р., д. Падмозеро Паяницкого сельсовета. Во время оккупации Заонежья выселялась восемь раз в разные места. Дом в родной деревне разрушили. Умерло семь детей. В 1944 г. (год записи) Анастасии Михайловне было 80 лет, воспитывала внука – сына дочки. Разговорившись о своем житье с собирателями В. Г. Базановым и А. П. Разумовой, она сказала: «У бабушки горя-то, как моря», а затем исполнила причеть «о хоромном строеньице» и плач «по умершему сыну». *(АКНЦ 75/58).*

202. ПАНОВА КЛАВДИЯ ИВАНОВНА, 1913 г.р., родилась в д. Падмозеро. В год записи (1983) ей было 70 лет. В. П. Кузнецова записала, что «долго беседовала с ней о свадебном обряде. Причитания и песни исполнять не может из-за плохого самочувствия, но очень толковая рассказчица». В разговоре выяснилась и свадебная терминология: «брюдги – девушки и женщины, все в поезде жениха; дружки – днем (до венчания) – мужчины от жениха (у кого сколько, от одного до четырех). Их узнавали по полотенцу и бантикам. Шафера – все мужчины в поезде жениха. Приста́вницы – вся родня от невесты, женщины. Ро́жники – все мужчины

от невесты». Клавдия Ивановна объяснила, когда на свадьбе девушки занимали стол, пели песни: «Я не знала, я не ведала», «Ты река ли моя реченька», «Ди́вья-ро́здивья тому на свете жить». Девушкам за исполнение песен давали деньги. А когда невеста садилась за стол, исполняли песни «Кто у нас хороший», «У стола, стола, дубового стола». Когда же ездили за невестой, пели: «Во тумане», «Хоть-то работливаё», «На проход прошли наши веселые важные деньки».

И еще Клавдия Ивановна сказала, что «наши песни лучше всех были, а в других местах хуже пели, там за Толвуей. <…> На работе песнями заливались, горбушами по сорок соток скашивали. Жали серпами внаклонку. Хлеба было поу́но, рожь, овес, ячмень». *(АКНЦ 164/1).*

203. ПАНФИЛОВА АННА МИХАЙЛОВНА, 1899 г.р., родилась в д. Шильтя (17 км от Великой Губы), русская, неграмотная. Деревня была бо́льшая, хозяйственна, богата, имелась мельница, рассказывала Анна Михайловна. Помнила праздники: «Варла́мея Преподобного на Палтеге, Успенья Пресвятая Богородица в Типеницах в августе, Ильин день на Великой Губе – заветный праздник, набожный праздник, праздновали». Но годы были очень тяжелые, голодные, говорила собирателям – студентам ПГУ А. М. Панфилова. «Ро́бят у матери было много. Не до учебы было. Неграмотная нисколько и расписаться не умею. Маленьки были, дак бегали. А бо́льши стали, так стали шить. Шили пя́ты, полотенца, подолы, крестиками шили. Полотенце широ́ко, и два петуха по краям. Раньше знали шить. Родители в хозяйстве занимались, рыбу ловили – озеро было рыбно». Чтобы «ку́сок выменять, ро́бят накормить, картошки накупить», Анна Михайловна каждый день с кошелем рыбы за спиной и двумя корзинками в руках ходила по деревням, меняла рыбу на другие продукты.

В 1918 г. она вышла замуж за местного парня – Александра Тихоновича Панфилова. Замуж вышла по любви, он не пил, не курил, много работал. Долго жили в семье родителей мужа. Семья была маленькая: мать, отец и дочь. Свадьбу играли по-старинному, венчались. Хозяйкой в доме была свекровь. Потом завели свое хозяйство: было две лошади, пять коров. После войны переехали в Великую Губу. Муж воевал, умер, сказала Анна Михайловна, «от тяжелой работы». Было «во́сьмеро ро́бят», после смерти мужа осталась «с пятерыми нетрудоспособными на руках», которые выжили: три дочери и два сына. После организации коллективных хозяйств работала в колхозе. *(АКНЦ 161/235).*

204. ПАСТУХОВА ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА и **Макарова Прасковья**, крестьянки дер. Горка в Чорге-Губе, лет под 30, поют на посиделках былины и разные духовные стихи, которым выучились от родителей. Былины пелись ими хором вместе с крестьянкою девушкою, сестрою Пастуховой. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 845).*

205. ПАХОМОВА МАРИЯ ИВАНОВНА, 1910 г.р., малограмотная, русская из д. Коровниково. Деревня была большая, рассказывала Мария Ивановна, с церковью, позднее сгоревшей. Справляли церковные праздники – Вознесенье, Михайлов день и другие. Было много молодежи, собирались на беседы, «танцевали кадриль, ланцы». Работали на лесозаготовках, на сплаве. В 1932 г. организовали

колхоз. В семнадцать лет Мария Ивановна вышла замуж за местного парня из этой же деревни. У свекрови было семь сыновей, два из них погибли на войне. Воевал и муж Марии Ивановны, был ранен и три года лежал в госпитале. Сама она находилась во время оккупации Заонежья в Медвежьегорске, жили «как селедки в бочке». В школу Мария Ивановна «маленько ходила». В 1983 г. от нее записывали студенты ПГУ. *(АКНЦ 161/470).*

206. ПАШОВА МАТРЕНА КУЗЬМИНИЧНА, крестьянка деревни Обозеро (Озерки), вдова 49 лет. Ее муж и сын погибли в первой мировой войне. Пашова, когда поет, то, вспоминая их, часто всхлипывает. Особенно заметно это при исполнении ею былин о Добрыне, в том месте, где описывается, как мать Добрыни дожидается его с чиста поля.

О спетых М. К. Пашовой вариантах былин «Василий и Софья» и «Братья разбойники и сестра» см. в примечаниях <указанного ниже издания>. *(Соколов Ю. /Соколов, Чичеров, 1948. С. 629).*

206а. От Матрены Кузьминичны Пашовой, крестьянки д. Обозеро Сенногубского сельсовета, впервые была произведена запись экспедицией ГАХН в 1926 г. <…>. Публикуемые тексты (Астахова, Т. II) – записи 1932 г. Записаны те же сюжеты, что и в 1926 г., за исключением былины о Добрыне и Алеше Поповиче, про нее исполнительница и не вспомнила, и не назвала ее среди другого известного ей материала, зарегистрированного собирательницами. В 1932 г. Матрене Кузьминичне было 54 года. Она вдовела уже несколько лет. Дети ее были все взрослые. Жила чисто, с достатком. На собирательниц произвела впечатление веселой, приветливой и сердечной женщины, любящей побалагурить. Пашова – неграмотная, бывала в Петрозаводске.

Былины она переняла от свекрови, неграмотной крестьянки. М. К. Пашова очень любила былины, верила в действительность изображенного в них и частенько пела их за работой. Но исполняла уже не вполне уверенно. Употребляла термин «былина». Тексты Пашовой отличаются разработанностью отдельных эпизодов, полнотой и своеобразием. Заметна тенденция к усилению трагических моментов и к включению реально-бытовых деталей вплоть до отражения нового быта и современной лексики: так, в балладе о насильственном пострижении отец хочет «подавать тилиграмму», чтобы вызвать жениха-князя.

Кроме былин, Пашова знала духовные стихи (экспедицией ГАХН в 1926 г. записаны стихи про Егория – «Егорий и Елисафия» – и стих об иноке), свадебные и другие старинные песни, несколько сказок. В семье Пашовой в 1932 г. никто, кроме нее, былин не знал. *(Астахова, Т. II. С. 147; также см.: Чичеров, 1982. С. 101–102 – о близости былин М. К. Пашовой с текстами Н. С. Богдановой-Зиновьевой).*

207. ПЕТИКОВА МАРИЯ ДАНИЛОВНА, 1868 г.р., из д. Конда. В год записи (1931) Марии Даниловне было 63 г. Она сообщила собирателям, что в свое время была староверкой. Родом она из большой семьи Ломтевых, в которой жили вместе с семьями четыре брата. Когда умер отец братьев, управление хозяйством перешло старшему брату. На семнадцатом году Марью Даниловну насильно выда-

ли замуж за Петикова Кузьму Симоновича. Собиратели записали от нее о случаях порчи свадьбы, о которых ей рассказывала ее бабушка, и другие сведения. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 94. Л. 25; Р. VI. Оп. 1. № 74. Л. 22).*

208. ПОЗНЯКОВА (ПОЗДНЯКОВА) АЛЕКСАНДРА, 1914 г.р., д. Космозеро. <В 1926 г. – год записи – ей было 12 лет>. Она – старшая дочь в бедняцкой семье. Школьница, но в школу ходит с перерывами – то надо работать, то нет обуви, то нянчит у чужих людей. С восьми лет служит по чужим избам нянькой. Девочка худая, замореннная, оборванная. Знает много потешек и побасенок, которыми забавляет своих питомцев. Девочка грубовата, резка, но жива и остроумна. У нее большое стремление к непристойным анекдотам и сказкам, причем их она рассказывает, особенно выпячивая скользкие места и нарочно грубо оперируя специфической терминологией (что среди девочек очень редко). В ней, безусловно, есть большая озлобленность, вызванная ее вечным скитанием по чужим людям, которая выражается в желании заставить слушателя (и в данном случае и собирателя) смутиться. Большинство ее сказок совершенно неудобно для печатания. Между прочим, Познякова всегда собирает вокруг себя значительную аудиторию таких же девочек-подростков, которые хихикают, конфузятся, но слушают с видимым интересом. Сказку <«Пых»> она рассказывала девочке трех лет, которую она пестовала, причем у Позняковой было явное желание напугать ребенка. Для этого она громовым голосом, делая зверское лицо, передавала речь Пыхтелки («Это не Манька ли… не съесть ли мне ее»). В конце концов ребенок расплакался. Тогда пришел благополучный конец, и сейчас же начались уговоры ребенка.

Рассказывает она, очень энергично тонируя и великолепно подавая действующих лиц, причем изображает живых людей и настолько хорошо, что слушательницы узнают, кого они имеют в виду. Так, в сказке <«Ленивая баба»> она передразнивала одну семью. Девочки узнали и сейчас же зашептали: «Это Аниска кривая, Аниска…». Сказки ее обычно (см. «Ленивая жена») кончаются прямой речью, в которую всегда вкладывается анекдотическая соль рассказа. *(Карнаухова, 1934. С. 385).*

209. ПОПОВА АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬЯ) АФАНАСЬЕВНА, молодуха-крестьянка лет 25-ти, на Масельге, слышала былины от своей матери, удержала в памяти только одну про Василия Буслаева да старинку, про двух любовников. Кроме того, она пела хором с Абрамом Евтихиевым старину про девять братьев разбойников и сестру, ими полоненную. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 152).*

210. ПОРОЖСКАЯ АННА ЕГОРОВНА, 1867 г.р. В год записи (1944) ей было 77 лет, жила с дочерью в д. Пороги Великонивского сельсовета. Муж умер за год до ВОВ. Было десять детей. Теперь, сказала Анна Егоровна собирателю А. П. Разумовой, «ницегошки нет». Один из внуков находился в армии, был призван за два года до войны. Второй, 17-ти лет, во время оккупации Заонежья сидел в лагере, после освобождения пошел добровольцем на фронт. Анна Егоровна часто ходила на могилу мужа, причитывала о растерянной семье, о тяжелой доле своей и внука, сидевшего в лагере. *(АКНЦ 75/8).*

Потапова Анна Егоровна

211. ПОТАПОВА АННА ЕГОРОВНА, 1887 г.р., д. Сенная Губа. С 2-х лет Анна Егоровна росла сиротой. Был брат, которого в девять лет отвезли учиться в Петербург и о котором она ничего с тех пор не знала. До 19-ти лет жила в Ежгубе, затем вышла замуж в Сенную Губу. Замужество длилось полгода, муж уехал в Петрозаводск и вскоре скончался там. Единственная дочь умерла двухгодовалой. Своего хозяйства и дома Анна Егоровна не имела. Жила очень трудно. С малых лет Анна Егоровна батрачила у зажиточных крестьян: вела их домашнее хозяйство, ухаживала за скотом, стряпала, косила, жала, молотила, нянчилась с детьми. Получала очень мало. Как только организовали колхоз, первая вступила в него и очень хорошо и добросовестно работала. В 1931 г. студенты ЛИЛИ записали от Анны Егоровны песни, заговоры, материалы о народной медицине, о верованиях. *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 75, запись от 16 августа; Р. VI. Оп. 1. № 93. Л. 21–23).*

212. ПРОХОРОВ ПЕТР, крестьянин-слепец из дер. Черный Наволок у Тамбицы, 45-ти лет, пропитывается частью с небольшого участка земли, ему предоставленного миром, частью мирским подаянием. Рассказывал, что петь былины научился от захожих каргополов, бывающих в Заонежье. Поет довольно складно, хотя и не выдерживает размера, и иные стихи у него как бы обрываются. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 190; также см.: Чичеров, 1982. С. 110, 111, 171: сопоставление былин о «Ваське-пьянице», «Михайло и Потык» П. Прохорова, А. К. Фоминой, П. Калинина и А. Тимофеева).*

213. ПРОХОРОВА МАТРЕНА АНДРЕЕВНА, 1900 г.р., родилась в д. Бураково Пудожского района. Дед ее Михаил Федорович Дешагулин очень хорошо пел всякие стихи, старины. Матрена Андреевна долго их помнила, но, как она сказала, «надо было махать, пахать, скотину гнать с пожити, не до прибаутки было и все забылось». Михаил Федорович пел старины во время работы, на посиделках, на храмовых праздниках. Ему платили по 2–5 копеек за исполнение былины, «подавали», как сказала Матрена Андреевна. Жил он бедно, нищенствовал, так в бедности и умер.

Матрена Андреевна рано осиротела. Ее отец умер, когда ей еще не исполнилось 14-ти лет. Она осталась старшей из детей. Надо было искать заработок. За 5 руб. батрачила у «деревенских богатеев». «С Пасхи до загодня» нянчила ребят. Была в работницах у попа: за 15 руб. в год «стирала, мыла и прибирала, ухаживала за скотиной». Четыре года жила в Петрозаводске: «прислуживала строгой, престрогой барыне», которая «никуда ее не пускала»; работала в училище.

После революции уехала в деревню и вышла замуж. Через год муж ушел на войну и попал в Польше в плен. После возвращения домой работал в колхозе, она на скотном дворе. В 1938 г. мужа забрали. Во время оккупации Заонежья она с детьми сидела в концлагере в г. Петрозаводске. После освобождения вернулась в деревню и вновь работала на скотном дворе. Работу очень любила: даже по ночам ходила смотреть, сыты ли животные, чисто ли у них.

В 1931 г. Матрене Андреевне было 56 лет, в колхозе не работала, но очень скучала по работе. Собиратели пишут, что выглядела «она гораздо старше своих лет, сгорблена, глаза всегда грустные, без улыбки». Жила у сына и целыми днями нянчилась с внуками. Записывать от нее было очень трудно, так как внуки постоянно мешали, бегали, падали, плакали, дрались. При записи двое собирателей записывали, а третья нянчилась и успокаивала ребят. Внуки постоянно отвлекали мысли и внимание Матрены Андреевны, и ей было очень трудно вспомнить слова песен. Песни она пела, и даже общие места в сказках исполняла речитативом. Репертуар ее богатый. Записаны сказки, духовные стихи, разные песни, романсы, частушки. Некоторые песни переняла от своей бабушки. Деревня раньше была большая, говорила Матрена Андреевна, гармошки не было, и все плясали под песни. *(АКНЦ 79/366).*

214. ПУДИНА АННА ПАВЛОВНА, 1889 г.р. В 1944 г. ей было 55 лет, жила в д. Петрово Кузарандского сельсовета. Детей не было. В молодости, сказала, помнила много вопов, но «пошли года нехорошие, и я все забыла, а сочинить сразу не могу». По ее словам, отец знал старины, много поговорок и пословиц, пел песни. А. П. Разумова записала от нее отрывок плача по матери. Исполнив, сказала, что «больше не помню, так же плачу на могиле и по отцу». *(АКНЦ 75/160).*

215. РАЖИКОВА ПЕЛАГЕЯ ЗАХАРОВНА, 1888 г.р. В 1937 г. (год записи) – 49-летняя колхозница, грамотная, жила в д. Клементьевская Сенногубского сельсовета. По ее словам, причитывать научилась на свадьбах. Сама причитывала на собственной свадьбе. М. М. Михайлов записал от Пелагеи Захаровны один похоронный и шесть свадебных плачей. Кроме причетов, она знала много протяжных песен. *(АКНЦ 74/50, 56).*

216. РАЗБИВНАЯ КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА, дочь известного сказителя Василия Петровича Щеголенка. Вдова. Одинокая. Сама ведет хозяйство. Живет в избушке на краю дер. Мальково. Знает причети и нередко исполняет роль плакуши-подголосницы. Бодрая, живая старуха. Кроме исполненных нам былин, исторических песен и духовных стихов, Ксения Васильевна знала раньше от отца Илью Муромца и Соловья, Добрыню (сюжет Ставра) и «про птиц»; теперь их настолько забыла, что, несмотря на просьбу, не решилась их петь.

О вариантах песен «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Платов» и отрывке из песни о смерти Александра I, спетых К. В. Разбивной, см. в примечаниях <нижеуказанного издания>. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 628; также см.: Елисееву И. В. – № 64, 64а, 64б нашего издания).*

217. РОГОЗИНА (РАГОЗИНА, РОГОЖИНА) МАЛАНЬЯ ПАВЛОВНА, 1884 г.р., д. Маталово Сенногубского сельсовета. Грамотная. В 1937 г. – 53-летняя колхозница. М. М. Михайлов писал: «Былины поняла от отца Семенова Павла Семеновича, крупного былинного сказителя. Сказительница знает кроме записанных <двух баллад> с небольшими пропусками былину о Добрыне Никитиче, былину о Илье Муромце и др. Знает духовные стихи (два), много причитаний, особенно свадебных. Былины пела на беседах, еще в девушках. Сказок знает мало». *(АКНЦ 74/48; также см. № 242 нашего издания).*

217а. Рогозина (Рагозина, Рогожина) Маланья Павловна, в 1956 г. – 72-х лет. Студенты МГУ записали от Маланьи Павловны в указанном году баллады, свадебные причитания, разного рода песни. Кроме того, они узнали, что летом сказительница «живет в Маталове, а зимой в Петрозаводске у своего зятя. Во время ВОВ она находилась в эвакуации, а после стала жить на два дома. „Трудно одной зимой-то", – сказала собирателям. В Маталово вышла замуж. Училась она, не отходя от люльки: „Мне учителя на дом задание дают, а я им приносила выполненное. Учила и люльку качала"». Маланья Павловна переняла былины от своего отца Павла Семеновича Семенова, который, по ее словам, знал около сорока. Собиратели отметили, что она знала уже не все былины отца, да и забыла те, которые переняла. Три былины помнила полностью, а остальные вспоминала с большим трудом, путалась. При повторном исполнении изменяла текст. Хорошо помнила свадьбу и охотно исполняла причет «Песен, – говорила Рогозина, – знаю много, больше ста бы напела, да едак сразу-то все разве упомнишь». Кроме того, Маланья Павловна сказала слова шестерки, танца, который был до кадрили. *(АКНЦ 79/Т. I. Л. 35).*

218. РОГОЗИНА (РАГОЗИНА) МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 1910 г.р., д. Деригузово. Из статьи И. Карнауховой «Сказочники и сказка в Заонежье»: «Совершенно своеобразный тип представляет собой девушка д. Деригузово Шуньгской волости, *Маруся Рагозина*, 16 лет. Она простая крестьянская девушка, но и внешний облик ее, и вся ее жизнь не имеет ничего общего с деревенским бытом. В 16 лет это – хрупкая маленькая девочка, никогда не знавшая крестьянской работы. Живет она в комнате, как в городских мещанских домах. Родители ее были довольно состоятельные люди, а девочка с детства болела острым малокровием и туберкулезом ноги. Они не заставляли ее работать и не понуждали ходить в школу. И она росла в полном одиночестве, не сходилась с деревенскими ребятами, совсем отбилась от деревенской жизни. Сама выучилась чтению, читала Золя, Пинкертона, Пушкина и Гоголя. От отца у нее осталась библиотечка марксовских изданий, которая ей служит. Отец ее умер, мать осталась без поддержки, она простая деревенская баба, работает, как вол, чтобы поддержать дочь и 9-летнего сына.

Оторвавшаяся от своей среды, но замкнутая в ней, девушка производит впечатление обреченной. Не имея возможности из-за болезни поддерживать отношения со своими сверстниками, она знакомится и дружит со старушками, ходит в Шуньга-бор, в великом посту слушает стихи и, обладая большой музыкальностью, запо-

минает их. Дома она постоянно напевает про себя духовные стихи. Сейчас, когда духовные стихи забываются и хранятся только в памяти немногочисленных стариков, когда молодежь знает их только понаслышке, эта девочка, обладающая большим запасом духовных стихов и постоянно поющая их для себя, – редкий и интересный факт.

Рогозина Мария Васильевна

К сожалению, мне удалось записать от нее только три сказки, но в двух из них она применяет интересный прием *введения в сказку другого народного поэтического жанра.* В первую сказку <про „Горюшко“> она вводит причитание, причем посреди эпически спокойного рассказа начинает причитывать „голосом“ на хороший старинный напев похоронных плачей. <…>. Во второй сказке – „Про Игральницу-грезу“ – рассказывается, как мать решила заговорить нечистую силу, посещавшую ее сына, под видом любимой девушки. Она взяла „девять пачек иголок, да понатыкала от порога до кро́вати острым ко́нцом вверх, приговаривая: <далее идет текст заговора>. Больше нам такого приема внедрения других жанров в сказку встречать не приходилось“.

За исключением вышеуказанных моментов, рассказывает Рагозина ровным, спокойным, эпическим тоном». *(Карнаухова, 1927. С. 113).*

218а. Рогозина (Рагозина) Мария Васильевна, 16 лет, д. Деригузово. Внешний облик и вся жизнь Маруси Рагозиной имеет мало общего с деревенским бытьем. В шестнадцать лет эта хрупкая девочка, почти ребенок. Рагозина с детства страдает костным туберкулезом и острым малокровием. Поэтому мать всячески оберегает ее от домашней работы. Даже в школе девочка не училась. Отец Рагозиной был волостным писарем, так что девочка принадлежала к кругу деревенской интеллигенции. Семья землей не занималась, только после смерти мужа вдова Рагозина стала крестьянствовать, но девочку в работу не втягивает, всячески старается создать ей спокойную, «чистую жизнь». Кое-что Маруся зарабатывает сама вышиванием и вязанием. Сначала несколько обособленное социальное положение, затем болезнь, невозможность принимать участие в труде и заботах своих сверстников – сделали жизнь девочки очень одинокой. Она живет замкнуто, совершенно не принимает участия в жизни молодежи. Современность проходит мимо Рагозиной. Любимые ее собеседницы – старухи, у которых она выучилась вышивать. Она распевает с ними духовные стихи, заучивает былины. Она прекрасно знает причитания, заговоры, обряды. Характерно, что на <день> Петра и Павла, когда сельская молодежь устраивала спортивный праздник, Рагозина ушла в Шуньгу-бор к бабушке, которая собирала у себя старух – певиц духовных стихов.

Рагозина самоучкой выучилась читать. Читает она очень много. От отца у нее осталась библиотечка изданий «Нивы», и она перечла ее всю. Читала Пушкина, Пинкертона и Золя. У нее несколько тетрадей с переписанными стихами. Там главным образом Надсон и тексты цыганских романсов. Маруся напела нам целый ряд песен, духовных стихов, притчей. Она обладает незаурядной музыкальностью. Но сказки рассказывает довольно сухо, следя за логической линией повествования, но не ставя себе никаких исполнительских задач. Записаны от нее только две сказки. *(Карнаухова, 1934. С. 380).*

218б. В рецензии А. И. Никифорова «Проблема сказочного сборника» на книгу И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» читаем: «Несколько расходится с И. В. Карнауховой также моя характеристика М. В. Рогозиной из Деригузовой. Я записал от нее 5 сказок, зарегистрировал еще 5 и по мере исполнения отнес ее к сказочницам-артисткам. Говорит она с увлечением и творческим огоньком, и «сухости», отмеченной Карнауховой, я не отметил. Мною записаны от Маруси сказки „Васька вор – сукин сын“ (Андреев 300в, 301а), „Чернокнижник“ (Андреев 355), бывальщина „Две кумы“ (Aarne Sagen, № 16) и отмечены (Андреев № 955 и 313А)». *(Никифоров, 1936. С. 418; также см.: Никифоров, 1961. С. 352).*

218в. В 1926 г. Маруся Рагозина (Рогозина) – 16-летняя девочка, дочь крестьянки – вдовы волостного писаря из д. Деригузово (близ Шуньги), хорошо грамотная, большая любительница чтения. От нее записаны были И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым, кроме публикуемой (Астахова, т. II – Составитель), былины о «Братьях разбойниках и сестре», старинная баллада, именуемая в Заонежье «стихом», «У ключа, ключа, у колодца» («Казань-город»), духовный стих о христовом вознесении и целый ряд сказок (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. II). Уже тогда она знала, кроме молодежных частушек и романсов, старинные песни и причети.

Наличие в репертуаре 16-летней девушки глубокого фольклорного слоя обусловлено особыми условиями жизни Маруси Рагозиной до 1926 г. Больная с детства <…> она не закончила школы, жила замкнуто дома, не ходила на «беседы», мало общалась с молодежью. Зато любила бывать у бабушки в д. Шуньгский Бор, где от старух и усвоила былины и духовные стихи, старые песни и причети. <…> Наделенная большой музыкальностью (на слух она подбирала на рояле песни), в исполнении былин и стихов она обнаружила способность подлинно художественного проникновения в материал. Артистичность в исполнении ею сказок отмечена была А. И. Никифоровым в его статье «Теперішній заонезькій казкар-оповідач» и в его рецензии на книгу (И. В. Карнауховой) «Сказки и предания Северного края». <…>

Годы напряженной работы по перестройке деревни, потребовавшие активного участия всех живых сил деревни, втянули и способную, хорошо грамотную девушку в общественную жизнь. По сведениям, которые собрали М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина, Маруся Рагозина после 1926 г. работала в Райисполкоме

в качестве машинистки, участвовала в клубных спектаклях и концертах. Изменяется и ее личная жизнь. Девятнадцати лет она выходит замуж за землемера, к 1932 г. имеет уже двух детей. Вместе с мужем ей пришлось прожить некоторое время в Средней Азии и, таким образом, включить в круг своего восприятия множество новых и живых впечатлений. *(Астахова, Т. II. С. 444).*

219. РОМАНОВ КУЗЬМА (КОЗЬМА) ИВАНОВИЧ, крестьянин д. Лонгасы Сенногубской волости. Родился в первой половине 1780-х гг. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников писал о сказителе: «На третий или четвертый день приезда своего в Кижи <летом 1860 г.> я съездил с Леонтьем Богдановым в Лонгасы и отыскал Козьму Иванова Романова. Жил он со старой работницей в ветхой избушке на курьих ножках. С первого взгляда в нем бросалась в глаза мягкость характера и дряхлость. Белый как лунь, слепой, робкий, он говорил дрожащим от старости голосом и приветливым тоном, употребляя самые ласковые выражения. Знакомство наше с ним установилось без всякого труда: когда я передал ему, как много былин я перенял от Рябинина, и предложил ему тоже рассказать мне что-нибудь, он охотно стал петь былину за былиною; начал он в своей избе, а кончил в доме волостного писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Иванов будет девяносто лет, и трехлетний стал темен глазами. Старик он доброго нрава, изредка только капризничает, как малое дитя; лета свои он немного утаивает и, по разговорам его, не прочь даже от женитьбы: ему-де всего шестьдесят годков. При этом он добродушно признается, что он гораздо старше Рябинина, а Рябинину явных за шестьдесят лет. Козьма Иванович содержит себя доходами с своего участка и ежегодным подаянием из Думы в шесть рублей серебром <пособие выплачивалось Петрозаводской городской Думой благодаря особому ходатайству П. Н. Рыбникова> (Составитель). Участок у него нанимают и дают ему в год двадцать пудов ржаной муки, пуд соли, пуд крупы и три воза сена. Козьма Иванов даже держит для себя корову, за которой ходит старая работница. К деньгам он чувствует маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбереженная копейка на черный день. При мне, на моих глазах, ему в собственные его руки давали по четыре, по пять рублей серебром, а он в следующий приезд уверял меня же, что ему „был даден в те поры один только рублик“.

Петь научился Романов от рыболова Федора Яковлевича и Ильи Елустафьевича: от последнего он перенял „Вольгу“, „Горе серое“, „Хотена“, „Дуная“, „Упава добра молодца“ и „Добрынюшку“. В старину, по рассказам его, соберутся, бывало, старики и бабы вязать сети, и тут сказители, а особенно Илья Елустафьевич, станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи. Тут и Романов повыучился старинам.

К Рябинину Козьма Иванов явно ревнует и дивится, где это и когда это соперник его научился стольким былинам. В прежнее-то время он-де знал самую малость и хаживал даже к нему, Романову, послушать былинок. „А нонь люди, поди, толкуют, Рябинин, мол, стал первым сказителем“. Старик совсем забыл, что Илья Елустафьевич пел не про него одного, а про всех, про целое Заонежье.

Знакомство мое с Козьмою Романовым и Рябининым не кончилось этим разом. Хотя в следующие поездки мне удавалось быть в Заонежье редко и только проездом, однако я всегда успевал видеться с старыми моими знакомцами, и не без пользы для своего сборника. Так, в январе 1861 года я записал от Романова пять былин (Ч. 1. № 75; Ч. II. № 18, 22, 42 и 54 <3-е изд. Т. 1. № 46, 44, 45, 47, 50>). Сверх того, оба певца приезжали в Петрозаводск: Рябинин очень редко для покупки хлеба, а Романов два раза в год и более для получки из Думы пособия. Всякий раз оба они заходили ко мне и всегда почти пели свои былины „на послушанье моим знакомым", а я между тем проверял свою запись, пополнял пропуски и окончательно устанавливал текст петых ими вариантов.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнят Романов и Рябинин. По крайней мере, во время последних свиданий, как ни старался я навести певцов на след какой-нибудь еще неизвестной мне былины или побывальщины, уже не мог от них добиться ничего нового. В 1862 году Романов припомнил только, что раз он слышал от Ильи Елустафьевича старину о том, как девица Кайдаевна (т. е. Маринка) вынуждала взять себя замуж Добрынюшку, который загулял на ее подворье и заглянул в ее окошечко: „Ежели не возьмешь замуж за себя, спущу тебя в чисто поле туром золотые рога". Припомнил он еще смутно о борьбе Ильи и Идолища».

Говоря о напевах былин, П. Н. Рыбников отмечал, что «напевы былин довольно однообразны <…>. У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напева, и все его пение на каких-нибудь трех нотах, но вибрации голоса удивительно помогают ему разнообразить напевы. По-видимому, ни с того ни с сего старик вдруг ускорит пение и точно расколет голос, а выйдет отлично и совершенно под лад содержанию».

Рассматривая личное влияние сказителя на склад былин, Рыбников писал, что «чему иному, как не характеру Романова, следует приписать, что он упомнил или внес от себя <в былине о Дунае> столько ласковых выражений и особенных подробностей, опущенных <например> Иевлевым. Почетный пир у него *пированьице*, солнышко *красное* <…> и т. д. Отмечал Рыбников и «влияние личного *настроения* минуты» на сказывание былины: «Романов сколько раз пел у меня одну и ту же былину, и всякий раз пел с большими вариациями, то кое-чего не доскажет, то сократит несколько стихов в один, то вставит новый стих». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 60–62, 72, 73).*

219а. Романов Кузьма Иванович, крестьянин дер. Лонгасы, Сенногубской волости, лет за 80, слепой с малолетства, щедушный, небольшого роста, сгорбленный, седенький старичок. Он смолоду остался беспомощным сиротою на попечении мира, который сдал приходившийся на долю Романова участок другому крестьянину, с обязательством доставлять ему сколько нужно для пропитания. Так он прожил весь век, занимая избушку, доставшуюся ему от родителей. Былины он заимствовал от того же Ильи Елустафьева, от которого учился и Рябинин; по его словам, он кроме Елустафьева не имел другого учителя. Поет он былины слабым, дребезжащим голосом, не договаривая конца стихов. В большей части былин он не помнит конца или

рассказывает конец словами. При этом оказалось, что, когда он пел свои былины г. Рыбникову, более десяти лет тому назад, он обрывал их на том же самом месте, где и теперь, и что как самый круг былин, которые он поет, так и текст каждой из них остались без всякого существенного изменения. С тех пор как записывал с его слов г. Рыбников, он забыл только былину про Василия Буслаева, которую и тогда он плохо знал и мог восстановить в памяти только при помощи покойного Леонтия Богданова. Кузьма Романов отличается от всех прочих сказителей, упоминаемых в настоящем сборнике, тем, что он считает пение былин чем-то вроде профессии, составляющей его известность и дающей ему некоторую прибыль. Судя по его разговорам, этот взгляд особенно укоренился в нем с тех пор, как он был приглашен спеть былины перед покойным цесаревичем Николаем Александровичем во время его путешествия на север. Кузьма Романов считает себя первым сказителем и не охотно признает, чтобы кто-либо другой знал порядочно былины. При всем старании, невозможно было записать его былины с напева, так как он, раз «взяв былину на́ голос», не в состоянии уже остановиться. Потому былины, здесь печатаемые, не представляют размера с тою верностью, с какою Романов его действительно соблюдает, когда распевает былины; притом Романов, совершенно беззубый, произносил так невнятно, что собиратель некоторых стихов не мог хорошенько расслышать и принужден был в этих случаях придерживаться текста Рыбникова. Кроме помещаемых здесь былин, он сказывал еще былину про Хотена (Рыбн., Т. II, 22) совершенно сходно с Рыбниковским текстом. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 550).*

219б. О практическом значении пения былин Романовым говорил А. Ф. Гильфердинг и в статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»: «Между сказителями, мною встреченными, только у одного можно было отчасти заметить, что он придает некоторым образом практическую цену значению былин и считает себя как бы певцом былин по профессии; это известный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романов. Когда я приехал в его соседство и послал пригласить его, то он отказался было идти, потому-де, что недавно перед этим какой-то барин заставил его пропеть несколько былин и дал ему за это всего 10 коп. Подобного меркантильного взгляда я решительно ни у кого другого из певцов былин не встречал; <…> Что же касается до Кузьмы Романова, то его взгляд на пение былин, как на свою профессию, образовался, как кажется, только в недавнее время, благодаря пользе, которую оно ему принесло: слепой и беспомощный старик, он, по милости г. Рыбникова, принявшего в нем участие, стал получать пожизненное пособие (по 6 руб. в год), а затем удостоился даже приглашения пропеть былины перед покойным Цесаревичем, во время приезда его высочества в Олонецкую губернию: факт, который поднял Романова, как певца былин, неизмеримо высоко во мнении местных жителей и его собственном». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. XVI).*

219в. В заметке о К. И. Романове во втором издании «Песен» Рыбникова А. Е. Грузинский писал, что он «пел и Рыбникову, и Гильфердингу. Уже первый в 1860 г. застал его дряхлым стариком, „гораздо старше Рябинина“, а Трофиму Рябинину в то время было лет 67–68; на этом основании Рыбников считал ему

около 90 лет. Гильфердинг десять лет спустя дает ему всего „за 80“, быть может, ближе к истине. Во всяком случае, считая Романова лет на 10 старше Рябинина, рождение его приходится отнести к первой половине 80-х годов XVIII в. К сожалению, мы не нашли известия о времени его смерти; он должен был умереть несколько раньше Рябинина (ум. в 1885 г.), иначе в 1886 г. господа Дютш и Истомин, конечно, не преминули бы его назвать, но они говорят из старых сказителей лишь о Щеголенкове <…>.

Учителем своим, по словам Гильфердинга, Романов признавал одного Илью Елустафьева; Рыбникову, однако, он называл еще какого-то рыболова Федора Яковлевича. Гильфердинг дает понять, что его репертуар, так сказать, застыл еще ко времени Рыбникова, так что он пел в 1871 г. те же былины, что и в 1860 г., на тех же местах обрывая текст или заменяя пересказом забытые концы. „Он забыл только былину про Василия Буслаева, которую и тогда плохо знал и мог восстановить в памяти только при помощи покойного Леонтия Богданова“ (Гильфердинг, II, 171). В этих словах Гильфердинга две неточности. Про Буслаева Романов не пел Рыбникову ни один, ни с Л. Богдановым; речь должна идти про былину о Грозном, а обмолвка Гильфердинга объясняется ошибкой в указателе к IV т. Рыбникова. Во-вторых, сравнение репертуара Романова в обоих сборниках дает такие результаты: Гильфердинг помещает с именем Романова 7 былин, указывает одну забытую (о Грозном) и отмечает, что оставил в стороне еще одну (о Хотене), как тожественную по тексту с Рыбниковской; итого 9. Рыбников же записал 14 номеров. Если даже исключить из счета „Саламана“, как сказку, лишенную стиха, и „Сон Саламанова отца“, как небольшой отрывок, все же остается три довольно больших, стихов по 200, и, что не всегда у Романова, допетых до конца былины: Добрыня в отъезде, Наезд Литовцев и Горюшко. Таким образом, нельзя вполне согласиться со словами Гильфердинга, что „как самый круг былин, которые он поет, так и текст каждой из них остались без всякого существенного изменения“.

Былину о Грозном мы печатаем под именем Л. Богданова, так как из объяснения Рыбникова видно, что пел ее собственно он, а К. Романов лишь поправлял в некоторых местах». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд. С. 257).*

219г. Об устойчивости былин К. И. Романова, подчеркнутой А. Ф. Гильфердингом, В. И. Чичеров в работе «Школы сказителей Заонежья» писал: «Эта особенность былин Романова бросается в глаза при самом поверхностном рассмотрении его текстов. Такая устойчивость вариантов могла появиться или в результате того, что Романов на основе костяка былины Елустафьева сам вырабатывал неменяющийся текст, или потому, что он, как хороший исполнитель, обладающий прекрасной памятью, сохранил елустафьевскую редакцию старины. Второе вероятнее. Если бы Романов творчески перерабатывал воспринятое, он бы, забыв окончания текстов былин, мог создать свои индивидуальные варианты этих окончаний. Этого не произошло. Воспринятые К. Романовым старины хранились в его памяти без привнесения творческой мысли, меняющей и совершенствующей вариант.

Былины, детально запомнившиеся Романову, и былины, сохранившиеся в его памяти, в общих чертах остались неизменными. Устойчивость текста может

быть проверена на любой былине, записанной от него Рыбниковым и Гильфердингом.

Особенности сказительства Романова отчетливее выявляются в текстах, только запавших, но не утвердившихся в памяти. Именно в них, в данном случае, выявляется индивидуальное лицо сказителя. Весьма показательна былина „О Добрыне и Змее", дважды записанная от Романова: в начале 1860-х годов П. Н. Рыбниковым и почти через десять лет после того, в 1871 г., Гильфердингом». *(Чичеров, 1982. С. 29–51, 134–137 – приводится сопоставление сюжетов былин К. И. Романова с вариантами других сказителей).*

219д. Исследуя особенности внутри- и межсемейных связей, их роль в процессе сохранения и передачи духовных традиций, взаимодействия учитель – ученик, С. В. Воробьева в статье «К вопросу о семейной традиции сказительства…» пишет, что «в детстве и старости познание, сохранение и передача всего комплекса культурных традиций происходили в основном в рамках семьи», в пример называет К. И. Романова, из-за его недуга – слепоты ограниченного в передвижении. Как известно, его учитель Елустафьев нанимался чинить сети. «Однако, – читаем в статье, – только самые богатые крестьяне-рыболовы, имевшие до 130–150 сетей, могли позволить себе нанять человека на работу, которую обычно выполняли силами своей семьи. Романовы из д. Лонгасы, связанные с Козьмой Ивановичем боковым родством, причислялись к самым крупным рыболовам-промысловикам Кижской волости». С. В. Воробьева полагает, что «скорее всего, именно за починкой сетей для этой семьи и встречались Козьма Романов и Илья Елустафьев, а, возможно, и Трофим Рябинин». *(Воробьева, 2000. С. 57).*

220. РОМАНОВА АННА ДМИТРИЕВНА, 1899 г.р. В 1944 г. (год записи) ей было 45 лет. Во время оккупации Заонежья за связь с партизанами, среди которых был ее зять, Анна Дмитриевна была посажена в Киндасовскую тюрьму, где подвергалась пыткам: избивали прикладом, ломали руки и даже была выброшена с третьего этажа. «После этого ничего не стала помнить, без чувств падаю, припадки со мной стали», – сказала она. Одна из заключенных в эту тюрьму свидетельствовала: «Люди размещались скученно, в камерах всегда была непролазная грязь и невыносимое зловоние. Камеры кишели клопами и вшами. Кормили нас очень плохо, а работать заставляли на лесозаготовках по 10–12 часов в сутки. Если человек был серьезно болен, то с этим не считались и выгоняли на работу. <…> Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы». Отец умер, а трое малолетних детей Романовой были брошены на произвол судьбы. Они скитались по деревням, просили милостыню, погибали от голода. Мать, сидя в тюрьме, прощаясь «с божьим светом», оплакивала их судьбу. Дети вызывали жалость и у соседей. Одна из соседок Н. Е. Шамшина (см. № 301 нашего издания) сложила даже о них причеть. Романова, вернувшись после освобождения в свою родную деревню Кривоноговскую, пошла на могилу мужа и «рассказала в своей причети о пережитом». А. П. Разумова и В. Г. Базанов

записали от Анны Дмитриевны бытовые и свадебные плачи. *(АКНЦ 75/33, 35; Базанов, 1945. С. 34; Чудовищные злодеяния… С. 137–138).*

221. РОМБАЧЕВА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА, 1918 г.р., д. Кузаранда. В 1986 г. (год записи) ей было 68 лет. Собирателям – студентам ПГУ рассказывала, что семья была «не велика», а усадьба большая. Работников не было. Запомнила страшный голод, который испытывали. Сестру «прибабили» в 15 лет. Александра Яковлевна кончила пять классов, дальше не получилось: умерла мать. Ей пришлось взять на себя все хозяйство: печь хлеб, доить корову и т. д. От Александры Яковлевны В. Г. Фролова и Е. В. Бориц записали былички, предание, загадку, анекдот. *(АКНЦ 179/102).*

222. РУМЗИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА, 1900 г.р., родилась в д. Падмозеро. Грамотная. Выросла в большой крестьянской семье, где было девять детей. Училась только два года в церковно-приходской школе, а с одиннадцати лет начала работать дома по хозяйству. Очень много сказок и присказок знала сестра ее отца Марфа Ивановна. Очень любила рассказывать. А еще она любила петь песни. Звали ее, сказала Анна Васильевна, «баба Нюня». Сказочницей была и Оксинья Федоровна Румзина, родственница Анны Васильевны. «Она, бывало, все ребят тешила. Детей собиралось одних своих семнадцать человек около нее (большая семья была), она все им и рассказывала. Умерла она в 90 лет». Дочь, которая уже сама далеко не молодая была, говаривала: «Бабка, напустилась ты жить, поведай для чего». Но бабушка до конца своей жизни была на своих ногах, память имела хорошую: «детей посадит одного на одно колено, другого на другое и сказки все про царей рассказывала».

От Анны Васильевны в 1982 г. Н. Ф. Онегина и А. Т. Пакконен записали песни – свадебные, любовные, кадрильные и о календарных праздниках. Песни она исполняла вместе с 60-летней Анной Ивановной Коробовой и 66-летней Анной Федоровной Федоровой.

В год записи А. В. Румзиной было 82 года, жила в д. Толвуя. *(АКНЦ 147/55а).*

223. РЯБИНИН ИВАН ТРОФИМОВИЧ, родился в 1846[1] г. в д. Потаневщина (Середка), умер в феврале 1908[2] г. в д. Гарницы. Сын Т. Г. Рябинина. До 1878 г. И. Т. Рябинин жил в доме отца, где и усвоил его былинный репертуар. Известно, что он исполнял 15[3] былин и духовные стихи, но со временем его репертуар сузился, и в записях сохранилось только 6 былин. После смерти первой жены И. Т. Рябинин женился на вдове Герасима Яковлевича Андреева из д. Гарницы и переселился в ее дом.

---

[1] По данным Ревизских сказок ЦГАРК С. В. Воробьева установила, что И. Т. Рябинин родился в 1846 г. – См.: Воробьева, 1997. С. 29.

[2] В ОГВ (1912, № 87) неизвестный автор статьи «По поводу предстоящего пения былин» П. Т. Виноградовым указывает, что И. Т. Рябинин умер 2 февраля 1909 г. – Составитель.

[3] Солнышкова А. М., учитель словесности Петрозаводской женской гимназии, сообщает, что И. Т. Рябинин знал 17 былин и 8 духовных стихов. – См. № 223а нашего издания. – Составитель.

В книге «Русские сказители Карелии» К. В. Чистов цитирует психологический портрет И. Т. Рябинина, написанный и опубликованный Е. В. Ляцким в «Этнографическом обозрении» в 1894 г.: «В свои пятьдесят лет Иван Трофимович выглядит гораздо моложе. В его русых волосах и бороде не просвечивает седина; серые глаза глядят молодо, бодро и добродушно. Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя, т.н. азяму, с тихой, вдумчивой речью и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека. Принадлежа к приверженцам „старой веры“, Иван Трофимович ревниво оберегает ее догмы: он вина не пьет, не курит, строго блюдет все посты, во время которых питается только капустой да квасом, и является в дом, куда его приглашают петь, не иначе, как со своим стаканом в кармане. Если прибавить к тому, что дома наш певец счастливый семьянин, а в поле и на рыбном промысле – неутомимый работник, то станет понятной та умилительная простота и душевная уравновешенность, которые сказываются сразу, при первом знакомстве с ним, и невольно вызывают симпатии и внимание к его невзрачной, худощавой фигуре». *(Ляцкий, 1894; Чистов, 1980. С. 88).*

Рябинин Иван Трофимович

В 1893–1894 гг. при содействии П. Т. Виноградова, учителя Петрозаводской женской гимназии, состоялись выступления И. Т. Рябинина в Петербурге и Москве.

Из упомянутой ранее книги К. В. Чистова узнаем, что первое выступление И. Т. Рябинина состоялось в Петербурге 8 января 1893 г. на заседании этнографического отдела РГО. Вступительную речь произнес Ф. М. Истомин, который, будучи в 1886 г. в Заонежье записывал от Рябинина тексты. Рябинин спел былины «Вольга и Микула», «Бой Добрыни со змеем», «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» и др., а также два духовных стиха – «Об Иване Златоусте» и «Вознесение». Тексты были записаны на фонограф представителем компании Эдиссона Нильсона и музыкантом Ю. И. Блоком. Записи расшифровали А. С. Аренский и Н. А. Янчук. Позднее, использовав эти расшифровки, А. С. Аренский сочинил «Фантазию на темы Рябинина для фортепьяно с оркестром». Газета «Правительственный вестник» подчеркивала, что «Рябинин своим звонким голосом и красивым напевом вызвал полное одобрение многочисленного собрания». А газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала 9 января: «Это еще очень бодрый крестьянин, державший себя совершенно свободно и, по-видимости, нисколько не

смущавшийся многочисленным собранием: на вид ему нельзя даже дать сорока восьми лет. Голос его довольно сильный и чрезвычайно симпатичный». *(Чистов, 1980. С. 87, 88, 90).*

И. Т. Рябинин пел в Петербурге и Москве в разных ученых обществах, учебных заведениях, а также в частных домах. Например, 15 января он выступал в седьмой петербургской гимназии; 18 января – на заседании Русского литературного общества; в эти же дни пел в домах – председателя этнографического отдела РГО акад. В. И. Ламанского, вице-президента АН акад. Я. К. Грота, председателя песенной комиссии РГО Т. И. Филиппова. На одном из заседаний присутствовал И. Е. Репин и воссоздал его портрет.

На одном из академических выступлений И. Т. Рябинина в Москве в 1894 г. с речью выступил академик Вс. Миллер, в которой сказал: «Из занесенной снегом своей деревеньки Гарницы, Кижской волости <…> И. Т. Рябинин явился как живое предание глубокой старины, как один из последних хранителей эпической традиции. <…> Только в его пении былина перестает для нас быть каким-то навеки закрепленным печатью произведением. <…> Никакое детальное научное изучение не может воспроизвести в нашем воображении того впечатления живой старины, которое мы получили от безыскусственного пения олонецкого крестьянина». *(Миллер Вс., 1897. С. 2).*

Е. Ляцкий в упомянутом выше очерке передал ту атмосферу, в которой выступал И. Т. Рябинин: «На середину зала выдвигалась обыкновенно кафедра, ставился стол и стул, на столе возвышался графин с квасом, вокруг размещались преподаватели <речь идет об учебных заведениях>, их семьи, родители и родственники воспитанников, воспользовавшихся случаем, затем живописная группа самих учащихся с преобладающим выражением любопытства на молодых улыбающихся лицах, – и обстановка для Рябинина готова. После краткого выступления одного из учителей, которого нередко Рябинин предварял, что мол „ты не долго говори обо мне-то, еще кудассь поспеть надо“, он медленно поднимался по ступенькам кафедры, кланялся на все стороны, садился, откидывался несколько к спинке стула и, подняв кверху голову, застывал в этом положении. Еще несколько мгновений водворялась мертвая тишина, и его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей оригинальностью и красотой напева. Некрасивые, неподвижные черты его исхудалого лица приобретали новое выражение – необыкновенной важности, почти суровости, глаза его смотрели сосредоточенно и спокойно. Пел сказитель большей частью одни и те же былины: про Вольгу и Микулу, Илью Муромца и Соловья Разбойника, Добрыню и духовные стихи на распятие и на воскресенье. По окончании каждой былины восторгам и аплодисментам не было конца, но Рябинин относился к ним, наружно, по крайней мере, довольно равнодушно. После пения его окружала обыкновенно юная толпа и вступала с ним в оживленный разговор. Надобно было слышать, с какой простотой и, вместе с тем, с каким сознанием своего достоинства отвечал наш певец на самые разнообразные и подчас наивные вопросы воспитанников». *(Ляцкий, 1895; Чистов, 1980. С. 90).*

Е. Ляцкий пишет в очерке, что И. Т. Рябинин очень любил былины, бережно к ним относился и пел «с большим вдохновением». Когда его спрашивали: «Иван Трофимович, любишь ли ты свои старинки?». Он отвечал: «Не любил бы, не пел бы». – «И ты веришь, что все это, что в былине поется, правда?». – «Знамо дело – правда. А то какая же потреба и петь их», – слышали в ответ. Не любил И. Т. Рябинин и когда его прерывали во время пения или просили исполнить только начало былины, а затем продолжить речитативом, или петь былину частями. «А может лучшие-то слова к концу скажутся. <…> А я как могу не петь-то. Нешто из песни слово-то выкинешь. На то она и старина, что как старики певали, так и нам петь надо. Сам знаешь, не нами сложено, не нами и кончится». *(Ляцкий, 1894. С. 112–113; Базанов, 1939. С. 16).*

В очерке «Иван Трофимович Рябинин и его былины» Е. А. Ляцкий писал: «Столица ни в чем не изменила ни вкусов, ни привычек Рябинина. У себя на „фатере“ (в номерах на углу Воздвиженки и Моховой) он все свое свободное время посвящал своему деревенскому делу – вязанию сетей, для чего предусмотрительно были захвачены им и нужные снасти, „палицы“ и „клещевицы“». *(Ляцкий, 1894; Чистов, 1980. С. 88).*

Ни успех от выступлений, ни деньги, которые ему предлагали, не могли заглушить у И. Т. Рябинина тоски по дому, по обычной крестьянской жизни в деревне. Антрепренеры в Петербурге и Москве досаждали его с утра до вечера, а он, сообщает Е. Ляцкий, постоянно беспокоился: «„Ладно ли в семье-то, и не случилось ли чего, сохрани бог, со скотиной“ и говорил:

– А уеду я домой от вас, – больно соскучился ужо, во соберусь и уеду. Прах их побери – деньги <… >

– Что ты, что ты, Иван Трофимович, сам себе враг, что ли… От своего счастья бежишь… Да, если хочешь, так я помогу тебе в одну неделю тысячу рублей нажить… Вот – даю тебе честное слово… Честное слово – слышишь… Мы заключим с тобой условие, договор такой, понимаешь.

– Эх, да человек я темный, неграмотный… – нерешительно заявляет Рябинин.

– Да и не нужна твоя грамотность. Ты только крест поставь на бумаге, крест – вот так, а остальное устрою я сам. Только – чтоб одного меня слушаться, не иначе, – уговаривал антрепренер.

Подобный буржуазно-предпринимательский подход к фольклору привел к тому, что сказитель „стал чрезвычайно подозрительно относиться к факту записывания его былин учеными собирателями“. Он категорически заявил, что в Москве былинок диктовать не станет: „Будет, – что записано, то и довольно“.

– Приезжай ужо в Петрозавоцько, – там напою тебе, сколько хошь, – говорил Иван Трофимович Евг. Ляцкому». *(Ляцкий, 1894. С. 123–124; Базанов, 1939. С. 14).*

В книге Б. Соколова «Сказители» читаем: «Предприниматели, художники, писатели, ученые и прочая публика – надоели Рябинину. В один прекрасный день Иван Трофимович внезапно собрался и, никого не предупредив, уехал к себе на Север. Бежал из шумной столицы к своему простому быту и привычному труду». *(Соколов Б., 1924. С. 92).*

В статье «Эпическая поэзия русского народа» В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов также отмечали, что «Иван Трофимович был человек своеобразный и не любил, чтобы за ним записывали. Ученый фольклорист Ю. М. Соколов, побывавший на родине Рябинина в 1926–1928 годах и знавший его семью, пишет о нем так: „Иван Трофимович был человек хозяйственный, крутого нрава, горячий, вспыльчивый. Будучи старообрядцем, табаку не курил, вина не пил. Детей воспитывал строго“». *(Пропп, Путилов, Т. 1. С. XXI).*

Возвратясь в Петрозаводск, И. Т. Рябинин выступил 18 августа 1894 г. на отчетном заседании мужской гимназии, спел былину «Добрыня и змей». ОГВ писали, что сказитель и пение произвели такое же впечатление, как и на слушателей Петербурга и Москвы. Кроме того, газета сообщала, что в Москве 24 декабря 1893 г. с П. Т. Виноградовым беседовал Л. Н. Толстой и, узнав, что Рябинин поет «до *шести тысяч* стихов, сказал ему: *„Такой певец, как Рябинин, смело может быть назван феноменом не только для России, но и для всей Европы“». (ОГВ, 1894. № 64).* Московское общество естествознания, антропологии и этнографии вручило в 1894 г. И. Т. Рябинину медаль с надписью «лучшему сказителю нашего времени». А благодаря Т. И. Филиппову, который очень интересовался сказителем, мелодии былин были записаны музыкантами. *(ОГВ, 1902. № 30; Базанов, 1939. С. 13).*

В 1902 г. П. Т. Виноградов, будучи уже в отставке и живя в Петербурге, пригласил И. Т. Рябинина и предложил ему поехать за границу: в славянские страны Западной Европы – Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию, Чехию. Мысль о поездке за границу принадлежала вице-президенту АН Л. Н. Майкову. В Петербурге Рябинин остановился у П. Т. Виноградова и пробыл там около месяца.

5 марта И. Т. Рябинин выступал в зале РГО. Он исполнил былины об Илье Муромце, Микуле Селяниновиче, Добрыне Никитиче и духовный стих об Иоанне Златоусте. П. Т. Виноградов сделал сообщение о сказителе и о бытовании былин. *(ОГВ, 1902. № 30).*

19 марта состоялось выступление И. Т. Рябинина в доме графа И. И. Воронцова-Дашкова, где присутствовал Великий князь Михаил Александрович – наследник императора. Рябинин исполнил былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Микула и Вольга», «Добрыня и змей» и духовный стих «Погребение Христа». Наследник поинтересовался у Рябинина его семьей, занятиями его детей и поют ли они былины. Узнав, что И. Т. Рябинин собирается за границу, пожелал успеха в предстоящей поездке». *(ОГВ, 1902. № 40).*

24 марта И. Т. Рябинин пел в Малахитовом зале Зимнего дворца в присутствии императора и императрицы Александры Федоровны с детьми, он пел былины «Илья и Соловей-разбойник», «Микула и Вольга». Их величества следили за текстом былин по сборнику А. Ф. Гильфердинга. П. Т. Виноградов давал краткие пояснения. Император поинтересовался, куда дальше поедет сказитель, и «изволил пожаловать большую золотую медаль с надписью „за усердие“ для ношения на шее на Станиславской ленте, и золотые часы, на верхней крышке которых – государственный герб; при часах золотая цепочка». Золотые часы были пожалованы и П. Т. Виноградову. *(ОГВ, 1902. № 40).*

Из ОГВ также известно, что в Киеве И. Т. Рябинин пробыл неделю. 23 апреля одна из газет писала, что И. Т. Рябининым заинтересовались все учебные заведения, «он пел и „сказывал“ былины и духовные стихи в течение всех дней истекшей недели». Сказитель выступал во всех мужских гимназиях, в коммерческом училище, духовной семинарии, фундуклеевской гимназии, частной женской гимназии А. Т. Дучинского и др. Пение былин «всякий раз вызывало бурное проявление детского восторга». *(ОГВ, 1902. № 46).*

27 апреля состоялось выступление И. Т. Рябинина в Турции – в русском посольстве в Константинополе. На вечере присутствовали болгарский министр внутренних дел Лучканов и дипломатический агент Гешов. И. Т. Рябинин имел большой успех. *(ОГВ, 1902. № 49).*

Успех И. Т. Рябинина в Болгарии и Сербии превзошел все ожидания. В Филиппополе (ныне Пловдив) в мужской гимназии его слушало около 400 человек, все аплодировали и кричали: «Живьо, хвала». В честь гостей был устроен пикник «в беседке у подножия горы Буранджик. <…> Проводы были так сердечны, что Рябинин плакал». *(ОГВ, 1902. № 64, 65; 1905. № 98).* 2 мая он пел в Софии в зале славянского клуба, где присутствовало около 800 слушателей, в Нише – 200. *(ОГВ, 1902. № 64; 1905. № 98).*

В Белграде выступление И. Т. Рябинина проходило 8 мая в зале Королевского театра. Организатором выступала Академия наук, члены которой во главе с президентом находились на сцене полукругом около Рябинина и Виноградова. Публики было около 1000 человек. Присутствовали министры, иностранные послы, сенаторы, депутаты, митрополит, племянник короля и т. д. Необходимые пояснения давал П. Т. Виноградов. С речью выступил профессор университета г. Белич. Сербский король Александр из-за болезни не смог присутствовать в театре и пригласил И. Т. Рябинина на другой день во дворец.

10 мая в присутствии короля и королевы Сербии сказитель пел в Малом дворце. Присутствовало около 80 человек. После пения король Александр лично вручил И. Т. Рябинину золотую медаль для ношения на груди, затем был ужин и бал. Во время бала король и королева долго беседовали с Виноградовым и сказителем. *(ОГВ, 1902. № 57, 64; 1905. № 98).*

11 мая И. Т. Рябинин выступал в Белградской женской гимназии. Через полгода после отъезда гостей, когда гимназия получила от Российской АН сборник «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, одна из учениц выучила былину «Добрыня и Змей», которую пел в гимназии И. Т. Рябинин, и стала ее исполнять. *(ОГВ, 1905. № 98).*

Известно, что в одном только Белграде И. Т. Рябинин выступил восемьдесят раз. Как в Болгарии, так и в Сербии пелись не только русские эпические песни, но исполнялись и сербские былины.

13 мая И. Т. Рябинин выступал уже в Венском университете, где известный славист академик Ягич давал необходимые объяснения слушателям, которых было до 80 человек – студентов, профессоров. 14 мая сказитель выступал в кружке любителей русского языка, где присутствовало более 100 человек. *(ОГВ, 1905. № 98).*

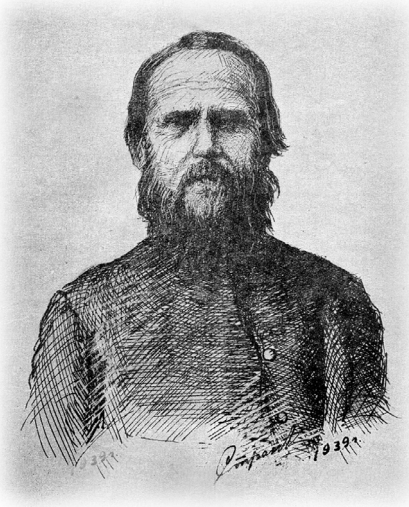
18 мая И. Т. Рябинин и П. Т. Виноградов прибыли в Прагу, а 19-го Рябинин выступил в кружке по изучению русского языка. Слушателей было около 250 человек, среди них много профессоров, учителей. Чешские дамы свободно говорили на правильном русском языке с гостями. Перед пением с речью выступил редактор газеты г. Грубый. *(ОГВ, 1905. № 98).*

В Варшаве И. Т. Рябинин пел 23 мая в университете, а 24 мая в зале Русского собрания. И что примечательно, 20 мая Рябинин навестил в Варшаве вдову П. Н. Рыбникова – Анжелику Константиновну Рыбникову. В 1860 г. Рыбников записывал былины от Т. Г. Рябинина – отца И. Т. Рябинина. А с 1866 г. П. Н. Рыбников был назначен вице-губернатором в г. Калиш, где и умер в 1885 г., 29 октября. *(Чистов, 1980. С. 95).*

В 1902 г. в рапорте министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру П. Т. Виноградов писал, как они путешествовали: «около месяца <…> И. Т. Рябинин пел в Константинополе, в Филиппополе, в Софии, в Нише, в Белграде, в Вене и в чешской Праге. Во всех этих городах встречали радушный прием». *(Виноградов С., 1958).*

Русский посол в Сербии Н. В. Чарыков в своем донесении из Белграда от 22 мая 1902 г. министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу сообщал, что «сказитель русских былин Рябинин <…> имел в Сербии замечательный и вполне заслуженный успех». В. Н. Ламздорф в свою очередь в письме министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру от 9 июля 1902 г. писал, что поездка Рябинина в Сербию «немало способствовала укреплению духовной связи между Россией и Сербией». *(Виноградов С., 1958).*

223а. Из статьи учителя словесности Петрозаводской женской гимназии А. С<олнышковой> «Возвращение Рябинина на родину»: «Быть может, многие обыватели Петрозаводска с удивлением встречали 6-го июня на улицах города странную фигуру туриста и с недоумением спрашивали себя: кто это своеобразный старик? Пройти мимо и не заметить его – не было возможности: в лучах солнца ослепительно сияла на груди старика на Станиславской ленте большая золотая медаль с изображением в профиль Государя Императора Николая II. Костюм старика поражал своим набором: крестьянский азям из темно-синего сукна и высокие сапоги по колено, а на голове шляпа котелком, в одной руке тонкий шелковый зонтик, в другой небольшой кожаный саквояж изящной работы. Худощавое и бледное лицо старика скромно сияло, маленькие кроткие глазки радостно светились: еще бы! Он прогуливался по родному городу после 3-месячного отсутствия и

Рябинин Иван Трофимович

прогуливался с медалью на шее, пожалованной ему самим „Царем Батюшкой“, который „соизволил“ вместе с „Матушкой Милосердной Господней“ слушать его „былинки про стародавнюю старинушку“ (24/III–1902 г. в Зимнем дворце). Во внутреннем кармане старикова азяма запрятаны тоже подарки Высоких слушателей: золотые часы с государственным гербом на крышке и с цепочкой – это дар Государя Императора; другие золотые часы, с венком на верхней крышке и щитом посередине – это от Великого князя Константина Константиновича; на внутренней стороне крышки надпись: Мраморный дворец, 17-го марта 1902 года, от Е. И. Великого князя Константина Константиновича. К этим часам тоже золотая цепочка с маленьким брелком-компасом. Третий подарок в кармане старика – это золотая медаль, лично пожалованная Сербским королем Александром. Она небольшого размера, для ношения на груди, на ленте цветов белого с голубым в полоску. Лицевая сторона медали украшена государственным гербом Сербии с надписью внизу в виде развевающейся ленты: „време и мое право“. На другой стороне медали изображено: „За услуге Крольевом Дому“.

Котелок, зонтик и саквояж – это подарки Рябинину его заграничных почитателей. Отсюда Иван Трофимович повез свой азям в холщевом мешке. В изящном саквояже Рябинин хранит свой „походный снаряд“: липовую ложку, пестро раскрашенную деревянную чашку и толстый граненый стакан. Всем этим, отправляя мужа в „путь-дорожку“, на „чуждальнюю сторонушку“, снабдила Рябинина его „старуха“, обеспокоенная мыслью, чтобы муж вдали от дома не „обмирщился“, не „опоганился от чужой посуды“. И старик бережно пронес свою „особенную посудину“ через все 7000 верст своего странствования.

Голова старика полна рассказами и впечатлениями о виденных им странах, городах, людях… В самой глубине сердца залегли чувства и мысли о посещении им 24/III Зимнего дворца, о „ласковом и добром“ Государе, о „полномощной“ красавице Царице и о двух маленьких царевнах, „которы белы-белешеньки, белее бела снега“. С восхищением вспоминает старик и Государя наследника, который изволил слушать его в доме г. Воронцова-Дашкова. Мраморный дворец и его радушные хозяева, угощавшие Рябинина после пения чаем, произвели на старика чарующее впечатление. Во время чая Великий князь Дмитрий Константинович распрашивал Рябинина о Клименецком монастыре и его „деятельном“ настоятеле, о Варнаве.

Очень приветливо отнеслись к Рябинину и сербские король и королева. Особенно понравилось Рябинину то, что королева не дурно говорит по-русски. Умение говорить по-русски Иван Трофимович очень ценит. Так, болгары ему понравились больше, чем сербы, потому что их язык „понятнее“, а сербский „малопонятен“.

Рассказов о своем путешествии Иван Трофимович привел так много, что их хватит ему, наверное, *на всю жизнь, а для волости своей он будет драгоценной находкой на целую зиму*. Рассказы из своего путешествия старик философски закончил фразой: „И вижу я теперь, Михайловна, что чем знатнее господин, тем добрее и проще он с мужиком. А и лучше всех – Царь-Батюшка! “.

Рябинин познакомил нас со многими номерами из своего репертуара.

Несмотря на 60 лет голос его сохранил силу и свежесть. Прежде всего мы просили его пропеть те былины, которые приказал ему петь Государь Император, это были „Илья Муромец и Соловей-Разбойник“ и затем „Микула Селянинович и Вольга Святославович“. Напевы этих двух былин, совершенно различные, особенно красив звучный напев второй. Есть еще третий напев для былины „Добрыня Никитич и Змей Горыныч“. Все былины, за исключением двух последних, старик поет напевом (всего он знает 17 былин). Рябинин не только поет хорошо, но и прекрасно говорит былины „по-словечно“, т. е. декламирует их. В декламировании сильно заметно отчетливое произношение двух особенно высоких слогов каждой строки. Особенно сильное ударение – второе.

Кроме былин, Рябинин мастерски исполняет духовные стихи, сохраняя для них четыре разнообразных напева. Он знает стихи – О Вознесении, Тайной вечери, Аггрике-царе и Николае-Угоднике, Голубиной книге, Алексее – человеке божьем, Георгие-Храбром и Страшном суде. Рыдающий напев „Тайной вечери“ хватает слушателя прямо за душу… В молодости своей Рябинин знал много народных песен (лирических, но теперь, по его словам, „запамятовал“ их, скорее и не хочет вспоминать, считая, что они старику не к лицу. 7-го <июня 1902 г.> Рябинин уехал к себе в деревню. А. С.» *(ОГВ, 1902. № 68). (Подробнее о И. Т. Рябинине, о его выступлениях в Петербурге, Москве и славянских странах см.: Ляцкий, 1894. С. 105; Виноградов, 1906; Соколов Б., 1924. С. 88; Базанов, 1939. С. 12; Базанов, 1947. С. 71; Виноградов С., 1958, 23 ноября; Виноградов С., 1960. С. 413; Криничная, 1977. С. 137; Чистов, 1980. С. 85; Базанов, 1981. С. 97; Чистов, 1982. С. 66; Кораблев, 1997. С. 78; Захарова, 1977а. С. 413).*

223б. Былины И. Т. Рябинина в большинстве своем остались незаписанными. Из опубликованных известны только шесть былин: «Вольга и Микула», «Добрыня и змей», «Молодец и худая жена», «Иван Грозный и его сын», «Скопин-Шуйский», «Королевичи из Крякова». Сравнивая былины И. Т. Рябинина с отцовскими, исследователи отмечали в его исполнении устойчивость редакций отца, от которого он усвоил былины. Считали, что он не обладал, как отец «потребностью проявления личного творчества», и даже был склонен сокращать свой оригинал, не любил повторения. А небольшие изменения, которые он вносил, – перестановка эпизодов, замена одного слова другим и т. д. не меняли текста былин. *(Ляцкий, 1906. С. 24; Сперанский, Т. II. С. XXXV; Астахова, 1941а. С. 32; Астахова, 1938. Т. 1. С. 71).*

О. В. Захарова, рассматривая проблему эпической памяти и проблему сохранения и развития сюжета на уровне мотивов в былине четырех поколений Рябининых, пришла к выводу, что «дословного воспроизведения былины нет даже при повторном исполнении сюжета одним и тем же сказителем, не говоря о разных сказителях. *Единственным устойчивым элементом в вариантах былин является мотив». (Захарова, 1997. С. 77; также см.: Путилов, 1997. С. 6–14 – о необходимости разработки методики сопоставления вариантов былин).*

223в. В 1926 г. в д. Гарницы работала экспедиция ГАХН «По следам Рыбникова и Гильфердинга»; ее участники записали былины от представителей четвер-

того поколения сказителей Рябининых: внуков Ивана Трофимовича – П. И. Рябинина-Андреева и П. В. Рябинина, и от внука Трофима Григорьевича – К. Г. Рябинина. Первые два жили в доме, построенном И. Т. Рябининым в 1894 г. Петр Васильевич Рябинин занимал светёлку, «где находилась молельня Ивана Трофимовича и где он принимал почетных гостей» (см. № 226 нашего издания).

В этом доме Иван Трофимович жил до конца своих дней и умер 2 февраля 1908 (1909 ?) г. Он похоронен в селе Сенная Губа, на старом кладбище. На могиле сказителя в июне 1974 г. был установлен временный деревянный знак без текста мемориальной надписи. Дом не сохранился. Долгое время он пустовал, а в 1950-х годах «сруб дома был продан П. И. Рябининым-Андреевым жителям села Сенная Губа на дрова». *(Криничная, 1977. С. 137; Криничная, Фролов, 1977а. С. 141)*.

224. РЯБИНИН КИРИК ГАВРИЛОВИЧ, 71 год, в прошлом малоземельный крестьянин дер. Середка. В течение 30 лет был сторожем на пристани в Кижском погосте. Родной внук Трофима Григорьевича Рябинина, сын его старшего сына Гаврилы Трофимовича[1], не любимого отцом за пьянство и поэтому раньше всех выделенного из дому. Гаврила Трофимович был плохим хозяином, и Кирику Гавриловичу пришлось самому поднимать все хозяйство. Он был очень работящий крестьянин. В 1910 г. произошло с ним несчастье: во время молотьбы в барабан молотилки нечаянно попала его левая рука, и кисть была вся переломана. На руке остались три пальца. Торчащие в разные стороны. Тем не менее, старик держится очень бодро <сед, сухощав, ласков> и продолжает работать. Вместе с Кириком Гавриловичем живет его сын, Михаил Кирикович, крестьянин нового склада и новых взглядов, общественный работник, поэт и хороший земледелец. В то же время Михаил Кирикович – прославленный в округе дружка. От него были записаны нами пр́исказки (более 1200 стихов). Былин Михаил Кирикович не заучивал и поэтому спеть их не мог. Кирик Гаврилович рассуждал так: «Конечно, есть много и выдуманного, но есть и много правды; богатыри были: вот в городах в музеях показывают их доспехи. Вот у нас поля покрыты камнями; камни выворочены в сторону. Кто как не Микула Селянинович мог такие камни свернуть?». Былины Кирик Гаврилович усвоил от своего дяди Ивана Трофимовича. Тот, возвращаясь из Петербурга с деньгами, побоялся зимою ехать через озеро с чужим человеком. Кирик Гаврилович работал тогда в Петрозаводске и взялся проводить его домой. По дороге Иван Трофимович пел былины. Кирик Гаврилович, несмотря на свой возраст, сохраняет бодрость духа, любит шутить и недавно сочинил два стихотворения, которыми очень гордится. Одно из них посвящено красноармейскому празднику, и написано оно в духе старинных солдатских песен, а другое является сатирической поэмой о краже коня в пасхальную ночь. У Кирика Гавриловича семья состоит из жены-старушки, двух женатых сыновей, дочери-вдовы и старушки-сестры. Старший сын живет в Петрозаводске и помощи отцу не оказывает. У Михаила Кириковича – жена и трое детей (о дочери Марии Кириковне см. № 237, 237а, 237б нашего издания). Сестра Агра-

[1] У Гаврилы Трофимовича было 9 детей, из которых шестеро умерли в детском возрасте. – Соколов Ю. М.

фена Гавриловна – старушка лет под 80, бездетная вдова. До 1917 г. почти всю жизнь работала в Петербурге в барском доме. В настоящее время получает пенсию. Былин не помнит. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 466; также см.: Бородин-Саргиджан, 1929. С. 147).*

224а. Рябинин Кирик Гаврилович, в 1926 г. крестьянин д. Середка Сенногубского сельсовета Заонежского района, – родной внук знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина и племянник Ивана Трофимовича Рябинина, от которого и перенял свои былины. В 1926 г., когда были произведены от него записи, ему был 71 год. К искусству былинного сказительства он относился с большим уважением, с радостью слушал наши рассказы о его знаменитых предках и очень сожалел, что им это искусство уже позабыто. Сказывать сперва отказался, мотивируя нежеланием уронить искусство исполнения. Он говорил: «Соврать-то каждый сможет, да все это не то». Былины сперва рассказывал словами, потом пел. Между текстами, записанными со сказа и с пения, разницы почти не было, вставлялись лишь частицы для ритма: «ай», «да й» и т. п. Концы былин знал уже слабо, вспоминая, говорил: «Постой, постой, не дай соврать!». Вспомнив во время сказывания былины о Соловье-разбойнике пропущенный им в начале отрывок, заботливо указал, куда именно его надо вставить. Изредка былину прерывал комментариями. Из них особенно интересно замечание его по поводу образа могучего пахаря в былине о Вольге и Микуле: «Вот какой человек мужественный был, что наши заборы из камней своротил!». В этом восклицании видна и глубокая вера в действительность событий, изображенных в былине, и воплощение в былинном образе представлений о предках – героях земледельческого труда, и осмысление через былину типичного пейзажа родных полей (груды камней на полях и заборы из камней, когда-то при распашке вывороченных из земли).

Кроме былин, Кирик Гаврилович знал песни и сказки. Будучи хорошо грамотным, он сочинял и стихи на деревенские события. Так, сочинил длинную повесть в стихах в ритме ершовского «Конька-Горбунка», которого раньше знал наизусть и очень любил, но влияния которого на свои стихи не замечал. <…> О повести «Конек-Горбунок» говорил: «Вот славная повесть, сложена-то как славно». *(См. отрывок его повести: Карнаухова, 1927. С. 120. – Составитель).*

Кирик Гаврилович был человек живой и общительный. По крестьянским делам ему много раз приходилось ездить в Петрозаводск. В обращении это был обаятельно-приветливый, радушный, несколько застенчивый человек.

В лице Кирика Гавриловича мы видим представителя той категории исполнителей былин, которые, обладая весьма ограниченным репертуаром, не возвышаясь и в лучшие годы своей сказительной деятельности над уровнем рядового исполнительства и постепенно утрачивая свое знание, отличались в то же время глубокой, преданной любовью к старинному народному творчеству. *(Астахова, Т. II. С. 260; также см.: Астахова, 1927. С. 80).*

225. РЯБИНИН МИХАИЛ КИРИКОВИЧ – правнук Т. Г. Рябинина, сын К. Г. Рябинина. В автобиографии Михаил Кирикович пишет, что он «кровный потомок

знаменитого рябининского рода, классика былинного сказительства Т. Г. Рябинина. Родился в 1897 г. в дер. Середка Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Окончил 3-летнюю сельскую школу. Когда ему было 10 лет, отец, находящийся в работниках у Клопова, в молотилке оборвал руку, и вся тяжесть работы легла на его плечи. С 12 лет он начинает пахать землю, косить траву и промышлять рыбной ловлей, а с 16 лет самостоятельно ведет свое хозяйство». *(АКНЦ 69/47. Л. 2).*

В 1916 г., в Германскую войну, Михаила Кириковича призывают в армию, во флот. После революции он вступает в члены ВКП(б) и в 1918 г. его избирают секретарем партячейки Кижской волости. В этом же году он уходит добровольцем в Красную Армию. После армии работает сначала в волостной милиции, исполняет обязанности председателя крестьянского комитета волости, является членом уездного крестьянского комитета, секретарем союза рыбаков, а в 1926 г. снова в милиции г. Петрозаводска. В 1927–1928 гг. работает в Сельпо, а в 1929 г. вступает в колхоз «Северная искра». В 1932 г. Михаила Кириковича как опытного рыбака командировали на 6-месячные курсы механизированного лова рыбы в г. Астрахань, после которых работал техноруком и зав. пунктом ОМРЗ. Возвращаясь из Астрахани, Михаил Кирикович встречался в Москве с А. М. Горьким.

В 1935 г. он работал в бухгалтерии на каменных разработках на Оленьих островах, а в 1937 г. переехал в г. Петрозаводск и поступил работать в пожарную охрану в должности инспектора.

Михаил Кирикович знал несколько традиционных былин, но как он сам пишет, «будучи секретарем партячейки, не захотел вспоминать и прославлять старых князей, которые упоминались в былинах, даже воспретил отцу исполнять старинные былины», о чем в дальнейшем очень сожалел.

Говоря о вымирании семейной традиции, А. М. Астахова в статье «Былина в Заонежье» писала: «В тех же семьях, где что-то еще сохранилось, это сохранившееся весьма скудно, укорочено, обеднено, часто искажено. <…> Кирик Гаврилович Рябинин мог сообщить нам только две былины „Об Илье Муромце и Соловье-разбойнике“ и „о Вольге и Микуле“, из которых последняя – тоже сокращенная, с выкинутыми описательными деталями и без конца. Дочери его, Марье Кириковне Сарафановой, 45 лет, удалось вспомнить, и то с трудом, часть одной былины „О Дюке Степановиче“. <…> Сын Кирика Гавриловича, Михаил Рябинин 29 лет, по его же словам, былинами никогда не интересовался, хотя и видел издание былин с портретом Трофима Григорьевича. Живой, честолюбивый, он пробует проявить свои дарования в жанре стихотворного фельетона и пишет ряд стихотворений на местные события[1]». *(Астахова, 1927. С. 80).*

Михаил Кирикович считался в округе лучшим вершником – свадебным дружкой. В 1926 г. с ним встречались участники экспедиции ГАХН, руководимой братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми. Юрий Михайлович писал: «Михаил Кирикович, крестьянин нового склада и новых взглядов, общественный работник, поэт и хороший земледелец. В то же время Михаил Кирикович – прослав-

[1] Несколько таких стихотворений из «Собрания сочинений М. К. Рябинина о разных совето-гражданских делах» мы получили от автора. – Астахова А. М.

ленный в округе дружка. От него были записаны нами при́сказки (более 1200 стихов). Былин Михаил Кирикович не заучивал и поэтому спеть их не мог». А в книге «Русский фольклор» Ю. М. Соколова читаем: «В качестве профессионального дружки он <Михаил Кирикович> участвовал чуть ли не в сотне свадеб. Свои присказки М. К. рассказывал нам в течение трех часов; от него мы записали несколько сот присказочных стихов. Он приводил присказки и женихова „дружки“ и „старосты“ (тоже разновидность дружки) со стороны невесты. <…> В записанных <…> в 1926 г. присказках дружки, наряду с древними образами князя, княжьих служек, соколов, упоминаются и моторные лодки, аэропланы, летчики и т. д.». *(Соколов Ю., 1941. С. 168–169).* В 1936 г., работая на Оленеостровских каменных разработках и руководя драмкружком, Михаил Кирикович написал инсценировку «старой северной свадьбы» и осуществил ее постановку, где выступал в роли дружки.

После встречи с Ю. М. Соколовым М. К. Рябинин описал собственную биографию в стихах и начал создавать былины-новины, сказы, посвященные Ленину и Сталину, партизанам, героям и защитникам отечества в ВОВ, сказки и другие стихотворные произведения. Некоторые из них были опубликованы (см. примечание к № 225). В биографии М. К. Рябинин перечисляет свой репертуар. Это – сказ о сталинской конституции; былина о папанинцах, героях Арктики; о гибели Бабушкина, о гибели Чкалова; былина о Ленине; о Богатырях ВОВ; новина о финской войне, о пожарной охране; стихотворения: о Беломорском канале; 20 лет АКССР; о защите Сталинграда; к 8 Марта; сказки: как мужик в рай ходил; как солдат попа обманул; о безумной жене; о новом царстве; рассказ: путешественники; пьесу о заонежской свадьбе. В 1943 г. работал над новиной: маршал Советского Союза И. В. Сталин.

В 1932 г. семья М. К. Рябинина состояла из 6 человек: жена Ольга Ивановна 33-х лет, сын Василий 13 лет (учился в Петрозаводске в 3-й ФЗС <фабрично-заводская школа> ?), сын Алексей 11 лет (учился в сельской школе), дочь Анна 6 лет и дочь Роза 1 год 8 месяцев. Михаилу Кириковичу было 34 года, работал в колхозе мельником. *(АКНЦ 69/47. Л. 2–5: рукопись автобиографии, написанной 7 мая 1943 г. к 25-летию трудовой деятельности; 122/50. Л. 469–473: рукопись автобиографии в стихах, сочиненной в 1926 г. и записанной 19–20/I–1932 г.; Л. 474–482: м/п копия; также см.: Бородин-Саргиджан, 1929. С. 147).*

225а. Рябинин Михаил Кирикович – правнук Трофима Рябинина. Отец его, Кирик Гаврилович, родной племянник Ивана Трофимовича Рябинина, тоже был исполнителем былин. Сам же М. К. Рябинин былин не знал и ими до 1926 г. (первая встреча его с собирателями) не интересовался, но занимался стихотворством, сочиняя стихи-фельетоны на местные темы. Как он сам говорит в стихотворной автобиографической заметке, написанной 19 января 1932 г., для него «не интересна легенда прожитых времен», «не сказка, а быль», увлекает его – «о том пишу всегда стихи» (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVII). В области же фольклора он знал много свадебных приговоров и присказок и в качестве дружки не раз участвовал в свадьбах <…>.

Вероятно, именно под влиянием встречи с собирателями, проявленного ими интереса к былинному творчеству и родилась у Михаила Кириковича мысль, вопреки прежнему своему отношению к эпосу, оформить в стихах былинную тему. Характерен выбор для этого – сюжета о Микуле, как особенно близкого крестьянству.

<…> М. К. Рябинин слагает эпические произведения на современную тематику. *(Астахова, Т. II. С. 499).*

225б. Из статьи В. С. Бахтина «Последний в династии сказителей?»: «Четверть века назад ко мне в Союз писателей обратился незнакомый человек и попросил помочь оформить ему пенсию. Звали его Михаил Кирикович Рябинин <…>. Дела его, как видно, были не блестящи. Работал плотником в школе в поселке Бернгардовка под Ленинградом, куда в 1955 г. переехал из деревни в связи со вторым браком. Хотел получить пенсию не как плотник, а как член Союза писателей.

Мы сблизились. Изредка приходил он в Дом писателя, и тогда мы подолгу беседовали. Хотелось узнать что-то о его жизни, о предках, о том, что он помнил из старого. Но его одолевали заботы нынешнего дня.

Однажды он принес папку со своими произведениями и спросил, нельзя ли что-нибудь напечатать. На дворе был уже 1970 г., и думать было нечего об опубликовании восторженных былин-новин времен культа – о победе, о выборах, о папанинцах, о женском дне и пр., вплоть до зарифмованного письма товарищу Сталину с просьбой принять его сбережения – три тысячи рублей в фонд Красной Армии. Тут же была и газетная вырезка со стандартными словами благодарности товарища Сталина.

Как-то он упомянул имя Горького, сказал, что встречался с ним. „Вот и написали бы об этой встрече, – сказал я ему. – Это, наверное, можно будет напечатать“. И он написал. Довольно быстро принес четыре листочка.

Я прочитал. Приготовил несколько вопросов по поводу не совсем ясных фраз, подчеркнул места, которые следовало бы развернуть. Михаил Кирикович пообещал сделать, что сможет. Но заболел. И вскоре его не стало. Скончался он 5 августа 1971 г. Потом заходила его жена и рассказывала, что умирал он очень тяжело, с мучительными болями. Несколько раз предлагал я воспоминания М. К. Рябинина о Горьком – и в „Литературную газету“, и в журналы, в том числе и в „Север“, но везде получил отказ.

Почему эти листочки не печатали – понятно. В них Горький, хоть он и показан как человек добрый, отзывчивый, выступает в роли вдохновителя не очень привлекательного вида творчества.

Воспоминания Михаила Кириковича удалось опубликовать лишь в 1988 г., почти через двадцать лет, в малоизвестном сборнике „Ленинградская панорама“. Они напечатаны в ряду других заметок о Горьком, в заголовках имя Рябинина не упоминается. Воспоминания эти не дошли до фольклористов. Времена наступили иные <…>. Поэтому считаю полезным огласить рукопись Михаила Кириковича Рябинина на Рябининских чтениях. <…>

О былинах М. К. Рябинина В. С. Бахтин пишет: „После встреч с экспедицией 1926 г. и особенно после разговора с Горьким он всерьез занялся ими, внимательно читал их, изучал эпический стиль. И, надо сказать, преуспел в этом. В былинах, которые складывал Михаил Кирикович, стиль, образы, порой самое эпическое мышление органичны. Разумеется, способствовали этому художественные впечатления детства. Хотя он и отрицал былины, Горькому он сказал, что знает четыре (и они не записаны!)".

Упоминает В. С. Бахтин и о сказительских династиях – не только Рябининых, – говорит о том, что было бы плодотворным проследить их судьбу и репертуар, и о том, что «участники Рябининских чтений наверняка запомнили несколько гостей – потомков Рябининых и среди них сына и дочь Михаила Кириковича, тоже стариков, родоначальников новых семейных кланов. Они пригласили меня к себе, и я имел возможность выяснить, что же живет в их памяти. На первый взгляд – вообще ничего не осталось. Но так не бывает. Есть у них свой репертуар. Первый тост после беседы, как говорится, за жизнь, брат и сестра хором пропели: „Разговор на эту тему портит нервную систему, а поэтому не стоит огорчаться!" <…> Сын – Алексей Михайлович рассказал городской анекдот. Попели романсы, потом соревновались в частушках, которых немало знает Анна Михайловна Новгородцева, дочь Михаила Кириковича. И все больше деревенского и старого проступало и в песнях, и даже в озорных байках. …После длительной пляски Анна Михайловна рассказала и прокомментировала загадку <…>. На мой вопрос о своей жизни нынешний Рябинин ответил наверняка прадедовской поговоркой: „живем – модеем, помереть не смеем".

И, наконец, последнее. Много ль осталось на карельской земле людей, которые провели свое детство в Кижах, возле знаменитого собора, как в обычной деревне, а не в музее. А ведь Рябинины жили там! Когда Михаил Кирикович женился, он половину огромного рябининского дома перевез на остров. А. М. Рябинин подарил рисунок – реконструкцию Кижей, на которой этот дом хорошо виден». *[Бахтин, 1997. С. 64, 65, 66, 67, здесь же: С. 70–73 – Биография М. К. Рябинина; также см.: Калашникова, 2001. С. 26 – фрагменты воспоминаний А. М. Рябинина и А. В. Андреевой-Рябининой (жены П. И. Андреева-Рябинина)].*

225в. Из статьи В. С. Бахтина «Последний в династии сказителей?»

Встреча с А. М. Горьким

(Рукопись Рябинина Михаила Кириковича)

«В 1932 г<оду> я, (Рябинин) был командирован в г. Астрахань на 6-мес<ячные> курсы механизированного лова рыбы, с выездом на практику в Каспийское море.

С момента выезда из Петрозаводска я стал вести дневник, описывая все события в поэме (стихами). Возвращаясь с Астрахани, мы остановились в Москве на 2 дня.

В то время А. М. Горький был секретарем Союза писателей С.С.С.П. Я попытался обратиться к нему, был приемный день. Когда подошла моя очередь, я с некоторым волнением вошел в светлый с высоким потолком кабинет, с большим количеством книг на полках. Алексей Максимович указал на кресло, предложил мне – садитесь! Подавая руку, я отрекомендовался – М. К. Р. <т. е. Михаил

Кирикович Рябинин>. Алексей Максимович выпрямился, спросил: вы не из потомства знаменитых сказителей Рябининых? Удивленный таким вопросом, я сказал: я правнук Трофиму Григорьевичу Рябинину, повторив свой инициал.

– Очень интересно! – сказал Алексей Максимович. – Ну, как, продолжаете изучать дедовские былины? – опять спросил Алексей Максимович.

Я немного растерялся, но твердо ответил: нет! Я знаю только 4 дедовских былины и не хочу изучать больше…

– Напрасно! – перебил меня А. М. – Былины жили, живут и будут жить, это народное творчество, русский фольклор. Ваш дед Трофим Григорьевич бессмертье заслужил, и вы, если будете развивать себя, тоже приобретете славу и почет. – Он помолчал, а потом спросил: – вы над чем-нибудь работаете?

– Я описываю о советской власти (отв<етил> я), о колхозе, о всем том новом, что…

– А у вас есть с собой какая ли рукопись? – перебил меня А. М.

– Что я писал дома (отв<етил> я), того нет, а вот Каспийский промысел, что я видел в Астрахани и на Каспийском море… – я достал из своего портфеля рукопись, подавая А. М., сказал: поинтересуйтесь, конечно, это черновик, над ним еще надо поработать.

А. М. взял рукопись, взглянул на толщину количества листов, сказал:

– Тогда это надо отложить до завтра, сегодня у меня приемный день, нельзя с одним посетителем задерживаться долго.

– Я завтра уезжаю, – сказал я, уже билет закомпостирован.

– А что, вы поездом? – спросил А. М.

– Да, – ответил я, – я еду с г. Астрахани, был на курсах механизированного лова рыбы, об этом и есть моя рукопись.

А. М. нажал на кнопку звонка. Вошла женщина.

– Позовите А. П., – ск<азал> он. – Давайте ваш билет!

Через минуту вошла вторая женщина.

Антонина Павловна, – ск<азал> А. М., – съездите на Ленинградский вокзал, перекомпостируйте билет Рябинину на завтра. Вас устраивает? – обратился он ко мне.

– Устраивает! – отв<етил> я.

– Ну, тогда пока! – подавая мне руку, сказал А. М. – завтра к 10 ч<асам>. Сюда же.

Не зная, о чем и какой будет разговор, я до 2-х часов ночи просидел в задумчивости, об чем бы спросить мне еще А. М.

Утром, придя в Союз писателей, А. М. уже был там. Женщина, стоявшая на лесенке, перебирала на полке книги, должно быть, что-то искала. А. М., поздоровавшись со мной, встал и сказал:

– Пойдемте, М. К., в другую комнату, – и мы перешли через 2 комнаты, в которой стояло 3 стола, к одному из них мы и сели.

– Я поинтересовался вашей рукописью, – ск<азал> А. М., – вообще-то она слабовата, но это у вас черновик – в нем есть очень хорошие места, в вашей рукописи чувствуется сметливость, а это говорит за то, что у вас есть природный талант и ум – советую, М. К., развиваться, вы тоже заслужите славу и почет.

Он замолчал. Тогда я спросил:

– А. М., вот мне уже 35 лет, и я малограмотный, теперь уже поздно мне поступать в какое бы высшее заведение и…

Он улыбнулся (чему я удивился, т. к. это произошло первый раз за все время нашей беседы) и сказал:

– А я? Я только учился самоучкой, писал на заборах, и в настоящее время пока нет таких учебных заведений, да вообще писателей не учат, это люди – самородки. Писательский труд – тяжелый труд! <…>

<Далее А. М. Горький объяснил М. К. Рябинину, насколько труден процесс создания рукописей, закончив словами (составитель)>:

– Писатель только тогда напишет дельно, когда не будет находиться под влиянием личного увлечения и пристрастия, он должен обозревать покойным и светлым взглядом жизнь и людей вообще, иначе выразит только свое я, до которого никому нет дела.

Всего разговора с А. М. Горьким теперь мне не передать, только кое-что я вспоминаю, и немного сохранилось в записи.

Прощаясь, я сказал, что живу в провинции, далеко от литературного центра, и нет возможности посоветоваться с кем-либо, я великолепно понимаю, что теперь не та эпоха… Однако я не договорил, меня перебил А. М.

– Былины пишите, былины! Это ваш жанр!

И я вспомнил совет экспедиции из Москвы под руководством профессора Соколова Ю. М.

С этим советом я, вернувшись домой, стал заниматься былинами. Рябинин». *(Бахтин, 1997. С. 67–69).*

225г. Анастасия Андреевна Трофимова из д. Воробьи (см. № 275 нашего издания), исполнив свадебные приговорки, сообщила собирателям, что «они принадлежат Михаилу Кириковичу Рябинину. Исполнялись к приезду поезда за невестой, жених стучал в ворота плехой (плеткой?), а вершник (дружка), которым обычно бывал Михаил Кирикович, говорил этот „указ“. По словам Анастасии Андреевны, подобных „указов“ он знал очень много, почему его и приглашали на многие окрестные свадьбы дружкой». *(АКНЦ 79/329).*

Свадебный приговор дружки, исполненный Петром Герасимовичем Никитиным из д. Пустой Берег, он тоже слышал от М. К. Рябинина (см. № 178 нашего издания).

226. РЯБИНИН ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ, 23-х лет, крестьянин с. Гарниц Западных. 3 года как женат. Содержит двух младших братьев. Живет, отделившись от П. И. Рябинина. Внук Ивана Трофимовича Рябинина, сын Василия Трофимовича Рябинина, сына Ивана Трофимовича от второго брака. Живет в комнатке, где находилась молельня Ивана Трофимовича и где он принимал почетных гостей.

Петр Васильевич говорит, что в детстве слышал от деда и от дяди Ивана Герасимовича следующие былины: «Илья Муромец и Калин-царь», «Дунай Иванович», «1-й и 2-ой бой Добрыни со змеем», «Соломан-царь», «Илья Муромец в

ссоре с кн. Владимиром», «Три поездки», «Вольга и Микула», «Добрыня Никитич и Василий Казимирович». Помнит только две последние былины и те не полностью. Петь очень стесняется и очень долго заставляет себя уговаривать. Человек очень замкнутый. Голос – свежий, красивый тенор.

Комната П. В. Рябинина носит характер своеобразного музея. На стенах портреты Ивана Трофимовича масляными красками и фотографии, его иконы (частью поднесенные ему), на столе гипсовый бюст Ивана Трофимовича, работы Стелецкого (7/III–1902 г.), перед ним на стене зеркало, подаренное Ивану Трофимовичу 17 марта 1902 г., а также удостоверение о присуждении бронзовой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 17 октября 1894 г. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 462).*

В. Г. Базанов, посетивший д. Гарницы в 1939 г., дополнил перечень предметов, относящихся к И. Т. Рябинину, в 1981 г. он писал: «Дом, в котором жил И. Т. Рябинин в Гарницах, хранил много вещей, принадлежащих сказителю и живо напоминавших о былом: шкаф, диван, кровать, стулья, орудие лова, кофейник и т. д. В мезонине этого дома <…> на столе лежал паспорт, с которым Иван Трофимович ездил за границу». *(Базанов, 1981. С. 99).*

Последняя представительница четвертого поколения Рябининых, П. И. Воронцова, о которой упоминают Н. А. Криничная и А. И. Фролов в статье «Место, где стоял дом, в котором жили сказители И. Т. Рябинин…», «вещами мемориального характера не располагает и ничего не знает об их судьбе, полагая, что многие из них пропали во время войны и в последние годы, когда дом стоял беспризорным». *(Криничная, Фролов, 1977а. С. 141–142).*

227. РЯБИНИН ТРОФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ, родился 15 апреля (по старому стилю) 1801 г. в д. Дмитровская (д. Гарницы), умер 14 февраля 1885 г. в д. Потаневская (д. Середка)[1].

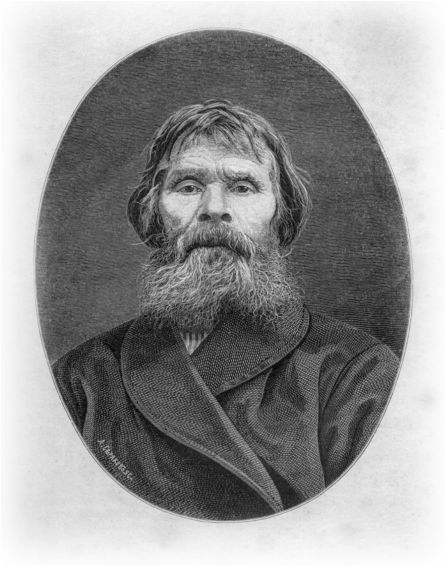
Весной 1860 г., воспользовавшись официальной командировкой, П. Н. Рыбников решил познакомиться с бытом крестьян и записать интересовавший его этнографический и фольклорный материал. Так он оказался в Заонежье.

В «Заметке собирателя» он писал: «К ночи мы подъехали к деревне Середке. <…> Спутники разобрали мои вещи, чтобы перенести их к Леонтию Богдановичу, <с которым он познакомился в лодке>. <…> „Есть у нас два таких сказителя, – говорил мне в тот вечер Л. Богданов, – что супротив их не будет в целом Заонежье. Один Козьма Иванов Романов <…> другой – Трофим Григорьевич Рябинин из нашей деревни“. – „Свези-ка меня завтра же к этому Рябинину“. – „Нет, Павел Николаевич, мне поутру не слободно, да и надо сначала мне к нему наведаться: мужик он гордый и упрямый. Коли его наперед не уломать, так ты ничего от него не добьешься“.

[1] Точную дату и год рождения Т. Г. Рябинина установила научный сотрудник Музея-заповедника «Кижи» С. В. Воробьева по черновым клировым записям Сенногубского прихода за 1801 год – См.: Воробьева, 2000. С. 54; дату смерти сказителя – по Метрической книге Кижского прихода за 1885 год. Запись в разделе об умерших гласит: «Февраль 14. Деревни Серетки государственный крестьянин Трофим Григорьевич Рябинин (умер – С. В.), 90 лет, от старости. Погребен на церковном кладбище» – См.: Воробьева, 1997. С. 27. «Местонахождение могилы не установлено». – См.: Криничная, 1977б. С. 136.

Леонтий ушел рано из дому и, воротившись домой к пабедью, объявил, что Рябинин придет сегодня же к нему в избу. <…> Вечером через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородкой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность. „Вот и Трофим Григорьевич пришел“, – сказал мне Леонтий.

После обычного обряда знакомства я рассказал Рябинину про любовь свою к старинным песням и стал убедительно просить его спеть о каком-нибудь богатыре. „Не гоже нынь сказывать мирские песни, – отвечал он, – ноне пост: нап стих петь“. Тут, как сумел, я объяснил ему, что если не грех петь стихи, так не грех и былины сказывать. „В стихах Трофим Григорьевич, – говорил я, – поют, в назидание слушающим, о святых людях; да ведь и в былинах сказывается о вековечной старине, о древних князьях и святорусских богатырях“. Сам ты знаешь, что в былинах на конце припевается: „Синему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье“. Или Рябинина убедили мои доводы, или ему самому хотелось развернуть свое уменье перед внимательным и сведущим слушателем, только он тут же стал мне сказывать о Хотене Блудовиче. Он выговаривал былину пословечно, я записывал начерно, а когда он кончил, я попросил его спеть и по петому поправил свою запись. Напев былины был довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиной десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особое значение каждому стиху. Не раз приходилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!

Рябинин Трофим Григорьевич

В тот же вечер Рябинин пропел мне о Иванушке Годиновиче, боярине Ставре, Садке и Михайле Потыке. В следующие дни он приходил ко мне по вечерам без зова, и сам вызывался рассказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называл ему богатырские имена, какие знал, иногда рассказывал вкратце подвиги богатыря, а Рябинин тут же припоминал былину или же предлагал вместо нее спеть другую: „Этой я, Павел Николаевич, не знаю, а вот спою тебе про Вольгу Святославича“. Бывало и так, что он подолгу отказывался завести иную былину, потому-де, что всея не помнил. Например, из старины о Садке

и одного варианта о Потыке (Ч. 1. № 35 <3-е изд. Т. 1. № 11>) он знал только начало.

По хозяйству Рябинин „полномочный крестьянин“: у него хороший участок земли; но главный его промысел – рыболовство, доходами от которого он уплачивает подати и кормит большую семью, которой на год бы недостало своего хлеба при скудных северных урожаях. Учителей у Рябинина было несколько: иным былинам он научился от великого сказителя, дяди своего Игнатия Иванова Андреева, другим – от какого-то петербургского трактирщика Кокотина. Этот Кокотин, большой охотник до былевой поэзии, читал ему многие былины из рукописной тетради. В ней, например, было записано, как Добрынюшке покрут понадобился для князя Владимира и как этот богатырь ездил в чужие земли за дорогими шелковыми материями. От того же Кокотина Трофим Григорьевич слышал о Гальяке неверном – Федоре Ивановиче и сыне Владимировом. Но главный наставник Рябинина был Илья Елустафьев, память о котором и теперь сохранилась в Кижской волости <см. о нем № 65–65б> нашего издания. <…>

Рябинин в молодости хаживал для рыбного промысла на Ладожское озеро и привык там видеть уважение и удивление к своему знанию былевой поэзии. В праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались с разных судов в один круг слушать Трофима Григорьевича. Если же приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, так кто-нибудь из слушателей брал на себя исполнять это дело на сойме, а Трофим Григорьевич тем временем пел и сказывал былины без умолку. „Если б ты к нам пришел, Трофим Григорьевич, – говаривали рыболовы, – мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал, а мы тебя все бы слушали“. У себя дома Рябинин не встретил такого внимания, потому что в Кижской волости Заонежья почти каждый смышленый старик знает или, по крайней мере, по содержанию помнит одну-две старины; сверх того, и теперь еще живы другие ученики Ильи Елустафьева и иных знаменитых сказителей. Оттого Трофим Григорьевич, при своем гордом и неподатливом характере, замкнулся под старость в самого себя и поет больше про свое семейство. Из детей его лучше всех выучился у него петь младший сын – Иван. Вероятно, из той же гордости Рябинин не сразу поддался на приглашение Леонтия сказывать перед приезжими и впоследствии, несмотря на мои усиленные просьбы, не согласился ничего взять с меня за науку. Когда я, на расставание, подарил его большухе платок, то он сейчас же отдарил меня шитым полотенцем и счел нужным объяснить как прием подарка, так и свое отдаренье: „Когда, Павел Николаевич, приятели расстаются надолго, то у нас в обычае дарить друг другу на память даровья“[1]». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 57–60).*

[1] Слово «гордость» не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется деликатность, так что это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и к другим. Для характеристики этого самоуважения расскажу здесь случай из его жизни: один из полицейских чиновников прежнего времени попросил с него взятку за какое-то дело, Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать чрез деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками; Трофим Григорьевич спокойно отстранил его прочь от себя и заметил ему суровым голосом: «Ты, ваше благородие, это оставь: я по этым делам никому еще должон не оставался». – Рыбников П. Н.

Позднее в одном из писем П. А. Бессонову (11 апреля <1861 г.>) П. Н. Рыбников писал: «Бедный Рябинин, не встречавший уважения (не к себе: он слишком нравственная и серьезная личность) к своим любимым былинам, после разговоров со мною ободрился, и сам стал ценить поэтические обломки, сохранившиеся в его памяти; для меня он нарушил Петровский пост, в котором ел только хлеб и коренья, чтобы рассказывать „мирские вещи“». А в письме к И. И. Срезневскому (2 апреля 1863 г.) словами Т. Рябинина выразил «воззрение самих крестьян на долговечность и способ передачи былевой поэзии»: «Скажи мне, П. Н., – говорил он, – отчего про прежних князей поют все в былинах, и тым князьям слава век не минует. Какой мальга мой Ванька, а и тот уже научился от меня петь, хоть еще и не вполне. Как едет по деревне, запоет про ратая – по деревне стон стоит. А про нынешних царей поют в песнях?..». В этом же письме П. Н. Рыбников говорил о напевах былин: «У Рябинина, собственно, только два напева, но перехваты и колена голоса дают каждой былине особый характер. Один и тот же быстрый напев очень весел в Ставре; в Потыке нежнее и заунывнее; в Вольге и Микулушке становится торжественным (по выражению сказителей, в Ставре надобно петь толще, а в Потыке тоньше); протяжный напев грозен в Илье Муромце и Соловье, в двух королевичах из Крякова, еще грознее в Паленице». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 3. С. 239, 260–261).*

227а. Трофим Григорьевич Рябинин, крестьянин дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лет от роду, еще бодрый старик среднего роста, почти без седины. Родился в дер. Га́рницы соседнего с Кижским Сенногубского погоста. Его отец был взят в милицию во время шведской войны (должно быть при Екатерине), когда он был еще малым ребенком. Через год после ухода отца на службу мать умерла, отец был убит на войне. Молодого Трофима Григорьевича воспитал «православный мир». Когда подрос, он, чтобы не просить милостыни и не быть в тягость чужим людям, стал ходить по окрестным деревням чинить сетки, ловушки и другие рыболовные снасти. При этом ему случалось работать подолгу вместе с Ильей Елустафьевым, бедным стариком с Волкострова, дер. Шляминской, который «откачнувшись» от своего сына, ходил тоже по волостям и пропитывался тем, что «ладил» (т. е. мастерил) и чинил всякого рода сети для рыбной ловли. Этот Илья Елустафьев (умерший тому назад лет 40, девяносто лет от роду) знал очень много былин и певал их за работой, и Рябинин многое от него «понял». Между прочим, от него он научился былинам про Илью и Калина царя и Молодца и худую жену. В 1812 г. он поступил в работники в дом своего дяди Игнатия Иванова Андреевых (в дер. Гарницы), который, по словам его, был самым лучшим певцом былин во всем их крае и превосходил даже Елустафьева. Тут же жил и зять Игнатия Иванова, Василий Софронов Сарафанов (отец нынешнего сказителя Сарафанова <см. о нем № 236 нашего издания)> и был тоже мастер петь былины. От Игнатия Иванова Рябинин «понял» наибольшую часть своих былин, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью, узнающего свою

дочь, Дуная, Потыка, Королевичей из Крякова и Скопина. Былины про Добрыню в борьбе со змеем и про Добрыню в отъезде с Василием Казимировым он узнал еще ранее того от крестьянина Ивана Агапитова Завьялова в Гарницах, которого слышал в детстве (Завьялов, по словам Рябинина, умер почти 70 лет тому назад); про Дюка он научился от старика Ивана Кокойкина, жившего до 100 годов; про Ивана Годиновича от крестьянина Федора Трепалина из дер. Мигуров: у обоих последних (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временам бывать в работниках. 24 лет от роду[1] Рябинин женился и перешел в дом тестя в дер. Середка, где с тех пор живет на крестьянстве. Но кроме хлебопашества, главное его занятие составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промыслом около дома, он раз 40 на своем веку ходил с другими крестьянами из Заонежья на ловлю в Ладожское озеро: бывал раза два в Петербурге, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Он считается весьма исправным домохозяином, хотя не из самых зажиточных. Из четырех его сыновей[2] двое были взяты в солдаты и умерли на службе; двое живут при отце и отчасти переняли от него умение петь былины. Рябинин известен был г. Рыбникову, который записал с его слов 23 былины (считая, в том числе отрывки). В настоящее время он всех не мог уже вспомнить. Все здесь помещенные былины (Гильфердинг, 1-е изд.) записаны у него «с голоса». Пребывание Рябинина в Петербурге, куда он прибыл по приглашению Отделения Этнографии Русского Географического общества, дало случай вновь проверить прежнюю запись. Рябинин рассказывал, что он слыхал от стариков и разные другие былины, которых не упомнил. Так он слышал, но очень давно, от одного старика былину про рагнозерского старика Федора Рахкоя, который ходил бороться в Москву <…>; от вышеупомянутого Завьялова слышал он большую былину про Михайлу Потыка, которая судя по тому, как он передавал содержание, была сходна с тою, которую пел Калинин о том же богатыре. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 434; также см.: Гильфердинг, 1872. С. 498 – сокр. вариант; Соколов Б., 1924. С. 80 – краткие биогр. сведения; Андреев, 1938а. С. 177 – сокр. вариант биогр. справки;*

[1] По записям в Метрических книгах по Сенногубскому и Кижскому приходам С. В. Воробьева установила, что Т. Г. Рябинин женился в 20 <19> лет, 4 апреля 1820 г., на Дарье Петровой, 16-летней дочери крестьянина Петра Панкратова (Клопова) из д. Потаневская. <…> Умерла Дарья Петровна в 1866 г., 63 лет от роду. – См.: Воробьева, 1997. С. 35, 36.

[2] На основании записей в Метрических книгах С. В. Воробьевой удалось восстановить, что «в семье сказителя было 14 детей, однако в живых осталось семеро: пятеро сыновей и две дочери. Двое из сыновей <Евсей и Клементий>, что было уже отмечено А. Ф. Гильфердингом и подтверждено архивными документами, ушли в армию; трое остались в деревне, причем у каждого была большая семья. Одна из дочерей Т. Рябинина – Лукерья, предположительно в 1848–1849 гг. вышла замуж за крестьянина Сенногубского прихода д. Сенной Губы (Погост) Кирика Евдокимова Бабкина, а другая – Дарья была выдана в 1851 г. замуж за крестьянина д. Жарниково (Кижский приход) Петра Алексеева Русинова. Она умерла в 1880 г. 49 лет от роду от чахотки». Сыновья Т. Рябинина: Гаврил родился 26 марта 1821 г., Евсей – в 1829 г., Клементий – в 1830 г., Стефан (Степан) – 28 октября 1832 г., умер в 1885 г. Запись в Метрической книге гласит: «Января 5 дня <умер> деревни Серетки государственный крестьянин Стефан Трофимов Рябинин, 52 лет от чахотки. Погребен на церковном кладбище Кижского прихода». Сын Иван родился в 1846 г.; дочери: Лукерья – в 1826 г., Дарья – в 1831 г., Степанида – 12 ноября 1835 г. – См. Воробьева, 1997. С. 27, 29, 30, 31, 35.

Базанов, 1939. С. 6–12 – психологич. и творческий портрет сказителя, репертуар; Чистов, 1980. С. 48–82 – психологич. портрет сказителя и о его исполнительском мастерстве; Чистов, 1982. С. 61–66 – о выступлениях сказителя в Петербурге; Воробьева, 1997. С. 27–36 – биография сказителя по материалам ЦГАРК; Воробьева, 2000. С. 50–59 – о семейных традициях сказительства…).

227б. В 1871 г. А. Ф. Гильфердинг разрешил в Отделении этнографии РГО вопрос о приезде Т. Г. Рябинина в Петербург. Он сообщил об этом письмом сказителю и Олонецкому губернатору «с просьбой содействовать поездке» сказителя. Все хлопоты, связанные с приездом Рябинина в Петербург, с его выступлениями, Гильфердинг взял на себя (сказитель жил у него). Единственное, о чем просил он, пишет К. В. Чистов в статье «Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в.», чтобы отделение этнографии Русского Географического общества «назначило ему (т. е. Т. Г. Рябинину – К. Ч.) некоторый подарок». «Подарок» предполагался в размере 100 р. *(Чистов, 1982. С. 57).*

Как установила З. И. Власова, Т. Г. Рябинин приехал в Петербург 22 ноября 1871 г. (см. № 227ж нашего издания). В вышеупомянутой статье К. В. Чистова читаем: «После приезда Рябинина Гильфердинг продолжал с ним усиленно работать. Шесть текстов было записано впервые, большинство старых записей прослушано вторично и на черновики нанесены варианты отдельных строк и эпизодов. Гильфердинг <…> предполагал, что Рябинин недолго пробудет в Петербурге, – он торопился с новыми записями. Пометы на них ежедневные – 24, 25, 26, 27 ноября, причем в некоторые дни записывалось по два текста.

3 и 5 декабря состоялись наиболее многолюдные вечера, на которых Т. Г. Рябинин пел свои былины: в Русском Географическом и Славянском благотворительных обществах. Столичная печать живо откликнулась на эти вечера. Сообщения появились во многих газетах и журналах. Наиболее пространный отчет поместила на своих страницах известная газета „Санкт-Петербургские ведомости“ (1871, 5 декабря № 335). Судя по нему, вечер 3 декабря в Географическом обществе был не только многолюдным, но и обставлен весьма торжественно. На заседании были президент Академии наук известный мореплаватель и географ Ф. П. Литке, президент Географического общества вел. князь Константин Николаевич, известный теоретик и историк искусства В. В. Стасов, профессор Университета и видный фольклорист, автор монографии „Илья Муромец и богатырство киевское“ О. Ф. Миллер. Видимо, много было литераторов и музыкантов. Не исключено, что именно на этом вечере М. П. Мусоргский записал мелодии двух былин, исполненных Т. Г. Рябининым („Вольга и Микула“ и „Добрыня и Василий Казимирович“) <…> На заседании было „около 130 человек“. <…>

Знакомя собравшихся с певцом, А. Ф. Гильфердинг произнес вступительную речь. <…> А упомянутая газета „Санкт-Петербургские ведомости“ дала портрет сказителя: „Рябинин – старик-раскольник, 80 лет, крестьянин Олонецкой губер-

нии, одетый в сибирку, с длинной седой бородой и с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид, сидел у стола заседания, в креслах, положив обе руки на ручки своего кресла, и когда председатель Отделения попросил его начать, принялся за исполнение выбранной былины без всякого дальнейшего приготовления и вступления, смело, без робости, как человек, давно привыкший к своему делу. <…> Голос Рябинина – довольно приятный, несмотря на старость, тенор. Поет он очень просто, не возвышая и не ослабляя голоса и лишь изредка сбиваясь в словах, но, впрочем, тотчас же поправляя свою ошибку".

После первых двух былин („Вольга и Микула" и „Илья и Калин-царь") был объявлен перерыв, а затем Рябинин пел былины на выбор присутствовавших. Так, по просьбе О. Ф. Миллера он исполнил былину „Илья в ссоре с князем Владимиром". Присутствовавший В. В. Стасов <…> попросил спеть былину „Добрыня и Маринка" <…>. По желанию Гильфердинга пение былин завершено былиной „Про худую жену, жену умную". <…>

В газете „Русский мир" (1871, 5 декабря) говорилось: „Нет сомнения, что слушание былин из уст самого сказителя – редкий случай и весьма интересный, который, вероятно, и привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неимением мест стояла"». *(Чистов, 1982. С. 61–62; Чистов, 1980. С. 73–76).*

Журнал «Русская старина» (1871, 5 декабря) о заседании 3 декабря сообщал: «Давно не видел в залах Географического общества такого многочисленного собрания, как то, которое посвящено было Отделением этнографии слушанию былин <Рябинина> и которое почтил своим присутствием председатель Общества, его императорское высочество великий князь Константин Николаевич. Отделение присудило Рябинину серебряную медаль, – едва ли не первую такого рода награду, которую наше Географическое общество дает русскому крестьянину, а августейший председатель Общества удостоил его подарка, как нельзя более удачно выбранного для рапсода, воспевающего княженецкие пиры солнышка-Владимира – его высочество пожаловал ему серебряную чарку в древнем русском стиле.

Желая сохранить на страницах „Русской старины" изображение человека, которому мы обязаны многими из наиболее замечательных былин русских, редакция обратилась к художнику Н. Ф. Доссу с просьбой снять с Рябинина фотографический портрет, который здесь <в журнале> помещается, мастерски воспроизведенный гравером его императорского величества, академиком Л. А. Серяковым». *(Русская старина, 1871, Т. V. С. 497).*

По поводу присуждения Т. Г. Рябинину серебряной медали К. В. Чистов в книге «Русские сказители Карелии» и в ранее упоминаемой нами статье «Севернорусские сказители в Петербурге…» писал: «Статьи в газетах и журналах и сохранившиеся протоколы заседаний свидетельствуют о том, что отношение к певцу и его выступлениям не было однозначным. Это выявилось, в частности, в истории присуждения Т. Г. Рябинину медали в награду за его сказительскую деятельность. Совет Общества отклонил ходатайство Отделения этнографии.

„По всестороннем обсуждении этого вопроса, – читаем в протоколе совета, – оказалось, что восемь членов против двух (видимо, надо учесть, что среди этих двух был Гильфердинг как председатель отделения этнографии – К. Ч.) выразили мнение, что заслуги Рябинина как рапсода и сказителя не входят в круг деятельности Географического общества, вследствие чего, на основании § 1 положения о малых медалях, Совет не нашел возможным присудить серебряной медали Рябинину". Это решение вызвало возмущение не присутствующего на заседании Совета вице-президента Общества, известного географа, академика П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Он настоял на повторном рассмотрении вопроса и добился решения ходатайствовать о присуждении Рябинину правительственной медали (см. Изв. РГО, Т. VIII, № 2. С. 21, 40). Ходатайство это было удовлетворено, и 15 марта 1872 г. секретарь Отделения этнографии доложил на заседании о письме Олонецкого губернатора, в котором сообщалось о том, что он вызывал Рябинина в Петрозаводск и вручил ему награду (см. газ. „Голос", 1871, 6 декабря). Несомненно, что спор велся не просто о точности соблюдения параграфа соответствующего устава Географического общества. В середине 90-х годов, когда обсуждался вопрос о награждении И. А. Федосовой, часть членов Совета РГО тоже решительно заявила, что желает строго придерживаться однажды установленного правила – представители податного сословия не имеют права претендовать на золотую медаль Общества.

5 декабря 1871 г. Т. Г. Рябинин пел на заседании Петербургского отделения Славянского благотворительного общества <…>. В этот же день в газете „Биржевые новости" (1871, 5 декабря, № 333) сообщалось, что Рябинин „уже сказывал свои былины в некоторых частных домах" – в каких именно, остается неизвестным». *(Чистов, 1980. С. 78–79; Чистов, 1982. С. 63).*

Газета «Олонецкие губернские ведомости» также информировала читателей о выступлениях Т. Г. Рябинина с пением былин в Петербурге *(см. ОГВ, 1871, № 94, 8 декабря; № 99, 25 декабря; 1872, № 24, 25 марта).*

227в. Из статьи М. Сперанского «Былевая песня и современные ее носители»: «Рябинин Трофим Григорьевич принадлежал к числу наиболее выдающихся сказителей Олонецкого края как по богатству своего былинного репертуара, так и по мастерству исполнения; интересен он и потому, что на его примере отчетливо выясняется на значительном протяжении времени та певческая традиция, которая донесла до нас старую былевую песню. <…> Он застал былинную традицию середины, по крайней мере, второй половины XVIII века <…> все время до начала 30-х годов он вращался в среде певцов, по большей части выдающихся, и в то же время также представителей традиции того же XVIII века. На основании всего этого можно Т. Г. Рябинина считать представителем традиции, притом хорошей XVIII века; <…> *„школа", которую прошел Рябинин, была вообще* из выдающихся: он из нее вышел замечательным мастером своего дела. <…> И в отношении к богатству былевого материала памятливый Рябинин усердно использовал своих учителей <…> репертуар Рябинина состоял из 26 отдельных былин и их отрывков, обнимал собою <…> до шести с

лишним тысяч стихов. <…> Репертуар Т. Г. Рябинина интересен еще тем, что в нем обращают на себя внимание различные цифры стихов одной и той же былины в различное время их исполнения. Фактическое содержание былин остается в том и другом случае одним и тем же, разница падает, прежде всего, на обработку сюжета при помощи общих, „типичных" мест. Простое сопоставление друг с другом по записям Гильфердинга и Рыбникова, напр., былины о Вольге и Микуле <…> показывает, что в одном случае певец пропустил общее типическое место, в другом – добавил такое же место, в одном – дает повторение, в другом обходится без него, наконец, одно типическое место заменяется другим. <…>

Но в процессе передачи былинного текста проявлял иногда Т. Г. Рябинин и больше творчества и самостоятельности, развивая не только стилистическую его сторону, но и самое содержание, хотя основную фабулу он сохранял неприкосновенной; образцом такой обработки сюжета можно считать у него былину об Илье и его дочери. Наконец, допускал Т. Г. Рябинин и еще более решительную работу творческого характера над традиционными текстами былин: он их контаминировал, т. е. соединял различные по сюжетам былины в одну, естественно, при этом изменяя и ту и другую, и таким образом вырабатывал совершенно иное произведение, нежели каждая из них; так поступил он с былиной об Илье Муромце и Калине-царе. <…>

Таким образом, в лице Т. Г. Рябинина мы имеем перед собой не только памятливого певца, представителя репертуара XVIII века, но и талантливого художника, вносившего в свои песни, помимо обычной и у других певцов доли творчества <…> также и индивидуальные черты своего творческого таланта: он, оставаясь в рамках традиции, продолжал развитие полученного им запаса былевой песни, руководствуясь своим поэтическим настроением. Правда, новых былин он не создавал, но вносил новое в старую былину. По обширности своего былинного репертуара Т. Г. Рябинин, если и не представлял исключения, то, во всяком случае, был певцом выдающимся». *(Сперанский, 1919, Т. II. С. XXIII–XXXII; также см.: Смирнов Ю. И., 1997. С. 37 – о двух версиях былины «Илья Муромец и Калин-царь»).*

227г. Из статьи Н. Андреева «Былины»: «Т. Г. Рябинин является одним из типичных хранителей хорошей эпической традиции. Былины его очень складны и стройны. Он не гонится за усложнением сюжета, за нагромождением эпизодов; только былина о Добрыне и Василии Казимирове представляет собой соединение двух сюжетов <…>. Строго выдерживая песенный размер и эпический склад изложения, Рябинин неторопливо, плавно и спокойно ведет повествование, с многочисленными повторениями и параллельными оборотами.

В сущности, былины Т. Г. Рябинина являются тем образцом, по которому обычно давалась характеристика былинной поэзии. Он дорожит былинным материалом, поет былины твердо и уверенно, с сознанием собственного достоинства. Это чувство собственного достоинства вообще характерно для Рябинина.

<…> Ему особенно близки и дороги образы богатыря-крестьянина Микулы Селяниновича или „старого казака“, „мужичища-деревенщины“ Ильи Муромца: Рябинин видит в них родственную себе силу и гордится этой силой». *(Андреев, 1938. С. 29; также см.: Базанов, 1939. С. 7 – краткие биогр. сведения и творческая харка, репертуар).*

227д. Из статьи А. М. Астаховой «Былины в КФССР»: «Выдающимся сказителем второй половины XIX в., подлинным классиком былинного мастерства является Трофим Григорьевич Рябинин. <…> От него в 60–70-е годы было записано 26 былинных сюжетов; очень возможно, однако, что он знал и больше, но эти оставшиеся незаписанными былины ускользнули от внимания собирателя. Некоторые из них („Вольга и Микула“, „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, „Илья Муромец и Калин“) давно получили широкую известность благодаря постоянному их включению в хрестоматии и антологии. <…>

Былины Т. Г. Рябинина отмечены большим мастерством. Они отличаются стройностью композиции, четким ритмом, образами. Т. Г. полностью соблюдает былинную „обрядность“: он употребляет многочисленные различного типа повторения, выработанные веками изобразительные и эмоциональные средства, – всегда с большим художественным тактом, не теряя чувства меры, не перегружая былины. В этом отношении он действительно один из лучших представителей „классического“ былинного стиля. Недаром именно из его былин брались образцы и примеры для характеристики основных особенностей былинного стиля. Исполнитель он был превосходный. Рыбников рассказывает, что ему не раз приходилось бросать перо и жадно вслушиваться в рассказ: „Каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое назначение“. *(Рыбников, 2-е изд., Т. I. С. 76).* Пел он былины на несколько напевов. Два из них были сохранены потомками.

К текстам своих былин Т. Г. относился довольно свободно. Он варьировал детали, выпускал или вставлял небольшие эпизоды. <…> Однако Рябинин не принадлежит к типу сказителей-импровизаторов, каждый раз совершенствуя и композицию, и словесную ткань былин. Композиция былин Т. Г. в основном устойчива, словесные обороты, словесная отделка мотивов и эпизодов тоже отлилась в законченные, шлифованные формы.

Своеобразие его редакций по сравнению с былинами других наследников тех же мастеров былинного искусства заставляет нас предполагать в нем в значительной степени создателя новых редакций, а не только памятливого ученика, в точности воспринявшего тексты своих учителей.

Т. Г. Рябинин обладал большим личным обаянием. <…> Чувство собственного достоинства, независимость составляли основные стороны его морального облика. <…>

В своих былинах Т. Г. Рябинин особенно четко выделяет социальные моменты: противопоставление сильного и независимого „мужика-деревенщины“ Ильи Муромца князю и боярам, превосходство пахаря Микулы над князем и его дружиной, крепкую связь Микулы с остальным крестьянством». *(Астахова, 1941а.*

С. 26; также см.: Астахова, 1948. С. 12–22 – дана творческая хар-ка сказителя; Чичеров, 1982. С. 29–76 и приложения – о елустафьевско-рябининской школе: сопоставляются варианты сюжетов былин учеников этой школы с сюжетами Т. Г. Рябинина; Новиков, 1997. С. 43 – об истоках репертуара Т. Г. и П. И. Рябининых; Захарова, 1997. С. 74 – о сказывании былин Рябиниными-Андреевыми; Захарова, 1997а. С. 413 – о напевах; Смирнов, 2000. С. 272 – о былине «Князь Скопин и Никита Романович» Т. Г. Рябинина).

227е. Из статьи П. Д. Ухова «Русская былевая поэзия»: «Трофим Григорьевич Рябинин – один из знаменитейших сказителей Заонежья. Творчество его получило всемирную известность. <…> Былины Т. Г. Рябинина отличаются высоким художественным мастерством. Тексты былин нередко сохранялись почти дословно. Однако Т. Г. Рябинин <…> и творчески перерабатывал былины <…>. Подлинными героями Рябинина являются крестьянские богатыри: Илья Муромец и Микула Селянинович. Князь же Владимир во всех былинах Рябинина изображается трусливым и бесталанным правителем (показательны в этом отношении былины „Илья Муромец и Калин-царь“, „Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром“»). *(Ухов, 1957. С. 32).*

227ж. Из статьи-очерка Н. А. Криничной «Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: Жизнь и эпическая поэзия»: «В 1991 г. отмечалось 200-летие со дня рождения Т. Г. Рябинина. Его имя стало символом русской национальной поэзии, вобрав в себя имена предшественников и последователей, встреченных и не встреченных собирателями, известных и безымянных. Время не изгладило из памяти потомков черты сказителя. С портрета, обошедшего многие собрания былин, будь то академические или популярные издания, смотрит на читателей старый певец, седобородый крестьянин Олонецкой губернии „с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид“ *(Санкт-Петербургские ведомости, 1871, 5 (17) декабря. № 335. С. 2; Чистов, 1980. С. 76)*. Таким запечатлен Т. Г. Рябинин на фотографическом портрете, который выполнен художником Н. Ф. Доссом в 1871 г. во время пребывания сказителя в Петербурге и воспроизведен гравером его императорского величества акад. Л. А. Серяковым.

Известен и другой портрет сказителя: худощавый старик с длинными мягкими тронутыми сединой волосами изображен в момент сказывания былины. Это работа И. Е. Репина – набросок с натуры, сделанный 5 декабря 1871 г. *(Грановский Б., Грановский И., 1960. № 18. С. 6).* <…>

Трофим Григорьевич Рябинин родился в Заонежье, в д. Гарницы Сенногубского погоста, соседнего с Кижским, Петрозаводского уезда. Богатые культурные традиции края, нашедшие свое яркое выражение в крестьянском зодчестве, прикладном искусстве, устном поэтическом творчестве, народной музыке, хореографии, этике, послужили благородной почвой для раскрытия дарований будущего певца былин. <…>

Трофим Рябинин рано лишился родителей. <…> Мальчика воспитал крестьянский „мир“. Детские годы Трофима скрашивает эпическая поэзия, которая в то время составляла неотъемлемую часть крестьянского быта. Она вносит в

духовный мир ребенка ощущение веры в торжество справедливости, в возможность честного преодоления жизненных невзгод. <…>

Совестливость, деликатность, чувство собственного достоинства, которые отметит впоследствии в Т. Г. Рябинине П. Н. Рыбников, не позволят ему даже в раннем возрасте ни просить подаяния, ни быть в тягость односельчанам. В окрестных заонежских деревнях он чинит сети, ловушки, другие рыболовные снасти, добывая себе таким способом пропитание. <…>

В возрасте 24 лет <см. № 227а – сноску № 1 нашего издания> он женится и переезжает в дом тестя в кижскую деревню Середку. <…> Крестьянское хозяйство Т. Рябинин ведет исправно. <…> Но главное его занятие – рыболовство: рыба не только заменяет мясо, но и служит ходовым товаром для обмена. <…> Но особенно привлекает Т. Рябинина возможность проявить вдали от дома свое сказительское искусство. <…> На рыбном промысле, на Ладоге, талант эпического певца находит себе практическое применение. Его пение скрашивает часы вынужденного досуга или сидячей работы. Считалось даже, что силой своего искусства сказитель может усмирить разбушевавшееся озеро либо расположить в свою пользу его „хозяина", без чего невозможно ждать хорошего улова. <…> Здесь сказителю неизменно оказывали почет и уважение. Его искусство высоко ценилось. <…>

В историю русской (и не только русской) фольклористики Трофим Рябинин вошел по-будничному просто. Майским утром 1860 г. Леонтию Богданову, крестьянину д. Середка, удалось „уломать" гордого и упрямого Рябинина *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 57)* зайти вечером к нему в избу, где сказителя ждал П. Н. Рыбников. В тот вечер Т. Рябинин первой исполнил эпическую песню о Хотене Блудовиче. За этим последовали записи других былин. <…>

Знакомство П. Н. Рыбникова с кижским сказителем на этом не кончилось. Будучи изредка в Заонежье проездом, он всегда успевал свидеться с Трофимом Рябининым и Кузьмой Романовым и записать от них другие былины. Бывая в Петрозаводске, они заходили к П. Н. Рыбникову домой и пели его знакомым „на послушанье" *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 61)*. В 1860–1862 гг. П. Н. Рыбников записал от Т. Г. Рябинина 22 сюжета (23 текста, включая отрывки) эпических песен. <…>

Позднее, в 1871 г., другой крупнейший собиратель былин в Олонецкой губернии, известный ученый славист, профессор Петербургского университета А. Ф. Гильфердинг <…> прослушав за время своей двухмесячной экспедиции 70 певцов <…> называет среди лучших сказителей Т. Г. Рябинина. От него собирателю удалось записать 19 сюжетов (21 текст) эпических песен. Основная их часть (13 текстов) была зафиксирована в Кижах 6–8 июля 1871 г., 6 остальных – в Петербурге 24–27 ноября и 4 декабря этого же года. Одновременно А. Ф. Гильфердинг перепроверил некоторые записи, произведенные им в Кижах. <…>

По возвращении в Петербург А. Ф. Гильфердинг в качестве председателя Отделения этнографии РГО приглашает сюда Т. Г. Рябинина для выступлений. Все расходы на его приезд и содержание он берет на себя.

Сказитель приезжает в Петербург 22 ноября 1871 г. и останавливается у А. Ф. Гильфердинга. Точную дату приезда заонежского певца в Петербург

недавно установила З. И. Власова, которая обнаружила письмо А. Ф. Гильфердинга Л. Н. Майкову, датированное 22 ноября 1871 г. В нем, помимо прочего, сообщалось: „Кстати, приехал сегодня Рябинин, и для слушания его я полагаю назначить экстренное собрание Отделения (Этнографический отдел Русского Географического общества – З. И.) в пятницу 3 декабря“ *(Власова, 1991. Т. 26. С. 35)*. И здесь, и в других частных домах, на семейных вечерах интеллигенция Петербурга знакомится с эпической поэзией Заонежья. Но особенно знаменательным было выступление Т. Г. Рябинина в Русском Географическом обществе. Оно состоялось 3 декабря 1871 г. <…> Общественность Петербурга высоко оценила эпическую поэзию Заонежья и сказительское искусство Т. Г. Рябинина <…> <см. № 227б нашего издания>.

Выступления сказителя в Петербурге дали мощный импульс для творчества известных композиторов и художников. М. П. Мусоргский записал от Т. Г. Рябинина напев былины „Вольга и Микула“, который был опубликован А. Ф. Гильфердингом и затем Н. А. Римским-Корсаковым. (Тогда же был записан и напев былины „Добрыня и Василий Казимирович“, но авторство записи не установлено). М. П. Мусоргский впоследствии использовал рябининский напев в опере „Борис Годунов“ (1872), в четвертом действии, в сцене под Кромами, в песне Мисаила и Варлаама „Солнце, луна померкнули, звезды с неба покатилися, вселенная восколебалася от тяжкого греха Борисова…“. Почти восемь лет спустя после выступлений Т. Г. Рябинина в Петербурге, 12 августа 1879 г., В. В. Стасов напишет Л. Н. Толстому: „Вот вы, например, не знаете, наверное, какую пользу принес тут у нас Рябинин. Его главные мотивы не только что записаны, но еще Мусоргский употребил один великолепный – вот уж подлинно архи-великолепный – мотив его в своего „Бориса Годунова“. Это у него поют иноки Варлаам и Мисаил (помните по Пушкину и Карамзину), когда идут поднимать народ против Бориса. Я вот скажу, это такой мотив, что просто ума помраченье! И как выходит на сцене, – немножко с оркестром, который чуть-чуть то там, то сям его притронет! Кабы вы все это знали, кабы вы все это слышали!“ *(Толстой Л., Стасов, 1929. С. 43)*. Напевы сказителя Т. Г. Рябинина и его сына И. Т. Рябинина послужили образцом и для Римского-Корсакова при создании речитативов в опере „Садко“ (1896) *(Римский-Корсаков, 1910. С. 297)*. В 1894 г. А. С. Аренский запишет рябининские напевы от сына сказителя и затем использует их в своем симфоническом произведении „Фантазии на темы И. Т. Рябинина“ (1899) для фортепьяно с оркестром. <…>

По возвращении из Петербурга Т. Г. Рябинин продолжает „крестьянствовать“. При нем живут два его сына, Гаврила и Иван. В родительском доме за общей работой в долгие зимние вечера они приобщаются к сказительному искусству („старины тянуть“), особенно младший сын – будущий сказитель Иван Трофимович Рябинин <см. о нем № 223–223в нашего издания>.

Гаврилой отец не был доволен. Не случайно в репертуар сказителя вошла и прочно в нем удерживалась новеллическая былина „Горе“, повествующая о пьянице, загубившем свою молодую жизнь. Будучи человеком серьезным, придер-

живающимся строгих нравственных правил, Т. Г. Рябинин решительно отделил Гаврилу от семейства, после чего тот вел хозяйство самостоятельно. <…>

Т. Г. Рябинин прожил большую жизнь. Он умер 13 марта 1885 г. в возрасте свыше 90 лет. По словам сына, отец „уж очень древен был: ходил, ходил, так и помер благополучною смертью". Похоронен в ограде Кижского погоста. <…> Трофим Григорьевич Рябинин оказался родоначальником династии сказителей, известной в четырех поколениях.

От Т. Г. Рябинина в общей сложности записано 44 текста. <…> Репертуар Т. Г. Рябинина состоит из 26 сюжетов – это свыше 6000 стихов (строк). Разумеется, Т. Г. Рябинину были известны и другие былины. <…> Таким знанием былин, каким владел Трофим Рябинин, не располагал никто другой. Выделялся он и индивидуальным мастерством. Хотя Рябинин перенимал былины от тех же сказителей, от которых усваивали умение и другие певцы, исполненные им тексты отличаются своеобразием и художественным совершенством.

Репертуар Т. Г. Рябинина не был устойчивым. Он менялся в течение всей его жизни. <…> Даже варианты одной и той же былины, исполненные Т. Рябининым и записанные в разное время <…> порой существенно отличаются друг от друга.

Трофим Рябинин – „творец новых редакций". Сила его искусства – в умении подчинить все мотивы и детали эпической песни раскрытию ее основного замысла. Творчески усваивая традиционные сюжеты, он нередко ломал их, заново выстраивая в определенной последовательности. Сказитель вводит эпизоды, которыми дополняются очертания героических характеров, и опускает детали, нарушающие фольклорную логику повествования. Прекрасно владея традиционными эпическими формулами и приемами, храня в памяти множество излюбленных оборотов и устойчивых словосочетаний, он пользовался ими экономно <…>. Т. Г. Рябинин во всем проявлял чувство художественной меры, большой вкус и такт. <…>

Художественные достоинства былинного текста высвечивались и индивидуальной манерой певца: „…удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. <…> И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое назначение!" – делился впоследствии своими впечатлениями П. Н. Рыбников. *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 58).*

На личный вклад Трофима Рябинина в шлифовку традиционных сюжетов, в приближение их к быту севернорусского крестьянина, к его эстетическим вкусам и историческим запросам обратил внимание французский ученый, доктор Парижского университета Вильфрид Шетеуи. В своей объемистой монографии, посвященной русскому сказителю, вышедшей в 1942 г. в оккупированном немцами Париже, он пишет: „Т. Г. Рябинин, старый крестьянин из деревни Серёдки, имеет полное право войти как поэт в историю русской поэзии". *(Chettèoui W., 1942. 256 p.).*

Былины из репертуара Т. Г. Рябинина – образцы классического эпоса. Они вошли в хрестоматии и антологии, в академические и научно-популярные изда-

ния. <…> В творчестве Т. Г. Рябинина полно и последовательно отразились идеи и воззрения русского крестьянина-труженика и поэта, взращенного „православным миром“» *(Криничная, 1992. С. 6–24; также см.: Криничная, 1995 – биографический очерк о Т. Г. Рябинине, тексты, словарь; Криничная, 1997. С. 15–26 – о феномене сказительского искусства Т. Г. Рябинина; Криничная, 2000. С. 145–152 – о роли общинного начала в становлении сказителя).*

228. РЯБИНИН-АНДРЕЕВ ИВАН ГЕРАСИМОВИЧ, родился в 1873/1874 г., умер в ночь с 26 на 27 февраля (по старому стилю) 1926 г. в д. Гарницы. Пасынок И. Т. Рябинина, сын Г. Я. Андреева.

Биография
Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина
(со слов его жены Марфы Петровны Андреевой-Рябининой)

«Родилсэ в 1873 или 1874 году в д. Гарницы. Родной отец ево <Герасим Яковлевич Андреев> потонул на рыбной ловли. От отца он осталсэ, два года об Иванове дни сполнилось, 3-й пошол. Жил с матерью. Ему пошол пятый год как мать приняла <в 1878 г.> Ивана Трофимовича Рябинина <сына Трофима Григорьевича Рябинина>. На 19-ом году <Иван Герасимович> женилсэ на крестьянке д. Леликово – Марфы Петровны Чивиной. До 23-х годов он жил не с родным отцом дома.

23-х лет съехал в Питер, поступил в завод в Колпино. В заводе прожил 1 год 9 месяцев, потом домой приехал. Дома не знаю сколько прожил, опять в завод воротилсэ и прожил 8 год до самой до германской войны 1914 г. Приехал домой, а ево и взяли в германскую войну. Там <на войне> пробыл 7 месяцев, потом приехал домой. Дома жил, ездил по биржам. На биржи и заболел. Домой приехал и помер с 26 на 27 февраля 1926 года. Детей было 14 человек, 9 сыновей да 5 дочерей. Живых осталось 5 – 3 сына да 2 дочки.

Рябинин-Андреев
Иван Герасимович

Былины петь научилсэ от отчима. <Е. Ляцкий, которого цитирует А. М. Астахова, писал в своей книге „Сказитель И. Т. Рябинин и его былины“: „Пасынок Иван служит предметом особой родительской заботы Рябинина. Он растил и поженил его в прошлом году и ждет от него в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьет, не курит, и к тому же попривык старинки (так Рябинин называет былины) и божественные (духовные) стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще“ *(Астахова, 1948. С. 24)*>. Знал много <былин>. Более 15 штук, пожалуй, знал. Раз только был в Питере, пел, а то не ездил. Настасья Степа-

новна Зиновьева звала сколько раз ехать на Кавказ, аль куды там, а он все говорил, што не хочу с бабам этым делом занимацце. Дома, как беседа соберетце, пел, али где на мельницы. От него перенял былины только средний сын Петр, а от других по́ючи не слыхала от больш́ово, ни от меньш́ово.

Приеждяла к нему барышня, не знаю какая, списывать былины, когда не помню, в котором году, помню, што худой хлеб ели. Барышню звали Анна Ивановна, фамилии не знаю <Смирнова>. Потом приехал его списывать Бернштейн о Троицу, а он уж помер в феврале. Он и стал сына списывать.

Добавления: 1. Он был вострой грамоты да и памятной. 2. У Ивана было 2 брата от ево отца, дак не слыхала, штобы которой пел былины, а он перенял». *(Зап. 1 января 1932 г. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина. – АКНЦ 122/51. С. 484–485 – рукопись; с. 486, 487 – м/п копии; также см.: Астахова, 1948. С. 24–35 – биографическая справка и творческая хар-ка).*

Похоронен И. Г. Рябинин-Андреев в селе Сенная Губа, на старом кладбище. В июне 1974 г. «на его могиле был установлен временный деревянный памятный знак. Текст мемориальной надписи отсутствует». *(Криничная, 1977 в. С. 138–139 – краткая биографическая справка о сказителе).*

228а. В конце 1918 г. по инициативе проф. В. Всеволодского-Гернгросса был основан в Петрограде Институт живого слова, задачей которого было изучение живой человеческой речи. В процессе изучения вопроса институт столкнулся с проблемой былинной традиции и было решено пригласить одного из преемников рябининской традиции. В 1921 г., в январе, в д. Гарницы была командирована студентка института Анна Ивановна Смирнова.

Рябинин-Андреев
Иван Герасимович

Из статьи Всеволодского-Гернгросса «Запись былин от И. Г. Рябинина в 1921 г.» известно: «Получив от Петрозаводского исполкома путевку на подводу, к вечеру она <Смирнова> была в Гарницах. Дровни окружила толпа ребятишек. На вопрос, где именно живут Рябинины, один из мальчиков проводил ее к себе в дом. Оказалось, что Иван Трофимович, которого мы рассчитывали видеть, уже умер, но, по словам хозяйки, выяснилось, что приемный сын умершего – Иван Герасимович – унаследовал былинное мастерство. Ивана Герасимовича не было дома – он поехал в лес за дровами. Через некоторое время он вернулся со своим средним сыном лет 14-ти. Узнав, зачем приехала Анна Ивановна, он охотно стал ей петь былины и в принципе согласился ехать в Петроград. Исполнение былин происходило при очень типичной для этого края обстановке. Жена жгла лучину, предварительно вставив ее

в светец, в избу собрались соседки – женщины и девушки, мужчин не было. Так каждый вечер, покуда Анна Ивановна жила в Гарницах, Иван Герасимович сказывал былины, иногда не заканчивая их, но досказывая своими словами.

В один из вечеров он повез Анну Ивановну в соседнюю деревню, чтобы познакомить ее с другим стариком-сказителем. „Может, он вам больше понравится, его и возьмете в Петроград“, сказал он шутливо. Сосед-старик так же охотно, как и Иван Герасимович, стал сказывать Анне Ивановне былины. Но он несколько отступал от текста, исполняемого Иваном Герасимовичем, и потому этот последний часто останавливал его. „А мой батюшка здесь сказывал иначе“, – и он цитировал отрывок по-отцовски. Анне Ивановне исполнение Рябинина понравилось больше: он это делал истовее, благоговейнее, да и в вокальном отношении был выше своего соседа.

Анне Ивановне пришлось задержаться в Гарницах на несколько дней, так как Иван Герасимович мог поехать только после того, как свезет домой стога сена. Наконец он справился, и они поехали.

А в то время как Анна Ивановна ездила в Гарницы, в Петрограде Институт живого слова организовал конференцию работников по рассказыванию в школе. Только в последний день конференции приехала она вместе со своим спутником. Снятая с Ивана Герасимовича в дни его пребывания в Петрограде фотография и пастельный портрет, сделанный одной из студенток института Спасской <…> очень верно передают его внешний облик. Это был человек немного выше среднего роста, статный, худощавый шатен с небольшой окладистой бородкой и светлыми, необычайно искристыми глазами, крепкий на ногах, степенный и приветливый, несколько медлительный в движениях и речи. Он хорошо знал, что к мастерству, которым владела его семья, есть интерес в научных и художественных кругах, и охотно готов был знакомить с ним. Институт в это время помещался на площади Островского в доме, до октябрьской революции принадлежавшем Городскому кредитному обществу. Здесь, в третьем этаже, в бывшем концертном зале, происходила конференция. Все ждали приезда сказителя и волновались, боясь, что он опоздает. Но вот, в самый момент закрытия конференции в зал вбежала в валенках и шубейке, с платком на голове А. И. Смирнова. Она вела за собой Ивана Герасимовича. Все были потрясены удачей. И прямо с поезда, не успев умыться и закусить, Иван Герасимович был вынужден выступить на конференции. Ни сцены, ни эстрады не было. Наскоро составили несколько столов, на стол поставили венский стул, он сел и негромким голосом запел былины, гулко разносившиеся в зале со скверной акустикой. <…> Успех Рябинина был неопределенный: присутствовавшие на конференции лица, по-видимому, ожидали профессионального мастерства. Мастерство же Рябинина было, несомненно, высоким и в то же время глубоко отличным от обычного профессионального. Во всяком случае, внешний успех был большой. Он спел около десяти былин; слушатели, и без того утомленные конференцией, затруднялись прослушивать былины, длившиеся по 15–20 каждая, и устали. Но аплодисменты были восторженные. Рябинина обступили, начались расспросы.

Рябинин поселился у меня, а я жил в то время в институтском доме, в нижнем этаже. Работа моя с ним началась со следующего дня. Опубликованные Ляцким рябининские былины вместе с нотным сопровождением мне были хорошо знакомы; мало того, я знал все напевы и умел их воспроизводить. Это мне облегчило работу с Иваном Герасимовичем и заостряло интерес к его текстам и напевам. И первое, что я заметил, это прочность былинной традиции у них в роду. Но записи Ю. И. Блока по-новому предстали передо мной после того, как я услышал былины в исполнении Ивана Герасимовича.

Иван Герасимович знал много былин (я сейчас не помню, сколько именно). Но все они пелись на три мотива: на один напев – былина о Вольге и Микуле, на другой – о Василии Окульевиче и на третий – все остальные. По словам Ивана Герасимовича в их роду в старину число напевов было больше, но они со временем забылись. По мере исполнения каждый из трех напевов имел свои особенности: былину о Вольге и Микуле Иван Герасимович исполнял более декламационно, передавая мелодикой напева интонации разговорной речи, два других напева интонировались значительно более песенно, напевно. <...>

Словесная ткань во время свободного исполнения каждый раз несколько разнилась от словесной ткани во время замедленного исполнения или диктовки для записи. И, когда я ему задавал вопрос, какой же именно текст правильный, он неизменно отвечал: „А все равно, как хочешь, так и пиши“. Я провел с Рябининым много времени и много записывал. В итоге у меня сложилось впечатление, что в исполнении И. Г. Рябинина, несомненно, присутствовал момент автоматизма, наблюдаемый у декламаторов в тех случаях, когда они слишком часто выступают с исполнением данного произведения. Так, например, даже целые эпизоды вставлялись или выпускались зачастую непроизвольно, по чисто мнемоническим причинам. Это явление в исполнении былин необходимо учесть, чтобы ошибочно не приписывать художественно-творческому процессу факты, имеющие чисто технологическую природу.

Исполнение Рябинина было, по моим наблюдениям, внеэмоциональным.

Наблюдения над Рябининым убедили меня еще раз в том, что ритмико-мелодическая структура былины является прекрасным мнемоническим и организующим текст средством и что утрата ее влечет за собой деформацию текста. Знакомство с Рябининым привело меня и моих учеников к напевному исполнению эпоса с индивидуальной для каждого данного исполнителя композицией напева. Образцы подобных композиций опубликованы в моей работе „Искусство декламации“». *(Всеволодский-Гернгросс, 1948. С. 36–39; также см.: Чистов, 1980. С. 96–101; Базанов, 1981. С. 100–101; Захарова, 1997. С. 413–416).*

228б. Из статьи А. М. Астаховой «Иван Герасимович Рябинин-Андреев и Прионежская былинная традиция»: «Иван Герасимович Рябинин-Андреев, как и его предки, принадлежит к представителям классического стиля былинного сказительства. Свои былины он всегда пел, а не сказывал словесно, и они отличаются исключительной четкостью и чеканностью ритма. Все художественные и идейные достоинства, отмеченные нами в текстах Трофима Рябинина и унасле-

дованные от него сыном Иваном, находим и в былинах Ивана Герасимовича: стройность и ясность композиции, с внутренней оправданностью всех частей, четкость основного замысла и социальной идеи, полноту и картинность описаний, яркие, строго выдержанные образы персонажей. В его былинах мы не замечаем тенденции к сокращению, не видим пропусков, которые бы обедняли художественную ткань произведения, как это наблюдается в нисходящих линиях некоторых других семейных традициях (например, у наследников Домны Суриковой, в боковых линиях рода Рябининых и др.). <…>

В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал все или почти все былины Ивана Герасимовича (по словам сына и жены, он знал 15–16), но, к сожалению, из этих записей сохранились лишь девять: семь полностью и две – неполных. На фонограф записаны фрагменты следующих былин: „Вольга и Микула“, „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, „Илья Муромец в ссоре с Владимиром“ („Илья Муромец и Калин-царь“), „Илья Муромец и дочь“, „Первый бой Добрыни со Змеем“, „Второй бой Добрыни со Змеем“, „Добрыня в отъезде“ („Добрыня и Василий Казимирович“ + „Добрыня и Алеша“), „Добрыня и Марына“, „Женитьба князя Владимира“ („Дунай“), „Королевичи из Крякова“, „Боярин Дюк Степанович“, „Василий Окульевич“, „Молодец и худая жена“; кроме того, духовный стих „Христово вознесение“[1].

Из них лишь былина о Вольге и Микуле представлена в фонографической записи в нескольких фрагментах, остальные – в коротких отрывках.

Но эти записи вместе с текстами, записанными В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, воссоздают перед нами самый состав репертуара третьего Рябинина. Сопоставляя его со списком былин Ивана Трофимовича Рябинина[2], мы видим, что Иван Герасимович почти полностью воспринял репертуар отчима (в его репертуаре недостает только былины о Хотене и двух исторических песен об Иване Грозном и о Скопине). <…>

К числу особенностей <в исполнении былин Иваном Герасимовичем> можно отнести частые пропуски эпизодов „подготовительных“ или „предваряющих“, т. е. тех, которые изображают не само действие, <…>. Другая особенность – более последовательное проведение прямой речи, в то время как у Трофима Рябинина заметна тенденция к замене диалога косвенной речью или кратким сообщением от автора. <…> Из других особенностей следует отметить довольно свободное перемещение им некоторых описаний, словесных формул, „общих мест“ из одной былины в другую <…> некоторые изменения в лексике. <…>

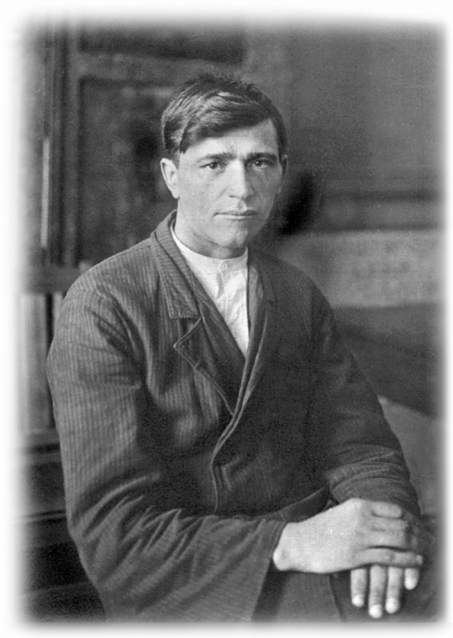
В лице Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева мы видим чуткого и вдумчивого хранителя семейной эпической традиции, выражающей черты местной эпической школы, иногда, правда, в своеобразной, с индивидуальными оттенками форме. Третий Рябинин – несомненно, один из крупнейших мастеров былины кижской школы сказителей». *(Астахова, 1948. С. 26–35; также см.: Путилов, 1997. С. 6–14; Захарова, 1997. С. 74–77).*

[1] Фонограммархив сектора фольклора Института литературы АН СССР, № 703–711. – Астахова А. М.

[2] Ляцкий Е., 1895. С. 31; Былины П. И. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1940. С. 16. – Астахова А. М.

229. РЯБИНИН-АНДРЕЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ – сын Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева (см. № 228 нашего издания), пасынка Ивана Трофимовича Рябинина (см. № 223 нашего издания) – сына Трофима Григорьевича Рябинина (см. № 227 нашего издания). Мать – Марфа Петровна Рябинина-Андреева. Грамотный. Имел начальное образование.

Петр Иванович родился летом 1905 г. «на второй день после Вознесения»[1] в д. Гарницы Заонежского района в большой семье, которая состояла из 15 человек: с отцом жили еще два брата с семьями. Разделились около 1919 г. В своей автобиографии он упоминает о двух братьях: старшем Степане, который в 1932 г. жил с женой Аксиньей Максимовной и сыном Борисом в Петрозаводске и работал на Онежском заводе, и младшем – Александре, который служил в Красной Армии в Ленинграде и погиб в 1939 г.

Рябинин-Андреев Петр Иванович

В июле 1924 г. Петр Иванович женился на крестьянке д. Гарницы – Александре Васильевне Ригочиной, свадьбу играл по старинному обряду. В 1939 г., когда ему было 33 года, его семья состояла из 8 человек, из них: мать 62 лет, жена 29 лет, сыновья – Владимир 12 лет, Василий 4 лет, Борис 3 лет, Виктор 3 месяца, дочь Анастасия 6 лет. Одна дочка умерла в раннем возрасте.

Он, как и все крестьянские дети, рано начал трудиться. Сначала помогал родителям пасти скот, ездил с отцом и дядей на рыбный промысел, на охоту, на лесозаготовки. После смерти отца, в 1926 г., уже самостоятельно занимался сельским хозяйством – выполнял все работы. С 1932 г. состоял в колхозе, где исполнял разные общественные поручения. С 1933 г. получал пенсию по инвалидности (несчастный случай на охоте). В предвоенные годы занимался извозом; в организации водного транспорта служил сторожем «створчатых знаков на повенецкой линии». В Великую Отечественную войну воевал на Карельском фронте, был ранен, имел награды. После ВОВ жил в Петрозаводске, где и умер в 1953 г.

Петр Иванович слышал былины с самого раннего детства. Вот как он сам рассказывал об этом: «От деда Ивана Трофимовича я перенял былину (о Вольге и Микуле) в возрасте от 4-х до 5-ти лет. <Однажды> мать была в гостях на родине в Леликове. Дедка и бабка заставили меня петь эту былинку. Мне так было стыдно, и меня посадили за занавес в уголок и дали крендель и копейку». *(АКНЦ 122/49. Л. 441).* Так он впервые спел былину. Петр Иванович очень любил слу-

[1] Вознесение – христианский праздник, отмечается на 40-й день после Пасхи. – Составитель.

шать, когда дед пел былины. И когда подрос, чтобы послушать деда, даже пропускал молодежные беседы.

От отца сказитель перенял былины «Первый бой Добрыни со Змеем», «Добрыня Никитич в отъезде», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Худая жена, жена умная», «Королевичи из Крякова», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Ставер Годинович и Василиса Никулична». Исполнение былин отцом он слышал в войну 1914 г. и после ее. «Отец, – рассказывал Петр Иванович, – раньше жил в Петрограде, и я не знал, что он пел былины. Приезжал на сенокос, так было не до былин. Пел ли он на заводе, я не знаю. Перенимал от отца и дома, и в станках на лесозаготовках, и на рыбной ловле. Едет, пока тихая погода или с парусом сидит на корме, и поет. Тут уж сидишь и слушаешь. Он не любил петь, когда разговаривают. Все уж и дома знали, как запоет, так уж все молчат, а то прекращал. Так же и я: когда хождение да разговоры, так разбивают внимание. Слушать приходили его свои деревенские». *(АКНЦ 122/49. Л. 443).*

Былины «Как у вдовки у Распашенки» и «Чурила Пленкович и Катерина Николаевна» П. И. Рябинин перенял от Анастасии Степановны Богдановой-Зиновьевой в 1927 г.

Он исполнял свои былины на лесозаготовках, на мельницах. А первые записи былин от него произвел (на фонограф) в 1926 г. С. И. Бернштейн; в том же году от него записывали былины участники экспедиции ГАХН под руководством Ю. М. Соколова; в 1931–1932 гг. – М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина.

Его первые публичные выступления состоялись в 1926 г. в Петрозаводске, где он выступал вместе с А. С. Богдановой и сказителем из Пудожья (фамилии не запомнил). Он пел «Худая жена, жена умная», «Вольга Святославгович» и др.

В 1927 г. по приглашению Академии наук СССР они с А. С. Богдановой-Зиновьевой выступали в разных аудиториях в Москве и Ленинграде. Повторные выступления в Москве состоялись в 1928 и 1939 гг. В 1937 г. он принимал участие в Декаде карельского искусства в Ленинграде, в 1939 г. – пел на Всесоюзном совещании по фольклору в Петрозаводске, а затем в Москве. Петр Иванович постоянно выступал в клубах и школах Петрозаводска, в деревнях и селах Заонежского района, а во время войны и на фронте. Он пытался создавать и так называемые новины-былины, и сказы (о Чапаеве, о Тойво Антикайнене, о Ворошилове, о поездке в Москву; плач о погибшем брате), все они опубликованы (см. примечание к № 229).

Петр Иванович хорошо знал песни и сказки, в молодости участвовал во всех беседах и вечеринках. В. Г. Базанов, который общался со сказителем, свидетельствовал, что основным жанром в его творчестве являются былины, но «кроме того, он знает старинные исторические и свадебные песни и около 50 сказок, отличающихся богатством юмора. Характерной особенностью всех сказок <…> является динамичность сюжета: события развиваются быстро, и внимание останавливается на главном, более важном. <…> Петр Иванович стремится к сказкам миниатюрным, основанным на реально-бытовых фактах, часто на народном анекдоте. Особенно ему удаются антирелигозные сказки о попах, сказки большой социальной заостренности. Что касается былинного репертуара, то Петр

Иванович многим обязан своим предкам. В исполнении былин он следует манере Трофима Григорьевича, бережно храня эпический напев и монументальную форму былинного эпоса». *(Базанов, 1939. С. 19).*

В 1938 г. П. И. Рябинин-Андреев был принят в Союз писателей СССР, в 1939 г., наряду с другими сказителями, награжден орденом «Знак Почета». В послевоенные годы сказитель жил в Петрозаводске, имел квартиру, получал персональную пенсию. Но это были очень трудные для него годы, вспоминают те, кто знал его. Болели фронтовые и душевные раны. Петр Иванович благоговейно относился к традиционным былинам, к наследию Рябининых, любил былины и ценил их, был первоклассным исполнителем и готов был петь, но приглашений не было. Наступили другие времена. Он не мог мириться с собственной невостребованностью и «ненужностью». Зав. отделом литературы и фольклора ИЯЛИ КФ АН СССР К. В. Чистов, хорошо знавший его в те годы, пытался ему помочь. Он неоднократно приглашал сказителя петь былины студентам, которым читал курс фольклора в Педагогическом институте, на республиканские торжества, на которые приглашали мастеров фольклора. Петр Иванович был благодарен за это и доволен, что его слушают. Но это не спасало ситуации, он тяжело переживал свое «фольклорное» бездействие. В своей статье «Воспоминания о П. И. Рябинине-Андрееве» К. В. Чистов называет и причины этому. Это – трудные годы для республики: надо было заново восстанавливать разрушенное войной хозяйство и было не до былин. Мешали Петру Ивановичу и ограниченная грамотность, и обоюдная неприязнь старших сказителей-былинщиков к нему и его к ним. Они считали пение былин «делом стариков». Но основная, похоже, причина, на которую указывает К. В. Чистов, это – потеря Петром Ивановичем «социальной ниши», т. е. оторвавшись от крестьянской среды, быта (а он все умел делать), он не смог найти своего места в городе. *(Чистов, 1997. С. 53–56). (Подробнее о сказителе см.: АКНЦ 122/49. Л. 438–445, 460–462 – рукописи автобиографий, л. 446–450, 453, 463–464 – м/п копии; Базанов, 1939. С. 6–31 – о Т. Г. Рябинине, И. Т. Рябинине, И. Г. Рябинине и П. И. Рябинине и их творческие характеристики, с. 36–129 – тексты былин, с. 130–136 – примечания, с. 139–142 – публикации былин и литература о Рябининых до 1939 г.; Стронк, 1971. С. 65 – воспоминание о П. И. Рябинине-Андрееве; Криничная, Фролов, 1977. С. 139–142 – краткие биографические сведения о П. И. Рябинине-Андрееве и о доме, в котором жили представители рода Т. Г. Рябинина; Чистов, 1980. С. 101–109 – о П. И. Рябинине; Чистов, 1997а. С. 51–57 – воспоминания о сказителе).*

229а. В 1926 г. в Гарницах работала экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Руководитель экспедиции Ю. М. Соколов писал: «Рябинин-Андреев Петр Иванович, крестьянин с. Гарницы. Петр Иванович – сын пасынка Ивана Трофимовича Рябинина – Ивана Герасимовича Андреева, скончавшегося от простуды за 50 дней до нашего приезда.

Гарница – родина знаменитого сказителя Трофима Григорьевича Рябинина <см. № 227 нашего издания>, после женитьбы переселившегося в д. Середку <…> Сын Трофима Григорьевича, тоже известный сказитель, Иван Трофимович

Рябинин, овдовев и потеряв своих сыновей, „вошел во двор“ Андреевых, женившись вторым браком на вдове Андреевой, у которой был сын, Иван Герасимович. Иван Герасимович воспринял от своего вотчима знание былин и тоже стал прекрасным сказителем. <…> Свое знание былин Иван Герасимович передал и своему второму сыну – Петру Ивановичу.

Иван Трофимович <см. № 223 нашего издания> был человек хозяйственный, крутого нрава, горячий, вспыльчивый. Будучи старообрядцем, табаку не курил, вина не пил. Детей воспитывал строго; даже взрослых сыновей наказывал иной раз палкой. Дети все были „покорными“.

Иван Герасимович <см. № 228 нашего издания> по рассказам сыновей и вдовы – Марфы Петровны, очень приветливой женщины, – был человеком мягким. По праздникам немного выпивал. От Ивана Герасимовича остались три сына: двое женатых – Степан и Петр – и один еще юный парень. Братья живут, не делившись и, по их словам, пока что делиться не собираются. Помимо земледелия, как и все гарниковцы, Рябинины-Андреевы занимаются рыбной ловлей. Рыбу отвозят на продажу в Петрозаводск.

Петр Иванович не раз говорил нам о том, что гордится родом сказителей. Вот почему, подобно отцу, любит называть себя не Андреевым, а Рябининым. Большинство былин Петр Иванович усвоил от своего отца Ивана Герасимовича. Последний любил сказывать детям и внучатам старины. Вечером усадит всех ребятишек вокруг себя и заведет былину. Сначала все слушают, а затем друг за другом под мерный былинный напев начнут засыпать. Тогда дед встанет и скажет: „ну, разносите их теперь по постелям“.

Петр Иванович исполняет былины с большой любовью. К исполнению относится серьезно. Не боится эпических повторений. Соблюдает их со всей тщательностью. Для него бывало истинным страданием, когда в Москве, из-за условий аудитории (ограниченность времени городского человека или обширность программы какого-нибудь концерта), ему приходилось сокращать или обрывать былину. Ему казалось, что этим нарушается художественная сущность былины. Петр Иванович прекрасно соблюдает ритм. Он знает два былинных напева, на которые и поет свои старины; каждый текст былины имеет свой напев. В ритмическом и текстовом отношениях былины Петра Ивановича – одни из лучших. Художественная традиция рябининского мастерства не могла не сказаться и в четвертом поколении знаменитой сказительской семьи. До нас (за несколько недель) от Петра Ивановича

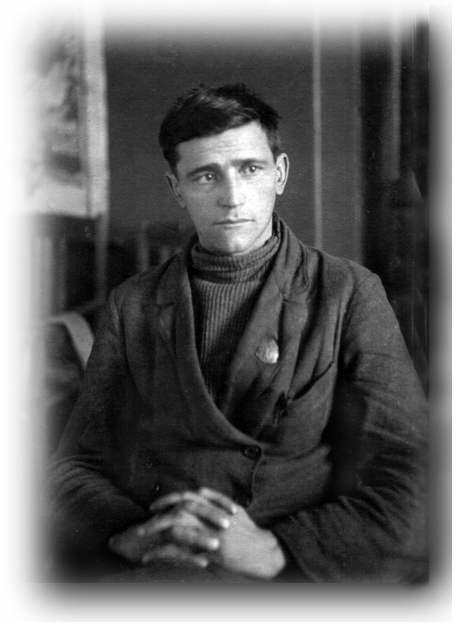
Рябинин-Андреев Петр Иванович и Кастрова Мария Ивановна

производил записи при помощи фонографа языковед и этнограф-музыкант С. И. Бернштейн.

До 1937 г. П. И. Рябинин-Андреев был только носителем рябининской былинной традиции. К 1937 г. относятся его первые попытки создать эпическую песню с современной тематикой. <…>

За свою творческую деятельность П. И. Рябинин-Андреев был в 1939 г. награжден орденом, наряду с писателями и в числе других создателей современного народного творчества и носителей старого фольклора». *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 415).*

229б. Из очерка «Былинные края» участника экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» в 1926 г. С. П. Бородина-Саргиджан: «… Петр Иванович, молодой парень, лет двадцати пяти, <…> спел нам огромную былину о Добрыне. В своем пении он сохранял рябининскую традицию – хороший текст и ровный, чистый голос. Голова, положенная на ладонь, полузакрытые глаза, все говорило о том, что и сам он уплывает вслед за былиной, в глубь давно минувших времен, мечтательно следуя за Добрыней <…>. Андреев чувствует размер былины и мелодию, он не упускает деталей, почти не отрывается для пояснений, но тем не менее чувствуешь, что яд <ряд ?> городских успехов его семьи отразился и на его исполнении. После ряда непосредственных и искренних певцов, в молодом Петре Ивановиче невольно улавливаешь выработку и мастерство, хотя городских, и вообще больших выступлений у него в то время еще не было. В его пении, широком и захватывающем, нет той убежденности в действительности всего пропетого, которая так пленяла в исполнении Степановны <Богдановой>. Пение былин, несомненно, доставляет удовольствие этому певцу, но многое рассчитано на эффект; его варианты очень близки к рябининским вариантам в записях Рыбникова и Гильфердинга. Но мастерство сказывания у П<етра> И<вановича>, несомненно, выше и Суриковского, и Семеновского». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 146).*

Рябинин-Андреев
Петр Иванович

229в. Из биографической справки П. И. Рябинина-Андреева, подготовленной А. М. Астаховой: «Петр Иванович Рябинин-Андреев представляет в истории русского эпоса исключительный интерес. Он – наследник по прямой линии в четвертом поколении былинной традиции самого выдающегося сказителя 60–80-х годов XIX в., классика былинного сказительства – Трофима Григорьевича Рябинина <…>.

В годы первых встреч с собирателями (середина 1920 г.) Петр Иванович Рябинин был еще совсем молодым человеком. Он родился в 1905 г., получил начальное образование. <…> Первые записи былин от Петра Ивановича были произведены в 1926 г. сотрудниками двух экспедиций: Государственного института истории искусств и Государственной академии художественных наук. В 1931–1932 гг. от него снова произведены записи М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной; эти последние записи <опубликованы> в книге <*Астахова, Т. II*>. В 1927 г. Петр Иванович был вызван в Ленинград и Москву для публичных выступлений; с этих пор он неоднократно выступает и в Петрозаводске, и перед ленинградцами, и москвичами. Постоянные выступления выработали в нем известное профессиональное отношение к своему мастерству. <…> Петр Иванович ценит и бережно хранит старое художественное наследие. Любит исполнять былины в больших аудиториях <…>.

Петр Иванович Рябинин – один из первых среди исполнителей былин, который стал слагать новые эпические произведения на темы нашей героической современности, используя при этом поэтические средства традиционного народного творчества. <…> Им сложен был целый ряд былин – о Ленине и Сталине, о Чапаеве, о Ворошилове, о Тойво Антикайнене. Но, как правильно отмечалось исследователями его нового творчества, П. И. Рябинину-Андрееву на его новом пути не удалось преодолеть прочно усвоенной им формы старого эпоса, и в его произведениях на современные темы наблюдается постоянное обращение к традиционным сюжетным схемам и „общим местам“, что придает этим произведениям характер искусственной стилизации. <…> Во время войны им сложен еще ряд новых эпических произведений, отмеченных в основном теми же недостатками.

Рябинин-Андреев
Петр Иванович

В области старинного эпоса Петр Иванович Рябинин-Андреев принадлежит к той же категории сказителей, которые усваивают почти точно не только общую композиционную структуру былины, но дословно или почти дословно всю словесную форму. В дальнейшем, при исполнении, они варьируют лишь самые незначительные детали, перестанавливая изредка отдельные стихи и эпизоды, несколько меняя фразировку. К такому типу сказителей принадлежат отец и дед Петра Ивановича, вот почему некоторые его былины очень близко совпадают еще с текстами прадеда – Трофима Григорьевича. <…> Петр Иванович сохранил оба знаменитых рябининских напева. На один поет „Вольгу и Микулу“, на другой – отцовские былины. В мастерстве Петра Ивановича наблюдается уже некоторый отход

от классики, например, в несколько механическом и утрированном употреблении приема повторения. Кое-какие изменения напева отмечались и музыкантами. Характерно, что напевами Н. С. Богдановой ему не удалось овладеть по-настоящему; так, из одного из них получился мотив, близкий к известной песне – „Проводы". Недаром самолюбивая и ревнивая к своему искусству Настасья Степановна неодобрительно отзывалась об исполнении Петром Ивановичем ее былины о Чуриле и Катерине.

Кроме былин, П. И. Рябинин знает и поет много песен различного типа – и старинных, и новых. Знает также в большом количестве сказки, преимущественно бытовые и сатирические. В семье его мать знала старинные свадебные и колыбельные песни, много присказок и поговорок, жена поет свадебные и хороводные песни. Таким образом, народно-поэтическое творчество в его различных видах нашло благоприятную почву в талантливой семье четвертого Рябинина.

За свои заслуги в деле сохранения и культивирования эпического наследия П. И. Рябинин был награжден в 1939 г. орденом „Знак Почета". В 1938 г. был избран в члены Союза советских писателей. П. И. Рябинин-Андреев имеет правительственные награды и за участие в Отечественной войне с фашистской Германией.

В сборнике „Былины Севера" печатаются записи 1931–1932 гг., а в приложении даны расшифровки фонографических записей текстов 1926 г. При том большом научном значении, которое имеет творчество П. И. Рябинина-Андреева как наследника традиции, известной нам в редакциях, восходящих к XVIII в., эти ранние записи представляют интереснейший материал для освещения эволюции русского эпоса и, в частности, знаменитой рябининской традиции». *(Астахова, Т. II. С. 159–161). (Подробнее о творчестве сказителя см.: Астахова. Т. 1. С. 73 – творческая характеристика сказителя; Новиков, 1997. С. 43–50 – об истоках репертуара Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева; Смолицкий, 1997. С. 58–63 – о работе П. И. Рябинина-Андреева над новинами-былинами; Захарова, 1997. С. 74–77 – о сказывании былин в традиции Рябининых-Андреевых; Иванова, 2000. С. 84–91 – о жанровой природе песенного советского эпоса).*

230. РЯБОВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ, 24 лет, родом из Фоймогубы, плотник, но бедность заставила его уйти с семьей брата на выселки. Строятся они в горном лесу на «Хмельозере», месте, куда нельзя проехать даже на дровнях. Зимой выселки совершенно отрезаны от мира. Летом Павел Петрович уходит на заработки. Он плотничает по деревням, иногда за много сотен верст от дому.

Рябов – комсомолец, но из-за своей отрезанности зимой и бродячего образа жизни летом, он очень мало связан с коллективом и находится вне сферы его влияния. Общественной работы никакой не несет, учебой не занимается. Однако он чувствует себя членом передовой группы деревенской молодежи, и его молодой задор, не направляемый коллективом, приводит его иногда к взгляду свысока на других людей. Он довольно резко противопоставляет себя «несознательной» массе. Это желание выделиться, показать себя более культурным отразилось в сказке «Прикащик и купеческая дочь» совсем необычным словарем и

синтаксисом («…прикащик *ударял* за ней», «он ничего не мог сделать, так как в тот миг *не нашлось его физической силы, его труда*», «если тебе хватит *натуры*», «*городской персонал*», «он объяснил все на *цензуру* путешествие свое» и т. д.). Желая еще больше оттенить их, он делает необычайные паузы перед выигрышными словами (пригласил их в свой || купецкий замóк).

Все это воспринималось аудиторией (созванной самим Рябовым) с большим одобрением и удовольствием. *(Карнаухова, 1934. С. 387).*

231. РЯСКИНА АННА АНДРЕЕВНА, 1904 г.р., из д. Харловская Фоймогубского сельсовета. Муж погиб на фронте в 1940 г. Во время оккупации Заонежья привлекалась вместе со своей односельчанкой М. И. Кулатовой за связь с партизанами – отсидела три года в лагере № 2 в г. Петрозаводске. Вместе с матерью был посажен и старший сын, 21 года. В Харловской без присмотра оставались трое малолетних детей. Сын вместе с другими ребятами попытался сбежать из лагеря, чтобы быть вместе с братьями и сестрами и содержать их. Побег ему удался, а других поймали и забили до смерти. От Анны Андреевны записаны плачи. Один из них она посвятила своему старшему сыну, который заботился о детях и которого в августе 1944 г. мобилизовали в Красную Армию. *(АКНЦ 75/130).*

232. РЯСКИНА АННА ФЕДОРОВНА, 1885 г.р., до войны жила в д. Харловская, во время оккупации Заонежья в д. Андреевка Фоймогубского с/с. В 1944 г. – год записи – Анне Федоровне было 59 лет. Работала технической служащей в местной школе. Жила с 12-летней дочерью. Один из сыновей учился в ФЗУ, три сына находились в армии, известий не получала. Осенью 1944 г. проводила на фронт четвертого сына, который во время оккупации сидел в фашистском лагере. Всего у Анны Федоровны было семь человек детей. Муж умер десять лет тому назад. От нее А. П. Разумова записала плач «о жизни в неволе». *(АКНЦ 75/122).*

233. САВЕЛЬЕВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) КУЗЬМИНИЧНА, 1851 г.р., из д. Сенная Губа. В 1931 г. – год записи – Авдотье Кузьминичне было 80 лет. Собирательница Р. Х. Герцман записала от нее очень полный свадебный обряд с причитаниями и свадебными песнями, а также великолепный этнографический рассказ о занятиях, о бесёдах, о календарных праздниках, об одежде, о гаданиях и т. д. Кроме того, она рассказала, как просватали саму Авдотью Кузьминичну: «Когда приехали ее сватать, ей не было еще и 18 лет. Савельев, который впоследствии стал ее мужем, часто ездил к ним за рыбой, а брат ее матери был портным и часто шил у Савельевых. Один раз дядя повез ее на праздник в Петры́ (сама она из деревни Купцы <?>). Там ее как следует „высмотрел“ Савельев, она же его очень плохо знала. Дядя всячески нахваливал свою племянницу и уговаривал ее родителей выдать за Савельева. После сватанья приехали человек 20 с „поездом“. Приехали они под вечер. На другой день была свадьба. Все поехали на богомолье. Здесь причитывали подпевальщицы. Одежда у невесты была дорожная, так как ехать было далеко и можно было испортить венчальный наряд. Так в дорожном костюме и венчались». *(АКНЦ Р. VI. Оп. I. № 61. Л. 20–21).*

234. САМЫЛИН МАТВЕЙ ЕГОРОВИЧ, 1879 г.р. – Заонежского района, Космозерского с/с, д. Артово – колхозник Космозерского колхоза «Красный космозер», 59 лет, маленько грамотный, семейный: семья 3 человека – жена и дочь воспитанница; жене 58 лет, дочери 17 лет; дочь окончила семилетку и один год сельхозтехникума, сейчас не учится и не работает, живет дома – здоровье плохое. В колхозе состоит Самылин семь лет, в настоящее время в колхозе состоят около 35 семей; раньше было до 85 колхозных хозяйств; ушли некоторые в кадры, в город, на железные дороги. Т. Самылин М. Е. работает сапожником в колхозе в свободное время от полевых работ.

Самылин Матвей Егорович

Родители Самылина почти батраки (земли на 25 бабок имели), отец умер на охоте, медведь помял его. Самылин остался 13 лет. «За год до смерти отца меня отдали в сапожную мастерскую в Ленинград в мальчики, там я проучился только год. После смерти отца остался в деревне работать». Имеет одну сестру (живет в Артово) в колхозе; т. Самылин участвовал в Германской войне один год, в Февральскую революцию был в Ленинграде, в Красном Селе в 176-м полку, принимал участие в революции, контужен в Германскую войну.

Репертуар М. Самылина записан в 1926, 1937–1938 гг.: былины 1. Как во славном городе во Киеве (Добрыня Никитич), 2. О Ставре сыне Ягодиновиче, баллады, духовный стих, сказки, песни и др. *(АКНЦ 122/54. Л. 508 (рукопись), л. 509 (м/п копия).*

234а. Из статьи А. М. Астаховой «Былина в Заонежье»: «Типичным представителем группы сказителей, *„забывающих“* <былины>, является Матвей Егорович Самылин, 47 лет, из Космозера. Это грамотный крестьянин, занимавшийся и занимающийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом, живший в Ленинграде и принимавший участие в Германской войне. Былины он знает от своего деда, Александра Тимофеевича Плакидина из Шуньгской волости, и от деда другого сказителя П. Г. Горшкова, Павла Перфильевича Горшкова[1]. Кроме того, сам Самылин упоминает, что видел в семье книжку, где была, например, былина о Дюке Степановиче. Однако, если книга поддерживала, быть может, знание его деда, то для самого Самылина основным источником служило исполнение былин теми двумя стариками, о которых было сказано. Старик Плакидин, по словам его дочери и самого Матвея Егоровича, пел хорошо, не пересказывал, постоянно пел на бесёдах. Сам он „холост был – пел на бесёдах, да никто не перенял“. „Пел смолоду, память сшибло в Германскую войну“. Помнил былины о Ставре и о Добрыне, но от пения переходит к сказу, сбивается, начинает передавать про-

[1] О П. П. Горшкове см. № 50а нашего издания. – Составитель.

зой, просто пересказывая отдельные эпизоды, иногда лишь вставляя былинные выражения и стараясь попасть в былинный ритм. Получается пестрый, нестройный рассказ, в котором одни места передаются совсем сокращенно, другие развернуты, в прозу вплетаются отдельные стихи; целый отрывок былины, хорошо сохранившийся, сменяется кратким пересказом. При передаче забывает целые эпизоды. Так, из былины о Добрыне совсем выброшенным оказался эпизод об Алеше, как обманщике, уверяющем мать Добрыни в его смерти. При дальнейшей передаче <Самылин> сам чувствует, что выходит неловко: неясно, как же узнают о смерти Добрыни. Когда я напоминаю о роли Алеши, пытается припомнить, „как это сказано". При названии ряда былинных сюжетов загорается радостью, пробует вызывать в памяти то отдельные стихи, то целые эпизоды. Видно, в памяти залегло много осколков прежнего, но лишь только осколков. От него записано, кроме указанных двух былин, еще, тоже сильно позабытый и сокращенный, вариант былины „Молодец и худая жена" и ряд духовных стихов. Относится Матвей Егорович к ста́ринам и стихам с громадным уважением. Трогательно было видеть то напряжение, с каким пытался он восстановить в своей памяти забытое: как огорчался он, когда не мог вспомнить, и с каким восхищением слушал, когда я напоминала ему некоторые стихи. Иное отношение у него к сказкам: „Сказки", говорит он, „неинтересны, другое дело ста́рины". Исключение он делает лишь сказке про Еруслана Лазаревича, которая в его восприятии объединяется с былинами.

Степень забывания и проявления его у сказителей различны, в зависимости от сложившихся условий жизни, быть может, и от личных особенностей памяти сказителя <…>. Матвея Егоровича Самылина, тихого, кроткого крестьянина, с громадной любовью к былине, односельчане с легкой усмешкой называют „чудаком"». *(Астахова, 1927. С. 84–85, 82).*

234б. Из характеристики Матвея Егоровича Самылина: «М. Е. Самылин относится к тем сказителям, которые, хотя сами по разным причинам почти совсем растеряли свое былое знание, продолжают по-прежнему любить и ценить эпическое наследие.

В 1926 г. – это крестьянин-бедняк д. Демидово Космозерского сельсовета, односельчанин П. Г. Горшкова, грамотный, занимавшийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом. Впоследствии – колхозник той же деревни. Живал в Петрограде. Принимал участие в Первой мировой войне, был ранен в голову, вследствие чего сильно ослабела память. Умер в годы Великой Отечественной войны.

Когда-то знал целый ряд былин, усвоенных им от своего деда Александра Тимофеевича Плакидина из б. Шуньгской волости и от другого хорошего сказителя Павла Перфильевича Горшкова, деда современного космозерского сказочника и исполнителя былин Петра Григорьевича Горшкова. „Пел смолоду, – говорил про себя Самылин, – память сшибло в Германскую войну". Кроме публикуемых былин <№ 161, 162 в указанном ниже издании>, от него в 1926 г. была записана схема былины о Добрыне и Алеше, отдельные отрывки этой

былины и стихи о братьях Лазарях, об Алексее и отрывок из „Голубиной книги“ (Рукоп. хранил. Сект. фольк. ИРЛИ, колл. II).

<…> Творческое движение тридцатых годов среди сказителей и певцов Карелии неожиданно выдвинуло М. Е. Самылина в первые ряды сказителей нового, советского эпоса. Сказитель, до тех пор лишь передававший сравнительно жалкие остатки своего былинного репертуара, обнаружил незаурядные творческие данные. Им сложена былина о полярниках, <…> былина о Ворошилове. В них видим большую теплоту, искренность, поэтичность. Свои новые произведения Самылин пел на характерный былинный напев, приятным задушевным голосом. Сам сказитель чрезвычайно был увлечен своим творчеством. Самылин – яркий, убедительный пример тех народных дарований, которые пробуждены к творчеству всем содержанием и характером нашей замечательной эпохи». *(Астахова. Т. II. С. 377).*

234в. Из статьи Н. Г. Черняевой «О былинных сказителях Карелии»: «<…> Стремление в ряде случаев свернуть повествование, нарушить былинный размер – становится определяющим у заонежского сказителя М. Е. Самылина <…>. Из былин М. Е. Самылина дважды записана лишь былина о Ставре *(Астахова. Т. II. № 161; № 13 в указанном ниже издании)*. В варианте А. М. Астаховой больше прозаизации, чем в нашем варианте. Сказитель минимально варьировал набор мотивов: лишь в одном месте изменил он состав и последовательность – Настасья состязается в стрельбе из лука, Настасью испытывают в бане. <…> Сравнивая словесные отрывки двух записей, автор статьи пришла к выводу, что стабильные по составу и синтаксису строки сочетаются с заметно измененными. Некоторые строки пропущены, другие взяты из общеэпического запаса, ряд строк повторяется. Есть и строки явно неэпические, но построенные по традиционным былинным образцам: „А гости торговые хвастают торговлею, Что заморские товары были дороги“.

Сжатость изложения былин, разрушенный стих, перешедший местами в прозу, объясняются забыванием старин М. Е. Самылиным, который их „пел смолоду“, но запамятовал. Вероятно, редкое исполнение былин ускорило процесс их распада. В текстах Самылина сохранены сюжетообразующие, ключевые мотивы повествования („Добрыня и Алеша“ № 11, „Женитьба Дуная и князя Владимира“ № 12)». *(Черняева, 1981. С. 22).*

234г. Из статьи Н. Ф. Онегиной «О сказочной традиции Заонежья»: «Как и большинство сказочников Заонежья, Самылин Матвей Егорович – носитель многожанрового фольклора. От него записаны былины, баллады, исторические песни, духовные стихи и четырнадцать сказок. <…> Надо отметить, что сказки Самылина отличаются некоторой схематичностью. Сам он объяснял это просто: „Сказки неинтересны, другое дело старины“ <…>. Все же мы сочли необходимым представить его в <указанном ниже> сборнике (№ 45, 46).

Сказка „Про царя Соломона“, усвоенная Самылиным устным путем, генетически связана с былиной, хотя в репертуаре самого сказителя былины о Соломо-

не нет, но в Заонежье их зафиксировано пять вариантов, а во всей Карелии – одиннадцать <…>. Кроме сказки Самылина, в Карелии еще известны четыре сказочных текста о Соломоне (три пудожских и один поморский варианты). Но публикуемый заонежский текст не имеет ни былинных конструкций, ни лексических, ни стилистических особенностей эпических песен». *(Онегина, 1986. С. 22).*

234д. Из письма М. Е. Самылина от 25 июня 1939 г. в КНИИК, в котором он делится своими впечатлениями о поездке в г. Петрозаводск на конференцию сказителей. Письмо получено 28 июня 1939 г.: «Здравствуйте, дорогие товарищи сотрудники научно-исслед. Института. Всем, всем многоуважаемым шлю я Вам свой пламенный привет от души и сердца моего. В первых строках моего письма спешу уведомить вас, что с конференции приехали благополучно. Здоровыми. На пароходе пели былины, народу ехало много и слушали со вниманием или внимательно каждый, тем более женщины, которые еще ничего не слухали; были деревенские, очень пондравилось, публику интересовало. Нас поблагодарили за былины. Приехали домой. Деректор детского дома спрашивал, я ему все высказывал, что было на конференции, председателю колхоза и председателю сельсовета. На конференции нас приняли хорошо и конференцию провели в полном порядки, обрасцово. Я работаю не покидая рук. Пахал, запераю изгороди. До меня все было поло: ворота в полях не были закрыты. Время свободного нет пока. Вы пишите, что чем недовольны. Мы всем довольны. <Далее былинным стихом Матвей Егорович рассказывает, как их обслужили, где они побывали, что смотрели, какие вынесли впечатления. А заканчивает письмо так:> Еще шлю пламенный привет сотрудникам Института, советским писателям, что я довольный вами. Еще шлю свой пламенный привет академикам – ленинградским, московским, киевским, белорусским, Калининградской области, орденоносной Воронежской области. Самылин Матвей Егорович с почтением к вам. В колхозе засеяно 45 гектар кое-чего. У нас в колхозе и по Заонежскому району сеяли привозной рожью. Осенью озим выстала хорошая. А во время весны ни одного роска нет. Посеяли площадь пшеницей. Извиняюсь, что долго я вам письма не писал, ввиду того, что работой отягощен колхозной, и свои сады – пришлось хотя и поздновато зарыть картошку, еще пришлось вновь запереть изгородь, 200 жердей принес и запер. Былину я напишу о Сталине». *(АКНЦ 72/83. Л. 37).*

235. САННИКОВА ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА, 1882 г.р., д. Емичевская (Толвуя). В 1944 г. – год записи – ей исполнилось 62 года. После смерти матери осталось 6 человек детей. Четырнадцатилетняя Елена Федоровна была самой старшей из них. В 14 лет она уже вопила на могиле матери. «Шестеро осталось, так было вопу, – сказала она. Столько вопила, что замертво с могилы соймут». До войны они жили в дер. Емичевская (Загубье). Во время оккупации Заонежья деревня была сожжена дотла. У нее отняли корову и переселили в Фоймогубу. Единственный сын находился в армии, остался жив. Муж умер девять лет назад. После освобождения Заонежья вернулась в Загубье, живет в чужом доме. Сразу после возвращения Елена Федоровна пошла на кладбище и вопила на могилах.

Собиратели В. Г. Базанов и А. П. Разумова записали от нее пять плачей. «В годы оккупации она много перестрадала и много пережила, – пишут они. Однажды, чтобы не умереть с голоду, Е. Ф. Санникова пошла в поле собирать колосья. Не успела старуха наклониться к „распашистой полосушке“, как откуда ни возьмись явился сам „господин“. Слез этот „господин“ с лошади, выломал ивовый прут и начал старуху хлестать. Вдоволь натешившись над беззащитной женщиной, он приказал полицейскому посадить ее в будку. Узнав о судьбе матери, дочь Е. Ф. Санниковой пыталась подойти к будке, чтобы передать матери кусок хлеба, но ее грубо оттолкнули финские полицейские. Девушка отошла в сторону и громко запричитала. Из будки послышался ответный плач. Это плакала А. Ф. Санникова. <…> Когда в сентябре 1944 г. <…> к Елене Федоровне приехал из Красной Армии в отпуск сын, она вылила свое пережитое горе в причеть <…>. Этот плач, записанный нами в день встречи с сыном, можно подразделить на несколько самостоятельных плачей, сложившихся „за три учетных годышка“. Здесь же мы находим отрывки, сохранившиеся в памяти вопленицы, в частности из того плача, который был сложен в тюремной будке». *(АКНЦ 75/21; Базанов, 1945. С. 28).*

236. САРАФАНОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, крестьянин-рыбак дер. Гарницы Сенногубской волости Петрозаводского уезда, грамотный, внук сказителя Игнатия Андреева. Родился в октябре 1820 г. Знал былины и сказки.

Из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова: «От Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успел ни разу видеться с ним и принужден был удовольствоваться записью от него писарем Лысановым интересных вариантов о Чуриле и Хотене (Ч. III. № 25, 28 и Ч. III. № 4, 21). О личности этого певца знаю только, что он человек уже немолодой, не бедный, занимается рыболовством и живет в дер. Гарницах». *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 64).*

236а. Сарафанов Андрей Васильевич из Гарниц, Сенногубской волости, крестьянин лет под 50, грамотный, пользующийся известностью как рассказчик, помнит много старин, которые слышал от родителей. Его дед Игнатий Андреев <…> был великий мастер петь былины, и от него-то в детстве Сарафанов их и перенял. Но, сохраняя в памяти содержание былин, он почти разучился песенному их складу; он передает былины прозаическим пересказом и не в состоянии выдерживать их «на голосе». Былинам он стал предпочитать сказки, которых считается отличным знатоком; несколько раз он предлагал собирателю, спрашивавшему его о былинах, рассказать про Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Английского милорда и т. п. Сарафанов был известен г. Рыбникову. Сличение его былин, как они были записаны г. Рыбниковым, с нынешним их пересказом показывает в них разительный упадок поэтического склада, который можно объяснить тем, что Сарафанов, по его собственным словам, с летами все более и более отвыкает от распева былин, приучившись передавать их в форме сказок. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 596).*

236б. Сарафанов Андрей Васильевич, крестьянин дер. Гарницы, Сенногубской волости, был известен и Рыбникову, и Гильфердингу. Рыбникову не пришлось с

ним видеться лично, и он поместил в свой сборник его четыре былины, записанные волостным писарем Лысановым; поэтому наш собиратель не сообщает о Сарафанове никаких сведений: «человек уже не молодой, не бедный, занимается рыболовством» – вот все, что сказано у Рыбникова. Гильфердинг дает о нем ряд интересных фактов: Сарафанов – внук знаменитого сказителя Игнатия Андреева, от которого Трофим Рябинин узнал большую часть своего репертуара. Таким образом, учитель у Сарафанова был отличный, но очевидно музыкальность внука была слаба, и он постепенно стал отвыкать от песенного склада былин, превращая их в сказки, которые он вообще любит и отлично рассказывает. Он не забывал содержания былин (Гильфердинг записал от него восемь сюжетов, вдвое более чем получил Рыбников), но вместе с напевом стала исчезать цельность былинного стиля, и однородность языка начала пестрить книжностью, неологизмами и какой-то неуклюжестью оборотов. Гильфердинг, сравнив три былины, совпадающие в обоих сборниках (Илья и Соловей, Дунай, Смерть Чурилы), отметил «поразительный упадок поэтического склада» в своих записях.

Добавим к этому только, что былина «Смерть Чурилы» у Рыбникова представляет такие необычные особенности в содержании (помимо большой путаницы), что она через сколько угодно лет не могла бы в устах одного и того же певца превратиться в тот пересказ, который записал от Сарафанова Гильфердинг. Этот факт (он не единственный…) наводит на мысль, что певцы иногда могли, одновременно или последовательно, иметь два несходных пересказа одного сюжета в своем репертуаре. *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 433; также см.: Чичеров, 1982. С. 52–55, 138–141: приводится сопоставление сюжетов былины об Илье и Соловье А. В. Сарафанова с вариантами А. Дьякова и Т. Г. Рябинина).*

237. САРАФАНОВА МАРИЯ (МАРЬЯ) КИРИКОВНА в год записи (1926) – 45-летняя крестьянка д. Середка Кижского сельсовета Заонежского района. Была замужем, имела детей. Сарафанова – дочь Кирика Гавриловича Рябинина и внучатая племянница Ивана Трофимовича Рябинина. Могла припомнить только одну былину о Дюке, совершенно почти ею забытую. Начала петь ее очень уверенно, потом стала сбиваться. И только огромным напряжением памяти, эпизод за эпизодом воссоздала <…> текст <…> «Раньше изредка пела, а теперь редко пою и забыла», – объяснила сама сказительница.

Былину, по ее словам, усвоила от деда – Ивана Трофимовича, но сличение ее текста с обеими записями былины о Дюке от Трофима Григорьевича у Гильфердинга и Рыбникова и с текстом пасынка и преемника эпического искусства Ивана Трофимовича – Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина – не позволяет говорить о восхождении варианта Сарафановой к рябининской редакции. Близость к тексту Трухавой (№ 149 <указанного ниже издания>) заставляет предполагать другой, нам не известный источник. В том же 1926 г. былина о Дюке была вторично записана экспедицией ГАХН <…>. *(Астахова, Т. II. С. 269).*

237а. Из статьи А. М. Астаховой «Былина в Заонежье»: «Нам пришлось встретиться с еще одним типом современного сказителя. Это Марья Кириковна Сара-

фанова – внучатая племянница Ивана Трофимовича Рябинина. Давно не певшая былину о Дюке, Марья Кириковна совсем ее забыла. Она по частям стала припоминать содержание, восстанавливая общую повествовательную схему, и сейчас же, тоже по частям, оформляла ее в стихах. Таким образом, мы присутствовали при любопытном моменте воссоздания совсем позабытой былины при помощи хорошо удержанных в памяти былинных образов и готовых былинных формул – явление, обратное описанному моменту разложения былины, но представляющее еще новый случай забывания и припоминания, характеризующий современное состояние былины.

Припоминание в данном случае было не механическим, а творческим, причем эта создавшаяся на наших глазах былина свидетельствовала о прекрасной, чистой традиции. Хотя, правда, ряд эпизодов был пропущен, былина сокращена, конец так и не удалось вспомнить, но, в общем, былинный стиль и ритм сохранены были в чистоте <…>». *(Астахова, 1927. С. 87; также см. об этом: Астахова, Т. 1. С. 75).*

237б. Сарафанова Мария Кириковна (рожд. Рябинина), дочь Кирика Гавриловича. Вдова. Ей около 40 лет. 22 года прослужила в Петрозаводске, из них 5 лет в Николаевском женском приюте и 12 лет в железнодорожной больнице, где намерена служить и дальше. Муж ее был с Кóсельги. У них дочь Таня, 8 лет, живет при матери. Мария Кириковна неграмотна. По ее словам, была памятью раньше очень крепка. Переняла былину о Дюке Степановиче от внучатого дяди – Ивана Трофимовича, когда тот исполнял ее в Петрозаводском приюте на вечере. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 473).*

238. САРАФАНОВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, 1896 г.р., грамотная, внучка Андрея Васильевича Сарафанова. Девичьи годы провела в д. Кижи, а в д. Гарницы вышла замуж. Бывала в Туле, в Москве, в Петрозаводске. В 1931 г. – год записи – Марии Михайловне было 35 лет. С. А. Лорви записала от нее о местной свадьбе 30-х годов XX в., о правах замужней женщины, об отношении к разведенным женщинам. В 1956 г. с ней и с ее дочерью **Сарафановой Анастасией (Настасьей) Егоровно**й, 44-х лет, работавшей в детском доме д. Гарницы, встречались студенты МГУ О. Л. Свешникова и Е. А. Ремезова. В АКНЦ имеются 17 частушек и пословица, записанные от них. *(АКНЦ 79/639; Р. VI. Оп. 1. № 78. Л. 21; № 79. Л. 25).*

239. САРАФАНОВА МАРФА КИРИЛЛОВНА, 70 лет, из д. Косельги; ее сын – ленинградский портной, на лето приезжает в деревню с семьей, на зиму дом оставляет на попечение Марфы Кирилловны. Марфа Кирилловна не могла припомнить, от кого она переняла «Чурилушку», но полагает, что от своей дальней родственницы – Феодосьи Лукиничны <Сарафановой>, от которой выучили старины и Назаровы <см. № 172 и 173 нашего издания>. Начало былины никак не могла вспомнить. Формулы былины очень близки тексту Н. Ст. Богдановой. Может быть, Сарафанова переняла былину от Богдановой

непосредственно, может быть, от других сказителей. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 637).*

240. СЕ́ВЕРИКОВ ПЕТР – крестьянин д. Лонгасы Великогубской волости, Сенногубского общества Олонецкой губернии. Брат Антона Се́верикова – мужа Се́вериковой Маланьи Нефедовны <см. № 241 нашего издания>. Летом 1892 г. воспитанники И. Александровского лицея Михаил Веселкин и Сергей Новиков записали от Петра Северикова «сильно скомканную» былину о Дунае Ивановиче, окончание которой «рассказчик передал в коротких словах». *(Тихонравов, Миллер, 1894. С. 127).*

241. СЕ́ВЕРИКОВА МЕЛАНИЯ (МАЛАНЬЯ) НЕФЕДОВНА, 88 лет. Жила замужем 70 лет в дер. Лонгасы за местным крестьянином Антоном Се́вериковым. От его брата в 1892 г. была записана одна былина Веселкиным и Новиковым (Тихонравов-Миллер, № 35). Антон Се́вериков умер зимой 1926 г.; после его смерти Маланья Нефедовна переселилась к своей дочери, вдове – Ошевневой в д. Ошевнево. Маланья Нефедовна сама родом из дер. Конды. Отец ее Нефед Ефимович Андриянов. По словам Маланьи Нефедовны, былинам и стихам она научилась в Конде, а от кого – не помнит. «Гришку Отрепьева» и стихи она пела, быстро уставая. Петь согласилась с большой охотой. По словам дочери, Маланья Нефедовна каждый праздник занимается тем, что поет стихи, сопровождая их плачами. Запись от М. Н. Се́вериковой производилась 16-го и 23-го июня. По словам дочери, Маланья Нефедовна, мечтая сфотографироваться, каждый день готовилась петь. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 586; также см.: Г. Васильев – № 39а нашего издания).*

241а. Из статьи (путевого очерка) С. П. Бородина-Саргиджан «Былинные края»: «… Старух, с глубоким ласковым взглядом мы встречали в разных деревнях, где приостанавливались отдохнуть после длинного перехода, и у них всегда находилось ласковое напутствие или шутка.

К числу этих старух относится и Маланья Северикова, которая многое забыла за девять десятков своей жизни, но и из спетого ею сложилось несколько больших стихов и былин. В ее груди уже не осталось воздуха для песен; ее слабеющий голос постоянно срывался, но, едва передохнув, она пела дальше, не желая ни на минутку приостановиться, не давая времени взять новый карандаш взамен притупившегося. Пела она, торопясь, словно хотела поскорее избавиться от тяготивших ее невысказанных слов.

Она стала нам петь, едва мы позвали ее из-под лестницы, где дочь устроила ей летнее жилье. Когда мы не пришли в указанный день дослушать ее пенье, она волновалась больше всех, в течение последующих дней, пока мы не вернулись. И тогда, для чего-то одевая самые новые свои платки, она очень страдала от того, что слабость мешает ей ходить так быстро, как в годы молодости.

Мы зашли к Севериковой в Ошевнево в один из последних дней нашей жизни в Сенногубской волости и вскоре, после полутора месяцев жизни в Сенной Губе, перекинулись на Пудожский берег». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 148).*

242. СЕМЕНОВ ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ – крестьянин-середняк из села Леликово, 61 года. Лет пять, как погорел. «До пожара, – рассказывал он, – жили хорошо: семейство было непьющее, неболтущее». Женат. Из трех сыновей один умер, из трех дочерей – две замужем, одна живет при родителях. Павел Семенович – слегка сутуловатый мужчина, высокого роста, с темными, свисающими на обе стороны лба прямыми волосами. Отличается тихим, скромным нравом. Болен какой-то серьезной болезнью, по-видимому, туберкулезом. Петь в полный голос не может, поэтому часто переходит на речитатив, что отражается на стройности ритма. Во время пения ритм сохраняет превосходно. Жалуется на ослабление памяти. Раньше, по его словам, знал много былин. Теперь мог вспомнить только шесть. По рассказу одного из сыновей, еще недавно «очень красиво» пел веселую песню про «Платова-казака», теперь ее забыл.

Семенов Павел Семенович

Былинам выучился Павел Семенович в детстве от жившей в их доме старушки Ирины Сидоровны Семеновой (умерла 40 лет назад в столетнем возрасте). Ирина Сидоровна в свою очередь былины «поняла» еще в юности от своей родной тети по матери, тоже столетней старухи. «Обои они (Ирина Сидоровна и ее тетка) – природные леликовские». Ирина Сидоровна, по словам Павла Семеновича, будто бы знала 33 былины. Гильфердинг, в бытность свою в Леликове, не записал от Ирины Сидоровны былин потому, что ее в то время не было дома – она уходила на богомолье в монастырь. В ответ на наше указание, что текст былины о Добрыне и Василии Казимировиче очень близок к тексту Трофима Григорьевича Рябинина, Павел Семенович сказал, что былину он перенял от Ирины Сидоровны, но не помнит, чтобы она говаривала о каких-либо встречах с Трофимом Григорьевичем. Из хороших сказителей сам Павел Семенович встречался с И. Т. Рябининым и с К. И. Романовым.

Первое наше знакомство с Павлом Семеновичем состоялось у него в доме 7 июля 1926 г. Это был местный деревенский праздник (Иванов день). Дом Павла Семеновича новый, еще не достроенный до конца, был полон гостей. Сам Павел Семенович чувствовал себя нездоровым. Поэтому запись былины о Дюке Степановиче была не из удачных. Павел Семенович еще очень стеснялся, с трудом припоминал (с помощью дочери), часто переходил на речитатив, сбивался с ритма. Через два дня он приехал в Сенную Губу и там исполнил остальные былины уже в более спокойной обстановке, что и сказалось на исполнении. Павел Семенович – один из хороших сказителей, с любовью и серьезно относящихся к исполнению былин. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 475).*

242а. Из статьи (путевого очерка) С. П. Бородина-Саргиджана «Былинные края»: «Дней пять спустя мы были в Леликове, у Семенова, который из-за потери голоса не поет, но ритмично говорит „былинки“. С готовностью пошел он навстречу нашему интересу к местной старине и подбивал своих домашних припоминать разные истории, описывал старую одежду, высокие пуховые шапки „астраханки“, бытовавшие еще на его памяти, и старые правила жизни. Мы и потом встречались с ним, во время его приездов в Сенную Губу, где он досказал лучшие былины своего репертуара. У него были добрые глаза под высоким лбом, под хмурыми бровями. Он умер от горловой чахотки в том же году». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 146).*

243. СЕМЕНОВА ВЕРА ПАВЛОВНА, 1939 г.р., родилась в д. Сенная Губа, русская. В 1988 г. – год записи – Вере Павловне было 49 лет. Студенты ПГУ записали от нее о похоронном обряде, поверья и рассказ о семье: «Мама у нас с Кижского острова была, с погоста, д. Васильево. Дом, где жили родители, стоит. Началась война и нас всех увезли в плен в Петрозаводск, были в первом лагере на Перевалке. Мама умерла два года назад (84 года было). Раньше богато жили в своей семье, даже золото валялось свечками (слитки), это было при отце, при матери. А стали жениться, тут сразу же революция 1905 года. Мама всю революцию помнила: сжигали дома, подсобное хозяйство – все отнимали. Дедушка был, работал в церкви дьяконом. „А как мамина фамилия?“ (Соб.) – Васильева. Дедушка все сидел в комнате, читал Библию, а так занимался: хлеб ростил, рыбу ловил. Мать вышла замуж сюда в этот дом. Четырнадцатой коровой – с коровой пришла. Двор был большой для скотины, хороший хлев. Это был дом зажиточного крестьянина-кулака. Наемных рабочих не было, все сами делали. Все обязанности были распределены. Мама была самая старшая, всех обшивала, вторая дочка все около печки стряпала, а третья ходила на дворе, за скотиной. Были еще сестра да брат, но они утонули в озере, похоронены у Покровской церкви. Бабушка умела причитать и мамина сестра, здорово получалось. Теперь никто так не плачет. Я сама этим делом не занимаюсь. У бабушки было 6 детей – сыновей и дочек, да невестки. Спали на полу. Все матрасы постелят вместе, вот так и спали. Зимой на полатях, кроватей-то не было. Спали на печке. Все было по-старинному: также эти лавки, полочки, сейчас уже нет такого хозяйства. Муж был примак. Муж белорус, я – заонежанка. У меня такая же любовь была к маме, как у нее к своей. Мама говорила: „Почитай своего отца и мать и будешь ты счастлив и долговечен“. Бывало, посажу всех в лодочку и поедем в Кижи. Братья у нас были работящие, сами все делали». *(АКНЦ 181/94).*

244. СЕРОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 79 лет. Высокий, седой, длиннобородый старик. Грамотный. С 1892 г. по 1896 г. он был волостным старшиной. Единственный сын был убит в 1919 г. на войне (в Крыму, где командовал красноармейской частью) и оставил после себя вдову и троих детей. Пришлось к невестке принять в дом мужа (из Оятевщины), который, однако, оказался плохим помощником. Песню об Иване Грозном Д. А. Серов перенял от жены своего дяди –

Феклы Антоновны Ольхиной из Глебова. Кроме того, знал былины из книги, но теперь не помнит. Былину о Дунае слышал от Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина в Гарницах, когда с ним вместе ездил ловить рыбу. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 506).*

245. СЕРОВА АГАФЬЯ ПЕТРОВНА, 1891 г.р. В 1956 г. – год записи – ей было 65 лет. Собиратели – студенты МГУ записали: «Местная жительница, вышла замуж 17-ти лет из д. Дудниково в д. Телятниково. Сыновья погибли на фронте. В годы оккупации была в концлагере в Петрозаводске, работала на лесозаготовках. „Не несут меня, бывало, больше ноги, и не слышат уши разговоров финских", – вспоминала она об этом тяжелом времени. По отзывам односельчан, хорошая песельница. Агафья Петровна окончила 4 класса церковно-приходской школы, у нее дома есть несколько книг религиозного содержания. Былин Серова не знает, но про Рябинина из Сенной Губы слышала. <Исполненные балладу и романс Агафья Петровна> слышала от бабушки. Ее бабушка была неграмотной, но многие песни раньше, как и сейчас, перенимали из города. „В Великий пост, – сказала Серова, – грех было песни петь, так стихи эти пели. Тогда много нищих было, нищие приходили, от них эти стихи и узнавали. Сейчас уже старины не воскреснуть"». *(АКНЦ 79/223, 223а).*

246. СИГО́ВА АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА, 1898 г.р., русская, неграмотная. В 1983 г. – год записи – Анастасии Петровне было 85 лет. Студентам ПГУ о себе рассказала следующее: «Родилась и выросла в д. Сибово, замуж вышла в Сибово. У отца было четыре дочери, я младшая. Дом был хороший, дак мужа в дом взяли. А потом многих мужчин-то забирали в 1937 году, и он в эту „кашу" попал, а я с пятерыми осталась. Сестра курьершей работала в Петрозаводске, хлопотала, письма писали. Помер в 1945 г., рак печени был. А потом дали бумажку, что неповинен был, а в „шайку" попал. Так и не вернулся, умер. Ростила ро́бят без всякой помощи. Восемь робят было. Осталось двое живых. Сыну 12 годов было. Мальчик гранату нашел и обоих убило. Жисть такая худая: то мужа взяли, то парня убило. Работала в колхозе, пенсию маленькую дали: сначала 8 руб. 50 коп., потом 12 руб., теперь 28 руб. На́ хлеб хватит, а одёжи не надо. Что есть, то и дёржу. Я была песельницей, и голос был хороший. Бывало, в праздники в колхозе говорят: „Давай-ка, Петровна, спой"». *(АКНЦ 161/267).* Записи от Анастасии Петровны производились дважды в 1980 и 1983 гг. Репертуар ее включает обрядовые песни, романсы, частушки, поговорки и др.

247. СИДОРКОВА ИРИНА ЯКОВЛЕВНА, 1881 г.р., д. Палтега. Всю жизнь жила одна. Дети были, но умирали. Во время оккупации Заонежья с ней находились дочка Нелля и мальчик Миша – внуки умершей в Ленинграде сестры. Родители детей находились на фронте. В войну Ирина Яковлевна работала прачкой. Свой плач она посвятила умершей сестре, в нем она рассказывает, как трудно было ей «воспитывать сердечных милых детушек» в эти трудные годы. *(АКНЦ 75/7; Базанов, Разумова, 1962. С. 570).*

248. СИЛИН ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ, 1920 г.р., д. Ганьковская, грамотный, окончил пять классов сельской школы. Отец работал сапожником в колхозе д. Ганьковской. Павел Петрович также работал в колхозе, а затем перешел в Трест «Карелкино» киномехаником и стал ездить с кинопередвижкой по Заонежскому району. В 1937 г. М. М. Михайлов записал от него три сказки, сказочный репертуар и отметил, что «сказки рассказывает молодежи на лесозаготовках и в колхозах. Кроме сказок, знает много анекдотов (о Пушкине, о Лермонтове и т. д.). Читает много книг, главным образом беллетристику, интересуется книгами военной тематики. <Некоторые сказки> слышал у П. Ф. Коновалова, крупнейшего сказочника из Вырозера». *(АКНЦ 74/63).*

249. СИЛКИНА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, 1865 г.р., д. Погост Фоймогубского сельсовета. Имела 4-х детей, в живых остались двое. В 1944 г. – год записи – жила у дочери, так как три года назад ослепла, ей было 79 лет. Молодая знала много вопов, водила свадьбы. Мать умерла сорок лет назад, и Александра Федоровна все время ходила на кладбище и причитывала. По рассказам женщин, «она была одна из лучших вопленицы их округи». А. П. Разумова записала от нее два плача. *(АКНЦ 75/123).*

250. СИНЕВА ПЕЛАГЕЯ ИВАНОВНА, 1863 г.р. (по другим сведениям 1878 г.р.), д. Лазарево (Шуньга). В 1926 г. от Пелагеи Ивановны Н. П. Колпакова и другие записали рекрутскую песню «Кострома моя Костромушка…», которая пользовалась особенным успехом: пели как старики, так и дети, и молодежь. И. В. Карнаухова записала от нее сказку «Вихревое царство», в которой объединены два сюжета: один о трех царствах – золотом, медном и серебряном, другой о похищении матери. Анализируя сказку, Карнаухова отмечает, что в сказке «логически мало мотивировано участие матери в кознях против сына-избавителя <…> и исполнение царевичем желаний невесты. <…> Рассказчица, внося в сказку некоторый модернизированный элемент („Иван-царевич в ю врезался", „кабаки стоят, пьяницы ура кричат", „Иван-царевич подметальщиком" и т. д.), все же сохраняет черты старого классического стиля (речи царицы, описание дороги: „обутки от песку протираются, шапка от дождя пробивается, клюка под рукой утоняется" и т. д.). Записана эта сказка от Синевой у колодца, где она брала воду. Сказочница она, по-видимому, случайная. Делать какую-нибудь характеристику на основании одной сказки невозможно». *(Карнаухова, 1927. С. 379; Колпакова, 1927. С. 145).*

251. СКОРНЯКОВА ЕЛЕНА ТРОФИМОВНА, 1895 г.р., грамотная, д. Воронинская Толвуйского сельсовета. Мать умерла, когда Елена Трофимовна жила уже самостоятельно, ей было 40 лет. Отец умер после смерти матери, в 1938 г. В замужестве жила в хорошей семье, но в страхе. Муж был спокойный, жили хорошо. Имели девять человек детей, в живых осталось четверо. В 1944 г. – год записи – три сына находились в армии. Дочь окончила десятилетку. Во время оккупации Заонежья жили в этом же районе, дочь была переводчицей, а затем была увезена в Финляндию. Елена Трофимовна с 10-ти лет плакала по чужим свадьбам.

«Когда вопишь, так откуда что берется, а так говорить труднее». А. П. Разумова записала от нее девять плачей. *(АКНЦ 75/18, 19).*

252. СЛЕПОЙ МИХАИЛ (МИХАЙЛО), д. Карташевская, Кижской волости. Из книги Б. М. Соколова «Сказители»: «В 18 веке в Кижской волости Олонецкой губернии приобрел громадную известность пением старин крестьянин деревни Карташовой Михайло Слепой, гусельщик. Старики помнят его до настоящего времени. Он умер 75 лет назад, т. е. в конце 18 века. Рассказывают, что он был человек „обделистый", ходил по монастырям и знал много старин и присказок: „Этакого, говорят, певца с гуслями да и не будет еще 100 годов, а память Михайлы не забудется". Пришел он однажды в Питер к одному генералу – милостынки просить, чтобы родителей помянуть. Генерал наскоро встал с канапели (т. е. с дивана) и по щеке ему дал: „Вот тебе, говорит, и на поминок". Михайло благодушно принял эту милостыню и отправился дальше со своим товарищем, но генерал вдруг оборотил их к себе: „Ай же, вы, псы, говорит, что вы знаете? – Мы знаем песни петь, старины сказывать, на гуслях играть с припевками". Генерал продержал их у себя три недели, с дому не спущал – это было во время маневров, – сам он писался болен и все старины слушал да игру на гуслях, а когда отпустил из дому, дал им по халату. Сын Михайлы хозяйствовал в Петербурге, вышел там в купцы, дознался и вывез отца – не дал больше ходить по Питеру, но Михайло помер в деревне, в Питере не мог жить, не по душе ему было». *(Соколов Б., 1924. С. 50; первоначально: Барсов, 1873. С. 520; – то же: Чичеров, 1982. С. 27; также см.: И. А. Касьянов – № 93б нашего издания).*

253. СЛЕПАЯ АННА АНТОНОВНА, 1858 г.р., д. Шуньга-бор. Старуха-бобылка Анна Антоновна не имеет даже своей избы. Она живет по чужим домам, где отрабатывает свое пропитание тканьем и прядением. За зиму она обходит из избы в избу почти всю деревню. Она слепа с тридцатилетнего возраста. Прозвище «Слепая» стало ее фамилией, настоящей ее фамилии уже никто не помнит. Анна Антоновна славится как сказочница. Ее постоянно приглашают на девичьи беседы специально для рассказывания сказок. За это она получает остатки угощения, подарки, а иногда и деньги. И в семьи ее принимают особенно охотно, потому что зимние длинные вечера она заполняет сказками, не переставая к тому же прясть. Таким образом, Слепая является до известной степени сказочницей-профессионалкой, чем и обусловливается обширность и характер ее репертуара. Она рассказывает около двадцати сказок и не пренебрегает случаем увеличить свой репертуар. Когда при ней рассказывалась Исаковой сказка «Волк – медный лоб», Слепая слушала очень внимательно и переспрашивала несколько раз исполнительницу, желая, видимо, запомнить сказку. Так как на девичьих беседах особенным успехом пользуется фантастическая сказка, репертуар Слепой и состоит главным образом из таковой. Печатаемые в сборнике («Сказки и предания Северного края») сказки принадлежат к числу ее любимых: «Это я тебе красивые, старинные все сказываю, и другие есть, да те врак – не так хороши». Сказки являются для Слепой средством к существованию. Она также зависит от спроса на ее рассказы, как и от спроса на ее помощь при тканье и прядение. Поэтому она боится невнимания аудитории к своему рассказу. Не видя выра-

жения лиц, она постоянно спрашивает: «Слушаете, аль нет? Сказывать ли?». Она дергает за рукав близсидящего, подчеркивая особо интересные места. Если на беседах ей кажется, что девушки устали, она оставляет рассказ и заводит песню или учит девушек старинной игре «уточке» и «заюшке» и остается желанным гостем на вечеринке и организатором веселья. Рассказывает Анна Антоновна медленно, певуче, очень интимно. С большим сочувствием относится к своим героям и требует такого же сочувствия от своих слушателей. Лицо ее, несмотря на слепые глаза, очень подвижно, но никакими жестами она не пользуется, может быть, потому, что не выпускает из рук прялки, боясь, видимо, своих хозяев. Те, кстати сказать, несмотря на ее слепоту и старость, задают ей немалые уроки.

Психика Слепой целиком связана с прошлым, и отсутствие собственного хозяйства вызывает в ней только обостренное тяготение к нему, как к недосягаемой цели. Это отражается в ее сказках: к вопросам хозяйства она относится внимательно, подчеркивает его значение для отдельных персонажей. Так царь, отдав водяному «что дома не знает... домой поехал беспокойный. Вишь, забота его берет по хозяйскому делу. Цего я, – думает, – дома не знаю?». Так царевна, едущая в дом жениха, сокращая дорогу, сворачивает в чащу, потому что «ее забота берет поскорее к своему хозяйству притти» и т. д.

Для записи Слепая рассказывала очень охотно, несмотря на то, что запись шла ночью. Это не только льстило ее самолюбию, но она, видимо, сознавала, что наше внимание подымет ее репутацию в деревне и укрепит отношение к ней, как к выдающейся сказочнице. *(Карнаухова, 1934. С. 373).*

254. СПИРОВА АННА ВАСИЛЬЕВНА, 1905 г.р., д. Шуньгский погост. В 1980 г. В. П. Кузнецова записала от нее плясовые песни, этнографические рассказы, о свадебном обряде, о верованиях и т. д. О себе Анна Васильевна рассказала так: «Свадьбу сыграть – это большое дело. Надо приданое-то все справить. А у меня еще сестра была старше меня. Я еще не так гуляха была. Тая гулять любила. Тая вышла замуж дале́ко, за 30 км. А она все не любила, чтобы я за ней вслед ходила. Не любила маленьких-то. Я говорю: „Я не для тебя и хожу, я с другими девками хожу. Придем к бабке Марье, она все равно на при́лавок пустит“. Она сперва с парнем из нашей деревни гуляла, а потом за другого вышла, а этот первый кавалер мне и достался. Говорит: „Одну упустил, а эту уж не упущу. Подождем годика два“. А потом сосватал. А семья-то большая была: свекор, три брата и золовки. А семья была простая, ой какая простая. Дедка только сетки вязал, сиги, да пальи, да лососи ловил. А мы пряли, спать-то хочется тошнехонько, а мужики лягут, фыркают. Вот такие сиги ловили, а сеточка тоненькая, рыба как запутается, попробуй распутать. Работы много было. Некогда

Спирова Анна Васильевна

было спать. Вот прядем, прядем. Тоненька сетка сиговья, тонко прясть надо. Не ляжешь спать, не закатишься. Рыбы было! Мученья с ней было. Для окуней тоже сетки были, только потолще. Надо знать, как спустить эту сетку. Солили окуней да ершей. Сушили в русской печи. Специально сети большие и были. Выпашут из печи золу хорошо помелом, как столова доска сделается. А потом соломы растелют в печь и сущику на солому целу печь». *(АКНЦ 142/603).*

254а. Из рассказа Анны Васильевны Спировой «О бытовании сказок»: «Бывало, внуки кричат: „Бабушка, расскажи сказку“. Ну и кропаешь им чего-нибудь. Интересны были раньше жизни, ой интересны. Шуньга-то от нас 9 км была, а ярмарки были кажно лето. Вот тут нам сказок и посказывали. Но вот с головы-то выпало все. Как чужой человек, мы и подсядем: „Дяденька, не знаешь ли, может, сказки какой ро́ссказать“. Добрый какой, дак расскажет, а инный скажет: „Ой, нямогу, день настоялся да наболтался, не до сказок“. <…> У нас далеко ходить не надо, жило две старушки: одна бабушка Авдотья роды принимала, а вторая была, тетенька Вера все звали, их вся деревня любила. Одна пряла коноплё. К нам все любили ходить. У нас фатера большая была, дом двухэтажный, а вокруг фатеры лавки были. Дом справный был. Скота много держали. <…> Отец у нас старательный был, всех-то он людей обожал. Приходили люди к нам. Рассказывали сказки да были, иногда интересно, иногда неинтересно. Всяко было. Ходили на беседы старухи дак». *(АКНЦ 142/610).*

255. Спящая Анна Степановна, 1877 г.р., д. Кярзино Фоймогубского сельсовета. Было десять детей. В живых остался один сын. До призыва в Красную Армию сын служил в Шуньге. Был призван на финскую войну и попал в плен. Пришла матери похоронная, что сын умер, и только через год она узнала, что он в плену – за это его сослали в Красноярский край. Остался жив. При проводах в армию она его не оплакивала, так как он уезжал не из дома, а из Шуньги. Невестка – жена сына живет со стариками, у нее трое ребят. В 1944 г. Анне Степановне было 67 лет. А. П. Разумова записала от нее бытовой плач. *(АКНЦ 75/136).*

256. Старуха из Великогубского погоста, Кижской волости. Слушая былины молодицы из Кижской губы, П. Н. Рыбников написал в «Заметке собирателя»: «…в первый раз узнал, что у женщин есть свои, „бабьи старины“, которые поются ими с большой любовью, а мужчинами не так-то охотно». <…> К числу таких бабьих старин принадлежат былины о Чуриле и Катерине Микуличне, о Дмитрие Васильевиче и Домне Александровне, о князе Михайле, о Хотене, Иванушке Годинове и Кострюке. Вариант о последнем был мне передан Старухой Великогубского погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: после некоторых переговоров с постоянным моим спутником Леонтием <Богдановым> она объявила мне, что знает одну старину, и спела мне ее, уговорившись наперед, что получит за это пятиалтынный». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 62–63; также см.: Чичеров, 1982. С. 93, 158: приводится сопоставление сюжетов в вариантах былины «Кострюк» Г. Васильева, «Старухи…», А. Е. Сурикова и Н. С. Богдановой).*

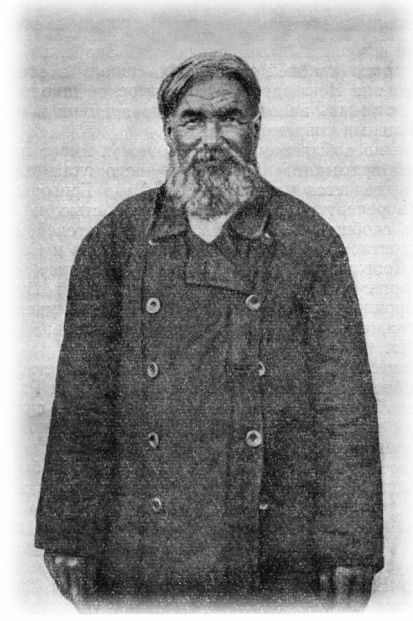
257. СТАФЕЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ, 1869 г.р., д. Есино Яндомозерского погоста. Более подробных сведений о Федоре Ивановиче в АКНЦ не обнаружено. В 1926 г. А. И. Никифоров записал от Стафеева двенадцать сказок и легенд (см.: А. И. Никифоров «Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 году». Л., 1927. Отд. оттиск). Две сказки из этого собрания «Деревянный орел» и «Чудо-чудное, диво-дивное и большой смех» опубликованы в книге «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова». Издание подготовил В. Я. Пропп (см. примечание к № 257 нашего издания).

В 1937 г. в п. Шуньга К. В. Чистов и П. Т. Громов вновь записали от Федора Ивановича пять сказок. Две из них, «Про Марью-царевну» и («Чудесная дудочка»), опубликованы в сборнике «Сказки Заонежья» (см. примечание к № 257 нашего издания).

258. СТАФЕЙКОВА АННА ФЕДОРОВНА (ФЕДОТОВНА?), 1882 г.р., д. Лисицыно, в которой в год записи (1944) было десять домов. Во время оккупации Анна Федоровна выселялась в д. Ридсельгу. Детей было двенадцать, а осталась «одна белая лебедушка». Один из сыновей с двумя другими мальчиками (см. № 259 нашего издания) подорвался на мине в д. Тамбицы, оставленной бежавшими оккупантами. Матери, убитые горем, каждый день ходили на место трагедии и во вздыбленной земле искали тела погибших. А в годы оккупации этот сын находился в лагере. «Раньше не плакала, а за три года научилась: сына потеряла, да из деревни выселили, вот и причитаю», – говорила она собирателям В. Г. Базанову и А. П. Разумовой. Анна Федоровна – старшая сестра Авдотьи Федоровны Стафейковой (см. № 259). По данным Архива от нее записаны как бытовые, так и свадебные плачи. В примечаниях к опубликованным текстам два из них ошибочно отнесены к Авдотье Федоровне Стафейковой. *(АКНЦ 75/169; Базанов, Разумова, 1962. С. 570).*

259. СТАФЕЙКОВА ЕВДОКИЯ (АВДОТЬЯ) ФЕДОРОВНА, 1889 г.р., д. Лисицыно. Замуж вышла семнадцати лет, на свадьбе оплакивала свою молодость, а потом оплакивала невест, была подголосницей. В годы оккупации Заонежья А. Ф. Стафейковой пришлось много пережить. Из родной деревни была выселена и скиталась по чужим углам. Трое мальчиков, в том числе и ее сын, (шестнадцатилетние Василий Стафейков, Петр Федосов и двадцатидвухлетний Николай Стафейков) подорвались на мине у реки Черный Наволок (Тамбицы), это произошло 21 июня. Евдокия Федоровна, плача, говорила собирателю В. Г. Базанову: «Я была там, где он погиб. Мы пошли туда за картошкой. Вдруг взрыв, как будто 100 оружий, один за другим залпы. Я и подумала, что ребята наши там. И их взорвало. Их не нашли. Мой сын шел впереди, он <19>28 года рождения, шел с фонарьком». Мать каждый день ходила на то место, где взорвался сын, и плакала. Другой сын был взят в армию в 1944 г., а в апреле 1945 г. его ранило. Был награжден, писал матери письма. От Авдотьи Федоровны в 1945 г. А. П. Разумова записала плач по сыну, а в 1957 г. В. Г. Базанов повторно записал этот плач. Повторная запись свидетельствовала о значительном сокращении прежнего текста. *(АКНЦ 76/90; Базанов, Разумова, 1962. С. 342, 570).*

260. СУРИКОВ АНТОН БОРИСОВИЧ, крестьянин дер. Конды, 67 лет. Крепкий, рослый, несколько сутуловатый мужчина. Трудолюбивый, предприимчивый, умный. Мастер на все руки. Гордится разнообразием своих способностей и практичностью. Занимается земледелием и рыболовством. Умеет складывать печи. Сам вместе с детьми построил избу. Знает сапожное мастерство. Обладает довольно большим самомнением. Любит почет и уважение. Неграмотен, но выделяется своими большими познаниями, особенно в области истории. Многое усвоил от своих детей и внуков, учившихся в школе. К былинам и историческим песням относится с огромным уважением. Глубоко верит в правду, реальность излагаемых в них сюжетов. Любит размышлять о содержании былин и песен, пытаясь примирить встречающиеся противоречия. Проверяет данные былин свидетельствами исторических и географических учебников. Большинство былин и песен усвоил от своей матери Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал былины А. Ф. Гильфердинг. Былину «Королевичи из Крякова», по словам Антона Борисовича, он слышал от Ивана Трофимовича Рябинина, когда тот приезжал с зерном на мельницу. Вариант Сурикова сохраняет особенности рябининского извода. Односельчанин Сурикова, Николай Филиппович Дутиков, от которого записи производились как Рыбниковым, так и Гильфердингом, пел другую редакцию былины. Горячо любя былины и стихи, Антон Борисович с азартом усваивает тексты, ему ранее неизвестные, или подвергает их своей ревнивой критике. Художественное самолюбие его очень обострено. Не обладая музыкальным слухом, часто сбиваясь с темпа и ритма, Антон Борисович, например, нас долгое время не пускал к своему брату, Егору Борисовичу, превосходящему его, как оказалось, и памятью, и художественным тактом, и музыкальностью, и вокальными данными. Антон Борисович, контрастно к своей крупной внешности, наделен от природы чрезвычайно слабым, тонким, дребезжащим голосом. Богатством и разнообразием мотива его былины не отличаются: он их сказывает почти все на один манер, речитативно, со сбитым ритмом. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 536).*

Суриков Антон Борисович

260а. Из статьи (путевого очерка) С. П. Бородина-Саргиджан «Былинные края»: «Спустя день, на одноместной таратайке, поочередно идя и едучи, мы перебрались на другую сторону острова, в село Конду, где некогда жила известная по Гильфердингу певица Домна Сурикова и где славу ее до сего дня поддерживает уже стареющий, но не поддающийся старости сын Домны – Антон Борисович.

В непогоду озеро держит в осаде этих островитян, которые свыклись с суровым севером, куда бежали их свободолюбивые предки. Деды их бежали сюда лет шестьсот-восемьсот назад от гнета беспрестанных войн, от боярского произвола, от скверных экономических условий господина Великого Новгорода. В этот суровый край дошли не все, но те, которых отвага и сила пронесла через темные медвежьи леса, через неизведанное недоброе озеро, те передали потомкам свои лучшие качества. От этих дедов переняли олончане ласковость, гостеприимство и любовь к воле и независимость. Как тем воля на каменной земле показалась милее холопства на отеческой, так и эти до последних лет сохраняли чувство достоинства. Среди этих каменистых полей не шли новгородские телеги, поэтому круглый год здесь пользуются санями, которые легче идут по неровной дороге; лодки оказались малы для озера и были построены соймы[1]. Они брались за все, все спорилось в трудолюбивых руках, и это сохранилось: заонежцев зовут пришивными головами; говорят, что они перед каждым делом пришивают себе новую голову, – так ловко удается им каждое ремесло.

И этим званием пришивной головы Антон гордится гораздо больше чем знанием былин, или должностью церковного старосты. Он в первый же день показал нам свою избу и печь в избе, и сойму в озере, и своих детей – все это он сделал „собственноручно", на всем отпечаток крепости, все сделано на совесть, все испытано, и ничто не приносит разочарованья. Ни один из встреченных нами сказителей не знал такого количества песен, но голос Антона слаб, слуха у него нет, и он любит пересказывать в тех случаях, когда можно сослаться на желание облегчить записывание. При всей его большой, слегка согнувшейся лохматой фигуре, кажется неожиданным его слабенький голос. Неуловимой интонацией этого голоса Степановна <Богданова-Зиновьева> и обрисовала его.

Он не так интересуется стилистическими деталями и образами былин, как сюжетом; оставаясь наедине, он, несомненно, задумывался над сюжетом, старался обобщить на основании совпадений разнородные былины; он был бы не прочь объединить все былины в одну российскую Одиссею. Уже спустя много времени, зайдя однажды к нам в Сенную Губу, он услышал от мальчика-пастушка о том, „как князь Роман жену губил". В этом варианте былины говорится о дочке Олисафии, но имя самого Романа не упоминается вовсе, и старик, не слыхавший этой былины раньше, сразу же сделал вывод, что все это отрывок из Егория Храброго, так как ему всегда казалось непонятным, как это мать царевны Олисафии так легко соглашается отдать царевну Олисафию на съедение змею; теперь же ему ясно, – царица была Олисафьиной мачехой, а родная матушка „во чистóм поле. Она за кустушком, за ракитовым, она под прутушком, под малиновым".

Такие домыслы порождались еще и самолюбием Антона, которому нелегко было примириться с тем, что заезжий пастушонок знает неизвестную песню. И действительно, былина о князе Романе поется на Пудожском берегу, откуда мальчик ее и вывез, в Заонежье же ее не знают. Тот же пытливый ум останавливал Антона перед старыми иконами, которыми богата та сторона. На них,

[1] Сойма – парусный корабль для перевозки больших грузов. Принимает до семи тысяч пудов. – Бородин-Саргиджан С. П.

вокруг образа святого, располагаются миниатюры, изображающие события из жития этого святого. Вот эти-то миниатюры и заменили для его неграмотной головы и книгу, и жуткую повесть. Веря свидетельству икон и находя в них подтверждение духовных стихов, Антон эту убежденность в действительности всего, о чем поется, перенес на былину. У Антона есть еще брат Егор, который стеснялся сознаться, что знает былины; стеснялся отчасти из скромности, отчасти из некоторой робости перед старшим братом, который очень взволновался, когда какая-то из женщин выдала Егора, как сказителя, и он действительно спел несколько былин, при исполнении которых значительно превзошел и по чуткости, и по музыкальности Антона». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 144; также см.: Чичеров В. И., 1982. С. 80–82, 84, 91, 93, 152–161: приводится сопоставление сюжетов былин А. Б. Сурикова, Н. Дутикова, Д. Суриковой, Е. Сурикова, Г. Васильева и др.).*

260б. Из биографической справки Е. Б. Сурикова: «От Домны Васильевны <Суриковой> переняли былины оба ее сына. От старшего, Антона Борисовича, в 1926 г. экспедицией Государственной академии художественных наук (ГАХН) было записано 13 былин и 6 духовных стихов[1] и С. И. Бернштейном, участником экспедиции Государственного института искусств (ГИИИ), 7 текстов записано на фонограф. (Хранятся в Фонограммархиве Сект. фолькл. ИРЛИ, № 725–735, 738, 745).

По описанию односельчан, Антон Суриков был крепкий старик, большого роста, „прямо громадный“. Ходил по деревне с посохом. „Много былин знал и очень веселый был. Все его любили. С молодежью пел. Как только соберутся, сейчас же он веселить придет“. (Из воспоминаний племянника, Якова Егоровича Сурикова, 17 л., записанных Н. Котляровой 19 августа 1931 г.; Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI). <…> Односельчане Егора Борисовича[2] в 1931 г. тоже подчеркивали хорошее знание им былин: „Антон Суриков был знаменит, так это потому, что тем, кто записывал, первый на речке попался, а ведь Егор все то же так же знает, а скромен был“». *(Астахова, Т. II. С. 9–10)*.

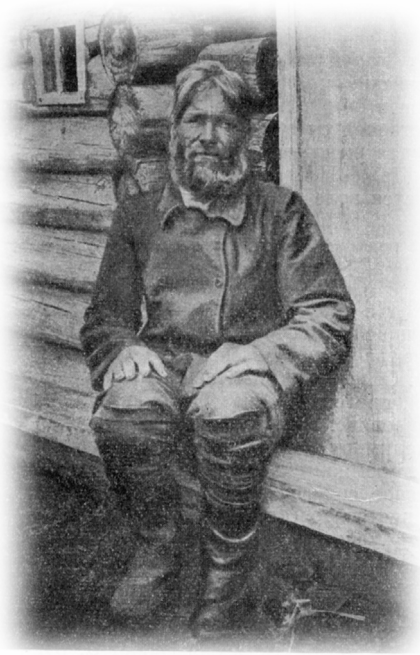
260в. Из дневниковых записей С. А. Лорви 21 августа 1931 г.: «В 7 утра зазвонили колокола Кондинской церкви. Пионерка Таня рассказала, что „в доме Суриковых 6 недель тому назад умер старик Антон, а сегодня справляют поминки. В церкви служит поп и все родные в церкви“. По пути в Сенную Губу, еще на улице в Конде, встретился нам Суриков Федор (колхозник) – племянник (?) <сын?> умершего. Он шел из церкви и рассказал, что „Антону Семеновичу <Борисовичу> было 80 лет. Сегодня исполнилось 40 дней со дня смерти, вся семья вспоминает покойного. У нас, видать, везде по-старому, придерживаются к церкви. Я бы ничего и некогда было бы сегодня, другие уж давно ушли на работу, надо уважить маму, старый человек“». *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 79. Л. 65).*

[1] По данным Ю. М. Соколова, приведенным в статье «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (см.: Художественный фольклор, вып. II–III, 1927. С. 14), экспедиция записала 14 былин и 5 духовных стихов. – Составитель.

[2] Егор Борисович – брат Антона Борисовича Сурикова. – Составитель.

260г. Из записей студентов МГУ в д. Конда в 1956 г.: «Сын сказителя Антона Борисовича Сурикова – Федор Антонович Суриков, <…> бодрый, осанистый, веселый старик с хитрыми глазами. Держится с достоинством и несколько развязно. Сильно пьянствует – „курит шальную воду“, любит об этом толковать. Он славится балагурством и остроумием. Жену называет „моя милашка“. Былин и песен он не знает. „За былины я не берусь и песнями не занимался. <…> Я с песнями не очень знаком, анекдот с картинками – так это мое дело, а со сказками я не могу“. Рассказывает Федор Антонович всегда мужчинам. „Мы ездили в Каргополь, так до 500 человек съезжалось, а я им рассказывал. <…> А один раз ехал, народу полный вокзал, все спали, я всех просмешил, спать не хотели никак“. Я говорю: „У меня еще мешок (рассказов) не развязан“. Нам Федор Антонович так ничего и не рассказал. „Их не перевернуть, все с картинками, а перевернуть, так не склеписто выходит“, – отвечал он на наши уговоры. Его дядя Егор Борисович Суриков <…> в разговоре о племяннике заметил: „Он не по этому делу (былины, сказки). Ему выпей вина, не болей спина“». *(АКНЦ 79/271а).*

261. СУРИКОВ ЕГОР БОРИСОВИЧ – брат Антона Борисовича Сурикова, крестьянин той же деревни Конды, 56 лет. Тоже рослый, крепкий, коренастый человек. Семейный. Материально менее обеспеченный, чем Антон Борисович. Неграмотный. Антон Борисович рассказывал про брата, что тот до 18 лет был слаб здоровьем, «худовековатый», и все время находился при матери. Печать какого-то смирения и послушания до сих пор лежит на всем духовном облике Егора Борисовича. В характере обоих братьев огромная разница. Насколько Антон Борисович самоуверен, тщеславен и общителен, настолько Егор Борисович замкнут и скромен. При этом он очень почтителен к своему старшему брату и боится доставить ему какую-либо неприятность. Лишь с большим трудом удалось его уговорить спеть нам былину. Он согласился петь их в тайне от брата и был очень смущен, когда тот, узнав о происходящей записи, явился в избу Егора Борисовича.

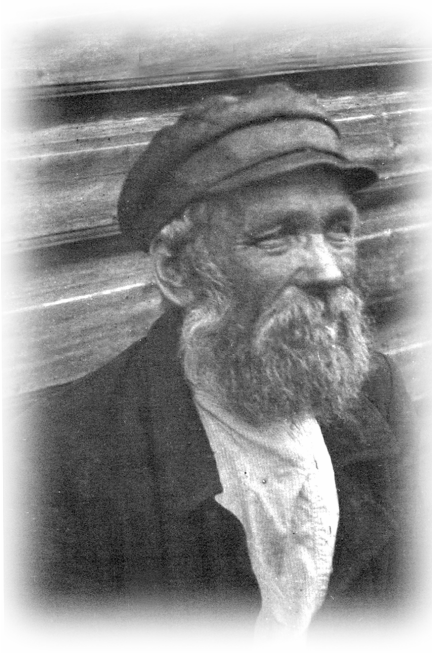

Суриков Егор Борисович

Оказалось, что тексты былин Егор Борисович знает тверже, ближе к тексту матери – Домны Суриковой, а иногда даже дает лучший текст, чем записанный от нее Гильфердингом. Это объясняется тем, что Егору Борисовичу приходилось слышать сказания былин Домной многократно и в обычной домашней обстановке. Недаром Гильфердинг говорит, что «петь с такой расстановкой, чтобы можно было записывать

былины „с голоса“, а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть». Поэтому понятно, что в передаче Егора Борисовича отдельные куски былин могли быть сохранены лучше, чем в записи Гильфердинга от его матери. Голос Егора тверже, чем у Антона, музыкальный слух вернее. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 571).*

261а. Суриков Егор Борисович – в год записи <1931–1932 гг.> былин – 63-летний старик из д. Конда Сенногубского сельсовета Заонежского района, семейный, малограмотный. В начале 1932 г., когда проводилась запись, кроме основного своего занятия – земледелия, работал как печник. В течение всей своей жизни бывал лишь в ближайших городах: Повенце, Петрозаводске. Военной службы не отбывал. По характеру своему это был замкнутый, молчаливый человек.

Суриков Егор Борисович

Е. Б. Суриков – наследник былинного знания матери своей Домны Васильевны Суриковой, от которой, тогда еще 40-летней женщины, в 1871 г. Гильфердингом были записаны 4 былины и 2 старшие исторические песни <…>. По словам Егора Борисовича, сама она научилась былинам у своей матери. Гильфердинг же в числе ее учителей называет известного певца Конона из Зяблых Нив, которого во времена Рыбникова и Гильфердинга уже не было в живых.

<…> От Домны Васильевны переняли былины оба ее сына <…>. В 1926 г. впервые были произведены записи 4 былин и от Егора Борисовича – экспедицией ГАХН <…>. Тексты Егора Сурикова донесли наследие матери в лучшей сохранности, чем тексты его брата, Антона Борисовича <…>. Односельчане Егора Борисовича в 1931 г. тоже подчеркивали хорошее знание им былин: «Антон Суриков был знаменит, так это потому, что тем, кто записывал, первый на речке попался, а ведь Егор все то же так же делает, а скромен был». Однако, если по своему качеству былины Егора Борисовича выше текстов его брата, то по количеству известных ему сюжетов он уступает брату. В памяти Егора Сурикова сохранилось всего 4 былины.

Былины Егор Борисович любил, называл их и «былинами» и «ста́ринами». Отзывался о них так: «Наверно быль. Песня – быль, а сказка – ложь». Пел их лишь в домашнем кругу за работой: «В деревне я не пою, когда и заставляют, не нахожу нужным». Слышал, но сам не исполнял, еще былины про Ставра, Илью Муромца, Кострюка, Дуная и Чурилу. Других видов народного творчества не знал. О сказках отзывается пренебрежительно: «Детское это».

Егор Борисович Суриков принадлежит к типу сказителей, усваивающих от своих учителей не только основную сюжетную схему и запас поэтических формул, а всю словесную композицию в целом. Обе былины на те же сюжеты, которые были записаны от Домны Васильевны («Василий Буслаевич» и «Про царя Калина и князя Владимира»), чрезвычайно близки к текстам матери, в значительной части своей повторяя их почти дословно <…>. Немногие отклонения обнаруживают некоторую тенденцию к усилению бытовых и психологических черт и к сокращению чисто изобразительных. Эти особенности заметны и в былине «Добрыня Никитич», она сравнительно бедна описательными элементами, которые как раз в былинах на данный сюжет играют большую роль. В то же время в ней выделены основные психологические моменты. *(Астахова, Т. II. С. 9; также см.: Чичеров, 1982. С. 84, 152–168: приводится сопоставление сюжетов былин Е. Б. Сурикова с вариантами Н. Дутикова, Д. Суриковой, А. Сурикова, Н. С. Богдановой).*

261б. Из записей студентов МГУ в 1956 г.: «В 1932 г. в д. Конда образовался колхоз. „Зашли в колхоз 140 человек, 60 лошадей привели, 240 голов скота“. Был сильный колхоз. Война нарушила здесь всю жизнь. 70 мужчин были взяты в армию, почти все были убиты. Например, в семье Суриковых погибло 8 человек. Оставшееся население было угнано белофиннами в концлагерь. Многие умерли там. Другие после освобождения осели в городах. Вернулись лишь немногие „Ноне осталась семерина“ (жителей), – говорит Е. Б. Суриков. Четыре оставшихся семьи в четырех домах составляют все население Конды. <…> Егор Борисович Суриков, девяностолетний старик, живет с невесткой К. А. Суриковой и внуком. Жена умерла 7 лет назад в возрасте 75 лет. От него в 1926 г. было записано 4 былины (см. Соколовых). Нам говорили, что Егор Борисович уже ничего не помнит, в разговоре мешается. Но Суриков сразу согласился сказать былины и начал было петь, но спеть не смог. После болезни (той зимой) голос у него пропал. Текст же Егор Борисович помнит прекрасно. Не сбиваясь, рассказал: „Добрыню и Алешу“, „Соломана царя“, „Василия Буслаевича“, „Илию и калина царя“. Других былин не помнит. Сказал начало „Кострюка“ и часть спутанного текста „Ставра“. „Выбирал своих лучших толечка. Некоторые я записывал, как в школу ходил. Моя мама до десятка знала, а я не находил нужным, сгодились бы теперь. Можно было выучить у мамы все бы, да я тогда маленький был, нужным не находил“. <Об известной сказительнице Богдановой-Зиновьевой сказал, что> „она у нашей мамы училась. А к матери однажды приехали. Урядник срочного послал, мы на пожне были. Она спела, рассказала. Они упрашивать. Мать говорит: „Ой, куды я старый человек, меня увольте“. Так и не поехала. Мы спросили, рассказывает ли он былины сейчас. „А некому рассказывать. Другой раз от нечего делать и споешь“. Пел он их невестке в зимние вечера. Егор Борисович, вопреки установившемуся мнению, грамотный. „Полтора года в школу ходил и писал маленько“. Вся его жизнь прошла в труде. „Я по писной части работал“, – говорил он. „Когда революция прошла, я в лавке в Конде был продавцом, потом кассиром в лавке работал три года, кооперация тогда была.“ Позже он работал „и по столярному, и по слесарному, и посуду деревянную и железную делать мог,

был бы свет", (т. е. зрение). За свою жизнь он ездил в Петрозаводск, много раз был в Повенце, у моря в г. Беломорске раз бывал, в Пудоже тоже бывал, ездил в извоз.

По облику, как верно отметили Ю. М. Соколов, Самарин и Бородин, очень отличается от своего брата и теперь отличается от племянника, его сына. Мы никогда не слышали от него похвальбы, только один раз он заметил: „Меня выхвалял Юрий Матвеевич, я лучше брата пел, там в книге сказано". (Внук прочитал ему летописи). Вина он никогда не пил. <…> „Я в жизни пьян не бывал. Как о свадьбе разве рюмочку выпьешь".

Егор Борисович сказал несколько коротких песен, пословиц, анекдотов. Кроме записанных, он пытался вспомнить свадебную песню (величальную молодым), песня „Затопила млада печь, сама по воду пошла" и „Ваня в Питере женился". Но текст получился спутанный. Мы получили от Егора Борисовича сведения об историческом Конды. <…> Местный старожил, Егор Борисович хорошо знает окрестности, природу, климат острова Клименецкого». *(АКНЦ 79/271а).*

261в. Из разговора Н. Котляровой с племянником Е. Б. Сурикова – Яковом Суриковым, 17 лет: «Семья Суриковых очень большая была. Теперь как переделились, так в деревне пять семей Суриковых стало. „А только что нас по деревне-то не Суриковыми называют, а Семеновыми", так как дед, женившись на Семеновой, после смерти ее отца, вошел в семью, стал хозяином дома Семеновых, так и стало у них две фамилии. В бумагах пишутся Суриковы, „а по деревне зовутся Семеновы"». *(АКНЦ Р. VI. Оп. 1. № 73. Л. 53).*

262. СУРИКОВА ДОМНА ВАСИЛЬЕВНА, крестьянка дер. Конды Сенногубской волости, вдова лет 40, <родилась 20 января 1834 г. *(см. Воробьева, 2000. С. 56)*>, раскольница. Былины, которые она поет очень складно и отчетливо, хотя слабым дребезжащим голосом, она переняла от стариков, между которыми особенно отличался Конон с Зяблых Нив. Петь с такою расстановкою, чтобы можно было записать былины с «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кроме былин, здесь помещаемых <Гильфердинг, 1-е изд.>, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также пела стих про царя Соломона, известный по изданию г. Рыбникова. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 704).*

262а. В биографической справке Е. Б. Сурикова А. М. Астахова писала: «Е. Б. Суриков – наследник былинного знания матери своей Домны Васильевны Суриковой <…>. По словам Егора Борисовича, сама она научилась былинам у своей матери. Гильфердинг же в числе ее учителей называет известного певца Конона из Зяблых Нив, которого во времена Рыбникова и Гильфердинга уже не было в живых.

В своей автобиографии, сообщенной собирателям (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI), Егор Борисович дает некоторые сведения о матери, дополняющие краткую заметку о ней Гильфердинга. Домна Сурикова была неграмотная. Оставшись после смерти мужа в крайней бедности с двумя малолет-

ними сыновьями, Антоном и Егором, она выносила на своих плечах всю тяжесть крестьянской работы. Дед ходил по миру». *(Астахова, Т. II. С. 9).*

В 1956 г. в беседе со студентами МГУ Егор Борисович вспоминал, как «к матери однажды приехали. Урядник срочного послал, мы на пожне были. Она спела, рассказала. Они упрашивать. Мать говорит: „Ой, куды я старый человек, меня увольте". Так и не поехала». *(См. № 261, 261б нашего издания).*

262б. Из книги В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья»: «Первое поколение кононовской школы не дало творчески одаренных сказителей, подобно Т. Г. Рябинину, перерабатывающих воспринятую традицию. Все они в большей или меньшей степени точно следовали перенятым текстам. Наиболее талантливыми были Домна Васильевна Сурикова, от которой с исполнительской (но не творческой) точностью былины были восприняты ее сыновьями – Антоном и Егором, и Николай Филиппович Дутиков (в сб. П. Н. Рыбникова – Федотов). <…> Былины Д. В. Суриковой действительно принадлежат к числу лучших вариантов былевой поэзии. Сурикова сохраняла полноту сюжета и отчетливость обрисовки образов. Однако степень ее личного творческого участия в былевом эпосе не была особенно значительной. Восприняв тексты в основном от Конона, она, возможно, уточняла их своеобразной редакторской правкой, но не переосмысляла и не давала им нового направления, как это делал, например, Т. Г. Рябинин. Сопоставляя ее варианты с былинами других сказителей той же школы, можно говорить об их большей полноте и художественности, в то же время бросается в глаза их близость к вариантам Н. Дутикова и безымянной молодицы из Кижской Губы <…>. Исполнительское мастерство Домны Васильевны Суриковой порождает в ее семье продолжателей кононовской традиции. Ее сыновья – Антон и Егор Суриковы <см. № 260 и 261 нашего издания> находятся в таком же отношении к Конону с Зяблых Нив, как и И. Т. Рябинин, И. Г. Рябинин-Андреев и их потомки к Т. Г. Рябинину и Елустафьеву. Это – сказители-исполнители, в разной мере талантливые, но отнюдь не они являются творцами былевого эпоса». *(Чичеров, 1982. С. 78, 82, 84, 150–157, 160–162: приводится сопоставление сюжетов былин Д. В. Суриковой с вариантами других сказителей).*

263. Сурикова Клавдия Антоновна, 1910 г.р., д. Конда, невестка Егора Борисовича Сурикова. В 1931 г. собиратель Галашина записала от Клавдии Антоновны частушки, а в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Гаврилова, В. Гацак, Н. Савушкина и другие. Как они пишут, сначала Сурикова «петь долго отказывалась и только к вечеру разошлась. Накрывая на стол, подавая самовар, спела частушку о чаепитии. Ее частушки очень выразительны, связанные с окружающей местностью и природой. Кроме частушек, Клавдия Антоновна знает кадрильные песни „Стал свет не такой, люди изменилися" и др. Клавдия Антоновна очень хорошо рассказывает сказки. Сказку „Про дрозда" она назвала самодельной, старинной, ее „дома сделали". Рассказывала она на голоса. Репертуар ее детский. („Про ваганку", „Кошечка и собачка"). „Бывало, прибегут ребятишки, я им и наскажу, они смеются". Ее речь очень образна. „Он не чайный", –

сказала она о Вите, который отказался от чая». Вспоминала Клавдия Антоновна, «как зимними вечерами сказывали сказки, пели былины: „Старики лучину щиплют да дровни делают, старухи прядут, тут и сказки. Раньше вечера были долги-предолги, старики лучину щипят, лучину ведь жигали, карасина никак не было. Решетки плели для угля. Тут былины поют и сказки рассказывают. Был рассказчик Иван Андреевич Дутиков, племянник Николая Дутикова, его у нас на деревне Микула звали. Старуха говорит: „Давайте микул считать: Титовых Микула, кума Микула, да мой Миколашка“ – всего три на деревне и было“». *(АКНЦ 79/277, 271а; также см. № 57–57б нашего издания).*

264. Сурикова Серафима, родом из д. Конда. Родственница известных сказителей А. Б. и Е. Б. Суриковых. От нее в 1931 г. В. П. Галашина записала частушки, а в 1956 г. студенты МГУ Л. Н. Гаврилова и В. М. Гацак песни и частушки, которые она исполняла вместе с Д. Т. Мартыновой и А. А. Павловой. По словам женщин «в их деревне были очень популярны старые песни, кадрили и т. д. В войну в концлагерях погибли многие знатоки старинного репертуара, ряд песен были забыты». Однако собиратели отметили, что «и сейчас еще многие, в том числе и названные выше исполнители, хорошо знают ланцы, кадрили, свадебные песни, песни о женской доле. Поют они и частушки как старые, так и новые. А репертуара Суриковых и содержания их былин С. Сурикова не знает». *(АКНЦ 79/127; также см. № 148, 197 нашего издания).*

265. Теребова Анна Николаевна, 1908/1909 г.р., родом из д. Вырозеро, русская, грамотная. В п. Ламбасручей проживает с 1946 г. В 1981 г. Анне Николаевне было 72 года. Собиратели записали, что «она небольшого роста, фигура ладная, несмотря на годы. Вдова, живет одна. В квартире очень чисто, все аккуратно прибрано». В родительском доме семья была большая: вместе с отцом жили еще три его брата – «дядевья» А. Н. Теребовой. Перед колхозом все разделились. Замуж Анна Николаевна вышла также в большую семью – «двадцатой да с ребенком». У мужа были отец, мать и три брата. У одного брата было шестеро ребят, у другого пятеро. «Только колхозы пошли, разделились». Обязанности по дому были четко распределены. Бабушка варила и пекла. Было три невестки. Одна ходила на дворе за коровами – их было семь, другая стирала. Сами косили. «Она много знает, – отметили собиратели, – но жалуется на плохую память и нездоровье». Впервые записи плачей, как она сказала, производили в 1945 г. А. П. Разумова и В. Г. Базанов. К сожалению, этих плачей в АКНЦ не обнаружено. Записи были продолжены в 1970, 1980–1983 гг. В ее репертуар входят свадебный обряд, свадебные причитания и песни; песни балладные, любовные и плясовые; баллады, заговоры и былички; пословицы и этнографические рассказы. Собиратели отмечают, что им «удалось записать немало ценных сведений о свадебном обряде». В ответ на их просьбы «попричитывать», «Анна Николаевна по-настоящему заголосила так, что мы были совершенно потрясены и выведены из спокойного состояния. Ее причитывание продолжалось недолго, однако вызвало у нас слезы. Можно представить, что

испытывали родственники и посторонние созерцатели на настоящей свадьбе, когда невеста исполняла весь положенный цикл причитаний. Она полностью и хорошо исполнила текст баллады „Братья разбойники и сестра“». На вопрос собирателей, когда исполняли балладу, ответила: «А большинство ведь кто как. В пост великий как за́ведут с первого дня, соберутся, когда молодежь, дак учатся у старух. Это бесёды, вечером тоже соберутся. Старухи пели, нас-то и учили. Ну, мы там и поем. Тогда ведь беседники парни придут, дак не гуляли, не танцевали ничёго, в великий пост это уж не дело. Старухи прю́дут. Стихи только». На вопрос, от кого она слышала стихи, сказала: «А поди знай, я теперь дак и не помню, тех уж и в живых нет». Знает ли духовные стихи «О Василии и Софье» и «О Егории»? – Ответила: «То́го дак не знаю, не, не. Я закону божьего много не учила». Посетовала, что нет в живых дедушки: «Был бы жив, так тот много бы рассказал». В первый год замужества, они в Вырозере ставили разные спектакли, в том числе «Шесть женихов». «Наверно, мы это просватосьво делали, условку», – объяснила Анна Николаевна. Заговоры она переняла от своей золовки (Толстяковской-Никифоровой с Толвуи). Передавая, последняя сказала: «Возьми у меня слова. У тебя сыновья поженятся, дети пойдут. Так это ведь хорошо».

Теребова Анна Николаевна

В беседах с собирателями Анна Николаевна много вспоминала о своей молодости. В ее сундуках, пишут собиратели, «сохранилось много добра. Мы попросили показать старинную одежду. Сфотографировали ее в сарафане. К сожалению, „рукавов“ не сохранилось, все было перешито и выношено. Зато Анна Николаевна продемонстрировала великолепные шелковые шали, ярких расцветок, с вышивками и кистями». *(АКНЦ 148/1, 6; 147/1, 2; 142/408, 426).*

266. ТИМИНА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА, родом из д. Онтова, дочь Ефимьи Ильиничны Куваниной (см. № 127 нашего издания). Во время оккупации Заонежья муж был мобилизован в армию и находился в Кондопоге, Анастасия Ивановна проживала в д. Перхино Паяницкого сельсовета. Жила с сыновьями – семи и девяти лет в очень плохой квартире, работала на оборонных работах. Замуж выходила в 16 лет. В 1944 г. А. П. Разумова записала от нее плач, который она вопила на своей свадьбе и который постоянно исполняла во время

оккупации, прибавляя все новые переживания. «Теперь вопов есть всяких, разных», – сказала собирателям. *(АКНЦ 75/67).*

267. ТИМОФЕЕВ АНДРЕЙ, крестьянин 60-ти лет, из д. За́горье у Толвуи. Выучился петь былины у местных старожилов; земледелец. В статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» А. Ф. Гильфердинг назвал Тимофеева в числе лучших певцов былин, в головах которых соединяется «природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 176, XVII).*

267а. Из статьи А. М. Астаховой «Былины и причитания в записи А. А. Шахматова»: «Толвуйские записи былин замечательны тем, что произведены Шахматовым от гильфердингского исполнителя Андрея Тимофеева (прозвище „Кумо́ха“). Гильфердинг ограничился записью от него двух былин: „Добрыня и Алеша“ и „Михайло Потык“ …

Шахматов записал, кроме былин о Потыке, еще былины о Дунае и о Чуриле, Гильфердингом не записанные. А в 1886 г. Истоминым от того же исполнителя снова была записана былина о Чуриле. Таким образом, вместе с записями Шахматова, мы имеем сейчас от Андрея Тимофеева четыре былины, из них две записаны по два раза.

Вариант „Михайлы Потыка“, повторно записанный Шахматовым через 13 лет, сокращает текст с 432 стихов до 309. Это значительное сокращение идет за счет некоторых повторений, сокращения или выпуска диалога, замены прямой речи косвенной и т. п. Композиция и вся совокупность эпизодов остаются неизменными. Изменения состоят в перестановке отдельных стихов, иногда в иной словесной фразировке. Значительно реже некоторое распространение, вставка деталей. <…>

Еще меньше различия между текстом, записанным Шахматовым о Чуриле, и повторной записью этой былины Истоминым через два года. Общая величина былины осталась неизменной (95 стихов у Шахматова и 93 у Истомина). Характер изменений тот же, что в и отношении былины „Михайло Потык“. Это свидетельствует о том, что Андрей Тимофеев принадлежал к исполнителям, которые крепко держали в памяти раз оформленный текст, внося лишь незначительные вариации, преимущественно касающиеся словесных формулировок. Вариант былины о Чуриле Кумохи ближе всего стоит к толвуйскому же варианту от Гришина <…>.

Таким образом, благодаря записям Шахматова яснее вырисовывается в лице Андрея Тимофеевича определенный тип сказителя, с тенденцией к более быстрому развитию действия, к упрощению основной сюжетной линии, избегающего описательных и вообще украшающих элементов, но дающего достаточно стройную композицию и сохраняющего на протяжении значительного временного промежутка свои тексты без коренных изменений». *(Астахова, 1948а. С. 27–28, 30; также см.: Чичеров, 1982. С. 120, 171: приводится сопоставление сюжета былины «Михайло Потык» А. Тимофеева с вариантами других сказителей).*

267б. Исследуя состояние былевой поэзии в Заонежье, рассматривая случаи полного вымирания былевой традиции в семье, А. М. Астахова в статье «Былина в Заонежье» писала в 1927 г.: «… Такова же судьба и традиций других сказителей восточного побережья полуострова: Андрея Тимофеева, правнук которого, по словам местных жителей, „балбес“, и ничего не знает»[1]. *(Астахова, 1927. С. 79).*

268. ТИФАКИНА АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА, 1887 г.р., неграмотная, д. Типиницы. Во время оккупации Заонежья финны выселили ее из деревни за десять километров, отобрали скот. После освобождения Заонежья нашла свой дом полностью разрушенным. В 1944 г. – год записи – Анастасии Петровне было 57 лет, жила в чужом доме, работала уборщицей в Типиницком сельсовете. Всего было десять детей, пятеро были живы, четыре сына находились на фронте ВОВ. Анастасия Петровна очень беспокоилась за их судьбу, так как вестей от них не получала. Один из сыновей до армии находился в концлагере, из которого удалось сбежать. А. П. Разумова и В. Г. Базанов записали от нее два плача, в которых она высказала всю свою обиду по разрушенному дому и хозяйству, тоску-кручину по растерянным детям. *(АКНЦ 75/90; Базанов, 1945. С. 26).*

269. ТИХОНОВА АГАФЬЯ АНДРЕЕВНА, 1887 г.р., неграмотная, д. Тявзия. Когда умерла мать, Агафья Андреевна была «малешенька, умом-разумом глупешенька». Вышла замуж, пошли дети, но мужа убили в Гражданскую войну. Агафья Андреевна осталась одна с детьми. Жилось очень трудно. В ВОВ дочь находилась в плену. При встрече с дочерью причитывала о пережитом «за эти три да долгих годышка». А. П. Разумова и В. Г. Базанов записали от нее два плача, исполнить и записать предложила сама. *(АКНЦ 75/135).*

270. ТИХОНОВА АННА ИВАНОВНА, 1910/1920 г.р., малограмотная, русская, д. Кузаранда (Лисицыно). От Анны Ивановны записывали в 1982–1983 и 1986–1987 гг. Народные обряды и традиции «знает с молодых лет», отметили собиратели. Ее репертуар включает обрядовую лирику, плясовые и другие песни, романсы, частушки, загадки, былички.

О себе рассказала, что «тяжело жили. Шесть годов ходила у телят, у коней, же́ребят ухаживала. В девках на бесёду вечерами ходила. Девушки прю́дут, сю́дят, пря́дут. Когда и гармошка была. Парни кадре́ль пойдут. Деверихи беседовали, пря́ли. После войны были на лесозаготовке. „…ходили в лаптях тряпичных, онучи заматывали веревками, а все равно с песнями на лесозаготовки ездили. А нынь-ко не такой народ“. *(Фон. 3036/27, 28).* Старшему моему сыну было 14, а другому надо было в школу идти. А я на сезон записалась на лесозаготовку. Артелью ходили. А налоги: <надо было сдавать> мясо, картошку, шерсть. <Сами ткали>. Я тонко ткала. Недавно (в 1981 г.) начальство из Москвы приезжало. На могилу Федосовой ходили. Я им спевала». *(АКНЦ 179/138).*

[1] Одну из былин Тимофеева, сильно испорченную, записал этим же летом <в 1926 г.>. *А. И. Никифоров.* – Астахова А. М.

271. ТИХОНОВА АННА ЛУКИНИЧНА, 1909 г.р., грамотная, д. Тявзия. В 1944 г. – год записи – Анне Лукиничне было 35 лет. Муж находился на фронте, на ее руках находилось пятеро детей – один меньше другого. Осенью 1944 г. проводила на фронт старшего сына. Во время оккупации Заонежья была выселена из деревни, скиталась с ребятами, вся живность (корова, овцы, теленок) были отобраны. В. Г. Базанов записал от Анны Лукиничны плачи-сказы, в которых говорится о жизни в оккупации и запущенных полях, а также о «скорописчатой грамотке мужу», где она предполагала рассказать о накопленной «кручинушке». Плачи записывались в поле, где вопленица работала с другими женщинами, вернувшимися из лагерей. Собиратель отметил, что Анна Лукинична знает свадебные плачи. *(АКНЦ 75/134; Базанов, 1945. С. 59).*

272. ТИХОНОВА (Тихонкова?) АННА ТИМОФЕЕВНА, 56 лет. Родом из дер. Вертилово. Научилась старинам и стихам от старушки-соседки в Вертилово и от своей бабушки. Служила нянькой у Сенногубского священника – Василия Ржановского, у старших детей. Там встречала В. П. Щеголенка. Изба Тихоновой стоит как раз напротив того места, на котором в свое время стоял маленький дом Щеголенка. Дом его давно уже исчез. Хозяйство у Анны Тимофеевны небольшое. Изба черная. Живет с мужем и 26-летней дочерью.

<В книге «Онежские былины» опубликована ее былина «Соломан-царь»>. О вариантах песен «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра», спетых А. Т. Тихоновой, <см. в примечаниях ниже указанного издания>, с. 904, 909. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 531).*

272а. Из статьи (путевого очерка) С. П. Бородина-Саргиджан «Былинные края»: «… в Сенногубской волости <…> покинутые и одинокие женщины, вдовы погибших „за царя и отечество“, разводки и жены бедняков пели духовные стихи, заунывными и грустными голосами. Но из них только стихи Анны Тихоновой из Боярщины представляли большой интерес. Эта Анна Тихонова живет в бедной, с черной топкой, избе. Но замечательная опрятность и в избе, и в одежде украшали ее лучше высоких хором. У нее тихий муж и дочь тоже хлопотливая, опрятная, но какая-то неудачная. Из всех певцов никто не отказывался петь так долго и упорно, как Анна, уверяя, что все, что она знает, никому не интересно. Но когда, наконец, поставив самовар, она присела на край скамьи и тихо запела про Соломона-царя, мы почувствовали, что несмотря на то, что до того были записаны очень интересные варианты этого сказания, спетый ею очень выделяется какой-то внутренней стройностью, сохранностью деталей. Последующие стихи и „былинки“ дали полнее ее образ как цельной и талантливой сказительницы. Все, записанное от нее, носит ясный отпечаток ее личности, в ее песнях особенно часто встречаются древние слова и обороты речи. Может быть, это обозначает, что они наиболее сохранены у нее. И если Степановна <Богданова-Зиновьева> значительно превосходит Тихонову умением петь и знанием пространных старин, то эта в свои более короткие стихи внесла больше женственной ласковости и задушевности, и пение ее обладает

редким даром успокоения и примирения со всем». *(Бородин-Саргиджан, 1929. С. 147).*

272б. Тихонова Анна Тимофеевна – крестьянка д. Боярщина Кижского сельсовета Заонежского района. Записи от нее были произведены два раза: в 1926 г. (см. Сок.–Чич. С. 531–534, 904, 909) и в 1932 г. Второй раз записаны были те же былины, кроме того, баллада «Насильственное пострижение».

В 1932 г. А. Т. Тихоновой исполнилось 60 лет. Это была еще красивая, очень приветливая женщина. Жила она с мужем и своей незамужней дочерью 33 лет, Ольгой Васильевной, – единственной оставшейся в живых из 12 детей. А. Т. Тихонова – неграмотная. Былинам, которые она называла «ста́ринами», научилась, по ее словам, от старух на беседах в посту. Былины она очень любила и верила в действительность изображенных в них событий. Но пела мало, изредка лишь для себя. Тексты ее отлились в устойчивую форму, и она легко могла их сказать.

А. Т. Тихонова слышала еще былину о Чуриле, но могла припомнить лишь несколько первых стихов. Знала … старинные песни, лирические и свадебные, сказки, духовные стихи. *(Астахова, Т. II. С. 278).*

273. ТРЕГУБОВА ЕВДОКИЯ ЛУКИНИЧНА, 1889 г.р., д. Петры. В 1956 г. от нее записывали студенты МГУ Ю. Новиков и Е. Костюхин. Обычно, как и все исполнительницы, Евдокия Лукинична сначала отказывалась петь, но когда узнала, что приезжие из Москвы и приехали специально за песнями, быстро согласилась. Исполнила несколько песен, частушек, а потом предложила позвать знакомую – Анастасию Федоровну Блоханову, которая, по ее словам, знает «досюльные песни». Вместе они спели несколько песен, романсов, которые преобладали в их репертуаре. Припомнили часть «Морянина», назвав его стихом. Других былин никогда не слышали. Из известных сказителей Заонежья слышали о Рябининых, но никогда их не видели. *(АКНЦ 79/498а).*

274. ТРЕПАЛИНА ПЕЛАГЕЯ, 1848 г.р., д. Мигуры, неграмотная. От нее записывали З. Курдова и М. Пуговкина в 1931 г., когда ей было 83 года. Была дочерью небогатого крестьянина. Вышла замуж, когда не было еще 16 лет. Будущий муж 12 лет жил в Петрограде в «мальчиках-учениках». Она его увидела только у венца: гулял с богатой, но присматривался к ней. После замужества только через два года она уехала в город. Муж постепенно «вышел в люди», имел свои дома на Выборгской стороне, мастерские с сотнею рабочих. Она вела хозяйство. Вместе с кухарками выпекали в день для рабочих до шести пудов хлеба и варили до одного пуда мяса. Имела 23 ребенка, но все умирали в детстве. Один сын работал на Николаевском вокзале и погиб во время забастовки. В живых остался один сын-инвалид, которому было в 1931 г. 70 лет, получал 40 руб. Ежемесячно высылал по 5 руб. матери – Пелагеи, которая жила в деревне в семье ее сестры и племянников. Три года назад она ослепла. Собиратели отметили, что записали от П. Трепалиной интересующий их материал. В АКНЦ имеется только запись о народной медицине. *(АКНЦ Р. VI. Оп. I. № 75. Л. 25; Р. VI. Оп. I. № 90. Л. 18).*

275. ТРОФИМОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА, 1893 г.р., д. Воробьи. От нее записывали дважды. В 1944 г. Анастасия Андреевна исполнила В. Г. Базанову плач «в ожидании писем». Во время оккупации Заонежья она находилась в концлагере, а три сына воевали на фронтах ВОВ. Вестей от них не было, и мать считала их погибшими, о чем говорит в плаче. «Птицей-пташицей» мечтала слетать на фронт, найти их косточки и придать земле.

Второй раз от Анастасии Андреевны записывали студенты МГУ Ю. И. Смирнов, А. Филатов, Ю. Зузанек. Ей было в 1956 г. (год записи) 63 г. Она исполнила достаточно большой репертуар: духовные стихи, свадебные причитания и песни, приговоры дружки, сказку, частушку, лирические и балладные песни и др. *(АКНЦ 76/92; Базанов, Разумова, 1962. С. 351; также см. № 225г нашего издания).*

276. ТРОШКОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА, 1888 г.р., неграмотная, д. Поля. Во время оккупации Заонежья вместе с младшим сыном была отправлена в лагерь. При отступлении из Заонежья ее сына пытались увезти в Финляндию, но он бежал из-под конвоя и долго скрывался в лесу. После освобождения Заонежья сразу ушел в армию. Второй сын был мобилизован на фронт в 1943 г. Еще у нее была дочь. Муж Ольги Михайловны арестован в 1938 г. В 1944 г. А. П. Разумова записала от нее плач о своей жизни. О себе сказала: «Что жито, то все забыто», «при финнах пожили да пожни сножили». *(АКНЦ 75/97. Л. 148).*

277. ТРУХАВАЯ АГРИППИНА ФЕДОРОВНА в 1932 г. – колхозница 53 лет из д. Липовицы Кижского сельсовета Заонежского района, где жила с мужем, его двумя сыновьями, невесткой и внучками. Приветливая, общительная, очень скромная. В городах, кроме Петрозаводска, А. Ф. Трухавая не бывала. Грамоты не знала.

Былинным текстам А. Ф. Трухавая научилась, по ее словам, еще лет девятнадцати, слушая, как дядя читал их по книге. Сам же дядя былин не знал. Много слыхала былин и в исполнении стариков, от которых переняла напев. Таким образом, на былинах ее сказалось и влияние живой устной традиции. Тексты А. Ф. Трухавая помнила твердо, могла и спеть, и сказать словами. Но пела былины только для себя, за работой. При других петь стеснялась и знание былин держала в большой тайне. Называла их и «былинами», и «ста́ринами» и была убеждена в действительности изображенных событий. В семье никто, кроме нее, былин не знал. Репертуар ее интересен тем, что содержит такие редкие в настоящее время былины, как «Михайло Потык», «Добрыня и Змей». Последняя в исполнении А. Ф. Трухавой, так же как и былина о Дюке, отличается полнотой и стройностью композиции.

Кроме былин, А. Ф. Трухавой известны были старинные песни, протяжные и свадебные, сказки и духовный стих об Алексее, человеке божьем. *(Астахова, Т. II. С. 288).*

277а. Трухавая (Труховая?) Агриппина Федоровна, д. Липовицы Кижского сельсовета Заонежского района; 60 лет, неграмотная, колхозница. Родных детей нет, есть пасынок (председатель колхоза). Вышла замуж из д. Середка Кижского сельсовета в д. Липовицы. Былины выучилась петь от дяди Елизаркова Алексея Яковлевича.

<Он был> грамотный, читал в книжке 23 былины. «Прослушала былины от дяди. Исполняла иногда только для себя. „Как став ткешь инной раз, за́поешь, ндравилися мни Добрыня и Дюк, как матери им все на́ добро наказывали“».

Агриппина Федоровна очень робкая, нигде не бывавшая старушка. С большим трудом записаны былины с голоса. Текст помнит довольно твердо. В некоторых местах рассказывает, петь не может. Мелодия всех былин одинакова. Записаны на фонограф «Михаил Потык» и «Ковер Единович».

Репертуар: 1. Про Добрыню Никитича. 2. Про Дюка Степановича («не до краю»). 3. Михайло Потык сын Иванович. 4. Ковер Единович. 5. Илья Муромец (плохо знает), с Соловьем немножко… *(Зап. Е. П. Родина в мае 1938 г. – АКНЦ 68/31а).*

277б. *И*з статьи Н. Г. Черняевой «О былинных сказителях Карелии»: «… Исполнители – „передатчики“ фиксируют конкретные текстовые единицы, их набор, связи и последовательность в тексте. Близость вариантов их настолько велика, что иногда создается впечатление заученности текста. Модели почти не используются в их сказительской практике. Былины этой группы сказителей, как правило, строго эпичны, они почти всегда поются – не зря А. М. Астахова называла их стиль „классическим“. К таким исполнителям принадлежит А. Ф. Трухавая из Заонежья. <…> По-видимому, ориентированность сказителей 1-го типа на текстовую конкретность, с одной стороны, позволяет им при благоприятных условиях воспроизводить тексты очень эпичные и стабильные, а с другой, лишает их творческой самостоятельности, способности использовать весь имеющийся у них эпический запас и конструировать на материале его модели». *(Черняева, 1981. С. 10, 13).*

278. ТУХИНА ТАТЬЯНА МИТРОФАНОВНА, 1907 г.р., родилась в Великой Губе, малограмотная, русская. В 1983 г. студенты ПГУ Кабанова Л., Гришина Т., Кокарева О. записали от нее «Рассказ о себе и о календарных праздниках»: «Мы с матерью жили, братья погибли. Отец жил в Ленинграде, суровый был. Три года в школу ходила. Родители рано умерли. Жили зажиточно, кулаков таких не было. Разве что Михеев на Погосте, Королев в Торосах. Пасха приходила – пойдут к Михееву. Возьмут чая, муки на праздник. Потом отработать надо. В Великой Губе были карасели <карусели> в Алексеев день. Съезжалось много людей. Приезжали из Петрозаводска все богатеи. Кадушки, ладушки, всякими торговали. Весь берег был заставленным. Все было: подковы и все-все. Церковь у нас хороша была. Финны разорили. Все увезли. Батюшка у нас скурвился. Много народа ходило в церковь. Большая, красивая. Иконы у нас были очень хороши, лучше кижевских. В Новый год богосуженых смотрели. Пироги варили. Молодёжи было много. Старики по дороге играли в рюхи. Бесёды были. Кандрель ходили. Плясали. В праздники не работали. Гармошки, балалайки были. В кругу сидели, с парнями целовались. На Крещенье в одежде купали в проруби. Не болели. Ярдан <Иордан> делали. С прялками ходили на бесёду. Сами пряли, ткали; ходили в сарафанах, сорочки накрахмалят. В пялах вышивали полотенца. Приданое готовили. Станушки-закрайки. Лонцкого ходили». *(АКНЦ 161/217).*

279. Ульянов Михаил Евдокимович, 1886 г.р., д. Яндомозеро. В 1926 г. (год записи) ему было 40 лет. И. В. Карнаухова записала от него две сказки, не сообщив о сказителе никаких сведений. Сказки сатирические – о попах, в которых с «грубоватым крестьянским юмором» высмеиваются их жадность и другие пороки. *(Карнаухова, 1934. С. 392).*

В том же 1926 г. от его отца – **Евдокима Яковлевича Ульянова**, 90 лет, в д. Потапово А. И. Никифоров записал сказку о трех старцах, которые ели из одной чашки. Один из них молился, другой молчал, третий говорил что попало. В результате пища у всех оказалась разной. *(Никифоров, 1927. С. 2, 10; Никифоров, 1961. С. 347).*

280. Устинова Анна Васильевна, 1904 г.р., д. Гапнаволок. Во время оккупации Заонежья была выгнана из «хоромного строеньица», отобрана корова. По возвращении она говорила: «Все поломано да все похрястано». Собиратель В. Г. Базанов пишет, что «ее шестнадцатилетний сын взорвался на вражеской мине. А. В. Устинова хорошо знает похоронные и свадебные плачи, но осенью 1944 г. оплакивала только свое недавнее горе», обращаясь в плаче с этой болью к своему погибшему мужу. *(Базанов, Разумова, 1962. С. 571).*

281. Фадеева Прасковья (Парасковья) Григорьевна, 1898 г.р., д. Карасозеро. В 1944 г. (год записи) это – 46-летняя женщина, жила с детьми. Муж репрессирован. Сын находился в армии. Собиратель А. В. Белованова записала от Парасковьи Григорьевны два бытовых плача и отметила, что она «знает хорошо свадебные причеты». Один из плачей был исполнен по сестре. Плач «не кончила», сказала: «Уж я вопила, вопила нонь на могилы. Когда обиды много, дак уж все выплачу». И еще добавила: «Я на могилы у сестры плакала оногдось два часа». *(АКНЦ 75/105, 106).*

282. Фалеева Евдокия Ивановна, 1920 г.р., родом из д. Дианова Гора. Грамотная. Семья родителей была большая: отец, мать, дедушка, бабушка, братья и сестры. С будущим мужем познакомилась в п. Шуньга, когда ездили в гости на празднование Михайлова дня. Через неделю приехали сваты. Евдокия Ивановна не хотела выходить за него замуж. Матери жених тоже не понравился. «У меня, – рассказывала Евдокия Ивановна, – кавалер в Дианово Горе был, учитель, я так его любила». Она долго хранила его фотографию, «все смотрела, все любовалась на него». А потом сгорел у матери дом и фотография тоже. «На минуту ума не хватит и век горюй, живи, – продолжала Е. И. Фалеева. Тут уж так сделано было, наколдовано. Сама слышала, что погладят по голове и все <…>. Сват погладил по головы, скаже: „Дусинька, надо идти, у нас парень хороший, семья небольшая, одна мать, есть корова, лошади, хозяйство“. <…> И опять по головы дрочит, опять приговаривает». Детей у Евдокии Ивановны было шестеро – пять сыновей и дочь. «Ой, сколько я перенесла, нервов-то я спортила. Вот я и память-то потеряла. А работы-то мне-ка было вот так! Досыта было мне работы. Хорошего-то я не видела в жизни ничего. И сама-то я

косила, и пахала, и корову-то держала. Да и дома-то все надо сделать, выстирать. Парни дак. Потом дочка-то подросла, стала маленько помогать. Дак учёба, это школа. Опять ничего».

Фалеева Евдокия Ивановна

Репертуар Евдокии Ивановны интересный и богатый. От нее записывали в 1983, 1991 и 1992 гг. Она исполнила много «досюльных» песен, среди них есть и редкие варианты, свадебные песни, причитания, приговоры дружки, о свадебном колдовстве, балладные, исторические, любовные, плясовые песни, романсы, сказки и т. д. Многие песни и романсы Евдокия Ивановна исполняла вместе с другими женщинами.

Евдокия Ивановна рассказывала, что ее родители «очень хорошо пели». У родителей было пять дочек и брат. «Вот, когда вечером сядем за стол, кто что делает, кто прядет, кто вяжет, кто вышивал, а отец у нас любил вязать – мережево. Мерды-то – это в воду вязал и давай спевать, песни заведет <…> Ну, давайте, девки. И девки все были хорошие, мощные, здоровые и учились хорошему. <…> Родители, дедушка и бабушка рассказывали сказки». *(АКНЦ 160/38, 40; 191/15, 17,18).*

283. ФАЛЕЕВА МАРФА СЕРГЕЕВНА, 1920 г.р., родом из д. Никонова Гора, русская, грамотная. В 1983 г. Н. Ф. Онегина и студенты ПГУ под руководством В. В. Яковлева записали от Марфы Сергеевны в Толвуе (д. Хабаровская) две былички. О других жанрах сказала следующее: «Не знаю я сказок или еще там что. Росла – не до сказок было, все в поле или по дому работала. А сейчас внучата попросят сказку, берешь книгу и прочитаешь. Разные сказки: „Курочка-ряба“, „Три медвежонка“, „Петушок золотой гребешок“, „Золушка“. Так вот и растили внучат-то, все по книгам больше». *(АКНЦ 161/811).*

284. ФЕДОСОВА ИРИНА (ИРИНЬЯ) АНДРЕЕВНА, родилась 17 апреля 1827 г.[1] в д. Софроновской Вырозерского общества Толвуйской волости Петрозаводского уезда, умерла 10 июля 1899 г. в д. Кузаранда, неграмотная.

[1] В статье «„Причитанья северного края, собранные Е. В. Басовым“, в истории русской культуры» К. В. Чистов пишет, что дату рождения И. А. Федосовой установила сотрудница музея-заповедника «Кижи» С. В. Воробьева по метрической книге Вырозерского прихода за 1827 г. в ЦГАРК. Запись в книге гласит: «Числа рождения: 17 апреля. Деревни Сафроновской у крестьянина Андрея Ефимовича родилась дочь ИРИНА. Числа крещения: 24 апреля. Воспреемницею была девица той же деревни Ефимия Иванова». «По выявленным С. В. Воробьевой документам, в год рождения Федосовой в ее семье было 15 человек (9 мужчин и 6 женщин)». – См.: Чистов, 1997. Т. 1. С. 421, 422, 491.

Из рассказа И. А. Федосовой о самой себе

«Родители мои – Андрей Ефимович да Елена Петровна <Юлины[1]> – были прожиточные и степенные; мать – бойкая на 22 души пекла и варила и везде поспевала, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяной – буде покричал, а сердцов не было; был еще брат, да две сестры, а в них толку мало; я ж была сýрова; по крестьянству – куды какая; колотила, молотила, веяла и убирала; севца не наймуют, а класцá наймуют; 8-ми год знала, на каку полосу сколько сиять; 6-ти год нá ухож лошадь гоняла и с ýхожа домой пригоняла; раз лошадь сплеснулась, я пала; с тех пор до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где што слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, стáрину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на прядиму бесёду отец не спущал, а раз в неделю – молча уходила; приду – место сделают у свитца; шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной; грубного слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу… Стали люди знать и к себе приглашать – свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

Федосова Ирина Андреевна

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж – а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: „Кроме Иришки некому“. На бесёдах дала себя знать; бывало там свадьбой играли, и я занарóк причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смиет. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит: „Согласись, мы уговорим отца – не выдаем тебя в брань да в ругательство“. Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло; стали звать на другую свадьбу; отец и говорит: „Нé для чего ее приглашать, ведь не знает она ничегó!“ – „Как не знает? По зиме у суседки причитала“. Отец возгорчился: „Кто, – скаже, – позволил?“ – „Писарь Петр Кондратьевич, – отвечала мать, – да голова Алексей Андреевич“. – „Ну, когда этакии лица просят, так пусть; для меня – как хочет, дело ейное!“

[1] В 1947 г. К. В. Чистов встречался с родственницами И. А. Федосовой – невесткой А. Ф. Федосовой и племянницей А. С. Булавкиной, которые жили в д. Кузаранда и еще помнили ее девичью фамилию (Юлина). Чистов, кроме того, в указанной выше статье сообщает, что по сведениям С. В. Воробьевой «фамилия Юлины впервые упоминается в 1860 г.; до этого она, как многие крестьянские фамилии, существовала в качестве деревенского прозвища. Процесс образования крестьянских фамилий завершался только к середине XIX в. В документах обычно указывалось отчество, выполнявшее функцию, которая была свойственна более поздним фамилиям. Отчество менялось от деда к отцу и сыну (дед И. А. Федосовой Ефим Иванов, отец Андрей Ефимов, она Ирина Андреевна)». – См.: Чистов, 1997. Т. 1. С. 421, 491.

Замуж вышла 19-ти лет; женихи все боялись, што не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж итти – сама казну наживу, да голову свою кормлю. Перво – сватали за холостого, парня молодого; родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела: будь хоть позолочёной, не пойду! Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться; пал на сердце немолодой вдовец – знать, судьбина пришла!

Дело было так: приехал сусед с дочерью в гости; у нас в деревне была „бесёда игримая“: старик-гость сидит да толкует с отцом, а я говорю отцу: „Спусти на бесёду! “ – „Куды, – говорит, – можно и дома; греха-то тут на душу“.

Гость упрашивает, чтобы отпустил: „Она, – скаже, – такая разумная, да и к людям подходительная – отпустить можно! “ – „Не спущу, – отвечал отец, – лучше не говорите! “

Замолчала я, села прясть и в уме взяла: „Не поеду за сеном, не пошлешь ни за што“. Смотрел, смотрел отец: „Што, – скаже, – груба сидишь? Ступай на бесёду, коли охота такая привязалась!“

Я просто-запросто, в сарафане-костыч, в фартучке, прялицу в руки – и на бесёду. Место сделали; приехавшая гостья и подзывает:

– Сядь-ко ты подли меня, есть поговорить. Девко! Думаешь ли замуж?

– Нет жениха, – говорю я.

– Жених есть, да не смиет звать – не пойдешь.

– Для чего, – отвечаю, – завету нету; прилюбится и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?

– Удовец, ужели не запомнишь? Петр Трифонович!

– Какой такой пестрый воскрес, какое у его семейство?

– Сын да дочка; сын женатый, да у сына двое детей.

– Фатеру знаю, а жениха не знаю.

– Девко, можно итти; участок хороший, а ты бойкая; сам он год шестидесяти[1].

– Ну, это дело терпящее, ночью с Ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте.

С бесёды пришла до первых петухов; не ем, не пью; мать заметила: „Што ты, – скаже, – сдияла? Сурова́ ты! Што ты, голубонько, кручинишься?“ Легла спать; не спится, а думается: в девушках сидеть, али замуж итти. „Ну-ко, беседница, – утром рано подымал отец, – на ригач ставай – молотить!“ Встала; дело делаю, а сама не своя. Поведала думу невестке, хозяйке братовой.

---

[1] В статье «Причитанья северного края…» К. В. Чистов приводит запись о венчании И. А. Федосовой. Запись помечена 17 февраля 1850 г., в ней говорится: «Кузарандского погоста деревни Сидоровой горнозаводский крестьянин Петр Трифонович, вдовец второбрачный, православного вероисповедания повенчан вторым браком с Вырозерского погоста деревни Сафроновой с горнозаводской крестьянской девицей Ириной Андреевой, православного вероисповедания первым браком. Жениху – 52 года, невесте – 29 лет». Далее он пишет: «Эта запись, видимо, вполне достоверно фиксирует дату венчания, но не отличается точностью в определении возраста жениха и невесты. Согласно цитированной выше записи о дне рождения И. А. Федосовой, в год венчания ей было не 29 лет, а 23 года. По ревизской же сказке 1858 г., дата рождения П. Т. Новожилова – 12 июня 1795 г. Следовательно, в 1850 г. ему было не 52 года и не 60, как это значится в автобиографии И. А. Федосовой, а 55 лет. Это, несомненно, записи со слов венчавшихся. <…> По имеющимся сведениям, в 1852 г. в семье <мужа> было 10 человек. <…> В 1862 г. П. Т. Новожилов 67 лет от роду скончался, как говорится в метрической записи „от старости“». – См.: Чистов, 1997. Т. 1. С. 424, 491.

– Баба, – скажу, – замуж зовут!

– Ну што, – говорит, – ведь ты не пойдешь!

– Нет, – отвечаю, – можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я; так я посмотрю жениха.

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую – на Горки. Я подавалась родителям; спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали оны на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной в Заозеро. Сижу я там и пою со слезами, обидуюсь, как слышу, вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят; к крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали; гляжу, один знакомый, другаго не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, по фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

– В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас – сватать; ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное.

– Бог ли понесет с воли да в подневолье, – ответила я.

– Нет уж, как хошь, надо итти, мы такую даль ехали!

– А где же жених? – спросила я.

– А вот он по фатеры похаживает, – сказал Петр Андреевич.

– Я не волк, не лисица; не объем, не общарапаю; пусть сам заговорит, не 17 лет.

Жених сел подле меня и говорит:

– Идешь ли замуж?

– Не знаю, иттить ли.

– Иди, – говорит, – не обижу; стал подбивать и подговаривать.

– Век так ласкает ваш брат!

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях; скоренько разделась, поужинала. Приехал и жених: сижу я за прялкой; он подсел и говорит:

– Умиешь бойко прясть!

– Еще бы, – говорю, – не в ли́сях роди́лась, не пням Богу молилась! Ну, што ты, – говорю, – берешь меня? Я человек молодой, ты – матёрой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы, люди матёры, варить не будете: какое будет житье; биси в лисе насмиются. Да и мне неохота выходить; выйдешь, за́мужье – не хомут, не спехнешь; не́ мило, да взглядывай, не люба́ свекровка, звать ю матушкой; ху́до мое мужишко – веди его чином!

Жених на это заметил: „Не крепка жена умом, не закрепишь тыном“.

– Ну, когда так, – порешила я, – пойду; што будет, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни, дом вести – не бородой трясти, жену, детей кормить – не розиней ходить. Теперь поезжайте на родину скоряе, а то, смотрите, мужики за бревнами уедут; дело затянется – долго ждать!

Оны отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли, али к добру тянет; сон на глаза нейдет. На улице стало на́ свет похоже; сестра печку затопила; гляжу – брат приехал за мной, я сплю-не сплю; сестрия будит: „Ставай, брат приехал!“ Стала, поздоровалась. „Тебя, говорит, сватают!“.

– За кого? – спрашиваю, будто сейчас и слышу, не знаю жениха. Не пойду, – говорю, – здесь останусь; Бог с ним, кто такой там приехал!

– Поедем, – говорит, – не велено оставить!

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в большом углу; я глаза перекрестила, поклонилась, была ветреная мельница, там отец с има займуется, а я и не гляжу на женихов. В печке все стопелось, я ко́лыбы расклепала: гляди жених – я знаю шить и кроить, и коровушек доить, и порядню водить; тут наладила пойво, и в умах нету, што в избе женихи, порядничаю. Оны позвали родителя в сени: пойдем, дескать, есть поговорить. Сошли – поговорили. Отец с матушкой меня – в особый покой.

– Што, дочь, – говорят, – женихов приказала? Идешь ли замуж?

– Как хотите, – отвечала я, на воли вашей; вы кормили-поили, дочь я ваша и воля ваша!

Отец порозмыслил и объявил женихам:

– На́ хлеб на соль – милости просим, а по это дело не́ по што!

Народу в избе множество – деревнище большое; сродники стали подговаривать, тут и я говорю:

– Што ж родители, куды вода полилась, туды и лейся! Пойду, што Господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не посудьячу!

Мать завыла и говорит:

– Што ты, дитятко, што ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда!

– На меня, – отвечаю, – надия какая? От девок не велики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, невестка; мы девушки – зяблые семена ненадежныи детушки!

Родитель-отец взял свещу затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощенье: зазвала я девушек; в гости поехали – со звоном, с колокольчиками, а там песни, игры, танцы. Матушка ужасно жали́ла, суседи срекались: „Што ходила по свадьбам, да находила: двадцатилетняя девушка да идет за шестидесятилетнего старика; не стане жить, любить старичонка, удовщице ведь он да посиделище!“.

Тринадцать лет я жила с ним, и хорошо было жить; он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля итти, куды хочешь. Помер он в самое Рождество. Все жалел меня, покойная головушка: „Не пожить тебе так, выйдешь замуж, говорил он, набьешься ты нашатаешься“.

Вдовой жила от Рождества до Филиппова заговенья[1]. Была копейчёнка моя и его – в одно место клали… Сначала жила и в умах не было закон переступать.

[1] В этой же статье К. В. Чистова читаем: «Вдовой она пробыла только „от Рождества до Филиппова заговенья“, т. е. до 14 ноября 1863 г. (начало Рождественского поста) – меньше года. На этот раз расхождения с биографией нет. В метрической книге Петрозаводского уезда Кузарандского прихода за 1863 г. С. В. Воробьевой найдена запись: „… 14 ноября 1863 года Кузарандского погоста деревни Щельга государственный крестьянин Иаков Иванов, православного вероисповедания повенчан первым браком с Кузарандского прихода деревни Щельги крестьянской вдовой Ириной Андреевой, православного вероисповедания вторым браком. Жениху 36 лет, невесте 32 года“. В действительности, как мы знаем, жениху было 38 лет, невесте – 36. Таким образом, И. А. Федосова вторым браком вышла за старого, по тогдашним деревенским понятиям, холостяка („перестарка“). <…> В 1884 г. И. А. Федосова во второй раз овдовела». – См.: Чистов, 1997. Т. 1. С. 425, 491.

Тут стали звать за Якова Ивановича с Кузаранды. „Пойду ли? – говорила. Што вы? Жених ли Федосов?“

Пришел его брат сватать, отпёрлась. За тым старушка дядина ко мне-кова повечеру́, стали беседовать. „Поди, – говорит, – за Якова!“ Подумала-подумала и согласилась. В тот же вечер жених с братом ко мне: кофеем напоила, посоветовала, слово дала; на другой день я состаю с постели, а он с зятем уж тут; на стол закуску, водку, самовар поставила, по рукам ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце, животы прибрала, а потом и к венцу. Немного причитала. От венцу стретили родныи, провели в горницу, отстоловали порядком. Дядина да диверь – бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой не хлопотной, а оны базыковаты (бранчивы, сварливы), обижали меня всячески. По весны Яков отправился к Соловкам, а я все плакала да тосковала; все крестьянство у их вела; весной скотину пасти отпущали, и я сойду, бывало, сяду в лúсе на деревину или на камешок и начну плакать: не кокошица в сыром бору кокуе, / это я, бедна кручинная, тоскую; / на катучем да сижу я синем камышке, / проливаю горьки слезы во быстру́ реку́… Плачу, плачу, за тым и песню спою с горя <…>

В настоящее время <1867 г.> эта вопленица живет в Петрозаводске. К городской жизни не может привыкнуть и постоянно собирается в Кузаранду: „Свой дом – говорит, – не коза, рогама не будёт; кто где родился, тому тут Иерусалим; на камышке посидеть, да на родинке побывать“ <…>

Ирина – женщина около 50 лет <теперь известно, что ей в ту пору было 40 лет. – Сост.>, крайне невзрачная, небольшого роста, седая и хромая, но с богатыми силами души и в высшей степени поэтическим настроением; речь у нее живая и бойкая; то и дело льются с языка пословицы и поговорки; тринадцати лет она была уже вопленицей, известной по всему Заонежью». *(Барсов, 2-е изд., 1997. Т. 1. С. 253–257; то же: Федосова, 1937. С. 10–16; Базанов, 1945а. С. 14–20 – без последних девяти строк).*

284а. Из статьи Е. В. Барсова «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“ <…> и хоре … подголосниц»: «Не случайно, от крестьянина Фролова <Матвея Савельевича>, у которого стоял на квартире <г. Петрозаводск>, узнал я о существовании Ирины Андреевны, которая как вопленица пользовалась славой во всем Заонежье, которую слушать собирались целые деревни, которая жила в Кузаранде, но приглашалась в отдаленные места на свадьбы и похороны. По наведенным справкам оказалось, что она вышла замуж за крестьянина Якова Федосова и живет в самом Петрозаводске, где муж ее плотник содержит мастерскую.

Отыскав ее, я стал расспрашивать о причетах, но она встретила меня недружелюбно: „Чего вам, говорит, от меня надо? Знать я ничего не знаю и ведать не ведаю: какие такие причёты… да и с господами я никогда не зналась; всяк сверчок знай шесток, и сказать ничего и не умею“.

Но благодаря тому же хозяину, который уверил ее, что я человек не опасный, она вдруг сделалась со мною откровеннее и заявила, что *„супротив ее песеннице не быть, – будет отвечать Господу Богу, – что на свадьбах ли запоет – старики запля-*

шут, на похоронах ли завопит – каменный заплачет. Голос был – такой вольный, нежный“ (курсив здесь и далее Е. В. Барсова).

В Великом посту 1867 года я начал записывать от ней духовные стихи и былины; диктовать что-либо другое в это время она сама считала грехом <…> Все записанное мною в Великом посту, было издано в „Олонецких ведомостях“ <…>

После Пасхи я обратился к излюбленному своему предмету – к записыванию от Ирины Андреевны народных плачей. Сначала она ходила ко мне на квартиру, но это оказалось для ней неудобным, так как она должна была в течение дня продовольствовать своих рабочих. Поэтому я стал ходить на ее квартиру, что продолжалось ежедневно более года. Запись происходила при весьма неблагоприятных обстоятельствах: мы сидели с нею в маленькой коморочке рядом с мастерской, она диктовала при шуме и стуке рабочих, и то и дело развлекалась хозяйственными хлопотами.

В то время она была бойкая, подвижная, веселая, в полном расцвете телесных и нравственных сил, душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и непосредственно создавать соответствующие художественные образы.

Но было и еще одно обстоятельство, которое действовало на ее угнетающим образом: покойный муж ее, хоть и редко, но подвержен был „запойной слабости“. В этих случаях Ирина Андреевна была сама не своя: вздыхала, горевала, унывала. Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение или просто утомление, я тотчас же прекращал записывание плачей и начинал разговор о чем-нибудь стороннем.

В рассказах речь ее всегда была так же живописна и образна, часто перемешивалась или обычными присловьями или ей самой принадлежащими художественными оборотами. Я спешил записывать и эти эпические выражения <…>.

Иногда же в подобных случаях я обращался к ней и говорил: „Ну, Иринушка, ты утомилась, и моя рука устала; отдохнем – перестанем писать. Вот расскажи-ко мне лучше какие-нибудь хитрые загадки“, и она тотчас же начинала диктовать. <…>

Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселою, я вновь приглашал ее продолжать причеть.

– Ну-ко, прочитай, что написано, – замечала она; когда я прочитывал то, на чем остановились, она опять, видимо, входила в роль вопленицы; творческая мысль ее подымалась и слово становилось более выразительным.

Так происходила запись изданных мною плачей Ирины Андреевны, погребальных, завоенных и свадебных.

Как я уже сказал, более года продолжалась эта работа, почти ежедневно, за исключением больших праздников.

Как ни доверчиво относилась ко мне Ирина Андреевна, но она, конечно, не могла понимать, зачем это делается, и потому подчас выражала опасение, не вышло бы какого „худа“ из подобных занятий. Вдруг иногда среди работы она

жалобно начинала говорить мне: „Не сошли ты меня, Христа ради, в чужую дальную сторонушку; не запри ты меня в тюрьму заключевную; не лиши ты меня родимой сторонушки!“ Но каждый раз мне удавалось ее успокаивать и восстановить к себе доверие.

Не более чем Ирина Андреевна понимала значение нашей работы и вся петрозаводская окружающая среда: надсмешливые улыбки, ребяческие передразнивания или же надутое презрение к подобным занятиям, недостойным порядочного человека – вот обычные явления, окружающие нашу усиленную и напряженную работу. <…>

При Ирине Федосовой всегда состоял *хор подголосниц*. Девушки-подростки лет 10-ти уже начинали прислушиваться к ее плачам и затем лет в 15–16 поступали в хор и становились подголосницами. Быть в ее хоре считалось в округе делом почетным и неубыточным. Оплачивался не только труд вопленицы, но вознаграждался и труд подголосниц такими или иными подарками.

Хор Ирины Федосовой в совершенстве усвоил ее поэтический язык и построение стихов. Стоило ей произнести *три слога*, и хор уже знал все дальнейшие слова и пел их вместе с нею. Так, нап<ример>, она запоет: „Укати…“, и хор продолжал вместе с нею: „Укатилось *красное солнышко*“». <…> *(Барсов, 2-е изд., 1997. Т. 1. С. 263, 264, 265, 274, 275, 276, 277; также см.: Кузнецова, Ковыршина, 2000. С. 153–163 – о вырозерской школе причитальщиц).*

284б. После выхода в свет «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова было много откликов и рецензий, но, как пишет К. В. Чистов, все они были незначительны, и только рецензии Л. Н. Майкова, особенно ко II тому «Причитаний…», явились «по существу первым исследованием о самой Федосовой». Опираясь на сведения о И. А. Федосовой, приведенные Барсовым, Л. Н. Майков делал выводы, что «Уже по этим немногим чертам можно видеть, что Ирина Федосова – личность необыкновенная, натура даровитая, способная к творчеству, и это еще больше убеждает нас в предположении, что в плачах, от нее записанных, следует допустить известную долю личного создания и видеть нечто большее, чем обыкновенные народные причитания». Майков называет тексты II тома «поэмами», а Федосову «народной поэтессой». *(Чистов, 1988. С. 59).*

284в. Благодаря исследованиям К. В. Чистова многое стало известно о жизни И. А. Федосовой после смерти ее второго мужа в 1884 г. и в последующие годы. Продав столярную мастерскую в Петрозаводске, она с племянником, сыном брата мужа – Тимофея, которого они воспитывали, вынуждена была вернуться в Кузаранду в «мужний угол», в дом, где проживал в то время деверь с семьей. Цитируя Е. В. Барсова, К. В. Чистов пишет: «Не сладка была жизнь у деверя, хлеб добывала она корзиною и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала даже воды. „Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы, не поильцы“». *(Чистов, 1988. С. 46).* Участие в свадьбах не приносило особого дохода и не могло исправить положение. Она нанималась в няньки. Иногда помогали односельчане. Жили плохо.

В 1886 г. И. А. Федосова случайно встретилась на пароходе, плывшем из Петрозаводска, с фольклористом Ф. М. Истоминым и музыкантом Г. О. Дюшем, командированными песенной комиссией отдела этнографии РГО в Олонецкую губернию для записи песен, обрядовой лирики. Условия позволили записать от И. А. Федосовой только одну песню «Пивна ягода по сахару плыла». В том же году, очевидно, при содействии Е. В. Барсова, И. А. Федосова была приглашена О. Х. Агреневой-Славянской, женой Д. Агренева – певца и организатора первого в России хора русской народной песни, в свое имение Кольцово в Тверской губернии для записи свадебных песен и причитаний и других жанров. В Кольцово Федосова прибыла вместе с другой вопленицей «нищей Ульяной», они пробыли там до 1888 г., больше года. Результатом записей от них стало 3-томное издание: первые два тома содержали описание свадебного обряда с песнями и причитаниями; в третий том входили другие жанры. Об И. А. Федосовой О. Х. Агренева писала: «Эта женщина… совершенно седая и сгорбленная, но полная энергии и ума… Память у этой старухи изумительная и речь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духом поэзии, что при всяком удобном случае говорит экспромты, склад которых совершенно напоминает распеваемые ею старинные песни». *(Чистов, 1980. С. 162).*

Федосова Ирина Андреевна

После возвращения из Кольцова в Кузаранду И. А. Федосова около шести лет продолжала жить прежней жизнью в обычной для нее обстановке, преодолевая все трудности. К тому времени деверь умер, и она была вынуждена сдавать участок в аренду, перебиваясь с пятнадцатилетним мальчиком случайными заработками.

В 1894 г. И. А. Федосовой заинтересовался учитель Петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградов. В июле того же года он встретился с ней в Кузаранде и уговорил ее поехать с выступлениями в Петербург. 4 января 1895 г. они прибыли в Петербург.

8 января И. А. Федосова выступила в Соляном городке – культурном центре Петербурга того времени. Было очень много публики, представители литературного и музыкального мира, члены РГО, министр народного просвещения князь Волконский, государственный контролер – председатель песенной комиссии РГО Т. И. Филиппов. Федосова исполнила былину, свадебные песни и причитания. Пению предшествовало выступление П. Т. Виноградова, в котором он сообщил сведения о вопленице, ее репертуаре и др. Публика шумно аплодировала. Часть собранных средств предназначалась на библиотеку Кузарандского земского училища. *(ОГВ, 1895. № 4).*

10 января Федосова вновь выступила в Соляном городке. Публики было еще больше: члены ученых обществ, профессора, духовные лица, военные и даже бывший губернатор Олонецкой губернии Г. Г. Григорьев. Аплодисменты не смолкали. И даже после выступления публика долго не отпускала ее, беседовала со словоохотливой «бабушкой» *(ОГВ, 1895. № 5).* На вечерах в Соляном городке присутствовал Н. А. Римский-Корсаков и, очевидно, в эти дни он сделал записи 9 мелодий. *(Чистов, 1980. С. 167).*

Федосова Ирина Андреевна

10 января в 2 часа дня И. А. Федосова пела в Академии наук, где присутствовали президент – Великий князь Константин Константинович, вице-президент Л. Н. Майков, члены АН – Бычков, Бестужев-Рюмин, Веселовский и др. Президент расспрашивал Федосову о песнях и плачах, о ее жизни. Вечером на выступлении в Соляном городке того же дня Ирина Андреевна с гордостью сообщила: «Два раза ручку подал Великий князь, такой доброй, хороший князь» *(ОГВ, 1895. № 5).*

11 января И. А. Федосова пела на заседании Географического общества, где присутствовали Т. И. Филиппов – председатель песенной комиссии, проф. В. И. Ламанский – председатель Географического общества и многие-многие др. В пользу Ирины Андреевны было собрано 62 рубля.

Отъезд И. А. Федосовой и П. Т. Виноградова в Петрозаводск был запланирован на 13 января, но Т. И. Филиппов предложил Федосовой задержаться в Петербурге и поселиться у него. Она согласилась. Кроме публичных выступлений, И. А. Федосова пела во многих частных домах, например, у прокурора синода К. П. Победоносцева, у графа Шереметьева и у многих других уже в январе 1895 г. *(ОГВ, 1895. № 5).*

В доме Т. И. Филиппова И. А. Федосова прожила более 4-х лет. Ее выступления продолжались, в январе 1895 г. в газете «Новости и биржевая газета» было опубликовано объявление: «Нас просят заявить, что находящаяся в Петербурге „сказительница“ народных былин и вопленица Ирина Федосова проживает в квартире государственного контролера тайного советника Т. И. Филиппова: лиц, желающих пригласить Федосову к себе для пения, просят обращаться к швейцару (Мойка, 74)». *(Чистов, 1980. С. 164).*

На одном из вечеров в доме Т. И. Филиппова присутствовал молодой Ф. И. Шаляпин. Позднее, в 1926 г., он вспоминал: «Здесь я увидел знаменитую „сказительницу“ Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление.

Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно сказывала эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыниче, Добрыне, о „его поездочках молодецких", о матери его, о любви. Передо мною воочию совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка». *(Чистов, 1955. С. 125).*

В июле 1895 г. И. А. Федосова встречалась с детской писательницей А. Н. Толиверовой, издательницей детского журнала «Игрушечка». В этом же журнале (1895, № 8 и 9) она опубликовала очерк «Ирина Андреевна Федосова», отрывки двух из записанных от вопленицы текстов причитаний, а сказку «Волк и лиса», две свадебных, колыбельную и песню «Во лузях» напечатала полностью. В очерке, пишет К. В. Чистов, А. Н. Толиверова поделилась своими впечатлениями о встрече со сказительницей, о ее исполнительской манере. В частности, она писала: «На вид маленькая, худенькая старушка с добрыми глазами оказалась в высшей степени занимательной. Завезенная преподавателем олонецкой гимназии П. Т. Виноградовым со своей родины <…> в Петербург, она появлялась то в учебных обществах, то в частных домах, собирая подле себя постоянно целую толпу слушателей». *(Чистов, 1955. С. 127).*

Т. И. Филиппов, сыгравший особую роль в судьбе И. А. Федосовой, постоянно устраивал домашние вечера, на которых присутствовали не только ученые, но и музыкальная общественность Петербурга. Безусловно, на этих вечерах исполняла Ирина Андреевна былины, плачи и песни. Кроме того, предполагается, что П. Т. Виноградов и Т. И. Филиппов вели какие-то записи. Очевидно, они намеревались издать новое собрание ее текстов, но убедительных доказательств этому до сих пор не обнаружено. *(Чистов, 1980. С. 163).*

Искусство И. А. Федосовой было высоко оценено, и совет РГО наградил ее серебряной медалью. *(Чистов, 1980. С. 79).*

В декабре 1895 г. И. А. Федосова в сопровождении В. П. Виноградова выехала в Москву, и ее выступления там были не менее интересными.

Первое ее выступление состоялось 24 декабря в доме акад. В. Ф. Миллера, свидетельствует К. В. Чистов. Среди гостей были А. Е. Грузинский, Ф. Е. Корш, Е. В. Барсов, Н. И. Янжул, П. Д. Боборыкин, П. Т. Виноградов, композиторы и музыковеды.

Присутствовавший на вечере В. В. Богданов вспоминал: «Ирина Андреевна держала себя просто и свободно. Такое многолюдное собрание ее не смущало. „У нас на свадьбе больше бывает", – говорила она».

Федосова Ирина Андреевна

А. Е. Грузинский позднее делился: «Эта низенькая, полная старушка <…> производила прямо необыкновенное впечатление своей живостью, умом и увлечением, с которым она пела и говорила о своих плачах. Она чувствовала себя в большом обществе словесников и этнографов совершенно естественно и непринужденно; ее речь искрилась юмором и тонкой наблюдательностью, меткие поговорки и пословицы сыпались на каждом шагу и всегда кстати. Она отдавалась своему пению и говорила о нем так одушевленно, как может это делать истинный артист; <…> Общее впечатление было неотразимо: мы видели перед собой крупную поэтическую натуру, выдающуюся художницу-артистку». *(Чистов, 1955. С. 129).*

3 января 1896 г. И. А. Федосова выступала на заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете в зале Политехнического музея. Зал был переполнен. Цитируя московскую газету «Новости дня», ОГВ писали 10 января: «Публика увидела маленькую, совершенно седую старушку с открытым, замечательно симпатичным лицом, поместившуюся на возвышении рядом с преподавателем Петрозаводской гимназии П. Т. Виноградовым. Одета старушка в темно-красное платье, на голове – платок. Она нисколько не стеснялась публики и чувствовала себя как дома. Слегка покачиваясь на стуле и теребя в руках платок, она передавала публике, как „голосили“ в старину женщины, и кое-где еще и теперь <…> стихи у нее лились свободно, один за другим, и совершенно не было видно, чтобы старушка проявляла какие-либо усилия вспоминать их. Публика много аплодировала Федосовой. Вопленицу приглашают на вечера в разные учебные заведения и к частным лицам *(ОГВ, 1896. № 2).*

Выступлению И. А. Федосовой 3 января в зале Политехнического музея корреспондент Г. И. Куликовский посвятил большую статью, которая опубликована в ОГВ. Заседание открылось речью председателя этнографического отдела В. Ф. Миллера, затем выступил Е. В. Барсов. После этого Ирина Андреевна причитывала, исполняла свадебные и другие песни, былину о Добрыне Никитиче, стих о Голубиной книге. Куликовский пишет о прекрасном исполнении Федосовой всех жанров, о ее преображении. Например, исполняя песню «„С терема на терем“, с ее бодрящим, веселым припевом „играйте, гораже“, старушка с возбужденным лицом, прищелкивающая пальцами, казалось, вот-вот спрыгнет со стула, прекратив отбивание ногою такта, которого она, как добросовестный музыкант, держится безупречно». Многие плакали. Одна дама, попросив излить в плаче ее тоску по дочери, была даже в обмороке, прослушав этот плач. Публика приветствовала исполнительницу несмолкаемыми аплодисментами и после заседания не хотела расходиться.

После заседания Ирине Андреевне были торжественно вручены «серебряные часы с ее вензелем на верхней стороне крышки и с гравированной надписью на внутренней стороне, на последней обозначен день заседания, название общества, имя, отчество и фамилия вопленицы». *(ОГВ, 1896. № 4).*

4 января И. А. Федосова выступала в славянской комиссии Московского Археологического Общества, 6 и 7 января – в аудитории Исторического музея.

Публика с неменьшим вниманием, чем ученые люди, слушала исполнение Федосовой. После программы не отпускали, обращались с просьбой видеть ее дома. «Ведь это самородок», «ведь у ней каждое слово полно остроумия», «от нее веет духовной мощью», «ведь мы артистки, вы поймите, как для нас интересно видеть ее поближе, поговорить», – вот возгласы лиц разного рода занятий, лиц, в памяти которых олонецкая старушка И. А. Федосова останется надолго», записанные Г. И. Куликовским. *(ОГВ, 1896. № 4).*

11 января 1896 г. Ирине Андреевне была вручена вторая серебряная медаль с дипломом, в котором говорилось: «Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии на основании § 20 устава присудило Ирине Андреевне Федосовой за обогащение русской народной поэзии сложенными ею причитаниями и в благодарность за художественное исполнение причитаний и песен в публичном заседании Общества 3 января 1896 г. серебряную медаль». *(Чистов, 1955. С. 131).*

Из воспоминаний Анны Федоровны Федосовой, жены Ивана Тимофеевича – воспитанника Ирины Андреевны, известно, что медаль после смерти Федосовой они отдали в церковь, а часы «продали в скотский падеж». *(Чистов, 1955. С. 362).*

После возвращения из Москвы, в январе 1896 г., в Петербург, она получила приглашение выступить в Нижнем Новгороде, где в мае месяце должна была открыться Всероссийская Художественно-промышленная выставка.

Перед отъездом И. А. Федосова посетила Кузаранду, где она не была два года. Деверь умер. Его жена и воспитанник Ирины Андреевны были в бедственном положении. Она помогла «большухе», забыв все обиды, выкупить часть земли, отданной в аренду, обновить кое-что в хозяйстве; женила воспитанника – Ивана Тимофеевича и снабдила его деньгами на первое время. Помогла она и другим бедным соседям. Но главное, она пожертвовала на строительство школы в Кузаранде значительную часть своих сборов от публичных вечеров в Петербурге и Москве. Кроме того, благодаря ее хлопотам Кузарандскому обществу удалось получить лесную дачу (участок для рубки леса) на Пудожском берегу.

На «родине» И. А. Федосова пробыла с 3 марта по 24 мая. 6 марта она выступала в Петрозаводской женской гимназии, где преподавал П. Т. Виноградов. Половина собранных денег была пожертвована гимназии.

5 июня И. А. Федосова и П. Т. Виноградов прибыли в Нижний Новгород, где состоялось более 20 ее выступлений, и три – в Казани. 9 июня состоялось первое выступление, на нем присутствовал А. М. Горький и познакомился с Ириной Андреевной. Нижегородская пресса постоянно информировала о «сеансах» сказительницы.

В конце июля 1896 г. Ирина Андреевна возвратилась в Петербург и вновь почти на три года поселилась в доме Т. И. Филиппова. Сообщений об этом периоде жизни пока не обнаружено. Возможно, в этот период шла подготовка к изданию нового сборника, но смерть Т. И. Филиппова помешала этому. Он ушел из жизни в 1899 г.

Открытие памятника И. А. Федосовой

«Весной 1899 года И. А. Федосова заболела и вернулась в д. Лисицыно. 10 июля 1899, – пишет К. В. Чистов, – Федосова скончалась и была похоронена на кладбище у дер. Юсова Гора в Кузаранде на берегу Онежского озера. <…> В 1981 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой, на этом взгорке был установлен гранитный памятник, хорошо видный с озера. На памятнике начертано: „Здесь покоится прах великой народной поэтессы Федосовой Ирины Андреевны. 1831–1899“» *(Чистов, 1955. С. 58). (Подробнее об основных датах жизни И. А. Федосовой, о ее творчестве, о выступлениях и исполнительской манере, о значении ее в истории русской культуры, о библиографии см.: Чистов, 1955; Чистов, 1960. С. 25–51; Чистов, 1980. С. 110–178; Чистов, 1982. С. 65–68; Чистов, 1988; Чистов, 1997. Т. 1. С. 400–489; также см.: Базанов, 1947. С. 156–189; Сенькина, 1977. С. 145; Базанов, 1981. С. 168–229).*

284г. В 1948 г. К. В. Чистов записал воспоминания от некоторых земляков И. А. Федосовой. Они знали ее не более четырех-пяти месяцев, т. е. когда она приезжала в 1896 г. на два месяца и в 1899 на два-три месяца. Им в 1896 г. было по десять-пятнадцать лет. «Следовательно, прочность их воспоминаний, – пишет он, – объясняется не длительностью их общения с Федосовой, а большой популярностью Федосовой в Заонежье и в какой-то степени необычностью ее судьбы – интересом к ней собирателей, ее поездками и переселением в Петербург, вознаграждением за выступления, подарками, которые она получала от ученых обществ (золотые часы), благодарственной грамотой, которую привезла с собой в Кузаранду, и т. п. столь небывалыми в крестьянском быте Заонежья. Однако все эти обстоятельства перекрываются бесспорным уважением и доброй славой, которыми она пользовалась у земляков, памятью о ее доброте и участливости. Так, И. С. Горелкина из кузарандской деревни Великая Нива вспоминала: „Почет ей был ото всех. Но ходила (причитывать – К. Ч.) не для заработка, а интере-

совалась людьми всеми“. Об этом же говорит и Ф. И. Прохоров: „Крестьяне относились к ней очень хорошо, ставили ее высоко“. В. М. Комляков из деревни Юсова Гора вспоминал: „Ее очень уважали. Она очень самостоятельная женщина была, но не гордая“. А. Ф. Ромбачев: „Она в чести была здесь… Хоро́ша, хоро́ша была старуха“. И, конечно, кузарандцы прежде всего рассказывали о Федосовой как о большом знатоке фольклора и мастере причитывать. Особенно выразительно говорил об этом В. М. Комляков: „Она ходила по свадьбам, приголашивала. Припевки у ей хороши были… Она не только повторяла, но была такая расторопная, сама много складывала; такой еще не было, да и не будет, как это все из моды вышло“». *(Чистов, 1988. С. 54–55).*

284д. Из статьи С. М. Лойтер «Второе издание „Причитаний Северного края“, собранных Е. В. Барсовым»: «… Второе издание – это „возвращение“ одного из крупнейших в мировой науке собраний фольклорных текстов. Это „возвращение“ Ирины Федосовой – одной из самых талантливых поэтесс, оказавших огромное влияние на литературу и искусство XIX–XX веков. Представленное во всем объеме наследие Федосовой позволяет осознать ее неповторимость и уникальность в русской плачевой традиции, которая не знает равных ей. И это проявляется уже в монументальности причитаний Ирины Федосовой. Они несопоставимы с плачами других исполнительниц. Фольклористика попросту не знает более монументальных плачей. <…>

Плачи Ирины Федосовой – не просто плачи, а плачи-поэмы, в которых она обнаруживает незаурядный дар повествователя, владеющего мастерством строить сюжет. Человеческая жизнь в изображении Федосовой разворачивается в богатую художественными подробностями драму, в которой принимает участие множество людей, иногда вся земля и небо. И плакальщица, говоря от лица каждого, причастного к этой драме, проявляет удивительную способность понять его душевное состояние, психологически передать его боль, страдание, тревоги. Опираясь на традицию, творя в ее русле, Ирина Федосова обнаруживает колоссальный талант импровизатора. Сила ее поэтического мышления, ее поэтическая энергия таковы, что она создает выразительные, яркие образы художественного обобщения <…>. Говоря от лица простой крестьянки, разделяя ее горе, Федосова настолько полнокровно отразила мир женских переживаний и чувств, что можно говорить о том, что ее устами „заговорила“ в русской народной поэзии женщина, что она, как никто выразила самосознание русской женщины-крестьянки второй половины XIX века. И в этом смысле она предтеча великих поэтесс, выразивших самосознание женщины первых десятилетий XX века, – „Музы плача“ Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, поэта менее известного, но большого таланта – Марии Петровых. <…>

Второе издание „Причитаний Северного края“ аккумулировало творчество и научную деятельность трех Мастеров: Мастера-сказителя, художника, поэта, Мастера-собирателя, первооткрывателя, издателя, Мастера-ученого-исследователя. Вот такое замечательное сопряжение, триединство: Федосова – Барсов – Чистов» *(Лойтер, 2000. С. 192–193).*

284е. Из статьи А. М. Горького «На выставке», цитируемой К. В. Чистовым: «В воскресенье я чуть-чуть не превратился в ярого самобытника по вине „вопленицы“ Федосовой, Маковского и Главача. Федосова – это олицетворение старой русской народной поэзии, она и сама, по внешности своей, – старая, спетая песня. Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до концов ботинок, – публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове.

Она вышла, в пояс поклонилась публике, села в кресло – и на ее коричневом, морщинистом лице вдруг вспыхнули два ясные огонька, ее живые, вдохновенные глаза. И вслед за ее взглядом на зал – в зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былину о Добрыне. Голос старческий, еще довольно ясный, хотя отсутствие зубов у Федосовой заставляет ее шепелявить. На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, привстает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе и исканию подвигов.

Она – рапсод. Она живая легенда, и, полуумирающая, – она всеми остатками своей жизненной энергии воскрешает перед публикой умершую эпическую поэзию. Голос то повышается, то понижается, и глаза сияют все ярче. Ее антрепренер – останавливает ее… Публика аплодирует <…> ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия…

„Вопль вдовы по муже“, – возглашает „выводящий“ Федосову господин Виноградов.

Раздается этот вопль и заставляет публику своей тоскливой, невыразимо простой и в то же время не уловимой ухом мелодией, рыдающей, полной страшной боли, – вздрогнуть. Слышен какой-то общий вздох. Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса. Потом вопит невеста, выходя замуж. Этот вопль оплакивает гражданскую смерть личности, и он также трогательно прост, как и силен чувством тоски, вложенным в него. За каждой песнью Федосовой ей аплодируют все горячее…

Она поет еще веселую свадебную песнь и солдатскую. Последняя прямо поражает своей мелодией, похожей на византийский рисунок, изобилующий тоскливо удалыми выкриками, ахами, эхами, оттягиваниями нот и бесконечными вариантами на основной мотив. Песнь так звучна, хороша, так народна. Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят „спасибо“. Она сыплет направо и налево прибаутками, пословицами, поговорками, и ее живые глаза сияют удовольствием.

В концерте Главача я сижу рядом с ней и господином Виноградовым. Он говорит о том, что публики было мало, но расходы по дороге и публикациям окуплены.

– Все на меня расходы, – вздыхает старуха и, помолчав, добавляет: – Туфли мне вот бы…

Ей обещают купить. Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зданий, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далеких от истинно русского, – ей, очевидно, неловко, не по себе…». *(Чистов, 1955. С. 353; здесь же: с. 354–356: отрывок из книги А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина», ч. I, где прообразом вопленицы послужила Федосова; с. 350–352: статья Горького «Вопленица»; здесь см.: Маркова, 1989. С. 3–18 – об отдельных аспектах творчества Горького и Федосовой).*

285. ФЕДЬКИНА АКУЛИНА МАКСИМОВНА, 1883 г.р., неграмотная, д. Сенная Губа. В 1956 г. Акулине Максимовне было 73 года. Студенты МГУ Л. Н. Гаврилова и В. М. Гацак записали от нее песни, частушки. «Жизнь ее была очень трудной, – отметили собиратели. „Не до грамоты было“, – сказала А. М. Федькина. С детства она осталась без родителей. В семье, куда она вышла замуж, было 17 человек. Сама она – мать 16 детей. Несмотря на все это, она не по годам бодрая, живая и веселая. Акулина Максимовна и сейчас еще работает: ловит рыбу, косит сено и любое занятие сопровождает песней». *(АКНЦ 79/157).*

286. ФИЛИНА МАТРЕНА ГРИГОРЬЕВНА, 1872 г.р., д. Кургеницы. Во время оккупации Заонежья все жители деревни были выселены в лагеря. Матрена Григорьевна отсидела за колючей проволокой три года. Вернулась в деревню 1 сентября 1944 г. Раньше в деревне было 50 семейств, вернулось 20. На весь колхоз одна корова. Три сына сражались на фронте, два из них вернулись домой. От Матрены Григорьевны в 1945 г. В. Г. Базанов записал два плача. Один из них об ожидании писем от сына, другой «о картине потрясающих разрушений» во время оккупации деревни. *(АКНЦ 76/93, 94).*

287. ФИЛИППОВА ПЕЛАГЕЯ НИКИТИЧНА (НИКИТИШНА) – в 1926 г. 73-летняя крестьянка д. Комлево Заонежского района. Неграмотная. Краткая характеристика П. Н. Филипповой как исполнительницы была дана мною <А. М. Астаховой. – Составитель> в статье «Былина в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1. Л., 1927. С. 88). «Недоверчивая и суровая старуха, она долго отказывалась петь, а, согласившись, привычным жестом пододвинула к себе прялку и прекрасным звучным и полным голосом запела свою былину. Я слушала ее три раза, и изменения в тексте почти никакого, за исключением некоторой перестановки тех частиц, которые вставляются в текст для сохранения определенного ритма. И каждый раз та же поза: на лавке за прялкой. Сказать былину словами без напева она не может. Кажется, тесно слились вместе слова, напев и ритмические движения пальцев вокруг кудели».

П. Н. Филиппова является типом сказителя, уверенного в себе, владеющего твердым текстом, четким былинным ритмом и соответствующим твердым напевом. В то же самое время качество текстов не позволяет причислить

П. Н. Филиппову к представителям классического былинного стиля. Тексты отличаются чрезвычайной лаконичностью, доходящей порой до схематизма, почти не знают повторений, не развертывают широко и полно ни одной картины. Кроме былины, мною записан еще стих о Егории храбром (мучения Егория) и легенда о пустыннике (по указателю Н. П. Андреева № 841, 1), а А. И. Никифоровым – несколько сказок. В своей работе «Теперішній заонезький казкар-оповидач» Никифоров отметил в стиле Филипповой признаки «дефективности», выражающейся в коротких неоконченных фразах, прерывчатости, некоторой спутанности. В то же время в ее исполнении наблюдался и определенный след артистичности (там же, с. 31–32). Сказки сообщала Филиппова с большой охотой. По вечерам она рассказывала их внукам, из которых девочка Шура, 11 лет, уже усвоила от нее несколько сказок. Былины же Пелагея Никитишна ревниво таила от окружающих, боясь насмешек и осуждения, и исполняла их лишь для себя за работой. Других, кроме публикуемых, по ее словам, не знала.

Текст одной из былин Филипповой «Дунай» полностью совпадает с вариантом того же сюжета, записанным А. А. Шахматовым еще в 1884 г. в д. Палтега (в нескольких верстах от Комлева) от неизвестной женщины средних лет. <…> Исключительная оригинальность текста <см. примечание к былине в указанном ниже издании>, место записи, время записи и возраст обеих исполнительниц заставляют предполагать, что или П. Н. Филиппова и исполнительница Шахматова – одно и то же лицо, или что текст второй явился непосредственным источником варианта Филипповой, которая сохранила усвоенную ею былину без всякого изменения. *(Астахова, Т. II. С. 385; Астахова, Шахматова, 1948а. С. 17, 30, 31, 82; также см.: Никифоров, 1927. С. 2; Никифоров, 1961. С. 349).*

287а. Филиппова Пелагея, 73 лет, из дер. Комлево на Онежском озере. Былины от <нее> «Про Владимира Красно-Солнышко», «Про Добрынюшку (Добрыня и Алеша Попович)», «Иван Грозный и сын» записаны Е. В. Ржановской – см. о ней (Лойтер, 2001. С. 186–204).

О вариантах ста́рин «Братья-разбойники и сестра», «Казань-город», песен «Платов», «Смерть Александра I», спетых Филипповой, см. в примечаниях <указанного ниже издания> – С. 904, 912, 91. *(Соколов, Чичеров, 1948. С. 521).*

288. ФИЛЬКИНА АННА ИГНАТЬЕВНА, 1873 (1874) г.р., д. Габнаволок (Тамбицы). Муж умер 32 года тому назад. Единственный сын погиб в Гражданскую войну. В 1944 г. жила с дочкой-инвалидом. Во время оккупации Заонежья Анна Игнатьевна с дочкой высылались из родной деревни. После возвращения не нашли родного дома – он был разрушен. Временно проживала у Ф. М. Алешиной (см. № 5 нашего издания). Собиратели В. Г. Базанов и А. П. Разумова записали от нее плачи и отметили, что «знает старину о Добрыне и Алеше». В плаче Анна Игнатьевна оплакивает разоренное «хоромное строеньице, ступистую лошадушку, удоистую коровушку, погибшего сына». *(АКНЦ 75/92; Базанов, Разумова, 1962. С. 571).*

289. ФИЛЬКИНА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, 1908 г.р., д. Тамбицы, грамотная. Дочь Анны Игнатьевны Филькиной (см. № 288 нашего издания). Вместе с матерью выселялась из родной деревни. Дочь Марии Яковлевны долго болела, поехала в город на лечение. Мать проводила ее до Типиниц (на пароход). Сильно оплакивала ее при проводах. А через неделю дочь умерла от «скоротечной чахотки». В 1944 г. А. П. Разумова записала от Марии Яковлевны плачи. В одном из них она, как и мать, оплакивала «хоромное строеньице», смерть дочери и гибель брата, высказывала обидушки и одновременно находила теплые слова, чтобы успокоить мать. *(АКНЦ 75/93; Базанов, Разумова, 1962. С. 571).*

290. ФОМИНА КСЕНИЯ (АКСИНЬЯ) КУЗЬМИНИЧНА (КУЗЬМИНИШНА), близкая соседка Калинина <см. № 88 нашего издания>, крестьянка деревни Рим на Пудожской Горе, лет 30-ти от роду, большая мастерица петь былины и песни. Ее манера петь отличается особенно тем, что по требованию стиха она нередко, не прибегая к вставным частицам, вместо того превращает букву **ъ** в гласный звук и произносит как **ы**. Былины свои она научилась петь от матери, которой уже нет в живых. Кроме печатаемых былин, она пела еще про отъезд Добрыни и Алешу Поповича, совершенно сходно с Калининым, от которого заимствовала эту былину, но с некоторыми пропусками и сокращениями. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 111; также см.: Чичеров, 1982. С. 110, 111: приводится сопоставление сюжета былины о «Ваське-пьянице» А. К. Фоминой с вариантом П. Прохорова).*

291. ФРОЛОВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ, 1905 г.р. родом из д. Демеховская, живет в д. Вырозеро. Собиратель В. П. Кузнецова передает колоритный портрет информатора. Направляясь к нему, они встретили Ивана Дмитриевича по дороге: он шел в гости. «Очень маленького роста, большая седая борода, видавшая виды кепка, военный мундир на себе, на ногах валенки с галошами. Все это на нем такое древнее, что кажется, этот 76-летний дед только что вышел из прошлого века». Иван Дмитриевич сразу согласился вернуться в избу и очень долго беседовал с собирателями. От него записывали несколько раз: в 1956, 1983, 1986 и 1987 гг. Записи последних двух лет не расшифрованы. У него хорошая память, отметили собиратели. Помнит все географические названия, сопровождая их преданиями. От Фролова записаны заговоры, былички, приговоры дружки, свадебная песня и о свадебном обряде. *(АКНЦ 164/1, 909).*

292. ХАРИНА ФЕКЛА АЛЕКСАНДРОВНА (Андреевна?), 1901 г.р., родом из д. Мельзинская, Мяльзино (?) (Кузаранда), грамотная. В Толвуе живет с 1923 г. У нее пятеро сыновей, один из которых в 1983 г. (год записи) работал председателем сельсовета. Когда выходила замуж, матери уже не было. Собиратели отметили, что много читает книг. «Как дед болел, я с ним читала». Фекла Александровна знала Ирину Федосову, так как их деревни находились рядом. Слышала, как причитывала Федосова, как она стояла и кланялась. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен, В. В. Яковлев и студенты ПГУ записали от нее о свадебном обряде, свадебные причитания, приговорку и другие жанры, подчеркнув, что «рассказывает

неторопясь, очень низким голосом. Причитывала по-настоящему, со слезами. Сказок не знает, песни петь ей тяжело». В год записи ей было 82 года. *(АКНЦ 164/1, 2; 161/714).*

293. ХОПОВА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, 1870 г.р., д. Терехово. Дочь и зять Марии Яковлевны жили до ВОВ в Ленинграде, во время блокады они умерли, осталось трое детей. В год записи (1944) ей было 74 г. Собиратель А. В. Белованова записала от Марии Яковлевны бытовой и свадебные плачи. Один из плачей бабушка посвятила своим внукам, оставшимся без родителей. *(АКНЦ 75/99).*

294. ЦАРЕВ ПЕТР ПАВЛОВИЧ – в 1932 г. малограмотный крестьянин 75 лет из д. Северская Песчанского сельсовета Пудожского района. Занимался выделкой овчин. Жил с женой и семейной дочерью. Былинам, по его словам, он научился от Абрама Чукова с Пудожской Горы, известного певца времени Рыбникова и Гильфердинга <см. № 300 нашего издания>. Однако из двух записанных от Царева былин одна – Добрыня и Маринка – совершенно отсутствует в записях от знаменитого «Бутылки», другая же – о Дунае – не имеет ничего общего с текстом Чукова <…>. Единственное, что их объединяет – это отсутствие второй части былины – женитьбы самого Дуная: у обоих исполнителей былина ограничивается рассказом о добывании невесты. У Царева мы видим не только совершенно иное словесное оформление, но и иную композицию с другими даже именами действующих лиц. Чуков же принадлежал к той категории сказителей, тексты которых не подвергались существенным изменениям, сохраняя на протяжении многих лет и ту же композицию, и ту же словесную ткань. Таким образом, мы должны предполагать или другие источники для былин Царева, или свободное переложение исполнителем усвоенных сюжетов. От самого Царева, между прочим, мы знаем, что он слышал, как читали былины по книге.

По сообщению собирательниц, Царев был очень приветливый старик, сказывал и пел им былины охотно. Интереса к ним он не потерял и, по собственным словам, продолжал певать их на рыбной ловле. Кроме былин, знал еще сказки. Из его семьи (трое взрослых дочерей) никто былин не усвоил.

Царев далеко за пределы родного края не выезжал. Из городов бывал лишь проездом в Петрозаводске. Военной службы не отбывал. *(Астахова, Т. II. С. 488).*

295. ЧВАНОВ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ – в 1932 г. крестьянин 63 лет дер. Коровниково Пайницкого сельсовета Заонежского района. Былины Чванова обнаруживают в нем представителя категории исполнителей-«рассказчиков» (См.: Былины Севера, т. I. С. 85). В былинах Чванова выделяется тенденция к внесению и особому подчеркиванию социальных моментов. *(Астахова, Т. II. С. 393).*

296. ЧЕРЕПОВА АННА СТЕПАНОВНА – в 1931 г. 57-летняя женщина, родом из д. Высокая Нива, замуж вышла в д. Леликово. Собиратели сообщают, что лет 27 тому назад перед Великим постом по неосторожности старушки-

Дом Череповой Анны Степановны

подворницы произошел пожар. Случилось это ночью, когда все спали. Хозяйка проснулась, когда пламя уже вышло из избы. Выбежав с маленькими ребятишками из избы, она усадила их на лед, а сама пошла спасать вещи. Муж был в это время на войне. Изба сгорела, Анна Степановна два года жила у чужих. Затем с войны вернулся муж раненый и контуженный. С трудом построили на этом же месте свою хату. Некоторую долю помощи оказали родственники. С мужем Анна Степановна жила недружно, он часто пил. Однажды уехал в Ленинград и не посылал никаких известий, впоследствии жил в Петрозаводске. Умер шесть лет тому назад. С образованием колхозов, она с семьей вступила в колхоз, а затем вышла из него. Помощи ни от кого не было, а детишки маленькие, кормить чем-то нужно было, и она решила держать беседы, благодаря которым воспитала трех детей. Беседы держала в течение 15 лет и только пять лет тому назад перестала.

В 1931 г. ее 25-летний сын служил в армии, одна из дочерей жила в Петрозаводске и работала на почте, другая дочь, замужняя, жила в деревне. У А. С. Череповой была земля, корова, овцы, куры и лошадь, которую нанимали соседи на уборку сена и другие работы. Анна Степановна относилась к беднякам. *(Герцман Р. Х. – АКНЦ Р. VI. Оп. I. № 62. Л. 44; Ионова О. – Р. VI. Оп. I. № 69. Л. 18).*

297. ЧИВИНА ФЕОДОСИЯ (ФЕДОСЬЯ) КУЗЬМИНИЧНА, 1850 г.р. из д. Леликово. Она – мать Марфы Петровны, жены Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева, бабушка Петра Ивановича Рябинина-Андреева. В год записи (1931) Федосье Кузьминичне был 81 год. «Хорошо сохранившаяся старушка, – отметили собиратели, – хотя имела четырнадцать детей». Большая часть детей умерла,

оставшиеся имели семьи и жили в разных деревнях и городах. Ф. К. Чивина жила с одним из оставшихся в живых сыновей. У нее было много правнуков. «Умирать, – говорила, – еще не хочет и жить было бы ничего, если бы лучше видела. Теряет зрение». М. Б. Каминская, В. П. Галашина, О. Копылова, М. Пуговкина записали от нее достаточно обширный фольклорный материал: духовный стих, баллады, обрядовую лирику и другие песни, о колдовстве и верованиях, этнографические рассказы и т. д. Многое, как она говорила, она переняла от зятя – Ивана Герасимовича. Верила в колдовство и гадания. Умела гадать на картах, но боялась вызвать гнев сына, проявляя эту свою способность. Собирателям тоже предложила погадать. *(Копылова О. – АКНЦ Р. VI. Оп. I. № 72. Л. 7; Каминская М. Б. – Р. VI. Оп. I. № 71. Л. 23; Галашина В. П. – 67/80. Л. 111).*

298. ЧИРКИН НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, 1907 г.р., родился в деревне Вороний остров Великонивского сельсовета Типиницкой волости. В Великой Губе живет с 1944 г. Мать звали Аграфена Андреевна (Матвеевна?), отца – Степан Петрович Чиркин. Мать крестьянствовала, а с 12 лет начал ей помогать и Николай Степанович. Отец был плотником, все больше бурла́чил: жил и плотничал в Петрозаводске. Более 20 домов построил своими руками. Домой, вспоминал Николай Степанович, отец приезжал на «ямщины» (на ямских, почтовых лошадях) с колокольчиком. Стучался, а мать спрашивала: «Кто там?» Он отвечал: «А кого надо? Бурла́ка надо, открывай дверь, а деньги надо – не открывай». Мать открывала и говорила: «Надо и бурлака, и деньги». У родителей не было детей 17 лет, и они усыновили годовалого мальчика (Гришина) из Песчаного. А через 10 лет после этого родился Николай Степанович.

Николай Степанович окончил три класса, а позже, в 1927 г., когда работал на Онегзаводе в Петрозаводске токарем, ходил в вечернюю школу. В последующие годы работал в «Кареллесе» плотником, 12 лет плавал на судах, в том числе и капитаном, перевозили баржи, плоты, гонки. Зимами, когда суда были на стоянках, жили в Челмужах, в Повенце, в Суне, в Заозерье, – выполнял кузнечные работы, ремонтировал суда. В финскую войну служил в инженерно-техническом батальоне 6-ой Армии – строили переправы, мосты в Лодейном Поле, в Олонце, в Погранкондушах, в Питкяранте, а после был переведен на Украину делать переправы-мосты через реки. В 1944 г. Николаю Степановичу поручили построить моторно-парусное грузовое судно подъемностью в 30 тонн. Здесь ему очень пригодились кузнечные работы и ремонт судов, чем он занимался в свое время на зимних стоянках. На построенном судне он с командой в 14 человек перевозил грузы и горючее из Петрозаводска и Пудожа.

Чиркин Николай Степанович

После плавания на судах работал сначала начальником стройконторы, а затем бригадиром по строительству жилых домов, клуба в Великой Губе. В 1982 г. находился на пенсии.

Николай Степанович оказался прекрасным сказочником и рассказчиком. В разные годы (1980, 1982–1983, 1988 и 1990) от него записан обширный репертуар: сказки, былички, предания, поверья, о колдовстве, анекдоты и многое другое. Его мать Аграфена Андреевна любила рассказывать сказки. Николай Степанович вспоминал: «Матушка горазно много знала сказок – была неграмотная, но память – дю́жинная память. <…> В деревне многие в дом вхожи были, матушка была добрая женщина – и нищих приве́тит, они, бывало, сказки рассказывали, с лучиной сидели. Да и на посиделки (прясть) приходили к нам – сидят, рассказывают, кто что знает. Дома наслушался сказок. <…> К нам приезжали былинщики, пели <…> „Жила-была вдова горепашица“, „Про Илью Муромца“, „Про Святогора“, „Про Алешу Поповича“, „Про Добрыню Никитича“. Былинщики ходили наподобие нищих. Придут в дом, попоют, их угостят, и они уходят. В Кижах Рябинин был былинщиком, а в Кузаранде Ирина Федосова была».

Сам Николай Степанович всегда исполнял сказки. Во времена плавания, когда жили зимой на стоянках, приходили каждый вечер слушатели и очень просили его рассказывать. «Я худого людям ничего не делал, – говорил Николай Степанович, – меня везде любили и мои сказки».

Многими сказками репертуар Николая Степановича пополнился в армии, и сам очень много там рассказывал. Были сказочники из Пудожа – Воронов Николай, Квашнин, братья Евсеевы из Заозерья. «В Олонце стояли, – говорил Николай Степанович, – большие дома были. Днем работаешь, а вечером во время отдыха в казармах на нарах лежишь да сказки рассказываешь. То один рассказывает, то другой. Были которы очень много сказок знали. Рассказывали по очереди. Я много рассказывал сказок. Память хорошая была. Знал „Три царства“, „Про Ивана Царевича и Серого волка“, „Про Ивана Сосновича“, „Про Ольховую чурку“ и др. В Армии запас сказок стал большой. Знал с полсотни сказок, а теперь стали забываться». Вспоминал Николай Степанович и своего командира взвода Карасева Николая Ивановича, который рассказывал «о древности о всей <…> он очень ученый был человек, а к нам попал, так как военной специальности не было. Сам рассказывал много нам, да много от нас вот этого слушал. Тоже записывал, как и вы». Н. С. Чиркин знаком и с книжной традицией.

Знал и пел Николай Степанович и песни «Катюшу», «Раскинулось море широко», «Ермак» и другие.

Дочь Н. С. Чиркина Антонина Николаевна Бочанова (см. № 33 нашего издания) сообщила собирателям: «Небылицы папа всегда рассказывал по вечерам, во время войны, после войны, когда у нас собиралась молодежь. У нас всегда были вечерины, молодежь. И он перед сном рассказывал такие небылицы, что волосы дыбом вставали, тело покрывалось мурашками». *(АКНЦ 147/27; 142/2а, 355, 357, 621, 622).*

299. ЧИРКИНА АНАСТАСИЯ ФЕДОРОВНА, 1912/1913 г.р., родом из д. Кибитка. Жена Николая Степановича Чиркина, мать А. Н. Бочановой (см. № 33 нашего издания) и бабушка А. Бочановой (см. № 34 нашего издания). В молодости уезжала из деревни в город Петрозаводск, а затем вернулась обратно и работала в колхозе. Когда решила вновь вернуться в город, председатель колхоза справки на выезд не дал. Без паспорта, имея при себе только свидетельство о рождении, она рискнула уехать. Знакомый прописал ее временно на квартиру. В городе у нее жила сестра и тетя. На работу ходила каждый день за 8 км. Туда и обратно по лежневке (по бревенчатому настилу).

Чиркина Анастасия Федоровна

С будущим мужем была знакома раньше. В Петрозаводск и приехал Николай Степанович свататься. Сыграли свадьбу, и он уехал к месту работы, в Челмужи. Потом приехал за невестой, у которой ничего не было. Тетя дала подушку, да сестра кое-что. Свою семейную жизнь в Челмужах они начали в комнате, в которой жили еще 15 человек.

Как уже выяснилось, в семье Чиркиных прослеживается бытование народных традиций, особенно сказочной, в нескольких поколениях. Анастасия Федоровна не исключение – она хорошая сказочница. Помимо сказок от нее в разные годы (1980, 1982–1983, 1988, 1990) записаны былички, предания, баллада, романсы, поверья, легенды, этнографические рассказы и другое. В Великой Губе живет с 1944 г. *(Фон. 3136/5).*

300. ЧУКОВ АБРАМ ЕВТИХИЕВИЧ (у Рыбникова Чуккоев, прозвище – Бутылка), родился в октябре 1812 г. в Космозере, с 20 лет жил в д. Горка Пудожгорского погоста Повенецкого уезда.

Из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова: «В течение 1859 года из разговоров с петрозаводскими старожилами я узнал, что в сельском населении Олонецкой губернии сохранилось много любопытнейших и древних обычаев, поверий, преданий, былин, песен. <…> В том же году мне самому довелось прочесть в рукописи несколько старин, записанных (как я узнал впоследствии) со слов крестьянского портного Бутылки. <…> К записыванию этих материалов представила удобный случай первая поездка моя на Шунгскую ярмарку Повенецкого уезда (в декабре 1859-го и в январе 1860 года), куда я отправился для собирания статистических сведений. <…> Впрочем, в ту же поездку я слушал про отличного повенецкого перехожего певца Бутылку, родом из Пудожгорского погоста, ремеслом крестьянского портного. Мне сказывали, что Бутылка ходит по всему Заонежью, занимаясь портняжничеством то в той деревне, то в другой, и во время работы постоянно поет былины. В ту пору ему должно было бы находиться или в Великой Губе или в Сенной Губе. Страстно желая отыскать этого певца, я бросил

почтовый тракт и решился воротиться в Петрозаводск через Заонежье проселочными дорогами и через Онежское озеро. На пути я завертывал и в Великую Губу, и в Сенную Губу, но, к крайнему сожалению, везде слышал, что Бутылка уже ушел. Три раза впоследствии я преследовал Бутылку: два раза из-за него мне приходилось в лютую зиму переезжать через Онего по льду, а летом 1860 года переплывать в дрянной лодчонке озеро из Кижей до Пудожгорского погоста – и все понапрасну. Уже в 1863 году я успел познакомиться с ним и со слов его исправить то, что от него же было записано прежде другими лицами. <…> Мне остается сказать несколько слов о Бутылке, настоящее имя которого Абрам Евтифеев (Евтихиев) Чуккоев. Долго мне доставались одни чужие записи от его былин, и лично я познакомился с ним в Петрозаводске уже в 1863 году. У него есть хороший участок земли в дер. Горка Пудожского погоста и все хозяйственное обзаведение, но он больше промышляет портняжеством, и по этому ремеслу всю почти зиму обходит заонежские деревни. Петь он выучился от отца своего, который был великим сказителем. <…> Сам Бутылка, по собственному его признанию, прежде знал гораздо больше, а теперь, под старость, стал много забывать. В Петрозаводске Бутылка пришел ко мне по моему зову и по собственному желанию; пришел, зная наперед, что будет петь былины, и, таким образом, не нужно было никаких уговоров, чтобы понудить его сказывать. В августе месяце 1863 года, когда текст былин был уже переписан и приготовлен к печати, Бутылка припомнил две старины: о царстве под солнышком и о нерассказанном сне. Я записал их, но, записывая, испытывал то же недоумение, которое было возбуждено во мне побывальщиною о дворянине бессчастном молодце и которое рассеялось после статьи П. А. Бессонова, доказавшей мне, что о дворянине этом непременно должны были существовать былины. <…> У Бутылки напев один для всех былин». *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 48, 50, 64, 70, 71, 523).*

300а. Разделяя певцов на разряды, П. Н. Рыбников в письме к И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 г. писал: «Теперешних певцов можно разделить на несколько разрядов: I – сказителей, II – калик и III – любителей (знающих, по крайней мере вполне, две-три былины). Между сказителями большая часть оседлые и зажиточные люди. Это земледельцы, рыболовы, содержатели постоялых дворов, целовальники. Они поют по собственной охоте – не за деньги, а из удовольствия. Научились они былинам от тутошних же стариков-сказителей и передают свое знание детям. <…> К этому же разряду следует причислить перехожих сказителей, большею частию портных, которые ходят из деревни в деревню, обшивают крестьян и за работою коротают время в пенье; таковы известный Бутылка и Щеголенков». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 3. С. 256–257).*

300б. Чуков Абрам Евтихиев, по прозванию Бутылка, крестьянин д. Горка, Пудожгорской волости, Повенецкого уезда, 59-ти лет. Заимствовал былины от отца, который был мастер петь и знал очень много «старин». Отец родился и провел молодость на Космозере, в Кижском крае; оттого, по свидетельству самого Абрама, он поет былины так, как кижане, а не так, как их поют другие

сказители на Пудожской Горе. Впоследствии отец переселился в Кузаранду, а оттуда уже, лет сорок тому, на Пудожскую Горку. Абрам Евтихиев в молодости выучился портняжному мастерству и до сих пор ежегодно проводит осень и зиму, странствуя по деревням, чтобы шить крестьянам платье; преимущественно бывает в Кижском Заонежье; за работой он обыкновенно распевает свои старины. Он, впрочем, ведет и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служил обществу в качестве сборщика податей. – Абрам Евтихиев, как кажется, первый из Олонецких сказителей обратил на себя внимание, чему он обязан как открытому, общительному характеру, так и тому, что часто бывал в губернском городе. По его словам, уж он много лет тому назад, еще гораздо прежде знакомства с г. Рыбниковым, сделался известен какому-то генералу в Петрозаводске (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горных заводов), и по поручению этого генерала какой-то писарь списал у него все былины, какие он знал; а знал он их в то время без малого два десятка, гораздо больше, чем помнит теперь. Но писарь этот потерял тетрадь с этими былинами: так уверял Абрам. Однако оказывается, что все те былины, которые в 50-х годах печатались в Олонецких Ведомостях и которые г. Рыбников поместил потом в своем сборнике с простою отметкою «из Олонецкой губернии», суть те самые, которые поет Абрам Евтихиев. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 743)*

300в. Из статьи А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»: «Еще на пароходе, везшем меня из Петербурга, найдя себе местечко на носовой палубе, я разговорился тут с некоторыми крестьянами из Заонежья, расспросил их о сказителях, которые мне известны были по книге г. Рыбникова, и узнал между прочим, что об одном из этих сказителей, Абраме Евтихиеве, можно получить сведения в самом Петрозаводске, потому что там живет его сын. Старик оказался в гостях у сына, и уже в самый день моего приезда я имел удовольствие услышать его прекрасные былины. Мы с ним сошлись так, что он охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен. Будучи по ремеслу крестьянским портным, он всю осень и зиму ходит по деревням Заонежья, останавливаясь там, где нужна его работа. Таким образом у него есть знакомые во всех углах этого края, и благодаря ему легко устранялось недоверие, с каким крестьяне обыкновенно смотрят на приезжего из Петербурга. Я старался останавливаться в таких селениях, где можно было рассчитывать наверно услышать былины; а пока я их там записывал, Абрам Евтихиев, бывало, пойдет по окрестности, иногда далеко, верст за 40 и даже за 50, „доставать сказителей“, как он выражался; удостоверенные им, что они будут вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потом слух о вознаграждении приводил и таких, про которых мы не знали. Случалось так, что иным приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тем как я записывал былины до полного физического утомления. <…>

<По манере исполнения А. Ф. Гильфердинг разделил Прионежских рапсодов> на две, так сказать, школы – Кижскую и Толвуй-Повенецкую. Что это

заключение не совсем произвольное, могу подтвердить свидетельством самих крестьян. В Пудожгорском погосте, в деревне Горка, стоят рядом, бок о бок, избы двух замечательных сказителей: Абрама Евтихиева (Бутылки), о котором я упоминал выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождал меня из Петрозаводска, ко второму мы приехали в гости на Пудожскую Гору. Когда Калинин пропел длинную былину о Добрынюшке, хозяин и гребцы моей лодки, привыкшие слышать Абрама, все тотчас заметили: „как странно, два такие близкие соседа, а сказывают былины совершенно разно!“ Абрам Евтихиев тотчас объяснил это: „Петр Лукич, говорил он, понял былины от своего отца, а я от своего; батюшка же мой не тутошний, он родом с Киж, с Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мне уже было лет 20; оттого я и пою былины как Кижане, а не как здешние“». *(Гильфердинг, 1-е изд. С. XV, XXIX).*

300г. Изучая репертуар, сопоставляя тексты былин сказителей Толвуи и Повенца, В. И. Чичеров пришел к выводу, что «различие между былинами кижской и толвуй-повенецкой групп А. Ф. Гильфердинг видел не в сюжетах, не в образах, а во вставных частицах. Замечания А. Ф. Гильфердинга касательно вставных частиц **<ѝ>** вполне справедливы. Но указанные им различия в складе былин не влияют на содержание эпоса, и в отношении тематики былин отделить Кижи от Толвуи-Повенца не представляется возможным. <…>

Былевой репертуар Толвуи – Повенца складывался из местных и захожих редакций. Но установить на основании записей существовавшие в этих местах школы не представляется возможным. Этому мешает разносюжетность, схематичность, дефектность записанных текстов. Единственным сказителем, давшим полноценные редакции былин, был Петр Лукич Калинин <…> но Калинин, будучи портным, много бродил, перемешивая былевое наследие, полученное от своего отца, слышанным на стороне. <…> Чуков, по его свидетельству, перенял былины от своего отца – мастера петь старины. Отец его родился и провел молодость в Кижском крае, в Космозере – в той деревне, где живет Касьянов, и там выучился былинам, восприняв традицию края. <…> Былины Калинина, Чукова, Касьянова образуют отдельную группу в эпическом богатстве, собранном Рыбниковым и Гильфердингом. Их репертуары совпадают во <многих> сюжетах <…> в их репертуарах были некоторые (иногда уникальные) былины, донесенные до нас кем-нибудь одним из представителей космозерской школы. <…> Говоря о космозерской школе, где бы ни были ее представители – на самом Космозере, в Толвуе, в Повенце, можно утверждать ее целостность. Талантливые сказители школы пели высокохудожественные тексты былин, но пели их, сохраняя традицию в их основе, не меняя авторской властью созданные редакции. И только если текст деформировался в бытовании, они его реконструировали, но при этом сохраняли типические черты былин своей школы. Творчество Калинина, Чукова, Касьянова было, можно сказать, равнозначно: в основном они были хранителями традиции, но не родоначальниками ее. Их былины часто настолько близки друг другу, что отделить их не

представляется возможным». *(Чичеров, 1982. С. 109, 110, 114, 115, 117, 120, 130, 169, 170, 171–184: приводится сопоставление сюжетов былин Чукова с вариантами других сказителей).*

301. ШАМШИНА НАТАЛИЯ (НАТАЛЬЯ) ЕГОРОВНА, 1879 г.р., в год записи (1944) ей было 65 лет, жила в д. Долгая Нива Толвуйского сельсовета. Когда умерла мать, Наталье Егоровне было 6 лет. Позднее, будучи еще не замужем, перенята от одной старушки плач и вопила по матери. В замужестве жила в страхе, всегда боялась мужа. Было 12 детей, в живых в тот год было пятеро. Один из сыновей убит в финскую войну, три сына находились на фронте: старший был в звании майора, младший – капитана, служили в Венгрии, приезжали на побывку. Во время оккупации Заонежья выселялись из родной деревни в Великую Ниву, а затем в Слободу Толвуйского сельсовета. Собиратель А. П. Разумова отметила, что Наталья Егоровна «свободно владеет традиционной причетью. Хорошо знает заонежскую свадьбу, но записать от нее свадебные плачи не удалось». Она записала бытовые плачи. Во время записи плачей, она все время посматривала на мужа, так как «муж, – сказала она, – не любит бабьих глупостей». В заключение плача о жизни в оккупации вопленица добавила: «Все прибито да разбито, как осиново корыто». Исполнила Наталья Егоровна и плач по детям Анны Дмитриевны Романовой (см. № 220 нашего издания) из д. Кривоноговской (в 3-х км от д. Долгая Нива). Романова была брошена в Киндасовскую тюрьму, а трое малолетних детей остались на произвол судьбы. Отец незадолго до этого умер. Дети скитались по деревням, просили милостыню и пухли от голода. Наталья Егоровна любила этих детей, жалела и сложила о них причеть. *(АКНЦ 75/26, 28, 29; 76/88; Базанов, 1945. С. 34).*

302. ШАНГИНА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, 1918 г.р., родилась в г. Вытегра Вологодской области, замуж вышла в д. Кузаранда Заонежского района. С 13 лет работала на лесóзаготовках, в 16 лет вышла замуж. В Кузаранду привезли на лошади́. Ушла самоходкой. Ведь ране, если родителям свадьба не люба, то молодые сами возьмут и у́йдут. В окошко узел и – пошел. В самовольню, значит. Свадьба не богата была. В молодости разные бесёды были, вечеринки. На маленькую беседу ходили, с подростками. Вечеринкамы называли. Кадрели плясали. Молодежь собиралась и по улицам гуляла. А на Рождество гадали, кожу тянули. Ставали на прясла и слухали. Откуда колокольчик зазвонит, оттуда и женихи прúйдут. Над пролобой (?) <прорубью> становились и гадали на женихов. Муж погиб в финскую войну. Осталася с одной дочкой. Так по сей день и живу здесь.

От Надежды Петровны записана обрядовая лирика и другие песни, частушки, былички, о колдовстве. *(АКНЦ 179/144, 153).*

303. ШАТОРИНА АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНИЧНА (Ивановна?), 1884 г.р., д. Рогатковщина. Отец умер, когда Александре Ильиничне было два месяца. Мать вышла замуж за другого, и Шаторина воспитывалась у бабушки и дедушки. Вышла замуж. Овдовела в империалистическую войну. Когда муж

пришел из Шуньги и сказал, что «забритой», она очень плакала по мужу. Сразу же после отъезда мужа умерла пятилетняя дочка, и снова Александра Ильинична вопила и вопила. Говорила, что «Нюшка была выше носа, так много пришлось плакать. Девочка родилась больной – нервной. Плачи повлияли». До войны Александра Ильинична работала в колхозе. В войну сидела в лагере № 1 на Кукковке в г. Петрозаводске. В этом бараке содержались престарелые женщины из Заонежья. Собиратели В. Г. Базанов, А. П. Разумова, А. В. Белованова встретились с ними в этом лагере сразу после освобождения, женщины ждали возможности уехать домой. Многие из них знали свадебные и похоронные причитания. Запись шла в бараке. Сморщенные от тоски и старости, они смотрели на собирателей выцветшими серыми глазами. Александра Ильинична, вспомнив о пережитом, «опустив свою голову на ладонь правой руки, и в неуютном бараке, уставленном деревянными топчанами, напоминавшими нары, протяжно завопила». Тогда же от нее были записаны плачи по дочке и сыну и другие, всего шесть плачей. *(АКНЦ 75/1; Базанов, 1945. С. 9; Базанов, Разумова, 1962. С. 91, 571).*

Шевелев (Щеголенок) Василий Петрович

304. ШЕВЕЛЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (Щеголенок), (у Рыбникова – Щеголенков), д. Боярщина Кижской волости Петрозаводского уезда, неграмотный.

Из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова: «Кроме этих двух сказителей <Т. Рябинина и К. Романова> я виделся в первую же поездку <1860 г.> с некоторыми другими. <…> Записать былины в ту пору привелось только от четырех лиц: Щеголенкова и его племянницы, от одной молодицы и от старухи из Великогубского погоста. К первому сказителю, в д. Боярщину, меня свез Л. Богданов. Щеголенков, бродячий крестьянский портной[1], шил в ту пору платье для кижанина в его избе и за работой распевал былевые песни. Он охотно согласился передать мне, что знает, и первый познакомил меня с превосходною былиною – «Каково жить птицам на Руси и за морем». <…> Певицы знали по две, по три былины, больше их был сведущ Щеголенков, но многие из его вариантов не представляли ничего интересного, поэтому я их не напечатал». *(Рыбников, 3-е изд., Т. 1. С. 62, 63).*

304а. Щеголенок Василий Петрович, крестьянин дер. Боярщина, Кижской волости, 65-ти лет отроду; земледелец и вместе с тем сапожный мастер; приобрел

[1] Он стал заниматься портняжеством, потому что слаб здоровьем для земледельческой крестьянской работы. – Рыбников П. Н.

склонность к пению былин еще в малолетстве, слушая своего деда[1] и в особенности дядю Тимофея, который, будучи безногим, сорок лет отсидел в углу в доме его отца и занимался сапожною работою. Переняв ремесло дяди, Щеголенок от него же научился и большей части тех былин, которые помнит поныне. Поет он былины не громким, но довольно приятным, хотя уже старческим голосом, соединяя, впрочем, часто в одну былину разнородные предметы и не придерживаясь определенного размера. Щеголенок был известен г. Рыбникову; осенью 1871 года он побывал в Петербурге. Здесь он прибавил несколько былин к тем, которые он пел собирателю в Кижах и которых тогда не мог хорошенько припомнить; при этом поверен вновь и текст былин, записанных на месте. Все былины записаны «с голоса». Щеголенок, хотя неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отзывается отчасти и в тоне его былин. *(Гильфердинг, 1-е изд. С. 635; также см.: «Всемирная иллюстрация», 1871, Т. VI, № 149, 6 ноября. С. 301–302 – заметка о Щеголенке и былина «Первые подвиги Ильи Муромца»).*

304б. Осенью 1871 г. В. П. Щеголенок направился на богомолье в Киев. В Петербурге он счел необходимым побывать у Гильфердинга. Точные даты пребывания его неизвестны. По пометам на записях былин, которые делал А. Ф. Гильфердинг, К. В. Чистов установил, что «он уже 5 сентября был в Петербурге и пробыл по крайней мере до 10 сентября». Гильфердинг сверил записанные от него ранее былины и записал несколько новых. Как предполагает К. В. Чистов, визит был неожиданностью для собирателя. Собрать в сентябре публичную аудиторию, очевидно, было еще невозможно. Выявить публикации о его выступлениях не удалось. И только во «Всемирной иллюстрации» (1871, т. VI, № 149, 6 ноября) были опубликованы статья о Щеголенке, его портрет и былина «Первые подвиги Ильи Муромца» с пометой, что записана в Кижах 5 июля, сверена в Петербурге 8 сентября 1871 г. Статья начиналась словами: «Недавно мы имели удовольствие видеть здесь в Петербурге одного из тех „сказителей", которых г. Рыбников отыскал в глуши Олонецкой губ.». Как считает К. В. Чистов, статью эту написал А. Ф. Гильфердинг. *(Чистов, 1982. С. 58).*

304в. В марте 1879 г. В. П. Шевелев встретился в Москве в доме Е. В. Барсова с Л. Н. Толстым. В дневнике писатель записал: «Олонецкой губернии былинщик пел былину Ивана Грозного. Рассказывал про царя и царицу». Рассказывал Шевелев и сказки, и легенды, которые особенно заинтересовали Толстого. Сказитель изложил ему импровизацию молитвы. Писатель был настолько растроган, что сказал Барсову: «Вот как надо молиться, а не так, как мы с тобой». *(Базанов, 1947. С. 75).* В те годы писатель интересовался живой народной речью, собирался составлять книги для детского чтения и воспользовался возможностью услышать

[1] Согласно записи в метрической книге В. П. Щеголенок родился в 1817 г., а его дед Иван Семенов скончался в 1815 г. – См.: Воробьева, 2000. С. 51, сноска № 3. – В примечании к рассказам «Про беглых рекрут», записанных от В. П. Щеголенкова, Б. Е. Чистова указывает год смерти сказителя – 1894. – См.: Барсов, 2-е изд. Т. 2. С. 549. – Составитель.

эту речь в живом исполнении былин, песен, легенд одного из сказителей, и пригласил Шевелева в Ясную Поляну. По одним сведениям сказитель пробыл там месяц, по другим больше, известно, что он там был в июле и августе. Цитируя воспоминания Ильи Львовича – сына Л. Н. Толстого о сказителе, В. Калугин в статье «Лев Толстой и сказитель Щеголенок» писал: «Летом 1879 года у нас в Ясной Поляне гостил рассказчик былин Щеголенков. Его звали по отчеству – Петровичем. Его манера пересказывать былины была похожа на пение слепых, но в его голосе не было той противной гнусавости, которая в них действовала на меня всегда отталкивающе. Почему-то я помню его сидящим на каменных ступенях, на балконе, против кабинета отца. Когда он рассказывал, я любил разглядывать его длинную, жгутами свившуюся седую бороду, и его бесконечные повести мне нравились. В них чувствовалась глубокая старина и веками наращенная, здравая мудрость народа. Папá слушал его с особенным интересом, каждый день заставлял рассказывать его что-нибудь новое, и у Петровича всегда что-нибудь находилось. Он был неистощим». *(Калугин, 1978. С. 114).* И. Л. Толстому было в ту пору 13 лет.

В этой же статье В. Калугина, посвященной 150-летию со дня рождения писателя, читаем: «Толстой не просто каждый день и с особенным интересом слушал сказителя и заставлял рассказывать что-нибудь новое. В его Записной книжке 1879 года рядом со словами, выражениями, оборотами устной народной речи <…> одна за другой появляются записи легенд Щеголенка: „Инок“, „Соломон“, „Каменщик“, „Иван Павлов“, „Архангел“, „Два странника“, „Плакида-воин“, „Дерево“, „Александр, Ерыжкин и Нарышкин“… Всего 26 легенд». И еще: «Олонецкий губернии былинщик. Пел былину Ивана Грозного. Рассказывал про царя и царицу. <…> Рассказ про помещика, провалившегося на льду и молившегося последнему Миколе, *а огрухнут, огрухнут*. Молится сам часа два. „3 листовки“ (имеются в виду кожаные четки – В. К.). Записана его молитва». *(Калугин, 1978. С. 114, 115).*

Легенды Шевелева Л. Толстой записывал конспективно, позднее они послужили основой для некоторых его рассказов: «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», «Корней Васильев», «Молитва», «Старик в церкви».

В августе В. П. Шевелев вернулся в Петербург с письмом к В. В. Стасову. В статье «Севернорусские сказители в Петербурге…» К. В. Чистов писал: «4 августа 1879 г. В. В. Стасов получил от Л. Н. Толстого письмо, в котором значилось: „У меня гостил лето податель этого письма Василий Петрович Щеголенков, олонецкий мужик, певец былин – очень умный и хороший старик. У него есть хлопоты в Петербурге и мне пришло в голову направить его к Вам“». *(Чистов, 1982. С. 64).* Из этой же статьи узнаем, что в ответном письме Толстому от 12 августа В. В. Стасов сообщал, что «предполагаются его публичные выступления, однако только в октябре, так как в августе Петербург пуст». Делился своими впечатлениями от сказителя. «Он восхищен простотой, степенностью и умом старика». Он слушал его один несколько часов в Библиотеке и «очень сожалел», что все его знакомые музыканты в разъезде, «а то бы они тогда записали за ним иные великолепные мотивы; я слышал песню про царя Ивана, и хоть я

не музыкант родом, скажу вам, что был потом в таком азарте, что целый день у меня потом играл внутри один главный чудный мотив. Я дня через два потом напевал еще частицу его Балакиреву и Римскому-Корсакову. <…>. Они бог знает как жалели, что не были тут и не слыхали, как я, Щеголенка». *(Чистов, 1982. С. 64).*

Далее К. В. Чистов сообщает, что в очередном письме Л. Н. Толстому от 5 декабря 1879 г. В. В. Стасов рассказывает уже о состоявшихся выступлениях Шевелева. Он пел в собрании Географического общества, где присутствовало «человек 300. Слушали смирно и кротко, – в том числе и женщины, которых было немало, много тоже аплодировали, а иные (например, Пыпин) и сам председатель Этнографического отдела Географического общества Майков – брат поэта – следили за текстом по книге Гильфердинга». Затем В. П. Шевелев пел в собрании Археологического института, дома у генерала Комарова, редактора «СПб. Ведомостей» и в других домах, в том числе и у В. В. Стасова, где присутствовали Мусоргский, Балакирев, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи, «и эти господа в несколько карандашей записали за ним не только мелодии в главном их скелете, но и во всех изгибах их мельчайших, а это нелегко». *(Чистов, 1982. С. 64).*

Ю. М. Соколов в статье «Лев Толстой и сказитель Щеголенок» отметил, что ему посчастливилось больше, чем другим олонецким сказителям, потому что он встречался с Л. Н. Толстым. В 1926 г., руководя фольклорной экспедицией «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и записывая былины в Заонежье, он встретился с Ржановским Василием, в ту пору 80-летним стариком, который знал Щеголенка: «Вот папаша уедет куда-нибудь <…>, мамаша пойдет на беседу к соседям. Я маленький, ложусь в постель. Василий Петрович шьет сапоги. Вдруг запоет былину. Поет с увлечением, все позабыв на свете». Ржановский свидетельствовал, что, вернувшись домой, В. П. Шевелев часто рассказывал о Л. Н. Толстом, о пребывании в Ясной Поляне: «Я много, – говорил он, – насказывал побасенок Николаичу». Кроме того, он отправил письмо Л. Н. Толстому, в котором местный писарь с его слов сообщал: «От души благодарю вас, ваше сиятельство, за ваш радушный, отеческий прием и за все ваше доброе. Часто, очень часто я вспоминаю о своей жизни у вас и рассказываю здесь своим знакомым, как гостил я у графа Льва Николаевича…». *(Соколов Ю., 1948а. С. 201–203; также см.: Лойтер, 2001. С. 188–191).*

В деревне В. П. Шевелев очень бедствовал, жил бедно. Об этом свидетельствовал Ф. М. Истомин, который записывал фольклор в Олонецкой губернии в 1886 г. Он встречался с Шевелевым и в том же году «довел до сведения совета РГО, что в д. Боярщине <…> проживает в крайней бедности крестьянин Василий Петрович Щеголенок <…> преклонные лета почтенного сказителя не позволяют ему заниматься крестьянством в той мере, в какой это необходимо для безбедного существования, <…> и совет РГО, в знак признательности за сообщение членам общества богатого эпического материала, постановил в заседании 3 ноября ассигновать Щеголенку в пособие по 12 рублей в год, начиная с 1-го января 1886 года по конец жизни». *(ОГВ, 1886 № 93). (Подробнее о*

В. П. Шевелеве см.: Срезневский, 1934. С. 471 – о записи Л. Толстым легенд и рассказов от сказителя; Соколов Ю., 1948а. С. 201–203 – о Л. Толстом и Щеголенке; Тупицына, 1965 – статья о сказителе; Кузнецова, 1977. С. 142 – краткая биогр. справка о сказителе; Калугин, 1978. С. 113–123 – статья о Л. Толстом и Щеголенке; Базанов, 1981. С. 93 – о встрече сказителя с Л. Толстым; Чистов, 1982. С. 64–65 – о письмах Л. Толстого и В. Стасова).

304г. В. П. Шевелев знал как былины, так и другие жанры. Всеми собирателями записано от него 14 былин, 10 из них по нескольку раз, всего 31 вариант. Он был сказителем-импровизатором. Все исследователи отмечали его наклонность к контаминации, что снижало художественные достоинства его былин. При повторном исполнении былины он изменял текст: вводя мотивы и эпизоды из других былин; соединяя разные сюжеты, заменял имена героев, изменял их образы. Несмотря на это исследователи признали несомненный талант сказителя. А. М. Астахова находила, что отдельные картины былин отличаются выразительностью, богатой фантазией, образы богатырей выпуклые, характеристики героев остроумные и меткие. М. Сперанский писал, что контаминированные сюжеты «довольно правильно и сохранно переданы», что «Щеголенок остается выдающимся певцом по богатству сюжетов, по относительной чистоте былевой традиции, сохраненной его песнями». *(Подробнее об этом см.: Васильев, 1907. С. 173–196 – дан обзор былин сказителя и сделаны наблюдения над особенностями его творчества; Грузинский, 1909. С. 405 – краткие сведения об особенностях его былин; Сперанский, Т. II. С. XXXIX–XLX – дан репертуар и творческая хар-ка сказителя; Астахова, 1941а. С. 28 – дана творческая хар-ка сказителя; Базанов, 1947. С. 73 – краткая творческая хар-ка и о встрече сказителя с Л. Толстым; Ухов, 1957. С. 33 – о былинах сказителя).*

304д. Из воспоминаний Тестенникова Егора Григорьевича, 84-х лет, из д. Боярщина о В. П. Шевелеве (Щеголенке), которые записали сотрудники Музея-заповедника «Кижи» Б. Гущин и В. Гущина в 1967 г.:

«Щеголенкова я помню сызмала. Ездил к царям, старину рассказывал. Приезжали к нему отовсюду, с разных мест старину слушать. Сам он уезжал каждый год к царям: его вызывали специально. Лошадь ему наймывали за казенный счет на целый месяц: железных дорог-то не было, а первый пароход на моей памяти, „Геркулесом“ назывался, еще вон когда пошел!

Раз ему все по рублю дали – 300 рублей зараз! Он не знал, как деньги беречь. Дал попу под сохраненье, а у попа тринадцать детей было: поп деньги израсходовал да и помер, так родным-то они не достались.

Я как молодой был, так слушать его нужным не находил, но помню его. Был он большого роста, здоровый старик: дровни в два полоза с шестью копылами мог из лесу на себе принести. Кушак домотканый держал, подпоясывал длинный балахон, что поверх шубы одевал, чтобы не рвать ее.

На лицо хороший был: у него борода была, как у лошадей космы. Он ее под рубашку завертывал: раньше бороду не стригли, в полметра ширины носили

бороду. Брить считали грех, так космы у некоторых страшные были. Сейчас сказали бы, как козел какой.

В деревне Щеголенкова почитали. Он читать знал писаные на церковно-славянском первобытные книги (евангелия). Прежде дома грамоте учили: показывают, показывают буквы – да и научатся. Книги первобытные нарочно звали читать. <…>

Семья у Щеголенкова маленькая все время была – в полдесятка человек. Жена Марина жила дольше его. Еще две дочки было да племянник.

Домишко их посевернее нынешних ларьков магазинных стоял. Сначала – дом поперек деревни, а за ним – дом Щеголенкова. Дом сделал племянник. Очень маленький был его дом. Стоял очень долго, крыши-то и не видно было: провалилась, да дощечками залатана, а снизу была берестой выстлана. Домишко с шестью окошками и все – волоковые. Как что не так – сейчас доской задвинет. Одна рама только была, где стоял стол. Дощечки, потолок и стенки в доме нетесаны были, печка – черная.

Больших домов-то в деревне было много – кошелей в двенадцать саженей в ширину. <…> А его домишко очень маленький был. Щеголенков лошадь держал, две коровы, землепашец был. Плохое ли было хозяйство – да работа.

Производство было мало развито в сих местах, так дома работали. Десять лет сапожничал – досюльные сапоги, шитые для зимы и лета, выворочные без гвоздей делал. Подошву пришивал не шпильками, а двумя швами – в столицу возили напоказ. Сапоги берестяные плел с голенищами до колен и лапти (верзни). Люди не видали – так смеялись над берестяными сапогами.

У Щеголенкова лодка была шита не гвоздями, а вичками – корешками березовыми и вересовыми – без единого гвоздя. У Малькова, его свата, тоже лодка шита вичками была.

Щеголенков водки никак не пил. Прежнее время березовый сок да осиновый настаивали, так хмелит малость. <…>

Прежде колдовали все, так Щеголенков ворожить знал. Лошадь за нос подергает немного – и лошадь здорова. Околевает лошадь – сейчас отговорит. В мою память в Великой Губе один доктор был, так друг дружке помогали. <…>

Долго, очень долго Щеголенков жил. Как помер, так дети живы были» *(Гущин, Гущина, 1992. С. 24, 25, 26, 27). <О дочерях сказителя см. № 64–64б и 216 нашего издания>.*

305. ШИЛЬНИКОВА АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВНА, 1910 г.р., родилась в д. Сибово, русская, малограмотная. В год записи (1983) Александре Степановне было 73 года. Закончила 2 класса, родители не дали дальше учиться, надо было работать. Девушек «в строгости держали. Повернешься чуть в церкви, а дядя уже пальцем грозит». Замуж вышла в свою деревню – Сибово. «Я малая прибежала в дом: „Дядя Ваня, сделай мне прялицу“. – „А пойдешь за моего Василия?“ – „Пойду“. Так и вышло. Мы с ним три года дружили. Сваты всю породу прощупают, если увидят какую повинку – не берут. Мой муж грамотный был. Перед войной на выставку должен был ехать. Война все погубила». Александра Степа-

новна рассказывала собирателям, что «деревня была богатая – 40 дворов. Народ дружелюбный был. Сеяли, веяли. Между огородами межи небольшие, но не ступят. Крестьяне очень хорошие. И в бурлаки ходили в Питер. Мальков столярами учили, а на лето приезжали домой косить. Была школа. Девки красавицы были. Белы бусы кругом шеи. Одевались красиво. Народ не избалован, по вечерам кругам сидели. Сегодня у нас, завтра у вас. <…> Допоздна не гуляли, ребятам говорили: „Гуляй, как хошь, а ко времени приходи“. Но девки дома не сидели. В кадрель ходили. Было два музыканта. В Бога не больно верили. Лешими детей пугали. Отучали от леса и реки. А как в дом новый входят, молебен служили, кота впереди себя пускали. На праздники церковные красиво было. На деревне огней всяких. Поп выходит с тремя свечами и с золотым крестом в серебряной ризе. До Воскресения Христова все в черных одеждах, а после Пасхи в белых одеждах. Встречали еще два праздника. Парни и девки цепью ходили по улицам. Жгли костры-майки». От Александры Степановны студенты ПГУ записали прибаутки, пословицы, песни, романсы, частушки и другое. *(АКНЦ 161/167).*

306. ШЛЫКОВА СТЕПАНИДА МАТВЕЕВНА, 1879 г.р., д. Тамбица Типиницкого сельсовета. В год записи (1944) Степаниде Матвеевне было 65 лет. Муж убит на германской войне. Имела шестерых детей, но все они умерли. Один из сыновей умер в 25 лет, будучи женатым. Во время оккупации Заонежья находилась в лагерях для престарелых. «Было страсти в лагерях, – вспоминала она, – и плетью, бывало, подчевали». Дом ее до основания разрушили, корову отняли. Степанида Матвеевна осталась совершенно одинокой. Неграмотная. Раньше ходила по свадьбам, причитывала. А. П. Разумова записала от нее четыре плача. Два плача: «на могиле сына» и «при возвращении к разрушенному дому» опубликованы. *(АКНЦ 75/85).*

307. ЮХОВА АГАФЬЯ КУЗЬМИНИЧНА, свыше 60 лет, <д. Оятевщина>. Невестка Юховой П. Г. <см. № 308 нашего издания>, от которой Ф. М. Истомин записал три былины. <…> Веселая, добрая старушка. Муж ее глухой. Замуж ее выдали насильно, и она мужа, по ее признанию, очень не любила, но потом свыклась. У них больная дочь 27 лет – горбунья – и еще крестница, принятая в дом с мужем и девочкой. Крестница держит весь дом в руках. По словам соседей, бабушка ее побаивается. По объяснениям соседей, бабушка поэтому и не хотела сначала петь. В разговоре Юхова заметила, что старину о Добрыне и стих об Алексее ее свекровь знала хорошо. Былину о Чуриле и Екатерине сама Агафья Кузьминична припомнила с трудом. Когда пробовала рассказать, то все время сбивалась; когда немного вспомнила напев и стала петь, пошло лучше. *(Соколов Ю. / Соколов, Чичеров, 1948. С. 534).*

308. ЮХОВА ПРАСКОВЬЯ ГАВРИЛОВНА, д. Оятевщина Кижской волости Петрозаводского уезда, племянница В. П. Щеголенка.

Из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова: «Он же <Щеголенков> уговорил свою племянницу, так называемую „монастырку“ из Данилова, которая пришла

в гости в ту же избу, <где Щеголенков „шил в ту пору платье для кижанина в его избе“>, спеть мне о царе Саламане, о Василье Буслаеве (Иване Гудинове) и о Кощее Трипетове». *(Рыбников, 3-е изд., Т. I. С. 62).*

308а. Из статьи А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»: «К этому числу <сказителей, известных Рыбникову >, следует прибавить еще упомянутую в сборнике г. Рыбникова „племянницу Щеголенка“ (т. е. Прасковью Гавриловну Юхову из дер. Ятовщины Кижской волости): она мне пела былины, но их уж так плохо помнила и так путала, что я с ее слов ничего не решился записать». *(Гильфердинг, 1-е изд., С. XV, сноска № 1).*

308б. В заметке А. Е. Грузинского во 2-м изд. «Песен» П. Н. Рыбникова читаем: «Юхова Прасковья Гавриловна, крестьянка д. Оятевщины, Кижского общества. Рыбников называет ее просто „племянницей Щеголенка“, имя ее указано Гильфердингом в его вводной статье <…>. Последний не решился записывать от нее, так как она, по его словам, очень плохо помнила и сильно путала. Это – случайное недоразумение: в 1886 г. Истомин записал с ее пения пять былин довольно удовлетворительного качества. Одна из них (Царь Саламан и Вас. Окульевич) совпадает с Рыбниковской, еще о двух <см. № 158а нашего издания>». *(Грузинский / Рыбников, 2-е изд., Т. 1. С. 467).*

309. ЯКОВЛЕВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА, 1878 г.р., д. Сибово Великогубского сельсовета. Один из сыновей воевал в финскую войну, попал в плен. После возвращения был отправлен в Красноярский край. Его жена умерла, осталось двое внучат. Екатерина Петровна растила этих внучат и очень сожалела, что из-за оккупации Заонежья дети три года не учатся. Три ее сына в 1944 г. находились на фронте. Собиратель А. П. Разумова записала от нее бытовой и похоронный плачи. В год записи Екатерине Петровне было 66 лет. *(АКНЦ 75/15).*

310. ЯКУШКИНА КСЕНИЯ (АКСИНЬЯ) Ивановна, 1878 г.р., неграмотная, д. Никитинская Вырозерского сельсовета. Во время оккупации Заонежья выселялась в д. Керола (Керака?). После возвращения в родную деревню дом нашла разрушенным, поля запущенными. В год записи (1944) Аксинье Ивановне было 66 лет. Собиратель А. П. Разумова записала от нее два плача. *(АКНЦ 75/153).*

311. ЯРИЦЫНА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА, 1888 г.р. д. Хабаровская, Толвуйского сельсовета. В год записи (1944) Александре Петровне было 56 лет. Неграмотная. Собиратель А. П. Разумова записала от нее пять плачей. Каждый из плачей носит автобиографический характер. Часто она плакала по первому мужу, по матери и особенно по детям. Училась причитывать от матери. В 1932 г. у нее умерла единственная дочь. На фронте воевали три сына. Один из них был убит, другой был мобилизован в армию еще до оккупации Заонежья, четыре раза ранен, в 1945 г. обещал быть дома. От третьего сына Александра Петровна

известий не получала. В оккупации перенесла много горя. Причитывает обычно на кладбище, при посещении «умершей могилушки». Основной мотив ее плачей – тоска по растерянным детям и жалобы на тяжелую жизнь в оккупации. *(АКНЦ 75/182; 76/87).*

312. ЯРИЦЫНА ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, д. Пабережье Кажемского сельсовета. Из письма Прасковьи Ивановны в КНИИК Белованової А. В.: «Многоуважаемая Александра Васильевна, может, вы миня забыли, так вспомните. Мы жали овес в поле, а вы приходили и оставили мне ваш адрес. Я обещала вам написать ету причить, так пишу. <…> Александра Васильевна, как получите, то прошу вас, дайте ответ, что получили, буду ждать. Мой адрес: Заонежский р-н, Кажемский с/совет, д. Пабережье. Ярицыной П. И.» О себе Прасковья Ивановна писала: «Не замужняя, не имела ни мужа и ни детей, а только держала надежду на единственного брата, который, отслуживши Красную Армию, работал в гор. Петрозаводске в железнодорожной милиции, а потом переехал в Западную Белоруссию, оттуда и пошел на фронт. Вот я за его и плакала». Прасковья Ивановна прислала три плача: «в ожидании сестры», «по брату», «о разрушенном доме». *(АКНЦ 75/118, 118а).*

312а. Из статьи А. И. Фролова «Дом, в котором жила и работала вышивальщица П. И. Ярицына. Село Пабережье»: «Ярицына Прасковья Ивановна (1890–1965) – мастер художественной вышивки, работница артели „Заонежская вышивка“. П. И. Ярицына родилась в деревне Пабережье Петрозаводского уезда Олонецкой губернии в семье крестьян Ивана Яковлевича и Александры Ипполитовны Ярицыных. В деревне Пабережье закончила сельскую школу. Искусству вышивки П. И. Ярицына выучилась в детские годы у матери, в совершенстве владевшей техникой вышивания.

С 1928 по 1948 г. П. И. Ярицына работала в артели „Заонежская (Хашезерская) вышивка“ и стала одной из ведущих ее мастериц. П. И. Ярицына добивалась высокой выразительности своих произведений благодаря виртуозному владению техникой. Она выполняла вышивки тамбуром по сетке, филе, крестом, полукрестом и другими приемами. Излюбленной ее техникой был тамбур по филе. Произведения П. И. Ярицыной экспонировались на республиканских и всесоюзных художественных выставках; некоторые из них приобретены музеями Карельской АССР.

В 1931–1941 гг. П. И. Ярицына работала в пабережском отделении артели „Заонежская вышивка“. В годы Великой Отечественной войны артель „Заонежская вышивка“ временно прекратила работу. После освобождения Карелии от фашистских захватчиков П. И. Ярицына участвовала в восстановлении художественных вышивальных мастерских.

За многолетнюю работу в области народного прикладного искусства и творческие успехи П. И. Ярицына была награждена в 1948 г. орденом „Знак Почета“. С 1948 г. П. И. Ярицына жила в Москве, получала персональную пенсию. П. И. Ярицына умерла в Москве 17 декабря 1965 г.

На родине П. И. Ярицыной в селе Пабережье сохранился дом, в котором она жила и работала в период 1935–1948 гг. Это единственный в Карелии мемориальный памятник, связанный с ее именем.

Дом, в котором жила П. И. Ярицына, построен в 1926 г. Его сруб был первоначально поставлен в деревне Хашезеро, а в 1926 г. после приобретения семьей Лопаревых разобран и перевезен в деревню Пабережье. Дом деревянный, одноэтажный, принадлежит к широко распространенному типу построек „брус“…». *(Фролов, 1977. С. 151).*

313. ЯСТРЕБОВА АЛЕКСАНДРА КИРИЛЛОВНА, 77 лет, 1855 г.р., до революции крестьянка-батрачка. В 1932 г. жила в Инвалидном доме в д. Клименицах Заонежского района. Одинокая, слепая, неграмотная. Знала только былину о Добрыне и Алеше, которую усвоила от старух своей деревни (на Повенецком побережье). Текст знала твердо, но не пела, сказывала словами без всяких комментариев.

Записанную от нее былину называла «ста́риной», однако сомневалась в действительности изображенного в ней и относилась к ней, как к сказке. Былину эту рассказывала, по собственным словам, своим сожительницам «от безделья». Знала и сказки. *(Астахова, Т. II. С. 154).*

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях приводятся жанровые характеристики репертуара исполнителей, вошедших в работу, фамилии собирателей, названия населенных пунктов и годы записей, публикации и перепечатки текстов.

Жанровая принадлежность текстов, за редким исключением, дается согласно описям, имеющимся в коллекциях, в которых учтены варианты, повторы текстов. В данном случае речь идет о материалах АКНЦ РАН. Буква Ф. означает фонд; Р. – разряд; оп. – опись; к. – коллекция; № коллекции / № единицы хранения; д. – дело; дн. – дневник; Фон. – фонотека; № кассеты / № записи; вар. – вариант; отр. – отрывок.

Не расшифрованные фонозаписи от сказителей и материалы, записанные в Заонежье, но хранящиеся в других архивах, не учитывались. В примечаниях даны только публикации.

Цифры в скобках перед публикациями означают соответствие, если таковое указывалось или удалось установить, архивных текстов или фонозаписей с опубликованными или номера текстов в издании, из которого они перепечатывались. Перепечатки указываются непосредственно после публикаций, из которых они взяты.

1. От Акинфина М. Г., д. Тявзия, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали плач о разрушенном «хоромном строеньице» и об одиночестве. В АКНЦ текста нет.

См. публ.: Базанов, 1945. – С. 45; Базанов, Разумова, 1962 – № 1. С. 222.

2. От Акинфиной А. С., д. Тявзия, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали плачи: похоронный – 75/69, бытовой – 75/70.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 2–3. С. 222.

3. От Аксёнова В., д. Леликово, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал четыре былины.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 131–134. С. 692; 2-е изд. Т. II – С. 368; 3-е изд. Т. II – С. 332, 696; 4-е изд. Т. II – С. 382, 794. Перепечатаны: (2-е изд. № 133) Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 230; 2-е изд., 1938 – С. 227. В примечаниях сказитель ошибочно назван Алексеевым; (1-е и 2-е изд. № 134) Соболевский, Т. I – № 83. С. 134; Ухов, 1957 – № 70. С. 439, 503; Пропп, Путилов, Т. 2 – С. 324, 491.

4. От Алешиной Т. Ф., п. Ламбасручей, в 1970 г. записывали У. С. Конкка, А. С. Степанова, Э. П. Кюльмясу (Кемпинен) (м/записи не расшифрованы); в 1981 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен (к. 148); в 1983 г. – Т. И. Сенькина, В. П. Кузнецова (к. 162), студенты ПГУ М. Ф. Михайлова, С. В. Никитина,

М. Ю. Гагарина, Т. Гришина, О. Кокарева, Л. Кабанова под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161) записали: свадебные плачи – 148/33 (отр.), 56; 162/72, 74; свадебные песни – 148/20, 29, 30, 31, 34–36, 46–52; 162/80–87, 89; свадебный обряд – 148/32, 53–56; 162/74; о свадебном дружке – 148/32; свадебные приговорки – 148/55; 162/90, 93; песни: плясовые – 148/76–78; 161/9, шуточные – 148/65; 162/50 (самод.), 51, семейно-бытовые – 148/67, 79; 162/48, солдатские – 161/225; 162/49, балладные – 148/74, 80, любовные – 148/63, 68–70, 75; 161/228, самодеятельную – 148/66 (отр.); романсы – 148/64, 71–73; 161/8, 226; 162/88; частушки – 161/218–224 (7 шт.); 162/25–26 (2 шт.), 27–47 (21 шт.), баллады – 161/227; 162/1; былину – 162/2 (отр.); о гадании – 148/62; о бытовании сказки – 162/23; биографический рассказ – 162/24.

Жанры 148/20, 29–32, 34, 36, 50–52, 56, 62–69, 71–74; 80; 162/27–47, 80, 81, 88, 89 Татьяна Федоровна исполняла с М. Я. Кирьяновой; 148/70 – с М. Я. Кирьяновой, А. И. Палтусовой; 148/54, 55 – с А. И. Кирьяновой; 148/53 – с А. И. и М. Я. Кирьяновыми, А. И. Палтусовой; 162/84–86 – с М. Я. Кирьяновой, А. И. Палтусовой и А. Н. Теребовой; 162/74, 87 – с М. Я. Кирьяновой и А. Н. Теребовой.

См. публ.: свадебных плачей (Фон. 1331/12, 13, 14; 1332/4) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 5, 24, 38, 140. С. 51, 83, 101, 217; *свадебной приговорки:* (162/93 = Фон. 2724/19) – № 115. С. 191; *свадебных песен:* (148/29–31, 36, 46, 48, 50–52; 162/87, 89 = Фон. 2654/1–3; 2654/7; 2655/7, 9, 12–14; 2723/12, 14) – № 29, 93, 96, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 111, 146. С. 89, 163, 169, 174, 177, 179, 181, 184, 187, 188, 221.

5. От Алешиной Ф. М. в д. Тамбицы и Мягрозеро в 1944 г. А. П. Разумова и А. В. Белованова записали бытовые плачи: 75/79, 80, 140.

См. публ.: (75/79, 80) Базанов, Разумова, 1962 – № 5, 6. С. 226.

6. От Амбаровой А. Н., д. Огаровская, в 1944 г. В. Г. Базанов записал плачи. В АКНЦ имеется текст бытового плача – 75/31.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 7, 8. С. 229.

7. От Амосова В. В., д. Обозеро, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. М. Соколов записали две былины – побывальщины; в 1932 г. записи производили Б. М. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68); в 1937 г. – К. В. Чистов (к. 74). В АКНЦ имеются тексты четырех былин – 68/15–18; сказок: волшебной – 74/86, новеллистической – 74/87.

См. публ. былин: Соколов, Чичеров, 1948 – № 159, 160. С. 628, 894; Астахова, Т. II – № 122–125. С. 128, 698, 752, 755, 762.

8. От Амосовой Ф. С., д. Обозеро, в 1932 г. записи производили Н. Н. Тяпонкина, М. Б. Каминская (к. 68), в 1937 г. – К. В. Чистов (к. 74). В АКНЦ имеются тексты: былины – 68/24; песен: любовных – 74/83, 84, солдатской – 74/85.

Песни Фекла Семеновна исполняла с Пашовой М. К.

9. От Ананьговой С. М., д. Кузаранда, в 1986 г. студенты ПГУ В. Г. Фролова, Е. В. Бориц, О. Кирилина под рук. Т. И. Сенькиной записали: былички (о колдовстве и гадании) – 179/2, 23, 24; песни: мещанские – 179/3, 47, семейно-бытовую – 179/25, балладную – 179/26; частушки – 179/4–22, 30–46; загадки – 179/28, 29; игру – 179/27.

10. От Андреевой А. И., д. Космозеро, в 1980 г. Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен и студентка КГПИ Т. Тихонова записали: сказки-анекдоты – 142/324, 325; песни: шуточные – 142/323, 330, свадебную – 142/328, плясовую – 142/329, семейно-бытовую – 142/639, мещанскую – 142/640, литературного происхождения – 142/327; биографические рассказы – 142/326, 641.

См. публ.: сказки (142/325) Онегина, 1986 – № 53. С. 148, 211.

11. От Андреевой И. А., д. Ивантиевская, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова, А. В. Белованова записали бытовые плачи – 75/159, 190, 190а.

См. публ.: (75/159) Базанов, 1945. – С. 50 (отр.); Базанов, Разумова, 1962 – № 9. С. 231 (полный текст).

12. От Андреевой П. М., д. Яндомозеро, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/163, 164; **от Андреевой А. И.** – 75/189, 189а.

13. От Андрианова К. Д., д. Конда, записи производили: в 1931 и 1932 гг. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 66, 68, дн. 94), Н. Г. Котлярова (дн. 73); в 1937–1940 гг. – Е. Родина и др. (к. 63, 76). В АКНЦ имеются тексты: исторических песен – 68/2, 4; 76/1, 3; былин – 68/1, 3, 5; 76/2; песен: солдатских – 76/4, плясовых – 63/34, 45, семейно-бытовых – 63/36, 44, тюремной – 63/38, любовной – 63/39, самодеятельных (авторских) – 63/42, 105; частушек – 63/47 (6 шт.); романсов – 63/26, 35, 43, 47а; диалектных слов (говора Заонежья) – 66/32. Л. 34, 54; былин-новин – 63/41, 57–59, 69; 76/6–10; сказа-новины – 63/72; самодеятельных стихотворений – 63/40, 46, 71, 106; 76/5, 11; сатирического рассказа о Клименицком монастыре – 63/37; рассказа о прежней жизни, о колхозном строительстве – 63/70; 76/12; Р. VI, оп. 1, № 73, л. 43, 47; примет – Р. VI, оп.1, № 73, л. 48; биографии сказителя – Р. VI, оп. 1, № 94, л. 28; 122/1, л. 1–5, л. 6 – м/п копия; былинный и песенный репертуар – 122/1, л. 1.

В репертуаре Кузьмы Дмитриевича учтены его собственноручные записи (к. 76).

См. публ. былин и исторических песен: Астахова, Т. II – № 104–108. С. 36, 716, 724, 737, 774, 803. Перепечатаны: (№ 104) Путилов, 1986 – С. 450 (вар. I), 521; (№ 107) Путилов, Добровольский, 1960 – № 191. С. 278, 653; (№ 108) Исторические песни XVII в. – № 18. С. 41, 337.

14. От Андрианова М. К., д. Конда, в 1931 г. записи производили Н. Н. Тяпонкина (к. 66, дн. 94), Н. Г. Котлярова (дн. 73), Забаровская (дн. 67). В АКНЦ имеются записи диалектных слов (говора Заонежья) – 66/32. Л. 5–10, 31; былички – Р. VI, оп. 1, № 67, л. 14; то же: Р. VI, оп. 1, № 73, л. 27; Р. VI, оп. 1, № 94, л. 19; предания – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 13.

15. От Андриановой А. К., д. Конда, в 1931 г. записи производили В. П. Галашина (к. 66), С. А. Лорви (дн. 78, 79), Н. Н. Тяпонкина (дн. 94), Н. Г. Котлярова (дн. 73), З. Курдова (дн. 92), М. Пуговкина (дн. 90). В АКНЦ имеются записи песен: свадебной – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 42–43; Р. VI, оп. 1, № 90, л. 29; Р. VI, оп. 1, № 94, л. 34, любовной – Р. VI, оп. 1. № 78, л. 94 – то же: Р. VI, оп. 1, № 90, л. 28; о народной медицине (о лечении призора, родимца, зуба, о наговорах) – Р. VI,

оп. 1, № 73, л. 61; Р. VI, оп. 1, № 92, л. 49, 50; рассказа о заготовке бревен для постройки домов – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 60; отрывка кумулятивной сказки – Р. VI, оп. 1, № 79, л. 75; частушек – 66/30 (16 шт.) – исполняла вместе с Суриковой.

16. От Аникиной А. А., д. Ямка, в 1988 г. студентка Д. Л. Хорош под рук. В. П. Ершова записала: о календарных праздниках и обрядах в Новый год – 181/95, 96, 99; о беседах (играх, песнях, танцах) – 181/97; о свадебном обряде – 181/98; о названии деревень – 181/99; частушки – 181/100, 103, 107, 108, 111, 117, 119–121, 125; песню любовную – 181/128, 129; о магии – 181/134.

17. От Антонова Т., д. Типиницы, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал две былины:

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 43–44. С. 211; 2-е изд., Т. I. С. 296; 4-е изд., Т. I. С. 396; 712. Перепечатана: (2-е изд. № 44) Нечаев, 1-е изд., 1937. – С. 164; 2-е изд., 1938. – С. 161. В примечаниях ошибочно указана дер. Гагарка Пудожского района.

18. От Антроповой О. А., д. Кузь-Губа (Шуньга), в 1932 г. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина записали былину и песни. В АКНЦ имеются только тексты песен: любовной – 68/188, самодеятельной – 68/187.

См. публ. былины: Астахова, Т. II – № 145. С. 449, 743.

19. От Архиповой А. В., д. Пустоши, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовой плач о разрушенном доме и ожидании сына – 75/32.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 10–11. С. 234, 564.

20. От Балагуриной А. Е., д. Сычи, в 1926 г. Ю. М. Соколов, С. П. Бородин, Ю. А. Самарин записали три былины и духовный стих.

См. публ. былин: Соколов, Чичеров, 1948 – № 116–118. С. 514, 890.

21. От Барановой Т. П., д. Кургеницы, Кижи, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Л. Астафьева, А. Буковская, В. Велинская под рук. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: репертуара – 79/348б; причитаний свадебных – 79/348, 355, 356; песен: свадебных – 79/349, 350, любовных – 79/351, 352, 363–365, шуточной – 79/353, кадрильных (плясовых) – 79/357–362; мещанского романса – 79/354; биографической справки – 79/348а.

Песни, причитания и романс Татьяна Павловна исполняла вместе с Е. Е. Мотовой.

22. От Батова А. В. с Выгозера в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал в Данилове и Тайгиницах пять былин, в 1886 г. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш в Габнаволоке – историческую песню.

См. публ. былин: Гильфердинг, 1-е изд. – № 185–189. С. 904; 2-е изд. Т. II. С. 665; 3-е изд. Т. II. С. 612, 704; 4-е изд. Т. II. С. 698, 803. Перепечатаны: (2-е изд. № 188) Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 223; 2-е изд., 1938 – С. 220; (4-е изд. № 188) Путилов, 1957 – С. 264, 466; Путилов, 1986 – С. 428 (вар. V), 518; (3-е изд. № 188) Калугин, 1986. С. 419 (2-е изд. № 189) Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 136; 2-е изд., 1938 – С. 133; (3-е изд. № 189) Астахова, 1947 – № 19. С. 122, 135; *исторической песни:* Истомин, Дютш, 1894 – № 7. С. 51. Перепечатана: Миллер, 1915 – № 124. С. 394; Путилов, Добровольский, 1960 – № 213. С. 336, 658.

23. От Белкова П. Я., д. Нефедово близ Шуньги, в 1926 г. записи сказок, песни производили И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова и другие.

См. публ. исторической песни: Колпакова, 1927 – С. 144; *сказок:* Карнаухова, 1934 – № 11–13. С. 25, 377. Перепечатана: (№ 13) Чистов, 1958. С. 124.

24. От Беловой А. А., д. Фомино (Шуньга), в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 160), студенты ПГУ С. В. Михалкина, М. И. Попова, Ж. В. Соловей, Н. Л. Шкляева под рук. В. Н. Захарова (к. 161), в 1986 г. студентка ПГУ О. Куимова под рук. Т. И. Сенькиной (к. 179); в 1991–1992 гг. В. П. Кузнецова, Р. Б. Калашникова, студенты М. Куликова, С. Куликов, Ж. Гвоздева, М. Петровская, А. Пронин, Е. Наумова (к. 191 – не все м/записи расшифрованы) записали сказки: о животных – 160/1, волшебную – 160/2; песни: кадрильные, плясовые, игровые, хороводные – 160/56, 57, 59–62, 64, 72, 177, 180; 179/83а; 191/95–98, 101–111, 124, 130, 132, 231, шуточные – 160/58, 67, 171, 172, 174, 175, 176 (отр.), 180; 161/593, свадебные – 160/63, 178, 179 (отр.), 180, 181 (отр.), 188–193; 179/80а–82а, 83б, 84; 191/4, 5, 19, 21, 22, 23, 24, 72, 76–78, 88, 135, любовные – 160/65, 68, 173 (отр.); 161/601; 179/72, 83, 86; 191/4, 5, 20, 24–25, 72, 73, 85–87, 89–91, 94, 99, 135, семейно-бытовые – 160/121, 182 (отр.), 194; 179/71а, 85, солдатскую – 160/195, балладные – 160/196; 161/596а; 191/84, 131, лирическую – 179/80, тюремные – 161/598; 191/125, самодеятельные – 161/545, 595, 597, 600, 602; мещанские романсы – 160/69–71; 161/594, 596, 599; 191/92, 100, 133; частушки – 160/73–103; 161/546–592; 179/50–71; 191/150–230; о свадебном обряде – 160/193; 191/3, 4, 26, 29, 30, 80, 81; свадебное причитание – 191/26; приговоры дружки – 191/3, 30; о порче жениха – 191/29; поверья – 179/74; былички – 179/72–78, 87–88; о гадании в святки – 191/79; о праздниках – 191/134; об исполнителях и о бытовании жанра песен – 191/64, 81, 93; пословицы и поговорки – 160/187; 161/603–605; шуточный рассказ – 160/66; автобиографический рассказ – 191/31.

Жанры 191/64, 81, 84, 85–91, 99–111, 124, 125, 135 Анна Александровна исполняла с П. И. Гириной, Е. И. и Н. П. Фалеевыми, А. П. Гавриловой, А. М. Павловой, З. В. Мурашовой, В. Т. Зуевой; 191/72, 73, 76, 78, 92, 95–98, 130, 131, 133, 134 – с П. И. Гириной; 191/19–26 – с А. П. Гавриловой, П. И. Гириной, З. В. Мурашовой, Е. И. Фалеевой; 191/81 – с П. И. Гириной, Е. И. Фалеевой; 191/3, 4 – с Н. П. и Е. И. Фалеевыми, А. П. Гавриловой, Н. А. Романовой.

См. публ. свадебных песен: (191/19, 20, 22, 72, 76, 77 = Фон. 3246/8; 3247/25–28, 30, 32; 3259/9, 10) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 30–32, 34, 92, 94, 105, 109, 151. С. 90, 92, 94, 98, 160, 166, 183, 186, 230.

25. От Белоусова Д. В., д. Падмозеро, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала сказки и небылицы, А. М. Астахова – отрывок былины о Чуриле.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 60–63. С. 126, 396. Перепечатана: (№ 62) Чистов, 1958 – С. 238.

26. От Бесовой С. И., д. Юлмани (?), в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: похоронный – 75/13, свадебные – 75/14 (7 шт.).

27. От Биканиной Н. П., д. Волкостров, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Ю. А. Новиков, Е. А. Костюхин под рук. доц. Э. В. Померанцевой.

В АКНЦ имеются тексты песен: колыбельной – 79/414, свадебной – 79/415; мещанского романса – 79/413.

28. От Благочинной А. Л., д. Лебещина, в 1983 г. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен записали: романс – 164/235; песни: свадебную – 164/236, хороводную – 164/237; причитания свадебные – 164/238–241; свадебный обряд – 164/242.

Песни 164/236, 237 Александра Лукинична исполняла с Е. А. Минкиной.

См. публ. свадебных плачей: (164/238, 240, 241 = Фон. 2770/13, 15, 16) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 10, 43, 56. С. 59, 105, 113; *свадебной песни*: (164/236 = Фон. 2770/11) – № 103. С. 180.

29. От Блохановой А. Ф., д. Петры, в 1956 г. записи производили студенты МГУ под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты: баллады – 79/491а; песен: плясовой (хороводной) – 79/495, бытовой – 79/496, любовной – 79/497; репертуар – 79/498.

Балладу и песни Анастасия Федоровна исполняла с Е. Л. Трегубовой.

30. От Богданова Л., д. Середка, в 1860 г. П. Н. Рыбников записал десять былин и исторических песен и несказочную прозу.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд. ч. I – № 8, 40, 44, 63, 66, 71, 80. С. 33, 237, 255, 367, 389, 409, 463; ч. III – № 48, 49, 63 – С. 272, 273, 341; ч. IV – С. 219–233; 2-е изд. Т. 1 – № 51–60. С. 318; Т. 3 – С. 187–188, 199–201; 3-е изд. Т. 1 – № 52–61. С. 336; Т. 3 – С. 182–183, 191–193. Перепечатаны: полностью текст «Святогор с Ильей Муромцем» (1-е изд., ч. I. № 8. С. 33–42) = «Святогор и Илья» (2-е изд. № 51. С. 321–322) Водовозов, 1955 – С. 53, 375; Астахова, 1958 – № 1, С. 10, 451; Калугин, 1986 – С. 36; сюжет текста «Исцеление Ильи Муромца»: Ляцкий, 1911 – С. 25; Богомолов, 1954 – С. 45, 305; Азбелев, 1984 – С. 17; сюжеты текста: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Святогор»: Ухов, 1957 – № 29. С. 215, 577; «Илья Муромец и Святогор»: Путилов, 1986 – С. 367 (вар. II), 498; сюжеты: «Святогор и тяга земная» (1-е изд. ч. I – С. 39–40, сноска) и «Женитьба Святогора» (2-е изд. Т. 1 – С. 321–322, сноска): Сперанский, Т. II – № 1, С. 101, 520; Азадовский, 1947 – № 1. С. 25, 213; Водовозов, 1955 – С. 49, 374; Ухов, 1957 – № 28. С. 214, 477; Пропп-Путилов, Т. II – С. 77, 463; Калугин, 1986 – С. 45; (2-е изд. № 52): Ляцкий, 1911 – С. 132; (№ 53, 54): Смирнов, Смолицкий, 1978 – № 33, 65. С. 405, 440; (№ 55): Миллер, 1915 – № 109. С. 304; Путилов, Добровольский, 1960 – № 206. С. 310, 657; (1-е изд. ч. I. № 71 = 2-е изд. № 56): Соболевский, Т. I – № 32. С. 62; (1-е изд. ч. III. № 48 = 2-е изд. № 58): Киреевский, ч. 3. Вып. 8 – С. 44; Астахова, 1947а – № 13. С. 39, 60; Путилов, 1962 – С. 197, 352; Исторические песни XVIII в. – № 12. С. 24, 292; (1-е изд. ч. III. № 49 = 2-е изд. № 59): Миллер, 1915 – № 280. С. 697; Лозанова, 1928 – № 9; Исторические песни XVII в. – № 262. С. 236, 365; (1-е изд. ч. III. № 63 = 2-е изд. № 60): Соболевский, Т. I – № 261. С. 341; Т. VI – № 116; *несказочной прозы:* ОГВ, 1862, № 48, 49; то же: Газета «День», 1862, № 52. С. 13–15; 1863, № 4. С. 13–15; ПК, 1864, ч. II – С. 191–207; (2-е изд. Т. 3. С. 187–188, 199–201) = «Пропавший муж» и «Два промышленника»: Азадовский, 1947 – № 42, 45. С. 181–182, 188–190, 230, 231; Азбелев, 1992 – № 234, 243. С. 337, 364.

31. От Богдановой-Зиновьевой Н. С., д. Зиновьево, в 1901 г. Н. С. Шайжин, К. И. Дмитриев записали три былины и четыре плача; в 1926 г. в Петрозаводске

А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, Э. В. Эвальд – былины, духовные стихи, сказки и песни; в том же году в Петрозаводске Ю. М. Соколов, С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, В. А. Дынник – десять былин; в 1927 и 1929 гг., во время приездов ее в Москву и Ленинград, делались повторные записи; в 1931–1932 гг. в д. Зиновьево М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 66, 68, дн. 94), Н. Г. Котлярова (дн. 73) вновь записали от нее несколько былин, духовных стихов и автобиографию. В АКНЦ имеются записи: о местном говоре (диалектные слова) – 66/32. Л. 21–26; о народной медицине (о калган-корне) – 66/32. Л. 22; Р. VI, оп. 1, № 73, л. 23; Р. VI, оп. 1, № 92, л. 18–19; былины – 68/9–12, 196; рассказы (о дирижабле, о богатырях и др.) – 68/13; Р. VI, оп. 1, № 73, л. 21; былички (суеверия) – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 27; автобиографии – 122/5, л. 21–28; л. 29–37 (м/копии).

См. публ. былин: ОГВ, 1906. № 50–51, 53, 55, 56; – то же: Шайжин, 1906. С. 118; – то же: Миллер, 1908 – № 28, 61, 84; О. неделя, 1911. № 27. (Запись 1932 г.): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 257; 2-е изд., 1938 – С. 253. Соколов, Чичеров, 1948 – № 149–158. С. 590, 893. Перепечатаны: (№ 150) Путилов, 1986 – С. 236, 520; (№ 156) Пропп, Путилов, Т. 2 – С. 312, 489; Балашов, 1963 – № 2. С. 92, 386; (№ 157) Путилов, Добровольский, 1960 – № 100. С. 118, 640. Астахова, Т. II – № 109–118. С. 48, 702, 706, 710, 724, 725, 735, 737, 774, 782, 796, 803. Перепечатана: (№ 116) Путилов, Добровольский, 1960 – № 190. С. 277, 653; *причитаний:* («Причеть по утопшем на Киваче») Шайжин, 1907 – С. 44; Русские плачи, 1937 – С. 121; Виноградов, Лозанова, 1941 – С. 122; Базанов, 1945а – С. 94; Базанов, 1947 – С. 192 (отр.); Чистов, 1960 – С. 221, 404; («Вопит дочи у отця», «Причеть сестры по сестры на буевы головушки»): Шайжин, 1910 – С. 204; Шайжин, 1910а – С. 1–23 (отд. оттиск); Русские плачи, 1937 – С. 96, 111; Виноградов, Лозанова, 1941 – С. 121 (отр. плача дочери по отцу); Чистов, 1960 – С. 238, 405; («Вой по трехлетнем сыни», «Мать у дочки плачет»): Шайжин, 1911 – С. 195; Шайжин, 1911а – С. 1–14 (отд. оттиск); Русские плачи, 1937 – С. 99; Базанов, 1945а – № V. С. 83 (плач о дочери); Чистов, 1960 – С. 227, 405; *сказки:* Карнаухова, 1934 – № 64. С. 131, 397; *песен:* О. неделя, 1911. № 27; Гудков, Леви, 1941 – № 2. С. 57.

32. От Боровлевой Е. Ф., д. Тявзия, в 1944 г. В. Базанов и А. П. Разумова записали бытовые плачи – 75/128, 129.

См. публ.: (75/128) Базанов, 1945 – С. 48 (отр. плача); Базанов, Разумова, 1962 – № 13, 14. С. 236.

33. От Бочановой А. Н., с. Великая Губа, в 1980 г. записи производили В. П. Кузнецова и студенты КГПИ Л. Панкратова, О. Яковлева, Т. Тихонова (к. 142); в 1990 г. В. П. Кузнецова, А. А. Лапин (м/з не расшифрованы). В АКНЦ имеются тексты сказок: волшебных – 142/29, 359, новеллистической – 142/31, сказки-анекдота – 142/130; быличек – 142/5, 136; считалок – 142/24–26; загадок – 142/18–20; бытовых рассказов (о состязании на лошадях, о тунгусском метеорите) – 142/22, 372; романсов – 142/375, 376; песни-переделки («Коробочка») – 142/129; о бытовании жанра – 142/2а, 30.

Романс 142/375 Антонина Николаевна исполняла с А. Ф. и Н. С. Чиркиными, 142/376 – с А. Ф. Чиркиной.

См. публ. сказок: (142/29, 130, 359) Онегина, 1986 – № 28–30. С. 96, 205.

34. От Бочановой А., с. Великая Губа, в 1980 г. Н. Ф. Онегина и А. Т. Пакконен записали: загадки – 142/117–119, 351–353; считалки – 142/23, 27, 110–112; сказку-анекдот – 142/628; сказку о животных – 142/629.

См. публ. сказок: (142/628, 629) Онегина, 1986 – № 31–32. С. 103, 205.

35. От Бровиной В. И., д. Алексеевская, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/157, 158.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 15–17. С. 238, 564.

36. От Буториной К. Н., д. Клементьевская, в 1937 г. М. М. Михайлов записал былину – 74/46.

37. От Бытовой К. Ф., д. Сычи, в 1956 г. записи производили студенты МГУ В. М. Гацак, Л. Н. Гаврилова, Н. И. Савушкина, Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты песен: солдатских (рекрутских) – 79/1а, 4, самодеятельной – 79/3, плясовых, игровых – 79/104–107, любовных – 79/108, 110, 114, 115, свадебных – 79/111; свадебного причитания – 79/109; жестокого романса – 79/2; частушек – 79/5 (5 шт.); духовных стихов – 79/112, 113 (отр.); биографической справки и песенный репертуар – 79/1, 103.

Песни 79/104–108, 110, 111, 114, 115; причитание – 79/109; духовные стихи – 79/112, 113 Клавдия Федоровна исполняла с А. П. Васильевой, Ф. Г. Носовой и М. М. Бытовой.

38. От Бытовой М. М., д. Сычи, в 1956 г. записи производили студенты МГУ В. М. Гацак, Н. И. Савушкина, Л. Н. Гаврилова, Н. Чернявина под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты песен: плясовых – 79/9, 9а, 93, 104–107, любовных – 79/6, 8, 96, 97, 108, 110, 114, 115, свадебных – 79/94, 95, 98, 111, самодеятельной – 79/7; частушек – 79/10 (15 шт.); свадебного причитания – 79/109; духовных стихов – 79/112, 113 (отр.); биографической справки – 79/103.

Песни 79/104–108, 110, 111, 114, 115; причитание – 79/109; духовные стихи – 75/112, 113 Мария Михайловна исполняла с К. Ф. Бытовой, А. П. Васильевой, Ф. Г. Носовой; 79/93–98 с Ф. Г. Носовой и А. П. Васильевой.

39. От Васильева Г., Кижская волость, в 1861 г. крестьянин д. Конда А. И. Соколов записал для П. Н. Рыбникова историческую песню «Кострук».

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. II – № 37. С. 227; 2-е изд. Т. 1 – № 95. С. 480; 3-е изд. Т. 1 – № 96. С. 459, 506. Перепечатана: Миллер, 1915 – № 54. С. 143; Путилов, Добровольский, 1960 – № 180. С. 258, 652.

40. От Васильева И. М., д. Шуньга, в 1926 г. Т. В. Попова записала сказку-анекдот.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 19. С. 41, 381.

41. От Васильевой, д. Мигуры, в 1931 г. записи производили М. Пуговкина (дн. 63 и 90), З. Курдова (дн. 75 и 92), Н. Н. Котлярова (дн. 73). В АКНЦ имеются: рассказ о катальщиках валенок – Р. VI, оп. 1, № 63, л. 16; – то же: Р. VI, оп. 1, № 75, л. 20; Р. VI, оп. 1, № 92, л. 14; о местном говоре (диалектные слова) – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 20; Р. VI, оп. 1, № 90, л. 15; поговорка – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 20; – то же: Р. VI, оп. 1, № 90, л. 15; о верованиях (о кресте) – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 7; о народной

медицине (о лечении скота) – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 17; бытовой рассказ (об охоте на волков) – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 20; – то же: Р. VI, оп. 1, № 90, л. 17.

42. От Васильевой А. П., д. Сычи, в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак, Н. И. Савушкина, Н. Чернявина под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи песен: плясовых – 79/93, 104, 105, 106, 107, любовных – 79/96, 97, 108, 110, 114, 115, свадебных – 79/94, 95, 98, 111; духовных стихов – 79/112, 113 (отр.); свадебного причитания – 79/109; биографической справки – 79/103.

Песни 79/93–98 Авдотья Павловна исполняла с М. М. Бытовой, Ф. Г. Носовой; 79/104–108, 110, 111, 114, 115; причитание – 79/109; духовные стихи – 79/112, 113 – с К. Ф. и М. М. Бытовыми, Ф. Г. Носовой.

43. От Васильевой Е. А. из д. Леликово в 1937 г. в д. Новинка Кондопожского р-на А. И. Антипова (к. 86), в 1938–1939 гг. Е. П. Родина, Ф. С. Фомкин, С. Черникова (к. 88) записали сказки: волшебные – 86/8, 13; 88/1–8, 10, 13а, 14, 15, 16а, 17, 18, 20, 21, 24, 25–31, 59–64, сказки-анекдоты – 88/11–13, легендарные – 88/16, 19, о животных – 88/22, 23; репертуар – 86/9, 88/9; мещанские романсы – 88/33, 45, 46, 51, 53, 54; песни: историческую – 88/35 (отр.), балладные – 88/38, 41, любовные – 86/10; 88/32, 36, 37, 40, 44, 47, 49, 55, семейно-бытовые – 86/11, 12; 88/34, 52, 56, тюремную – 88/43, 50, 57, шуточную – 88/58, литературную – 88/39; баллады – 88/42, 48; биографии – 122/9. Л. 53–63 (рукописи), л. 64–65 (м/копия).

См. публ. сказок: (88/5, 11, 12, 23, 30, 59) Онегина, 1986 – № 18–23. С. 77, 202.

44. От Вострикова П. И., д. Верховье, в 1937 г. М. М. Михайлов записал: сказку-анекдот – 74/1, легендарную – 74/59; репертуар – 74/1; краткую биографическую справку – 74/л. 1; 122/13. л. 79 (м/копия).

45. От Галашиной А. А., д. Деригузово, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 160); студенты ПГУ М. И. Попова, С. В. Михалкина, Н. Л. Шкляева, Ж. В. Соловей под рук. В. Н. Захарова (к. 161); в 1991–1992 гг. В. П. Кузнецова, сотрудники музея «Кижи» Р. Б. Калашникова, М. Куликова, Ж. Гвоздева, С. Куликов, М. Петровская, Е. Наумова, А. Пронин (к. 191); в 1997 г. – В. П. Кузнецова, А. А. Лапин (м/записи не расшифрованы) записали: быличку – 161/545; о свадебном обряде и о свадьбах – 191/6–11, 27, 28; свадебные причитания – 191/7–9; свадебные приговорки – 191/10, 11, 28; о колдовстве (о порче свадьбы) – 191/13, 14; о верованиях (о приметах на сны) – 191/272; сказку-анекдот – 191/12; духовные стихи – 191/273, 275, 277, 278 (отр.), 279; балладу – 191/276; стихотворение литер. происхождения – 191/274; эпистолярный жанр – 191/280, 281; о молодежных беседах, играх, быте – 191/271; о бытовании жанра (песен) – 160/39; «страдания» – 191/256–268; романсы – 191/122, 123, 235, 236, 269, 284; частушки – 191/237–243, 245–249, 253–255; об исполнении (и содержании) песен – 191/282; песни: балладные – 191/251, 283, рекрутскую – 191/244, кадрильную – 191/250, шуточную – 191/252, семейно-бытовую – 191/270; заговор на потерявшийся скот и заклинания на дождь – Фон. 3247/12; 3248/7, 8.

См. публ.: заговора и заклинаний (Фон. 3247/12; 3248/7, 8) Курец, 2000 – № 431, 447, 448. С. 150, 155, 224, 227; *свадебных причитания и приговорки:* (191/7, 11 = Фон. 3246/30) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 42, 157. С. 104, 244.

46. От Ганьковой М. И., д. Толвуя, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, студенты ПГУ М. Г. Потахина, Н. А. Вяхирева (к. 160, 161) записали: байки – 160/114; 161/776, 777; прозвища – 160/212; 161/791; меткие выражения – 160/213; 161/792, 793; верования, предание – 161/790; духовные стихи – 160/118; 161/787 (отр.); былички – 160/119, 120; 161/789; о календарных праздниках – 161/786; о беседах-вечорках (как пряли, плясали) – 161/778; песни: кадрильные, плясовые – 161/779–781, семейно-бытовую – 160/115, самодеятельные – 160/139, 140; приметы – 160/209; 161/782, 783; пословицу – 160/210; о гадании в Иванов-день – 161/784; о пище (в т. ч. о пирогах на Петров-день) – 160/211 (дн.); 161/785; бытовой рассказ – 161/788; молитвы – 160/116, 117; о бытовании жанра – 161/787; рассказ о дедушке и семье – 161/775.

47. От Герасимовой Е. Ф., д. Палтега, в 1944 г. А. П. Разумова (к. 75); в 1980 г. в п. Великая Губа В. П. Кузнецова, студенты КГПИ Л. Панкратова, Т. Тихонова, О. Яковлева (к. 142) записали плачи: солдатский – 75/10, бытовые – 75/11, 12; обряд вселения в новый дом – 142/58; о пастушеских обрядах и о пастухе – 142/61, 509; о свадебном обряде – 142/502, 505, 506; песни: свадебные – 142/63, 506, 508 (отр.), любовную – 142/64, семейно-бытовую – 142/65, кадрильную – 142/66, сатирическую – 142/70; романс – 142/96; частушку – 142/59; загадки – 142/516, 517; поговорку – 142/504; о приданом – 142/507; о подголоснице – 142/503, 505; поверье – 142/513; о гадании в святки – 142/58, 515; прозвища – 142/67; примету – 142/61; о беседах и о бытовании жанров – 142/69, 501, 518; рассказы: о местности (о названии деревни) – 142/499, о пище – 142/500, как изготовляли сукно – 142/510, о косе и молотиле – 142/511, о рыболовстве и обработке льна – 142/514, юмористический рассказ – 142/512.

Жанры 142/63–67, 96 Евдокия Федоровна исполняла с А. К. Казистой и С. С. Кожиной; 142/58, 61 – с М. Н. Булыгиной и С. С. Кожиной; 142/69, 70 – с С. С. Кожиной.

См. публ.: плача (75/12) Базанов, 1945 – С. 60; Белованова, Разумова, 1947 – С. 72, 131; Чистов, 1960 – С. 358.

48. От Гириной П. И., п. Шуньга, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 160), студенты ПГУ М. И. Попова, С. В. Михалкина, Ж. В. Соловей, Н. М. Шкляева под рук. В. Н. Захарова (к. 161); в 1986 г. студентка О. Куимова под рук. Т. И. Сенькиной (к. 179); в 1988 г. К. К. Логинов (Ф. 1, оп. 50, № 1102 и 1103 – дн.); в 1992 г. В. П. Кузнецова, сотрудники музея «Кижи» Р. Б. Калашникова, Ж. Гвоздева, М. Куликова, Е. Наумова, С. Куликов, А. Пронин (к. 191); в 1997 г. В. П. Кузнецова, А. А. Лапин (м/записи не расшифрованы) записали: сказки – 160/3, 4; прибаутку – 160/137; частушки – 160/138; 161/510–520; быличку – 161/521; байки – 161/523–525; о календарных праздниках и церковной службе, о скрытниках – 161/522; 191/134; о бытовании жанров (песен, сказок) – 160/203; пословицу – 160/204; о свадебном обряде – 191/1, 2, 26, 32–40, 64, 65, 67, 69–71, 80, 81, 83; свадебные причитания – 161/527; 191/2, 33–39, 66, 68, 71; о вопленице – 191/67; свадебные приговорки – 191/40, 70; об исполнении свадебных песен и причитаний – 191/64, 65, 81; песни: свадебные – 191/19, 21–23, 76, 78, 88, любовные – 161/526; 179/89; 191/20, 24, 25, 72,

73, 85–87, 89, 90, 91, 99, 135, кадрильные, хороводные – 191/95–98, 101–111, 124, 130, семейно-бытовые – 160/141; 191/148, балладные – 160/142; 191/84, 131, тюремную – 191/125, самодеятельные (авторские) – 160/139, 140; романсы – 191/92, 100, 133; о бытовании духовных стихов, эпических песен, о нищих – 191/149; приметы и обряды в период беременности и в послеродовой период – Ф. 1, оп. 50, № 1103, л. 16–21 (прежние: С. 32–42); – то же: Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 5–38; биографическая справка – 160/202, 203; хоровой репертуар – 147/117.

Жанры 191/64, 81, 84, 85–91, 99–111, 124, 125, 135 Прасковья Ивановна исполняла с Е. И. и Н. П. Фалеевыми, А. А. Беловой, А. П. Гавриловой, А. М. Павловой, З. М. Мурашовой, В. Т. Зуевой; 191/19–26 – с Е. И. Фалеевой, А. А. Беловой, А. П. Гавриловой, З. В. Мурашовой; 191/72–73, 76–78, 92, 95–98, 130, 131, 133, 134 – с А. А. Беловой; 191/3, 4 – с Е. И. и Н. П. Фалеевыми, А. А. Беловой, А. П. Гавриловой и Н. А. Романовой; 191/81 – с А. А. Беловой, Е. И. Фалеевой.

См. публ.: свадебных плачей (191/2, 33–36, 38, 39 = Фон 3246/3; 3248/49, 50–52, 54, 57, 59): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 14, 20, 36, 47, 49, 52, 55, 57, 144. С. 67, 79, 100, 107, 109, 110, 112, 113, 220; *свадебных песен:* (191/19, 20, 22, 72, 76 = Фон. 3247/25–28, 30, 32; 3259/9): – № 30–32, 34, 92, 105, 151. С. 90, 92–95, 98, 160, 183, 230.

49. От Горевой М. В., д. Лебещина, в 1983 г. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен записали кадрильные песни – 164/222, 223.

Песни Мария Васильевна исполняла с Е. А. Минкиной.

50. От Горшкова П. Г., д. Демидово (Космозеро), в 1926 г. записывали А. М. Астахова, И. В. Карнаухова; в 1937 г. М. М. Михайлов (к. 74), в 1938–1939 и 1947 гг. Е. П. Родина, Ф. Фомкин, К. Ф. Прохорова, Г. Н. Парилова, Н. И. Алексеев (к. 70), в 1944 г. А. В. Белованова (к. 75) записали: былины – 70/1, 3, 5, 6, 35; 75/108; сказки: волшебные – 70/10, 12, 20, 21, 23–26, 28, 30, 33а, 34; 74/6; 75/109, легендарные – 70/32, 37; сказки-анекдоты – 70/7, 9, 11, 16, 17, 19, 22, 38; 74/3, 5, 7, 8; сказочный репертуар – 74/6 (в конце); историческую песню – 70/2; предания – 70/18, 33; духовный стих – 70/4; рыцарские романы – 70/27, 29, 36; песни любовные – 70/31, 31а; мещанский романс – 70/31б; антипоповское стихотворение – 74/4; прибаутку – 74/9; самодеятельные стихотворения – 70/8, 39, 40, 44, 48, 51; былины-новины – 70/13–15, 43, 45; 75/110; сказы-новины – 70/41, 46, 47, 49, 50, 52, 53; биографию – 122/14, л. 85–92 (рукопись), л. 94–96 (м/копии).

См. публ. былин: Астахова, Т. II – № 157–160. С. 334, 738, 746, 747, 799. Перепечатана: (№ 160) Путилов, Добровольский, 1960 – № 229. С. 379, 660. (70/3, 6, 5): Черняева, 1981 – № 1–3. С. 33, 268, 276, 288; *духовного стиха* (70/4) – № 4. С. 48–51, 275; *предания* (70/33): Криничная, 1978 – № 10. С. 31, 167; *сказок* (70/7, 16, 17, 26, 30, 32): Онегина, 1986 – № 47–52. С. 132, 210; *сказа-новины* (70/47): Карелия, кн. II, 1938 – С. 27; то же: Белованова, Разумова, 1947 – С. 55, 130; Чистов, 1940 – С. 53, 202, 206 (отр. сказа); О Сталине: Карелия, кн. V, 1940. – С. 10.

51. От Горшковой А. В., д. Демидово, в 1944 г. А. В. Белованова записала плачи: бытовой – 75/103, свадебный – 75/104.

52. От Грибанова Ф. Д., д. Грибановщина, в 1926 г. А. М. Астахова записала былину «Про Добрыню».

См. публ.: Астахова, Т. II – № 179. С. 468, 727.

53. От Грибановой Насти, д. Грибановщина, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала две сказки.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 59. С. 124, 396. Перепечатана: Разумова, 1995 – № 60. С. 103.

54. От Григорьевой Е. П., д. Таровская, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/30.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 19. С. 245, 565.

55. От Гришина И. А., Толвуя, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал шесть былин.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 32–37. С. 157; 2-е изд. Т. I – С. 220; 4-е изд. Т. I – С. 317, 719. Перепечатана: (№ 37) Исторические песни XVII в. – № 94. С. 105, 348.

56. От Денисова А. М., д. Римская, в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина. В АКНЦ текстов нет.

См. публ. былин: Впервые («Ставер Годинович») Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 277; 2-е изд., 1938 – С. 273; Астахова, Т. II – № 187, 188. С. 495, 715, 788. Перепечатана: (№ 188) Пропп-Путилов, Т. 2 – С. 451, 509; *балладной песни:* (Архив ИРЛИ. Р. 5, к. 28, п. 2, № 3, с. 9) Балашов, 1963 – № 2. С. 349, 420.

57. От Дутикова Н. Ф. (у Рыбникова – Федотов Г.), д. Конда, в 1863 г. в Петрозаводске П. Н. Рыбников записал семь былин и историческую песню; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – четыре былины.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд. ч. III – № 6, 7, 30, 39, 40, 42, 45, 61. С. 24, 164, 233, 248, 264, 338; 2-е изд. Т. I – № 61–68. С. 348; 3-е изд. Т. 1 – № 62–69. С. 359, 487, 488, 493, 502, 503, 508. Перепечатана: (2-е изд. № 67) Миллер, 1915 – № 210. С. 584; Исторические песни XVII в. – № 7. С. 31, 336. Гильфердинг, 1-е изд. – № 144–147. С. 733; 2-е изд. Т. II – С. 427; 3-е изд. Т. II – С. 388, 699; 4-е изд. Т. II – С. 445, 797. Перепечатана: (4-е изд. № 144) Баландин, 1983 – С. 129, 323.

58. От Дутиковой А., д. Конда, в 1931 г. записывали Н. Н. Тяпонкина (дн. 94), З. Курдова (дн. 92). В АКНЦ имеются записи: о сватовстве (как выходила замуж) – Р. VI, оп. 1, № 94, л. 36; о верованиях – Р. VI, оп. 1, № 94, л. 36 (4 шт.); Р. VI, оп. 1, № 92, л. 33, 37.

59. От Дьякова А., д. Потаневщина, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал в Кижах одну былину.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 112. С. 621; 2-е изд. Т. II – С. 267; 3-е изд. Т. II – С. 238, 693; 4-е изд. Т. II – С. 273, 789.

60. От Дьякова А., д. Сенная Губа, в 1931 г. записывали М. Пуговкина (дн. 90), О. Ионова (дн. 69 и 70). В АКНЦ имеются записи: о Макковееве дне – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 27; о дер. Сенная Губа – Р. VI, оп. 1, № 69, л. 37; легенды о дер. Ямка – Р. VI, оп. 1, № 70, л. 61; топонимов – Р. VI, оп. 1, № 70, л. 58–64; биографической справки – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 25.

61. От Дьяконовой М. И., д. Сенная Губа, в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68). В АКНЦ имеются тексты песен:

балладной – 68/118, любовных – 68/108, 112, плясовых – 68/109, 110, 113, 116, шуточных – 68/114, 117, свадебной – 68/111, авторской – 68/115, самодеятельной – 68/59; мещанского романса – 68/107; самод. стихотворения – 68/61.

От Дьяконовой Н. И., д. Сенная Губа, в 1931 г. записывали Л. Л. Алексеева (дн. 60), С. А. Лорви (дн. 78). В АКНЦ имеются записи: о ряженых на Рождество (до революции и после) – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 92; о гадании в Крещение и в ночь на Ивана-купалу («прислушивание» на перекрестке, заплетание косы из ржи) – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 92, 113; о преимуществах колхозной жизни – Р. VI, оп. 1, № 60, л. 5, 6.

62. От Егоровой А. Д. и **Егоровой А. И.**, д. Звяговщина (близ Шуньги), в 1926 г. запись производила А. М. Астахова.

См. публ. баллады: Астахова, Т. II – № 177. С. 458, 704; *исторической песни:* (Архив ИРЛИ к. 2, п. 1, № 28 – исп. А. И. Егорова) Путилов, Добровольский, 1960 – № 101. С. 119, 640.

63. От Елисеева И., Выгозеро, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал былину «Женитьба Добрыни».

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 194. С. 933; 2-е изд. Т. II – С. 706; 3-е изд. Т. II – С. 652, 706; 4-е изд. Т. II – С. 743, 805.

64. От Елисеевой И. В., д. Боярщина, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину «Ставёр и Иван Грозный».

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 127. С. 530, 891.

65. От Елустафьева И. записи былин не обнаружены.

66. От Еремеева И., д. Кокорина в Мелой Губе, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал пять былин.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 163–167. С. 832; 2-е изд. Т. II – С. 570; 3-е изд. Т. II – С. 518, 702; 4-е изд. Т. II – С. 592, 800. Перепечатаны: (4-е изд. № 163) Пропп-Путилов, Т. 1 – С. 64, 512; Путилов, 1986 – С. 386 (вар. V), 505; (2-е и 4-е изд. № 165): Миллер, 1915 – № 117. С. 358; Путилов, Добровольский, 1960 – № 225. С. 366, 660; (№ 166): Миллер, 1915 – № 47. С. 113; Путилов, Добровольский, 1960 – № 125. С. 173, 647; Баландин, 1983 – С. 297, 329; (№ 167): Соболевский, Т. I – № 184. С. 261; Балашов, 1963 – № 1. С. 124, 413.

67. От Ермолиной М. И., д. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова записала песни: любовную – 142/519, свадебную – 142/520, балладную – 142/521, плясовую – 142/523; причитания: похоронное – 142/524, свадебное – 142/525; приговорки свадебные – 142/526, 528; о свадебном обряде, о свадьбе, о свадебном колдовстве – 142/526, 528; рассказ о беседах – 142/522; воспоминание о войне – 142/527.

68. От Жарниковой Е. И., д. Жарниково, в 1956 г. записывали студенты МГУ Ю. Зузанек, М. Роговская, Г. Семара, Н. Чернявина, Н. И. Савушкина, Е. А. Ремезова, А. Е. Быковская под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: свадебных плачей – 79/175а–177, 179; песен: свадебной – 79/218, самодеятельной – 79/217, плясовых – 79/219–222; частушек – 79/180 (7 шт.), 217а; баллады – 79/178 (отр.); сказок-анекдотов – 79/182, 182а; репертуара – 79/216.

См. публ.: свадебных плачей (79/176, 177, 179) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 79, 122, 134. С. 143, 200, 213.

69. От Журавлевой А. А., д. Шустиково, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовой плач «о своей жизни» – 75/148.

См. публ.: (75/148, 149) Базанов, Разумова, 1962 – № 22, 23. С. 248. Опубликованный плач «по сыну» (75/149) = № 23 по данным Архива записан от Александры Егоровны Амбаровой.

70. От Завьялова Ф. К., д. Гарницы, в 1956 г. записывали студенты МГУ А. Е. Ремезова, О. Л. Свешникова под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: баллады – 79/631; былины – 79/632 (отр.); предания – 79/638; самодеятельной песни – 79/635; метких эпитетов, изречений = пословиц – 79/634, 636; о бытовании жанров – 79/637; сведений об И. Т. Рябинине – 79/633; предания об основании д. Гарницы – 79/638; краткие биографические сведения – 79/631а.

См. публ.: предания (79/638) Криничная, 1978 – № 6. С. 26, 166.

71. От Завьяловой А. Я., д. Гарницы, в 1956 г. записывали студенты МГУ Е. А. Ремезова, О. Л. Свешникова, А. Филатов под рук. доц. Э. В. Померанцевой; в 1957 г. – В. Г. Базанов (два плача). В АКНЦ имеются записи причитаний: свадебного – 79/623, похоронных – 79/624, 625, бытового – 79/628; пересказа былины – 79/629; сказки-анекдота – 79/630; предания – 79/627; песен: колыбельных – 79/626 (3 шт.), плясовой – 79/1102; частушек – 79/626 (№ 3 и 4).

См. публ.: плачей (в записи Базанова): Базанов, Разумова, 1962 – № 113–114. С. 382, 572; *предания* (79/627): Криничная, 1991 – № 171. С. 95–97.

72. От Зарубиной У. П., д. Вороний Остров, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: солдатские – 75/81, 85а, бытовые – 75/82, 83.

См. публ.: Базанов, 1945 – С. 47; Базанов, Разумова, 1962 – № 24–26. С. 250, 565.

73. От Захарова Ф., с. Выгозеро, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал семь былин.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 178–184. С. 887; 2-е изд. Т. II – С. 641; 3-е изд. Т. II – С. 588, 704; 4-е изд. Т. II – С. 671, 803. Перепечатаны: (3-е изд. № 181) Калугин, 1986 – С. 284; (2-е изд. № 183) Миллер, 1915 – № 119. С. 370; Путилов, Добровольский, 1960 – № 212. С. 333, 658; (1-е изд. № 184) Соболевский, Т. I – № 4. С. 13–16.

74. От Зиновьева М. С., д. Зиновьево, в 1926 г. Ю. М. Соколов, С. П. Бородин, Ю. А. Самарин записали два духовных стиха; в 1931 г. записи производила С. А. Лорви (дн. 78 и 79). В АКНЦ имеется текст приговора дружки – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 96.

75. От Зиновьевой А. М., д. Зиновьево, в 1931 г. записывала С. А. Лорви. В АКНЦ имеются записи: о свадебных и рождественских гаданиях – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 110; о беседах и вечорках – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 117; мещанский романс – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 151; сведения о семье – Р. VI, оп. 1, № 79, л. 53.

76. От Зиновьевой А. Н. и Зиновьевой А. И., д. Зиновьево, в 1926 г. Ю. М. Соколов, С. П. Бородин, Ю. А. Самарин записали балладу «Василий и Софья»,

о содержании которой см. в примечаниях указанного ниже издания – С. 909. – (Соколов, Чичеров, 1948).

77. От Зиновьевой Н. Т., д. Зиновьево, в 1931 г. записи производили Н. Н. Тяпонкина и М. Б. Каминская (к. 66), Н. Котлярова (дн. 73), З. Курдова (дн. 75 и 92). В АКНЦ имеются записи: о местном говоре – 66/32. Л. 39, 62, 68; о народной медицине – Р. VI, оп. 1, № 92, л. 23; Р. VI, оп. 1, № 73, л. 38; рассказы: о д. Зиновьево – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 36; то же: Р. VI, оп. 1, № 75, л. 28; о колхозе – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 48; о бытовании жанра – 66/32. Л. 40; автобиография – 122/22. Л. 205–208 (рукопись), л. 209–211 (м/копия).

См. публ. былин: Астахова, Т. II – № 119–121. С. 122, 703, 711, 786.

78. От Иванова А. (по мнению А. Е. Грузинского, А. И. Соколов), крестьянина Кижской волости, в 1863 г. в г. Петрозаводске П. Н. Рыбников записал былину «Иван Гостиный сын».

См. публ.: Впервые – ОГВ, 1863, № 43; Рыбников, 1-е изд., ч. III – № 34. С. 196; 2-е изд. Т. I – № 97. С. 486; 3-е изд. Т. I – № 97. С. 461.

79. От Иванова И. Я., д. Шуньга, в 1907 г. записи производил Н. Е. Ончуков.

См. публ. сказок: Ончуков, 1908 – № 210, 211, 214. С. 480, 483.

80. От Ивановой Е. В., д. Тамбицы, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи – 75/71, 72.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 27–28. С. 252.

81. От Иевлева Т. И., д. Волкостров, в 1861 г. П. Н. Рыбников записал пять былин; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – шесть былин.

См. публ.: Впервые («Кострюк» = Рыбников, 1-е изд., ч. IV. № 15. С. 85) – ПК. 1866, ч. II – С. 85. Рыбников, 1-е изд., ч. II – № 1, 12, 32. С. 1, 44, 197; ч. IV – № 7, 15. С. 36, 85; 2-е изд. Т. I – № 69–73. С. 383; 3-е изд. Т. I – № 70–74. С. 386, 491, 492, 494, 500, 506. Перепечатаны: (2-е изд. № 69): Андреев, 1938а – С. 169; (№ 71): Соколов Б., 1918 – С. 84, 375; Сперанский, Т. II – С. 164, 520; Нечаев, 1-е изд. 1937. – С. 169; 2-е изд. 1938. – С. 166; Водовозов, 1955 – С. 84, 375; Смирнов, Смолицкий, 1978 – № 64. С. 439; (№ 73): Миллер, 1915 – № 45. С. 107; Путилов, Добровольский, 1960 – № 144. С. 215, 649. Гильфердинг, 1-е изд. – № 98–103. С. 577; 2-е изд. Т. II – С. 208; 3-е изд. Т. II – С. 182, 690; 4-е изд. Т. II – С. 207, 786. Перепечатаны: (1-е изд. № 99) Андреев, 1938а – С. 222; (3-е изд. № 99): Астахова, 1947 – № 11. С. 81, 132; (4-е изд. № 99): Баландин, 1983 – С. 160, 324; (№ 102): Путилов, 1957 – С. 276, 467.

82. От Исаевой В. И., д. Кривоногово, в 1957 г. Н. С. Полищук (к. 80); в 1983 г. студенты Г. Р. Окунева, И. В. Костарева, О. Б. Удодова под рук. В. В. Яковлева (к. 161), Т. И. Сенькина, В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен (к. 162, 164) записали: духовные стихи – 80/96–98; баллады – 161/873; 164/42, 178; предание – 164/53; поговорки – 161/867, 869; 164/182; пословицы – 164/187–217; свадебный обряд – 162/94–98; 164/24–28, 33, 36, 40; свадебные причитания – 162/95, 96, 101, 105, 106; 164/34–39; свадебные приговоры дружки – 162/97; свадебные приговорки – 162/98–100; 164/25, 32, 41; песни: свадебные – 161/874; 162/102–104; 164/26, 29–31, 168, плясовые – 162/52, 53; 164/48, 177, любовные – 162/55–57; 164/44, 45, 51, 52, 170–172, 174, 179,

180, 184, 185, рекрутские – 161/871; 164/43, семейно-бытовые (шуточные) – 161/872; 164/176, балладные – 162/54; 164/46, 49, 186; частушки – 161/868, 870; 164/54–167; романсы – 164/50, 169, 173, 175, 181, 183; автобиографический рассказ – 164/47.

Возможно, духовные стихи – 80/96–98 исполнила Евдокия Андреевна Минкина (см. № 152 нашего издания), так как паспортные данные нечеткие.

См. публ. свадебных плачей: (164/34, 35, 37, 38; 162/101 = Фон. 2768/4, 5, 9, 10) Кузецова, Логинов, 2001 – № 12, 21, 40, 141. С. 64, 80, 103, 218; *свадебных приговорок:* (162/97, 98) – № 82, 85. С. 152, 153.

83. От Исаковой А. В., д. Шуньга-Бор, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала сказки.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 7–10. С. 17, 376. Перепечатана: (№ 10) Чистов, 1958 – С. 168.

84. От Июдина М. И., д. Волкостров, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Ю. А. Новиков, Е. А. Костюхин под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты: самодеятельных стихотворений – 79/430–432; духовных стихов – 79/423, 424; песен: семейно-бытовой – 79/425, любовных – 79/426–428, свадебных приговоров дружки – 79/429; отрывка сказки «Конек-горбунок» в стихах и прозе – 79/422; кратких биографических сведений – 79/422а.

См. публ. приговоров дружки: (79/429) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 86. С. 153.

85. От Кадетовой Н. Г., д. Рим, в 1944 г. А. П. Разумова, В. Г. Базанов записали бытовой плач – 75/147.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 29. С. 255.

86. От Кайкиной А. Н., д. Сенная Губа, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова, О. Л. Свешникова, Е. А. Ремезова под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: частушек – 79/15 (12 шт.), 640 (9 шт.); песни плясовой – 79/16; поговорки – 79/640а.

87. От Калинина П. М., д. Падмозеро, в 1907 г. записи сказок, песен, предания, игры производил Н. Е. Ончуков.

См. публ. сказок: Ончуков, 1908 – № 205, 206, 208, 209. С. 476; *игры «Конь»* – № 204. С. 471; *предания* – № 207. С. 477. Перепечатано: (№ 207) Криничная, 1991 – № 9. С. 30, 226.

88. От Калинина П. Л. (у Рыбникова – Лукин П. или В.), д. Горка, П. Н. Рыбников получил две былины в записи местного писаря; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал от него в д. Рим четырнадцать былин; в 1894 г. П. Певин прислал в РГО два былинных текста – о Дунае и о Ставре (см. Архив РГО. XXV. 33), полученные от Петра Лукина (Калинина).

См. публ.: Впервые («Наезд литовцев на Москву» = Рыбников, 1-е изд., ч. IV. № 17) – ПК 1866. Ч. II. С. 88. Рыбников, 1-е изд., ч. IV – № 12, 17. С. 60, 93; 2-е изд. Т. II – № 113, 114. С. 55; 3-е изд. Т. II – № 114, 115. С. 45, 561. Гильфердинг, 1-е изд. – № 1–14. С. 6; 2-е изд. Т. I – С. 4; 4-е изд. Т. I – С. 97, 705. Перепечатаны: (2-е изд. № 1): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 192; 2-е изд., 1938 – С. 189; (4-е изд. № 1): Калугин, 1986 – С. 36; Путилов, 1986 – С. 368 (вар. III), 498; (№ 4): Пропп, Путилов.

Т. 1 – С. 183, 523; Азбелев, 1984 – С. 25, 385; Путилов, 1986 – С. 69, 501; (2-е изд. № 1, 5, 6): Сперанский, Т. I – № 1, 5, 6. С. 15, 55, 67, 421; (4-е изд. № 5): Астахова, 1947 – № 6. С. 52, 130; Пропп, Путилов, Т. 1 – С. 48 (вар.), 511; Путилов, 1986 – С. 77, 384 (вар. III), 503, 505; Калугин, 1986 – С. 209; (4-е изд. № 6): Путилов, 1957 – С. 240 465; Путилов, 1986 – С. 436 (вар. IV), 519; Баландин, 1983 – С. 252, 327; (№ 9): Путилов, 1986 – С. 477 (вар. I), 530; (2-е изд. № 10): Миллер, 1915 – № 249. С. 644; (№ 11): Сперанский, Т. II – С. 183, 521; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 140; 2-е изд., 1938 – С. 137; Андреев, 1938 – № 61. С. 486, 567; (4-е изд. № 11): Астахова, 1947 – № 14. С. 91, 133; Ухов, 1957 – № 51. С. 383, 498; Баландин, 1983 – С. 283, 328; Калугин, 1986 – С. 520; (2-е изд. № 13): Миллер, 1915 – № 112. С. 326; (4-е изд. № 13): Путилов, Добровольский, 1960 – № 211. С. 327, 658; Баландин, 1983 – С. 299, 329; (2-е изд. № 14): Миллер, 1915 – № 213. С. 589; Сперанский, Т. II – С. 413 (17 последних строчек из былины), 523; Исторические песни XVII в. – № 12. С. 36, 336.

89. От Калининой А. К., д. Паяницы, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: похоронный – 75/60, бытовой – 75/61.

См. публ.: (75/60, 61): Базанов, Разумова, 1962 – № 30–31. С. 256; (75/61): Базанов, 1945 – С. 54; Чистов, 1960 – С. 356, 416; Базанов, 1981 – С. 243 (отр.).

90. От Кармановой А. И., д. Паяницы, в 1983 г. В. И. Островская, Л. А. Бунеева, Е. Т. Онучина записали песни: кадрильные – 161/609, 667, 707, 708, балладную – 161/694; о гадании, ряжении в календарные праздники – 161/695; автобиографический рассказ – 161/653.

91. От Кармановой П. Ф., д. Онежены, в 1983 г. студенты ПГУ Л. А. Веденеева, С. А. Ковалева, Л. А. Гурина под рук. В. Н. Захарова записали: рассказ о календарных праздниках, о беседах (о гуляниях, о гаданиях) – 161/440; пословицы, поговорки, прибаутки – 161/441–452, 455–463; частушки – 161/453 (отр.), 454, 466; приметы – 161/467, 468; песню любовную – 161/465; приговор дружки – 161/464; бытовой рассказ – 161/469; автобиографический рассказ – 161/439.

92. От Карцевой М. П., д. Набережье, в 1944 г. А. П. Разумова, А. В. Белованова записали бытовой плач – 75/137. По данным АКНЦ, имя вопленицы Марфа.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 32. С. 261.

93. От Касьянова И. А. из с. Космозеро в 1871 г. в Чёлмужах и С.-Петербурге А. Ф. Гильфердинг записал семь былин; в 1867–1869 гг. в Космозере Е. В. Барсов – предания; в 1886 г. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш – пять былин и духовный стих. В Архиве РГО хранится рукопись Касьянова, состоящая из шести тетрадей его собственных записей – десяти былин и исторических песен, духовных стихов, сказок, свадебных обычаев и причитаний Толвуйской волости, заговоров, лечебника и др., с карандашной пометкой на первом листе: «Сообщено П. А. Гильтебрандтом» *(Бахтин, 1957. С. 221–222)*.

См. публ. былин: Гильфердинг, 1-е изд. – № 156–162. С. 795; 2-е изд. Т. II – С. 517; 3-е изд. Т. II – С. 470, 701; 4-е изд. Т. II – С. 537, 799. Перепечатаны: (2-е изд. № 156): Сперанский, Т. II – № 1. С. 7, 519; Андреев, 1938а – № 2. С. 162; (4-е изд. № 156): Ухов, 1957 – № 34. С. 235, 479; Пропп, Путилов, Т. 1 – С. 323 (вар.), 536; Путилов,

1986 – С. 94, 506; Азбелев, 1984 – С. 222, 390; (№ 157): Ухов, 1957 – № 13. С. 235, 479; Путилов, 1986 – С. 454 (вар. VII), 522; (№ 159): Путилов, 1957 – С. 354, 473; (2-е изд. № 160): Миллер, 1915 – № 1. С. 2; Астахова, 1947а – № 3. С. 18, 54; (№ 161): Миллер, 1915 – № 245. С. 636; (4-е изд. № 161): Путилов, 1962 – С. 164, 343; Исторические песни XVII в. – № 113. С. 120, 350; (№ 162): Баландин, 1983 – С. 314, 329; (2-е изд. № 166): Миллер, 1915 – № 47. С. 113; *былин (в записи Истомина, Дютша):* Тихонравов, Миллер, 1894 – № 43, 69. С. 159, 261; Истомин, Дютш, 1894 – № 5, 8, 14. С. 42, 55, 71, *духовного стиха* – № 10. С. 19. Перепечатаны: (№ 5) Миллер, 1915 – № 48. С. 117; Астахова, 1947а – № 5. С. 21, 56; Путилов, Добровольский, 1960 – № 121. С. 163; (№ 8): Миллер, 1915 – № 247. С. 641; *былин (из рукописи Касьянова):* Тихонравов, Миллер, 1894 – № 11, 38, 59, 61. С. 38, 143, 207, 221; Путилов, Добровольский, 1960 – № 127, 209. С. 180, 321, 647, 658; *свадебных обычаев и песен Толвуйской волости:* Барсов, 1873 – С. 610–628. Перепечатаны: (причитания – С. 610–615, 617–619) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 67, 71, 76. С. 127, 136, 140; *преданий:* (О войне Петра со шведами) Беседа, V, 1872. С. 309; Барсов, 1872 – С. 15; О. сб., 1894, вып. III, отд. 1 – С. 196; Базанов, 1947 – С. 139; Криничная, 1978 – № 180. С. 129, 190; Криничная, 1989 – С. 124 (отрывок); Криничная, 1991 – № 389. С. 208; Азбелев, 1992 – № 91. С. 147; (О строительстве Ладожского канала): Беседа, V, 1872 – С. 309; Барсов, 1872 – С. 17; О. сб., 1894, вып. III, отд. 1 – С. 197; Азбелев, 1992 – № 101. С. 171.

94. От Касьянова И. И., д. Космозеро, в 1926 г. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова записали былину о Вольге и две сказки; А. И. Никифоров – двенадцать сказок; П. О. Коренной – сказки, анекдоты.

См. публ. былины: Андреев, 1938а – С. 167; Астахова, Т. II – № 154. С. 324–327, 714; *сказок:* Коренной, 1918; Карнаухова, 1934 – № 36. С. 63, 385; Никифоров, 1961 – № 14–17. С. 48, 347.

95. От Касьянова Ф. И., д. Гора (Олений остров) в 1937 г. М. М. Михайлов записал новеллистические сказки – 74/57, 58.

См. публ. сказки (74/58): Онегина, 1986 – № 6. С. 51, 199. В примечании к тексту ошибочно указана фамилия собирателя – А. Д. Соймонов.

96. От Касьяновой А. Ф., д. Лисицыно, в 1938 г. М. М. Михайлов (к. 76), в 1944 и 1957 гг. В. Г. Базанов (к. 75) записали плачи: бытовые – 75/167, 168, похоронное – 76/76, свадебные – 76/74, 75; частушки – 76/73.

См. публ. плачей: похоронного (76/76): Михайлов, 1940 – № XV. С. 116; Чистов, 1960 – С. 323, 412; бытового (75/167): Базанов, 1945 – С. 14; Базанов, Разумова, 1962 – № 33. С. 262, 565: в примечании к тексту (С. 566) приводится плач о сыне, записанный в 1957 г.; (76/74): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 7. С. 54.

97. От Кашина Н. С., д. Великая Губа, в 1980 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, В. П. Кузнецова записали рассказы: о ссудном (кредитном) товариществе – 142/613, о хозяйственной деятельности (что сеяли и сажали, как обрабатывали землю) – 142/619, об Алексеевской ярмарке – 142/617, о свадебном обряде – 142/615; приговоры дружки – 142/614; свадебное причитание – 142/615; песни: плясовую – 142/616, свадебную – 142/615, авторское (из книги) стихотворение – 142/620; автобиографический рассказ – 142/618.

98. От Кашиной М. Н., д. Сафроновская, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовой плач – 75/206.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 34. С. 264.

99. От Кирилловой К. В., д. Деригузово, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала сказки; в 1954 г. К. В. Чистов в Сенной Губе сделал описание песенника исполнительницы – 77/113.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 15, 16. С. 33, 380.

100. От Кирпиченковой М. Е., д. Сенная Губа, в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: частушек – 79/157а (17 шт.); песен: бытовой – 79/158, любовных – 79/159, 160, 164, 165, шуточной – 79/161, плясовых – 79/162, 163; загадок – 79/157б (2 шт.); биографической справки – 79/157.

Частушки и песни Мария Ефимовна исполняла с матерью – А. М. Федькиной.

101. От Кирьяновой А. М., п. Ламбасручей, в 1970 г. записывали У. С. Конкка, А. С. Степанова, Э. П. Кюльмясу (Кемпинен) (м/записи не расшифрованы); в 1980 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, Э. П. Кемпинен (к. 142); в 1981 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен (к. 148); в 1983 г. В. П. Кузнецова, Т. И. Сенькина (к. 161) записали рассказы: о пище (приготовление калиток, пирогов, курников, киселя), об устройстве ткацкого станка и изготовлении сукна, о молотьбе – 142/386, 388–390; о бытовании жанров и исполнителях былин – 148/8; о свадебном обряде – 142/387, 397; 148/13–14, 54–55; свадебное причитание – 148/15 (отр.); песни: свадебную – 142/398 (отр.); о подголоснице – 148/14; свадебную приговорку – 148/55; о праздниках и об игре «круг» – 148/61; былички – 148/10–12; поговорки – 142/449, 450; романс – 161/8; местные выражения – 142/452.

О свадебном обряде – 142/397 Акулина Михайловна исполняла с А. Н. Теребовой и А. Н. Кирьяновой?, 148/53–55 – с Т. Ф. Алешиной, А. И. Палтусовой и М. Я. Кирьяновой, романс 161/8 – с Т. Ф. Алешиной.

102. От Кирьяновой М. Я., п. Ламбасручей, в 1970 г. записывали У. С. Конкка, А. С. Степанова, Э. П. Кюльмясу (Кемпинен) (м/записи не расшифрованы); в 1980 г. Н. Ф. Онегина, Э. П. Кемпинен и А. Т. Пакконен (к. 142); в 1981 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен (к. 148); в 1983 г. В. П. Кузнецова, Т. И. Сенькина (к. 162); в 1988 г. В. П. Кузнецова, О. Э. Балалаева и в 1990 г. В. П. Кузнецова, А. А. Лапин, Р. Б. Калашникова (м/записи не расшифрованы) записали: о свадебном обряде (с причитаниями) – 148/32, 53–56; 162/74; песни: свадебные – 142/398 (отр.), 399, 400–402; 148/20, 29–31, 34, 36, 50–52; 162/80–87, 89, любовные – 142/392; 148/63, 68–70, 75, шуточные – 148/65; 162/50 (самод.), 51, семейно-бытовые – 142/391; 148/67, 79; 162/48, балладные – 142/394; 148/74, 80, плясовые – 142/393; 148/76–78, солдатскую – 162/49, колыбельные – 142/403, 404, самодеятельную – 148/66 (отр.); романсы – 148/64, 71–73; 162/88 (исполнялся на свадьбе); частушки – 162/25–47; сказку-анекдот – 162/18; былички – 142/405, 407; 148/9; поверье – 162/59; о гадании – 148/62; о праздниках, о ряженых – 162/58.

О свадебном обряде – 148/32, 53–56; 162/74; свадебные песни – 148/20, 29–31, 34, 36, 50–52; 162/80, 81, 89; семейно-бытовые – 148/67, 79; любовные – 148/63, 68–70, 75; романсы – 148/64, 71–73; плясовые – 148/76–78; о гадании – 148/62 Мария Яковлевна исполняла с Т. Ф. Алешиной; песни: 162/87 – с Т. Ф. Алешиной, А. Н. Теребовой; 162/85, 86 – с Е. И. Алешиной, А. Н. Теребовой, Т. Ф. Алешиной, А. И. Палтусовой; 142/398–399 – с М. Н. Кирьяновой; 142/393–394, 400–402 – с А. Н. Теребовой; 148/70 – с А. И. Палтусовой; 148/53 – с А. М. Кирьяновой и А. И. Палтусовой.

См. публ. свадебных песен: (А.148/29–31, 36, 50–52; 162/87, 89; = Фон. 2654/1–3, 7; 2655/12–14; 2723/12, 14) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 29, 93, 96, 99, 100, 102, 104, 107, 110. С. 89, 163, 169, 174, 177, 179, 181, 184, 187.

103. От Климова Н. А., д. Моталово, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину-балладу «Князь Роман жену губил», о содержании которой см. в примечаниях указанного ниже издания – С. 915. – (Соколов, Чичеров, 1948).

104. От Климовой М. И., д. Сибово, в 1983 г. студенты ПГУ Е. В. Лебедкина, С. Шильникова, Т. Н. Питько под рук. Ф. Р. Макаровой записали: частушки – 161/168, 169, 171, 172; мещанские романсы – 161/176–178, 180, 181; песни любовные – 161/175, 179, 189 (отр.), прибаутку – 161/170, гадания – 161/185, 186; стихи из альбома (приписки в письмах) – 161/175 (5).

105. От Клиновой А. М., д. Мальково, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Ю. Кузнецова, Ю. Зузанек, М. Роговская, Г. Семара, Н. Чернявина под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи песен: свадебных – 79/167, 170, любовной – 79/171, плясовых – 79/172, 174, колыбельной – 79/173; свадебного плача – 79/168; приговоров дружки – 79/169.

106. От Коваленко М. Ф. в г. Петрозаводске в 1969 г. Н. А. Криничная (к. 135) записала предания – 135/62–64; в АКНЦ имеются автографы исполнительницы: легенда-предание о свадебном камне и рассказ о праздновании «Корбова» дня в честь бога-грома – 76/97; письмо в Институт ЯЛИ – 76/98.

См. публ. преданий: (135/62–64) Криничная, 1978 – № 5, 104, 168. С. 25, 82, 120, 166, 180, 188. Перепечатаны: Азбелев, 1992 – № 56, 64, 341. С. 93, 100, 477.

107. От Ковиной М. С., Кижи, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. М. Соколов записали две былины-баллады, историческую песню и три духовных стиха.

См. публ. былины: Соколов, Чичеров, 1948 – № 162. С. 633, 894; о содержании неопубл. текстов см. в примечаниях – С. 905, 916.

108. От Козиной М. В., с. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова, Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 142); в 1983 г. студенты ПГУ А. Анисимова, С. Коршунова, Е. Данилова под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161) записали: о свадебном обряде – 142/493, 529, 532; причитания: свадебные – 142/494–498, 529–533; похоронное – 142/534; кадрильные (плясовые) песни – 142/535, 536 (отр.), 537; мещанские романсы – 142/539, 541; 161/256, 257; байку – 142/538; автобиографический рассказ – 161/255.

Романс 142/541 Мария Васильевна исполняла с В. Н. Коневой и В. Г. Сосновской.

109. От Койбина С., д. Масельга, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал былину «Грозный царь Иван Васильевич».

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 25. С. 141; 2-е изд. Т. I – С. 199; 4-е изд. Т. I – С. 292, 718. Перепечатана (2-е изд. № 25): Миллер, 1915 – № 113. С. 335; (4-е изд. № 25) Путилов, Добровольский, 1960 – № 218. С. 351, 659.

110. От Коленовой А. П., с. Шуньга, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен записали: рассказ о ярмарках, о престольных праздниках – 160/183, 184; песни: хороводную – 160/185 (отр.), любовную – 160/186; о бытовании жанров – 160/205.

111. От Кондиной Е. Л., д. Кузаранда, в 1986 г. студенты ПГУ Э. М. Ершова, О. Смирнова, Н. Васильева, Н. Лободенко под рук. Т. И. Сенькиной записали: о верованиях – 179/91; былички (гадание на Новый год) – 179/95–97, 90; поговорки – 179/91, 98, 99; частушки – 179/92–94, 100; биографические сведения – 179/90, 91.

112. От Кононовой Д. Д., д. Рим, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал былину «Ставер».

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 21. С. 125; 2-е изд. Т. I – С. 177; 4-е изд. Т. I – С. 268, 717.

113. От Конькова С. М., с. Толвуя, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен записали: сказку о животных – 160/29; свадебный обряд – 160/109, 110; свадебные приговоры дружки – 160/109, 110; о бытовании былин – 160/111; балладу – 160/112.

От жены Конькова – **Екатерины Алексеевны** записали балладу – 160/113.

См. публ. сказки: (160/29) Онегина, 1986 – № 67. С. 179, 215; *приговоров дружки:* (160/109, 110 = Фон. 2734/13) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 80, 155. С. 148, 242.

114. От Копосовой А. М., д. Леликово, в 1931 г. С. А. Лорви (дн. 78), О. Ионова (дн. 69), Забаровская (дн. 93) записали: о положении жены в семье – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 57; свадебные причитания – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 63–80; поговорку – Р. VI, оп. 1, № 69, л. 15; биографические сведения – Р. VI, оп. 1, № 69, л. 15; Р. VI, оп. 1, № 93, л. 17–18.

См. публ. причитаний: (Р. VI, оп. 1, № 78, л. 63–80) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 118, 127, 129, 131. С. 197, 204, 208, 210.

115. От Копосовой П., д. Леликово, в 1931 г. С. А. Лорви записала: свадебные песни – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 81, 96, 100; свадебное причитание – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 96; приговор дружки – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 96; поговорку о неудачливых сватах – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 97; мещанский романс (?) – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 98.

116. От Коренной П. Н., д. Космозеро (Погост), записи производили: ее сын – учитель П. П. Коренной; в 1926 г. – А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова; в 1932 г. – М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68). В АКНЦ имеются тексты: песни любовной – 68/161 и мещанского романса – 68/162.

См. публ. сказок: Коренной, 1918; Карнаухова, 1927 – С. 110; Карнаухова, 1934 – № 20–31. С. 44, 382; *былины и баллады:* Астахова, Т. II – № 155, 156. С. 330, 786, 789; *мещанских романсов:* Колпакова, 1927 – С. 124 (в сноске № 1 ошибочно указано

отчество сказительницы «Никол<аевна>»); С. 130 (отр.), 136; *баллады* – С. 133 (в сноске № 3 указано отчество «Никоф.»).

117. От Коренного В. П., д. Космозеро, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала две сказки.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 32, 33. С. 58. Перепечатаны: (№ 32) Чистов, 1958. С. 248; (№ 32, 33): Разумова, 1995 – № 10, 11. С. 23.

118. От Корнилова С. К. (у Рыбникова – Петр или Семен Иванов), д. Ку́рьяницы (Кургеницы), родственник исполнителя записал для П. Н. Рыбникова четыре былины, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – пять былин.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. II – № 60, 61, 64, 65. С. 317, 345; 2-е изд. Т. I – № 78–81. С. 423; 3-е изд. Т. I – № 79–82. С. 416, 490, 492, 494. Гильфердинг, 1-е изд. – № 113–117; 2-е изд. Т. II – С. 271; 3-е изд. Т. II – С. 242, 693; 4-е изд. Т. II – С. 278, 790. Перепечатана: (№ 117) Соболевский, Т. I – № 10. С. 32.

119. От Коробовой И. А., д. Петрово, в 1944 г. А. П. Разумова записала два похоронных плача – 75/161, 162.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 66–67. С. 314, 569. В книге плачи ошибочно отнесены к А. П. Пудиной.

120. От Костиной Е. В., д. Павликово, в 1944 г. А. В. Белованова записала бытовой плач – 75/47.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 35. С. 265.

121. От Котовой А. П., д. Шильтя, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/126.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 36. С. 267.

122. От Кото́вой М. Т., д. Масельга, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал две былины, балладу и «побасенку».

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 26–29. С. 144; 2-е изд. Т. I – С. 203; 4-е изд. Т. I – С. 297, 718. Перепечатана: (1-е и 4-е изд. № 29) Соболевский, Т. VII – № 463. С. 404; Балашов, 1963 – № 1. С. 301, 415.

123. От Котогонова Н. Г., с. Великая Губа (д. Потаповская), записи производили: в 1926 г. Н. П. Колпакова; в 1932 г. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина (к. 68); в 1937 г. К. В. Чистов (к. 74). В АКНЦ имеются тексты песен: исторической – 68/139, солдатских – 68/140; 74/70–72, шуточной – 74/66; приговоры дружки – 74/69; сказки волшебные – 74/67, 68.

В паспорте к текстам К. В. Чистов называет исполнителя «Николай Григорьевич», другие собиратели – «Григорий Николаевич». Однако указанный возраст исполнителя позволяет предположить, что это одно и то же лицо.

См. публ. отрывка солдатской песни: Колпакова, 1927 – С. 142.

124. От Кочиной А. Ф., д. Полежаевская, в 1944 г. В. Г. Базанов записал плачи: бытовой – 75/155, 207 (копия), солдатский – 75/156, 208 (копия).

См. публ.: (75/155) Базанов, 1945 – С. 32; (75/155, 156) Базанов, Разумова, 1962 – № 37, 38. С. 268, 566.

125. От Крупиной А. Е., д. Харловская, в 1944 г. А. П. Разумова записала солдатский плач – 75/25. Плача «по матери» в АКНЦ нет.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 39 (по матери), № 40 (при проводах сына). С. 272.

126. От Крюковой Ф. М., д. Петрово, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/125.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 41. С. 275.

127. От Куваниной О. И., д. Онтова, в 1944 г. А. П. Разумова (к. 75), в 1954 г. А. Хурмеваара (к. 77) записали плачи: бытовые – 75/73, 74, похоронный – 75/75; песни кадрильные, плясовые, хороводные – 77/76–79, 92; мещанский романс – 77/75.

См. публ. плачей: Базанов, 1945 – С. 49; Базанов, Разумова, 1962 – № 42–43. С. 276.

128. От Кудрова К. С., д. Сибово, в 1926 г. записи производили А. М. Астахова, И. В. Карнаухова.

См. публ. сказки: Карнаухова, 1934 – № 55. С. 115; *былины и исторической песни:* Астахова, Т. II – № 152, 153. С. 316, 745, 785. Перепечатана: (№ 153) Путилов, Добровольский, 1960 – № 230. С. 382, 660.

129. От Кузьмина М., д. Конда, в 1931 г. записи производили Н. Котлярова (дн. 73), Забаровская (дн. 93), Н. Н. Тяпонкина (дн. 94). В АКНЦ имеется рассказ о Клименицком монастыре и рассказ-предание об игумене Варнаве – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 32–33; Р. VI, оп. 1, № 93, л. 13–14; № 94, л. 21.

130. От Кукановой М. Ф., д. Алексеевская, в 1944–1945 гг. А. П. Разумова записала плачи: бытовые – 75/150–152, похоронный – 76/91.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 44–47. С. 279, 567.

131. От Кулатовой А. Н., д. Харловская, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/132.

132. От Кулатовой М. И. из д. Харловская, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – рассказ о пережитом – 75/127.

См. публ.: Базанов, 1945 – С. 38 (отр.); Базанов, Разумова, 1962 – № 48. С. 286.

133. От Кулатовой Н. М. в д. Харлово (Фоймогуба), в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина; в 1985 г. в д. Палтега и г. Петрозаводске – Н. Ф. Онегина, В. И. Калугин, В. П. Кузнецова (к. 166 – м/з расшифрованы не полностью); в 1986 г. – В. П. Кузнецова, А. Кастров, Е. Троицкая, А. В. Осипов (м/записи не расшифрованы). В АКНЦ имеются записи песен: шуточных – 166/30, 31, 37, 40, 44, семейно-бытовой – 166/32, любовной – 166/33, кадрильных – 166/34–36, свадебной – 166/39, хороводной – 166/43, мещанской – 166/41а; баек – 166/38, 41; свадебного причитания – 166/42.

Песни 166/30–37 Наталья Матвеевна исполняла с П. С. Мошниковой.

См. публ. былины: Астахова, Т. II – № 170. С. 424, 804; *свадебного причитания:* (Фон. 3114/8) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 143. С. 219.

134. От Куликовой Е. А., д. Хашезеро, в 1944 г. А. В. Белованова записала плачи: бытовые – 75/43, 44; свадебный – 75/45.

См. публ.: (75/43) Базанов, 1945 – С. 26 (отр. из 7 строк); (75/43, 44): Базанов, Разумова, 1962 – № 49, 50. С. 288; (75/45): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 70. С. 134.

135. От Куликовой Е. В., д. Хашезеро, в 1944 г. А. В. Белованова записала свадебные плачи – 75/145, 197.

См. публ.: (75/43) Базанов, 1945 – С. 18 (отр. из 8 строк): плач по данным АКНЦ исполнила Е. А. Куликова (см. № 134 нашего издания); (75/145) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 8, 26. С. 56, 85.

136. От Курочкиной С. С., д. Зародницы, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовой плач – 75/96.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 51. С. 291.

137. От Лазарева В., д. Каменицы, в 1864 г. П. Н. Рыбников записал семь былин.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. IV – № 4, 8, 9, 14, 16. С. 26, 42, 81, 87; ч. III – № 22, 41. С. 103, 241; 2-е изд. Т. 2 – № 103–109. С. 3; 3-е изд. Т. 2 – № 104–110. С. 5. Перепечатаны: (1-е изд., ч. III. № 22 и 41) Путилов, 1986 – С. 400 (вар. I), 510; С. 467 (вар. IV), 525; (2-е изд. № 104) Водовозов, 1955 – С. 275, 380; Ухов, 1957 – № 22. С. 186, 473; Азбелев, 1984 – С. 151, 388; (№ 105, 107): Смирнов, Смолицкий, 1978 – № 34, 66; (№ 108): Миллер, 1915 – № 110. С. 311; Путилов, Добровольский, 1960 – № 210. С. 325, 658; Балашов, 1963 – С. 167 (вариант); Азбелев, 1986 – С. 126 (вариант); (№ 109): Миллер, 1915 – № 50. С. 126; Путилов, Добровольский, 1960 – № 177. С. 253, 652.

138. От Лазарева Ф. И., д. Космозеро, в 1926 г. А. И. Никифоров записал две сказки, одну из них, незаконченную (о дорогой коже с мотивами о шуте) полуконспективно. После исполнения сказки «Кощей» отмечено: «Записана в присутствии толпы, не буквально. Было позднее время, сказочник торопился».

См. публ. сказки «Кощей»: Советский фольклор, № 4–5, 1936. С. 217.

139. От Ланевой Н. Т., д. Сенная Губа, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи песен: любовной – 79/86а, плясовых – 79/87, 88; частушки – 79/89; сказок: волшебных – 79/90, 91, о животных – 79/92.

140. От Лисицы Е. А., д. Зубово близ Выгозера, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал четыре былины.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 190–193. С. 922; 2-е изд. Т. II – С. 691; 3-е изд. Т. II – С. 636, 705; 4-е изд. Т. II – С. 726, 804. Перепечатаны: (4-е изд. № 192) Баландин, 1983 – С. 223, 327; (3-е изд. № 192): Калугин, 1986 – С. 309; (2-е изд. № 193): Миллер, 1915 – № 56. С. 149; Путилов, Добровольский, 1960 – № 183. С. 264, 652.

141. От Ломтева М., д. Конда, в 1931 г. записи производили Н. Г. Котлярова (дн. 73), С. А. Лорви (дн. 78, 79). В АКНЦ имеются рассказы о Соловецком монастыре – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 51; Р. VI, оп. 1, № 79, л. 53; о крестьянских семьях и о субординации в них – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 51; Р. VI, оп. 1, № 78, л. 144–145;

о свадебном «досюльном» костюме невесты – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 51; Р. VI, оп. 1, № 78, л. 61, 146–148; о свадебном колдовстве – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 53; о кресте на перекрестке дорог (о повериях) – Р. VI, оп. 1, № 79, л. 119–120.

142. От Ломтевой А. М., д. Конда, в 1931 г. записывали Н. Г. Котлярова (дн. 73), С. А. Лорви (дн. 78, 79), Н. Н. Тяпонкина (дн. 94). В АКНЦ имеются записи: о свадебном наряде невесты – Р. VI, оп. 1, № 79, л. 61; Р. VI, оп. 1, № 78, л. 146; о свадебном обряде, о выдаче замуж против воли невесты, о замужестве «убегом» – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 54; о том, как молодежь проводила раньше время – Р. VI, оп. 1, № 94, л. 17; песен: любовных – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 55; Р. VI, оп. 1, № 78, л. 131, семейно-бытовой – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 56; мещанских романсов – Р. VI, оп. 1, № 73, л. 57; Р. VI, оп. 1, № 78, л. 133.

О свадебном обряде А. Ломтева исполняла с Т. Петиковой.

143. От Лучиной А. К., д. Сенная Губа, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали историческую песню, две баллады и два духовных стиха; в 1932 г. в д. Кургеницы М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина повторно записали историческую песню – 68/30 и былины-баллады – 68/31, 32.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 148. С. 588, 893; о неопубл. балладах см. в примечаниях – С. 904, 909; Астахова, Т. II – № 143. С. 276, 717; Исторические песни XVII в. – № 16. С. 39, 337.

144. От Макаровой Н. В., п. Ламбасручей, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали бытовые плачи – 75/176, 176а, 176б.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 52. С. 292, 568.

145. От Макаровой П. и Пастуховой П. П., д. Горка в Чорге-Губе, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал две былины.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 168–169. С. 845; 2-е изд. Т. II – С. 590; 3-е изд. Т. II – С. 538, 702; 4-е изд. Т. II – С. 615, 769–779, 801.

146. От Маклышевой А. И., д. Сенная Губа, в 1956 г. записывали студенты МГУ Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова, К. Дубровина, М. Роговская, И. Зузанек под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи песен: свадебной – 79/17, любовных – 79/18, 19, 25, шуточных – 79/20, 21, 26, мещанской – 79/23, кадрильной – 79/27; колыбельной – 79/534; духовных стихов – 79/22, 24; свадебного причитания – 79/28; сказок волшебных – 79/531–533; загадки – 79/535; биографической справки и репертуара – 79/17.

См. публ. сказки: (79/533) Онегина, 1986 – № 27. С. 94, 204.

147. От Максимовой А., д. Моталово, в 1931 г. записывали З. Курдова (дн. 75) и М. Б. Каминская (дн. 71). В АКНЦ имеются: свадебные причитания – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 21–22; биографическая справка – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 22.

148. От Мартыновой Д. Т., д. Сенная Губа, в 1956 г. записи производили студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак, Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: частушек – 79/11 (5 шт.), 127а (7 шт.), 129 (5 шт.), 132 (2 шт.); песен: любовных – 79/128, 130, семейно-бытовой – 79/131; жестокого романса – 79/133; духовного стиха о Егории (отр. из 4-х строк) – 79/134.

Все, кроме частушек 79/11, Дарья Тимофеевна исполняла с А. А. Павловой и С. Суриковой.

149. От Медведевой М. С., п. Шуньга, в 1982 г. Н. Ф. Онегина, Э. П. Кемпинен, А. Т. Пакконен (к. 147); в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 160); в 1986 г. Т. И. Сенькина, О. С. Куимова (к. 179); в 1992 г. – В. П. Кузнецова и др. (к. 191 – материалы расшифрованы не полностью) записали сказки: о животных – 160/5–11, волшебные – 147/115, 160/12–18, 26, 36, легендарную – 160/19, сказки-анекдоты – 160/20–22, сказку-прибаутку – 160/23; сказку авторскую – 160/24, сказку литературную – 160/25; духовные стихи – 147/105, 106, 108–110; 160/149; 191/112, 233, 234; о бытовании духовных стихов – 191/115, 232; былички – 147/63, 94, 113; 160/153–155, 157; 179/101; 191/114, 116; песни: колыбельные – 147/100–103, (на стихи Некрасова) – 160/144, 145 (отр.), любовные – 147/90, 98; 160/147, 163, 165, тюремные – 160/141, 148, плясовые – 160/162, 164, 166–170, балладную – 147/89, семейно-бытовую – 147/99, свадебные – 147/91–93; мещанские романсы – 147/88, 104; 160/158, 161, 168; частушки – 147/77, 87, 95, 96; о свадебном обряде – 191/74; о свадебной порче – 191/75; о деревне, о семье – 191/113; об обрядах и обычаях, связанных с жилищем – 160/201 (дн. экспедиции); о верованиях (о колдовстве) – 191/117; о беседах – 191/115; бытовые рассказы – 160/150, 152; стихотворение – 160/146; пословицы – 147/107; 160/200; прозвища – 160/151; считалку (?) – 160/159; скороговорку – 160/160; побывальщину – 160/156; легенды – 191/118–120; предание – 191/121; репертуар – 147/116.

См. публ. сказок: (147/115; 160/6, 7, 9–11, 16) Онегина, 1986 – № 69–75. С. 183, 216.

150. От Мерзляковой А. П., д. Шуньгский Бор, в 1926 г. А. М. Астахова записала былину «О Добрыне», И. В. Карнаухова – духовный стих о Егории.

См. публ. былины: Астахова, Т. II – № 178. С. 461, 727.

151. От Меркуловой М. Д., д. Демидово, в 1944 г. А. П. Белованова записала плачи: солдатский – 75/100, бытовой – 75/101, свадебный – 75/102.

В паспорте к текстам имеются разночтения в инициалах исполнительницы: в одном случае указано Матрена Дмитриевна, в другом и в картотеке – Д. Петровна.

152. От Минкиной Е. А. в 1956 г. в д. Кривоноговской Н. С. Полищук (к. 80), в 1983 г. в д. Лебещина В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен (к. 164) и студенты ПГУ В. В. Колданова, Е. С. Сизяева (к. 161) записали песни: свадебные – 161/817; 164/218, 219, 236, хороводные, кадрильные – 161/818; 164/220–223, 237, любовные – 164/224, 225, 229, 230, семейно-бытовую – 164/227, тюремную – 164/233; романсы – 164/226, 232, 235; свадебный обряд – 164/228; свадебное причитание – 164/238; байку – 164/231, 232; стих сатирический – 164/234; духовные стихи – 80/96–98.

Песни 164/236, 237 Евдокия Андреевна исполняла с А. Л. Благочинной; 164/222, 223 – с М. В. Горевой; духовные стихи – 80/96–98 – с В. И. Исаевой (возможно, их пела одна Исаева, так как паспортные данные нечеткие).

См. публ. свадебной песни: (164/236 = Фон. 2770/11) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 103. С. 180.

153. От Митрофанова И. В., д. Яндомозеро, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала девять сказок и предание.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 41–49. С. 75, 388; *предания* – № 50. С. 101, 392. Перепечатано: (№ 50) Криничная, 1991 – № 332. С. 181.

154. От Михалева Г. И., д. Петры, в 1931 г. М. Пуговкина записала подробный рассказ об устройстве и работе ветряной мельницы – Р. VI, оп. 1, № 63, л. 54–60.

155. От Михеева М. К., Кижи, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала две сказки и присказку.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 56–58. С. 120, 395.

156. От Мишиной А. М., д. Царево, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/37.

См. публ.: Белованова, Разумова, 1947 – С. 71, 131; Чистов, 1960 – С. 352, 416; Базанов, Разумова, 1962 – № 53. С. 293.

157. От Могучевой М. В., д. Мишкарево, в 1926 г. записи производили Н. П. Колпакова, Т. В. Попова, в 1932 г. – М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68). В АКНЦ имеются записи песен: свадебной – 68/189, рекрутских – 68/192, 193; мещанского романса – 68/190.

См. публ. былины-баллады: Астахова, 1927 – С. 103; то же: Астахова, Т. II – № 176. С. 455, 711; *песни:* Колпакова, 1927 – С. 134.

158. От Молодицы из Кижской Губы в 1860 г. П. Н. Рыбников записал былину, балладу и историческую песню.

См. публ.: («Былина о Лжедмитрии» = Рыбников, 1-е изд., ч. I, № 69) – ОГВ, 1860, № 39. Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 46, 69, 79. С. 269, 406, 461; 2-е изд. Т. I – № 90–92. С. 461; 3-е изд. Т. I – № 91–93. С. 444, 502, 504, 509. Перепечатаны: (2-е изд., № 91) Исторические пени XVII в. – № 10. С. 34, 336; (1-е изд., № 92): Соболевский, Т. I – № 172. С. 236; Балашов, 1963 – № 1. С. 45, 379.

159. От Мореходова А. М., д. Леликово, в 1931 г. записывала Р. Х. Герцман. В АКНЦ имеются рассказы о негативном отношении молодежи к созданию в деревне ячейки ВЛКСМ, так как соблюдались религиозные праздники, ходили в церковь, были сильны верования, и о выезде с «красным» обозом по лесозаготовкам – Р. VI, оп. 1, № 62, л. 23–34, 37.

160. От Мореходовой А. И., д. Леликово, в 1931 г. записывали О. Ионова (дн. 69 и 70), О. Копылова (дн. 72), С. А. Лорви (дн. 78), В. П. Галашина (к. 66). В АКНЦ имеются песни: шуточные – 66/13; Р. VI, оп. 1, № 69, л. 25; Р. VI, оп. 1, № 72, л. 24, 33, плясовая – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 87; былина (отр.) – Р. VI, оп. 1, № 69, л. 26; то же: Р. VI, оп. 1, № 72, л. 24; мещанский романс – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 32; топонимика – Р. VI, оп. 1, № 70, л. 9; о положении старых дев (об отношении к ним) – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 45.

161. От Морозовой Н. И., д. Коровниково, в 1931 г. записи былин, баллады, стиха и сказок производили М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина.

См. публ. былин и баллады: Астахова, Т. II – № 167–169. С. 417, 804, 726, 767. Перепечатана: (№ 169) Балашов, 1963 – № 2. С. 242, 406.

162. От Мосеева С. А., д. Тухино, в 1926 г. С. П. Бородин, В. А. Дынник, Ю. М. Соколов записали две былины-баллады «Братья разбойники и сестра», «Василий и Софья» и духовный стих. О содержании неопубликованных баллад см. в примечаниях указанного ниже издания – С. 904, 909. – (Соколов, Чичеров, 1948).

163. От Мосеевой А., д. Тухино, в 1926 г. С. П. Бородин, В. А. Дынник, Ю. М. Соколов записали былину-балладу «Братья разбойники и сестра» и духовный стих. О содержании неопубликованной баллады см. в примечаниях указанного ниже издания – С. 904. – (Соколов, Чичеров, 1948).

164. От Мосеевой Е. И., д. Харлово, в 1932 г. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина записали былину «Чурилушка».

См. публ.: Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 274; 2-е изд., 1938 – С. 270. В примечании исполнительница ошибочно названа «Моисеевой», а деревня – «Харламово»; Астахова, Т. II – № 171. С. 428, 804.

165. От Мотовой Е. Е., д. Кургеницы, в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Астафьева, Ш. Быковская, В. Велинская под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются песни: свадебные – 79/349, 350, любовные – 79/351, 352, 363–365, 404, 405, 408, шуточные – 79/353, 410, кадрильные (плясовые) – 79/ 357–362, 406, 411, семейно-бытовая – 79/412; свадебные причитания – 79/348, 355, 356; мещанские романсы – 79/354, 403, 407, 409; репертуар – 79/348б; биографическая справка – 79/348а.

Песни, причитания и романс 79/349–365 Евдокия Егоровна исполняла с Т. П. Барановой.

166. От Мошкиной А. И., д. Скурнино, в 1938 г. М. Михайлов (к. 76); в 1944 г. А. П. Разумова (к. 75) записали причитания: похоронные – 75/179 (отр.); 76/77, 79, свадебное – 76/78, бытовое – 75/177; частушки – 75/178.

См. публ. плачей: (76/77, 79): Михайлов, 1940 – № XXV, XXVI. С. 141, 312; (75/177): Базанов, Разумова, 1962 – № 54. С. 295, 568.

167. От Мошниковой П. С., д. Палтега, в 1983 г. И. В. Костарева, Г. Р. Окунева, О. Б. Удодова, В. В. Яковлева (к. 161); в 1985 г. Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, В. И. Калугин (к. 166 – м/записи расшифрованы не полностью) записали сказки: волшебные – 161/915, 917; 166/4, 6, 8, о животных – 166/5, сказки-анекдоты – 161/914, 916; 166/3; песни: балладные – 161/919, 956; 166/1, 2, свадебные – 166/11–13 (отрывки), 14–16, 17 (отр.), 18, 20, 21, кадрильные – 166/22, 34–36, любовные – 166/23, 33, шуточные – 161/948; 166/30, 31, 37, семейно-бытовые – 161/918, 949; 166/32, самодеятельную – 161/920, 955; частушки – 161/921–947 (27 шт.), 950–954 (5 шт.); рассказы: шуточный – 166/9, о своей жизни – 166/10; молитвы-обереги на сон – Фон. 2914/2, 9.

Песни 166/18 Парасковья Степановна исполняла с О. М. Масляковой; 166/23 – с Н. И. Сидорковой; 166/30–37 – с Н. М. Кулатовой.

См. публ.: сказок (161/914–917) Онегина, 1986 – № 59–62. С. 160, 213; *молитвы-оберега:* (Фон. 2914/9) Курец, 2000 – № 336. С. 112, 210.

168. От Мухиной А. Т., д. Мяльзино, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали плачи: бытовые – 75/165, 166, похоронный – 76/86.

См. публ. плача (75/165): Базанов, 1945 – С. 19 (без 9 последних строчек); Базанов, Разумова, 1962 – № 55. С. 296, 568.

169. От Мухиной М. Г., д. Мальково, в 1956 г. Ю. Зузанек, М. Роговская, Г. Семара, Н. Чернявина записали две песни. В АКНЦ имеется текст одной плясовой песни – 79/181.

170. От Мышевой А. М., д. Масельгская (Гора?), в 1983 г. В. П. Кузнецова записала: свадебные песни – 164/10, 11; свадебное причитание – 164/12; приговоры дружки – 164/13; былички – 164/16, 17, 19; о колдовстве и колдунах – 164/18, 21; о народной медицине – 164/20; рассказ о летающем огненном клубке (бочке) – 164/14, 15.

171. От Мышевой П. И., д. Харлово, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовое причитание – 75/41.

172. От Назарова П. В., д. Косельга, в 1926 г. В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину о Дюке Степановиче и отрывок былины «Птицы».

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 163, 164; С. 634, 894.

173. От Назаровой А. П., д. Косельга, в 1926 г. В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину-балладу «Василий и Софья», о содержании которой см. в примечаниях указанного ниже издания – С. 909 – (Соколов, Чичеров, 1948).

174. От Назарьевой (Назаровой) А. А., д. Сенная Губа, в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются причитания: свадебные – 79/136, 138, похоронное – 79/139; свадебная приговорка – 79/137; заговор на останавливание крови – 79/140; духовные стихи – 79/141 (пересказ), 150 (отр.); былина – 79/149 (отр.); песни: любовные – 79/142, 143, детская – 79/144, солдатская – 79/147, самодеятельная (переделка «Трансваль») – 79/148; загадки – 79/145; прибаутка – 79/146; биографическая справка – 79/135.

Песню 79/147 Анастасия Александровна исполняла с дочерью А. Д. Брызгаловой.

См. публ. заговора (79/140) Курец, 2000 – № 248. С. 88, 196.

175. От Неклюдина К. С. с Зяблых Нив записей былин не производилось.

176. От Неклюдиной (Пикалевой) С. К. с Зяблых Нив в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал три былины.

См публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 135–137. С. 698; 2-е изд. Т. II – С. 376; 3-е изд. Т. II – С. 342, 697; 4-е изд. Т. II – С. 393, 794. Перепечатана: (4-е изд., № 136) Путилов, 1986 – С. 417 (вар. II), 515.

177. От Нефедкиной К. П., Великая Губа, в 1980 г. Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен записали: о свадебном обряде – 142/633; сказки: о животных – 142/634, волшебные – 142/635, 636; о бытовании жанра – 142/637; о гадании – 142/637.

178. От Никитина П. Г., д. Пустой Берег, в 1956 г. записывали студенты МГУ О. Л. Свешникова, Е. А. Ремезова под рук. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи свадебных приговоров дружки – 79/616.

179. От Никитина Ф., Выгозерский погост, в 1864 г. писарь местного исправника записал для П. Н. Рыбникова две былины и балладу; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – пять былин, две баллады и историческую песню.

См. публ.: («Илья Муромец. Три поездки и борьба с Соловьем-разбойником» и «Иван Гостиный сын» = Рыбников, 1-е изд., ч. IV, № 3, 13) ПК, 1866, ч. II, с. 71–85; Рыбников, 1-е изд., ч. IV – № 3, 13, 19. С. 16, 74, 99; 2-е изд. Т. II – № 110–112. С. 38; 3-е изд. Т. II – № 111–113. С. 32, 554, 570. Перепечатана: (1-е изд. № 19) ОГВ. 1867. № 14; Соболевский, Т. I – № 179. С. 136; Гильфердинг, 1-е изд. – № 170–177. С. 861; 2-е изд. Т. II – С. 607; 3-е изд. Т. II – С. 554, 703; 4-е изд. Т. II – С. 634, 802. Перепечатаны: (3-е изд. № 171) Андреев, 1938 – № 2. С. 46, 550; Астахова, 1947 – № 5. С. 47, 129; (4-е изд. № 171) Богомолов, 1954 – С. 59, 308; Путилов, 1957 – С. 67, 451; Астахова, 1958 – № 40. С. 272, 493; Пропп-Путилов, Т. I – С. 215, 526; Путилов, 1986 – С. 65, 500; (2-е изд. № 172) Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 233; 2-е изд., 1938 – С. 230; (3-е изд. № 172) Калугин, 1986 – С. 403; (2-е изд. № 175) Миллер, 1915 – № 118. С. 364; Путилов, Добровольский, 1960 – № 204. С. 300, 657; (№ 177) Андреев, 1938 – № 5 (приложение). С. 540, 568.

180. От Никитина Ф. Е., д. Космозеро, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала две сказки.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 37, 38. С. 65, 386.

181. От Никитиной А. М., д. Боярщина, в 1956 г. записывали студенты МГУ К. Дубровина, Е. А. Костюхин под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты свадебных песен – 79/541–544.

182. От Никитиной А. Д., д. Пустой Берег, в 1956 г. записывали студенты МГУ О. Л. Свешникова, Е. А. Ремезова под рук. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи песен: любовных – 79/610, 611, 613, 614, шуточной – 79/609, плясовых – 79/608а, свадебных – 79/588–590, 590а; свадебных причитаний – 79/589 (отр.), 608; мещанских романсов – 79/612, 615.

183. От Никифорова Н. Ф., д. Линдома, в 1937 г. М. С. Архипов записал: биографическую справку – 74/127; 122/39, л. 347 (м/копия); репертуар – 74/128; загадки – 74/129 (10 шт.); приметы – 74/130 (6 шт.); свадебные приговоры дружки – 74/131; песни: шуточные – 74/132, 136, любовные – 74/133, 137, любовно-эротические (нецензурные) – 74/134, 135, 139, 140, семейно-бытовые – 74/138, 141; сказку-анекдот – 74/142 (нецензурная); волшебную – 74/143 (нецензурная).

См. публ.: свадебных приговоров дружки (74/131) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 81, 91, 152. С. 151, 159, 240.

184. От Никифоровой К. С., д. Великая Губа, в 1981 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен записали песни: историческую литературного происхождения – 148/82, 95, самодеятельные – 148/84, 89, тюремную – 148/87, колыбельную – 148/88; мещанские романсы – 148/83, 86, 90–94; частушки – 148/96 (12 шт.); самодеятельные стихи – 148/98, 100; частушка – 148/99.

185. От Никоновой А. М., д. Конновская Пудожского района, в 1932 г. записывали М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина. В АКНЦ имеется текст волшебной сказки – 68/210.

См. публ. былин: Астахова, Т. II – № 180–183. С. 472, 708, 727, 743, 775. Перепечатана: (№ 183) Путилов, Добровольский, 1960 – № 187. С. 272, 652.

186. От Новожиловой А. А., д. Поля, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/91.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 58. С. 302.

187. От Новожиловой Е. Ф., д. Поля, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/90а.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 59. С. 304.

188. От Носовой Ф. Г., д. Сычи, в 1956 г. студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак, Н. И. Савушкина, Н. Чернявина под рук. доц. Э. В. Померанцевой записали песни: плясовые – 79/93, 104–107, любовные – 79/96, 97, 108, 110, 114, 115, свадебные – 79/94, 95, 98, 111; свадебное причитание – 79/109; духовные стихи – 79/112, 113 (отр.).

Песни 79/93–98 Федосья Григорьевна исполняла с А. П. Васильевой и М. М. Бытовой; 79/104–108, 110, 111, 114, 115; причитание – 75/109; духовные стихи – 79/112, 113 – с К. Ф. и М. М. Бытовыми и А. П. Васильевой.

189. От Нуждиной В. А., д. Толвуя, в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен записали: сказки-анекдоты – 160/30–35; частушки – 160/123, 126, 128; свадебное причитание – 160/124; песни: свадебную – 160/125, балладную – 160/129, любовные – 160/130, семейно-бытовую – 160/136; байки – 160/134; пословицу – 160/135; о бытовании жанров – 160/127, 215; о ряженых – 160/127а.

Свадебное причитание – 160/124 и песни 160/125, 130, 136 Вера Андреевна исполняла с А. А. Ковалкиной.

См. публ. сказки: (160/32) Онегина, 1986 – № 68. С. 181, 215.

190. От Ольхиной Ф. И., д. Глебово, в 1926 г. Ю. М. Соколов записал фрагменты былин «Вольга и Микула» и «Худая жена».

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 122, 123. С. 528, 891.

191. От Омелиной М. В., д. Верховье, в 1980 г. Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен записали: частушку – 142/548; свадебное причитание – 142/550 (отр.); рассказ о Шуньгской ярмарке, о беседах, игрищах – 142/551, 552.

192. От Оргиной А. Ф. в 1926 г. на пароходе, следовавшем в Петрозаводск, А. М. Астахова записала былину «Князь, княгиня, старицы»; в 1932 г. в д. Деригузово Оргина передала М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной (кол. 68) былину про Добрыню и Алешу Поповича, записанную и усвоенную ею, как и первую, от 84-летней А. В. Коломаевой с Водлозера, – 68/201 и спела мещанский романс – 68/200.

См. публ. былин: впервые (68/201) Андреев, 1938а – № 9. С. 208; Астахова, Т. II – № 172, 173. С. 433, 726, 768.

193. От Орехова Д. А., д. Сибово, в 1926 г. записывала И. В. Карнаухова.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 53, 54. С. 108, 393.

194. От Осиповой А. Е., д. Берег, в 1983–1984 гг. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен записали: небылицу – 164/273; полуфольклорные тексты – 164/274, 275;

быличку – 164/287; песни: балладную – 164/276, любовную – 164/278, свадебные – 164/279, 281, 282, 283; мещанский романс – 164/292; свадебный обряд – 164/277, 279, 283; о святочном гадании – 164/286, 289; сказки-анекдоты – 164/290, 291.

Песни 164/278, 281, 282 и романс 164/292 Александра Егоровна исполняла с А. П. Осиповой.

См. публ. свадебной песни: (164/281 = 2771/17) Кузнецова, Логинов – № 101. С. 178.

195. От Осиповой А. П., д. Берег, в 1983–1984 гг. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен записали: о гадании – 164/288; песни: любовную – 164/278, рабочую – 164/280, свадебные – 164/281, 282; свадебные причитания – 164/284, 285; романс – 164/292; о вопленице – 164/285а.

Песни 164/278, 281, 282 и романс 164/292 Анастасия Павловна исполняла с А. Е. Осиповой.

См. публ. свадебного причитания: (164/284 = Фон. 2780/1) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 13. С. 65; *свадебной песни:* (164/281 = 2771/17) – № 101. С. 78.

196. От Осовой Д. И., д. Емичевская, в 1944–1945 гг. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/186; 76/89.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 60, 61. С. 305, 569.

197. От Павловой А. А., Сенная Губа, в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак, К. Дубровина, Е. Костюхин, Л. Астафьева, В. Велинская под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: частушек – 79/127а (7 шт.), 129 (5 шт.), 132 (2 шт.), 501 (8 шт.); песен: семейно-бытовой – 79/131, любовных – 79/128, 130, плясовых – 79/545а–548, шуточной – 79/500; мещанских романсов – 79/133, 499; духовного стиха о Егории – 79/134 (отр. из 4-х строк); биографических сведений – 79/127, 545; репертуар – 79/548.

Частушки 79/127а, 129, 132; песни 79/128, 130, 131; романс – 79/133, дух. стих – 79/134 Анастасия Андреевна исполняла с Д. Т. Мартыновой и С. Суриковой.

198. От Павловой И. Н., д. Батово, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовой – 75/65, солдатский – 75/66.

См. публ. плача: (75/65) Базанов, Разумова, 1962 – № 62. С. 309, 569.

199. От Падориной (Подориной) Е., д. Великая Нива, в 1944 г. А. П. Разумова, В. Г. Базанов записали похоронный плач – 75/17.

200. От Палтусовой А. И., п. Ламбасручей, в 1980 г. Н. Ф. Онегина, Т. А. Пакконен, Э. П. Кемпинен, В. П. Кузнецова, студентка КГПИ О. Яковлева (к. 142); в 1981 г. В. П. Кузнецова, Т. А. Пакконен (к. 148), в 1982 г. Н. Ф. Онегина, Э. П. Кемпинен (к. 147), в 1983 г. Т. И. Сенькина, В. П. Кузнецова (к. 162) записали сказки: волшебные – 142/140, 164 (отр.), 165, 448; 147/10, 12–14, 16; 148/2–4; 162/4–10, о животных – 142/163; 147/15; 162/11, сказку-анекдот – 162/12; анекдоты – 162/13–17; о бытовании жанров – 147/11; 162/10а, 22; о беседах – 142/447; 147/3; рассказы: об обработке льна – 142/167, как гнали деготь, смолу – 147/19, о рыбной ловле – 147/22; прибаутку – 162/21; балладу – 162/3 (отр.); песни: плясовые – 147/4–9, любовную – 148/70, свадебные – 142/150, 166; 148/54, 59; 162/84–86; о свадьбе, о подголоснице – 142/155; 69–71; свадебные приговорки – 148/42, 55; 162/66, 91; свадебные приговоры дружки – 142/161; свадебные причи-

тания – 142/143–149, 151–154, 156–160; 148/21, 22, 22а, 22б, 23–28, 38–41, 43–45, 58; 162/61–65, 67–71; о свадебном обряде – 142/142, 148, 154, 155, 158, 159, 161, 162; 148/21, 22, 22б, 23, 26, 37, 40–42, 44, 45, 53–55, 57, 59; 162/60; биографические рассказы (сведения) – 142/141, 147/2, 11, 17; 148/1.

Песни 162/85, 86 Анна Ивановна исполняла с М. Я. Кирьяновой, А. Н. Теребовой, Т. Ф. и Е. И. Алёшиными; 148/70 – с М. Я. Кирьяновой и Т. Ф. Алёшиной; о свадебном обряде – 148/53–55 – с М. Я. и А. И. Кирьяновыми и Т. Ф. Алёшиной; о рыбной ловле – 147/22 – с А. Н. Теребовой.

См. публ. сказок: (147/10, 12–15) Онегина, 1986 – № 54–58. С. 150, 211; *свадебных причитаний:* (142/146, 149, 152, 156–158, 160; 148/21, 22, 24, 25, 27, 41, 43, 44, 58 = Фон. 2596/16, 19; 2597/1; 2653/9, 10, 12, 14; 2655/2, 4, 5; 2657/2) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 4, 18, 23, 25, 35, 45, 48, 51, 59, 61, 68, 73, 83, 121, 124, 132, 138, 147. С. 49, 78, 82, 84, 99, 106, 108, 110, 114, 117, 131, 139, 152, 199, 201, 212, 215, 223.

201. От Пановой А. М., д. Падмозеро, в 1944 г. А. П. Разумова, В. Г. Базанов записали бытовые причитания – 75/58, 59.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 63, 64. С. 310, 569.

202. От Пановой К. И., д. Падмозеро, в 1983 и 1989 гг. В. П. Кузнецова записала свадебный обряд – 164/263; свадебные приговоры дружки – 164/264; Фон. 3189/8.

См. публ. приговора дружки: (164/264 = Фон. 2771/6) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 154. С. 242.

203. От Панфиловой А. М., д. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова, студенты ПГУ О. Яковлева, Л. Панкратова, Т. Тихонова (к. 142), в 1983 г. студенты ПГУ А. Т. Анисимова, С. Л. Коршунова, Е. Ю. Данилова и другие под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161) записали рассказы: биографический – 161/235, о свадьбе – 161/235а, о вопленице и свадебном обряде – 142/105; похоронный обряд – 142/106; любовную песню – 161/10.

Возможно, песню исполняла другая Панфилова, отсутствуют четкие паспортные данные.

204. От Пастуховой П. П. и Макаровой П., д. Горка в Чорге-Губе, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал две былины.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 168, 169. С. 845; 2-е изд. Т. II – С. 590; 3-е изд. Т. II – С. 538, 702; 4-е изд. Т. II – С. 615, 769–779, 801.

205. От Пахомовой М. И., д. Коровниково, в 1983 г. записывали студенты ПГУ Л. А. Гурина, Л. А. Веденеева, С. А. Ковалева под рук. Ф. Р. Макаровой. В АКНЦ имеется: рассказ о жизни до войны, в оккупации, о беседах и свадьбах, о наряде невесты – 161/470; о «похваленьи» на свадьбе – 161/471.

206. От Пашовой М. К., д. Обозеро, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, В. А. Дынник записали былину, две баллады, два духовных стиха; в 1932 г. записывали М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68), в 1937 г. – К. В. Чистов (к. 74). В АКНЦ имеются: баллады – 68/20–22; песни: любовные – 74/83, 84, солдатская – 74/85.

Песни 74/83–85 Матрена Кузьминична исполняла с Ф. С. Амосовой.

См. публ. былины: Соколов, Чичеров, 1948 – № 161, С. 629; о содержании неопубликованных баллад см. в примечаниях – С. 905, 909; *баллад:* (68/20–22) Астахова, Т. II – № 126–128. С. 148, 703, 711, 786. Перепечатана: (№ 126) Балашов, 1963 – № 2. С. 125, 391.

207. От Петиковой М. Д., д. Конда, в 1931 г. записывали Н. Н. Тяпонкина (дн. 94), В. П. Галашина (?) (дн. 65), В. П. Кох (дн. 91). В АКНЦ имеются записи о порче свадьбы и молодых (о колдунах) – Р. VI, оп. 1, № 65, л. 21; то же: Р. VI, оп. 1, № 91, л. 9; Р. VI, оп. 1, № 94, л. 25.

208. От Позняковой (Поздняковой ?) А., д. Космозеро, в 1926 г. записи производила И. В. Карнаухова.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 34, 35. С. 61, 385. Перепечатана: (№ 35) Разумова, 1995 – № 59. С. 101.

209. От Поповой А. А., Маткозеро, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал былину и балладу; в 1886 г. в Масельге Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш – духовный стих и баллады.

См. публ. былины и баллад: Гильфердинг, 1-е изд. – № 30, 31. С. 152; 2-е изд. Т. I – С. 215; 4-е изд. Т. I – С. 311, 719. Перепечатана: (№ 31) Соболевский, Т. I – № 88. С. 140. Истомин, Дютш, 1894 – № 12, 13. С. 68; *духовного стиха* – № 1. С. 3.

210. От Порожской А. Е., д. Пороги, в 1944 г. А. П. Разумова записала причитания: солдатское – 75/8, похоронное – 75/9.

См. публ.: (75/9) Базанов, Разумова, 1962 – № 65. С. 312, 569.

211. От Потаповой А. Е., Сенная Губа, в 1931 г. записи производили В. П. Галашина (к. 66, дн. 65?), З. Курдова (дн. 92), Забаровская (дн. 67), О. Копылова (дн. 72). В АКНЦ имеются записи: исторической песни – 66/29; песен: любовной – 66/28, семейно-бытовой – 66/27, свадебных – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 40; частушек – 66/26а (65 шт.); Р. VI, оп. 1, № 72, л. 41 (5 шт.); о народной медицине – Р. VI, оп. 1, № 92, л. 1, 28–31; Р. VI, оп. 1, № 67, л. 22; заговоров – Р. VI, оп. 1, № 65, л. 20, 29, 30; Р. VI, оп. 1, № 67, л. 22; Р. VI, оп. 1, № 92, л. 32; верований, обрядов, примет, обычаев – Р. VI, оп. 1, № 65, л. 23–28.

Частушки 66/26а Анна Егоровна исполняла с Ш. Фоминой, М. Кайкиной, В. Коноваловой, В. Кошкиной, Н. Ерофеевой, Н. Дыковой.

См. публ. заговоров: (Р. VI, оп. 1, № 65, л. 20, 29, 30) Курец, 2000 – № 247, 404, 417. С. 88, 131, 140, 196, 219, 222.

212. От Прохорова П., д. Черный Наволок у Тамбицы, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал три былины.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 40–42. С. 190; 2-е изд. Т. I – С. 266; 4-е изд. Т. I – С. 365, 712.

213. От Прохоровой М. А., д. Кургеницы (Кижи), в 1956 г. записывали студенты МГУ Л. Астафьева, А. Быковская, В. Велинская под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются: духовные стихи – 79/366–369; песни: кадрильные – 79/370–374, 382, 383, любовные – 79/375–377, 380, 384, солдатские – 79/378–379,

семейно-бытовые – 79/381, 385, 392, 395; мещанские романсы – 79/386, 394, 396–398, 400–402; частушки – 79/387 (15 шт.), 399 (18 шт.); сказки: о животных – 79/388, 389, 391, волшебная – 79/390; стихотворение – 79/393.

См. публ. сказок: (79/389, 390, 391) Онегина, 1986 – № 7–9. С. 57, 200.

214. От Пудиной А. П., д. Петрово, в 1944 г. В. Г. Базанов записал отрывок плача по матери – 75/160.

См. публ.: (75/161, 162) Базанов, Разумова, 1962 – № 66, 67. С. 314, 569. Опубликованные плачи ошибочно отнесены к А. П. Пудиной; по данным Архива их исполняла И. А. Коробова.

215. От Ражиковой П. З., д. Клементьевская, в 1937 г. М. М. Михайлов записал плачи: похоронные – 74/56, то же – 76/34, свадебные – 74/50–55.

См. публ. плачей: похоронного (74/56) Михайлов, 1940 – № LI. С. 200; Чистов, 1940 – С. 100, 207; *свадебных:* (74/50–51, 53, 55) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 2, 44, 137. С. 46, 106, 215.

216. От Разбивной К. В., д. Мальково, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину, две баллады, четыре исторических песни и духовный стих.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 124–126. С. 529, 891. О содержании неопубликованных баллад и песен см. в примечаниях – С. 904, 908, 917.

217. От Рогозиной (Рагозиной, Рогожиной) М. П. записывали: в 1937 г. в д. Клементьевской М. М. Михайлов (к. 74); в 1956 г. в д. Маталово студенты МГУ Т. И. Гоголь, С. С. Ожегова, К. Дубровина, М. Роговская, И. Зузанек под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются: баллады – 74/47, 48; 79/29а, 31; былины – 79/32, 32а, 32б (отрывки), 51; духовный стих – 79/30; песни: историческая – 79/33, солдатская – 79/536, плясовая – 79/50, любовная – 79/538, семейно-бытовая – 79/537, колыбельная – 79/539; свадебные плачи – 79/34–39, 42–49; приговоры дружки – 79/40, 41; биографические справки – 74/48; 79/29; репертуар – 79/540.

См. публ. плачей: (79/34–37, 42, 44, 47, 49) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 1, 117, 123, 128, 148. С. 43, 196, 200, 208, 224.

218. От Рогозиной (Рагозиной) М. В., д. Деригузово, в 1926 г. записи сказок, былины,баллады, духовного стиха и др. жанров производили И. В. Карнаухова, А. И. Никифоров, в 1932 г. – М. В. Каминская и Н. Н. Тяпонкина.

См. публ. сказок: Карнаухова, 1934 – № 17, 18. С. 38, 381. Перепечатана: (№ 17) Чистов, 1958 – С. 71. Советский фольклор, № 4–5, 1936 – № 15. С. 238; то же: Никифоров, 1961 – № 36. С. 82, 352; *былины:* Астахова, Т. II – № 174. С. 446, 704.

219. От Романова К. И., д. Лонгасы, в 1860, 1861, 1863 гг. П. Н. Рыбников записал 13 былин; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – семь былин.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 1, 21, 23, 26, 30, 75, 78, 86. С. 1, 114, 120, 139, 178, 438, 456, 479; ч. II – № 22, 42, 54. С. 120, 241, 303; ч. III – № 18, 55. С. 87, 295; 2-е изд. Т. I – № 38–50. С. 258; 3-е изд. Т. I – № 39–51. С. 292, 484–486, 489, 491, 495, 497, 498, 500, 501, 505, 507, 508. Перепечатаны: (1-е изд., ч. I, № 1 = 2-е изд., № 38) Водовозов, 1955 – С. 21, 373; Плотников, 1979 – С. 33; (1-е изд., ч. I, № 30 = 2-е изд.,

№ 42) Ляцкий, 1911 – С. 145; (1-е изд., ч. II, № 42 = 2-е изд., № 46) Киреевский, ч. III, вып. 8 – С. 31; Путилов, 1962 – С. 208, 357; Балашов, 1963 – С. 233, 406; Исторические песни XVIII в. – № 224. С. 138, 311; (1-е изд., ч. I, № 78 = 2-е изд., № 47): Соболевский, Т. I – № 2. С. 5; (1-е изд., ч. I, № 86 = 2-е изд., № 48): Соболевский, Т. I – № 438. С. 514; Ухов, 1957 – № 64. С. 419, 502; Пропп, Путилов, Т. II – С. 281, 483; (1-е изд., ч. III, № 55 = 2-е изд., № 50) Миллер, 1915 – № 109. С. 304; Балашов, 1963 – С. 139, 392. Гильфердинг, 1-е изд. – № 91–97. С. 551; 2-е изд. Т. II – С. 172; 3-е изд. Т. II – С. 149, 689; 4-е изд. Т. II – С. 169, 785. Перепечатаны: (4-е изд., № 91) Богомолов, 1954 – С. 203, 316; Пропп, Путилов, Т. I – С. 14, 507; Баландин, 1983 – С. 68, 320; Путилов, 1986 – С. 387 (вар. I), 506; (3-е изд., № 91) Калугин, 1986 – С. 90; (2-е изд., № 94) Сперанский, Т. I – № 2. С. 27, 421; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 35; 2-е изд., 1938 – С. 33; Астахова, 1947 – № 9. С. 72, 131; (4-е изд., № 94) Пропп, Путилов, Т. I – С. 297, 534; Путилов, 1986 – С. 422 (вар. II), 517; (№ 96) Баландин, 1983 – С. 199, 325.

220. От Романовой А. Д., д. Кривоноговская, в 1944 г. А. П. Разумова, В. Г. Базанов записали плачи: бытовые – 75/33, 35, 36а, свадебный – 75/36.

См. публ. бытовых плачей: (33+35+36а) Базанов, 1945 – С. 36; то же: Базанов, Разумова, 1962 – № 68. С. 318, 569.

221. От Ромбачевой А. Я., д. Кузаранда, в 1986 г. Т. И. Сенькина и студенты ПГУ В. Г. Фролова, Е. В. Бориц записали: загадку – 179/103; анекдот – 179/104; предание – 179/105; былички – 179/106–110.

222. От Румзиной А. В., д. Толвуя, в 1982 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен записали: рассказ о календарных праздниках – 147/45; песни: кадрильные – 147/47–50, любовные – 147/52, 53, свадебные – 147/54–55; биографические сведения – 147/55а.

Песни и о календарных праздниках Анна Васильевна исполняла с А. И. Коробовой и А. Ф. Федоровой.

223. От Рябинина И. Т., д. Гарницы, в 1886 г. Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш записали былину «Королевичи из Крякова», в 1894 г. в Москве записи былин, духовных стихов производил Е. А. Ляцкий, напевов – Ю. И. Блок, А. С. Аренский, Н. А. Янчук.

См. публ. былин: Истомин-Дютш, 1894 – № 2. С. 29; Ляцкий, 1894 – № 1–6. С. 105–153. Перепечатаны: («Вольга и Микула») Ляцкий, 1911 – С. 9, 197; Астахова, 1947 – № 15. С. 94, 133; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 117; 2-е изд., 1938 – С. 114; («Добрыня и Змей»): Ляцкий, 1911 – С. 65; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 29; 2-е изд., 1938 – С. 27; («Михаил Скопин-Шуйский»): Миллер, 1915 – № 199. С. 562; Исторические песни XVII в. – № 63. С. 89, 342.

224. От Рябинина К. Г., д. Середка, в 1926 г. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова записали две былины и самодеятельную повесть в стихах; в том же году С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов повторно записали былины «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

См. публ. былин: Соколов, Чичеров, 1948 – № 103, 104. С. 466, 889; Астахова, Т. II – № 140, 141 – С. 262, 714, 764, *отрывка самодеятельной повести в стихах* – Карнаухова, 1927 – С. 120.

225. От Рябинина М. К., д. Середка, в 1926 г. Б. М. и Ю. М. Соколовы записали «несколько сот» свадебных присказок дружки; в 1932 г. с ним встречались и М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68). В репертуаре учтены собственноручные записи сказителя и других 1935–1938, 1948 гг. (к. 69, 71, 122). В АКНЦ имеются: былины – 68/29, 69/48; былины-новины: 71/1–5, 16, 17, 19, 20; письмо А. М. Линевского о былине-новине о Ленине – 71/2б. Л. 43; рецензия Дмитриченко на былину о Ленине – 71/2а. Л. 39–42; сказки-анекдоты – 71/14, 14а; сказка легендарная – 71/18; о колдовстве в Заонежье – 71/13; самодеятельная пьеса-инсценировка заонежской свадьбы с причитаниями – 71/15; самодеятельная пьеса-инсценировка – 71/11; самодеятельные стихотворения – 71/6, 8, 12; раешники – 71/7, 9, 10; биография и сопроводительное письмо – 69/47. Л. 1–4 (рукопись); биография в стихах – 122/50. Л. 469–473 (рукопись), 474–481 (м/копия); добавление к автобиографии – 122/50. Л. 482; письмо сказителя в Общество изучения Карелии и в КНИИК – 122/50. Л. 483 (м/копия); «О роде знаменитых сказителей былин Рябининых» – 122/52. Л. 488–497 (рукопись). Л. 498–503 (м/копия).

См. публ. двух свадебных присказок: Соколов, 1941 – С. 169; *сказок* (71/14, 14а, 18) Онегина, 1986 – № 10–12. С. 61, 201; *былины* (69/48) Астахова, Т. II (приложение I) – № 1. С. 499, 715; *сказов=былин-новин* (о победе) «Ленинское знамя», 22 июня, 1945; «Правда», 22 июня, 1945; На рубеже № 2–3, 1946; Белованова, Разумова, 1947 – С. 89, 132; (о папанинцах): Карельский, 1938 – С. 15; (о богатырях ВОВ): Базанов, 1943 – С. 30; Белованова, Разумова, 1947 – С. 73, 132; (письмо-сказ Сталину) Базанов, 1943 – С. 7; (о Ленине) Карелия, 1938, кн. 2; 1939, кн. 2 – С. 18; (о партизане И. А. Григорьеве) Белованова, 1947 – С. 80, 132.

226. От Рябинина П. В., д. Гарницы Западные, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали две былины.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 101, 102. С. 462, 889.

227. От Рябинина Т. Г., д. Середка, в 1860 г. П. Н. Рыбников записал 23 былины; в 1871 г. в Кижах и Петербурге А. Ф. Гильфердинг – 18 былин. В АКНЦ имеется отрывок былины «Илья Муромец и Соловей» – 76/35.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 3, 10, 12, 15, 20, 27, 31, 34–36, 39, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 67, 70, 72, 85. С. 17, 54, 66, 85, 106, 146, 186, 202, 236, 241, 251, 283, 358, 363, 396, 408, 413, 471; ч. III – № 1, 2. С. 1; 2-е изд. Т. I – № 1–22. С. 4; 3-е изд. Т. 1 – № 1–23. С. 87, 485, 487, 495, 497, 506, 509. Перепечатаны (2-е изд. – № 1): Ухов, 1957 – № 31. С. 220, 478; Пропп, Путилов, Т. II – С. 80, 463 (вторая часть – сюжет); (№ 2): Ухов, 1957 – № 30. С. 220, 477; (№ 3): Водовозов, 1955 – С. 27, 373; Пропп, Путилов, Т. I – С. 318, 535 (вариант); Плотников, 1979 – С. 95; (№ 6): Ляцкий, 1911 – С. 41; Астахова, 1935 – С. 76; Андреев, 1938 – № 6. С. 81, 552; Астахова, 1947 – № 2. С. 25, 128; Астахова, 1958 – № 18. С. 150, 471; (№ 7): Ухов, 1957 – № 7. С. 93, 459; Азбелев, 1984 – С. 41, 385; (№ 8): Водовозов, 1955 – С. 222, 379; Смирнов, Смолицкий, 1974 – № 13; (№ 9, 14): Ляцкий, 1911 – С. 137, 120 (первая часть былины до 235 стиха); (№ 19): Путилов, Добровольский, 1960 – № 215. С. 340, 659; (№ 20): Миллер, 1915 – № 197. С. 557; Исторические песни XVII в. – № 61. С. 86, 342; (№ 21): Соколов Ю., 1937 – С. 154; (1-е изд., ч. I. № 85 = 2-е изд. № 23) Соболевский, Т. I – № 439. С. 521.

Гильфердинг, 1-е изд. – № 73–90. С. 435; 2-е изд. Т. II – С. 5; 3-е изд. Т. II – С. 7, 685; 4-е изд. Т. II – С. 4, 749, 780. *Впервые былины* («Илья Муромец и Калин царь», «Илья Муромец в ссоре с Владимиром», «Молодец и худая жена» = 1-е изд. № 75, 76, 89) *опубл.*: Русская старина, 1872, Т. VIII, кн. III – № I, II, III. С. 499–517. Перепечатаны (№ 73): Астахова, 1935 – С. 208; Путилов, 1957 – С. 59, 450; Баландин, 1983 – С. 73, 320; Калугин, 1986 – С. 96; (№ 74): Сперанский, Т. I – № 2. С. 137, 422; Соколов Ю., 1937 – С. 27; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 74; 2-е изд., 1938 – С. 71; Андреев, 1938 – № 1. С. 39, 550; Андреев, 1938а – № 4. С. 171; Булатов, 1938 – С. 13; Астахова, 1947 – № 1. С. 18, 127; Богомолов, 1954 – С. 49, 306; Ухов, 1957 – № 3. С. 61, 454; Астахова, 1958 – № 6. С. 31, 456; Баландин, 1983 – С. 123, 322; Азбелев, 1984 – С. 19, 384; Калугин, 1986 – С. 115; (№ 75): Сперанский, Т. I – № 4. С. 153, 422; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 81; 2-е изд., 1938 – С. 78; Андреев, 1938 – № 3. С. 51, 551; Булатов, 1938 – С. 33; Астахова, 1947 – № 3. С. 27, 128; Богомолов, 1954 – С. 49, 306; Ухов, 1957 – № 6. С. 80, 459; Путилов, 1957 – С. 118, 456; Пропп, Путилов, Т. I – С. 150, 521; Азбелев, 1984 – С. 48; Путилов, 1986 – С. 393 (вар. III), 508; Калугин, 1986 – С. 129; (№ 76): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 88; 2-е изд., 1938 – С. 93; Андреев, 1938 – № 5. С. 77, 551; Астахова, 1958 – № 31. С. 230, 484; Путилов, 1986 – С. 103, 507; Калугин, 1986 – С. 162; (№ 77): Астахова, 1958 – № 26. С. 207, 478; Баландин, 1983 – С. 135, 323; Калугин, 1986 – С. 153; (№ 78): Путилов, 1986 – С. 382 (вар. I), 505; (№ 79): Соколов Б., 1918 – С. 58; Андреев, 1938 – № 11. С. 111, 554; Андреев, 1938а – № 8. С. 198; Пропп, Путилов, Т. I – С. 36, 509; Калугин, 1986 – С. 179; (№ 80): Баландин, 1983 – С. 88, 321; (№ 81): Андреев, 1938 – № 18. С. 164, 556; Баландин, 1983 – С. 161, 324; Калугин, 1986 – С. 352; (№ 83): Путилов, 1986 – С. 423 (вар. I), 517; (№ 84): Баландин, 1983 – С. 218, 326; Калугин, 1986 – С. 437; (№ 85): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 122; 2-е изд., 1938 – С. 119; Андреев, 1938 – № 48. С. 363, 564; Путилов, 1986 – С. 479 (вар. III), 530; (№ 87): Пропп, Путилов, Т. I – С. 420, 544; Баландин, 1983 – С. 274, 328; Азбелев, 1984 – С. 200, 389; Калугин, 1986 – С. 298; (№ 88): Миллер, 1915 – № 198. С. 559; Астахова, 1947а – № 9. С. 33, 58; Исторические песни XVII в. – № 62. С. 88, 342; (№ 89): Соболевский, Т. I – № 3. С. 10; Пропп, Путилов, Т. II – С. 300, 486; (№ 90): Баландин, 1983 – С. 306, 329; Азбелев, 1986 – С. 335.

228. От Рябинина-Андреева И. Г., д. Гарницы, в 1921 г. в Петрограде В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал девять былин; напевы былин и духовный стих «Христово вознесенье» записал на фонограф С. И. Бернштейн. По словам жены сказителя Рябининой-Андреевой Марфы Петровны, он знал более пятнадцати былин. Полностью сохранились записи семи былин, частично – двух (Астахова, 1948 – С. 25).

См. публ. былин: Астахова, 1948 – № 1–9. С. 40; приложение: расшифровки фрагментов фонозаписей былин 1921 г. – № 1–8. С. 115; былинные напевы – С. 120; примечания – С. 125. Перепечатаны (№ 1): Астахова, 1958 – № 13. С. 92, 466; Путилов, 1986 – С. 106, 507; (№ 7): Пропп, Путилов, Т. II – С. 225, 278.

В АКНЦ имеется биография сказителя, записанная в 1932 г. со слов его вдовы – **Марфы Петровны** – 122/51. Л. 484–485 (рукопись), 486, 487 (м/копии). От нее же в 1931 г. М. Б. Каминская (дн. 71), Л. Алексеева (дн. 60), И. Ионова

(дн. 69) записали: песню колыбельную – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 18–19; частушки – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 19 (4 шт.); о родильном обряде – Р. VI, оп. 1, № 60, л. 13; о верованиях – Р. VI, оп. 1, № 60, л. 14 – то же: Р. VI, оп. 1, № 69, л. 27; пословицы – Р.VI, оп. 1, № 69, л. 27 (3 шт.).

229. От Рябинина-Андреева П. И., д. Гарницы, Сенная Губа, в 1926 г. С. П. Бородин, В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали шесть былин; в 1926–1927 гг. записи былин на фонограф произвел С. И. Бернштейн; в 1931 г. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68, дн. 71), в 1937–1943, 1946, 1949, 1951 гг. М. А. Иванова, К. В. Чистов, М. И. Кострова, А. В. Белованова (к. 69), в 1947 г. Н. Н. Леви (к. 194) записали: былины – 68/26, 27; 69/2–7, 9, 49–53, 55, 56; баллады – 69/8, 10, 54, 57; былины-новины – 60/87; 69/26–29, 32, 34–39, 40 (то же 69а/30), 41, 45, 46; 69а/29, 36–39, 41–45, 47; 194/1, 22, 23, 25–29; сказы-новины – 69/25в; 42 (то же 69а/28); 69а/33, 40, 46, 48; 194/24; сказки-анекдоты – 69/11, 15, 17–19, 21а, 23; волшебные – 69/12, 13, 25; о животных – 69/14, 24; новеллистические – 69/22; присказку – 69/20; плач-сказ – 69/33; бытовые рассказы – 69/16, 43 (то же 69а/40), 44; самодеятельные стихотворения – 69/1 (то же 30, 32а), 25а, 25б (то же 69а/7), 31; 69а/1, 2а, 3–6, 8–10, 11а, 13, 15, 16–27, 32, 33а, 34, 35; 194/30; письмо-открытку и письмо – 69/25г, 25д; песни: авторскую – 69а/2, самодеятельные – 69а/11, 12, 14; частушки – 69а/31 (5 шт.); обычай дарения ложек и яиц – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 12; биографии – 122/49. Л. 438–445, 460–462 (рукописные), Л. 446–450, 453, 463–464 (м/копии); о сказителе – 122/49. Л. 454–459, 465–468 (м/копии).

В репертуаре учтены собственноручные записи сказителя.

См. публ. былин: Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 282; 2-е изд., 1938 – С. 278; Карелия, 1938, № 3 – С. 38; Карелия, 1939, № 1 – С. 118; Базанов, 1939 – № 1–10. С. 35, 130; вариант: (к № 2) Пропп, Путилов, Т. I – С. 133, 515, 519; Сказители-орденоносцы, 1939 – С. 58. Соколов, Чичеров, 1948 – № 95–100. С. 416, 889. Перепечатана: (№ 96) Путилов, 1957 – С. 75, 452. Астахова, Т. II – № 130–139. С. 162, 703, 713, 729, 733, 757, 763, 772, 783, 798, 803; фонозаписи: приложение № 1 – № 7–9. С. 516, 773, 784, 805. Перепечатаны: (№ 131): Путилов, 1986 – С. 57, 499; (№ 134): Пропп, Путилов, Т. I – С. 86, 514; (№ 135): Путилов, 1986 – С. 416 (вар. I), 515; (№ 136): Путилов, 1957 – С. 344, 473; *былин-новин:* (о Чапаеве) Газ. «Северо-западный водник», 1937, № 30, 3 марта; Карелия, 1937, № 3 – С. 197; Знамя, 1937, № 5 – С. 190; Сборник народных песен, сказок, сказов, 1938 – С. 24; Народное творчество, 1938, № 9 – С. 51; Базанов, 1939 – № 3. С. 118, 135; Чистов, 1940 – С. 83, 207; Белованова, Разумова, 1947 – С. 27, 129; (о Т. Антикайнене): Народное творчество, 1938, № 9 – С. 53; Базанов, 1939 – № 4. С. 124, 136; Чистов, 1940 – С. 73, 206; Базанов, 1943 – С. 24; Белованова, Разумова, 1947 – С. 33, 129; (о Ленине и Сталине): Базанов, 1939 – № 1. С. 109, 135; Карелия, 1940, кн. 5, с. 11; Белованова, Разумова, 1947 – С. 22, 129; (о Ворошилове): Сказители-орденоносцы, 1939 – С. 54; Базанов, 1939 – № 2. С. 115, 135; Чистов, 1940 – С. 65, 204; *сказа:* (о поездке в Москву) Базанов, 1939 – № 5. С. 128, 136; *сказа-плача:* (о погибшем брате) На рубеже, 1940, № 4 – С. 40; *песни-сказа* («Несокрушимая»): Лит.-эстрадн. сб., 1938 – С. 44; *сказок:* (69/12, 13, 15, 16, 22) Онегина, 1986 – № 1–5. С. 35, 198.

230. От Рябова П. П., в д. Космозеро в 1926 г. И. В. Карнаухова записала сказки.
См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 39–40. С. 71, 388.

231. От Ряскиной А. А., д. Харловская, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовой – 75/199, солдатские – 75/130, 131.
См. публ. (75/131): Базанов, Разумова, 1962 – № 69. С. 320, 569.

232. От Ряскиной А. Ф., д. Андреевка, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/122.
См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 70. С. 321, 569.

233. От Савельевой А. К., Сенная Губа, в 1931 г. записывала Р. Х. Герцман (дн. 61 и 62). В АКНЦ имеются записи: о свадебном обряде с причитаниями и свадебными песнями – Р. VI, оп. 1, № 61, л. 22–26; рассказа о занятиях зимой и летом, о наёме и оплате квартиры для бесед, о календарных праздниках и гуляниях, об одежде – Р. VI, оп. 1, № 62, л. 1–5; о гадании на суженого в Васильев день – Р. VI, оп. 1, № 62, л. 6–10; о собственном просватании – Р. VI, оп. 1, № 61, л. 20–21; свадебного плача – Р. VI, оп. 1, № 61, л. 21.
См. публ. причитаний (Р. VI, оп. 1, № 61, л. 47–48, 52): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 125, 130. С. 202, 209.

234. От Самылина М. Е., д. Демидово, Космозеро, в 1926 г. записи былин, духовных стихов производила А. М. Астахова; в 1937–1938 гг. в д. Артово К. В. Чистов, Ф. С. Титкова, Г. Ф. Нефедов, А. Н. Антипова, Е. П. Родина, Г. Кругликов, И. Ананьев (к. 72) записали: духовный стих – 72/44 (45); былины: 72/5, 35–37, 47, 48; баллады – 72/38, 43, 46; былины-новины (сказы) – 72/79, 79а, 80–84; былинный репертуар – 72/35. Л. 91; сказки: новеллистические – 72/1, 3, 6–8, 11, 77, волшебные – 72/2,9, о животных – 72/4, сказки-анекдоты – 72/12, 13, 15, 18, сказку литературного происхождения – 72/10; бывальщины – 72/14, 17; песни: исторические – 72/40–42, балладные – 72/39, 49, 49а, семейно-бытовые – 72/34, 57, 74, любовные – 72/22, 23, 25, 27, 29–32, 50–54, 56, 58, 60, 61, 64, 65, 67, 71, 72, 75, 76, мещанскую – 72/24, плясовые – 72/26, 63, 66, шуточные – 72/28, 55, 59, тюремные – 72/33, 69, 70, свадебную – 72/68; свадебное причитание – 72/62; частушки – 72/73 (8 шт.); пословицы и выражения – 72/78 (5 шт.); бытовые рассказы – 72/16, 19–21; письмо сказителя в КНИИК о впечатлениях от поездки в Петрозаводск на конференцию сказителей – 72/83. Л. 37; автобиографию и былинный репертуар сказителя – 122/54. Л. 508 (рукопись), л. 509 – м/копия; былинный репертуар – 72/Л. 11 (перед № 35).
В репертуаре учтены собственноручные записи сказителя.
См. публ. былин: Астахова, Т. II – № 161–162. С. 379, 784, 799; (72/37, 47, 48): Черняева, 1981 – № 11–13. С. 101, 269, 276, 288; *баллады:* (72/43) – № 14. С. 111, 263; *былин-новин* (о папанинцах и челюскинцах): Карельский, 1938 – С. 9, 18; Чистов, 1940 – С. 156, 161, 204; *сказок* (72/2, 6): Онегина, 1986 – № 45, 46. С. 127, 209.

235. От Санниковой Е. Ф., д. Емичевская (Толвуя), в 1944 г. А. П. Разумова, В. Г. Базанов записали плачи: бытовые – 75/21, 23, 24, похоронный – 75/22, солдатский – 75/25.
См. публ.: Базанов, 1945 – С. 28–31; Базанов, Разумова, 1962 – № 71–73. С. 322.

236. От Сарафанова А. В., д. Гарницы, волостной писарь Лысанов записал для П. Н. Рыбникова четыре былины; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – восемь былин.

См. публ.: Впервые («Былина о Хотене Блудовиче» = Рыбников, 1-е изд., ч. III – № 28. С. 141.) – ОГВ, 1863, № 10. Рыбников, 1-е изд., ч. III – № 4, 15, 21, 28. С. 13, 96, 127, 141; 2-е изд. Т. I – № 82–85. С. 434; 3-е изд. Т. I – № 83–86. С. 424, 488, 491, 500, 502; Гильфердинг, 1-е изд. – № 104–111. С. 597; 2-е изд. Т. II – С. 235; 3-е изд. Т. II – С. 208, 691; 4-е изд. Т. II – С. 236, 788. Перепечатаны: (4-е изд. № 105) Путилов, 1957 – С. 134, 456; Путилов, 1986 – С. 121, 508; (2-е изд., № 111): Миллер, 1915 – № 214. С. 591; Исторические песни XVII в. – № 23. С. 43, 336.

237. От Сарафановой М. К., д. Середка, в 1926 г. А. М. Астахова записала былину «Дюк Степанович», эту же былину в том же году записали С. П. Бородин, В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 105. С. 474; Астахова, Т. II – № 142. С. 270, 743.

238. От Сарафановой М. М. записи производили в 1931 г. в д. Сельга С. А. Лорви (дн. 78); в 1956 г. в д. Гарницы студенты МГУ О. Л. Свешникова, Е. А. Ремезова под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются записи: о местной свадьбе в 30-е годы – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 21–22; о правах замужней женщины – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 23–24; об отношении к разведеным женщинам – Р. VI, оп. 1, № 78, л. 25–26; частушек – 79/639а (3 шт.).

От дочери Марии Михайловны – **Сарафановой Анастасии Егоровны** записали: пословицу – 79/639а; частушки – 79/639а (16 шт.).

239. От Сарафановой М. К., д. Косельга, Войнаволок, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину «Чурило и Катерина».

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 165. С. 637, 894.

240. От Се́верикова П., д. Лонгасы, в 1892 г. М. Веселкин, С. Новиков записали былину «Дунай Иванович».

См. публ.: Тихонравов, Миллер, 1894 – № 35. С. 127.

241. От Севериковой М. Н., д. Ошевнево, в 1926 г. В. А. Дынник, Ю. А. Самарин записали былину и пять духовных стихов.

См. публ. былины: Соколов, Чичеров, 1848 – № 147. С. 586, 893. Перепечатана: Исторические песни XVII в. – № 17. С. 40, 337.

242. От Семенова П. С., Сенная Губа (Леликово), в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов, В. А. Дынник записали шесть былин.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 106–111. С. 476, 890.

243. От Семеновой В. П., д. Сенная Губа, в 1988 г. студенты ПГУ О. Кветкевич, С. Раковская, Н. Сехнинаидзе записали рассказ: о семье, о похоронном обряде, о поверьях, пословицы (4 шт.) – 181/94.

244. От Серова Д. А., д. Жарниково (Мальково) в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали две былины, историческую песню и предание о Петре Первом.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 112–115. С. 507, 890.

245. От Серовой А. П., д. Телятниково, в 1956 г. записывали студенты МГУ Н. И. Савушкина, Е. А. Ремезова, А. Е. Быковская под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются записи: мещанского романса – 79/223а; баллады – 79/224; песни кадрильной – 79/225; частушек – 79/226 (13 шт.).

246. От Сигóвой А. П., с. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова и студенты ПГУ Т. Тихонова, Л. Панкратова, О. Яковлева (к. 142); в 1983 г. студенты ПГУ А. Анисимова, С. Коршунова, Е. Данилова под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161) записали: мещанские романсы – 142/39, 42, 43, 49, 50; 161/268; частушки – 142/49, 50; 161/269–271 (3 шт.); песни: свадебные – 142/36, 40, 41; 161/272, балладную – 142/56, любовные – 142/37; 161/273; поговорки-пословицы – 161/268а, 268б; загадки – 142/52–55; быличку – 142/51; о праздниках – 142/34; о гаданиях – 142/35; о д. Сибово – 142/33.

Песни 142/37, 39–41 и романсы 142/42, 43 Анастасия Петровна исполняла с М. И. Андреевой.

247. От Сидорковой И. Я., д. Палтега, в 1944 г. А. П. Разумова записала похоронный плач – 75/7.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 74. С. 329.

248. От Силина П. П., д. Ганьково, в 1937 г. М. М. Михайлов записал: сказки-анекдоты – 74/61, 62; новеллистическую – 74/63; сказочный репертуар и биографическую справку – 74/63.

249. От Силкиной А. Ф., д. Погост, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовой – 75/123, свадебный – 75/124.

См. публ. (75/123): Базанов, Разумова, 1962 – № 75. С. 330.

250. От Синевой П. И., д. Лазарево, в 1926 г. записи производили И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова и др.

См. публ. сказки: Карнаухова, 1934 – № 14. С. 29; *рекрутской песни:* Колпакова, 1927 – С. 143.

251. От Скорняковой Е. Т., д. Воронинская, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовые – 75/18 (2 шт.), похоронный – 75/19, свадебные – 75/20 (6 шт.)

См. публ. (75/18, 19): Базанов, Разумова, 1962 – № 76, 77. С. 331; (75/20): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 11, 41. С. 60, 103.

252. От Слепого М., д. Карташевская, записи не производились.

253. От Слепой А. А., д. Шуньга-Бор, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала сказки.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 1–6. С. 7, 374. Перепечатана: (№ 5) Чистов, 1958 – С. 240.

254. От Спировой А. В., п. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова записала рассказы: о своей семье – 142/603; о бытовании жанров (сказок, песен) – 142/599, 610; песни: балладную – 142/597, кадрильные, плясовые – 142/600, 601, 602 (отр.); романс – 142/598; о верованиях – 142/609; о праздничной пище – 142/604–606; об изготовлении сукна – 142/607; об орудиях с/х труда (о косе–горбуше) – 142/608;

о предсвадебной обрядности, о свадебной одежде и украшениях – 142/611; о жизни во время войны – 142/612.

255. От Спящей А. С., д. Кярзино, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/136.

256. От Старухи из Великой Губы в 1860 г. П. Н. Рыбников записал былину о Кастрюке и детях Андреевых.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 68. С. 403; 2-е изд. Т. I – № 96. С. 483; 3-е изд. Т. I – № 100. С. 474, 506. Перепечатана: Миллер, 1915 – № 53; Путилов, Добровольский, 1960 – № 181. С. 260, 652.

257. От Стафеева Ф. И., д. Есинская, в 1926 г. А. И. Никифоров записал двенадцать сказок и легенд; в 1937 г. в п. Шуньга П. Т. Громов, К. В. Чистов (к. 74): сказки волшебные – 74/114–117; сказку-анекдот – 74/76.

См. публ.: Никифоров, 1961 – № 12, 13. С. 44–48, 347; (74/114, 116): Онегина, 1986 – № 76, 77. С. 192, 217.

258. От Стафейковой А. Ф., д. Лисицыно, в 1944 г. В. Г. Базанов записал плачи: бытовые – 75/169–173, 175, свадебные – 75/174, 174а, 174б.

См. публ.: (75/169) Базанов, 1945 – С. 12 (отр.); (75/169, 170, 171) Базанов, Разумова, 1962 – № 78, 79, 83. С. 335–338, 343, 570. В книге плачи № 78, 79 = (А. 75/169, 171) отнесены к Евдокии (Авдотье) Федоровне Стафейковой (см. № 259). По данным АКНЦ эти два плача и свадебные исполняла Анна Федоровна Стафейкова.

259. От Стафейковой Е. Ф., в д. Лисицыно (Кузаранда) в 1945 г. А. П. Разумова записала причитание по сыну – 76/90; в 1957 г. В. Г. Базанов записал плач по мужу и повторно плач по сыну, подорвавшемуся на мине. В АКНЦ этих двух плачей нет.

См. публ.: (76/90) Базанов, 1945 – С. 58 (отр.); Базанов, Разумова, 1962 – № 78–82. С. 335, 570. По данным АКНЦ плачи № 78, 79 = (А. 75/169, 171) исполняла Анна Федоровна Стафейкова (см. № 258), старшая сестра Авдотьи Федоровны Стафейковой.

260. От Сурикова А. Б., д. Конда, в 1926 г. С. П. Бородин, В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали четырнадцать былин и пять духовных стихов; С. И. Бернштейн – семь текстов на фонограф.

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 130–142. С. 536, 891. Перепечатаны: (№ 132) Путилов, 1986 – С. 422 (вар. IV), 517; (№ 138) Путилов, 1986 – С. 258, 522; (№ 139, 140): Путилов, Добровольский, 1960 – № 186, 214. С. 270, 338, 652, 659; (№ 141): Исторические песни XVII в. – № 15. С. 38, 337. *Публ. фонозаписей текстов 1926 г.:* Астахова, Т. II. Приложение № 1 – № 2–6. С. 501, 706, 717, 739, 746, 765. Перед текстами (с. 501), в оглавлении (с. 844) и в примечании к тексту № 6 (с. 717), очевидно, ошибочно указано отчество сказителя «Егорович», а не «Борисович».

261. От Сурикова Е. Б., д. Конда, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали четыре былины; в 1931–1932 гг. записи производили Н. Н. Тяпонкина, М. Б. Каминская (к. 68), в 1956 г. студенты МГУ В. М. Гацак, Л. Гаврилова, Н. И. Савушкина, Г. Семара под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются записи: былин – 68/6–8; 79/270–271 (отрывки), 272, 274;

былины-скоморошины – 79/273; сказок-анекдотов – 79/264–269; прибаутки – 79/263; пословиц – 79/261, 262; поговорок – 79/259, 260; частушки – 79/258; о бытовании жанров, о сказителях, о д. Конда – 79/271а; песни солдатской – 79/275; сведений о сказителе, о его матери, о племяннике – 79/271а.

См. публ. былин: Соколов, Чичеров, 1948 – № 143–146. С. 571, 893; Астахова, Т. II – № 100–103. С. 11, 705, 723, 754, 795; *сказок (79/264–266)*: Онегина, 1986 – № 13–15. С. 74, 201.

262. От Суриковой Д. В., д. Конда, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал шесть былин и духовный стих; в 1886 г. с ней встречались Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш.

См. публ. былин: Гильфердинг, 1-е изд. – № 138–143. С. 704; 2-е изд. Т. II – С. 386; 3-е изд. Т. II – С. 352, 698; 4-е изд. Т. II – С. 404, 795. Перепечатаны: (4-е изд. № 140, 141): Баландин, 1983 – С. 203, 231, 326, 327; (2-е изд. № 141): Ляцкий, 1911 – С. 161; (3-е изд. № 141): Астахова, 1947 – № 17. С. 99, 134; (2-е изд. № 142): Миллер, 1915 – № 115. С. 347; Путилов, Добровольский, 1960 – № 207. С. 314, 658; (№ 143): Миллер, 1915 – № 215. С. 592; Исторические песни XVII в. – № 8. С. 32, 336. Истомин, Дютш, 1894 – № 4. С. 41 (фрагмент из трех строчек былины «Добрыня Никитич»).

263. От Суриковой К. А., д. Конда, запись производили: в 1931 г. В. П. Галашина (к. 66), в 1956 г. студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак, Н. И. Савушкина, Г. Семара, Е. А. Ремезова, А. Быковская под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются: частушки – 66/30 (16 шт.); 79/276 (33 шт.); сказки: о животных – 79/277а, 278, волшебные – 79/279, сказка-анекдот – 79/279а; о бытовании жанров – 79/271а.

Частушки 66/30 Клавдия Антоновна исполняла с С. Суриковой и Андриановой.

См. публ. сказок (79/278, 279а): Онегина, 1986 – № 16, 17. С. 75, 202.

264. От Суриковой С., д. Конда, записывали: в 1931 г. В. П. Галашина (к. 66); в 1956 г. студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются записи: частушек – 66/30 (16 шт.); 79/127а (7 шт.), 129 (5 шт.), 132 (2 шт.); песен: любовных – 79/128, 130, бытовой – 79/131; мещанского романса – 79/133; отрывка стиха о Егории (4 строчки) – 79/134.

Частушки 66/30 С. Сурикова исполняла с К. А. Суриковой и Андриановой; все остальное – с Д. Т. Мартыновой и А. А. Павловой.

265. От Теребовой А. Н., п. Ламбасручей, в 1970 г. У. С. Конкка, А. С. Степанова, Э. П. Кюльмясу (к. 191 – м/записи расшифрованы не полностью); в 1980–1982 гг. Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, Э. П. Кемпинен, А. Т. Пакконен (к. 142, 147, 148); в 1983 г. В. П. Кузнецова, Т. И. Сенькина (к. 162) записали: о свадебном обряде – 142/397; 148/16, 19; 162/74; свадебные причитания – 142/395, 396, 420; 148/17, 18; 191/62; песни: свадебные – 142/398 (отр.) – 402; 162/84–87, любовную – 142/392, плясовую – 142/393, балладную – 142/394; баллады – 148/5, 6; былички – 142/406; заговоры лечебные – 142/421–425, 408; пословицы – 147/18 (2 шт.); о бытовании жанров – 147/23; 148/6 (в конце); рассказы: о кожевенном и портняжном промыслах – 147/20, о ткачестве и шитье – 147/21, о рыбной ловле – 147/22, о торговле, о ярмарках – 147/23, о семье мужа – 142/426.

Песни 142/392–394, 400–402 Анна Николаевна исполняла с М. Я. Кирьяновой; 142/398–399 – с М. Н. Кирьяновой; 162/85, 86 – с М. Я. Кирьяновой, Т. Ф. и Е. И. Алёшиными, А. И. Палтусовой; 162/87 – с М. Н. Кирьяновой, Т. Ф. Алёшиной; о свадебном обряде 142/397 – с А. М. Кирьяновой, 147/22 – с А. И. Палтусовой.

См. публ. заговоров (142/408, 421–424): Курец, 2000 – № 127, 143, 177, 202, 320. С. 58, 62, 71, 78, 106, 179, 181, 186, 190, 207; *свадебного плача* (А. 191/62 = Фон. 1328/10): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 6. С. 53; *свадебных песен* (А. 162/87 = Фон. 2723/14; 1327/3) – № 93, 113. С. 163, 189.

266. От Тиминой А. И., д. Перхино, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/67.

267. От Тимофеева А. Т. (прозвище Кумоха́), д. Загорье у Толвуи, в 1981 г. А. Ф. Гильфердинг записал две былины: в 1884 г. А. А. Шахматов – три былины; в 1886 г. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш былину «Перемет Васильевич» («Смерть Чурилы»).

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 38, 39. С. 176; 2-е изд. Т. I – С. 247; 4-е изд. Т. I – С. 345, 720. Перепечатаны: (4-е изд. № 38): Путилов, 1986 – С. 454 (вар. VI), 522; (№ 39): Пропп, Путилов, Т. II – С. 38, 460 (вариант); Путилов, 1986 – С. 208, 518. Истомин, Дютш, 1894 – № 3. С. 38. Астахова, Шахматова, 1948а – № 7–9. С. 69, 87.

268. От Тифакиной А. П., д. Типиницы, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/89, 90.

См. публ.: Базанов, 1945 – С. 26 (отрывки плача), Базанов, Разумова, 1962 – № 84. С. 344.

269. От Тихоновой А. А., д. Тявзия, в 1944 г. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали бытовые плачи – 75/135, 135а.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 85. С. 346.

270. От Тихоновой А. И., д. Кузаранда, в 1982 и 1986 гг. Т. И. Сенькина и студенты ПГУ Л. Н. Кузнецова, В. Г. Фролова, Е. В. Бориц (к. 155 – материалы расшифрованы частично; к. 179); в 1983 г. студенты ПГУ Е. С. Сизяева, В. В. Колданова под рук. Ф. Р. Макаровой и В. Н. Захарова (к. 161); в 1987 г. Т. И. Сенькина, К. Х. Раутио (м/записи не расшифрованы) записали: свадебные приговоры – 155/229; 179/140, 143; причитания: свадебные – 155/226; 161/821; Фон. 3036/22, бытовые – 161/825 (отр. из 4-х строчек); песни: свадебную – 155/228, семейно-бытовую – 161/826; мещанский романс – 161/827; частушки – 161/822–824; 179/141; о колдовстве – 179/139; о гадании – 179/142; быличку – 179/139.

См. публ. свадебного приговора (155/229): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 156. С. 243.

271. От Тихоновой А. Л., д. Тявзия, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовые плачи – 75/133, 134.

См. публ. (75/133, 134): Базанов, 1945 – С. 59 (отр.); Базанов, Разумова, 1962 – № 86. С. 347.

272. От Тихоновой А. Т., д. Боярщина, в 1926 г. С. П. Бородин, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину, две баллады и пять духовных стихов;

в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина (к. 68). В АКНЦ имеются тексты баллад – 68/37–39; былин – 68/40, 41 (отр.).

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1848 – № 128. С. 531; о неопубликованных балладах см. в примечаниях – С. 904, 909. Астахова, Т. II – № 144–147. С. 279, 704, 711, 786, 796.

273. От Трегубовой Е. Л., д. Петры, записи производили студенты МГУ под рук. доц. Э. В. Померанцевой. В АКНЦ имеются тексты: баллады – 79/491а; песен: плясовых, кадрильных – 79/492, 493, 495, бытовой – 79/496, любовной – 79/497; частушек – 79/494 (20 шт.); репертуар – 79/498.

Балладу и песни 79/495–497 Евдокия Лукинична исполняла с А. Ф. Блохановой.

274. От Трепалиной П., д. Мигуры, в 1931 г. записи производили З. Курдова (дн. 75, 92) и М. Пуговкина (дн. 90). В АКНЦ имеется запись рассказа о жизни – Р. VI, оп. 1, № 75, л. 25; Р. VI, оп. 1, № 90, л. 18–19; о народной медицине – Р. VI, оп. 1, № 92, л. 17.

275. От Трофимовой А. А., д. Воробьи, записи производили в 1944 г. В. Г. Базанов (к. 76); в 1956 г. студенты МГУ Ю. И. Смирнов, А. Филатов, Ю. Зузанек под рук. доц. Э. В. Померанцевой (к. 79). В АКНЦ имеются записи причитаний: бытового – 76/92, свадебных – 79/322, 329, 330; песен: свадебных – 79/318–320, 323, балладной – 79/317, любовных – 79/313, 315, плясовых – 79/314, 316, солдатской – 79/321; свадебных приговоров дружки – 79/329; свадебной приговорки – 79/330; духовных стихов – 79/325, 326; сказки-анекдота – 79/327; загадок – 79/312 (30 шт.); прибаутки – 79/324; частушки – 79/328; репертуара – 79/331.

См. публ. плача (76/92): Базанов, Разумова, 1962 – № 88. С. 351; *свадебной песни:* (79/318) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 145. С. 221.

276. От Трошковой О. М., д. Поля, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовой плач – 75/97.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 87. С. 349.

277. От Трухавой (Труховой) А. Ф., д. Липовицы, в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина; в 1938 г. – Е. П. Родина. В АКНЦ имеются тексты четырех былин – 68/33, 33а, 34, 34а, 35, 35а, 36, 36а; биография и репертуар – 68/31а.

См. публ. (68/33–36 – в записи 1932 г.): Астахова, Т. II – № 148–151. С. 289, 733, 743, 780, 799; (68/33а, 34а, 35а, 36а – в записи 1938 г.): Черняева, 1981 – № 15–18. С. 113, 271, 273, 283, 288.

278. От Тухиной Т. М., с. Великая Губа, в 1981 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен (к. 148 – расшифрована частично); в 1983 г. студенты ПГУ Л. Кабанова, Т. Гришина, О. Кокарева под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161) записали песни: свадебную – 148/60, плясовую – 161/190, семейно-бытовую – 161/213, колыбельную – 161/216, любовную – 148/81; о календарных праздниках, о занятиях – 161/217.

279. От Ульянова М. Е., д. Яндомозеро, в 1926 г. И. В. Карнаухова записала две сказки; от его отца – **Ульянова Е. А.** в д. Потапово А. И. Никифоров – одну сказку.

См. публ.: Карнаухова, 1934 – № 51, 52. С. 103, 392; Никифоров, 1961. С. 347.

280. От Устиновой А. В., д. Габнаволок, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовой плач – 75/84.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 89. С. 353.

281. От Фадеевой П. Г., д. Карасозеро, в 1944 г. А. В. Белованова записала бытовые плачи – 75/105, 106.

282. От Фалеевой Е. И., п. Шуньга (Дианова Гора), в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен (к. 160), в 1991 и 1992 гг. В. П. Кузнецова, Р. Б. Калашникова, М. Куликова, Ж. Гвоздева, С. Куликов, М. Петровская, А. Пронин, Е. Наумова (к. 191) записали: сказку о животных – 160/27; сказку-анекдот – 160/28; о бытовании жанров – 160/38, 40; песни: любовные – 160/43; 191/20, 24, 25, 85–87, 89, 90, 91, 99, 127, 135, 297, 299, семейно-бытовую – 160/48, хороводные, кадрильные – 191/101–111, 124, тюремную – 191/125, балладные – 160/46, 47; 191/84, историческую (о Ермаке) – 191/298, колыбельные (байки) – 160/50–55; мещанские романсы – 160/41, 42; 191/100, 126, 128, 129, 136, 300; пословицу – 160/49; о свадебном обряде – 191/3, 4, 15–17, 26, 81, 82; приговоры дружки – 160/45; 191/3, 17; свадебные причитания – 160/44; 191/16; свадебные песни – 191/4, 19, 21–23, 88; о свадебном колдовстве – 191/18.

Романсы 191/126, 136, 297–300 Евдокия Ивановна исполняла с А. П. Гавриловой; свад. приговорку, песню, об обряде 191/3, 4 – с А. А. Беловой, А. П. Гавриловой, Н. А. Романовой, Н. П. Фалеевой; песни и о свадебном обряде 191/19–26 с А. А. Беловой, А. П. Гавриловой, П. И. Гириной, З. В. Мурашовой, Н. П. Фалеевой; песни 191/84–91, 99, 101–111, 124, 125; романс – 191/100; о свад. обряде 191/81 – с А. А. Беловой, А. П. Гавриловой, П. И. Гириной, В. Т. Зуевой, З. В. Мурашовой, А. М. Павловой, Н. П. Фалеевой.

См. публ. свад. приговоров: (А. 160/45 = Фон. 2733/16) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 89. С. 157; *свадебных песен* (А. 191/19, 20, 22, 72 = Фон. 3247/25–28, 30; 3246/8; 3247/28, 32) – № 30–32, 34, 92, 94, 151. С. 90–94, 98, 160, 166, 230.

283. От Фалеевой М. С., д. Хабаровская (Толвуя), в 1983 г. Н. Ф. Онегина, студенты ПГУ М. Г. Потахина, Н. А. Вяхирева, И. В. Костарева, О. Б. Удодова, Г. Р. Окунева под рук. В. В. Яковлева записали: былички – 161/812, 858.

284. От Федосовой И. А., д. Кузаранда (Лисицыно), в 1867–1869 гг. в Петрозаводске Е. В. Барсов записал былины, исторические песни, баллады, духовные стихи, причитания – похоронные, свадебные, рекрутские, солдатские; свадебные и другие песни, пословицы и поговорки; в 1886 г. на пароходе на Онежском озере Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш записали свадебную песню «Пивна ягода»; в 1886–1888 гг. записи былин, баллад, духовных стихов, свадебного обряда с причитаниями, песнями и напевами, поговорок, пословиц и т. д. производила в своем имении Кольцово Тверской губернии О. Х. Агренева-Славянская, где в то время по ее приглашению жила Федосова; в 1894–1986 гг. в д. Кузаранда и в Петербурге от нее (предположительно) записывали П. Т. Виноградов и Т. И. Филиппов, хотя их записей не обнаружено[1]. В 1895–1896 гг. во время ее выступлений

[1] См. об этом в статье К. В. Чистова «„Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым“, в истории русской культуры» // Барсов, 2-е изд., Т. 1. 1997. С. 458–459. – Составитель.

в Петербурге Н. А. Римский-Корсаков записал мелодии былины «Добрыня Никитич», исторической песни «Об Иване Грозном», свадебных песен «Пивна ягода» и «С терема на терем», песни «Во лузях», отрывка песни «Полковничек», похоронного причитания жены по мужу и свадебного причитания[1]; в 1895 г. музыковед С. Г. Рыбаков также осуществил записи мелодий былины «Добрыня Никитич», песни «Во лузях» и четырех свадебных песен[2]; в том же году с И. А. Федосовой общалась детская писательница и издательница журнала «Игрушечка» А. Н. Толиверова, которая записала и опубликовала в названном журнале сказку «Волк и лиса», две свадебных песни, колыбельную, «Во лузях», отрывки причитания жены по мужу, причитания невесты и краткий рассказ о жизни вопленицы[3]; в 1896 г. в Москве музыковед Ю. И. Блок, владелец магазина гектографов и фонографов, сделал две записи на фонограф: одна – духовный стих о «Голубиной книге», другая – предположительно тоже отрывок духовного стиха[4].

В АКНЦ имеются копии двух отрывков плачей Федосовой: похоронного – 76/31, рекрутского – 76/32.

См. публ. причитаний (в зап. Барсова): Впервые «Плач о старосте»: – Газ. «Современные известия» 1870, 4 авг. № 212; перепечатан – ОГВ, 1870, № 62. Барсов, 1-е изд., ч. I: *похоронные, надгробные, надмогильные* – № 1, 4, 6–10, 12–17, 19–22. С. 1, 55, 69, 131, 270; ч. II: *завоенные, рекрутские, солдатские* – № 1, 6–8. С. 74, 136, 201; ч. III: *свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные* – № 1–10. С. 1–256. Барсов, 2-е изд. Т. 1: *похоронные* – № 1, 4, 6–10, 12–17, 19–22. С. 25, 66, 80, 142, 222, 336, 348, 350; Т. 2: *рекрутские и солдатские* – № 1, 6–8. С. 46, 120, 503, 522; *свадебные* – № 1–10. С. 277, 550. Перепечатаны (1-е изд., ч. I – два похоронных плача): Русский фольклор, 1935; (ч. I, II и III – похоронные, рекрутские, свадебные): Федосова, 1937 – С. 10–130; (12 плачей): Русские плачи, 1937 – С. 3–95; (ч. I – отр. плача № 20; ч. II – отр. плачей № 1, 6, 7): Андреев, 1938а – С. 116, 365; (ч. I – № 1, 8, 15–17, 19, 20–22; ч. II – № 1, 8): Чистов, 1960 – С. 53, 395; (по «Русским плачам» – 3 похоронных, 1 солдатский – С. 7–20, 40–51, 62–95): Базанов, 1945 – № I–IV. С. 21–75; *публ. свадебных песен*: Барсов, 1-е изд., ч. III – № 1–6; Барсов, 2-е изд. Т. 2 – № 1–6. С. 496, 521, 602; *песни «Пивна ягода»* (в зап. Истомина): Истомин-Дютш, 1894 – № 7. С. 104–106; *рекрутских и солдатских песен* (в зап. Барсова): Барсов, 1-е изд., ч. II – № 1–7. С. 264–269; 2-е изд. Т. 2 – № 1–7. С. 249, 548; перепечатаны (1-е изд., ч. II – три песни): Русский фольклор, 1935; *публ. духовных стихов*: ОГВ, 1867, № 11–16; *былины, исторической песни и двух баллад*: ОГВ, 1867, № 14, 16; то же: ЖМНП, 1868; *пословиц, поговорок, прибауток*: Барсов, 1-е изд., ч. I – около 41 шт. (в сведениях о Федосовой); ч. II – № 1–38. С. 276–277; 2-е изд. Т. 1 – 41 + 8 шт. – С. 254–259, 264–265; Т. 2 – № 1–38. С. 258–259; *загадок*: Барсов, 2-е изд. Т. 1 – № 1–10. С. 265; *письмо Федосовой* Е. В. Барсову: Чистов, 1997 – С. 417–418; Барсов, 2-е изд. Т. 1 – С. 278, 332, 395.

[1] См. К. В. Чистов «„Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым“ в истории русской культуры» // Барсов, 2-е изд., Т. 1. 1997. С. 460.

[2] См. там же. С. 459.

[3] См. там же. С. 460.

[4] См. там же. С. 459.

Публ. свадебных причитаний и обряда (в зап. Агреневой-Славянской)[1]*:* Агренева-Славянская, ч. I – 10 причитаний; ч. II – 18 причитаний; *песен, относящихся к свадебному циклу (свадебных: сговорных, беседных, хороводных, плясовых, протяжных):* ч. I – № 7–17; ч. II – № 13–15, 16 (два варианта), 24, 25, 26, 27 (два варианта); перепечатаны (ч. II, № 15, 25 – песни «С терема на терем Марья шла» и «Во городе кровать»): Русская беседа, 1895, № 4, с. 181–184; *причитаний по умершим с напевами и обрядом*: Агренева-Славянская, ч. III[2], отд. I – № 1–3, 7–9, 11, 17–19, С. 1–36, 47–52, 54–57, 63–70; перепечатаны: Барсов, 2-е изд. Т.1 – № 1–9. С. 279, 332, 396; *солдатского*: Агренева-Славянская, ч. III, отд. II – № 2. С. 76–81; *песен с напевом, не относящихся к свадебному циклу (беседных, хороводных, плясовых, жалобных, протяжных, сиротских, шуточных):* отд. IV – № 1–34. С. 147–190; отд. VI – № 1; перепечатана (№ 21 – хороводная): Путилов, Добровольский, 1960 – № 99. С. 117, 640; *волочебной и величальных песен-экспромтов (приветствий и поздравлений) с напевом*: Агренева-Славянская, ч. III, отд. V – № 1, 2 С. 191–194; в приложении – № 1–7. С. 201–209; *былин* («О Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче», «О Чуриле Пленковиче и Ермяте Васильевиче»): отд. III – № 14, 15; перепечатаны (№ 14): Русская беседа, 1895, № 4 – С. 181–184; Калугин, 1986. С. 252; (№ 14, 15): Андреев, 1938 – № 16, 47. С. 161, 252, 555, 563; *публ. духовных стихов*: Агренева-Славянская, ч. III, отд. III – № 1–5, 7, 8, 12, 13. С. 88–110, 112–116, 121–127; *баллад*: отд. III – № 6, 11; отд. IV – № 21. С. 171–172; перепечатана (№ 21): Путилов, Добровольский, 1960 – № 99. С. 117, 640; *публ. исторической песни («О гневе Грозного на сына») – запись не сохранилась*: Газ. «Новости дня», 1895, № 4156; «Новости и биржевая газета», 1895, № 5; *сказки*[3] («Приданое дочери от отца и десяти братьев»): Агренева-Славянская, ч. III, отд. VI – № 1. С. 195–197; *загадки*: отд. VI – № 2. С. 197; *пословиц, поговорок, прибауток:* отд. VI – № 3–51. С. 198–200. *Публ. рассказа о жизни И. А. Федосовой, сказки «Волк и лиса», колыбельной и песни «Во лузях», двух свадебных песен, отрывков двух причитаний (в зап. Толиверовой*[4]*):* Игрушечка, 1895, № 8. С. 374–382; № 9. С. 428–432.

285. От Федькиной А. М., п. Сенная Губа, в 1956 г. студенты МГУ Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак под рук. доц. Э. В. Померанцевой записали: частушки – 79/157а (17 шт.); загадки – 79/157б (2 шт.); песни: бытовую – 79/158, любовные – 79/159, 160, 164, 165, шуточную – 79/161, плясовые – 79/162, 163; биографическую справку – 79/157.

---

[1] В указанной выше статье «„Причитания…“», С. 428 и в Текстологическом комментарии к свадебным причитаниям (см.: т. 2, С. 511) К. В. Чистов обращает внимание на то, что «О. Х. Агренева-Славянская записывала не только от И. А. Федосовой, но и от некой „нищей Ульяны из Петрозаводска“ <…> „тоже, видимо, хорошей песенницы и вопленицы“, <которая одновременно с Федосовой находилась в имении Кольцово>, причем остается неизвестным, какие сведения об обряде, какие песни и причитания, от кого из двух исполнительниц записаны»… – Составитель.

[2] В статье «„Причитания…“», С. 428 К. В. Чистов пишет, что «третий выпуск <часть> этого сборника <„Описание русской крестьянской свадьбы“> не имел прямого отношения к свадебному обряду и свадебным песням. Здесь опубликованы похоронные и рекрутские причитания, духовные стихи, былины, лирические и игровые песни и т. п.». – Составитель.

[3] «По свидетельству газ. „Новости дня“ (1895, № 4156) И. А. Федосова знала „несколько сказок“» – Чистов К. В., 1955. С. 349.

[4] См. об этом в статье К. В. Чистова «„Причитания…“», Т. 1. С. 460. – Составитель.

Частушки, песни, загадки Акулина Максимовна исполняла с дочерью М. Е. Кирпиченковой.

286. От Филиной М. Г., д. Кургеницы, в 1945 г. В. Г. Базанов записал бытовые плачи – 76/93, 94.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 100, 101. С. 367.

287. От Филипповой П. Н., д. Комлево, в 1926 г. А. М. Астахова, Т. В. Попова записали две былины, стих о Егории, легенду о пустыннике; А. И. Никифоров – легенду и четыре сказки; Е. В. Ржановская – три былины, две былины-баллады, исторические песни.

См. публ. былин (в зап. Ржановской): – Соколов, Чичеров, 1948 – № 119–121. С. 522; о неопубликованных балладах и песнях см. в примечаниях – С. 904, 912, 917. Перепечатана: (№ 121) Соколова, 1951 – С. 87–89; Путилов, Добровольский, 1960 – № 242. С. 411, 661. Астахова, Т. II – № 163, 164. С. 387, 725, 738.

288. От Филькиной А. И., д. Габнаволок, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовые плачи – 75/92, 95 (?).

См. публ. (75/92): Базанов, 1945 – С. 41; Базанов, Разумова, 1962 – № 102. С. 369.

289. От Филькиной М. Я., д. Тамбицы, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовые – 75/93, 95, похоронный – 75/94.

См. публ. (75/93): Базанов, 1945 – С. 42; Базанов, Разумова, 1962 – № 103. С. 370.

290. От Фоминой А. К., д. Римская бывш. Повенецкого уезда, в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записал шесть былин.

См. публ.: Гильфердинг, 1-е изд. – № 15–20. С. 112; 2-е изд., Т. I – С. 158; 4-е изд., Т. I – С. 247, 695, 716. Перепечатана: (№ 17) Астахова, 1947 – № 7. С. 60, 130; Баландин, 1983 – С. 111, 322.

291. От Фролова И. Д., д. Демеховская (Вырозеро), в 1956 г. записи производила Н. С. Полищук (к. 80); в 1983 г. – В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен (к. 164); в 1986 г. – В. П. Кузнецова, А. Ю. Кастров, Е. Троицкая, А. В. Осипов (м/записи не расшифрованы); в 1987 г. – Т. И. Сенькина, К. Х. Раутио (м/записи не расшифрованы). В АКНЦ имеются тексты: преданий – 164/243–247; духовных стихов – 80/47, 48; быличек – 164/253–255; о свадебном обряде – 164/248, 251; свадебных приговоров дружки – 80/44; 164/249, 251, 252; свадебной песни – 164/250.

См. публ. заговоров: (Фон. 3039/16, 17, 22; 3116/3) Курец, 2000 – № 107, 128, 198, 249, 362. С. 54, 58, 76, 88, 122, 176, 179, 189, 196, 213; *свадебных приговоров дружки:* (Фон. 3114/15) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 84, 90. С. 153, 158.

292. От Хариной Ф. А., д. Толвуя, в 1983 г. В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен (к. 164); Н. Ф. Онегина, студенты ПГУ В. В. Гальшева, Е. В. Бацева, Н. В. Сигалова под рук. В. В. Яковлева (к. 161) записали: о свадебном обряде – 161/714; 164/2; свадебные причитания – 161/714 (отр.); 164/3, 4, 7; свадебную приговорку – 164/5; поговорку – 164/6; присказку – 161/717; байки – 161/715; похоронное причитание – 161/716; любовную песню – 161/719; мещанский романс – 161/718.

См. публ. свадебного плача: (164/7 = Фон. 2767/23) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 9. С. 57.

293. От Хоповой М. Я., д. Терехово, в 1944 г. А. В. Белованова записала плачи: бытовой – 75/99, свадебные – 75/191 (200 копия), 192 (201 копия).

См. публ.: (75/191) Кузнецова, Логинов, 2001 – № 69. С. 133.

294. От Царева П. П., д. Северская Пудожского р-на, в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина. В АКНЦ текстов нет.

См. публ. былин: Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 272; 2-е изд., 1938 – С. 268; Астахова, Т. II – № 185, 186. С. 489, 735, 739.

295. От Чванова И. Г., д. Коровниково, в 1932 г. записи производили М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина. В АКНЦ имеется текст только одной былины: «Ставер Годинович» – 68/197.

См. публ. былин: Астахова, Т. II – № 165, 166. С. 394, 750, 800. Перепечатаны: (№ 165) Ухов, 1957 – № 1. С. 53, 452; (№ 166) Путилов, 1986 – С. 483 (вар. № I), 531.

296. От Череповой А. С., д. Леликово, в 1931 г. записи производили Р. Х. Герцман (дн. 62), Забаровская (дн. 67), О. Ионова (дн. 69), О. Попова (Ионова?) (дн. 70), З. Курдова (дн. 92). В АКНЦ имеются записи: рассказа о беседах – Р. VI, оп. 1, № 62, л. 38–43; Р. VI, оп. 1, № 67, л. 24–25; о верованиях – Р. VI, оп. 1, № 69, л. 8–9; о топонимике – Р. VI, оп. 1, № 70, л. 3; о народной медицине – Р. VI, оп. 1, № 92, л. 16.

297. От Чивиной Ф. К., д. Леликово, в 1931 г. записи производили М. Б. Каминская (дн. 71); В. П. Галашина (к. 66, 76, дн. 65?); О. Копылова (дн. 72); М. Пуговкина (дн. 90). В АКНЦ имеются записи: духовного стиха о Егории – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 30–31; Р. VI, оп. 1, № 90, л. 23; о свадебном колдовстве – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 23–24; приговоров дружки – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 32; свадебных плачей – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 24–26; Р. VI, оп. 1, № 72, л. 19, 29–30; баллады – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 22; зачина былины – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 23; песен: любовных – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 26–30; Р. VI, оп. 1, дн. 72, л. 16–18, 31; 66/2, 5, 7, 20, 22–25, семейно-бытовой – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 24, шуточной – Р. VI, оп. 1, № 90, л. 23–24; 66/21, плясовых (игровых) – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 15–16; 66/4, 6, тюремной – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 31–32; Р. VI, оп. 1, № 72, л. 17, солдатской – 66/3; мещанского романса – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 30–31; Р. VI, оп. 1, № 72, л. 18–19; частушек – Р. VI, оп. 1, № 71, л. 29–30 (7 шт.); о праздновании Макковеева дня и верованиях – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 34; о пище (об овсяных блинах) – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 33; о болезнях – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 33; о гадании на Новый год, о ряженых в Крещение – Р. VI, оп. 1, № 65, л. 2–5; 76/80. Л. 118; о местном говоре (диалектные слова) – 76/80. Л. 120; о поведении молодежи – Р. VI, оп. 1, № 72, л. 14.

См. публ. свадебных причитаний (Р. VI, оп. 1, № 71, л. 24–26): Кузнецова, Логинов, 2001 – № 3, 150. С. 47, 225; *приговоров дружки* (Р. VI, оп. 1, № 71, л. 32) – № 87. С. 156.

298. От Чиркина Н. С., с. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова, Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, студенты КГПИ О. Яковлева, Л. Панкратова, Т. Тихонова (к. 142); в 1982 г. – Н. Ф. Онегина, Э. П. Кемпинен (к. 147); в 1983 г. – студенты ПГУ О. Б. Кокарева, Л. В. Кабанова, Т. Ю. Гришина под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161); в 1988 г. – В. П. Кузнецова, Р. Б. Калашникова, О. Э. Балалаева (м/записи

не расшифрованы); К. К. Логинов (Ф. 1, оп. 50, № 1102); в 1990 г. – В. П. Кузнецова, А. А. Лапин, Р. Б. Калашникова (м/записи не расшифрованы) записали: сказки-былички – 142/1, 2; 161/205; сказку-загадку – 161/210; сказку-анекдот – 142/356; новеллистические – 142/113, 381, 382; 147/32; 161/195, 203, 233; волшебные – 142/354, 358 (374), 378 (отр.), 630; 147/33, 34, 36; былички – 142/13, 17, 135, 136, 363, 624–626; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 52, 53–55, 57, 58–60; поверья – 142/137, 139; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 54–58; о колдовстве и колдунах (в т. ч. свадебном) – 142/3, 12–16, 626, 627; 161/193; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 54–61; загадки – 142/21, 124, 125; 147/35; поговорки – 142/360; 161/232; прибаутку – 142/383; предания – 142/116, 125, 126, 361, 366–377; 147/25, 26; анекдоты – 142/6, 121, 123, 385; романс – 142/375; частушку – 161/202; рассказы: о ярмарках – 147/24, юмористические – 142/114, 115, бытовые – 142/128, 369, 371; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 52; о бытовании жанров и о сказителях – 142/28, 355, 357, 622, 623; 147/27; самодеятельное стихотворение – 161/194; диалектные слова – 147/37; биографические сведения – 142/618, 621; 147/27, 28.

Романс 142/375 Николай Степанович исполнял с А. Ф. Чиркиной и А. Н. Бочановой; Ф. 1, оп. 50, № 1102 – с А. Ф. Чиркиной.

См. публ. сказок (142/1, 113, 354, 382; 147/32, 33, 36): Онегина, 1986 – № 33–39. С. 105, 206.

299. От Чиркиной А. Ф., с. Великая Губа, в 1980 г. В. П. Кузнецова, Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, студенты КГПИ О. Яковлева, Л. Панкратова, Т. Тихонова (к. 142); в 1982 г. Н. Ф. Онегина, Э. П. Кемпинен (к. 147); в 1983 г. студенты ПГУ О. Б. Кокарева, Л. В. Кабанова, Т. Ю. Гришина под рук. Ф. Р. Макаровой (к. 161); в 1988 г. К. К. Логинов (Ф. 1, оп. 50, № 1102); В. П. Кузнецова, О. Э. Балалаева, Р. Б. Калашникова (м/записи не расшифрованы); в 1990 г. В. П. Кузнецова, А. А. Лапин, Р. Б. Калашникова (м/записи не расшифрованы) записали: былички – 142/4, 7–11, 131–134, 138, 364, 365, 625, 626; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 52, 53–55, 57, 58–60; о колдунах и колдовстве (в т. ч. свадебном) – 142/365; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 54–61; поверья – Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 54–58; сказки: волшебные – 142/380, 632, о животных – 142/631, сказки-анекдоты – 142/107, 108, 127; новеллу – 161/204 (отр.); предания – 142/109, 362, 368; прибаутки – 142/122, 384; пословицу – 147/30; поговорки – 161/196, 197; балладу – 142/379; романсы – 142/32, 375, 376; песню любовную – 161/199; частушку – 142/120; рассказы: о ярмарках – 147/24, о пище (в т. ч. праздничной) – 147/29, 30а, 31, как «бучили» раньше белье (при стирке) – 161/196, бытовые – 142/370, 373; Ф. 1, оп. 50, № 1102, л. 52; толки о родственниках – 161/198.

Романс 142/375 Анастасия Федоровна исполняла с Н. С. Чиркиным и А. Н. Бочановой, 142/376 – с А. Н. Бочановой; Ф. 1, оп. 50, № 1102 – с Н. С. Чиркиным.

См. публ. сказок (142/107, 108, 380, 631, 632): Онегина, 1986 – № 40–44. С. 121, 208.

300. От Чукова А. Е. (у Рыбникова Чуккоев, прозвище – «Бутылка»), д. Горка бывш. Повенецкого уезда, в 1863 г. П. Н. Рыбников, а ранее по его просьбе писарь Лысанов записали двадцать былин; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг – восемь былин.

См. публ.: Впервые («Старина о Добрыне Никитиче», «Старина о трех богатырях», «Старина о Дюке Степановиче», «Старина о Настасье, королевны политовской» = Рыбников, 1-е изд., ч. I, № 24, 25, 38, 49, 77) – ОГВ, 1859, № 30, 32, 34, 37, 39; «О князе Владимире» (= Рыбников, 1-е изд., ч. III, № 3) – ОГВ, 1863, № 11. Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 24, 25, 38, 49, 65, 77. С. 122, 228, 295, 383, 452; ч. II – № 16, 17, 20, 40, 55. С. 71, 103, 236, 305; ч. III – № 3, 8, 15, 20, 46, 52, 57, 58, 62. С. 9, 32, 60, 95, 267, 283, 305, 340; 2-е изд. Т. I – № 23–25, 25 bis, 26–28, 28 bis, 29–32, 32 bis, 33, 33 bis, 34–37. С. 142; Т. II – № 218. С. 709; 3-е изд. Т. I – № 24–26, 26а, 27–29, 29а, 29б, 30–33, 33а, 34, 34а, 35–38. С. 193, 485, 486, 488, 490, 491, 496, 497, 499, 502, 503, 504, 505, 507, 510. Перепечатаны: (2-е изд. Т. I – № 24) Смирнов, Смолицкий, 1974 – № 40. С. 403; (№ 25): Водовозов, 1955 – С. 212, 379; (№ 25 bis, 26): Ляцкий, 1911 – С. 73 (отр.), 75; (№ 26): Пропп, Путилов, Т. I – С. 270, 532; Смирнов, Смолицкий, 1974 – № 58. С. 418; (№ 27): Ляцкий, 1911 – С. 89; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 47; 2-е изд., 1938 – С. 58; Астахова, 1947 – № 10. С. 79, 132; Смирнов-Смолицкий, 1974 – № 39. С. 403; (№ 30): Андреев, 1938 – № 38. С. 284, 561; Ухов, 1957 – № 7. С. 251, 482; Пропп, Путилов, Т. II – С. 120, 467; Азбелев, 1984 – С. 290, 391; (№ 31, 32): Миллер, 1915 – № 108, 243. С. 297, 631: перепечатана (№ 243): Сперанский, Т. II – № 5. С. 421, 524; (1-е изд., ч. I, № 77 = 2-е изд., № 33 bis): Соболевский, Т. I – № 6. С. 22; (№ 35): Сперанский, Т. II – С. 231, 521; Андреев, 1938 – № 57. С. 451, 566; Пропп, Путилов, Т. II – С. 361, 497; (№ 36): Андреев, 1938 – № 58. С. 464, 566; Ухов, 1957 – № 54. С. 392, 500; Пропп, Путилов, Т. II – С. 353, 496; (1-е изд., ч. III, № 62 = 2-е изд., № 37): Соболевский, Т. I – № 185. С. 263. Гильфердинг, 1-е изд. – № 148–155. С. 744; 2-е изд., Т. II – С. 443; 3-е изд., Т. II – С. 405, 699; 4-е изд. Т. II – С. 463, 758–768, 797. Перепечатаны: (№ 149) Астахова, 1947 – № 8. С. 62, 132; Ухов, 1957 – № 15. С. 138, 467; Азбелев, 1984 – С. 103, 387; Путилов, 1986 – С. 451 (вар. III), 522; (№ 151): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 175; 2-е изд., 1938 – С. 172; Путилов, 1986 – С. 329, 531; (№ 152): Калугин, 1986 – С. 372; (№ 153): Миллер, 1915 – № 116. С. 351; Путилов, Добровольский, 1960 – № 208. С. 317, 658; (№ 154): Миллер, 1915 – № 246. С. 638; Исторические песни XVII в. – № 112. С. 118, 350.

301. От Шамшиной Н. Е., д. Долгая Нива, в 1944–1945 гг. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/26–29; 76/88.

См. публ.: Базанов, 1945 – С. 35; Базанов, Разумова, 1962 – № 90–94. С. 355, 571.

302. От Шангиной Н. П., д. Кузаранда, в 1986 г. Т. И. Сенькина и студентка ПГУ Н. А. Лободенко записали песни: кадрильные – 179/145, 159, 160, 170, семейно-бытовую – 179/146, любовную – 179/157 (отр.), свадебные – 179/158, 169, 173; частушки – 179/148–152, 161–167, 174–177; былички – 179/154, 156, 168, 171, 172; о гадании – 179/155; о колдовстве – 179/154, 155, 171.

303. От Шаториной А. И., д. Рогатковщина, в 1944 г. В. Г. Базанов записал плачи: бытовые – 75/1–3; рекрутский – 75/4; похоронный – 75/5, 6.

См. публ. (75/2): Базанов, 1945 – С. 9; (75/1, 2, 4, 6): Базанов, Разумова, 1962 – № 95–97. С. 361, 571. В примечании к текстам ошибочно указано отчество «Ивановна», в АКНЦ записано «Ильинична».

304. От Шевелева В. П. (Щеголёнок, у Рыбникова Щеголенков) из д. Боярщина в 1860 г. П. Н. Рыбников записал четыре былины; в 1868 г. Е. В. Барсов – рассказы и предания; в 1871 г. М. Гурьев – девять былин и духовные стихи; в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг в Кижах и Петербурге – тринадцать былин; в 1873 г., во время пребывания Шевелева в Москве, П. А. Бессонов – несколько былин и побывальщин; в 1879 г. в Москве со сказителем познакомился Л. Н. Толстой, пригласил его в Ясную Поляну и записал от него конспективно более двадцати легенд, которые послужили источником шести народных рассказов писателя[1]. В 1886 г. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш записали былину «Василий Буслаевич» (= Молодец и королевна).

В АКНЦ имеется отрывок исторической песни «Взятие Казани» – 76/33 и предание о поездке Петра I в Соловки – 40/3.

См. публ. былин, исторических песен, баллад: Рыбников, 1-е изд., ч. I – № 22. С. 118; ч. II – № 21, 49, 59. С. 113, 259, 310; 2-е изд. Т. I – № 74–77. С. 406; 3-е изд. Т. I – № 75–78. С. 403, 489, 499, 503, 507. Перепечатана (1-е изд., № 49): Соболевский, Т. I – № 1. С. 1. Гильфердинг, 1-е изд. – № 118–130. С. 636; 2-е изд. Т. II – С. 288; 3-е изд. Т. II – С. 260, 694; 4-е изд. Т. II – С. 298, 791. Впервые былина («Первые подвиги Ильи Муромца» = Гильфердинг, 1-е изд., № 120) опубл.: ж. «Всемирная иллюстрация», № 149. С. 301. Перепечатаны (2-е и 4-е изд., № 120): Сперанский, Т. I – № 1. С. 133, 422; Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 67; 2-е изд., 1938 – С. 58; Путилов, 1986 – С. 49, 496 (часть сводной былины об исцелении Ильи); (№ 122): Нечаев, 1-е изд., 1937 – С. 44; 2-е изд., 1938 – С. 41; (№ 129): Миллер, 1915 – № 114. С. 338; Путилов, Добровольский, 1960 – № 255. С. 435, 663; (1-е и 4-е изд., № 130): Соболевский, Т. I – № 498. С. 590; Пропп-Путилов, Т. II – С. 407, 501 (вариант); *публ. девяти былин, духовных стихов (в зап. М. Гурьева):* Барсов, 1873 – С. 1–87. Перепечатаны (четыре былины – С. 22, 34, 57, 67): Тихонравов, Миллер, 1894 – № 7, 10, 36, 58. С. 17, 34, 131, 204; *публ. трех былин (в зап. П. А. Бессонова):* Киреевский, 2-е изд., вып. II – С. 97; вып. IV – С. 158, 184; *былины (в зап. Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша):* Тихонравов, Миллер, 1894 – № 60. С. 214; *рассказов (в зап. Е. В. Барсова)* «Песьянцы-слепцы»: ОГВ, 1868, № 51 – С. 706; «Про беглых рекрут»: Барсов, 1-е изд., ч. II; 2-е изд. Т. 2 – № I, II, III. С. 265, 549; *преданий о Петре I (с учетом перепечаток):* ОГВ, 1868, № 51 – С. 706; ОГВ, 1872, № 8 – С. 89; Беседа, V, 1872 – С. 296, 305; Барсов, 1872 – С. 4, 13; Барсов, 1877, № 9 – С. 400; Труды Моск. Арх. об-ва, Т. VII, вып. 3, 1878 – С. 214; О. сб., вып. III, отд. 1 – С. 187, 194; Кийранен, 1955 – С. 10; Криничная, 1978 – № 164, 171, 172, 182. С. 117, 123, 126, 131, 187, 188, 189, 190; Криничная, 1989 – С. 125; Криничная, 1991 – № 375. С. 201; Азбелев, 1992 – № 4, 99, 124. С. 32, 168, 214; *легенд:* Калугин, 1978 – С. 117–119.

305. От Шильниковой А. С., д. Сибово, в 1983 г. студенты ПГУ Т. Н. Питько, Е. Лебедкина, С. Шильникова под рук. Ф. Р. Макаровой записали: прибаутки – 161/130, 131, 132а, 133, 135; пословицы – 161/132, 140; примету – 161/138; частушки – 161/134, 136, 137, 139, 141–144; песни: плясовые – 161/145, 146, 149, 150, свадебную – 161/147, семейно-бытовую – 161/148, балладную – 161/188; мещанские

[1] См. об этом в статье М. Азадовского «О русской сказочной традиции в Карелии» / Азадовский, 1947. С. 22; Базанов, 1947. С. 74; Калугин, 1978. С. 116–121.

романсы – 161/151–154, 182, 187; балладу – 161/174; о свадебном обряде и о праздниках – 161/167; считалки – 161/156–165.

Считалки 161/156–165 Александра Степановна исполняла с Н. Ю. Абрамовой.

306. От Шлыковой С. М., д. Тамбицы, в 1944 г. А. П. Разумова записала бытовые плачи – 75/85–88.

См. публ.: Базанова, Разумова, 1962 – № 98, 99. С. 364.

307. От Юховой А. К., д. Оятевщина, в 1926 г. В. А. Дынник, Ю. А. Самарин, Ю. М. Соколов записали былину «Чурила и Катерина».

См. публ.: Соколов, Чичеров, 1948 – № 129. С. 534.

308. От Юховой П. Г., д. Оятевщина, в 1860 г. П. Н. Рыбников записал две былины, в 1886 г. Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш – три.

См. публ.: Рыбников, 1-е изд., ч. II – № 14, 52. С. 57, 277; 2-е изд. Т. I – № 93, 94. С. 467; 3-е изд. Т. I – № 94, 95. С. 449; Истомин, Дютш, 1894 – № 6, 9, 10. С. 46, 57. Перепечатаны: (№ 6, 9, 10) Тихонравов, Миллер, 1894 – № 33, 47, 99. С. 121, 166; (№ 6): Путилов, Добровольский, 1960 – № 256. С. 440, 663; Исторические песни XVII в. – № 123; (№ 9): Миллер, 1915 – № 211. С. 586; Исторические песни XVII в. – № 9. С. 34, 336.

309. От Яковлевой Е. П., д. Сибово, в 1944 г. А. П. Разумова записала плачи: бытовой – 75/15, похоронный – 75/16, 198 (копия).

310. От Якушкиной А. И., д. Никитинская, в 1944 г. В. Г. Базанов записал бытовые плачи – 75/153, 154.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 104. С. 372.

311. От Ярицыной А. П., д. Хабаровская, в 1944–1945 гг. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали бытовые плачи – 75/182, 182а, 183–185; 76/87.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 105–109. С. 373.

312. От Ярицыной П. И., д. Пабережье (Побережье) в 1944 г. А. В. Белованова записала бытовые плачи – 75/118, 118а, 119.

См. публ.: Базанов, Разумова, 1962 – № 110–112. С. 379.

313. От Ястребовой А. К., д. Клименицы, в 1932 г. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина записали былину «Про Добрыню Никитича» – 68/19.

См. публ.: Астахова, Т. II – № 129. С. 155, 725. Перепечатана: Путилов, 1986 – С. 453, вар. IV – (отр. из 6 строк).

Указатель исполнителей

Акинфин Михаил Георгиевич, 1874 г.р., родом из д. Тявзия, грамотный – 1.

Акинфина Александра Сергеевна, 1878 г.р., родом из д. Тявзия – 2.

Аксенов Василий, 1871 г.р., родом из д. Леликово, грамотный – 3.

Алешина Татьяна Федоровна, 1912 г.р., родом из п. Ламбасручей, грамотная – 4.

Алешина Фекла Михайловна, 1902 г.р. – 5.

Амбарова Акулина Назарьевна, 1890 г.р. – 6.

Амосов Василий Васильевич, 1857/1860 г.р., неграмотный – 7, 7а, 7б.

Амосова Фекла Семеновна – 8.

Ананьгова Серафима Михайловна, 1918 г.р., родом из д. Лисицыно, грамотная – 9.

Андреева Анастасия Ильинична, 1903 г.р., родом из д. Космозеро, грамотная – 10.

Андреева Ирина Андреевна, 1888 г.р. – 11.

Андреева Анастасия Игнатьевна, 1876 г.р., свекровь П. М. Андреевой – 12.

Андреева Прасковья (Парасковья) Михайловна, 1907 г.р. – 12.

Андрианов Кузьма Дмитриевич, 1874/1875 г.р., родом из д. Конда, грамотный, племянник М. Н. Севериковой – 13, 13а.

Андрианов Марк Кузьмич, 1911 г.р., родом из д. Конда, грамотный, сын К. Д. Андрианова – 14.

Андрианова Александра Кузьминична, 1915 г.р., родом из д. Конда, грамотная, дочь К. Д. Андрианова – 15.

Аникина Анастасия Александровна, 1916 г.р., родом из Кондопожского района – 16.

Антонов Тимофей, 1836 г.р., родом из д. Типиницы – 17, 17а.

Антропова Ольга Алексеевна, 1837 г.р. – 18.

Архипова Анна Васильевна, 1896 г.р. – 19.

Балагурина Акулина Еремеевна, около 1856 г.р. – 20.

Баранова Татьяна Павловна, 1893 г.р. – 21.

Батов Алексей Виссарионович, 1845 г.р., с Выгозера бывш. Повенецкого уезда – 22.

Белков Петр Яковлевич, 1891 г.р. – 23, 23а, 23б, 23в.

Белова Анна Александровна, 1928 г.р., родом из д. Фомино, грамотная – 24, 24а.

Белоусов Дмитрий Васильевич, 1864 г.р. – 25.

Бесова Степанида Ивановна, 1878 г.р., грамотная – 26.

Биканина Анастасия (Настасья) Петровна, 1896 г.р., грамотная – 27.

Благочинная Александра Лукинична, 1907 г.р., родом из д. Шитики (?) – 28.

Блоханова Анастасия Федоровна – 29.

Богданов Леонтий, около 1787/1790 г.р. – 30, 30а.

Богданова-Зиновьева Анастасия (Настасья) Степановна, 1855–1861 г.р., родом из д. Леликово, неграмотная, умерла 9 апреля 1937 г. – 31, 31а, 31б, 31в, 31г, 31д, 31е, 31ж, 31з, 31и, 31к, 31л.

Боровлева Евдокия Федоровна, 1899 г.р., неграмотная – 32.

Бочанова Антонина Николаевна, 1933 г.р., грамотная, дочь А. Ф. и Н. С. Чиркиных – 33.

Бочанова Анастасия (Ася), 1971 г.р., родом из с. Великая Губа, грамотная, дочь А. Н. Бочановой, внучка А. Ф. и Н. С. Чиркиных – 34.

Бровина Варвара Ивановна, 1887 г.р. – 35.

Буторина Ксения Нефедовна, 1858 г.р., неграмотная – 36.

Бытова Клавдия Федоровна, 1905 г.р., родом из д. Сычи, грамотная – 37.

Бытова Мария Михайловна – 38.

Васильев Григорий, умер в 1862 г., брат Д. В. Суриковой – 39, 39а.

Васильев Иван Михайлович, 1874 г.р. – 40, 40а, 40б.

Васильева, 1861 г.р. – 41.

Васильева Евдокия (Авдотья) Павловна, 1893 г.р. – 42.

Васильева Екатерина Алексеевна, 1873 г.р., родом из д. Карасозеро – 43, 43а.

Востриков Павел Иванович, 1892 г.р., грамотный – 44.

Галашина Александра Андреевна, 1911/1913 г.р., родом из д. Шабалина, грамотная – 45, 45а.

Ганькова Мария Ивановна, 1909 г.р., грамотная – 46.

Герасимова Евдокия Федоровна, 1890/1913 г.р., родом из д. Есино – 47.

Гирина Прасковья (Парасковья) Ивановна, 1913/1914 г.р., родом из д. Батова – 48.

Горева Мария Васильевна, 1912 г.р., родом из д. Кузьмина Гора (Загубье) – 49.

Горшков Петр Григорьевич, 1875 г.р., умер в 1949 г., родом из д. Демидово, грамотный – 50, 50а, 50б, 50в, 50г.

Горшкова Анастасия Васильевна, 1874/1877 г.р. – 51.

Грибанов Федор Дмитриевич, 1841 г.р. – 52.

Грибанова Анастасия (Настя), 1914 г.р., родом из д. Грибановская, внучка Ф. Д. Грибанова – 53.

Григорьева Евдокия Павловна, 1887 г.р., неграмотная – 54.

Гришин Иван Артемьевич, 1796 г.р. – 55, 55а.

Денисов Афанасий Матвеевич, 1872 г.р. – 56.

Дутиков Николай Филиппович (Федотов Г. у Рыбникова), родился в 1797 г., умер в 1877 г. в д. Конда, родственник Л. Богданова – 57, 57а, 57б.

Дутикова Анастасия, 1905 г.р. – 58.

Дьяков Александр, около 1821 г.р. – 59.

Дьяков Алексей, родом из д. Сенная Губа – 60.

Дьяконова Мария, 1916 г.р., родом из д. Сенная Губа, грамотная, сестра Н. Дьяконовой – 61.

Дьяконова Надежда, 1909 г.р., родом из д. Сенная Губа – 61.

Егорова Анна Ивановна, 1900 г.р. – 62.

Егорова Евдокия (Авдотья) Дмитриевна, 1903 г.р. – 62.

Елисеев Иван, около 1891 г.р., с Выгозера бывш. Повенецкого уезда – 63.

Елисеева Ирина Васильевна, 1851 г.р., дочь В. П. Шевелева (Щеголенка) – 64, 64а, 64б.

Елустафьев Илья Елустафьевич, около 1741/1753 г.р., умер около 1828 г., родом из д. Шляминская – 65, 65а, 65б.

Еремеев Иев, 1815 г.р. – 66, 66а.

Ермолина Мария Ивановна, 1918 г.р., родом из п. Великая Губа, грамотная – 67.

Жарникова (Жаренкова) Евдокия Ивановна, 1894 г.р., родом из д. Жарниково, грамотная – 68.

Журавлева Анна Александровна, 1888 г.р., неграмотная – 69.

Завьялов Федор Константинович, 1883 г.р., грамотный – 70.

Завьялова Анна Яковлевна, 1891 г.р., жена Ф. К. Завьялова – 71.

Зарубина Ульяна Петровна, 1880 г.р. – 72.

Захаров Федор, около 1821 г.р., с Выгозера бывш. Повенецкого уезда – 73.

Зиновьев Михаил Степанович, 1846/1851 г.р., родом из д. Зиновьево, ст. брат А. С. Богдановой-Зиновьевой – 74.

Зиновьева Анна Михайловна, 1914 г.р., родом из д. Зиновьево, ст. дочь А. Н. и М. С. Зиновьевых, племянница А. С. Богдановой-Зиновьевой – 75.

Зиновьева Анна Николаевна, 1881 г.р., жена М. С. Зиновьева – 76.

Зиновьева Анна Ивановна, жена брата М. С. Зиновьева и А. С. Богдановой-Зиновьевой – 76.

Зиновьева Наталия (Наталья) Тимофеевна, 1884/1886 г.р., родом из д. Конда – 77, 77а.

Иванов Андрей (по мнению А. Е. Грузинского – Соколов Андрей Иванович), родственник Л. Богданова – 78, 78а.

Иванов Иван Яковлевич, около 1876/1878 г.р. – 79.

Иванова Екатерина Васильевна, 1888 г.р. – 80.

Иевлев Терентий, 1820 г.р., внук И. Елустафьева – 81, 81а, 81б.

Исаева Вера Ивановна, родилась в 1907 г., умерла в 1984 г., грамотная – 82.

Исакова Анастасия (Настасья) Васильевна, 1881 г.р. – 83.

Июдин Михаил Иванович, 1892 г.р., грамотный – 84.

Кадетова Надежда Григорьевна, 1886 г.р., дальняя родственница И. А. Федосовой – 85.

Кайкина Александра Николаевна, 1918 г.р., родом из Воевы (?) на Волоке, грамотная – 86.

Калинин Павел Михайлович, около 1861/1866 г.р. – 87.

Калинин Петр Лукич (Лукин Петр или Павел у Рыбникова), около 1828 г.р., из д. Горка бывш. Повенецкого уезда – 88, 88а, 88б.

Калинина Александра Кирилловна, 1887 г.р., неграмотная – 89.

Карманова Анна Ивановна, 1901 г.р., родом из д. Онежены, грамотная – 90.

Карманова Пелагея Федоровна, 1904 г.р., родом из д. Онежены, грамотная – 91.

Карцева Мария (Марфа?) Павловна, 1890 г.р. – 92.

Касьянов Иван Аникиевич, родился 4.12.1825 г., умер после 1892 г. в с. Космозеро, грамотный – 93, 93а, 93б, 93в, 93г, 93д, 93е, 93ж.

Касьянов Иван Иванович, 1860/1865 г.р., умер после 1926 г., грамотный – 94, 94а, 94б, 94в.

Касьянов Федор Иванович, 1907 г.р., грамотный, внук И. А. Касьянова, сын И. И. Касьянова – 95.

Касьянова Александра Федоровна 1885/1886 г.р., неграмотная – 96.

Кашин Николай Степанович, 1892 г.р., родом из п. Великая Губа, грамотный – 97.

Кашина Мария Николаевна, 1904 г.р. – 98.

Кириллова Клавдия Васильевна, 1910 г.р., грамотная – 99.

Кирпиченкова Мария Ефимовна, 1918 г.р., грамотная, дочь А. М. Федькиной – 100.

Кирьянова Акулина Михайловна, родилась 25.06.1899 г. (по другим сведениям в 1897 г.) в д. Мягкая Сельга, грамотная – 101.

Кирьянова Мария Яковлевна, 1914 (по другим сведениям 1919) г.р., родом из д. Межники (Выrозеро), грамотная, дочь А. М. Кирьяновой – 102.

Климов Николай Александрович, около 1916 г.р. – 103.

Климова Мария Ивановна, 1911 г.р., малограмотная – 104.

Клинова Анна Михайловна, 1889 г.р., родом из д. Мальково – 105.

Коваленко Мария Федоровна, 1921 г.р., родом из д. Сенная Губа, грамотная, внучка И. Г. Рябинина-Андреева – 106.

Ковина Мария Семеновна, около 1848 г.р., родом из д. Воробьи – 107.

Козина Мария Васильевна, 1897 (по другим сведениям 1893) г.р., родом из д. Лобское – 108.

Койбин Степан, около 1806/1812 г.р., с Масельги бывш. Повенецкого уезда – 109.

Коленова Анастасия Павловна, 1916 г.р., родом из д. Олёховщина – 110.

Кондина Евдокия Леонтьевна, 1905 г.р., родом из д. Наволок – 111.

Кононова Домна Дмитриевна, 1802 г.р., д. Рим на Пудожской Горе (ныне Римская Пудожского района) – 112.

Коньков Сергей Михайлович, 1911 г.р., родом из д. Речка – 113.

Конькова Екатерина Алексеевна, 1914 г.р., родом из д. Никитинская (Вырозеро), жена С. М. Конькова – 113.

Копосова Акулина Матвеевна, 1864/1871 г.р., родом из д. Леликово – 114.

Копосова Прасковья (Парасковья), 1891 г.р., дочь А. М. Копосовой – 115.

Коренная Пелагея Никифоровна, 1866 г.р., родом из д. Фоймогуба – 116.

Коренной Владимир Петрович, 1920 г.р., родом из д. Космозеро – 117.

Корнилов Семен Корнилович (Иванович) (Иванов Петр или Семен у Рыбникова), родился 3.02.1819 г., умер 27.12.1879 г., д. Кургеницы, неграмотный – 118, 118а, 118б, 118в.

Коробова Ирина (Иринья) Андреевна, 1879 г.р. – 119.

Костина Елена Васильевна, 1898 г.р. – 120.

Котова Анна Петровна, 1901 г.р., неграмотная – 121.

Кото́ва Марфа Трофимовна, около 1821 г.р., с Масельги бывш. Повенецкого уезда – 122.

Котогонов Николай Григорьевич (или Григорий Николаевич), 1857/1858 г.р., грамотный – 123.

Кочина Александра Федоровна, 1894 г.р. – 124.

Крупина Анастасия Евстигнеевна, 1889 г.р., родом из д. Кузьмина Гора, неграмотная – 125.

Крюкова Феодосия (Федосья) Михайловна, 1894 г.р., неграмотная – 126.

Куванина Ефимия (Офимья) Ильинична, 1887 г.р., родом из д. Онтова – 127.

Кудров Кузьма Семенович, 1843 г.р., грамотный – 128, 128а, 128б, 128в.

Кузьмин Михаил, 1866 г.р., родом из д. Конда – 129.

Куканова Мария Федоровна, 1887 г.р., грамотная – 130.

Кулатова Акулина Николаевна, 1890, неграмотная – 131.

Кулатова Мария Ивановна, 1885 г.р. – 132.

Кулатова Наталия (Наталья) Матвеевна, 1906 г.р., родом из д. Харлово – 133.

Куликова Евдокия Андреевна, 1890/1892 г.р. – 134.

Куликова Елена Васильевна, 1902 г.р., родом из д. Пигматка – 135.

Курочкина Степанида Степановна, 1882 г.р., неграмотная – 136.

Лазарев Василий, из д. Каменицы бывш. Повенецкого уезда – 137.

Лазарев Федор Иванович, 1880 г.р., неграмотный – 138.

Ланева Надежда Тимофеевна, 1883 г.р., родом из д. Койкиница, грамотная – 139.

Лисица (прозвище) **Елена Алексеевна**, около 1808/1810 г.р., из д. Зубово близ Выгозера бывш. Повенецкого уезда – 140.

Ломтев Михаил, 1879 г.р., грамотный – 141.

Ломтева Анастасия (Настя) Михайловна, 1914 г.р., родом из д. Конда, грамотная, дочь М. Ломтева – 142.

Лучина Анна Кузьминична, 1858 г.р., из Любосельги, неграмотная – 143, 143а.

Макарова Наталия (Наталья) Васильевна, 1877 г.р., родом из д. Кузаранда – 144.

Макарова Прасковья, около 1841 г.р., из д. Горка в Чорге Губе бывш. Повенецкого уезда – 145.

Маклышева Анастасия Ивановна, 1884 г.р., родом из д. Сенная Губа, неграмотная – 146.

Максимова Анастасия, 1848 г.р. – 147.

Мартынова Дарья Тимофеевна, 1893 г.р., неграмотная – 148.

Медведева Мария Степановна, 1918 г.р., родом из д. Ионина Гора, грамотная, дочь А. К. Калининой – 149, 149а, 149б.

Мерзлякова Евдокия (Авдотья) Петровна, 1839 г.р. – 150.

Меркулова Матрена Дмитриевна, 1884 г.р. – 151.

Минкина Евдокия Андреевна, 1919 г.р., родом из д. Никонова Гора – 152.

Митрофанов Иван Васильевич, около 1866/1870 г.р., грамотный – 153, 153а.

Михалев Григорий Иванович, родом из д. Петры – 154.

Михеев Михей Кириллович, 1854 г.р. – 155.

Мишина Ксения (Аксинья) Макаровна, 1888 г.р. – 156.

Могучева Мария (Марья) Васильевна, 1883 г.р. – 157, 157а.

Молодица из Кижской Губы – 158, 158а.

Мореходов Андрей Михайлович, 1907 г.р., родом из д. Леликово – 159.

Мореходова Евдокия (Авдотья) Ивановна, 1871 г.р. – 160.

Морозова Надежда Ильинична, 1859 г.р. – 161.

Мосеев Степан Андреевич, около 1836 г.р. – 162.

Мосеева Анна, около 1876/1881 г.р. – 163.

Мосеева Евдокия Ивановна, 1904 г.р. – 164.

Мотова Евдокия Егоровна, 1903 г.р., родом из д. Корба – 165.

Мошкина Александра Ивановна около 1877/1880 г.р., грамотная – 166.

Мошникова Прасковья Степановна, 1908 г.р., родом из д. Заозерье (по другим сведениям из д. Ботвинщина) – 167.

Мухина Анна Трофимовна, 1884 г.р. – 168.

Мухина Мария Григорьевна, 1887 г.р., родом из д. Мальково, неграмотная – 169.

Мышева Анна Максимовна, 1910 г.р., родом из д. Ивантиевская (Вырозеро) – 170.

Мышева Прасковья (Парасковья) Ивановна, 1877 г.р. – 171.

Назаров Павел Васильевич, около 1861 г.р. – 172.

Назарова Агриппина (Аграпия) Петровна, около 1866 г.р., жена П. В. Назарова – 173.

Назарьева (Назарова) Анастасия Александровна, 1896 г.р., грамотная, невестка П. В. и А. П. Назаровых – 174.

Неклюдин Конон Савинович, 1779 г.р., умер в 1847 г. – 175, 175а.

Неклюдина (Пикалева) Степанида Кононовна, родилась в 1821 г. в д. Зяблые Нивы, умерла в 1899 г., дочь К. С. Неклюдина – 176, 176а, 176б.

Нефедкина Клавдия Петровна, 1924 г.р., родом из д. Мягкая Сельга – 177.

Никитин Петр Герасимович, 1893 г.р., родом из д. Боярщина, грамотный, муж А. Д. Никитиной – 178.

Никитин Федор, около 1826 г.р., с Выгозера бывш. Повенецкого уезда – 179, 179а.

Никитин Фома Егорович, 1847 г.р., неграмотный – 180, 180а.

Никитина Александра Матвеевна, 1890 г.р., родом из д. Кургеницы, неграмотная – 181.

Никитина Анна Дмитриевна, 1900 г.р., грамотная, дочь Д. А. Серова, жена П. Г. Никитина – 182.

Никифоров Николай Федорович, 1869 г.р., родом из д. Линдома – 183.

Никифорова Ксения Сергеевна, 1916 г. р., родом из г. Витебск – 184.

Никонова Агриппина Матвеевна, 1844 г.р., неграмотная – 185.

Новожилова Александра Антиповна, 1891 г.р. – 186.

Новожилова Евдокия Федоровна, 1900 г.р., грамотная – 187.

Носова Феодосия (Федосья) Григорьевна – 188.

Нуждина Вера Андреевна, 1905 г.р., родом из д. Корба – 189.

Ольхина Феодосия (Федосья) Ивановна, 1856 г.р., родом из д. Кургеницы, племянница С. К. Корнилова – 190.

Омелина Марфа Васильевна, 1882 г.р., родом из с. Шуньга, неграмотная – 191.

Оргина Анастасия Федоровна, 1900 г.р., родом из д. Большой Куганаволок на Водлозере Пудожского района – 192.

Орехов Дмитрий Андреевич, 1884 г.р., грамотный – 193.

Осипова Александра Егоровна, 1913 г.р., родом из д. Гавриловская – 194.

Осипова Анастасия Павловна, 1903 г.р., родом из д. Онежины – 195.

Осова Дарья Ивановна, 1876 г.р., неграмотная – 196.

Павлова Анастасия Андреевна, 1900/1901 г.р., родом из д. Сенная Губа – 197.

Павлова Ирина Никитична, 1897 г.р. – 198.

Падорина (Подорина) Екатерина 1907/1908 г.р. – 199.

Палтусова Анна Ивановна, 1914 г.р., родом из п. Ламбасручей, малограмотная – 200.

Панова Анастасия Михайловна, 1864 г.р. – 201.

Панова Клавдия Ивановна, 1913 г.р., родом из д. Падмозеро – 202.

Панфилова Анна Михайловна, 1899 г.р., родом из д. Шильтя, неграмотная – 203.

Пастухова Прасковья Полуектовна, около 1841 г.р., из д. Горка в Чорге Губе бывш. Повенецкого уезда – 204.

Пахомова Мария Ивановна, 1910 г.р., родом из д. Коровниково, малограмотная – 205.

Пашова Матрена Кузьминична, 1877/1878 г.р., неграмотная – 206, 206а.

Петикова Мария Даниловна, 1868 г.р., родом из д. Конда – 207.

Познякова (Позднякова) Александра, 1914 г.р. – 208.

Попова Анастасия (Настасья) Афанасьевна, около 1846 г.р. с Масельги бывш. Повенецкого уезда – 209.

Порожская Анна Егоровна, 1867 г.р. – 210.

Потапова Анна Егоровна, 1887 г.р., родом из д. Ежгуба – 211.

Прохоров Петр, около 1826 г.р., родом из д. Черный Наволок – 212.

Прохорова Матрена Андреевна, 1900 г.р., родом из д. Бураково Пудожского района – 213.

Пудина Анна Павловна, 1889 г.р. – 214.

Ражикова Пелагея Захаровна, 1888 г.р., грамотная – 215.

Разбивная Ксения Васильевна, дочь В. П. Шевелева (Щеголенка) – 216.

Рогозина (Рагозина, Рогожина) Маланья Павловна, 1884 г.р., грамотная, дочь П. С. Семенова – 217, 217а.

Рогозина (Рагозина) Мария Васильевна, 1910 г.р., грамотная – 218, 218а, 218б, 218в.

Романов Кузьма (Козьма) Иванович, около 1781/1786 г.р., умер до 1885 г., родом из д. Лонгасы – 219, 219а, 219б, 219в, 219г, 219д.

Романова Анна Дмитриевна, 1899 г.р. – 220.

Ромбачева Александра Яковлевна, 1918 г.р., грамотная – 221.

Румзина Анна Васильевна, 1900 г.р., родом из д. Падмозеро, грамотная – 222.

Рябинин Иван Трофимович, родился в 1846 г. в д. Потаневская (д. Середка), умер 2 февраля 1908/1909 г. в д. Гарницы, грамотный, сын Т. Г. Рябинина – 223, 223а, 223б, 223в.

Рябинин Кирик Гаврилович, 1855 г.р., родом из д. Потаневская (д. Середка), умер после 1926 г., грамотный, сын Г. Т. Рябинина, внук Т. Г. Рябинина, племянник И. Т. Рябинина – 224, 224а.

Рябинин Михаил Кирикович, родился в 1897 г. в д. Середка, умер 5 августа 1971 г. в п. Бернгардовка под Ленинградом, грамотный, сын К. Г. Рябинина, внук Г. Т. Рябинина, правнук Т. Г. Рябинина, племянник И. Т. Рябинина – 225, 225а, 225б, 225в, 225г.

Рябинин Петр Васильевич, 1903 г.р., родом из д. Гарницы, грамотный, сын В. Т. Рябинина, внук И. Т. Рябинина – 226.

Рябинин Трофим Григорьевич, родился 15 апреля (по старому стилю) 1801 г. в д. Дмитровская (д. Гарницы), умер 14 февраля 1885 г. в д. Потаневская (д. Середка) – 227, 227а, 227б, 227в, 227г, 227д, 227е, 227ж.

Рябинин-Андреев Иван Герасимович, родился в 1873/1874 г., умер в ночь с 26 на 27 февраля (по старому стилю) 1926 г. в д. Гарницы, грамотный, сын Г. Я. Андреева, пасынок И. Т. Рябинина – 228, 228а, 228б.

Рябинина-Андреева Марфа Петровна, 1874 г.р., жена И. Г. Рябинина-Андреева, мать П. И. Рябинина-Андреева – 228.

Рябинин-Андреев Петр Иванович, родился в 1905 г. в д. Гарницы, умер в 1953 г. в Петрозаводске, грамотный, сын И. Г. Рябинина-Андреева, внук И. Т. Рябинина – 229, 229а, 229б, 229в.

Рябов Павел Петрович, 1902 г.р., родом из д. Фоймогуба – 230.

Ряскина Анна Андреевна, 1904 г.р. – 231.

Ряскина Анна Федоровна, 1885 г.р. – 232.

Савельева Евдокия (Авдотья) Кузьминична, 1851 г.р. – 233.

Самылин Матвей Егорович, 1879 г.р., родом из д. Артово, умер в годы ВОВ, малограмотный – 234, 234а, 234б, 234в, 234г, 234д.

Санникова Елена Федоровна, 1882 г.р., родом из д. Емичевская – 235.

Сарафанов Андрей Васильевич, родился в октябре 1820 г. в д. Гарницы, грамотный, внук Игнатия Андреева – 236, 236а, 236б.

Сарафанова Мария (Марья) Кириковна, 1881 г.р., неграмотная, дочь К. Г. Рябинина, внучатая племянница И. Т. Рябинина – 237, 237а, 237б.

Сарафанова Анастасия (Настасья) Егоровна, 1912 г.р., родом из д. Гарницы, грамотная, дочь М. М. Сарафановой – 238.

Сарафанова Мария Михайловна, 1896 г.р., родом из Кижей, грамотная, внучка А. В. Сарафанова – 238.

Сарафанова Марфа Кирилловна, 1856 г.р. – 239.

Се́вериков Петр, брат А. Северикова – мужа М. Н. Севериковой – 240.

Се́верикова Мелания (Маланья) Нефедовна, 1838 г.р., родом из д. Конда – 241, 241а.

Семенов Павел Семенович, родился в 1865 г., умер в 1926 г. в д. Леликово – 242, 242а.

Семенова Вера Павловна, 1939 г.р., родом из д. Сенная Губа – 243.

Серов Дмитрий Алексеевич, 1847 г.р., грамотный – 244.

Серова Агафья Петровна, 1891 г.р., родом из д. Дудниково, грамотная – 245.

Сигóва Анастасия Петровна, 1898 г.р., родом из д. Сибово, неграмотная – 246.

Сидоркова Ирина Яковлевна, 1881 г.р. – 247.

Силин Павел Петрович, 1920 г.р., грамотный – 248.

Силкина Александра Федоровна, 1865 г.р. – 249.

Синева Пелагея Ивановна, 1863 (по другим сведениям 1878) г.р. – 250.

Скорнякова Елена Трофимовна, 1895 г.р., грамотная – 251.

Слепой Михаил (Михайло), родился в начале, умер в конце XVIII (XIX) в. – 252.

Слепая (прозвище) **Анна Антоновна**, 1858 г.р. – 253.

Спирова Анна Васильевна, 1905 г.р., родом из д. Шуньгский Бор (погост), грамотная – 254, 254а.

Спящая Анна Степановна, 1877 г.р. – 255.

Старуха из Великогубского погоста – 256.

Стафеев Федор Иванович, 1869 г.р. – 257.

Стафейкова Анна Федоровна, 1882 г.р., ст. сестра Е. Ф. Стафейковой – 258.

Стафейкова Евдокия (Авдотья) Федоровна, (Федотовна?) 1889 г.р. – 259.

Суриков Антон Борисович, 1851/1859 г.р., умер в июле 1931 г. – 260, 260а, 260б, 260в, 260г.

Суриков Егор Борисович, 1866/1870 г.р., малограмотный, брат А. Б. Сурикова – 261, 261а, 261б, 261в.

Сурикова Домна Васильевна, родилась 20 января 1834 г., неграмотная, мать А. Б. и Е. Б. Суриковых, сестра Г. Васильева – 262, 262а, 262б.

Сурикова Клавдия Антоновна, 1910 г.р., невестка Е. Б. Сурикова – 263.

Сурикова Серафима, родом из д. Конда, родственница А. Б. и Е. Б. Суриковых – 264.

Теребова Анна Николаевна, 1908/1909 г.р., родом из д. Вырозеро, грамотная – 265.

Тимина Анастасия Ивановна, родом из д. Онтова, дочь Е. И. Куваниной – 266.

Тимофеев Андрей (прозвище «Кумóха»), около 1811 г.р. – 267, 267а, 267б.

Тифакина Анастасия Петровна, 1887 г.р., неграмотная – 268.

Тихонова Агафья Андреевна, 1887 г.р., неграмотная – 269.

Тихонова Анна Ивановна, 1910/1920 г.р., малограмотная – 270.

Тихонова Анна Лукинична, 1909 г.р., грамотная – 271.

Тихонова (Тихонкова) Анна Тимофеевна, 1870/1872 г.р., родом из д. Вертилово, неграмотная – 272, 272а, 272б.

Трегубова Евдокия Лукинична, 1889 г.р. – 273.

Трепалина Пелагея, 1848 г.р., неграмотная – 274.

Трофимова Анастасия Андреевна, 1893 г.р. – 275.

Трошкова Ольга Михайловна, 1888 г.р., неграмотная – 276.

Трухавая (Труховая?) Агриппина Федоровна, 1878/1879 г.р., неграмотная – 277, 277а, 277б.

Тухина Татьяна Митрофановна, 1907 г.р., родом из п. Великая Губа, малограмотная – 278.

Ульянов Евдоким Яковлевич, 1836 г.р. – 279.

Ульянов Михаил Евдокимович, 1886 г.р., сын Е. Я. Ульянова – 279.

Устинова Анна Васильевна, 1904 г.р. – 280.

Фадеева Прасковья (Парасковья) Григорьевна, 1898 г.р. – 281.

Фалеева Евдокия Ивановна, 1920 г.р., родом из д. Дианова Гора, грамотная – 282.

Фалеева Марфа Сергеевна, 1920 г.р., родом из д. Никонова Гора, грамотная – 283.

Федосова Ирина (Иринья) Андреевна, родилась 17 апреля 1827 г. в д. Софроновская, умерла 10 июля 1899 г. в д. Кузаранда – 284, 284а, 284б, 284в, 284г, 284д, 284е.

Федькина Акулина Максимовна, 1883 г.р., неграмотная – 285.

Филина Матрена Григорьевна, 1872 г.р. – 286.

Филиппова Пелагея Никитична (Никитишна), 1853 г.р., неграмотная – 287, 287а.

Филькина Анна Игнатьевна, 1873/1874 г.р. – 288.

Филькина Мария Яковлевна, 1908 г.р., грамотная, дочь А. И. Филькиной – 289.

Фомина Ксения (Аксинья) Кузьминична (Кузминишна), около 1841 г.р. из д. Рим (Римская) бывш. Повенецкого уезда – 290.

Фролов Иван Дмитриевич, 1905 г.р., родом из д. Демеховская – 291.

Харина Фекла Александровна (Андреевна?), 1901 г.р., родом из д. Мельзинская (Кузаранда), Мяльзино (?), грамотная – 292.

Хопова Мария Яковлевна, 1870 г.р. – 293.

Царев Петр Павлович, 1857 г.р., из д. Северская Пудожского района, малограмотный – 294.

Чванов Илья Григорьевич, 1869 г.р. – 295.

Черепова Анна Степановна, 1874 г.р., родом из д. Высокая Нива – 296.

Чивина Феодосия (Федосья), 1850 г.р., мать М. П. Рябининой-Андреевой, бабушка П. И. Рябинина-Андреева – 297.

Чиркин Николай Степанович, 1907 г.р., родом из д. Вороний Остров, грамотный – 298.

Чиркина Анастасия Федоровна, 1912/1913 г.р., родом из д. Кибитка – 299.

Чуков Абрам Евтихиевич (Чуккоев у Рыбникова), прозвище «Бутылка», 1812 г.р., из д. Горка бывш. Повенецкого уезда – 300, 300а, 300б, 300в, 300г.

Шамшина Наталия (Наталья) Егоровна, 1879 г.р. – 301.

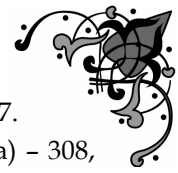
Шангина Надежда Петровна, 1918 г.р., родом из г. Вытегра Вологодской области – 302.

Шаторина Александра Ильинична (Ивановна?), 1884 г.р. – 303.

Шевелев (Щеголенок) Василий Петрович (Щеголенков у Рыбникова), родился в 1817 г., умер в 1894 г., грамотный – 304, 304а, 304б, 304в, 304г, 304д.

Шильникова Александра Степановна, 1910 г.р., родом из д. Сибово, малограмотная – 305.

Шлыкова Степанида Матвеевна, 1879 г.р., неграмотная – 306.

Юхова Агафья Кузьминична, около 1861 г.р., невестка П. Г. Юховой – 307.

Юхова Прасковья Гавриловна, племянница В. П. Шевелева (Щеголенка) – 308, 308а, 308б.

Яковлева Екатерина Петровна, 1878 г.р. – 309.

Якушкина Ксения (Аксинья) Ивановна, 1878 г.р., неграмотная – 310.

Ярицына Александра Петровна, 1888 г.р., неграмотная – 311.

Ярицына Прасковья Ивановна, родилась в 1890 г. в д. Набережье, умерла 17 декабря 1965 г. в Москве, грамотная – 312, 312а.

Ястребова Александра Кирилловна, 1855 г.р., неграмотная – 313.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агренева-Славянская – Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: голосильными, причитальными и завывальными. В трех частях. Ч. I. М., 1887; ч. II. Тверь, 1887; ч. III. Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; былины и легенды, старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы и прибаутки. М., 1889.

Азадовский, 1947 – Русские сказки в Карелии (старые записи) / Подгот. текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1947.

Азбелев, 1984 – Былины / Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. С. Н. Азбелева. Л., 1984.

Азбелев, 1986 – Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. Л., 1986.

Азбелев, 1992 – Народная проза (Биб-ка русского фольклора. Т. 12) / Сост. С. Н. Азбелев. М., 1992.

АКНЦ РАН; АКарНЦ – Архив Карельского научного центра Российской Академии наук.

Андреев, 1938 – Былины. Русский героический эпос / Вступ. статья, ред. и примеч. Н. П. Андреева. М., 1938.

Андреев, 1938а – Русский фольклор. Хрестоматия. М., 1938.

Андреев, 1941 – Русские сказки в КФССР / Фольклор КФССР. Сб. статей. Вып. I – Русский фольклор под ред. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941.

Астахова, 1927 – Былина в Заонежье // Крестьянское искусство ССР. Вып. I. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927.

Астахова, 1935 – Эпическая поэзия. Биб-ка поэта, малая серия. № 1 / Под общ. ред. М. К. Азадовского. Статьи, ред. и примеч. А. Астаховой и Н. Андреева. М., 1935.

Астахова, Т. I, II – Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1938; Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Астахова, 1941 – Астахова А. М. Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой. (Некролог) / Советский фольклор. Сб. статей и материалов. № 7. М.; Л., 1941.

Астахова, 1941а – Астахова А. М. Былины в Карело-Финской ССР / Фольклор КФССР. Сб. статей. Вып. I. Русский фольклор под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941.

Астахова, 1947 – Избранные былины / Подгот. текстов, статья, коммент. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1947 (Биб-ка русского фольклора Карелии. Под общ. ред. А. М. Астаховой и В. Базанова).

Астахова, 1947а – Северные исторические песни / Подгот. текста, статья и примеч. А. Астаховой. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1947.

Астахова, 1948 – Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Ст. А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1948.

Астахова, Шахматова, 1948а – Былины и причитания в записи А. А. Шахматова / Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан, предисл. М. Азадовского. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1948.

Астахова, 1958 – Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958 (Серия «Литературные памятники»).

Базанов, 1939 – Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1939.

Базанов, 1943 – Былины о Красной Армии / Под ред. В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1943.

Базанов, 1945 – Базанов В. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945.

Базанов, 1945а – Избранные причитания. Подгот. текста и вступ. статья В. Базанова. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1945.

Базанов, 1947 – Базанов В. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947.

Базанов, Разумова, 1962 – Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступ. статья и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962.

Базанов, 1981 – Базанов В. Поэзия Русского Севера. Карельские статьи и очерки. Петрозаводск, 1981.

Баландин, 1983 – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Сост., вступ. статья и коммент. А. И. Баландина. Архангельск, 1983.

Балашов, 1963 – Народные баллады / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963.

Барсов, 1-е изд. – Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872; Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882; Ч. III. Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные / Чтения Об-ва Истории и Древностей Российских (ЧОИДР) при Московском ун-те. М., 1885. Вып. 3, 4.

Барсов, 2-е изд. – Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Похоронные причитания. Дополнения: Письмо И. А. Федосовой Е. В. Барсову; похоронные причитания И. А. Федосовой в записи О. Х. Агреневой-Славянской; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания. Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Отв. ред. А. М. Астахова. СПб., 1997.

Барсов, 1872 – Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым. М., 1872.

Барсов, 1873 – Барсов Е. В. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии: Об Олонецком песнотворчестве – Былины. – Духовные стихи. – Свадебные обычаи и песни в Толвуйской волости. С примеч. д. чл. Л. Н. Майкова (=Записки императорского Русского географического общества, по отделению этнографии. Т. 3. Под ред. д. чл. Л. Н. Майкова). СПб., 1873.

Барсов, 1877 – Барсов Е. В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1877. № 9.

Бахтин, 1956 – Бахтин В. В Космозеро за песнями (Записки фольклориста) // На рубеже. 1956. № 6.

Бахтин, 1957 – Бахтин В. С. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга (Былины И. А. Касьянова) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1957.

Бахтин, 1997 – Бахтин В. С. Последний в династии сказителей? // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры русского севера «Рябининские чтения-95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Бахтина, 2000 – Бахтина В. А. Духовные стихи в свете повторных записей / Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. научн. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Белованова, Разумова, 1947 – Фольклор советской Карелии / Подгот. текстов к печати и примеч. А. Беловановой и А. Разумовой. Вступ. статья В. Базанова. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1947.

Беседа – «Беседа». Журнал.

Богомолов, 1954 – Былины, 3-е изд. / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Б. И. Богомолова (Биб-ка поэта. Малая серия). Л., 1954.

Бородин-Саргиджан, 1929 – Бородин-Саргиджан С. П. Былинные края // Художественный фольклор. Под ред. Ю. Соколова. Вып. IV–V. М., 1929.

Булатов, 1938 – Былины / Ред. и примеч. М. Булатова. М.; Л., 1938.

Васильев, 1907 – Васильев Н. В. Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. Олонецкий сказитель Василий Щеголенок // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1907. Т. XII, кн. 2. СПб., 1907.

Виноградов, 1906 – Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка. Томск, 1906.

Виноградов, 1937 – Русские плачи (причитания). Вступ. статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Ред. текстов и примеч. Г. С. Виноградова. Л., 1937.

Виноградов, Лозанова, 1941 – Виноградов Г. С. и Лозанова А. Н. Плачи и сказы // Фольклор Карело-Финской ССР. Сб. статей. Вып. I. Русский фольклор. Под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941.

Виноградов С., 1958 – Виноградов С. А. Новые документы о знаменитом заонежском сказителе // Ленинская правда. Петрозаводск, 1958, 23 ноября.

Виноградов С., 1960 – Виноградов С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. V. М.; Л., 1960.

Власова, 1991 – Власова З. И. Принципы текстологической работы А. Ф. Гильфердинга // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т. 26.

ВОВ – Великая Отечественная война.

Водовозов, 1955 – Былины / Вступ. статья и примеч. Н. В. Водовозова. М., 1955.

Воробьева, 1997 – Воробьева С. В. Биография сказителя Т. Г. Рябинина (По материалам ЦГАРК) // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Воробьева, 2000 – Воробьева С. В. К вопросу о семейной традиции сказительства: круг И. Андреева и К. Савинова // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Всеволодский-Гернгросс, 1948 – Всеволодский-Гернгросс В. Запись былин от И. Г. Рябинина в 1921 г. // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подгот. текста и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Всемирная – «Всемирная иллюстрация». Журнал. СПб.

ГАХН – Государственная Академия художественных наук.

Г**ИИИ** – Государственный институт истории искусств.

Гильфердинг, 1872 – Гильфердинг А. Ф. Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин // Русская старина. 1872. Т. V. № 3.

Гильфердинг, 1-е изд. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.

Гильфердинг, 2-е изд. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Т. I. 1894; Т. II. 1896; Т. III. 1900.

Гильфердинг, 3-е изд. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова. Отв. ред. М. К. Азадовский. М.; Л.: Т. II. 1938; Т. III. 1940.

Гильфердинг, 4-е изд. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Т. I. 1949; Т. II. 1950.

ГорОНО – Городской Отдел народного образования.

Грановский Б., Грановский И. – Грановский Б., Грановский И. Репин рисует сказителей Т. Г. и И. Т. Рябининых // Музыкальная жизнь. 1960. № 18.

Грузинский, 1909 – Грузинский. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е изд. Т. I. М., 1909.

Гудков, Леви, 1941 – Песни народов КФССР. Сб. карельских, вепсских и русских песен. Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941.

Гущин, Гущина, 1992 – Гущин Б., Гущина В. Первая экспедиция музея «Кижи» в Заонежье // Заонежский сборник. Научн. ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов. Петрозаводск, 1992.

День – «День». Газета. СПб.

Живая старина – «Живая старина». Журнал. СПб.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

Захарова, 1997 – Захарова О. В. Как сказывали былины в эпической традиции Рябининых-Андреевых // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Захарова, 1997а – Захарова О. В. Наследие Рябининых-Андреевых в курсе «этнология русской музыки» // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Знамя – «Знамя». Журнал. Петрозаводск.

Иванова, 2000 – Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Игрушечка – «Игрушечка». Детский иллюстрированный журнал для младшего возраста. СПб.

Истомин, Дютш, 1894 – Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.

Исторические песни XVII в. – Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шепталов. Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1966.

Исторические песни XVIII в. – Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и И. Емельянов. Гл. ред. А. М. Астаховой, В. Г. Базанова, А. Д. Соймонова. Л., 1971 («Памятники русского фольклора»).

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Калашникова, 2001 – Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары. К 200-летию Т. Г. Рябинина // Живая старина. 2001. № 1.

Калугин, 1978 – Калугин В. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Север. 1978. № 8.

Калугин, 1986 – Былины. Сост., автор предисловия и вводных текстов В. И. Калугин. М., 1986.

Карелия – «Карелия»: Литературно-художественный альманах Карельского союза советских писателей. Петрозаводск.

Карельский, 1938 – Сказания о героях Арктики. Сост. А. Карельский. Петрозаводск, 1938.

Карнаухова, 1927 – Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство ССР. Вып. I. Заонежье (Заонежская экспедиция). Л., 1927.

Карнаухова, 1934 – Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. Под общ. ред. Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934.

КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской Академии наук.

КГПИ – Карельский государственный педагогический институт (ныне университет).

Кийранен, 1955 – Кийранен И. Петрозаводск. Изд. 2-е. Петрозаводск, 1955.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. Об-ва любителей российской словесности при Московском университете. М., 1860–1862. Ч. 1. Вып. 1–4; М., 1863–1868. Ч. 2. Вып. 5–7; М., 1870–1874. Ч. 3. Вып. 8–10.

КНИИК – Карельский научно-исследовательский институт культуры.

Комсомолец – «Комсомолец». Газета. Петрозаводск.

Колпакова, 1927 – Колпакова Н. П. Песня на Шуньгском полуострове (литературная эволюция) // Крестьянское искусство ССР. Вып. I. Заонежье. Л., 1927.

Колпакова, 1975 – Колпакова Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975.

Кораблев, 1997 – Кораблев Н. А. «Олонецкие губернские ведомости» о поездке И. Т. Рябинина по России и странам зарубежной Европы в 1902 г. // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Коренной, 1918 – Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.

Краснопольская, 1977 – Песни Карельского края. Сост. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.

Криничная, 1977 – Криничная Н. А. Могила сказителя И. Т. Рябинина. Село Сенная Губа, старое кладбище // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Криничная, Фролов, 1977а – Криничная Н. А., Фролов А. И. Место, где стоял дом, в котором жили сказители И. Т. Рябинин, И. Г. Рябинин-Андреев и П. И. Рябинин-Андреев. Деревня Гарницы Западные // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Криничная, 1977б – Криничная Н. А. Место, где похоронен сказитель Т. Г. Рябинин. Остров Кижи, Кижский погост // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Криничная, 1977в – Криничная Н. А. Могила сказителя И. Г. Рябинина-Андреева. Село Сенная Губа, старое кладбище // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Криничная, 1978 – Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л., 1978.

Криничная, 1989 – Легенды. Предания. Бывальщины. Сост., подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Н. А. Криничной. Рецензент С. Н. Азбелев. М., 1989.

Криничная, 1991 – Предания Русского Севера. Изд. подгот. Н. А. Криничная. Отв. ред. Ю. И. Юдин. Рец. Е. М. Неелов, Т. И. Сенькина. СПб., 1991.

Криничная, 1992 – Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия // Заонежский сборник. Научн. ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов. Рец. А. А. Кожанов, А. П. Конкка. Петрозаводск, 1992.

Криничная, 1995 – Криничная Н. А. Жил в Кижской волости крестьянин… (Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия) / Сост., биогр. очерк, подгот. текстов и словарь Н. А. Криничной. СПб., 1995.

Криничная, 1997 – Криничная Н. А. Феномен сказительского искусства: к реконструкции становления Т. Г. Рябинина как певца былин (Некоторые аспекты изучения) // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Криничная, 2000 – Криничная Н. А. Становление сказителя: роль общинного начала // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Кузнецова, 1977 – Кузнецова В. П. Место, где родился и жил сказитель В. П. Шевелев (Щеголенок). Деревня Боярщина // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Кузнецова, Ковыршина, 2000 – Кузнецова В. П., Ковыршина Ю. И. А. Федосова и вырозерская школа причитальщиц // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Кузнецова, Логинов, 2001 – Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Научн. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск, 2001.

Курец, 2000 – Русские заговоры Карелии. Сост., вступ. статья, примеч., словарь Т. С. Курец. Научн. ред. Н. А. Криничная. Рец. А. В. Пигин, В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2000.

Ленинское знамя – «Ленинское знамя». Газета. Петрозаводск.

ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт.

Лит.-эстрадн. сб., 1938 – Литературно-эстрадный сборник. М.; Л., 1938.

Логинов, 1993 – Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Рец. А. К. Байбурин, И. Ю. Винокурова. СПб., 1993.

Лозанова, 1928 – Лозанова А. Н. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

Лойтер, 1997 – Лойтер С. М. Детская повествовательная традиция // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Лойтер, 2000 – Лойтер С. М. Второе издание «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Лойтер, 2001 – Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Исследование и тексты. Рец. Е. М. Неелов, А. В. Пигин. Петрозаводск, 2001.

Лосев, 1902 – Лосев С. О выступлении Н. С. Богдановой на съезде инспекторов народных училищ в Петрозаводске 9 июля 1902 г. / ОГВ. 1902. № 81.

Ляцкий, 1894 – Ляцкий Е. Иван Трофимович Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение, кн. XXIII, вып. IV. М., 1894 [=Ляцкий Е. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895. (отд. оттиск из «Этнографического обозрения». М., 1894)].

Ляцкий, 1911 – Былины, старинки богатырские. Вступ. статья Е. А. Ляцкого. СПб., 1911.

Маркова, 1989 – Маркова Е. И. М. Горький и И. Федосова. Препринт доклада на заседании Президиума Карельского филиала АН СССР 26 сентября 1989. Петрозаводск, 1989.

Миллер, 1897 – Миллер Вс. Очерки русской народной словесности. М., 1897.

Миллер, 1908 – Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.

Миллер, 1915 – Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI–XVII вв. Пгр., 1915.

Михайлов, 1940 – Русские плачи Карелии / Подг. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

Мошина, 2000 – Мошина Т. А. Сказитель из Космозера Иван Касьянов // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Народное творчество, 1938 – «Народное творчество». Сб. текстов. Петрозаводск, 1938.

На рубеже – «На рубеже»: Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза советских писателей КФССР. Петрозаводск.

Нечаев, 1937 – Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии. Изд. 1-е / Ред. и вступ. статья А. Нечаева. Петрозаводск, 1937.

Нечаев, 1938 – Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии. Изд. 2-е / Ред. и вступ. статья А. Нечаева. Петрозаводск, 1938.

Никифоров, 1927 – Никифоров А. И. Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 г. Л., 1927 (Отд. оттиск из Сказочной комиссии в 1926 г.).

Никифоров, 1936 – Никифоров А. И. Проблема сказочного сборника // Советский фольклор. Сб. статей и материалов. № 2–3. 1935. М.; Л., 1936.

Никифоров, 1961 – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Изд. подгот. В. Я. Пропп. Гл. редакция А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов. М.; Л., 1961.

Новиков, 1997 – Новиков Ю. А. Об истоках эпических репертуаров Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

ОГВ – Олонецкие Губернские ведомости. Петрозаводск.

Онегина, 1986 – Сказки Заонежья. Сост. Н. Ф. Онегина. Научн. ред. А. Ф. Некрылова. Петрозаводск, 1986.

О. неделя – Олонецкая неделя. Газета. Петрозаводск.

О. сб. – Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск. Вып. III. 1894.

Ончуков, 1908 – Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.) // Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908; 2-е изд. СПб., 1909.

Памятники… – Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. М., 1896. Т. II.

ПГУ – Петрозаводский государственный университет.

Песни, 1941 – Песни народов Карело-Финской ССР. Сб. Петрозаводск, 1941.

Петровский – Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. Спец. научн. ред. О. Д. Митрофанова. Изд. 3-е стереотипное. М., 1984.

ПК – Памятная книжка Олонецкой губернии. Петрозаводск.

Правда – «Правда». Газета. Москва.

Пропп-Путилов, Т. 1, 2. Былины в 2-х томах / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.

Путилов, 1957 – Былины. Изд. 2-е. Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1957 (Биб-ка поэта. Большая серия).

Путилов, Добровольский, 1960 – Исторические песни XIII–XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

Путилов, 1962 – Народные исторические песни / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962.

Путилов, 1986 – Былины. Изд. 3-е. Вступ. статья, составл., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1986.

Путилов, 1997 – Путилов Б. Н. Эпические певцы Заонежья и типология северно-русского сказительства // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Разумова, 1977 – Разумова А. П. Место, где родилась, жила и умерла сказительница Н. С. Богданова. Пустошь Зиновьево // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977.

Разумова, 1995 – Дети – сказочники. Сост. И. А. Разумова. Петрозаводск, 1995.

РГО – Русское Географическое общество.

Римский-Корсаков Н. А., 1910 – Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 1844–1906. 2-е изд. СПб., 1910.

Русская беседа – «Русская беседа». Журнал. СПб.

Русская старина – «Русская старина». Журнал. СПб.

Русские плачи, 1937 – Русские плачи (причитания). Вступ. статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Ред. текстов и примеч. Г. С. Виноградова. Л., 1937.

Русский фольклор, 1935 – Русский фольклор. Крестьянская лирика. Общ. ред. М. Азадовского. Вступ. статья Е. Гиппиуса и З. Эвальд. Л., 1935.

Рыбников, 1-е изд. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. I; 1862. Ч. II; Петрозаводск, 1864. Ч. III; СПб., 1867. Ч. IV.

Рыбников, 2-е изд. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. I–II; 1910. Т. III.

Рыбников, 3-е изд. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Изд. подгот. А. П. и И. А. Разумовы, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1; 1990. Т. 2; 1991 Т. 3.

Санкт-Петербургские ведомости – Газета.

Сборник народных песен, сказок, сказов, 1938 – Сборник народных песен, сказок, сказов и воспомин. о легендарном герое Гражданской войны В. И. Чапаеве. М., 1938.

Север – «Север». Литературно-худож. и общественно-политический журнал Союза писателей… Петрозаводск.

Сенькина, 1977 – Сенькина Т. И. Место, где была похоронена сказительница И. А. Федосова. Деревня Юсова Гора, сельское кладбище // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. КАССР. М., 1977.

Сказители-орденоносцы, 1939 – Сказители-орденоносцы Советской Карелии Ф. А. Конашков, М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев. Петрозаводск, 1939.

Смирнов, Смолицкий, 1974 – Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974 (Серия «Литературные памятники»).

Смирнов, Смолицкий, 1978 – Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978 (Серия «Литературные памятники»).

Смирнов, 1997 – Смирнов Ю. И. Две версии былины «Илья Муромец и Калин-царь» у Трофима Рябинина // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Смирнов, 2000 – Смирнов Ю. И. Странная былина Трофима Рябинина // Мастер и народная худож. традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения - 99»). Петрозаводск, 2000.

Смолицкий, 1997 – Смолицкий В. Г. П. И. Рябинин в работе над «советскими» былинами // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Соболевский – Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1901. Т. 1–7.

Советская этнография – «Советская этнография». Журнал. М.

Советский фольклор – Советский фольклор. Сб. статей и материалов. № 4–5. М.; Л., 1936.

Соколов Б., 1918 – Былины / Исторический очерк, тексты и коммент. Б. М. Соколова. М., 1918.

Соколов Б., 1924 – Соколов Борис. Сказители. М., 1924.

Соколов Ю., 1927 – Соколов Ю. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. Под ред. Ю. Соколова. Т. II; III. М., 1927.

Соколов Ю., 1937 – Былины. Сб. для учащихся средней школы. Сост. Ю. М. Соколов, под ред. Б. М. Володина. М., 1937.

Соколов Ю., 1941 – Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

Соколов, Чичеров, 1948 – Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч., словарь, статья В. И. Чичерова. М., 1948.

Соколов Ю., 1948а – Соколов Ю. М. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Летописи Госуд. Литературного Музея. Т. XII. М., 1948.

Соколова, 1951 – Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного). Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951.

Сперанский, т. I, II – Русская устная словесность. Под ред. с вводными статьями и примеч. М. Н. Сперанского. М., 1916. Т. I; 1919. Т. II.

Срезневский, 1934 – Срезневский В. И. Язык и легенды в записях Л. Н. Толстого // Сб. статей «С. Ф. Ольденбургу». Л., 1934 (Записи Л. Н. Толстого народных легенд и рассказов от карельского сказителя В. П. Щеголенка).

Стронк, 1971 – Стронк Г. Встречи с натурой // Север. 1971. № 9.

Тихонравов, Миллер, 1894 – Русские былины старой и новой записи. Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894.

Толстой Л., Стасов, 1929 – Лев Толстой и В. В. Стасов: Переписка 1878–1906 / Ред. и примеч. В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Л., 1929.

Труды Моск. Арх. об-ва – Труды Московского Археологического общества. Т.VII, вып. 3. 1878.

Тупицына, 1965 – Тупицына (Степанова) А. С. Певец былин // «Комсомолец», 16 февраля 1965 г.

Ухов, 1957 – Былины / Вступ. статья, подбор текстов и примеч. П. Д. Ухова. Под ред. В. И. Чичерова. М., 1957.

Федосова, 1937 – Федосова Ирина. Причитания (избранные). Петрозаводск, 1937.

Фольклор КФССР – Фольклор Карело-Финской ССР. Сб. статей, вып. I. Русский фольклор под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941.

Фон. – Фонотека ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Фролов, 1977 – Фролов А. И. Центр народного художественного промысла – заонежской вышивки. Село Шуньга // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР (Памятники культуры). КАССР. М., 1977.

Фролов, 1977а – Дом, в котором жила и работала вышивальщица П. И. Ярицына. Село Набережье // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР (Памятники культуры). КАССР. М., 1977.

ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Карелия.

Черняева, 1981 – Русские эпические песни. Памятники фольклора / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Научн. ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1981.

Чистов, 1940 – Народное творчество КФССР. Записи 1937–1938 гг. // Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. В. Чистова. Под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940.

Чистов, 1955 – Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Под ред. проф. В. И. Чичерова. Петрозаводск, 1955.

Чистов, 1958 – Перстенек – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Сост., вступ. статья и коммент. К. Чистова. Научн. ред. Н. Полищук. Петрозаводск, 1958.

Чистов, 1960 – Причитания. Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова. Подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960.

Чистов, 1980 – Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.

Чистов, 1982 – Чистов К. В. Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Чистов, 1988 – Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988.

Чистов, 1997 – Чистов К. В. «„Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым," в истории русской культуры» / Барсов, 2-е изд. Т. I. 1997.

Чистов, 1997а – Чистов К. В. Воспоминания о П. И. Рябинине-Андрееве // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Чичеров, 1982 – Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. Отв. ред. В. П. Аникин. М., 1982.

Чудовищные злодеяния – Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР. Сб. документов и материалов. Изд-во КФССР. 1945.

Шайжин, 1906 – Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906.

Шайжин, 1907 – Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описании туристов. Сост. Н. С. Шайжин. Петрозаводск, 1907.

Шайжин, 1910 – Шайжин Н. С. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910.

Шайжин, 1910а – Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания. Петрозаводск, 1910 (Отд. оттиск из ПК Олонецкой губернии на 1910 г.).

Шайжин, 1911 – Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Н. С. Богдановой // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 г. Петрозаводск, 1911.

Шайжин, 1911а – Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись). Петрозаводск, 1911 (Отд. оттиск из ПК Олонецкой губернии на 1911 г.).

Шахматов, 1948 – Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан; предисл. М. Азадовского. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1948.

Шилов, 1997 – Шилов Н. И. Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании Музея-заповедника «Кижи» // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения - 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.

Chettèoui W. Un rapsode russe Rjabinin le père: La byline au XIX-e siècle. Paris, 1942. 256 p.

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ

№ 4 – Алешина Татьяна Федоровна, 69 лет, п. Ламбасручей, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/103 – фотоальбом, л. 2).

№ 13 – Андрианов Кузьма Дмитриевич, д. Конда, 1931 г. Фото: Н. Котляровой (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 73 – дневник, л. 66).

№ 13а – Андрианов Кузьма Дмитриевич, д. Конда (АКНЦ, Ф. 1, оп. 45. № 66 – фотоальбом, л. 1).

№ 24 – Белова Анна Александровна, 64-х лет, с. Шуньга, 1992 г. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 187].

№ 29 – Благочинная Александра Лукинична, 76 лет, д. Лебещина, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 31 – Богданова-Зиновьева Анастасия Степановна (Из кн.: Былины Севера. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье. Подг. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Вставка между с. 44–45).

№ 31а – Богданова-Зиновьева Анастасия Степановна, д. Зиновьево (АКНЦ, К. 122/(Т.1) 5, л. 20).

№ 34 – Бочанова Ася, 9 лет, с. Великая Губа, 1980 г. (Из личного архива В. П. Кузнецовой).

№ 43 – Васильева Екатерина Алексеевна, д. Карасозеро (АКНЦ, Ф. 1, оп. 45, № 66 – фотоальбом, л. 5).

№ 45 – Галашина Александра Андреевна, 78(80) лет, д. Деригузово, 1991 г. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 104].

№ 48 – Гирина Прасковья Ивановна, 78(79) лет, с. Шуньга, 1991 г. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 68].

№ 50 – Горшков Петр Григорьевич, с. Космозеро (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 50а – Горшков Петр Григорьевич, с. Космозеро (Из кн.: Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подг. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Вставка между с. 368–369).

№ 67 – Ермолина Мария Ивановна, 62-х лет, с. Великая Губа, 1980 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142 – фотоальбом, л. 3).

№ 77 – Зиновьева Наталия Тимофеевна, 47(45) лет, д. Конда, 1931 г. Фото: Н. Котляровой (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 73 – дневник, л. 66).

№ 82 – Исаева Вера Ивановна, 76 лет, д. Кривоногово, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 93 – Касьянов Иван Аникиевич, 69 лет, с. Космозеро, 1894 г. Фото: К. К. Случевского (Из кн.: К. К. Случевский. По северо-западу России. Т. 2. По западу России. СПб., 1897. С. (390?) 393).

№ 101 – Кирьянова Акулина Михайловна, 82-х лет, п. Ламбасручей, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/107 – фотоальбом, л. 6).

№ 102 – Кирьянова Мария Яковлевна, 67 лет, п. Ламбасручей, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/113 – фотоальбом, л. 12).

№ 114 – Копосова Акулина Матвеевна, 60 (67) лет, д. Леликово, 1931 г. Фото: Забаровской (?) (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 93 – дневник, л. 18).

№ 142 – Ломтева Анастасия Михайловна, 17 лет, д. Конда, 1931 г. Фото: С. А. Лорви (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 78 – дневник, л. 1).

№ 152 – Минкина Евдокия Андреевна, 64-х лет, д. Лебещина, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 153 – Митрофанов Иван Васильевич, д. Погост (Заонежский) (АКНЦ, Ф. 1, оп. 45, № 66 – фотоальбом, л. 20).

№ 159 – Мореходов Андрей, 24-х лет, д. Леликово, 1931 г. Фото: Р. Герцман (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 61 – дневник, л. 40).

№ 184 – Никифорова Ксения Сергеевна, 65 лет, с. Великая Губа, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/112 – фотоальбом, л. 11).

№ 189 – Нуждина Вера Андреевна, 78 лет, с. Толвуя, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142 – фотоальбом, л. 11).

№ 191 – Омелина Марфа Васильевна, 98 лет, д. Верховье, 1980 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142 – фотоальбом, л. 6).

№ 194 – Осипова Александра Егоровна, 70 лет, д. Берег, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 179].

№ 195 – Осипова Анастасия Павловна, 80 лет, д. Берег, 1983 г. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 179].

№ 200 – Палтусова Анна Ивановна, 67 лет, п. Ламбасручей, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/105 – фотоальбом, л. 4).

№ 211 – Потапова Анна Егоровна, 44-х лет, д. Сенная Губа, 1931 г. Фото: Забаровской (?) (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 93 – дневник, л. 26).

№ 218 – Рогозина (Рагозина) Мария Васильевна, 16 лет, д. Деригузово, 1926 г. (Из кн.: Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подг. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Вставка между с. 444–445).

№ 223 – Рябинин Иван Трофимович (Из кн.: К. В. Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 86).

№ 223а – Рябинин Иван Трофимович (Из кн.: Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подг. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1939. Вставка между с. 16–17).

№ 227 – Рябинин Трофим Григорьевич, д. Потаневская (Середка) (Из кн.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. Вставка к с. 433).

№ 228 – Рябинин-Андреев Иван Герасимович (Из кн.: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Подг. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948. Вставка перед с. 5).

№ 228а – Рябинин-Андреев Иван Герасимович (Из кн.: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Подг. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948. Вставка между с. 12–13).

№ 229 – Рябинин-Андреев Петр Иванович (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 229а – Рябинин-Андреев Петр Иванович (справа) и Мария Ивановна Кастрова (слева) записывает былину о Чапаеве 21 января 1937 г. Фото: Константиновича (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 229б – Рябинин-Андреев Петр Иванович (АКНЦ, Ф. 1, оп. 45, № 66 – фотоальбом, л. 25).

№ 229в – Рябинин-Андреев Петр Иванович (Из кн.: Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подг. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Вставка между с. 160–161).

№ 234 – Самылин Матвей Егорович (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 242 – Семенов Павел Семенович, д. Леликово, 1926 г. (Из кн.: Онежские былины. Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подг. текстов к печати, примеч., словарь, статья В. И. Чичерова. М., 1948. С. 52).

№ 254 – Спирова Анна Васильевна, 75 лет, с. Великая Губа. 1980 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142/фотоальбом, л. 10).

№ 260 – Суриков Антон Борисович, д. Конда, 1926 г. (Из кн.: Онежские былины. Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подг. текстов к печати, примеч., словарь, статья В. И. Чичерова. М., 1948. С. 36).

№ 261 – Суриков Егор Борисович, д. Конда, 1926 г. (Из кн.: Онежские былины. Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подг. текстов к печати, примеч., словарь, статья В. И. Чичерова. М., 1948. С. 40).

№ 261а – Суриков Егор Борисович, д. Конда, 1931 г. Фото: Н. Г. Котляровой (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 73 – дневник, л. 66).

№ 265 – Теребова Анна Николаевна, 72-х лет, п. Ламбасручей, 1981 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 148/110 – фотоальбом, л. 9).

№ 282 – Фалеева Евдокия Ивановна, 71 год, с. Шуньга. Фото: В. П. Кузнецовой [Из кн.: В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 157].

№ 284 – Федосова Ирина Андреевна (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

№ 284в – 1. Федосова Ирина Андреевна в 1886 г. (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

2. Федосова Ирина Андреевна (Из кн.: Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. 2-е изд., в 2-х томах. Изд. подг. Б. Е. и К. В. Чистовы. СПб., 1997. Т. I – вставка между с. 416–417: перепечатка с фотографии Мрозовской, гравировал Шюблер, из журнала «Нива», 1895, № 5, с. 125).

3. Федосова Ирина Андреевна (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

4. Открытие памятника И. А. Федосовой в Кузаранде в 1981 г. (Из кн.: Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. 2-е изд., в 2-х томах. Изд. подг. Б. Е. и К. В. Чистовы. СПб., 1997. Т. II – вставка между с. 608–609).

№ 296 – Дом Череповой Анны Степановны в д. Леликово, в котором <в течение> 15 лет молодежь собиралась на «бесёды». Фото: Р. Герцман, 1931 г. (АКНЦ, Р. VI, оп. 1, № 61 – дневник, л. 41).

№ 298 – Чиркин Николай Степанович, 73-х лет, с. Великая Губа, 1980 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142/фотоальбом, л. 5).

№ 299 – Чиркина Анастасия Федоровна, 67 лет, с. Великая Губа, 1980 г. Фото: В. П. Кузнецовой (АКНЦ, К. 142/фотоальбом, л. 1).

№ 304 – Шевелев (Щеголенок) Василий Петрович, д. Боярщина (Из кн.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873 г. Вставка к с. 635).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 7
История собирания устного народного творчества в Заонежье 11
Материалы об исполнителях фольклорных произведений Заонежья 42
Примечания 289
Указатель исполнителей 344
Список сокращений 356
Список фотографий 368

Составитель
Тамара Сергеевна Курец

Научное издание

ИСПОЛНИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ЗАОНЕЖЬЕ. КАРЕЛИЯ)

Утверждено к печати Ученым советом
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Редактор М. А. Радостина
Оригинал-макет Г. А. Тимонен
Художник И. В. Хеглунд

Сдано в печать 21.04.08 г. Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Гарнитура Book Antiqua.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 29,98. Усл. печ. л. 30,22. Тираж 500 экз.
Изд. № 42. Заказ № 725.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50